

ДЕЙМОН НАЙТ

СУМЕРКИ
ЛЮДЕЙ

ДЕЙМОН
НАЙТ

СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ

СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ

СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ

РОМАН

ПАЛКА ДЛЯ ИДИОТА

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1996

ББК 84.7 США
Н20

Серия «Осирис» выпускается с 1991 года.

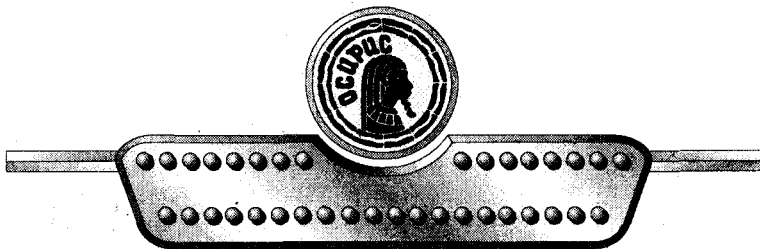
© Cover illustration by Gary Ruddell

Печатается с разрешения
художника и литературного агента
Александра Корженевского

ISBN 5-218-00151-1

© Состав, перевод, послесловие, торгово-издательское объединение «Центрополиграф», 1996 г.

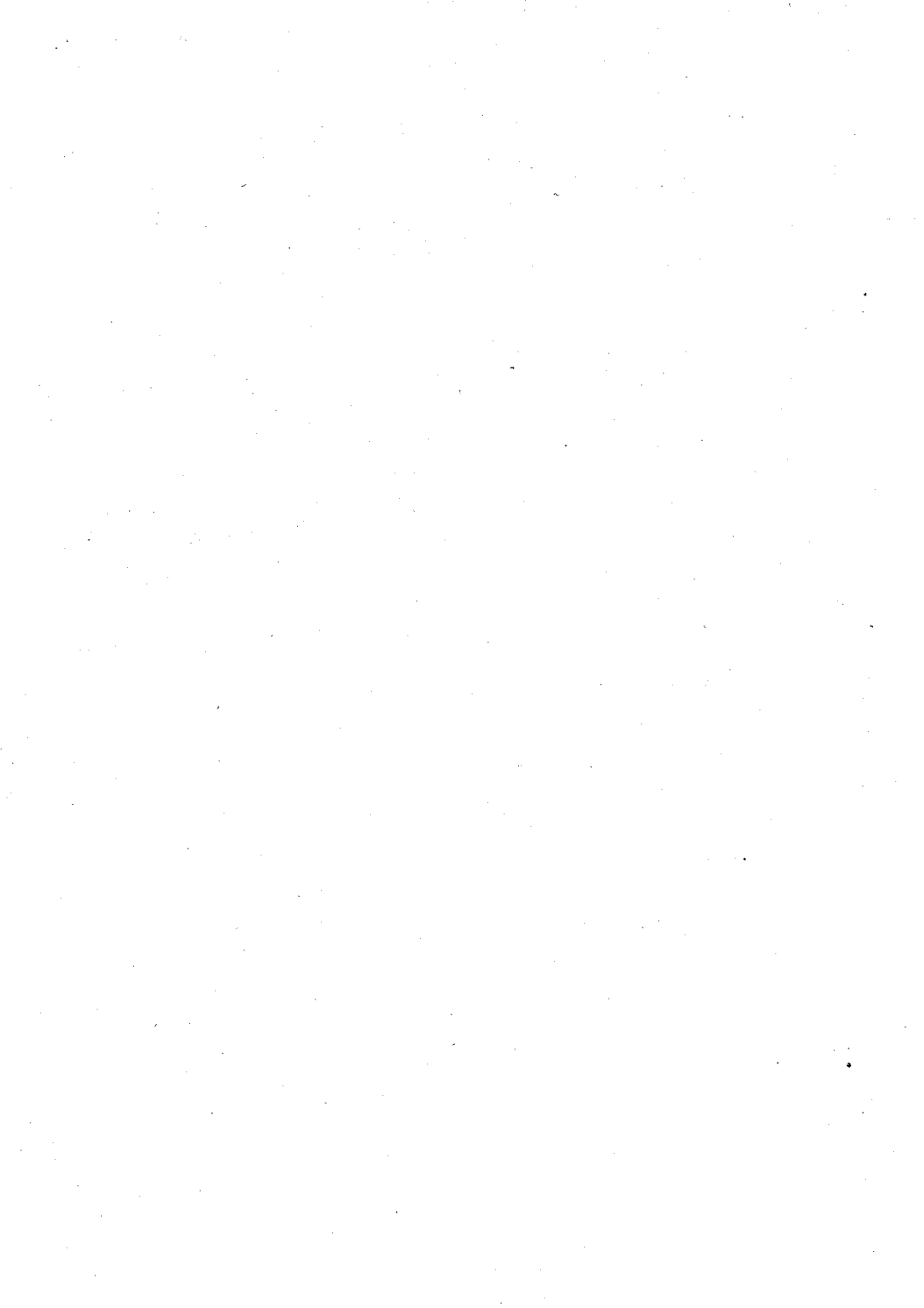
© Художественное оформление, торгово-издательское объединение «Центрополиграф», 1996 г.

СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ

РОМАН

Перевод с английского
М.К. Кондратьева

Глава 1

Надо ж было такому случиться — и не в году 312-м от р. Х., а в августе 1971-го.

Ведь именно тогда Гарри Брайтфеллер, отставной вице-президент банка и владелец симпатичнейшего двухэтажного особняка в Санта-Монике, который он делил со своей супругой и многочисленной родней, спустился по прохладным цементным ступенькам передней веранды к почтовому ящику. Для девяти утра — самая обычная процедура. В ящике оказалось с полдюжины конвертов со счетами и прочей дребеденью, а вот внизу, к несказанному удивлению хозяина дома, обнаружилась огромная картонная коробка.

Брайтфеллер поднял коробку, неторопливо прикидывая, откуда бы взяться этому подарку. Верно, жена опять заказала себе какое-нибудь барахло. Но нет — на бирке стояло его, Гарри Брайтфеллера, имя.

Обратный адрес отсутствовал. Судя по почтовой марке, отправлено не раньше вчерашнего вечера из Клируотера — городишки милях в тридцати четырех к северо-востоку от Лос-Анджелеса.

Брайтфеллер с минуту морщил лоб, но никого из знакомых в этом паршивом Клируотере так и не припомнил. Зато тут же пришли ему на память все газетные истории про бомбы, рассылаемые по почте как раз в таких вот картонных коробках, и решил попробовать потрясти. Аккуратно. Нет, бомбы обычно тянут потяжелее. Кроме того, в коробке что-то глухо постукивало.

Поразмыслив, Брайтфеллер втащил коробку в дом и поставил на пол в гостиной. Потом пододвинул к загадочной посыл-

ке стул и со всегдашней своей скрупулезностью положил в пепельницу окурочек дорогой сигары.

Тут с кухни, вытирая на ходу руки о передник, заявила Мадж, дражайшая супруга Гарри Брайтфеллера.

— А это еще что? — поинтересовалась Мадж.

— Понятия не имею, — рассеянно отозвался ее муж. Потом раскрыл перочинный ножик и стал разрезать коричневую ленточку.

— Может, хоть скажешь, откуда? — не отставала женщина.

— Понятия не имею, — невозмутимо повторил Брайтфеллер и осторожно снял крышку с коробки. Сверху оказалась изжеванная газетенка, а под ней... что-то деревянное. Причем в двух экземплярах. Сперва подумалось про настольные лампы — как раз для владельцев двухэтажных особнячков. Но нет. Ни патронов, ни абажуров. Да вдобавок еще и некрашенные.

Брайтфеллер аккуратно вытащил из картонной коробки обе вещицы и водрузил их на стол. Внимательно наблюдавшая за мужем Мадж вдруг обернулась — точно так же обернулась и ее только-только прибывшая с кухни сестра Рут. Великое дело — кровное родство. Хозяин дома, впрочем, решил оставить в стороне столь плодотворную тему для размышлений и снова углубился в созерцание неожиданных гостинцев. Н-да. Два совершенно одинаковых деревянных креста около полуметра вышиной. Каждый крест снабжен солидной деревянной подставкой, а стойки и поперечины обмотаны проводами. К подставкам обеих штукенций приклеплено по листочку с машинописным текстом. Похоже, инструкция. Текст гласил:

«ЭТО — ГАМНО

(Генерационно-Аналоговое МНОжительное устройство).

ОНО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ КОПИРУЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО.

КОПИРУЕТ ВСЕ, ЧТО ПОЖЕЛАЕТЕ —

ДАЖЕ ДРУГОЕ ГАМНО.

ДЛЯ ВВОДА В ЭКСПЛУАТАЦИЮ ПРОСТО ПРИКРЕПИТЕ ОБРАЗЕЦ
ТОГО, ЧТО ВАМ ЖЕЛАТЕЛЬНО СКОПИРОВАТЬ,
К ЛЕВОЙ ЧАСТИ ПОПЕРЕЧИНЫ
ГАМНО, КАК УКАЗАНО СБОКУ.

(На полях авторучкой был изображен аккуратный набросок.)

ЗАТЕМ НАЖМИТЕ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ —
И К ПРАВОЙ ЧАСТИ ПОПЕРЕЧИНЫ ГАМНА
ОКАЖЕТСЯ ПРИКРЕПЛЕНА КОПИЯ.
МЕРА ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ:
КОПИРУЕМЫЙ ПРЕДМЕТ
НИ С ЧЕМ НЕ ДОЛЖЕН СОПРИКАСАТЬСЯ».

В напряженном молчании Брайтфеллер дважды вдумчиво прочел инструкцию, не обращая внимания на шумное сопение нависших над ним женщин. Вообще говоря, пенсионер производил несколько странное впечатление. С одной стороны — розовощекий, как кастрируемый поросенок, дебилисто-лупоглазый, лишенный малейших признаков волевого подбородка. А с другой — в достаточной мере сильный и уравновешенный человек. Гораздо сильнее и уравновешеннее, чем могло показаться на первый взгляд.

Неспешно оглядев оба креста, Гарри Брайтфеллер осторожно перевернул их, желая посмотреть, нет ли там чего-нибудь снизу на подставках. Потом внимательно изучил все проводки.

— Шутка это, — пропыхтела у него над плечом Рут. — Просто дурацкая шутка.

— Все может быть, — невозмутимо согласился Брайтфеллер и снова сунул в рот сигару. Так, проводочки. Крепятся скобками к поперечинам обеих крестов Гамна и образуют аккуратные петельки. Именно в этих петельках и висят прелюбопытнейшие кубики из стекла и металла.

Забавные проводки составляли единую цепь. Сперва закруглялись петелькой вокруг левого стеклометаллического кубика, а потом точно такой же петелькой охватывали правый. Все прочее хозяйство, приспособленное к стойке, составляли лишь пара гальванических элементов да обычный ртутный выключатель.

Брайтфеллеру вдруг подумалось, что за полчаса он и сам сварганил бы такую штуковину. Если, понятное дело, не считать хитрых кубиков. Вот они-то его теперь и заинтересовали.

Изыскатель склонился над столом и уставился на кубики, как Хам на наготу своего папаша. Стекло, похоже, было и не стеклом вовсе, а, скорее, каким-то мутноватым пластиком. По бокам пластик покрывала медная фольга. Внизу у каждого кубика имелся медный же крючок. Брайтфеллер почему-то не сомневался, что этот стеклопластик запросто изолирует крючок от

слабого тока гальванических элементов. Получалось, что Гамно вообще ни на что не способно — не говоря уж об описанных в инструкции фантастических возможностях. Но стоило Брайтфеллеру еще раз бросить взгляд на махонькие гамбургеры типа металл-стекло-металл, как уничижительное мнение об аппарате стало мало-помалу развеиваться.

Тут раздумья хозяина дома прервал его старший сын Пит, как всегда некстати заявившийся в комнату со словами:

— Па, я возьму машину? Махну до Глендейла и сразу обратно, а? Ой, а что это за ерундовины?

— Два Гамна, — буркнул из-под сигары Брайтфеллер и нахмурился. Ну ладно. Вот он, этот крест. Здесь врубается выключатель, потом ток проходит сюда, через эти контактики, мимо левого хитрого кубика — именно мимо, а не через него, — потом сюда, потом та же история с правым кубиком — и наконец обратно к гальваническим элементам. Проклятье. Брайтфеллеру показалось, что если все-таки попробовать, то никаких глобальных катаклизмов не случится. Эх, даже руки зачесались.

— Ух ты! — Пит потянул к кресту руку с обгрызенными ногтями. — Посмотрим-ка, что за ерундовина.

Брайтфеллеру пришлось урезонить не в меру любопытного отпрыска.

— Убери лапу, — глухо пробормотал он.

— Но, па, я хочу пощупать эту электронную дуру.

— Пошупай какую-нибудь другую. А эту оставь. — Тут Брайтфеллер встал, держа в каждой руке по кресту.

— Гарри, ты что такое надумал? — сразу встревожилась его супруга.

— Пойду к гаражу, — непреклонно заявил Брайтфеллер. — Сопровождающих не требуется. — Проходя по дому, экспериментатор миновал своего только-только покинувшего постель шурина Мака. Шурин еще толком не проснулся, но тем не менее возымел достаточно любопытства, чтобы хриплым голосом поинтересоваться:

— А это чего у тебя такое?

Не удостоив Мака вниманием, Брайтфеллер пронес свои кресты через кухню и заднюю веранду. Потом, захлопнув ногой сетчатую дверь, направился через двор к подъездной аллее. Между стенкой гаража и изгородью оставалось около метра свободного пространства. А с той стороны аллеи его прикрывала

задняя стена склада пивоварни. Брайтфеллер решил, что крупных неприятностей у него не возникнет. Разве что несчастный случай с самим испытателем. Но в конце концов — чего ради мы тут живем?

Установив оба Гамна на штабель старых досок, Брайтфеллер пристально воззрился на деревянные кресты. «ДЛЯ ВВОДА В ЭКСПЛУАТАЦИЮ ПРОСТО ПРИКРЕПИТЕ ОБРАЗЕЦ ТОГО, ЧТО ВАМ ЖЕЛАТЕЛЬНО СКОПИРОВАТЬ...» Экспериментатора отчасти убедили подмеченные им несколько деталей. Первая — что на медный крючок под левой поперечиной ловко накручено проволочное колечко. Вторая — эти хитрые стеклометаллические кубики. Третья, на которую он только-только обратил внимание — две деревянные щепки на обоих крестах — совершенно одинаковые. И, наконец, четвертая, самая главная, при одной мысли о которой сердце чуть не выскочило у Брайтфеллера из груди — сам факт, что в посылке оказалось два Гамна, а не одно.

Ведь если все это хохма, то зачем посылать целых два кукиша в одной коробке? А если все это — правда? Тогда два Гамна произведут на свет третье, четвертое, пятое...

Ну ладно. Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

С хитрым блеском в глазах Брайтфеллер нашарил в кармане бумажник и вынул оттуда бумажный доллар. Потом открепил медную проволочную петельку и обернул проводком сложенный вдвое банкнот. Аккуратнейшим образом прикрепил все это дело к крючку на левой стороне Гамна. Медленно-медленно потянулся средним пальцем к выключателю. Медленно-медленно надавил.

И тут же вздрогнул от изумления. В петельке с правой поперечины Гамна висела еще одна сложенная вдвое зеленая купюра достоинством в один доллар. Висела так, будто с самого начала там и находилась.

— Господи! Господи Всемогуший! — вырвалось у оторопевшего Брайтфеллера.

Глава 2

Солнце только-только перевалило через зенит и ослепительной рамкой очерчивало предусмотрительно опущенные темные шторы. Если не считать этих сияющих рамок да ред-

ких отблесков от всевозможных аппаратов и приборов и прочих металлических достижений технического прогресса, — вся комната утопала в душном сумраке. От мучительно душной атмосферы поморщилась бы любая уборщица — плюнула бы на истертый линолеум и отправилась восвояси. Ибо в помещении этом царил решительный бардак. На лабораторном столе, будто павшие в неравной битве воины, беспорядочными грудами валялись тестеры, паяльники, напильники и прочие продукты электронной промышленности. На полу, среди скомканных бумажных листов, скопищ пыли, обрывков изолянты и разнокалиберных проводков, почетное место занимала растрепанная книжка, явно брошенная кем-то вслед за проклятиями в адрес ее автора. В дальнем углу комнаты, как раз под книжной полкой, высился целый Колизей увесистых папок и скоросшивателей, не снесших тесноты полки и разболтанности хозяина комнаты. Из-под этого Колизея торчали длинные ноги и часть туловища любителя хлеба, зрелищ и прочих житейских радостей.

Но вот свалка картонной макулатуры пришла в движение и стала рассыпаться грудой могильных плит. Вот вынырнула пыльная, как солдатский сапог, голова. Следом выползла трясущаяся рука и принялась бережно ощупывать главную часть тела. Раздался мучительный стон.

Наконец мистер Гилберт Уолл, старший научный сотрудник фирмы «Вестерн-Электроникс», с болью в душе расправил измученные члены и диким взглядом принялся озирать поле брани. Сам Уолл представлял собой еще более прискорбное зрелище. Давно не мытая взлохмаченная шевелюра. Опухший лик, припорошенный пылью. Вокруг правого глаза наливаются роскошный желтовато-синий фонарь. Уолл еще раз осторожно ощупал помятую физиономию и снова тягостно застонал.

— Вот придунок... — хрипло пробормотал бедняга.

А потом вдруг резко выпрямился, когда вокруг него, будто целая стая воронов, захлопали черными крыльями дурные предчувствия.

— Овинг! — мучительно выкрикнул Уолл. — Овинг, ты тут?

В ответ — кладбищенская тишина. С трудом разлепляя глаза, он обернулся к окну и с ужасом заметил рамочку солнечного света вокруг темных, как чужая душа, штор. Быстрый и болезненный взгляд на часы.

— Четверть второго, — в голос провыл Уолл и продолжил оглядывать окрестности. Наконец кое-как поднялся и нога за ногу доплелся до лабораторного стола. Ухватился за край спасительной столешницы и стал что-то искать. Не нашел. Тогда уже в который раз несчастный с еще более безумным видом стал озираться по сторонам.

Наконец Уолл здоровым глазом разглядел висящий у двери телефон. Не сводя упорного взгляда с желанного аппарата, с грехом пополам доковылял до трубки. Снял ее, дождался гудка и набрал нолик.

— Девушка, — голос его дрожал и срывался, — девушка, дайте, пожалуйста, Лос-Анджелес. — И назвал номер. — Натан Макдональд... Н-натан... буква «Н» — как в слове «нужник». Да, и поскорее. В темпе. Дело оч-чень срочное.

— Извините, но все линии связи с Лос-Анджелесом заняты, — пропищала чертова кукла. — Вы подождете или вам перезвонить?

Уолл сглотнул комок.

— Девушка, с вами говорит мистер Рой М. Джексон из Федерального бюро расследований. Речь идет о деле государственной важности. Так что поторопитесь.

Недолгое замешательство.

— Простите, сэр, могу я узнать ваш личный номер?

Уолл снова выругался — но уже про себя.

— Поймите, девушка, я только-только получил это задание. Так что личного номера мне еще не присвоили. Поверьте на слово. Соединяйте. И поскорее. Я должен туда дозвониться!

— Простите, сэр, но я не могу прервать разговор на линии, если у вас нет личного номера.

— Безобразие. Свяжите меня со старшей.

Вскоре в трубке послышался другой голос:

— Добрый день, сэр. Мисс Тимминс у телефона. Чем могу помочь?

Уолл еще раз как можно искреннее и убедительнее повторил свою легенду.

— Секундочку, сэр. Сейчас диспетчер соединит вас с кабинетом шефа полиции Клируотера.

— На черта мне полиция? Мне нужен Лос-Анджелес! — прогремел Уолл.

— Прошу прощения, сэр, но это все, что я могу для вас сделать. Если шеф Ундервуд за вас поручится, или если вы явитесь на телефонную станцию с удостоверением...

— Ладно. Давайте шефа, — буркнул Уолл. «Ундервуд, — мучительно припоминал он. — Ундервуд... Что-то чертовски знакомое».

Пока соединяли, новоявленного агента ФБР вдруг осенило.

— А-а, Ундервуд! Привет, Ундервуд! Это Гилберт Уолл, узнаешь? (Если чертова кукла подслушивает, пусть повесится на своем проводе.) Ну, ты-то должен меня помнить. Нас еще Норм Ходж познакомил. Ну, пару лет назад на этом масонском сборище. Так вспомнил или нет?

— Да, мистер Уолл. Конечно, мистер Уолл. Ну как не вспомнить! (Надо же — старые воспоминания меньше тускнеют со временем. Уолл во всех подробностях представил себе жирную, угодливую харю шефа полиции — типичный облик провинциального неудачника и добросовестного служаки.) Рад вас слышать, мистер Уолл. Как поживаете?

— Лучше не бывает. А ты как?

— Да в общем — живем помаленьку. Грех жаловаться. Так чем могу?..

Уолл нервно потянул вниз узел галстука.

— Тут такое дело, Ундервуд... мм... извини, забыл, как тебя... — Да как же его в самом деле, собаку? — Эд, кажется?

— Да, Эд. Вы правы, мистер...

— Зови меня просто Гил. Ладно, Эд? Тут, понимаешь, вот какая загвоздка. Занесло меня, понимаешь, в Клируотер. Дельце крайне шекотливое. Разговор, понятно, не телефонный. Но между нами — мистер Гувер очень и очень в этом дельце заинтересован.

— Ой, что ты, Гил! Правда, Гил? Ну, Гил, я в лепешку расшибусь, если мистер Гувер... Все сделаю...

— Всего не надо. Только одно, Эд. Я должен срочно дозвониться в Лос-Анджелес. А все линии заняты. Но про нашу работу ты, ясное дело, слыхал. Тут каждая секунда на счету, а эта крыса... Так что будь другом — звякни старшей. Мисс Тимминс ее зовут. Похлопочи за меня маленько. А я уж... Да, кстати, пока ты еще тут — как насчет того, чтобы поужинать до моего отъезда? А? Тогда, если выпадет минутка, я бы и про дельце тебе поведал...

— Гил, о чем речь? Вот было бы славно! — обрадовался Ундервуд. — Вот была бы встреча! Значит, мне надо растолковать старшей...

— Да просто скажи — мол, знаешь меня, и все такое. Пусть не жметя и соединяет без очереди. Я сейчас по номеру... — Уолл прищурился и с грехом пополам прочел номер на аппарате. — Ну вот... и часиков в восемь я тебе звякну. Супругу тоже просим! Порядок?

— Конечно!

— Ну вот и славно, Эд. Спасибо тебе огромное. Скоро увидимся. За мной не заржавеет. — Отчаянно обливаясь потом, Уолл повесил трубку и стал шарить по карманам в поисках сигарет.

Совсем скоро раздался звонок. Уолл судорожно схватил трубку и выпалил:

— Гилберт Уолл у телефона!

— Простите, мистер Уолл, это не вы несколько минут назад пытались связаться с Лос-Анджелесом?

— Да-да. Я. Я пытался.

— Тогда еще раз простите, сэр, но ведь сначала вы назвались другим именем, не так ли?

— Так, — холодно и как мог спокойнее пояснил Уолл, — я назвал вам имя, под которым прохожу в этой легенде. Конспирация, говорят вам. Но чтобы шеф Ундервуд меня узнал, пришлось выдать конспиративную кличку.

Чертова кукла немного помялась.

— Хорошо, — наконец заговорила она, — сейчас я распоряжусь, чтобы диспетчер вас соединил. Пожалуйста, не вешайте трубку.

Нервно затягиваясь, Уолл ждал. Телефонные хлопоты немного взбодрили страдальца. Ему уже пришло в голову пригласить взлохмаченные сальные патлы, проверить, на месте ли золотые запонки. На месте. Правда, пуговица рубашки вот-вот отлетит. Потом агент 00X тщательно обшарил свои карманы. Так. Бумажник на месте. Авторучка на месте. Ага, ключи. Записная книжка.

— Алло? — Голос незнакомый. И почему-то мужской.

— Мне мистера Макдональда. Он у себя?

Так, номер верный. Но где же эта безмозглая секретарша — мисс Джейкобс?

— Он занят. А что ему передать?

— Вот что, парень, — без особых околичностей сказал Уолл. — Меня зовут Гилберт Уолл. И мне нужен Макдональд.

— Ах, простите, мистер Уолл. Это Эрни, рассыльный. Я сейчас... сейчас я вас соединю.

Снова пауза.

— Привет, Гил.

Уолл облегченно вздохнул.

— Привет, Нат. Да, приятель. Хрен к тебе дозвонишься. Но речь не о том. Слушай, этот Овинг просто псих. Серьезно. Да, скажу тебе, Нат, мы все прикинули верно. Его прибор, Гамно это проклятое, и правда пашет как зверь. Без дураков. — Нат молчал. Уоллу это сильно не понравилось. — Алло, Нат. Нат, ты меня слышишь?

— Да слышу, слышу. — Уолл зримо представил себе тяжело-ватую, словно обтесанную топором физиономию собеседника. Одни прямые линии. Прямой рот, приплюснутый гребень носа, узкие щелки глаз. Даже очки в роговой оправе — четко прямоугольные. И манера общения Макдональда была под стать его внешности — скупые фразы, голос ровный даже в самых отчаянных ситуациях. Но сейчас — слишком ровный голос, слишком скупые фразы. Уолл насторожился.

— Так что все, как мы и ожидали. Вернее, гораздо хуже. Прикидываешь, Нат, этот парень ни в какую не желает внять голосу разума и не валить дурака. Но самое поганое, что этот мерзавец сбежал. — Тут Уолл легонько дотронулся до виска и вздрогнул. — Да, конечно, тут и моя вина. Стал на него наезжать, припер к стенке. Ну и... Надо же, взял меня тепленьким. Я и не предполагал, что он на такое способен. Короче, обрушил на меня книжную полку. Вот гад. Поверишь, Нат, я целую ночь валялся в отключке. Потому до сих пор и не позвонил. Только-только очухался. Да и то не очень. Теперь он, верно, где-нибудь спрятался, залег. Как пить дать. Наверняка парень порядком сдрейфил. Думает, зашиб меня до смерти, и все такое. Нат, я скотина. Я страшно виноват. Как думаешь?

— Думаю, виноват, — ровным голосом отозвался Макдональд.

— Да, Нат, это была моя шайба — я подвел всех. Но дело еще поправимо. Надо во что бы то ни стало его найти. В лепешку разбиться, но что-нибудь придумать... Эврика! Давай заявим на

санэпидемстанцию, что Овинг заражен бубонной чумой! Или еще какой убойной бациллой! А, Нат? Как тебе?

— Плохо слышно, — произнес Макдональд. — Здесь очень шумят.

Уолл расслышал слабый рокот, словно где-то далеко не то бубнила, не то орала благим матом целая толпа. Потом что-то защелкало, будто из-под воды, и голос Макдональда спокойно поинтересовался:

— Так что ты теперь будешь делать, Гил?

— Я? Что делать? — обалдело переспросил Уолл. — Ну... могу остаться здесь. У меня тут встреча с шефом местной полиции. Можно попробовать толкнуться через него... А может, ты хочешь, чтобы я вернулся и мы все толком обсудили? Тогда я срочно вылетаю charterным рейсом. Только пойми, Нат, надо скорее разобраться с этой штуковиной. В смысле, если этот псих Овинг начнет свое Гамно РАСПРОСТРАНЯТЬ!.. Вот тогда, Нат... тогда совсем труба. И представить себе не могу, что тогда начнется.

— А я могу. Проще простого, — донесся невнятный голос Макдональда.

— Что? — переспросил Уолл. — Что ты сказал, Нат?

— Я сказал, что прекрасно все представляю, — бесстрастно ответил Макдональд. — Чем, по-твоему, Овинг все это время занимался?

— Как? Что? — продолжал обалдело переспрашивать Уолл.

— Эту штуковину, как ты выразился, сегодня утром сотни людей получили по почте. И по паре штук в каждой посылке. Где-то после десяти народ стал копировать все это Гамно и раздавать друзьям и родичам. Весь город уже стоит на рогах.

— Нат... — убитым голосом вымолвил Уолл.

— Себе я тоже достал. Велел Кроуфорду сгонять за экземпляром. Теперь собираю барахло — а то ты бы меня уже не застал. Совсем случайно прослышал про одно местечко в Вайоминге. Натуральная крепость. Хоть целую армию отшивай. Так что, Гил, позаботься о себе сам. Больше никто этого делать не станет.

— Нат, погоди минутку... просто не верится...

— А ты телевизор включи, — посоветовал напоследок Макдональд. Потом в трубке щелкнуло и начались короткие гудки.

Какое-то время Уолл тупо упирался взглядом в черный, как дыра, телефон. Потом повернулся и, уронив трубку, которая принялась раскачиваться на своем проводе, будто пойманный дезертир на виселице, медленно и нетвердо дотопал до стола, где стоял переносной телевизор. Обреченно щелкнул тумблером. Телевизор затараторил:

«...по всей Сансет-бульвар западнее Олвер-стрит. А вот срочное сообщение. — Экран посветлел, появился растр, но физиономия диктора так и не возникла. — Шеф полиции Виктор Корси решил обнародовать призыв формировать добровольные народные дружины для обуздания бесчинствующих толп. Интересно, кто на этот призыв откликнется. Подозреваю, никто. Самый насущный вопрос звучит сегодня предельно просто: «Есть у тебя Гамно?» И поверьте — больше сейчас ничто никого не волнует. Мы будем оставаться в эфире, сколько сможем, и продолжим держать вас в курсе событий. Но за это не стоит благодарить трусливого руководителя нашей телекомпании Дж.У. Сукера и сволочного составителя программ Дугласа М. Болтса. Подлые ублюдки драпанули куда глаза глядят, стоило только каждому из них обзавестись собственным Гамном. И от себя лично могу сказать: чтоб их черти съели. А потом закусили Тихоокеанской телерадиокомпанией со всеми ее филиалами. И пусть хоть кто-нибудь вставит майору Долбину хороши фитиль. Он сам скажет куда. А что касается этого зас...»

Уолл вырубил телевизор. Голос умолк, а светящийся экран задергался, сжался в махонькую световую точку. Наконец пропала и она.

Глава 3

Овинг распахнул заднюю сетчатую дверь и вышел во двор. Утро было тихое, безоблачное — весь смрадный туман стелился вниз, в долине. Ноги путались в высокой сухой траве, но Овинг не обращал внимания и рассеянно брел вниз по пологому склону к перечному дереву. В прохладном гроте под завесой темных ветвей почти ничего не росло — лишь негромко шуршала бурая листва, усеянная родинками темно-красных ягодок. Малышки соорудили здесь шалаш из старых жердей от изгороди — кругом валялись их игрушки. Услышав доносившиеся из

дома пронзительные возгласы расшалившихся девчушек, Овинг досадливо поморщился. И так их за полмили слышать, а днем еще и по склонам горы шастают. Но не станешь же держать детей взаперти. Все-таки не преступники.

Хорошо хоть, удалось подыскать славное местечко. Дом располагался на обширной террасе соток в двести — как раз на полдороге от подножия до вершины. Выше — склон, пересохший и вымерший, точно скелет динозавра, где не росло ничего, кроме каких-то кустистых колючек да еще ряда засохших пальм вдоль оросительного канала. Единственный соседний дом ближе к горной дороге пустовал после пожара. Ниже того дома — еще терраса. Эту прежние жильцы, похоже, использовали как огород. А за бывшим огородом гора резко обрывалась вниз — и у подножия крутого склона торчали хилые посадки апельсиновых деревьев. Фамилию владельца заброшенного дома Овинг как-то высмотрел на почтовом ящике у дороги. Что-то вроде Ла-Веккьо. Интересно, что теперь станет с ним и с его садиком?

А дальше внизу расстиралась туманная долина — пропадала, терялась в немыслимой голубизне. Вот тонкая желтоватая ниточка дороги. А вот — скрепляющиеся узоры вспаханных полей. Тут, наверху, Овинг явственно чувствовал, как горизонт заключает его в свои объятия. Автостреды были надежно прикрыты эвкалиптами. И не пролети мимо случайный самолет, не выскочи на свободный участок проезжая машина — этот мир запросто мог показаться мертвым.

Но тут в прозрачном воздухе повис тревожный шум мотора.

Овинг вздрогнул и тщетно попытался хоть что-нибудь разглядеть справа — там, где дорогу наглухо заслоняли эвкалипты. Похоже, машина катила в гору.

Плохи дела. Может, конечно, какой-нибудь проповедник из адвентистской колонии в долине решил нанести визит по-соседски... Но нет. Не похоже. Эти разъезжают в шикарных лимузинах, а тут... Судя по тарахтению, жалкая развалюха. Овинг опрометью бросился к дому — так, что сердце выскакивало из груди. Пулей промчался мимо Фэй и двух круглолицых девчушек, усердно поглощавших завтрак. Скорее к шкафу. Так, ружье. Не забыть коробку патронов. Два бешеных скачка — и он уже снова на веранде. Тут-то Овинг и разглядел машину, что вяло подкатывала к дому.

Измочаленный пыльный «линкольн» с разбитым и задравшимся вверх капотом. Хромированная дрянь давно поотлетала от корпуса — и теперь оставшиеся полоски создавали впечатление, будто машина страдает жестокой краснухой. Из радиатора валили клубы пара.

— Дэйв, братишка! — радостно заорал водитель, выскакивая из машины как черт из табакерки. Весь какой-то пыльный и серый, в выцветшем пиджаке и линялом свитере. Овинг опустил ружье и воззрился на неожиданного гостя. Ну конечно! Этот хриплый восторженный голос!..

— Платт! — облегченно выдохнул Овинг.

— Кто ж еще? Он самый! — Неуклюже выбрасывая вперед длинные ноги и энергично работая острыми локтями, Платт сломя голову рванул по подъездной аллее. Блаженно ухмыляясь и показывая желтоватые зубы, верзила схватил руку Овинга и энергично ее затряс. Светло-серые глаза его так и светились радостью. — Ведь достал-таки! Куда ж ты от меня денешься? Никуда ты от меня не денешься! Заберись хоть на край света. Черт, до чего рад тебя видеть... просто сказать не могу. А-а, привет, Фэй! Привет, красавицы! Но черт побери... — Овинг обернулся и увидел столпившееся в дверях семейство. Потом снова воззрился на Платта — а тот так и трещал без умолку: — ...черт побери, говорю, может, все-таки пригласите человека в дом и дадите ему стаканчик воды, если ничем покрепче не богаты? У меня в горле сухо, как у дохлого бедуина. Ну как вы тут? А, ребята? Черт, да неужто Элайн? Ну и вымахала, красавица! Вылитая мать! А это что за юная особа?

С подозрением косясь на Платта, Кэти спряталась за мамины юбки. А двенадцатилетняя Элайн рдела, как девушка на первом балу. Вся компания непонятным образом переместилась в гостиную. Там Платт радостно заохал, заохал и плюхнулся в единственное кресло. А в следующее мгновение, ни на секунду не переставая молотить языком, выудил из кармана пиджака пачку сигарет. Прикурил, швырнул спичку на пол, а потом одной рукой приобнял Элайн и лукаво подмигнул Кэти.

Платт всегда буквально кипел энергией, и как физику-практику ему цены не было. А вот как теоретика его никто всерьез не держал. Каждый год у энтузиаста возникала новая гениальная идея, и каждый год он истово бросался ее вопло-

щать. Платт безумно хотел заниматься ракетостроением, но к работе над секретными проектами его и близко не подпускали. Правильно, кстати, не подпускали. Но Платт всякий раз страшно расстраивался. Что, впрочем, только его подстегивало. Места работы он менял как иная женщина колготки, а в жизни Овинга появлялся так же внезапно, как и исчезал. Последний раз они виделись, кажется, в 1967-м.

Все еще рдеющая, как целая охапка пионов, Элайн выскользнула из платтовских объятий и припустила на кухню.

— Я принесу вам воды, мистер Платт, — крикнула она через плечо.

— Зови меня Лерой, детка. И смотри не перестарайся с этой водой. Вообще-то, штука вредная.

— Спиртного нет, — принялась извиняться Фэй. — Мы только вчера приехали. А вот кофе...

— Ни-ни. Никакого кофе. Врать не стану — бутылочка у меня в машине припасена. Бездонная, кстати, бутылочка — спасибо твоему муженьку... Принесу чуть погодя, и обязательно врежем по маленькой... А пока что... — Тут сигаретный пепел упал на платтовский поношенный свитер. — Пока что скажу тебе так, Дэйв. Ты, парень, — величайший гений всех времен и народов. Снимаю перед тобой шляпу. Я серьезно! Вот бы мне чего-нибудь этакое изобрести! Но пока что вышло у тебя. И ты самый-самый. Серьезно. Итак... — Тут Платт взял у Элайн налитый до краев стакан воды и торжественно поднял его, будто фужер с шампанским. — Значит, за тебя, Дэйв Овинг! И да здравствует твое Гамно! — Восторженный верзила отхлебнул, театрально скривился, а потом залпом хлопнул стакан.

— Погоди-ка, а с чего ты взял, что это я... — начал было Овинг.

— Ха! А кто работал с Шеллхаммерсами?! — закричал Платт. — Папа Римский? Думаешь, я не просек, какой гигант мысли сотворил такое детище?! Будешь еще мне заливать, что ты тут сбоку припека?!

— Да нет... но только...

— Ладно-ладно. Твоих, парень, твоих это рук дело. Я только увидел — сразу врубился. И сказал себе: Лерой, ты должен разыскать старину Дэйва! И ты его найдешь! На карачках будешь ползать! Икру метать! В лепешку расшибешься, но найдешь!

— Кстати, Лерой, а как ты нас отыскал? — вмешалась Фэй.

— Милая. Специально для тебя расскажу. Видишь ли, мы с Дэйвом старые армейские кореша. И вот давным-давно, еще в Форт-Беннинге, он мне все уши прожужжал, как ему хочется поселиться в горах. Как он мечтает парить там гордым орлом и снисходительно посмеиваться над жалкой равнинной публикой. Вот я и прикинул: а куда направит Дэйв свои стопы, если ему вдруг потребуется быстренько слинять? Что, в Лос-Анджелес? Фиг с маслом. Туда ему соваться — нож к горлу. Может, на Побережье? Тоже фиг. Туда добираться сто раз обломаешься, да еще как пить дать застрянешь где-нибудь на трассе. Тогда я решил: ха, Дэйв рванет по девяносто первой и оседет в первом попавшемся гористом местечке. А? Каково? Говорю вам — доверяйте интуиции. Разум только с толку сбивает. Короче, добрался я и увидел этот домик на склоне. Все, Лерой, сказал я себе. Старина Дэйв вон в том домике. Теперь понятно?

Овинги с тревогой переглянулись. Фэй не отнимала руку от радиоприемника — и теперь она, должно быть, его включила, так как из динамика послышался гул. Но только гул — и никаких голосов. Последняя местная радиостанция заглохла еще вчера вечером. Потом Фэй выключила радио — ей по-прежнему явно было не по себе.

— Вот так-то, ребята. Не пойму только, за каким чертом вам тут торчать. Может, скажете? А? — громогласно вопрошал Платт. — Даже не в том дело, что вас тут любая собака отыщет. Слушай-ка, братишка. И ты, Фэй, красавица, тоже слушай. Чем вы теперь намерены заняться? Теперь, когда уже не надо горбатиться за нищенскую инженерную зарплату?

Овинг откашлялся.

— Ну-у, вообще-то мы еще толком и не поговорили. Времени не было. Пусть страсти чуть поулягутся — тогда можно будет организовать где-нибудь лабораторию...

— Ха, организовать! Лабораторию! Проклятье, конечно, ты ее организуешь! Ведь теперь сам черт нам не брат. Отсюда мораль: можно и к чертям наведаться в гости. А все благодаря тебе. Так вот, Дэйв, знаешь ли ты, чем я теперь думаю заняться?

Овинг не долго думая выложил первую же бредовую идею, что пришла ему в голову:

— Наверное, слетать на Луну.

— Точно! Ну, парень, ты и даешь! Прямо в самое «яблочко»! Да, брат, тебя не проведешь!

— Ох, нет. Только не это, — хватаясь за голову, простонал Овинг.

— Не нет, а да! Именно это! Знаешь что, Дэйв, бери-ка ты все свое семейство, и давай сваливать отсюда. Я уже и местечко что надо выбрал. И знаю десять... нет, чего там — двадцать отличных парней, которые к нам присоединятся. Но к тебе я, понятное дело, в первую очередь. Ты еще даже не представляешь, как это клево. Лучшей идеи мне отродясь в голову не приходило!

— Ты что, правда решил соорудить космический корабль?

— Не просто решил, братишка. Я его сварганю. Будь спок. В лабораториях Кеннелли в Санта-Росас эти железяки делали по госзаказам. Там есть все, что нужно: и помещения, и оборудование, и материалы, и черт в ступе. Два месяца на все про все.

— А почему не в Уайт-Сэндсе?

Тут Платт так замотал головой, что Овингу показалось — она вот-вот слетит с плеч.

— Ни в коем случае, Дэйви. Ни в коем случае. Во-первых, там скоро соберутся все бредящие космосом придурки — плюнуть будет некуда. А потом — чего там вообще хорошего? Ну, оружие. Ну, оболочки для ракет. Но нам-то все это барахло не катит! Нет, Дэйви. Мы начнем все заново и сделаем как надо. Из драккара викингов звездолета не соорудить — с таким же успехом можно оборудовать реактивными двигателями дачные сортиры. Сам прикинь. Пошевели извилинами. — В порыве чувств Платт подался вперед, нелепо размахивая руками. — Представляешь, что значит построить собственный космический корабль? Любого размера. Хоть с небоскреб. И все там будет на своем месте. Да, Дэйви! Все, все туда запихнем! Спальни, кегельбаны, кухни... Стоп-стоп. К черту кухни. Они нам теперь без надобности. А вот библиотеки, кинотеатры, лаборатории...

Овинг поежился.

— Прости, Лерой, но ты случайно не пил спиртного, скопированного Гамном? Ты что-то сказал про...

— Конечно, пил, — нетерпеливо подтвердил Платт. — Пил. И пить буду. И ел тоже. А что? Только так! Просто пропускаешь его дважды, чтобы не нажраться обратных пептидных цепочек, — и все дела. Да не бери в голову. И вообще, братишка,

слушай внимательно и не отвлекайся. Значит, строишь все, что только в голову взбредет. А потом засаживаешь под эту ерунду ракетные движки. Усек? Когда под рукой Гамно, уже наплевать — червонец у тебя или миллион. А что у нас с горючим? Ха! Помнишь те огромные баки, на которых подрываешься прежде, чем успеешь оторвать хвост от родной планеты? И что же теперь? А, Дэйви? Как тебе пара аккуратненьких канистровочек с кислородом и гидразином? И к ним, понятное дело, пару Гамна! А? Горючего всегда будет навалом! И никаких заморочек с теми чертовыми соотношениями массы и энергии! Поднимаешь домкратами мормонский молитвенный дом и отправляешь его к чертовой матери. В смысле — на Луну. На Луну! На Луну, ты понял? На Луну, будь она трижды проклята!

Энтузиаст перевел дыхание.

— Да ты подумай, Дэйв! Только подумай! Можно слетать хоть к чертовой бабушке! Забраться в любую дыру этой Вселенной. И гораздо дальше. Ровно через год мы уже будем на Марсе. На Марсе, Дэйв! — Платт встал, упер руки в бока и мигом превратился в отважного исследователя Марса, острым глазом обозревающего окрестности. — Так-так, что мы тут видим? Ух ты, загадочные пирамиды! А вот какие-то шестиногие шибздики. Надо бы скоренько с ними разобраться — ведь у нас сегодня вечером свидание с упругими трехгрудыми венерианками! Ох, прости, Фэй, — я и забыл. Да, но на Марсе мы оставляем целую тележку Гамна для генерации атмосферы. Каких-нибудь пятьдесят — сто лет — и там будет достаточно воздуха, чтобы обходиться без этих паскудных шлемов. Потом — на Венеру. А там та же самая операция. В смысле атмосферы, Фэй, детка. Говорите, нет кислорода? Ша сделаем! Пойми, Дэйви, через какую-нибудь паршивую сотню лет человечество овладеет всей Вселенной! Это я тебе говорю! Под рукой и Марс, и Венера, и вся система Юпитера — только свистни в два пальца! А как насчет звезд? А, Дэйви? Почему бы и нет? Нефиг делать! Во-первых, на нашем корабле мы черт знает сколько проживем. Ну, и детей на всякий случай нарожаем. Пусть продолжают дело отцов, если мы вдруг откинем копыта! Ну, понял ты наконец? Как, зацепило? — Тут Платт вдруг умолк и уставился на Овинга, будто не веря собственным глазам. — Что?! Не-ет?!!

— Нет. Нет, Лерой. Ты пойми... ну, возьмем для примера что-то одно. Скажем, эту твою идею с атмосферой. Ведь ты

собираешься догружать миллиарды тонн. Вот если отрыть из почвы окислы или что-нибудь в этом роде и получать из них молекулярный кислород — тогда другое дело. А так ты нарушишь орбиты планет и...

— Ну и что? Ничего страшного, — затараторил Платт. — Вот, например, масса какой-нибудь мелкой планетки вроде Марса... — Не переставая молоть языком, он выудил из кармана логарифмическую линейку и принялся энергично водить движком взад-вперед.

— Минутку, — все-таки сумел вмешаться Овинг. — Ты опять горячишься. — Он тоже достал из заднего кармана такую же логарифмическую линейку. Мужчины придвинулись друг к другу и оживленно заспорили.

Приуныв от такой безрадостной картины, Фэй отправилась на кухню. За ней затопали и разочарованные девочки.

Когда полчаса спустя жена гения всех времен и народов вернулась в гостиную с кофе, Платт как раз вскочил, размахивая длинными руками и выплескивая свое отчаянье, вызванное тупостью рода человеческого и Овинга как его представителя.

— А-а, ладно, — наконец обреченно махнул он рукой. — Черт с ним со всем. Все к черту. Ладно, братишка. Все-таки я сгоняю за бутылочкой. Тяпнем ради праздника. Может, тогда тебе полегает, — добавил Платт, уже выходя со сцены и захлопывая за собой сетчатую дверь.

Овинг грустно улыбнулся и обнял присевшую рядышком жену.

— Приготовь-ка ты ему гостевую, — попросил он.

— Дэйв, но ведь у нас только та душная каморка, где кипятить. Там даже кровати нет.

— Ничего, поспит на полу. Вот увидишь — он сам на этом будет настаивать, — отозвался Овинг и покачал головой, вдруг ощутив прилив нежной привязанности к нескладному верзиле. Лерой Платт. Такой платтовский! Такой лероистый! И насколько не изменился за все эти годы! — Славный старина Лерой, — вздохнул он. — Надо же! Господи, Венера!

Дело шло к полудню, и весь дом сиял от ослепительного солнечного света. Жара из безоблачного неба лилась на землю золотым дождем, каким-то недвижимым потоком. Воздух на склоне раскалился, как над сковородкой, — и пыльные

пальмы, казалось, вот-вот переломятся. Овинг нагнулся и поднял комок сухой земли — тот мигом рассыпался в бурую пыль.

— Ну и жарища, — пропыхтел Платт, обмахиваясь своей бесформенной шляпой. — Адское пекло. — Светлые глаза верзилы казались на ярком солнце оголенными и безумными — изумленными устрицами на белой раковине лица. Потом, видя, что не имея тщетность своих усилий, Платт снова надел шляпу.

А вот Овинг жару любил. Да, солнце нещадно жгло голову и плечи, словно желая зажарить его живьем и сожрать на обед, — но зато все члены работали как надо, будто смазанные небесным ремонтником. Пот крошечными капельками золотистой росы усеивал все тело. Нравилась Овингу и собственная тень — и то, как она отчаянно старается вырваться из-под ног. Приятно было думать и о прохладной сени дома, и о тепле.

— Уже совсем рядом, — ободрил он Платта, упорно карабкаясь вверх.

С вершины невысокой горы видны были все окрестности. Вот жилые кварталы. Вот адвентистский колледж. Вот пищевой комбинат. Все лежало как на ладони — будто игрушечное. Аккуратные ниточки улиц, ярко-зеленые деревья. Где красные, а где голубые крыши домов.

Вот, наконец, перевал. По ту сторону горы словно открывался совсем другой мир. Голые выжженные лощины — одна за другой. Казалось, любой ливень здесь зашипит и обратится в пар, так и не долетев до поверхности. Никаких признаков жизни — аж до самого горизонта.

— Уфф, — выдохнул запыхавшийся Платт. — Ну, вот и оно. То, что нужно. Смотри, Дэйв, тыщи квадратных миль. Да, местность, мягко говоря, пересеченная. Зато у самых наших задворков. Надо же! Чуть мы про нее не забыли! Вот так идешь иногда по улице, где кругом здоровенные домины, и думаешь себе: ну и размахнулась же за какие-то паршивые триста лет наша паскудная цивилизация! Но черт меня побери! Не всё мы еще изгадили! Ты только прикинь, Дэйв. Ведь с неиссякаемым запасом воды тут можно торчать безвылазно и растить на этих чертовых горах траву. Нарастить ее столько, что хоть коси! Проклятье, да ведь теперь на Земле хватит места, чтобы каждому сделаться королем!

— Ага, — рассеянно буркнул Овинг.

— Хотя все-таки большинство по натуре сукины дети... Эй, в чем дело, братишка?

Прикрываясь ладонью от солнца, Овинг напряженно вглядываясь в небо на севере.

— Слышу, но не вижу, — пробормотал он.

— Что-что? — переспросил Платт. Потом тоже прислушался, пригляделся и заключил: — Вертолет.

К словам верзилы примешалось слабое отдаленное рокотание.

— Что-что? — переспросил в свою очередь Овинг. — Лерой, помолчал бы ты минутку, а?

Рокотание доносилось откуда-то очень-очень издалека. Как ни странно, это был голос, но слов спутники пока что не различали — только раскатистое невнятное эхо.

— Ага, вот он, — сказал наконец Овинг.

С севера, невесомо паря над долиной, приближалось крошечное пятнышко. Вскоре рокошующие слова сделались почти различимыми.

— Военный вертолет, — уточнил Платт, но под взглядом Овинга тут же умолк. Оба стали прислушиваться.

«Хрррр... мррр... ррумм... ррумм... — рокотал с неба механический голос. На секунду смолк, а потом снова: — Прррш... внннимманн... (манн...) — Потом уже куда разборчивее: — Пррошу вниммания (мания). Данная террриторрия находится на военном полложении (жжении). Вссем грражданнам строжайше предписывается оставваться в своих доммах (ммах) и воздерживаться от нарушения общественного поррядка (ррядка). Жилищ своих ни в коем случае не бросать (сшать). Поррядок вскоре ббудет полносстью восстановвлени (оввлени). Все нарушиттели поннесут (ссут) стрррогое наказзание (зание). — По мере неспешного приближения вертолета голос все больше превращался в невыносимый, заполнявший собой все пространство дикий рев. Вот вертолет завис прямо над головами двух приятелей — и Овинг разглядел сверкающие на солнце лопасти, а под ними — прозрачный пузырь с двумя темными силуэтами внутри. Машина цвета хаки слегка накренилась в своем неторопливом полете, и теперь ее вытянутый корпус напоминал какое-то неведомое насекомое. Жуткий рокот ненадолго умолк, а потом с небес снова загрохотало: — Пррошшу вниммания (мания)... вниммания (мания)... вниммания (мания)...»

Овинг заткнул уши. Платт тем временем беззвучно шевелил губами. Тогда Овинг ненадолго оторвал руки от ушей и что было мочи проорал:

— Чего?

Платт, тоже надсаживаясь, завопил в ответ:

— Военное положение! — Потом верзила заголосил что-то про «дезертиров», но этого Овинг уже не разобрал.

Из плывущего в сторону шоссе вертолета продолжал реветь благим матом динамик. Провожая машину взглядом, Овинг вдруг заприметил на горной дороге странный караван. Там ползла вверх целая колонна машин и грузовиков — ползла плотно, бампер к бамперу. Главная странность состояла в крайне пестром составе колонны. Впереди — мощный колесный трактор. За ним — красный лимузин с откидным верхом. Дальше — два пыльных грузовика для перевозки мебели с бурыми бортами, три автофургона и пара седанов последней модели с сияющими алюминиевыми трейлерами. Замыкал кавалькаду небольшой бензовоз.

Овинг схватил Платта за рукав и ткнул пальцем в сторону колонны. А в следующий миг он уже скакал вниз по склону почище горного козла. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди беглеца, стоило ему краем глаза увидеть, как ведущая машина колонны заворачивает у вершины.

С заднего сиденья лимузина поднялся дюжий боров и прицелился в Овинга из ружья.

— Стоять!

Овинг попытался остановиться, отчаянно размахивая руками. Бетонный берег оросительного канала летел на него со скоростью курьерского поезда. Уже почти влетая в канал, Овинг успел увидеть разбегающихся по сторонам полупрозрачных мальков. Но потом каким-то героическим усилием сумел удержаться — и гора неласково приняла его брненное тело. В ушах — дикий звон. Вокруг — целое облако пыли. Овинг оглушительно чихнул и не без труда встал на ноги.

Боров пялился на него из лимузина. Ружье в руках у животного оказалось обрезом двустволки. Пыльная синяя безрукавка толстяка потемнела от пота. Рыло и крепкие лапы обгорели до цвета мокрого кирпича, на голове красовалась потрепанная спортивная кепчонка. Вооружен, похоже, до зубов: рядом к сиденью прислонено охотничье ружье, а из-за пояса торчат рукоятки двух револьверов. Щурится, сволочь. На жирной ряхе — спокойствие.

Даже какая-то безмятежность. Во рту слегка покачивается потухший окурок сигары.

— Стой где стоишь, — наконец соизволил выговорить боров. Овинг бросил взгляд влево и заметил Платта. Верзила уже успел потерять шляпу и расквасить себе нос. — Ну чего, парни, куда так спешим? — осведомился жирный.

Овинг молчал как рыба. Теперь он смотрел на переднее сиденье лимузина — туда, где, тупо глядя прямо перед собой, рассиживался молодой негр. Парень не то что ни на кого не глядел, но даже как будто и не прислушивался. Вдруг Овинг заметил, что негр прикован к рулю наручниками — точно так же, как водитель трактора и переднего грузовика. А на лицах у всех — одинаково отсутствующее, слегка удивленное выражение.

Боров несколько раз моргнул и перекатил сигару в другой угол рта. Потом качнул круглой головой в сторону измочаленного «линкольна» и спросил:

— Твоя колымага?

— Это моя, моя, — стал объяснять Платт и заторопился вперед. — Сейчас уберу.

Дуло обреза передвинулось, и Платт застыл как вкопанный.

— Не трепыхайся, — медленно проговорил боров. — А ты, Перси, давай помаленьку.

Свободной рукой негр взялся за рычаг переключения скоростей, и лимузин неторопливо двинулся с места. Оказалось, все машины скованы цепями. Цепь перед лимузином зашуршала в пыли, а цепь позади со скрипом натянулась. Вскоре с громоханием и ревом моторов тронулась вся кавалькада.

Вот вперед пополз трактор. Упершись широким деревянным бампером в «линкольн», он принялся сталкивать машину Платта с дороги. Неумолимо теснимый трактором, «линкольн» рывками перемещался к обочине. Вот правое колесо уже повисло над пропастью. Трактор все давил, мерзко скрежеща на малом ходу. Наконец «линкольн» стал сползать в узкую расщелину меж домом Овинга и дорогой. Покачался-покачался — и со страшным грохотом рухнул к самой стене дома. Послышался испуганный детский визг, а с крыши посыпалась черепица. Колеса «линкольна» еще какое-то время обреченно повертелись в облаке пыли — а потом замерли.

Кавалькада замедлилась, будто товарный состав — и тоже замерла. Боров снова перевел свинячьи глазки на Платта и Овинга. Неспешно перевел. Будто где-то у него внутри со скрежетом вращались громадные шестерни. Опять поморгал, пожевал холодный окурок и спросил:

— Зачем тут машину поставили?

Краешком глаза Овинг заметил лицо, мелькнувшее в окне домика. Тогда он через силу ответил:

— Этой дорогой никто не пользуется. По ту сторону — только заброшенное ранчо. Да и вообще она непроезжая — там дальше тупик.

Боров долго переваривал сказанное. Затем уже привычным для Овинга движением перекатил сигару в другой угол рта.

— Заброшенное, говоришь? — Скривился, опять пожевал окурок, потом вытащил его, смачно харкнул на дорогу и вставил игрушку обратно. — И как, большое?

— Что, ранчо? Не знаю, — еле ворочая языком, пробормотал Овинг. Платт тем временем грустно разглядывал свою машину, что встала на вечную стоянку у стены дома.

Боров устремил на Овинга пристальные глазки.

— Так видел ты его или нет?

— Только издали. В смысле — сам дом. Я же говорю. А обо всем ранчо я толком ничего и не знаю.

Жирные мозги медленно шевелились.

— Что, один дом?

— Я больше ничего не видел. Правда.

После очередного раздумья боров нехотя кивнул. Потом пристроил обрез у колена, достал из кармана безрукавки грязный листок и огрызок карандаша. Старательно провел на бумажке жирную линию.

— Лады, — проворчал он наконец. — Хрен с ним, с ранчо.

Все так же неспешно убрав в карман карандаш и бумажку, жирный подобрал обрез и снова впился взглядом в Овинга.

— Здешний?

Овинг кивнул.

— А кто еще тут с тобой?

— Никого, — выдавил из себя Овинг. — Только я и мой друг.

— Не ври мне. Не советую. Чем занимаешься?

— Экспериментальной физикой, — с трудом выговаривая слова, произнес инженер. В ответ он ожидал по меньшей мере изумленного хмыканья. А боров только кивнул:

— Этот что, тоже?

— Да.

Боров какое-то время негромко сопел, упираясь взглядом в землю у ног Овинга и то и дело перекатывая вонючий окурок из одного угла рта в другой. Наконец разродился указаниями:

— Идите сюда. Оба. Ты встань здесь, а ты за ним. И гляди своему корешу в затылок.

Когда приказ был выполнен, боров выбрался из лимузина и встал позади двух друзей.

— Шагом марш, — скомандовал жирный.

Все трое зашагали к дому по подъездной аллее. Боров на ходу спросил у Овинга:

— Слышь, ты, твоя баба стрелять умеет?

— Нет, — с тяжелым сердцем ответил Овинг. Ответил честную правду.

В тягостном молчании подошли они к тенистой веранде и открыли дверь. Фэй с девочками ждала в гостиной.

— Краснов моя фамилия, — представился боров. — Герб Краснов. Слесарил в Сан-Диего на судоремонтном. Семь лет горбатился. А до того в морской пехоте служил. Так что не дергаться — мигом уложу. Это мне как гвоздь вогнать.

Жирная рыха Краснова почти ничего не выражала. Вот уж точно — кирпича просит. Короткий приплюснутый нос. Рот и подбородок сливаются в одно с толстыми щеками. Зато свинячьи глазки будто взяты напрокат с другого лица — то мутнеют, то вдруг так и сверлят пристальным взглядом из-под лохматых черных бровей. В разговоре Краснов почти не скалился, но в один из таких редких моментов Овинг заметил, что вместо зубов у бывшего слесаря лишь кое-где торчат гнилые бурые огрызки. Мощные лапы густо поросли черной шерстью — хоть стриги и вяжи свитера. Вокруг срезанных до самого мяса ногтей — черные ободки, как у любого нормального работяги. В своей потрепанной кепчонке, с жирным брюхом под засаленной безрукавкой, Краснов запросто мог сойти за ремонтника из гаража, грузчика

или водителя самосвала. Овингу подумалось, что за свою жизнь он встречал тысячи таких, как этот боров — вот только никогда не сталкивался с ними вплотную.

Краснов сдвинул кепчонку на затылок — и сразу постарел лет на десять. Оказалось, потные жидкие пряди облепляют опаленный солнцем почти лысый череп. Сидя на стуле у окна, бывший слесарь в упор изучал Овингов и Платта, что сбились в кучу на тесной тахте. Обрез Краснов пристроил на колене — прицелиться и выстрелить боров мог в любую секунду.

— Баба моя уже пару лет как подохла, — неторопливо произнес Краснов. — Нету у меня никого. На всем белом свете. Вот я и прикинул — не пойти ли тебе, Герб, да и взять от жизни свое.

Овинг сглотнул склизкий комок и зло возразил:

— Ничего себе философия! А тем, на дороге — почему бы им не пойти, да и не взять себе свое.

— Ну вы и наглец! — присоединилась к мужу Фэй. — Вы что, Богом себя возомнили? Нельзя же так обходиться с людьми!

Краснов покачал тяжелой головой.

— Иначе другие со мной так обойдутся. Я просто пользуюсь моментом. Взять хоть вас, придурков. Чего бы, кажется, вам меня не свалить да и не прибрать все к рукам? А? Я же тут один-одинешенек.

Заложив ногу на ногу, Платт нервно подался вперед и обхватил руками костлявые колени. Верзила напоминал теперь сложенный перочинный ножик. С подрагивающей в тонких пальцах сигареты то и дело сыпался пепел.

— Скажите, Краснов, а вы вообще спите? — спросил он.

Боров изобразил смешок.

— Ага, — отозвалось животное. — Тут ты, длинный, в самую точку попал. Мы скоро двое суток как в дороге. А я только носом поклевал. Перси, этот черномазый, похоже, задумал меня взглядом испепелить. Так глазищами и сверкает. Ну, ночки две-три я еще как-то перекантуюсь. А потом как пить дать засну. Старость — не радость. Эх, лет десяток назад я б о такой ерунде и не думал.

— Да вы, по-моему, просто сумасшедший, — сказал Овинг.

— Ничего у вас не выйдет. Не сможете же вы вечно помыкать этими людьми. Рано или поздно придется заснуть.

— Да, теперь нужны рабы, — заключил Краснов. Буднично так заключил. — Все остальное — чушь. Иначе как заставить пахать? Как работу-то делать заставишь?

— Какую работу? — в сердцах воскликнул Овинг. — Зачем? Вы что, ничего не поняли? Сейчас ведь все доступно! Энергия, материалы, оборудование — все! Все, что Гамно сумеет размножить! А потом мы сделаем новое Гамно, побольше. Для автомобилей, скажем, сборных домиков... Или вы пирамиду собрались построить? А может, новую статую Свободы? Что вам нужно? Почему вы не возьмете себе Гамно и не отпустите этих людей?

— Ха! Что, каждому по Гамну — и порядок? Ни черта. Тут только две дороги: или у тебя рабы, или ты сам раб. Проще простого.

— Власть не терпит вакуума, — выдал Платт. Нескладный верзила усердно разглядывал кончик своей сигареты. — Вопрос, впрочем, в том, как вы удержите их на ранчо. Ведь они при первом же удобном случае перегрызут вам глотку, махнут через стену и разбегутся. Тогда-то что?

Краснов упер в Платта пристальный взгляд. Долго смотрел. Казалось, борова впервые что-то заинтересовало.

— Во-во, — наконец произнес он. — Верно. Вот тут и надо пораскинуть мозгами. Пока что я сцепил машины и положил в каждую по фугаске с дистанционным управлением. Там у каждой твари под задницей хорошая бомбочка. Кто другой, может, чего получше бы придумал, а мне и так сойдет. Но дальше придется соображать. Вот ты, длинный, ты вроде мозга. Валяй, скажи чего-нибудь умное.

— Надо подумать, — через силу пропыхтел Платт и опять встретился взглядом с Красновым.

— Ладно. Валяй, думай. А пока что надо бы подыскать как раз такое местечко, о котором ты тут болтал. Чтoб там стена была. — Боров шумно вздохнул. — Я про ту хибару уже слышал. Вот и решил глянуть, чего там. По дороге к северу куча барыг себе дома заимела. Половины из этой публики там и близко не бывает. Сидит какой-нибудь древний мудозвон и сторожит. Или парочка засранцев только-только туда закатилась. С такими у меня разговор короткий.

Краснов медленно поднялся.

— Скажи-ка мне, Овинг, — произнес он. — Любишь ты свою бабу и детишек?

В страхе и ярости Овинг заиграл желваками.

— Какое вам дело?

Боров неторопливо кивнул:

— Вижу. Любишь. Тогда, парень, слушай сюда. Если не хочешь, чтобы я прямо тут из них кровищу выпустил, сделаешь, как скажу. Усек? — В горле у Овинга вдруг страшно пересохло. Ответа он выдавить так и не смог. — Поедешь со мной, — вскоре продолжил Краснов. — Ты мне по вкусу. И семейство твоё. И баба. Ученые придурки мне тоже сгодятся. Так что привякай и не вилай задом. А теперь — на выход. Все. Ты, длинный, тоже. Хочу вам кой-чего показать.

Он выгнал их из дому, будто стадо баранов. А во дворе, щурясь на ярком солнце, Краснов и Платт как-то странно переглянулись. На выжженной земле лежала короткая тень от обреза.

— Ты, длинный, мне не сгодишься. И доверять я тебе не доверяю, — проговорил боров. — Так что беги, зайчик.

Овинг глазам своим не верил. Вот Платт, будто прикованный взглядом к Краснову, весь вздрогнул и оцепенел. Потом худой верзила повернулся, будто на шарнирах, и, неловко выбрасывая вперед длинные ноги и размахивая руками, бросился петлять по склону под прикрытие ближайшего перечного дерева.

Обрез грохнул, словно возвещая о конце света. Оглохший, ничего не понимающий Овинг широко распахнутыми глазами смотрел, как его старый друг ничком рухнул в сорняки и забился в агонии. Страшный визг девочек. Резкий запах пороха. Сквозь сухую траву Овинг видел то, что осталось от головы Платта, — кровавое месиво, этюд в серых и алых тонах. Длинные ноги все дергались, дергались, дергались...

Посеревшая от ужаса Фэй молча взглянула на мужа. Потом глаза ее закатились, колени подогнулись — Овинг едва успел ее подхватить.

— Когда прочухается, — негромко сказал Краснов, — грузите барахло в трейлер. Даю полчаса. А пока можешь прикинуть, зачем я это сделал. — Бывший слесарь слегка мотнул головой в сторону трупa.

А лица всех сидевших в кабинах и на передних сиденьях людей вдруг как по команде обратились к ним. Выражение их не изменилось. Все они были будто марионетки, привязанные к одной ниточке.

Ближе к ночи караван петлял к северу по горной дороге на Техон-Пасс. Холодало. Солнце, все в лилово-оранжевых сполохах, садилось за горы. В быстро сгущавшемся мраке все ярче горели подфарники переднего грузовика.

Фэй и девочкам пришлось поделить один из трейлеров с семейством других бедолаг. Овинг, прикованный наручниками к рулю, остался наедине с надвигающейся ночью — только мотор, словно составляя компанию, не переставал гудеть.

Раб. Муж рабыни. И отец рабынь. Овингу вполне хватило времени, чтобы понять смысл сказанного тогда на горе Красновым. Платта он пристрелил для наглядности. А еще боров понял — никогда нелепому верзиле не стать хорошим рабом. Слишком дерзок и переменчив. Да и семьи у Платта нет. Короче, не годится в рабы. Не тот тип.

Не тот тип... Овинг пришел к пониманию той поразительной правды, что среди туземцев Конго, которые о физике и слыхом не слыхивали, попадаются типичные физики. А среди американских физиков, давно забывших, что такое рабство, встречаются типичные рабы.

Удивительно было и то, как легко он смирился с этой правдой. Правдой о себе. Завтра, когда опять взойдет солнце, когда он хорошенько выспится, его обязательно снова захлестнет гнев. Хрупкий, непрочный гнев... И он станет давать себе лживые клятвы, что сбежит, что убьет Краснова и вызволит из неволи свою семью... Но теперь, в полном одиночестве, Овинг слишком ясно понимал, что никогда этого не сделает. Да и Краснов достаточно разумен, чтобы стать «хорошим хозяином». Овинг беззвучно шевелил губами, словно пробуя на вкус эту горькую фразу.

А что будет через пятьдесят, через сотню лет? Неужели рабовладельческий строй не падет? Неужели Гамно никогда не станет тем, чем задумывал его Овинг, — не станет всеобщим благодетелем? Неужто люди так и не научатся уважать друг друга и жить в мире?

Но даже тогда будут ли оправданы все страдания и все смерти? Овинг вдруг ощутил, как вздохнула под ним земля — долгий медленный вздох спящего исполина... Господи, да что же он тогда сотворил — добро или зло?

Господь молчал. А сам Овинг решить не мог. Негромко гудя, машина катила вслед за подфарниками грузовика. А с запада медленной и неотвратимой косой надвигалась тьма.

Глава 4

Дик Джонс лениво открыл глаза навстречу золотисто-зеленому утру, уже в полусне понимая, что день-то сегодня особенный. Потом сладко потянулся, развалился как кот под прохладным дуновением ветерка и задумался: а почему, собственно, особенный? Что, охота? Или какие гости? А может, занятное путешествие?

Наконец Дик вспомнил и резко сел на постели. Ну конечно! Ведь именно сегодня он покидает Бакхилл и отправляется в Орлан.

Дик мигом соскочил с широкого круглого ложа. Высок для своих шестнадцати, гибок и смугл. В теле парня уже проглядывают мужские пропорции — широкие плечи, крепкий торс, — но мышцы пока еще надежно скрыты под слоем мальчишеского жирка. Порывистые движения выдают какую-то незавершенность в строении тела.

Пробежав по шелковистому ковру, Дик заскочил в ванную. Там немного постоял на холодном мраморе, зябко поджимая пальцы, а потом втянул в себя воздух, резко выдохнул и нырнул в бассейн. Золотые рыбки в испуге разлетались по сторонам. На дне — кафель цвета морской волны, а по стенкам — желтоватые светильники. Дик выгнулся и вынырнул на поверхность. Два гребка — и вот уже мелководье. Брызгаясь и пыхтя, он перевернулся на спину. Потом огляделся, никого не увидел и громко позвал:

— Сэм!

В ванную тут же с банкой и кисточкой притопал полусонный срак. Рослый парень с одутловатой физиономией, всего на год старше Дика. Выросли они вместе. Ни слова ни говоря, Сэм с ног до головы покрыл хозяина густой пеной. Потом натер лицо и волосы смягчающими составами и чисто выбрил Дика безопасной бритвой. Наконец подтянул шланг и пустил прохладную струю мельчайших брызг. Дик весело отдувался. А Сэм, как всегда, смешно оттопыривал нижнюю губу и покачивал нелепой головой с огромными, торчащими по сторонам ушами. С такими ушами не нужен и парашют, подумалось Дикю. Между лопатками у срака, как и у остальных, виднелась лиловая татуировка — застывший в прыжке олень, внизу надпись: «БАКХИЛЛ», а рядом несколько цифр, и все в

обрамлении лилового венка. Так до конца и не проснувшись, Сэм молча завернул хозяина в полотенце и стал вытирать.

— А знаешь, Сэм, я ведь сегодня последний день в Бакхилле, — сказал Дик.

— Да, миста Дик. Завтра уже в Колорадо.

— На четыре года. Когда вернусь, мне будет за двадцать.

— Ага, миста Дик, за двадцать. Точно, миста Дик.

Начиная раздражаться, Дик возмущенно фыркнул. Да, конечно, парень всего-навсего срак — или «раб», если хочешь угодить папе и использовать старое словцо — но ведь должны же и сраки испытывать какие-то чувства! В журнальных рассказах и телесериалах они начинают выть уже от самой мысли о том, что их молодые хозяева куда-нибудь уезжают. Так в чем же дело? Почему Сэм так оскорбительно бесстрастен?

Тут Дик вдруг остро почувствовал голод и мигом позабыл о гневе.

— Яичницу с ветчиной, — приказал он, сам берясь за полотенце. — Еще тарелку оладий, Сэм, и кофе с молоком. Скажи — пусть поторопятся. Я умираю от голода.

Пока срак звонил на кухню и передавал приказ хозяина, Дик достал из шкафа свежее белье и принялся одеваться сам, время от времени поглядывая на стенной экран. Телевизор был настроен на канал «КИНГ-ТВ» в крепости Буффало. Вполглаза наблюдая за выделяющимися всевозможные кренделя музыкантами, Дик в такт покачивал головой. Ему нравилась только военная музыка. Другой он просто не признавал.

Наконец Сэм вернулся от телефона и что-то забормотал в самое ухо, но музыка заглушала слугу.

— Что? — раздраженно переспросил Дик. — Выруби эту штуковину.

Сэм потянулся к правой кнопке пульта на прикроватном столике — музыка похрипела и умолкла.

— Повар говорит, — повторил срак, — он сейчас слишком занят, миста Дик. Готовится к банкету. Делать вам завтрак нет времени. Так, может, мне сходить в Кладовую за двояком или...

— К черту, — перебил Дик и тут же умолк, втягивая живот, чтобы застегнуть ширинку на синих с оранжевым брюках. Да, дело тут не в покрое — просто он и из них уже вырос. — Проклятье, почему из-за этих чертовых банкетов все вечно должны стоять на рогах?

— Что, миста?

— Ничего. Выметайся. В темпе. Я сам схожу.

В коридоре двое сраков в легких комбинезонах одну за другой снимали стенные панели и тут же ставили новые — точно такие же, если не считать того, что старые сплошь покрылись сине-зеленым налетом, а новые так и сияли свежей бронзой. Видно, только-только от Гамна. Фигуры на барельефах уже казались Дику старыми знакомыми. Сколько он себя помнил, эти барельефы всегда были здесь, медленно тускнея в извечном ритме. Дик остановился, в тысячу первый раз оглядывая до боли знакомые лица двух мужчин, крепко сжимающих винтовки. Суровые лица опять сияли как новенькие.

Раскинувшийся внизу Главный Зал оказался пуст, если не считать усердно драившего полы домашнего срака. Слуга старался, как мог, голые руки его блестели от пота. Ряды столов отражали свет роскошных люстр — скатерти тут еще не расстелили.

На больших электронных часах было двадцать пять минут восьмого. Родители, наверное, еще вставать и не думают. Констанция-то уж точно не собирается. Сестренка за последнее время стала страшной лежебокой. Адам, Феликс и Эдуард наверняка проснулись, а вот где они, кто их знает. Щенки бесчувственные! Как пить дать ускакали верхом или катаются где-нибудь на лодке. Нет чтобы первым делом повидаться с братом в его последний день под родным кровом...

«Нет, зря я так, — мысленно спохватился Дик. — А все от того, что до сих пор не позавтракал. Двояк яичницы — гадость, конечно, порядочная, но хоть что-то в желудке осядет».

Кладовая размещалась в холодных погребах, освещенных островками вделанных в потолок люминитов. В одной из таких световых лужиц, как раз у прилавка Фоссума, толпилось целое скопище сраков. Какое-то время Дику даже не удавалось привлечь к себе внимание старика. Тогда, растолкав сраков локтями, он пробился к самому прилавку.

В воспаленных глазах Фоссума просвечивало раздражение. Со своим красным клювом и редким пухом на узком черепе старик напоминал только-только оперившегося птенца, жадно хватающего очередного червя.

— Чего-чего? — скрипел он. — Так, одну хрустальную вазу с розами и чего еще? А? Ага, ландышей... понятно. Чего? И сот-

ню чего? А? Воздушных шариков? Почему сразу толком не сказать? Да не орите все сразу! Что, полминуты не подождать? Ага, понял, семнадцать подсвечников. Да заткнись ты! Погоди, говорю. Погоди. У меня только две руки и одна голова...

— Фоссум! — благим матом заорал Дик.

Старик скорчил совсем кислую физиономию. Потом, нервно подергиваясь, покорно выслушал заказ Дика. Нацарапал какие-то каракули у себя в блокноте и как будто собрался повернуться к очередному нетерпеливому сраку.

— Нет, Фоссум, — рывкнул Дик. — Сейчас. И в темпе.

Тогда старик неохотно зашаркал по проходу — и мерцающее пятнышко холодного света двинулось вслед за ним. Остановился Фоссум под вывеской с надписью: «ЕДА». Высокие стеллажи этой секции, как и всех остальных, были поделены на отдельные ячейки, в каждой из которых помещалась бурая шишковатая дуля. По всему проходу располагались тысячи таких стеллажей — аж в глазах рябило от ячеек. На первый взгляд бурые дули казались неровными булыжниками или засушенными корнеплодами.

Проведя узловатым пальцем по рядам ячеек, Фоссум нашел нужную и выхватил оттуда твердый комок. Потом, что-то недовольно ворча себе под нос, отправился в Зал Гамна. Массивная дверь захлопнулась.

Дик нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Еще с детства он знал, что бурая дуля на самом деле именуется «удержанным прототипом», или, для краткости, «упротом». Собственно, это и был его завтрак в своей неузнаваемой миниатюре — приготовленный лет двадцать назад и удвоенный на Гамне, но не до конца. Процесс остановили на середине — и в результате получилась не стремительно охлаждающаяся яичница с ветчиной, а уродливый комок квазиматерии. Когда Фоссум поместит упрот на ту же перекладину Гамна и уберет ингибитор, на другой перекладине появится точная копия. Но уже не упрота, а той самой яичницы с ветчиной.

Да, весь процесс был Дикю до боли знаком. Вообще-то, если задуматься, то он скрепя сердце все-таки согласился бы, что Гамно — настоящее чудо. А так он с самого детства свыкся со странным крестом и обычно считал Гамно таким же заурядным предметом обихода, как телевизор или вертолет. В данный же момент Дика волновало только одно — выбрал ли Фоссум нуж-

ный упрот. Старый дурень запросто может подsunуть какое-нибудь тошнотворное подобие. С него станется.

Ага, вот и старик — топает в кружке света и катит перед собой маленькую тележку. На тележке — дымящийся поднос. Фоссум помедлил у стеллажа и положил упрот на место, но через считанные мгновения он уже ставил поднос на прилавок. Так, яичница с ветчиной, тосты, кофе с молоком. Золотистые желтки подрагивают — вот-вот растекутся.

Дик так и зашелся в разъяренном вопле:

— Фоссум! Я же сказал! Яйца сверху! Ч-черт... Ну что в самом деле за идиотство! — Он поймал взгляд ближайшего срака и жестом приказал ему нести поднос, а сам с хмурым видом направился к одному из столиков, выстроившихся у ближайшей стены.

День определенно был испорчен. Да, конечно, питательностью и вкусом удвоенная еда нисколько не отличалась от натуральной — но не в этом же дело! Ведь удвоенную пищу обычно ели только сраки. А свободные люди питались специально приготовленными блюдами. Хотя ингредиентами все равно служили дво-яки, так что разница получалась незначительной. Но ведь была же она, эта разница!

Дик поедал свой завтрак с аппетитом, но без всякого удовольствия. Запихал в себя остатки яичницы, отломил еще кусочек тоста, а потом плюнул и швырнул поднос со всем его содержимым в мусоропровод.

И все-таки завтрак — большое дело. По-прежнему хмурый, но уже не столь раздраженный, Дик прошел по коридору, миновал кухни с их умопомрачительными запахами жаркого и выпечки и воспользовался выходом к склону холма. В свежем прохладном воздухе веяло ароматами цветов и чуть попахивало свежескошенной травой. Сам того не желая, Дик мигом страхнул с себя хандру и радостно вдохнул полной грудью. Потом легко побежал по тропке.

Но, пробежав метров десять, оглянулся. Освещенный прохладными солнечными лучами, над ним бугристой громадой нависал серый Бакхилл. Казалось, царство неживой природы замыслило соорудить здесь собственное библейское чудовище наподобие бегемота — и почти в этом преуспело. Незавершенный монстр словно дремал в ожидании последнего судорожного усилия, что должно было пробудить его к жизни.

Старинную гостиницу — дугообразную гору гранита отчасти в испанском стиле, отчасти в альпийском, возвели еще во времена демократии, в те дни, когда холмы Поконо кишели отдыхающими, что раз в году вырывались из своих тесных клеток в Нью-Йорке и Филадельфии. Первый Владелец Бакхилла добавил к отелю кое-какие укрепления и три чудовищно уродливые сторожевые башни. Второй Владелец (первый Джонс, племянник знаменитого Натана Макдональда, чей портрет украшал теперь Длинный Коридор) построил аэродром, целую систему подземных бункеров и буквально усеял весь Бакхилл огневыми точками. Но уже третий Владелец, Джон Джонс, двоюродный дед Дика, добавил к сооружению лишь несколько теннисных кортов, площадок для сквоша и тому подобных мелочей. А четвертый Владелец, отец Дика, если не считать ремонта и некоторого благоустройства, вообще оставил тут все как было.

И Дика это устраивало. Именно таким Бакхилл ему и нравился. Когда придет его очередь стать Владетелем, он здесь и камня не тронет. Оставит даже уродливые башни. А Данливи пусть раз за разом рассаживает по своим местам одни и те же удвоенные кусты и цветочные клумбы. Хоть целую вечность. Так, по мнению Дика, должна была идти здесь жизнь.

Но пока что Дику всего шестнадцать. Далеко ему еще до Владетеля. К тому же предстоит на четыре года отправиться в Колорадо.

Некогда случилось так, что прадед Дика сумел взять и удержать Бакхилл только благодаря помощи рода Макдональдов — предков по боковой линии нынешнего колорадского Вождя. В результате Бакхилл по-прежнему считался самым могущественным домом на всем Восточном Побережье севернее поместья Чарльстон, а каждый новый наследник его Владетеля автоматически становился бригадным офицером армии Вождя и нес четырехлетнюю службу в Орлане. Служба эта считалась делом чести, и Дик с нетерпением ее дожидался, но и отказаться от нее даже при желании не мог. Такие дела.

Тени, будто воды, сомкнулись у Дика над головой, стоило ему углубиться в лощину. Слева по склону выющиеся побеги и мхи буквально сочились влагой, а в воздухе пахло плесенью. У самого первого поворота Дик наткнулся на двух садовых сраков, что старательно выкорчевывали упавший поперек тропы молодой кленик. Под открытыми корнями виднелась со-

чная, влажная почва, а отрубленные ветви дерева придавали воздуху особый привкус. Заметив Дика, двое сраков, ни слова не говоря, оперлись о свои топоры и стали ждать. Во мгле лощины светились их светло-голубые глаза. Дик перебрался через ствол кленика и направился дальше.

А дальше воздух был уже столь недвижим, будто его вылили туда годы назад да так и оставили. Дик на ходу наклонился к берегу и лениво провел рукой по мясисто-остистому ковру плаунов. Росло их тут три вида. Помнится, он без зубовного скрежета заучил их названия, когда прогуливался здесь с гувернером Паджеттом. Сколько же раз хаживали они по этой тропке!

Да, тут тебе ботаника, а чуть дальше — и петрология. Вот они, раскрытые страницы огромной каменной книги: известняк, сланец, красный песчаник, мергель...

Ботаника, экология, лесоводство... Дик помедлил перед трехметровым в обхвате стволом тсуги Уильяма Пенна. Потом вскарабкался по склону к дереву, чтобы всем телом прижаться к шершавой, жесткой коре. Если смотреть вверх, то ствол тсуги исчезал в каком-то невообразимом далеке. У Дика даже голова закружилась. Казалось, дерево растет не вверх и не под углом, а вниз, погружаясь в бездонное море листвы.

Дик отошел от тсуги, чувствуя себя жалкой букашкой — как бывало всякий раз, когда он оглядывал ствол громадного дерева. «Кто тебе позволил?» — такие слова приходили ему на ум. Хотя, если вдуматься, сущая нелепость. Дик (в последний раз?) повернулся спиной к могучей тсуге и стал спускаться дальше.

Давно уже прислушиваясь к шуму воды, он наконец его расслышал. Чем дальше Дик петлял по извилистой лестнице, тем громче шумела вода, уже начиная заглушать его гулкие шаги. Верхний водопад, щедро напоенный весенними дождями, с тяжелым грохотом обрушивался в верхний бассейн. В воздухе висело целое облако мельчайших брызг, за которым почти не просматривалась пещера по ту сторону бассейна, на холодном и скользком полу, которой они с Адамом так часто играли то в Робинзона Крузо, то в капитана Немо, то еще в какого-нибудь героя старых книжек...

Дик прошел по берегу мимо темного среднего бассейна, спускаясь все дальше в лощину. Даже сюда лучи утреннего солнца еще не добрались — попадал только их слабый отсвет, будто на зимней заре. В нижнем бассейне вода казалась про-

зрачной, как тающий лед, и такой же холодной. Она едва покрывала гладкие красные камни, разделенные поразительными границами зеленых водорослей. Дик перебрался по мостку на другой берег, наслаждаясь глухим безмолвием, что возрастало с каждым шагом, удалявшим его от ближайшего человеческого жилья.

Это место почему-то казалось ему самым сердцем Бакхилла. Поля наверху сейчас полны птичьего гомона — там всюю раскричались скворцы и сойки, вороны и кардиналы. А здесь ни звука. Даже шум водопадов заметно приумолк. Тихое, потайное место. Место, вокруг которого вертится все остальное. С ним-то теперь и пришел попрощаться Дик.

Когда он наконец поднялся с поросшего сорняками берега, то вдруг сообразил, что уже и так слишком задержался. В лошаине даже само время, казалось, идет как-то по-иному. А может, оно вообще останавливается? Может, так и лежишь тут в безвременье, пока вдруг не очухиваешься с затекшими конечностями и пустым желудком?

Тут Дик вспомнил, что ленча сегодня не предвидится — опять же по случаю банкета. Дик торопливо прошел по нижнему мостку и принялся карабкаться вверх по склону, направляясь к дому по той же узенькой тропке. Солнце уже поднялось высоко. Еще минут пятнадцать — и оно зальет яркими лучами всю лошину. Жаркий будет денек. Весь красный и запыхавшийся, Дик наконец добрался до кухонь.

А там было совсем не продохнуть. Целая преисподняя, полная багровых носов, с которых то и дело падают крупные капли пота, забрызганных жиром передников, громогласных проклятий, гремящих тарелок и путающихся под ногами поварят. Дыхание перехватывало от божественных ароматов уток, гусей, фазанов, каплунов, голубей. А еще — от оленины, пирогов с мясом, целых поросят, ягнячьей грудинки. А еще — от сваренных на пару устриц, морских моллюсков, гигантских креветок, омаров, мягкопанцирных крабов. А еще — от трески, тунца, макрели, меч-рыбы, лосося. А еще — от компотов, пряных приправ, кисло-сладких соусов, сыров, пудингов. А еще — от хлебов, рулетов, бисквитов, печенья «детские палочки», пирогов, кексов больших и малых. Всюду мелькали сальные мордашки поварят, хлопали дверцы духовок, гремели тарелки. Все вопило на разные голоса. Казалось, еще чуть-чуть, и здесь начнется

всеобщее помешательство. Вот на пол грохнулся стальной поднос, вот отчаянный звон бьющейся посуды — и тут же пороссячий визг самого маленького поваренка, а взрослые повара спешат обрушить на него свой праведный гнев. Дик улучил момент и скользнул к длинному столу, украшенному цветочными вазами (все цветы пахли исключительно раскаленным жиром). Потом — к прилавку, где на тарелках уже разложены элегантные ломтики сыров. Дик одной рукой ловко ухватил себе побольше сыру, другой сцапал кувшин с молоком — и был таков.

То, что и молоко, и сыр были удвоены, не имело для Дика ровным счетом никакого значения. Ведь он стащил еду с кухни, как свободный, а не выклянчил ее у Фоссума, как какой-нибудь срак. С аппетитом проглотив свой второй завтрак в беседке рядом с полем для игры в шары, Дик бросил объедки под ближайший куст и бодро зашагал по склону холма мимо павильона и теннисных кортов. Чуть ли не каждый шаг будил воспоминания. Почва, сорняки в укромных уголках, даже сам травяной покров ничуть не переменялись за все эти годы. Все: и пейзаж, и запахи, и звуки — казалось родным и до боли знакомым. Дик помедлил на самом краю плаца, где маленький оружейник Блашфилд орал на взвод новобранцев:

— Шаго-ом-арш! Ать-два, ать-два! Левой, левой! Эй, там, на правом фланге! Левой, левой! Левой, бараны!

Солнечный свет играл на стволах учебных винтовок, неловкие ноги в зеленую полоску все поднимались и опускались.

А вот Ремесленные Ряды, где раскаленный воздух, как всегда, поднимается от гончарных печей, а из невысоких прохладных сарайчиков, где работают сапожники и резчики по дереву, доносится прерывистый перестук. У одного из таких сарайчиков в пыли валялась дворняга, ожесточенно почесывая себя за ухом. Вот ритмичное «тум-тум, тум-тум!» из кузницы так умиротворяюще падает в безмолвие. Высоко над крышами столярных мастерских на опаленном молнией дубе завел свою песню дрозд. А Дик с замиранием сердца устремился к конюшням.

Конюхи как раз выводили арабов и других чистокровных гнедой и серой масти. Кони гордо вздымали благородные головы, рвались из узды. Дик с наслаждением истинного знатока немного понаблюдав за ними, а потом устремился к стойлу своего любимца, Моргана Цыганского Скрипача. Мерица

только-только почистили, и шкура его блестела как шелковая. Едва заметив Дика, конь поднял голову — потом негромко заржал и высунул морду над дверцей. У трехлетнего Скрипача была широкая грудь и сравнительно короткий корпус — идеальный, с точки зрения Дика, для скачек по пересеченной местности. Тут подошел один из конюхов.

— Хотите покататься, миста?

Дик жестом отпустил срака и сам оседлал мерина. Помчались они вверх по узенькой тропке мимо травянистых полянок и цветущих яблоневых садов. Убаюканный мягким воздухом и ровным движением, Дик вдруг представил себя в роскошном мундире, в шлеме с павлиньим пером — как он смело ведет свой эскадрон против неведомого, но опасного врага.

А ведь всего четыре года назад... Четыре года назад ему было всего двенадцать и с виду он был суший головастик. С тех пор Дик уже успел сломать ногу на льду, научился прыгать с вышки, удостоился похвалы Блашфилда за стрельбу из пистолета, вытянулся сантиметров на двадцать пять, начал бриться, убил своего первого оленя... да мало ли чего еще. И все за четыре года.

Дик представил себе, как он, высокий и сильный, с осунувшимся лицом, но широкими плечами, возвращается домой, и во взгляде его — что-то непередаваемое. А мама встречает его в дверях и кричит:

— Ричард! Ричард! Ведь отец уже...

Тут Дик вздрогнул и очнулся. Мерин довез его по тропке до самой вершины. Небо здесь казалось огромной голубой чашей, а далеко на севере вдруг что-то сверкнуло. Вертолет подлетал все ближе и уже начинал снижаться. А за ним — другой, третий... Гости прибывали.

Глава 5

В Верхнем Зале яблоку негде было упасть, а в ушах звенело от непрерывного шума. Множество женщин — кто в облаках шифона, кто в твидовых брюках; кто с яркими кружками румян на щеках, как куклы, а у кого только чистый природный румянец от доброй еды, вина и свежего воздуха. Сетуют на дальнюю поездку, возятся с детьми. Натываясь друг на друга, нервно

раскланиваются — будто куры, ищущие, кого бы клонуть. Туда-сюда шастают сраки, сгибаясь под горами личного багажа гостей: любимых теннисных ракеток, ветровок, пижам, складных паланкинов — короче, всевозможного и порой совершенно неожиданного барахла. Детей куда больше, чем обычно. Одни истекают соплями, других тошнит после перелета. Одни, выписывая кренделя, носятся в толпе, другие просто сидят на полу и безутешно воют. А все свободные мужчины с холмов Поконо и всех окрестностей ковыляют тут и там на затекших ногах, искоса поглядывая друг на друга. Непонятно зачем вооруженные, закручивают лихие усы и подозрительно озираются, будто псы в чужой конуре.

В самой середине важно попыхивающей сигарами группы мужчин Дик заметил отца и подобрался поближе.

— Хотел дожидаться второй течки, но...

— А что вы об этом скажете? Сюда, парень, тащи футляр сюда. Да, сэр. Вот так-то. Прелестное духовое ружье 1870 года. Работа самого Шаспо. Выменял его у старины Флака за двух черных лабрадоров...

— ...получается, теперь остались только копии этих ежедневных выпусков. И, кстати говоря, о «Браслетках» немногие вообще слышали, но по моему мнению...

Да вот он, отец — возбужденный, с огнем в глазах. Таким папа бывает всегда, стоит ему только заикнуться про газетные комиксы двадцатого века. Он уже собрал целые тонны этой макулатуры — все запакованы в прозрачный пластик и аккуратнейшим образом разложены по особым ячейкам в Зале Комиксов. Собирал их с самого детства. Наконец Владелец заметил Дика, рассеянno кивнул и продолжил:

— ...если с долей иронии, то чтобы понять подлинный дух той эпохи, следует внимательно изучить «Браслетки». И вот еще что. Вы, наверное, не знаете. Ведь этот ловкач Татхилл просто бросал очередной комикс, когда надоедало, и ни один другой художник уже не брался его дорисовать. Весьма примечательный факт, особенно если вспомнить, как все тогда рвались заработать побольше денег...

Отец Дика, четвертый Владелец Бакхилла, был строен и невысок. Тонкие черты лица, ясный и открытый взгляд. Тем не менее необычайно силен и ловок. О нехватке гренадерского роста Владелец, судя по всему, даже и не задумывался.

Правил он Бакхиллом умело, твердой рукой, — и не было на всем Восточном Побережье более процветающего поместья.

А вот Джордж Джонс из Твин-Лейкса, младший брат Владетеля, казался выходцем совсем из другого рода. Высокий, широк в кости, с тяжелым подбородком и выступающими надбровьями. За последние несколько лет заметно поднакопил жирку, и теперь под зеленым парчовым жилетом выпячивалось изрядное брюшко. На первый взгляд именно Джордж казался старшим из братьев. Грубые черты его лица носили отдаленное сходство с родом Макдональдов, а Джордж еще и подчеркивал это сходство, старательно начесывая на лоб жесткую седоватую челку.

— Будь благодарен, Фред, — как раз говорил он Владетелю, когда Дик подошел к ним вплотную. — Ты же сам исчислил охрану поместья в пятьсот боеспособных сраков. А мне известно, что их у тебя по крайней мере на сотню больше. Простое позорище! Тебе еще лет пять назад следовало утопить несколько младенцев, чтобы преподать сракам хороший урок.

Отец Дика решительно покачал головой:

— Я никогда себе такого не позволю, Джордж. Даже по отношению к рабу.

— Тогда хоть начни отрубать им указательные пальцы. Хотя бы это. Пойми, Фред, ведь я о твоем же благе пекусь. Больно уж ты с ними миндальничаешь. Тебе кажется, так может продолжаться целую вечность, но ведь рано или поздно Вождь пришлет своего ревизора. Обязательно придет. И тогда тебе придется туго, очень туго.

Дик не стал терять время и двинулся дальше. Все это он уже сотни раз слышал и ни секунды не сомневался, что еще сотни раз выслушает. Да вот и прошлые гостевые дни, с месяц назад, не считая немногих приятных моментов, оказались сущим расстройством. Дик вдруг понял, что прислушивается к разговорам и наблюдает за происходящим со все нарастающим раздражением. Радости мало, но и от законов гостеприимства никуда не денешься.

Ага, а вот и знакомая фигура — коротышка Эколс из Скаруна. Толстое брюхо забрано под алый кушак. В одной руке — сигара, в другой — бокал шампанского. Особо приятным на вид Эколса вряд ли бы кто назвал, но ни одна вечеринка в округе без забавного коротышки не обходилась. Дику вдруг не к месту

подумалась, что этого алого кушака ему больше не видать — и не то что четыре года, а быть может, до конца своих дней.

Но тут к нему сквозь толпу заторопился другой знакомец. Этого Дик узнал уже без малейшей тени удовольствия. Кессель, его кузен. Единственный сын дяди Джорджа. Кессель, двумя годами старше Дика. Кессель — хмурый черноволосый юнец. В детстве Дик дрался с этим бараном всякий раз, когда встречались их семьи. Но из драк, как это порой бывает, не выросло дружбы. Немного повзрослев, они научились художественно переносить друг друга, однако взаимная неприязнь никуда не делась. Дик искренне считал Кесселя угрюмым и злобным уродом. Милого кузена всю жизнь бесило то, что он всего-навсего старший сын представителя младшей линии рода. Как же хотелось недоноску заполучить Бакхилл! Любой ценой.

Впрочем, для законного наследника Владетеля Бакхилла законы гостеприимства опять-таки оставались законами гостеприимства.

— Привет, Кес, — непринужденно поздоровался Дик и протянул ненавистному кузену руку. — Рад тебя видеть. И все такое прочее. — Они обменялись скованными рукопожатиями, а потом с облегчением отняли руки. — Гм... не желаешь ли чего-нибудь? — любезно продолжил Дик. — Туалеты у нас вон там, если не забыл.

— Спасибо, не забыл, — слишком поспешно отозвался Кессель. На лице у кузена ясно читалось желание найти предлог для ухода. — Немного пить хочется, — с надеждой добавил он.

Скованный по рукам и ногам правилами хорошего тона, Дик вынужден был предложить:

— Шампанское? Токай? Эль? — Тут он поймал за рукав проходившего мимо лакея. — Быть может, кларет? — продолжил он, видя колебания Кесселя. — Портвейн? Рислинг?

— Рислинга нет, миста, — тут же вмешался лакей, звеня бутылками у себя на тележке.

— Рислинг, — решительно кивнул Кессель. — Да, пожалуй, рислинг. Может, я поищу тут другого лакея... — И он собрался было уйти.

Предлог вышел неудачный, и Дик мысленно ошетинился.

— Да, полагаю, лакей тут не один, — выразительно произнес он. — Подожди минутку, будь любезен. — Тут Дик сверк-

нул глазами сначала на Кесселя, а потом на несчастного лакея. Бедняга вздрогнул, судорожно закивал и стремительно юркнул в толпу.

Дик с Кесселем избегали встречаться взглядами, пока слуга не вернулся. С ним был еще лакей, точно с такой же тележкой. Второй срак откупорил бутылку золотистой влаги и торопливо наполнил два бокала. Потом протянул один Кесселю, другой — Дик.

— Рислинг, — холодно заметил Дик.

Кессель взял у лакея свой бокал.

— Да, спасибо. Его-то мне и хотелось, — с фальшивой задушевностью поблагодарил он. Потом отхлебнул. — Очень даже ничего. Правда.

— Да ну, — равнодушно отозвался Дик. — Всего-навсего рудесхаймер. Если хочешь, я мог бы найти могаук семьдесят пяти лет.

— Нет-нет, спасибо. Этот тоже совсем неплох.

Держась за свои бокалы, враги обменялись ничего не значащими взглядами. До обоих вдруг дошло, что они поставили себя в положение, достойного выхода из которого пока что и на горизонте не просвечивало. Кессель решил было осушить бокал одним хорошим глотком, но тут же, к великому облегчению Дика, передумал. Ведь тогда Дик как радушный хозяин обязан был бы всучить любезному кузену еще бокал, а Кессель как вежливый гость обязан был бы и его выпить.

— А-а, ч-черт! — вырвалось наконец у Дика. — Слушай, Кессель. Мнение друг о друге у нас давно сложилось, не так ли? Но ведь это не значит, что мы не можем хотя бы полчаса друг друга потерпеть. Правда? Ну так пошли послушаем музыку.

Речь шла о серьезной уступке со стороны Дика. Ведь под «музыкой» имелся в виду диксиленд — гнусная какофония, которую так обожал Кессель и от которой Дика всякий раз тянуло поближе к унитазу. Физиономия кузена как по волшебству прояснилась.

— Вот здорово! Пошли! — загорелся он.

Они направились к внутренним залам. По пути Дик швырнул свой почти не тронутый бокал в ближайший мусоросборник, и Кессель последовал его примеру.

Толпа уже мало-помалу начинала рассеиваться по дому и рассыпаться на небольшие компании. Чем дальше Дик с Кес-

селем заходили, тем чаще натыкались на такие компании: кто-то разглядывал коллекции и трофеи, кто-то смотрел телевизор, кто-то сидел за карточными столиками. Остальные ели, пили, натирали мелкими бильярдные кии, листали книги, шупали служанок — короче, развлекались, как могли. А некоторые уже успели изрядно набраться и теперь голосили песни. Малопьющие собирались кучками и болтали о всякой всячине или просто беззаботно прогуливались.

Музыкантов Дик обнаружил в одной из небольших гостиных, где они исполняли баллады двадцатого века перед более чем скромной аудиторией. Да и та их не особенно слушала.

Дик поймал взгляд дирижера — седеющего старикана по имени Бакки Уильямс. Подобно всем музыкантам, Бакки вырос в поместье и перенял мастерство у своего предшественника. Некоторым такая процедура казалась пустой тратой времени. Конечно, куда легче сварганить упот любого музыканта, а потом, когда оригинал износится, получить из упота его двойок. Только отец Дика на дух не переносил удваивания сраков.

— Диксиленд? — переспросил Бакки. — Конечно. Конечно, сэр. — Потом перемигнулся с четырьмя остальными. Духовики приложили к губам инструменты, а пианист с барабанщиком задолдонили дурацкий ритм. Наконец все пятеро затрендели, по мнению Дика, мерзкую какофонию. Временами у одного вроде бы проскакивал какой-нибудь старый добрый мотив, но остальные всякий раз упорно отказывались его подхватить. Дик сидел и мужественно переживал первый приступ тошноты. Потом второй, третий...

Чувствовал он себя так, будто ему связали руки и вставили хорошую клизму, но наследник Владетеля терпел, закусив губу, пока, наконец, самый желанный из всех голосов не перебил жуткий звуковой смрад.

«Начинаются состязания по стрельбе из легкого оружия, — загремел комнатный громкоговоритель. — Соревнующихся убедительно просят немедленно собраться на стрельбище. Сначала пройдут состязания по стрельбе из произвольного оружия с дистанций пятьдесят и сто метров».

Тут же во всех смежных комнатах послышался невнятный гул разговоров и шелест одежд. Вот ликующие выкрики и топот по коридору. Столкновения, ругань, проклятия. А громче всего —

злое гудение зуммеров, призывающих личных сраков. Дик тоже достал свой сигнализатор и нажал на кнопку, но лампочка индикатора не засветилась. Должно быть, Сэм оказался слишком далеко. Сигнальные волны распространялись лишь в радиусе полутора сотен метров. ...Или передатчик вышел из строя раньше обычного. В этой модели имелся нераспознаваемый дефект, но обычно она исправно действовала не меньше трех недель до поломки. Так или иначе, у Дика появилась уважительная причина отделаться от Кесселя — причем сразу и без лишних разговоров. Отвесив врагу легкий кивок, Дик нырнул в коридор и через встречный поток гостей стал пробиваться обратно к лифту.

Сэма он без труда отыскал в Главном Зале, где тот был временно привлечен к развешиванию гирлянд. Радостно ухмыляясь, срак тут же помчался за оружейной тележкой Дика.

Дик тем временем стал с интересом осматриваться. Главный Зал уже почти подготовили к празднеству. Стены гордо разукрашены гибридными цветами из хозяйства Данливи. На каждом накрытом скатертью столе стоит переливающаяся под светом люстр хрустальная цветочная ваза. Музыканты в своей нише негромко настраивают инструменты. Возле дверей на кухню нервно переминается с ноги на ногу кучка лакеев, в то время как мажордом Персей с двумя главными лакеями легко танцуют от столика к столику — тут поправят вазу, там разглядят салфетку. Оглядывая роскошный зал, Дик снова почувствовал в желудке пустоту. Тогда он подошел к боковому столику и ухватил горсть орехов.

А тут и Сэм вернулся с тележкой. На ходу Дик проверил ее содержимое. Так, карабин Марлина, винчестер калибра 375, «Ремингтон-10», уникальный двуствольный «Шлосс-12» — ручная работа, на прикладе табличка: «НЕ ДВОЯЧИТЬ», «манлихер-шеннауэр» калибра 308, патроны отдельно к каждому, полтораметровый наградной жезл, подозрные трубы и бинокли в надежных футлярах, прицельный ругер калибра 22, обычный «смит-и-вессон» 38-го калибра, «кольт» 45-го, и к ним вся амуниция. На первый взгляд все каналы казались чистыми, но, присмотревшись повнимательнее, Дик заметил в стволе «ремингтона» крошечную точку ржавчины. Да, пора, пожалуй, выбросить все на помойку — кроме, естественно, «шлосса» — и получить у Фоссума двойки. По привычке Дик пристегнул к поясу «смит-и-вессон». Даже

стреляя из любого другого оружия, он с наслаждением ощущал при этом на бедре приятную тяжесть пистолета.

Почти все мужчины уже оказались впереди него — они аккуратно огибали стайки лениво прохаживающихся дам, сбивались в небольшие компании и оживленно болтали. Довольные лица рдели от спиртного и бурного общения. Перед ними рассыпались по сторонам расшалившиеся детишки, псы и затерявшиеся в общей сутолоке слуги. Времени, впрочем, пока хватало с избытком — трибуна у стрельбища была заполнена лишь на четверть. Большинство молодых людей в живописных позах стояли на склоне холма — каждый небрежно держал в руке свой наградной жезл с высеченными на нем красными, желтыми и белыми полосками. Самые сопливые — особенно те, чьи жезлы знаков отличия еще не носили — ввязывались в собственные импровизированные состязания — возились, боролись, боксировали, прыгали, плевались, кувыркались, метали ножи, и все такое прочее. Немного выше по склону гвернантки согнали в кучу несколько десятков малышей и, как всегда безуспешно, пытались завести хоровод — счастливый и разгневанный писк тонких голосков прорывался сквозь гомон толпы.

Дик с Сэмом миновали присевшего на холмик преподобного доктора Хампера. Обхватив руками колени, наклонив голову и не вынимая изо рта трубки, он с улыбкой слушал прибывшего из Фонтенбло священника американской католической церкви. Вообще-то, Хампер считался в Бакхилле посредственным капелланом. Вот его предшественник, преподобный доктор Морнингсайд, слыл образцом равно красноречивого и лаконичного оратора. Впрочем, о лучшем естественнорожденном англиканском священнике Бакхиллу и мечтать не приходилось. Их уже столько было удвоено многими знатными родами Восточного Побережья, что натуралы считались большой редкостью.

Впереди вдруг послышались громкий лай и рычание. Сквозь плотную толпу Дик удалось разглядеть двух сцепившихся псов. Один — прелестный колли. А вот другой — мерзкое чудище, помесь добермана с сенбернаром и еще невесть с кем. Втиснутые в плотный кружок, Дик и его личный срак с интересом наблюдали за схваткой. Драчка получалась славная, но когда стало казаться, что колли вот-вот крепко достанется, из толпы выступил мужчина в зеленом кителе и бриджах — и выстрелил из револьвера.

Испуганный колли рванул прочь. А дворянка осталась корчиться с простреленным задом. Зеленый аккуратно прицелился и выстрелил еще раз, теперь уже в голову.

Пес дернулся лишь раз — и застыл. Увлекаемый прочь рассасывающейся толпой, Дик успел еще раз оглянуться и был неприятно поражен отвратительным зрелищем. На коленях перед трупом стоял маленький срак в цветах Бакхилла и безутешно рыдал, положив голову на грудь убитому другу. Рядом в траве валялся поднос с фужерами.

А-а, ладно. Если сраки так уж хотят держать домашних животных и дают им плодиться как попало, то что тут поделаешь? Внизу, на площадке, оркестр уже заиграл «Да здравствует Бакхилл!». Пора добираться до места.

Стрельбище оказалось почти заполнено. Некоторые из соперников уже стреляли, и в воздухе висел резкий запах бездымного пороха. Дик беззаботно занял первое же свободное место и тут же запоздало обнаружил, что соседом его оказался Кесель. Кес тоже повернул голову — и несколько долгих секунд враги с неодолимым отвращением смотрели друг на друга. Потом Кес пожал плечами, повернулся к своему личному сраку и что-то ему сказал.

С девяти утра дул легкий ветерок. Сэм передал Дику заряженный карабин. Рядом уже выстрелил Кес, и тут же послышался голос:

— Десятка!

Дик кивнул сраку на мониторе, прицелился и выстрелил.

— Десятка! — выкрикнул срак.

Прямо в ухо Дику грохнуло оружие Кеса, и срак объявил:

— Девятка!

Выстрелил и Дик.

— Семерка!

Да, хорошего мало. Ничего, наверстаем. Он всегда стрелял лучше Кеса.

Всегда, но, кажется, не сегодня. То ли шумная толпа, то ли утренние разочарования, но что-то определенно выбивало Дика из колеи. Кес сажал неплохую серию девяток и десятков, а Дик, старательно целясь, стрелял очень неровно.

— Семерка, — выкрикивал с монитора срак. — Девятка... семерка... семерка... — Потом недоуменная пауза. И наконец: — В «молоко».

В «молоко»! С пятидесяти метров! Из собственного карабина! Острое чувство стыда буквально пронзило Дика. Ему страшно хотелось провалиться сквозь землю или расколотить карабином монитор и отправиться восвояси. Как он в понедельник посмотрит в глаза Блашфилду?..

Но ведь в понедельник не будет никакого Блашфилда. Опять он все забыл. Согретая солнцем куртка вдруг перестала приятно облегать спину. А карабин превратился в мертвую металлическую палку. Что он вообще делает на этом пошлом пикнике со стрельбой, когда в эти последние часы в Бакхилле нужно попроситься с озером, с фазановыми рощами, с конями?..

— Десятка! — радостно объявил срак на мониторе у Кесселя.

Дик невольно скосил глаза и увидел, как угрюмая физиономия кузена озарилась придурковатым восторгом. Руки предательски задрожали, а в горле совсем пересохло. Вдруг мелькнула мысль. Одно, только одно теперь доставит удовольствие. Втоптать в грязь эту поганую рожу...

Весь дрожа, Дик снова повернулся к мишени. Да, свой крутой нрав он уже знал в достатке. Все мужчины рода Добни всегда заводились с пол-оборота. Потому и жили недолго.

«Если хочешь умереть в своей постели, — не раз говаривал Дик у Блашфилда, — или умерь свой нрав, или научись стрелять вдвое лучше».

Непонятно как, но Дик все-таки удалось пройти во второй круг. Впрочем, одним из последних. Там дело пошло не лучше, хотя он постарался встать как можно дальше от Кесселя. Когда все закончилось, Дик лишь искоса взглянул на табло. Своего имени он там, естественно, не увидел, зато Кесу удалось попасть в самое начало второго десятка.

Но на этом несчастья не закончились. На стрельбище Дик задержался достаточно долго, чтобы Кессель успел пробраться сквозь толпу и пойти с ним бок о бок. Все гости теперь направлялись к дому. Не находя подходящей отговорки, враги молча плелись рядом.

Наконец Кес сказал:

— А знаешь, Дик...

— Что?

Кес, явно стесняясь, облизнул нижнюю губу.

— Ну, насчет завтра... — снова начал он и опять умолк.

Дик нетерпеливо свернул в сторону, огибая чешущую языками стайку солидных дам.

— Так что насчет завтра?

— Ну, в смысле, — не отставая от него, мямлил Кес, — насчет твоей поездки в Колорадо и всего такого.

Дик пристально взглянул на кузена.

— В смысле, — наконец разродился Кес, — что едешь ты, а не я. Знаешь, я думаю, это правильно.

Несколько мгновений Дик, не в силах вымолвить ни слова, просто смотрел на врага. Потом стиснул зубы и сжал кулаки. Дело плохо — уже не сдержаться.

— Да пошел ты к черту! — проорал он наконец, резко повернулся и пошел прочь.

Кессель тут же его догнал. Лошадиная морда кузена побледнела как смерть.

— Дик, никто не давал тебе права так со мной разговаривать...

— Оставь меня в покое, — с трудом процедил Дик. — Оставь, говорю. Понял, парень?

— Слушай, Дик...

— Нет, это ты слушай! — уже не в силах сдерживаться, заорал Дик. — Куда ни пойду, везде твоя слюнявая харя! Срак! Вали отсюда, плесень!

Кессель совсем побелел и, покачивая тяжелыми кулаками, выговорил:

— Дик, извинись.

Дик молча повернулся и пошел к дому. Кессель за ним не последовал.

А дом уже снова наполнялся гостями. Одни спешили наверх, на состязания в кегельбане, другие предпочли карты и домино. Дик бесцельно бродил, заглядывая во все попадавшиеся по дороге игровые комнаты и гостиные. В Верхнем Зале он неожиданно наткнулся на свою мать. Жена Владетеля неспешно прогуливалась в окружении целой стайки дам в кокетливых шляпках и заметила Дика прежде, чем он успел улизнуть.

— Дик, что-нибудь случилось? — Она тут же приложила ладонь ко лбу сына, не обращая внимания на его слабые попытки оттолкнуть руку. — Да у тебя жар, детка.

— Нет. Просто на улице пекло.

— Дамы, — не оборачиваясь сказала мать Дика, — полагаю, вы уже знакомы с моим сыном Ричардом.

Молча стоя посреди нестройного хора охов и ахов, восклицаний вроде «ну надо же, как вымахал» и «вот какой молодец», мать внимательно изучала Дика критическим оком. Мама. Высокая блондинка с осанкой столь же величественной, что и у прочих Добни. Черты лица несколько резки — оттого и красавицей не назовешь. Дик и Констанция пошли в мать. Но что хорошо для него, не слишком красит Конси, втайне считал Дик. А вообще-то, мать обладала идеальными манерами хозяйки большого дома. Отвагой не уступала мужчинам. Рассказывали, что еще в девичестве она клюшкой для гольфа сшибла с ног взбесившегося срака, после чего как ни в чем не бывало продолжила игру.

Наконец мать сказала:

— Ну, если ты так уверен...

Дик тем временем закончил принужденно раскланиваться с ее спутницами. Вконец выбитый из колеи, он проборотал:

— Да-да. Все в порядке. Но мне надо поговорить с папой. Ты его случайно не видела?

— Посмотри в кабинете.

Мать тронула Дика за плечо и двинулась дальше — ее звучный голос стал удаляться по Залу:

— ...как вам известно, это крыло было перестроено отцом моего мужа в девяностых...

Дик тоже направился дальше, прибавив ходу. Все лифты оказались забиты гостями, так что пришлось доехать до верхнего этажа на эскалаторе, а потом подняться по крутой башенной лестнице. В прохладном полумраке пахнувшей кожей передней он постучал в резную эбеновую дверь. Потом вошел.

Отец, низко склонившись, сидел за эбеновым столом со стеклянной столешницей и читал письмо.

— А, это ты, Дик, — сказал он. — Посиди, я сейчас закончу.

Дик уселся на широкий диван у окна, в точности повторявший изгиб самой башни. Окно выходило на южный склон, и отсюда хорошо было видно, как утреннее солнце освещивает от вод катального озера. Над деревьями виднелись красные крыши конюшни, а за ними — серая сгорбленная громада старых укреплений. Почти сплошь заросшие лозой и понемногу осыпавшиеся, они окружали все поместье еще во времена прадеда

Дика тремя уровнями железобетона. Местами толщина стен достигала чуть ли не пяти метров, а ров когда-то можно было за десять минут доверху заполнить дымящей кислотой. Да, первый Джонс слыл человеком предусмотрительным. Так, он не сомневался, что атака на Бакхилл, если и зайдет дальше налегов малочисленной авиации, будет представлять собой массированное наступление пехоты.

Но вышло иначе. Никто на Бакхилл так и не напал. (Дик у детства казалось, что именно от этого разочарования прадедушка и скончался.) Впоследствии многие укрепления стали поперек дороги при благоустройстве поместья и были снесены. Только эта серая громада и осталась. А войн за последние сорок лет совсем не было, даже локальных...

Дик обернулся и посмотрел на отца. Тот как раз выпрямился в резном эбеновом кресле, которое идеально подходило к его фигуре, хотя массивные подлокотники делали Владетеля чуть выше ростом. Тусклый холодный свет падал из окна под самым куполом, метрах в шести над его головой. Вокруг светового колодца ярус за ярусом возвышались книжные полки, заполненные солиднейшими томами в роскошных кожаных переплетах. На каждом томе красовался родовой герб Джонсов. Все окна были закрыты — и в воздухе висели тяжелые запахи кожи, бумаги, табака и полировки. «Будь это моя комната, — невольно подумал Дик, — я распахнул бы все окна и впустил сюда ветер...»

Наконец отец сложил письмо и взглянул на Дика, потом откинулся на спинку кресла и достал из жилетного кармана старинные часики. Открыл крышку — и почти тут же защелкнул.

— Так, ладно. Ну, Дик, что случилось?

— Знаешь, папа, — начал Дик, — по-моему, Кессель будет добиваться разрешения вызвать меня на дуэль.

Сам не зная почему, Дик внутренне напрягся. Владетель, однако, произнес только:

— Расскажи — как.

Дик постарался сделать рассказ как можно короче, а под конец добавил:

— Потом, в доме, я опять видел Кеса. По-моему, он меня заметил. Но прошел мимо. И в лице у него было что-то такое...

— Какое?

— Ну, как будто он что-то для себя решил.

Владелец кивнул — устало и задумчиво. Потом разложил на столе какие-то бумаги и тут же отпихнул их в сторону.

— Что ж, дело плохо, Ричард. Полагаю, никаких сомнений, что ты его спровоцировал, а не наоборот?

Дик заколебался.

— Да. Пожалуй, никаких, — нехотя согласился он.

— Пойми, Дик, мне от тебя не нужно ни объяснений, ни знаков раскаянья, — с расстановкой произнес отец. — И тем более я не собираюсь читать тебе мораль. Ты был вооружен и спровоцировал ссору. Давая тебе разрешение носить пистолет, я тем самым подразумевал, что там, где речь идет о чести, ты будешь вести себя как мужчина. Сейчас мне особенно хотелось бы на это надеяться. Если вызов будет брошен... — Тут зазвонил телефон. Владелец поднял трубку.

— Да. Хорошо, пусть приходят, — сказал он и положил трубку на место. — Итак, когда вызов будет брошен, — обращаясь к Дику, продолжил отец, — я, как глава семьи, постараюсь сделать все, что смогу... Полагаю, ты как раз и хочешь, чтобы я этим занялся?

Дик сглотнул слюну.

— Да. Да, папа. Пожалуйста.

— Очень хорошо. Если ты просишь моего совета, то я, конечно, его дам. Хотя выбор тут и так предельно прост. Надо или драться, или отступить.

— Да, отец. Я понимаю, — отозвался Дик и провел языком по пересохшим губам. Он по-прежнему оставался в сильном замешательстве, а если совсем начистоту, то был и немного напуган. Но одно он знал твердо: Владетелю за него стыдно не будет.

Вскоре дверь отворилась, и в кабинет тяжелыми шагами вошел дядя Джордж. Позади шел его шурин, дядя Флойд Логан, и кузен тети Джоанны по имени Алек Брубекер. Дядя Флойд, пузатый брюнет с гнилыми зубами, был старше остальных. Тощий кузен Алек отличался неестественно белой кожей и раздражительным нравом. Наконец в кабинет притаился и Кессель — чернее тучи.

Отец Дика окинул вошедших холодным взглядом.

— Надеюсь, на том диване вам будет удобно. Хотя и придется потесниться. Дик, будь добр, принеси Кесселю стул.

Разгневанное лицо дяди Джорджа еще сильнее побагровело, стоило ему заговорить:

— Боюсь, Фред, ты меня не понял. Дело очень личное.

Владетель удивленно приподнял брови.

— Правда? Но ведь тут твой сын Кессель.

— Кессель — сторона потерпевшая.

— Если его оскорбил кто-то из членов моей семьи, — сухо отозвался Владетель, — то вряд ли моя жена или дочь. Другие мои сыновья еще слишком малы, чтобы нанести кому-то серьезное оскорбление. Так что, насколько я понимаю, остается Ричард.

Дядя Джордж кивнул:

— Да, Фред. Это и правда Дик.

— Тогда ему лучше остаться. А раз уж ты привел своих родственников... — Владетель нажал кнопку зуммера на столе.

— Фред, дело семейное, — настойчиво произнес дядя Джордж.

— Именно. — Сраку, чья физиономия появилась на настольном экране, Владетель приказал: — Немедленно разыщи мистера Орвиля Добни и мистера Глена Добни и попроси их присоединиться к нам. — Экран замигал и погас. В холодном молчании Владетель оглядел всех пришедших. Тишина нарастала.

Наконец в комнату вошли двое дядьев Дика по материнской линии. Вид у них был хмурый и настороженный. Оба — высокие блондины со словно высеченными из камня лицами, пронзительными голубыми глазами и волосатыми ручищами. Старший из братьев, Орвиль Добни, славился своей привычкой сначала приканчивать обидчика, а уж потом заботиться о протоколе. Глен Добни, носивший лихие завитые усы, был чуть ниже ростом и поспокойнее, но не менее опасен. На правом ухе у него не хватало мочки. Говорили, что еще в юности, прежде чем отойти в мир иной, ее отстрелил Глену на дуэли один заезжий уроженец Корнуолла.

Владетель церемонно поздоровался с братьями и предложил им сесть. Небольшой кабинет оказался вконец переполнен людьми, и всем стало жарко. Отец Дика взял настольный портсигар и обошел с ним всю комнату. Пока мужчины обрезают и закуривали сигары, Владетель сел за стол, сложил перед собой руки и негромко начал.

Очень скоро Дик сообразил, что отец пересказывает всю историю родов Джонсов, Добни и Логанов начиная аж с само-

го Переворота. Остальные тоже постепенно стали понимать — и руки с сигарами замерли в воздухе, а на лицах появилось удивление. Потом все затихло и стали внимательно выслушивать рассказ. Причем не только из долга семейной чести — Владелец обладал поразительным даром рассказчика.

Одну за другой он обрисовал главные фигуры всех трех родов. И Иеремию Логана, что сражался с морганистами при Пимпл-Хилле и Большом Поконо. И Фабриция де Фореста Добни, патриарха рода, которого семейные сраки до сих пор видят в лунные ночи. Якобы носится он, подобно демону, в чем мать родила — не считая его знаменитой седой бороды. И Эдуарда Р. Джонса, что чуть ли не в одиночку завоевал Бакхилл.

И слушая этот наизусть известный ему рассказ, Дик вдруг впервые отчетливо ощутил не только то, сколь славна история его рода и сколь высока его репутация, но также сколь хрупкой она может оказаться.

Первый Джонс отобрал Бакхилл у прежнего владельца с помощью, откровенно говоря, вульгарного трюка. Выдал себя за срака, проник в дом и выкинул старого Августа Бойля из окна его спальни. Но ведь тот же поступок, что уже превратился в захватывающую семейную легенду, сегодня расценили бы как преступление.

А как насчет третьего Владетеля Бакхилла, Леонарда А. Джонса, брата Эдуарда, который принял дом, когда Эдуард погиб от несчастного случая во время верховой прогулки? Ведь нынешнему Владетелю пришлось вызвать его на дуэль и убить, чтобы вступить в свои права, вернувшись из Колорадо. Рассказ, казалось, буквально кричал о том, что власть — дело тонкое. Обладающий этой властью должен был держать ее твердо, но осторожно. Хранить ее, но действовать мудро.

— И Фредерик породил Ричарда, а Джордж породил Кесселя, — тем временем закончил отец. — Теперь, Джордж, по-моему, твоя очередь рассказывать.

Наступило молчание. Все взгляды обратились на дядю Джорджа. Тот выпрямился, с сожалением вздохнул и положил тяжелые руки на колени.

— Слушай, Фред. И вы, мужчины, слушайте. Вот вам все дело без лишних прикрас. Только что ко мне пришел мой сын Кессель и сказал: «Папа, прошу твоего разрешения на дуэль с Диком». Конечно, я был потрясен. Я спросил: «Кес, а что он

такого сделал?» — «Он назвал меня сраком», — ответил мой сын. — Дядя Джордж открытым и мужественным взглядом обвел всех присутствующих. — Слушайте дальше. Я старался быть беспристрастным. Я спросил: «Скажи, Кессель, а что ты сделал такого, чтобы твой кузен отважился на подобное заявление?» Он посмотрел мне в глаза и ответил: «Ничего, папа. Я только пожелал ему удачной поездки в Орлан».

Дика бросало то в жар, то в холод. Он принялся ерзать на своем стуле, пока взгляд отца не пригвоздил его к месту. А в другом конце комнаты Кессель горестно разглядывал свои ладони.

Дядя Джордж тем временем со всевозрастающей уверенностью продолжал:

— Я стал говорить с ним, я сказал: «Сынок, дуэль не стоит того, чтобы так на нее рваться. Особенно когда речь идет о кровных узах». И еще я сказал: «Мы пойдем и поговорим с твоим дядей Фредом. Уверен, он поступит по справедливости». — Дядя Джордж откинулся на спинку дивана и развел руки. — Ну, вот мы и пришли.

После небольшой паузы заговорил дядя Орвиль:

— Послушаем другую сторону.

— Оскорбление было нанесено, — тут же сказал отец Дика. — Во избежание недоразумений мы это подтверждаем.

Орвиль кивнул и тоже откинулся на спинку дивана. Дядя Флойд заметил:

— Тогда остается только три пути. Либо один из молокососов берет назад свой вызов, либо другой извиняется, либо они дерутся.

Все молча переваривали сказанное. Потом дядя Орвиль и дядя Глен обменялись взглядами друг с другом и с Владетелем. Между ними словно проскочила искорка какого-то понимания. Тогда дядя Орвиль повернулся и спросил:

— Так позволишь ты своему парню бросить вызов или нет?

Дяде Джорджу явно стало не по себе.

— Такое решение принять непросто. Конечно, если мы получим извинения...

— Нет, — тут же перебил дядя Орвиль. — Все по порядку.

— Но ведь это не значит, что нельзя обсудить все заранее, — вставил дядя Флойд. — Вопрос вот в чем, Фред. Если наш парень возьмет назад свой вызов, то извинится ли твой?

Все обратили ожидающие взгляды на Владетеля. К удивлению Дика, отец сказал только:

— Спросите моего сына.

Но раньше, чем Дик успел заговорить, даже раньше, чем у него возникло хоть малейшее представление, что же ему сказать, — снова вмешался дядя Флойд:

— Минутку, Фред. Ты не можешь возлагать решение на мальчика. Он еще несовершеннолетний.

— Могу. И возлагаю, — отрезал Владетель.

Мужчины клана Джонсов — Логанов, казалось, стали советовать друг с другом, обмениваясь взглядами. Потом дядя Джордж сдержанно произнес:

— Фред, по-моему, ты все-таки не понимаешь. Ведь дуэль — дело серьезное.

— Извинения — тоже.

Со стороны обоих Добни послышалось одобрительное ворчание. Потом к ним, хотя и с неохотой, присоединились дядя Флойд и кузен Алек.

— Что скажешь, Джордж? — спросил кузен Алек.

— Я требую удовлетворения, — пробормотал дядя Джордж.

Орвиль подался вперед:

— Так ты позволяешь своему парню бросить вызов?

— Этого я не сказал, — резко возразил дядя Джордж. — Я еще не решил. — Потом он раздраженно повернулся к Владетелю: — Да, Фред, не очень-то ты идешь мне навстречу.

Владетель промолчал.

— Ну ладно. Вот, значит, как, — некоторое время спустя вымолвил дядя Джордж. Потом подался вперед и посмотрел прямо в глаза Дик. — Скажи, Дик, если мы возьмем вызов назад, ты извинишься?

Краем глаза Дик видел внимательное лицо отца. Владетель не двигался и не подавал никаких знаков, но Дик, повинаясь какому-то наитию, не решился высказать ответ, который уже вертелся у него на языке.

Вместо этого он сказал:

— Я должен дождаться подходящего времени, чтобы решить это, дядя Джордж.

В стане мужчин началось какое-то шевеление.

— Теперь, Джордж, все зависит только от тебя, — с хмурой улыбкой заметил дядя Орвиль.

Дядя Джордж тоже нахмурился. Лицо его потемнело, а на виске вздулась вена. Дядя Флойд, не вынимая сигары изо рта, кисло улыбался. Кузен Алек грыз ноготь большого пальца. Желтоватые глазки его, будто у гончего пса, впились в дядю Джорджа.

В мертвой тишине с башенной лестницы донесся слабый колокольный звон.

— Всех зовут на банкет, — сказал отец Дика, раскрывая свои часы. Потом защелкнул крышку и аккуратно убрал их в кармашек. — Быть может, спустимся в Зал, а решение ненадолго отложим?

Дядя Джордж быстро переглянулся со своими родственниками. Немного поколебался, потом крикнул и встал.

— Я согласен, — сказал он.

Остальные тоже встали и двинулись к двери. Что, неужели все? Неужели все так быстро закончилось?

Горестно сгорбленная спина дяди Джорджа, казалось, именно о том и говорила.

По всему Главному Залу, непрерывно болтая и шаркая ногами, гости рассаживались по местам. Оркестр негромко наигрывал что-то мелодичное — то и дело слышался легкий звон колокольчиков. Повсюду сновали сраки, усаживая гостей, поддвигая стулья, разнося коктейли и вино.

В дальнем конце зала на небольшом возвышении располагался узкий семейный стол. Стулья стояли только по одну его сторону — так, чтобы никто не сидел спиной к гостям. Дику отвели место среди взрослых, рядом с отцом и матерью. Каким же длинным показался ему путь от дальнего конца стола — откуда теперь на повзрослевшего брата благоговейно глазели Адам и все остальные!

Вторую половину стола, как обычно, занимал дядя Джордж со своим семейством. Дик оказался так надежно от них отгорожен, словно вообще сидел в другом помещении.

Из кухонь веяло соблазнительными ароматами. В углу, на раздаточных столиках, сраки разливали все новые и новые коктейли из гигантских шейкеров. По проходам серебряной флотилией плыли исходящие ароматными парами супницы — десятки и десятки литров супов, в которых запросто утонул бы взрослый мужчина.

Дик почувал знакомый запах. Конечно, его любимый суп из телячьих голов. Вообще, весь банкет был словно специально спланирован так, чтобы угодить его вкусам. Но стоило ему вооружиться ложкой, как тут же послышался спокойный вопрос Владетеля:

— Сынок, а что ты сегодня ел?

Дик недоуменно воззрился на отца. Тонкое, суровое лицо Владетеля, как обычно, выражало серьезность.

— Ну, немного позавтракал... яичницей с ветчиной... потом выпил немного молока и съел кусочек сыра. Еще орехи. А что?

— Умерь аппетит, — посоветовал Владетель. — Можешь позволить себе немного супа и дичи. Но никаких кур, никакой рыбы, никаких крабов и пирожных. А главное — не пей вина. Сделай вид, что совсем не голоден. Понятно?

Дик чуть рот не разинул от удивления.

— Так ты понял? — еще раз спросил отец.

С трудом шевеля языком, Дик ответил:

— Кажется, да. — Это уж слишком! Его собственный прощальный банкет! Вот проклятье! — Но, па...

— Что, сынок?

— Мне показалось... с дуэлью все улажено.

— Почему тебе так показалось?

— Ну... не знаю... — Дик запнулся.

— Может, и улажено. Хотелось бы надеяться. Но пока что лучше соблюдать некоторые предосторожности.

Шум в зале стоял такой, что Дик едва слышал слова отца. В центре, на огромном столе, кувыркались акробаты, взятые по случаю взаймы у канадских родственников Добни. Затянутые в желто-красные трико, они крутились, прыгали, изгибались, а потом стали жонглировать. Один из них, длинный молодой парень, вдруг споткнулся и выронил красный резиновый мячик, тот прыгнул прямо в суп Митчелу Краусу. Тогда Краус с диким воплем вскочил и запустил в срака бутылкой. Получив сильный удар по ребрам, парень покачнулся и рухнул в проход. Вокруг раздались радостные вопли. Краус размашисто чокнулся со своим закадычным дружкой Роско Бернсом — оба щедро плескали вином друг на друга и на своих жирных жен и давились от смеха.

Еще более невероятный гвалт донесся справа, из-за стола сраков, где в обществе старших лакеев председательствовали преподобный Хампер, Паджетт, Блашфилд и доктор Скоп.

Двое оставшихся акробатов закончили представление и удалились. Дик заметил, что их неудачливого собрата сраки на руках выносили из зала. Парень, похоже, сломал себе несколько ребер и теперь морщился от боли. Краус, конечно, немного переборщил, но, в конце концов, все знали, что со своими сраками он обращается точно так же.

За супом последовали дичь и бургундское. Желающим продолжали раздавать коктейли. Под ярким светом люстр цветы в вазах мало-помалу увядали. Взмокшие лица торопливых лакеев посерели от усталости. А сальные физиономии едоков тоже блестели — но от натуги. Рты их то и дело разевались — то раздражаясь смехом, то принимая очередной кусок горячего окорока, картошки с подливкой, нежнейшей брюссельской капусты, артишоков в голландском соусе или трепещущего клюквенного желе. Вот малыш Эколс из Скаруна поперхнулся, зашелся кашлем, побагровел, и тут же получил несколько увесистых шлепков по жирной спине. За детскими столами вовсю шла прицельная стрельба плюшками вперемишку с фехтованием пучками сельдерея. Несколько малышей, громко вопивших от ярости, пришлось с позором вывести гувернанткам.

Следуя совету отца, Дик съел самую малость оленины и отодвинул тарелку в сторону. К бокалу он даже не прикоснулся. Следующей переменной оказались фазаны с золотистым рейнвейном. «Похоже, могаук», — с грустью подумал виновник торжества. Срак-лакей, вроде бы родственник шеф-повару, убирая почти не тронутые тарелки, бросил на Дика укоризненный взгляд.

Потом пришел черед кларета под жаркое из говядины — удвоенной, конечно. Ведь домашнего скота давно уже никто не держал. Потом вынесли всякие дары моря и сотерн. Отец тронул Дика за руку и кивнул дяде Орвилю. Убедившись, что оба слушают, Владелец сказал:

— Кессель совсем не ест. Только к супу и притронулся.

Дядя Орвиль кивнул и отвернулся. А у Дика вдруг пересохло во рту.

Трапеза шла своим чередом. Но теперь и Зал, и гости, и все окружающее приобрело для Дика какой-то нереальный оттенок. Время словно замедлилось. Перемены блюд следовали одна за другой с мучительной неспешностью. Дик машинально резал

мясо, кромсал вилкой овощи, поднимал и ставил на место свой бокал. Актерская труппа Бакхилла, составленная из личных сраков, секретарей и прочих слуг, закатила сатирическое представление под названием «Искушенный глаз». Дик видел спектакль на репетиции и тогда нашел его забавным, но теперь ничего, кроме глупости и пошлости, не увидел. Дальше за дело взялись певцы, потом фокусник, а потом новая пара клоунов. Дядя Глен специально ради праздника притащил их из Ньюкасла. Жаркие волны плавали под потолком — и принесенный лакеями шербет почти сразу растекся по тарелкам.

Наконец последняя нескончаемая линия фужеров была наполнена шампанским — и сидящий по правую руку от Дика дядя Орвиль поднялся, чтобы произнести первый тост:

— Итак, за парня, который завтра нас покидает... чтобы провести четыре года вдаль от родного очага... и обучиться разным манерам... хорошим и не очень хорошим. — Тут дядя Орвиль испустил сдержанный смешок. — Так пусть он вернется к нам таким же, каким мы его знаем... наш юный Дик Джонс!

По всему огромному залу засверкали фужеры, поднятые в едином салюте. Потом последовали еще тосты — чуть ли не до бесконечности, а разогревшийся зал, будто в тумане, плыл в винных парах, сальном чаде мяса и овощей, пота и табачного дыма, в невнятных ароматах дамских духов.

И вдруг все кончилось. Гости вставали, неловко толпились в проходах и медленно вытряхивались наружу, оставляя за собой лишь прискорбно загаженный пол и горы грязной посуды. В пустом Зале поселилось теперь гулкое эхо.

Женщины обеих семей Джонсов ушли, забрав с собой младших детишек. Гомон последних гостей затих вдалеке. Владелец сложил руки на столе, повернул голову и спросил:

— Ну что, Джордж?

А дядя Джордж был бледен как смерть.

— Фред, мы слишком далеко зашли. Я хочу, чтобы ты это понял. Никогда я тебе ни в чем не завидовал...

Видно, Владелец что-то произнес, так как дядя Джордж вдруг на несколько мгновений умолк.

— Нет, видит Бог, не было этого! — продолжил он наконец. — Но ты почему-то уверен, что можешь сидеть здесь и заправлять всей округой... — Голос его дрожал. Дядя Джордж снова замаялся и какое-то время молча сидел, уставившись на

десертную тарелку, украшенную фамильным гербом рода Джонсов. Потом вдруг схватил ее и резким ударом разбил хрупкое блюдо о край стола.

Сидевший рядом Кессель вздрогнул и поднял взгляд — на хмуром лице парня выразилось удивление.

А голос Владетеля по-прежнему оставался ровным, лишенным эмоций:

— Должен ли я по этому жесту заключить, что Кессель вызывает Дика на дуэль?

— Да! Если не получит извинений! Здесь и сейчас! — проревел дядя Джордж и стукнул по столу огромным кулаком. Вся серебряная посуда подпрыгнула и зазвенела.

Владетель спокойно повернулся к сыну.

— Тебе слово, Дик.

Все остальные мужчины за столом кто хмуро, а кто и злобно смотрели мимо него. И только теперь до Дика вдруг дошло, что так гложет дядю Джорджа и Кесселя: ведь стоит только его убрать — и тогда должно будет пройти четыре года, прежде чем Адаму стукнет шестнадцать. Возникнет вакансия — и в Колорадо отправится Кес. Пройдет обучение, познакомится с важными персонами...

Сидя бок о бок с отцом, Дик впервые осознал, что они с Владетелем составляют единую гармонию, понимая друг друга без всяких слов или жестов.

В конце концов именно это и важно, а не кто прав или виноват.

Тогда Дик ясно и твердо произнес:

— Я принимаю вызов.

Слова словно повисли в тяжелом воздухе. В дальнем конце зала ослепительно сияло солнце, отчего искусственный свет казался болезненным и тусклым. Долгое время все молчали.

Потом в зал нетвердой старческой походкой вошел Воген, личный срак Владетеля. Дик догадался, что отец, наверное, несколько минут назад вызвал его по передатчику. Небрежно откинувшись на спинку стула, Владетель отдал Вогену приказания. Срак вышел и вскоре возвратился с портативной пишущей машинкой. Потом явился один из секретарей, сел за машинку и в считанные секунды отпечатал документ, который затем с поклоном вручил Владетелю. К тому времени в зале появился и Кинкль из Делавью — еще багровей обычного, в

омерзительном салатном пиджаке и брюках-гольф. Кинкль был главным знатоком спорта и всяких стрелковых забав во всей округе, он наизусть помнил правила каждого поединка и всегда судил самые ответственные матчи. А мужчины всех трех семейств, получив предлог, чтобы встать, неловко столпились у стола и стали читать документ. Прочитав, каждый садился и ставил там свою подпись. Сначала отец Дика, потом дядя Джордж, потом остальные, начиная со старших.

В левом нижнем углу документа, словно как дополнение, значились две строчки: «Вызов бросил», под которой уже стояли каракули Кеса, и «Вызов принял», под которой пока что оставалось пустое место. Поставив там подпись, Дик решил хоть мельком взглянуть на бумагу. Начинаясь документ так: «Доводим до всеобщего сведения, что сегодня, 10 мая 2049 года, ссора, возникшая между Ричардом Джонсом, старшим сыном Фредерика Джонса из Бакхилла, и Кесселем Джонсом, старшим и единственным сыном Джорджа Джонса...» Под самой последней машинописной строкой Дик заметил строгую подпись отца и затейливый росчерк дяди Джорджа. Заглавная «Д» в имени была совсем крошечной, зато заглавная «Д» в фамилии выглядела непомерно большой, а внизу из конца в начало шел хитрый завиток, который словно подчеркивал имя.

— Итак, господа, — подытожил Кинкль, — если никто не возражает, то дуэль состоится сегодня днем. Скажем, через полчаса. Как, все согласны?

Глава 6

Толпа рассыпалась по длинному зеленому склону пятнышками белого и алого, серого и сиреневого, бурого и лазурного. Дик двигался вместе со всеми в окружении родственников и слуг. Впереди молча шагали Владетель и дядя Орвиль, по бокам двигались дядя Глен и свирепый коротышка Блашфилд, а сзади плелась целая толпа личных сраков, носильщиков и тому подобной шушеры. Все разговаривали вполголоса, никто не кричал и не смеялся. Корни громадных дубов и кленов лежали в густых тенях, а в воздухе висела какая-то унылая свежесть. Как по волшебству вдруг наступили сумерки — все

фигуры расплывались в золотистую дымку, и казалось, сама земля источает неяркий свет.

Дика неотступно преследовал страх. Приходилось напрягать всю силу воли, чтобы скрывать это и идти ровной походкой, с высоко поднятой головой. Где-то в животе у него лежал ледяной комок, колени подгибались, а холодные губы совсем пересохли.

Тысячи раз они с Адамом и компанией разыгрывали дуэли, и казалось, он прекрасно знал, как это делается, и был готов. Вот ты распрямляешься в ожидании команды, спокойный и холодный. Потом целишься и стреляешь — а твой противник падает на землю. Если же твоя очередь падать, ты все равно знаешь, что тут же поднимешься.

Но упасть и уже никогда не подняться... навеки погрузиться в кромешную тьму...

Теперь, когда все подходило к концу, Дик мысленным взором окидывал весь сегодняшний день. Да, именно к этому все и шло — всю дорогу, с той самой секунды, когда он выскочил из постели. Разочарование с завтраком, дикиленд... Они с Кесом приближались друг к другу так же неотвратно, как дерево и топор...

И теперь он умрет. Разум Дика в ужасе шарахнулся от этой мысли, но деться было некуда. Везде эта мысль со своей извечной неумолимой ухмылкой. Его зароют в землю, а под солнцем так и будет продолжаться вечный праздник жизни... Здесь, в Бакхилле, Адам станет Владетелем. Жизнь неизбежно пойдет своим чередом. Но уже без Дика Джонса.

Приди к нему эта мысль чуть раньше, когда еще оставалось время... Ни за что он не ввязался бы в этот страшный спектакль. Опозорился бы, сделал все, что угодно, — но остался бы жить.

А там, на площадке, в сотне метров от стрельбища, сраки-землекопы заканчивали отмерять расстояние и уже расставили колышки. По обеим сторонам дуэльной площадки собиралась толпа. Линия огня проходила почти точно с севера на юг — так, чтобы солнце не светило в глаза ни Дику, ни Кесу.

Толпа расступилась перед процессией. Дик с сопровождающими двинулись к северному концу площадки, а Кес и люди из Твин-Лейкса заняли позицию на противоположной стороне. Белая рубаша делала фигуру Кеса еще более нелепой и нескладной — Дик едва узнал своего противника.

— Дайте пистолет, — подал голос дядя Орвиль. С оружием в руках он направился к центральному колышку, где встретился с Кинклем и дядей Флойдом. Они сравнили пистолеты, затем стали целую вечность о чем-то совещаться. Очевидно, возникли проблемы с процедурой.

Тут Дик почувствовал у себя на плече крепкую хватку Блашфилда. Коротышка чем-то напоминал зобастого голубя. Его колючая макушка даже не доставала Дику до подбородка.

— Ничего, — буркнул оружейник. — Поначалу так с каждым. Все нормально. Нормально.

— Ох, Блашфилд, — только и вырвалось у Дика.

— Ничего, справитесь. Это как первый раз прыгнуть с вышки. Второй раз уже не страшно.

Дику удалось выдать из себя смешок:

— А ты-то откуда знаешь? Ведь ты даже плавать не умеешь.

Пучеглазая физиономия оруженосца приобрела серьезное, полное достоинства выражение.

— Верно, не умею. Зато я сражался рядом с вашим дедом при Пимпл-Хилле.

Дик перевел дыхание и снова взглянул на барьер. Переговоры, похоже, завершились к обоюдному согласию. Оба пистолета висели на центральном колышке, а дядя Орвиль шагал назад. Слева в толпе Дик заметил доктора Скопа и двух сраков в белых халатах, что суетились вокруг медицинской тележки. Тут же наготове стояли две узкие койки, капельница и аппарат искусственной вентиляции легких...

У Дика в голове прочно засел прыжок с вышки. Сначала падаешь, потом — ледяной шок. Как же со смертью? Сначала шок... а потом что? Ничего?

— Бросьте, миста, дело не затянется, — продолжал утешать Блашфилд. — Надо только целить аккуратно под плечо. Не в голову. Если мажешь в голову, тогда совсем мажешь. А если в сердце, то рядом печень, легкие. Ну, как нервишки?

— В порядке, — прохрипел Дик.

— Вот и славно. — Блашфилд потрепал его по плечу. — Запомните, миста, еще одно. Драка есть драка. Не важно, как в нее влипнешь и кто прав, а кто виноват. Вы здесь, чтобы убить вон того парня. Если получится. А проповеди пусть читают священники.

Стоило Блашфилду это сказать, как к центру дуэльной площадки неторопливо прошествовал преподобный Хампер. Благородная седина священника словно светилась в лучах предвечернего солнца. Сжимая в длинных руках Библию, он медленно огляделся. Потом заговорил:

— Дамы и господа! Прежде чем здесь свершится то, чего не свершиться не может, мой долг — обратиться к вам со смиренной просьбой уладить разногласия миром. Мужчины, я прошу вас заглянуть в ваши сердца. Убеждены ли вы в том, что эта ссора должна получить прискорбное продолжение? — С серьезным лицом Хампер вначале повернулся к Дику как к вызванной на дуэль стороне. Потом взглянул на Кеса. Все молчали. Тогда священник снова отвернулся от обоих дуэлянтов и склонил голову над сложенными у груди ладонями. — Помолимся. О Господи Всевышний! Ты, что хранишь нас своею милостью! Дозволь нам покинуть поле этой брани с руками незапятнанными и со смирением подлинным в сердцах наших. Молим во имя Иисуса. Аминь. — Потом Хампер выпрямился и так же неторопливо направился обратно в толпу. Прерванный гул разговоров возобновился.

— Скажи, Блашфилд, — торопливо спросил Дик, — а что ты думаешь о религии? В смысле...

Коротышка пристально посмотрел на Дика.

— Думаю, миста, когда-то все мы уже здесь были, — ответил он.

Тут Кинкль, закончив разговор с доктором Скопом, вышел на середину и поднял руку:

— Господа, прошу внимания. Эта дуэль пройдет согласно Кливлендскому Уложению. Молодые люди будут стрелять из пистолетов тридцать восьмого калибра с тремя стандартными патронами в каждом. Дистанция составит пятьдесят метров. Дуэль продолжится до первого попадания или пока оба участника не расстреляют все три патрона. А теперь прошу противников подойти к центру площадки.

Дик нехотя двинулся вперед, глядя, как Кессель приближается к нему по зеленому полю. Ладони мигмом вспотели. А Кес был бледнее смерти.

Дойдя до центрального колышка, где стоял Кинкль, оба остановились.

— Ну что, парни, — обратился к ним арбитр. — Теперь я вручу вам оружие, и вы вернетесь на свои позиции. Пока что

просто держите пистолеты в руках. Из кобуры раньше времени не выхватывать. Когда скомандую «готовсь», вставайте у крайних колышков спиной к центральному. Спиной, понятно? Потом, когда скомандую «повернись», поворачиваетесь лицом друг к другу. Ну, а когда скомандую «огонь», можете стрелять. Итак, по местам, и пусть победит сильнейший.

Едва волоча ноги, Дик поплелся обратно. Мимо проплывали чьи-то лица, но все они теперь казались ему размытыми пятнами. Дик изо всех сил сжимал челюсти, но зубы все равно выбивали барабанную дробь.

Блашфилд остановил его и потряс за плечи. Потом привел на место и поставил в полуметре от крайнего колышка. Поверх головы оружейника Дик видел застывшие лица отца, дяди Орвиля и дяди Глена. Все стояли молча и внимательно на него смотрели.

— Вдохни поглубже, — посоветовал Блашфилд.

Дик шумно вдохнул, немного подождал — и выпустил воздух.

— Вот так. Еще разок.

— Готовсь! — послышался голос арбитра.

Блашфилд в последний раз потрепал Дика по плечу и отошел в сторону. Наступила бесконечная пауза. Дик уже не видел ни Блашфилда, ни отца. Сердце больно и бешено колотилось в груди.

— Повернись!

Заученным движением Дик чуть отставил правую ногу и повернулся. Тяжелая, будто бревно, рука сама пошла вверх.

— Огонь!

Тело Кесселя на отдалении вдруг показалось Дику совсем крошечным, словно игрушечное. Мушка целиком закрывала голову. Кес стоял вполоборота, поднятая правая рука его оказалась почти невидимой. Отчаянно борясь с дрожью, Дик перевел прицел вправо и вниз — как раз к груди Кесселя.

И тут у самого его левого уха резко свистнула пуля. Только потом донесся отдаленный грохот выстрела. Рука Кесселя заметно дернулась вверх — и снова опустилась. А пистолет Дика опять заходил ходуном. Пришлось целиться заново. Сцепив зубы, Дик кое-как справился с дрожью, покрепче сжал оружие и плавно спустил курок. Пистолет дрогнул и взревел. В ушах сразу зазвенело.

А Кес все так же стоял и целился. Опуская пистолет, Дик снова услышал характерный свист — но теперь уже справа.

До третьего выстрела Кеса оставались какие-то секунды. И тут, в гробовой тишине, Дик понял, что прицел опять уплывает от мишени. Надо во что бы то ни стало унять проклятую дрожь! Дик из всех сил вцепился в пистолет и навел его на противника с той интуитивной уверенностью, что тут же вспыхнула в голове мысль: «Попаду!» Оружие взревело вновь.

Не опуская руки, Дик вдруг увидел, как и без того крошечная фигурка Кесселя совсем укорачивается — сгибается пополам и падает на траву.

Ему оставалось лишь тупо ожидать, но тело противника не шевелилось. А вскоре на площадку хлынула толпа.

Наконец Дик отвернулся, и кто-то вынул у него из руки пистолет. Кто-то другой попытался поддержать его, но Дик побрел не разбирая дороги, пока не наткнулся на дерево. Там, ухватившись обеими руками за шершавый ствол, он согнулся пополам, извергая содержимое желудка.

Как только Дик выпрямился, дядя Глен сунул ему носовой платок. Блашфилд тем временем возился с пистолетом — вставил новую обойму, щелкнул предохранителем и сунул оружие обратно в кобуру.

А там, на другом конце площадки, Дик вдруг отчетливо разглядел дядю Джорджа. Прямой как палка, тот стоял среди разбредавшейся по сторонам толпы и держал на руках тело Кесселя. Вокруг него суеился доктор Скоп — что-то говорил, бурно жестикулируя. Но дядя Джордж не обращал на доктора никакого внимания. С диким и потерянным видом он глядел куда-то вдаль, а по щекам его текли слезы.

— Мертв? — не веря своим глазам, спросил Дик.

— Мертвее не бывает, — подтвердил дядя Орвиль.

Дальше Дик помнил только, как доктор Скоп дает ему успокоительное, а потом он провалился в бездонную черную яму — оказался где-то меж явью и сном. Когда он открыл глаза, в комнате царил мрак, а в открытом окне под слабым светом звезд виднелись темные силуэты деревьев. Потом он, наверное, опять заснул, а когда во второй раз открыл глаза, в комнате уже горел свет, а над постелью склонялся отец.

— Что случилось? — потрясенно вымолвил Дик.

— Одевайся, — сказал отец. — Паджетт, да где, наконец, кофе?

Седовласый гувернер с серебряным кофейником в руке пошел к постели.

— Вот, выпей, — сказал Владелец, наливая сыну полную чашку. Дик жадно глотнул обжигающего напитка.

Свет в комнате казался каким-то жалким и болезненным. Шторы уже успели опустить.

— А сколько времени? — спросил Дик.

— Шестой час, — ответил Паджетт. — Если поторопимся, успеем отбыть до рассвета.

— До рассвета? — непонимающе переспросил Дик и сел на кровати. Тут же с ворохом одежды вошел Сэм, набросил ему на голову рубашку — и Дик машинально поднял руки, продевая их в рукава.

— Мы решили, что лучше тебе отбыть пораньше, — пояснил отец. Под глазами у Владетеля набухли мешки. Спать он явно не ложился — это было заметно и по одежде.

Слегка пошатываясь, Дик встал. Потом негромко охнул, когда перед глазами вдруг возник непрошенный образ долговязой фигуры, падающей на зеленый газон.

Всю ночь, похоже, лил дождь, и теперь мокрая трава предательски скользила под ногами. Впрочем, утреннее солнце уже выглядывало из-за горизонта, озаря золотистыми отблесками серый пейзаж. На востоке небо совсем прояснилось. Почти рядом с домом находился построенный еще дедом Дика аэродром. На взлетной полосе стояли два самолета: изящный двухмоторный «локхид», пригодный как для перевозки пассажиров, так и для боевых вылетов, и неказистый серый «липпиш». Дика несколько удивило то, что рядом с «локхидом» не было ни души, тогда как у открытой дверцы «липпиша» во главе отряда охранников поместья стоял Блашфилд.

По-прежнему считая, что тут какое-то недоразумение, Дик направился было к «локхиду», но отец остановил его, тронув за плечо.

— Этот отправится позже, как ложная цель, — сказал Владелец. — А ты полетишь на «липпише».

Дик с неприязнью взглянул на нелепую машину. Да, аппарат-то, конечно, надежный, но на вид — самое натуральное

корыто. Построен согласно незавершенному проекту еще во времена Переворота, когда вся технология полетела к чертям. Безопасней «липпиша» и надежней в управлении был, пожалуй, только «куб», — но все же машине отчаянно не хватало стилистичности. В душе у Дика назревал протест — казалось, ему предлагают покататься на старой кляче.

— А что, посмешней ничего не нашлось? — поинтересовался он.

Но отец даже бровью не повел и вместо ответа приказал Блашфилду запускать свой отряд в машину.

— Чего мы, собственно, боимся? — не успокаивался Дик. — Дядю Джорджа? Послушай, папа, если тебе все равно...

Владелец наконец повернулся к сыну:

— Что ты говоришь?

— Папа, я уже не ребенок, — выпалил Дик.

— Ричард, — неторопливо начал отец. — До сих пор ты вел жизнь, лишенную серьезных тревог и забот. Согласен, ты уже не ребенок. Но для того чтобы стать мужчиной, мало одной дуэли. Понимаешь, что я хочу сказать?

— По-моему, да, — отозвался Дик.

— А по-моему, нет. Очень скоро тебе придется самому заботиться о себе. И самому отвечать за свои ошибки. Возможно, стоило чуть раньше предоставить тебе такую свободу. Но пока что будешь делать так, как я скажу. А вот и мать. Иди попрощайся с ней.

Дик поднял взгляд — мать только-только появилась из крытого прохода. Вот нежный запах ее духов. Вот ее поцелуй — как всегда, прохладный и ненавязчивый.

— До свиданья, сынок.

Вслед за мамой с горящими глазами примчался Адам. За ним — запыхавшиеся Феликс и Констанция. Адам притащил с собой какой-то шелковый сверток и тут же сунул его в руки брату.

— Это подарок, — пояснил он. — Памятный альбом. Паджетт помог нам подобрать цитаты, а Литтс переплел. Мы страшно боялись, что не успеем к сроку.

— А я подсказала, как все оформить, — вмешалась Констанция. — Дик, ужасно хочется, чтобы тебе понравился и переплет, и все остальное. Пришлешь мне оттуда несколько эмалей для коллекции? — Сестренка вся раскраснелась. Ка-

залось, вот-вот — и она опять разразится своими нелепыми потоками слез.

Владелец подтолкнул сына к трапу. Мотор «липпиша» уже разогрелся и теперь пыхтел вхолостую. Вокруг машины клубился густой пар.

— Я знаю, каково тебе сейчас, — шепнул Владелец на ухо Дик. — Знаю гораздо лучше, чем ты думаешь. Когда прибудешь в Орлан, — тут он сунул в руки сыну тонкий конвертик, — отдай это человеку по имени Леон Руэлл. Ты хорошо запомнил?

— Руэлл, — повторил Дик.

— Вот именно. Он тебе все лучше меня объяснит.

К крайнему удивлению и смущению Дика, на лице отца вдруг проявились тщательно скрывавшиеся прежде эмоции. Они обменялись рукопожатиями, и Владелец снова подтолкнул сына к трапу. Пригнувшись, Дик вошел в кабину. Паджетт оставил ему место у самой дверцы, а сзади расселись Блашфилд и его команда. Пилот, флегматичный молодой срак по имени Отто, обернулся со своего высокого сиденья в ожидании приказа.

Трап убрали. Глядя в открытую дверцу, Дик видел отца. Тот стоял неподвижно и прямо — только одежда трепыхалась в воздушной струе. Вокруг Владетеля застыло в ожидании все семейство. А вот и мисс Молли с малышом Эдуардом на руках. Как всегда, опоздала, черт бы ее побрал. Дик так хотелось попрощаться с Эдди... Невесть откуда взялся и преподобный Хампер. И доктор Скоп. И конюх Сим...

В свете восходящего солнца, озарявшего их лица, все они вдруг показались Дик полными незнакомцами. А еще их словно отделяла стена из цветного стекла — и Дик зачем-то оказался по другую ее сторону.

Отто вопросительно смотрел на хозяина. Наконец Дик махнул пилоту рукой. Отто повернулся к панели управления — и дверца медленно закрылась. Тяжелое дыхание реактивного двигателя все нарастало. А вот к нему добавились вой и грохот пропеллеров. Неторопливо и ровно машина стала подниматься.

Теперь, глядя в окно кабины, Дик видел, как удаляется от него земля. Фигурки на аэродроме делались все меньше и меньше. Головы их поднимались, словно по команде. Все прикрывали глаза ладонями. Наконец взлетное поле скользнуло в

сторону. Открывшаяся глазу лужайка так и светилась яркой, сочной зеленью — словно роскошный ковер. Теперь Дик каким-то волшебным и как бы запретным зрением увидел сразу все знакомые уголки. Вот узкий газон меж домом и верховой тропкой — там, где купальня для птиц и старые солнечные часы. Сколько же дней и вечеров эта купальня и часы составляли всю его вселенную! Дик видел внизу каждую до боли знакомую рытвину и канавку. Словно заглядывая в собственное прошлое, он все смотрел и смотрел, смущенно и зачарованно.

Вот уже уплывают прочь крыши и шпили самого дома, быстро высыхая и посверкивая синевой под первыми лучами солнца. Дик видел и птичьи гнезда у водосточных желобов, и разверсты в небо черные глотки печных труб, и пустые головы башен. Дом все уходил и уходил вниз, а земля вокруг него словно росла в небо. На несколько мгновений весь Бакхилл открылся Дику как на ладони. И дом, и конюшни, и корты, и лошаина — все-все разом предстало в уменьшенном размере. Потом поместье стало похоже на рельефную карту — макет того края, куда Дик всегда отправлялся в своих мечтаниях. Люди на аэродроме давно превратились в крошечные цветные пятнышки — и Дик уже не мог разобрать, кто где. А вот цветные пятнышки погасли. Пропал и дом. Не осталось ничего, кроме лесистого холма, разукрашенного лиловыми тенями. Да и тот все удалялся и удалялся.

Глава 7

Было уже почти шесть, когда под ними развернулось плато Аллегени к югу от древнего города Питтсбурга. Не желая попадаться на глаза обитателям больших поместий, что кучковались ближе к северу, Дик решил облететь город стороной. Правда, оказавшись над равниной, они взяли чуть южнее, чем следовало, но Дик не стал ничего менять. Без аппетита проглотив все, что приготовил на подносе Паджетт, он все еще чувствовал только мутную пустоту и какое-то оцепенение. Единственной вспышки гнева хватило с лихвой. Перед глазами по-прежнему стояло падающее тело Кесселя — образ этот мучил Дика почтище любой зубной боли.

Дальше за Миссисипи простирались дикие прерии — тысячи и тысячи квадратных километров травы, что колыхалась под ветром, будто волны безбрежного желтовато-зеленого моря. Картина и завораживала, и раздражала. Дик чувствовал, как огромный мир подавляет его своими немыслимыми просторами. С такой высоты гигантская равнина выглядела заметно вогнутой — столь яркой и близкой, что казалось, ее можно потрогать рукой. Но в то же время Дик понимал, что, к примеру, те еле заметные черные точки на самом деле — люди или животные...

— Бизоны, — с интересом заметил Паджетт, вглядываясь в бинокль. — Приличное стадо. А вот охотники... команчи, наверное.

Потом Паджетт передал бинокль хозяину. Вглядываясь в увеличенную картинку, Дик увидел пыльные бурые спины мчащегося вперед стада, что летело подобно живой лавине. Из густой травы то и дело взлетали целые стаи встревоженных птиц. Иногда, мотая головой, с дороги бешено уносился олень или антилопа. За стадом гнались охотники. Круглые черные головы склонялись над гривами коней. Дик разглядел два-три ружья. Все остальные были вооружены луками. Подпрыгивающие в седлах фигурки казались игрушечными, нереальными в полном безмолвии. Дик вдруг представил себе, как и он скачет вместе с охотниками — ноздри забиты горячей пылью, а во всем теле отдается стук копыт... И вдруг крошечные фигурки исчезли, словно перешли в другую реальность.

Солнце всходило мучительно медленно, казалось, утро продлится целую вечность. Мышцы Дика, непривычные к столь долгому сидению на одном месте, начали затекать. А рядом, с разгоревшимися от интереса глазами, спокойно сидел Паджетт. Слуга был достаточно хорошо вышколен, чтобы молчать, пока к нему не обращаются, но Дик не сомневался, что в седой голове Паджетта бурлит целый водоворот замечаний и комментариев. Вот они пролетели над руинами какого-то древнего города, казавшегося теперь бледным шрамом на теле схоронившей его земли. Наверняка Паджетт мог назвать этот город, рассказать о его основателях и главных событиях в его истории. Знал гувернер и названия всех горных пиков, и рек, и где пролегли границы прежних штатов, и какие из едва заметных полосок были автострадами, а какие — железными дорогами.

— Как думаешь, Паджетт, — неожиданно для себя спросил Дик, — грозит мне кровная месть?

Лицо гувернера сразу посерьезнело.

— Помню похожий случай, — начал он. — Было это в Южной и Северной Каролине лет тридцать — тридцать пять назад. Одного парня обвинили в том, что он утопил своего двоюродного брата в заливе Порт-Рояль. Другая сторона, конечно, настаивала на несчастном случае. А на следующий год после дуэлей между членами двух ветвей семейства погибло три или четыре человека. Еще одного, кажется, подстрелили из засады. Бретты их звали. Вряд ли вы о них слышали. После всех этих дел мужская линия Бреттов угасла. — Не дождавшись реакции Дика, Паджетт добавил: — Дела, конечно, давние. Но вполне могут повториться. Ваше семейство славится своей горячностью.

Щеки Дика вдруг запылали. Но он, впрочем, почти этому обрадовался, так как сразу исчезла прежняя скованность.

— А мне все равно, что ты там думаешь, — заявил он. — Случись это снова, я сделал бы то же самое.

— Вот и славно, — нисколько не смутившись, отозвался Паджетт. — Может, пока что и правда все к лучшему. А в будущем — кто его знает...

Дик с любопытством посмотрел на слугу:

— Это ты о чем?

— Понимаете, хозяин, в таком месте, как Орлан, репутация — это все. Представляю, какие слухи вас опередят. Не каждый подросток является в Орлан, только что убив на дуэли своего первого противника. И с одной стороны, вы там окажетесь в относительной безопасности. А с другой — репутацию нужно поддерживать. Сами понимаете. Так что в целом, — подытожил Паджетт, удобно откидываясь на спинку сиденья, — я бы сказал, что дуэль открыла для вас широкие возможности. Как в хорошем смысле, так и в плохом... Ага! Вот и они. Ну разве они не прекрасны? — Слуга снова подался вперед, восхищенно глаза в иллюминатор. — С детства мечтал жить в Скалистых Горах.

А из-за горизонта тем временем выплывала первая фаланга нагих горных вершин, нисколько не похожих на пологие холмики Пенсильвании. Нет, эти перевалы и пики, отсвечивая сине-фиолетовым, гордо вздымались до самого неба. На верх-

них склонах даже белели пятна снегов. Дик зачарованно глядел на сказочные громады. Когда подлетели ближе, на фоне голубоватых снегов стали видны иссиня-черные, будто обгорелые, стволы деревьев — как щетина на бледном подбородке. По мере приближения горы становились все круче и все заброшенной. Наконец Дик со спутниками влетели в глубокое ущелье меж двух скрывавшихся за облаками пиков. На самом дне змейкой вилась река — тонкая серебристая ленточка посреди нежной зеленой долины. И над всей этой идиллией величественно высились голые, открытые всем ветрам скалы. А в дальнем конце ущелья виднелась черная громада самого высокого пика, на вершине которого блистала великолепием россыпь зданий.

Каких цветов там только не было! Голубые полосы сменялись желтыми, чтобы закончиться медно-красными гранями, тут и там мелькали отблески салатного, оранжевого, шоколадного... Уровень за уровнем поднимался к самой вершине, которая оттого казалась разноцветной шляпой на голове хмурого исполина. Пик огромной горы распускался волшебным цветком — шпили, купола, минареты, а рядом высилось что-то совсем уж невероятное — голая золотистая башня, верхушка которой терялась в клубящихся облаках.

— Орлан, — вырвалось у Паджетта.

Тут гора ушла ввысь. Туда же скользнул и сказочный город. Самолет опускался к подножию. Там Дик увидел скопление зданий — будто просыпанные с неба камушки.

— А почему мы не приземляемся на вершине? — спросил он у Паджетта.

— Там сильные восходящие потоки. Весь Орлан отапливается, и там, по-моему, не все продумано с изоляцией. Так или иначе, наверху возникли сильнейшие воздушные течения. Обратите внимание на облака — как они рвутся и бурлят над самой горой. Самолету там не приземлиться — и бомбы, если уж на то пошло, тоже не сбросить. Наверх вы подниметесь на фуникулере. — Паджетт указал пальцем вниз, и только тут Дик разглядел уходящую вверх линию проводов. Прямо у него на глазах один вагончик спускался вниз, а другой поднимался в заоблачные выси.

У Отто на приборной доске что-то забубнил радиопередатчик. Самолет остановился и завис в ожидании, пока с дороги

не убралась целая стая мелких вертолетиков. Затем Отто посадил самолет на одну из небольших площадок, что располагались по обе стороны от главной взлетно-посадочной полосы. Едва слышное завывание реактивного двигателя и пропеллеров вскоре оборвалось — и в ушах зазвенела тишина.

Стоило дверце открыться, как на борт взошел вооруженный мужчина в форме. Говорил он настолько безупречно, что Дик, принимая его за свободного, успел ответить на целый ряд достаточно оскорбительных вопросов, прежде чем заметил на лбу у стража зеленую татуировку, наполовину прикрытую козырьком. Ну и дела! Этот срак преспокойно посмел потребовать — и получить — его личное оружие! Задыхаясь от возмущения, Дик собирался было вернуть себе свой пистолет, но тут почувствовал у себя на плече предостерегающую руку Паджетта.

«В чужой монастырь со своим уставом не суйся», — вспомнил Дик.

— Ладно, Паджетт, пошли, — сказал он, вставая, — попрощаемся у вагончика.

— Простите, но я бы не советовал, — вмешался страж. — Его остановят на ближайшем КПП, и у вас возникнут некоторые сложности. А к фуникулеру его в любом случае не пропустят. Что же касается остальных, — он указал на Блашфилда и его отряд, погруженный в угрюмое молчание в глубине кабины, — то, раз они вооружены, им вообще нельзя выходить из самолета.

— До свидания, миста Дик, — просипел Блашфилд.

— До свидания, — пожимая руку воспитаннику, выговорил и Паджетт. Дик с удивлением заметил слезы на глазах старика. — Храни вас Бог, — хрипло добавил гувернер и отошел в сторону.

— Прошу вас, молодой господин... — обратился к Дику страж.

Дик спустился по трапу. Сраки в белых комбинезонах выгрузили из самолета багаж, потом поставили чемоданы на ручные тележки и куда-то поволокли. А страж повел Дика в противоположную сторону. Сзади пристроились еще двое в точно такой же форме, вооруженные полуавтоматическими винтовками.

— Куда понесли мои вещи? — поинтересовался Дик.

— На просмотр. Вам все вернут в идеальном порядке. А теперь прошу сюда...

«Сюда» оказалось невысоким оштукатуренным зданием, где Дика просветили рентгеном и дактилоскопировали. Потом дантист осмотрел его пломбы, а секретарь вручил ему опознавательный браслет. Немного позже Дик выяснил, что снять браслет невозможно.

Полчаса спустя, несколько отрезвленный и погрузившийся в нелегкие размышления, Дик оказался на застекленной платформе фуникулера в ожидании вагончика. Его по-прежнему сопровождали три вездесущих охранника аэропорта, а на платформе околачивалось еще человек шесть-семь разного народу — несколько загорелых мужчин в больших белых шляпах с золочеными лентами, парочка хорошеньких женщин в легких платьях и дюжий бородач в тюрбане и с дипломатом в руках.

Когда к платформе наконец опустился старомодный, выкрашенный в черное с золотом вагончик, оттуда вышли только четверо пассажиров. Причем трое из них — в алой форме. Насколько понял Дик, вооружены они были только легкими деревянными дубинками. Колоритная тройца сопровождала четвертого — в черных одеждах и со смертельно бледным лицом. Алые передали бледного серым охранникам аэропорта и строем вернулись в вагончик. Дик оглянулся и увидел, как бледный устало плетется в сопровождении серой стражи. Интересно, куда? Что он такого сделал?

В вагончике оказалось на редкость душно и тесно. Обитые малиновым плюшем сиденья располагались ступеньками — как ряды в прежних театрах. После показавшегося нескончаемым ожидания вагончик наконец дернулся, затрясся и лениво пополз вверх.

Наклонившись в проход, Дик обратился к одному из мужчин в белых шляпах:

— Прошу прощения. А это единственный путь в Орлан?

Мужчина, похоже, удивился. Худощавый и жилистый, выжженный солнцем почти до шоколадного цвета. Брови и ресницы так выгорели, что их почти и не видно.

— Нет, — негромко ответил загорелый. — Не единственный. Есть еще скоростной туннель. Он выходит прямо в долину. Но та трасса обычно перегружена. — Немного помолчал, потом спросил: — А вы тут впервые?

Дик кивнул. Тогда загорелый доверительно ухмыльнулся и почти шепотом посоветовал:

— Не задавайте лишних вопросов. — Потом он снова откинулся на сиденье и уставился в окно.

Подъем длился целую вечность. Совсем одурев от скуки и едва не задохнувшись в душном вагончике, Дик наконец с великим облегчением вышел на широкую застекленную платформу, что нависала над долиной. Завороженный, он уставился вниз — туда, где сходились в одну линию и исчезали из вида провода фуникулера. Долина отсюда казалась золотой чашей, на самом дне которой даже сквозь тонированное стекло нестерпимо сверкала река. Мимо окна с бешеной скоростью неслись белые ключья тумана. Толстые стекла беспрестанно дрожали и выгибались от буйных порывов ветра.

Казалось, все прошлое Дика осталось где-то там — в той немыслимой золотой чаше — тайное и безмолвное. Позади гулко отзывались шаги и голоса. Вдруг кто-то потянул его за рукав.

Дик обернулся. По всей платформе кто куда двигались люди. Слышалась неумолчная болтовня, мелькало разноцветье одежд. Охранники в трех разных униформах, две красотки. Вот целая банда сраков тащит ручную тележку, груженную ворохом всяких коробок. Вот мимо шагает мужчина в роскошном оранжевом одеянии с просторными рукавами и накладными плечами, что делает его по меньшей мере вдвое здоровее. На шее у липового спортсмена болтается толстая золотая цепь со золатым же медальоном. Вся физиономия — в бороде, а пальцы сплошь унизаны перстнями. Шагает неторопливо, оставляя позади себя удушливый шлейф духов. Вот две женщины в невероятных белоснежных шляпках — идут рука об руку, с головой погруженные в болтовню, и подметают черными юбками платформу. Вот шагает пацан лет двенадцати, затянутый в шикарный облегающий костюм морковного цвета — щенок то и дело лезет в карман и швыряет себе в рот очередной кругляшок арахиса.

А совсем рядом, прямо в лицо Дик, тарашится мерзкая морда — такая же, впрочем, добродушная и нелепая, как у бульдога. На узком лбу уродца едва хватает места для зеленого срачьего клейма. Непомерные волосатые уши, приплюснутый нос.

— Первый раз в Орлане, миста Джонс? — хрипло осведомился неведомый зверь. «До чего похож на горгулью», — подумалось Дик. — Не затруднит ли вас пройти со мной? Вот сюда, пожалуйста...

Дик проследовал за странным провожатым к открытой кабинке, где сидел еще один срак — унылый тип с нездорового цвета кожей и скорбными карими глазами.

— А вот и миста Джонс к нам пожаловал, — объявил горгулья, похлопывая волосатой лапой по прилавку. — Немедленно займись нашим дорогим гостем — и без дураков, понятно?

Унылый срак, скорчив совсем кислую рожу, полез под прилавок и вытащил оттуда две штуковины — ремень с двумя пристегнутыми к нему цепочками и тонкую деревянную палку около метра длиной, с набалдашниками на обоих концах.

Горгулья удовлетворенно крикнул, а потом схватил ремень и без лишних слов стал прилаживать его к талии дорогого гостя.

— Это еще что? — задержался было Дик. Только теперь он заметил, что оба срака носят точно такие же ремни, причем цепочки каким-то образом крепятся в рукавах у локтей.

— Это, миста Джонс, называют «локтевой смирилизатор», или, по-простому, «уздало», — охотно пояснил горгулья, ловко прокалывая иголочкой, что крепилась на конце каждой цепочки, правый рукав Дика. — Все мужчины в Орлане обязательно носят уздала. И слуги тоже. Вы сами не заметите, как привыкнете. Уздало совсем не стесняет. — С этими словами горгулья точно так же проткнул левый рукав, потом снял иголки и пристегнул концы обеих цепочек к карабинам на ремне. Дик интереса ради попробовал подвигаться и тут же выяснил, что руки ему теперь выше головы не поднять.

Тогда он раздраженно огляделся и понял, что горгулья не врет. Все мужчины вокруг носили примерно такие же ремни с цепочками. Дику тем не менее все это сильно не понравилось.

— Не понимаю, — рявкнул он, — зачем это уздало?

— Ну, чтоб не очень заводились друг к другу, — тут же ответил горгулья. — И к дамам чтоб не очень приставали. А еще — вот вам палка. Мы ее зовем «долботрость». Или, покороче, «долбак». Другого оружия в Орлане иметь не дозволено. Но долбак я вам просто так показал. Потом вы научитесь правильно и умело им пользоваться. А пока что, миста Джонс, он вам не нужен. — И горгулья протянул долбак обратно смурному типу.

— Но я умею им пользоваться, — возразил Дик и потянулся было за долбаком. — А-а, ч-черт! — Уздало не позволило ему добраться до желанного оружия.

На бульдожьей морде выразилось сомнение, но потом горгулья все-таки отдал долбак Дик.

— Простите, вы уверены, миста Джонс? Ведь на вас теперь уздало... ну и вообще...

Дик взвесил долбак на ладони. В каждом набалдашнике не больше полста граммов свинца. Дома он пользовался дубинками куда потяжелее. Но в общем особой разницы не было. Если, конечно, не считать проклятого уздала. С тех пор как ему стукнуло двенадцать, Дик каждый вечер возвращался в свою спальню с разбитыми руками и окровавленной физиономией. Так они, к резкому неудовольствию Дика, занимались в гимнастическом зале с отцом, хотя во всей округе больше никто на палках не дрался. Заход, выпад, заслон, уклон, удары колющий и рубящий, отмашка, отход... Все это Дик хорошо запомнил. Но истинный смысл тех занятий начал доходить до него только теперь.

— Уверен, — ответил Дик и сунул долбак за ремень уздала — где он, по всей видимости, должен был находиться.

Срак за прилавком извлек откуда-то толстенный скоросшиватель и нехотя принялся его листать.

— Так, Джонс, — буркнул он. — Сейчас поглядим...

— Закройся! — рявкнул горгулья. — Я и без тебя знаю, куда надо мисте Джонсу. Прошу сюда, миста... шас мы вас в два счета пристроим!

Они прошли в арку, что представляла собой цельный кусок какого-то белого металла с искусной гравировкой — бегущий олень в обрамлении дубовых веток. Продолговатый рефлектор на потолке источал серебристый свет. По другую сторону арки оказался зал, где полупрозрачные стены бурого стекла подсвечивались изнутри. Пол там тоже был стеклянный — внизу по неглубокому каналу бежала вода.

Одолев три желтоватые ступеньки, Дик с горгульей стали осторожно пробираться сквозь болтливую толпу, наполовину запрудившую огромный зал. По дороге им попался великолепный павлин, всером распутивший свой пышный многоокий хвост. Откуда-то журчала музыка, ее то и дело прерывали своими пронзительными воплями какаду, что вертели головами в сверкающих клетках у дальней стены зала.

Дик неодобрительно оглядывался по сторонам. Слишком много народу... и все, на его взгляд, как-то уж неприлично

ярко разодеты... даже смешно. Огромный зал казался чересчур помпезным. К тому же здесь, несмотря на сладковатый привкус духов, дурно пахло. Еще несколько невысоких ступенек — и еще одна замысловатая арка. Все залы и коридоры как будто располагались на разных уровнях — построенные без всякого плана и без малейшего намека на цель.

Теперь они оказались в узком коридоре, золотые стены которого извивались еще почище, чем в любом естественном подземном лабиринте. Вдоль одной из стен стремительно бежал глубокий поток, который казался продолжением уже виденного канала. Но здесь над водой не было никакого покрытия, и даже никакой ограды. Дик вдруг заметил длинную тень, что еле заметно мелькнула в глубине. Форель, наверное. Тогда он обернулся и увидел, что в конце коридора поток резко ныряет вниз и скрывается из виду.

А впереди, держа одну руку в воде, стоял на коленях какой-то парень. За ним внимательно наблюдала небольшая компания — две девушки, еще один парень и горстка сраков в бордовых шелках. Стоило Дик у горгульи с ними поравняться, как в потоке мелькнула еще одна длинная тень. Парень резко дернулся, испустил торжествующий вопль и вытащил руку из воды. В его насквозь промокнувшей зеленой шляпе билась приличная рыбина. Смеясь, парень бросил форель на пол — и Дика тут же забрызгало по самые колени.

Даже не давая себе труда встать, парень поднял глаза, буквально искрившиеся весельем. Пятнистая форель изогнулась раз, другой, потом прыгнула, плюхнулась обратно в поток и преспокойно уплыла.

— Ну как, круто? — поинтересовался парень у Дика.

Смазливый блондин. Под расстегнутым воротником отороченной кружевом туники виднеется крепкая загорелая шея. Все остальные молча стоят и смотрят, что будет дальше.

— Миста Джонс, — вмешался горгулья, крепко беря Дика под локоть, — тут в коридоре оченьлюдно. Давайте лучше обойдем по Южному Променаду.

— Э нет, погоди, Френкель, — не поворачивая головы к сраку, проговорил парень. — Я задал ему вопрос.

Дик чувствовал, что холодная вода насквозь пропитала его штанины.

— Да, неплохо, — согласился он.

Горгулья по имени Френкель тем временем нашептывал ему на ухо:

— Осторожней, миста Джонс, ведь это Джерри Кил... пожалуйста, осторожней...

Не обращая внимания на срака, Дик проворно нагнулся, зачерпнул пригоршню воды и резко швырнул ее парню в лицо.

Вода струйками стекала с носа и подбородка Кила, но тот будто и не замечал. Блондин мигом выхватил долбак и улыбнулся сквозь зубы.

— Ну что, поехали? — процедил он.

— Джерри, но он же еще сосунок, — шепнула Килу одна из девушек.

— Ничего. Долбак-то у него есть. Так, парень? Валяй. Джерри Кил не любит долго ждать.

Дик вынул долбак из-за пояса и ухватил его за один из набалдашников. Потом они с Килом стали осторожно сближаться, шагая по самому краю стремительного потока. Уздало заметно сковывало движения. «Надо бы не забыть, — подумал Дик, — что полный выпад не получится».

Наконец они почти сошлись. Кил застыл в какой-то небрежной позе, а потом вдруг взмахнул долбаком и с оскорбительной легкостью двинул Дика по ребрам. Страшно разгневанный, Дик сделал ложные выпады вправо, влево — и попытался попасть противнику по костяшкам пальцев. Резкий стук — Кил без труда парировал удар. Потом снова взмахнул оружием, зацепил Дика по кисти и так резко рубанул по долбаку, что Дик едва его не выронил.

На миг противники разошлись, пожирая друг друга глазами. Потом Кил снова шагнул вперед, и Дик тоже, — оба осторожно ступали по мокрому металлическому полу. Кил обрушил на Дика целый град отвлекающих ударов, а под конец провел прямой выпад. Дик достойно отпарировал и тоже ответил прямым. Кил уклонился и решил достать локоть противника. Дик дважды парировал, сменил хватку, перешел в контратаку и едва не задел Кила по лицу. Потом они снова разошлись, восстанавливая дыхание.

Наконец противники сошлись в третий раз. Кил изобразил двойной финт, отбил встречный выпад Дика и резко поднырнул. Спас Дика только отчаянный бросок назад. Потом он сразу же бросился в атаку и рубанул долбаком сплеча. Кил пари-

ровал, при этом его долбак взлетел слишком высоко. Дик перепрыгнул через лужицу и всем телом обрушился на противника. Кил зашатался, потерял равновесие... Сцепившись, они стали падать. Но тут Дику удалось вырваться и оттолкнуть от себя удачливого рыболова. Кил замахал руками, испустил дикий вопль — и плюхнулся в воду.

Толпа ахнула. Дик тут же услышал шлепок, повернулся и увидел, что там, где поток исчезал под стеной, из-под воды, наполовину скрытые брызгами, появились голова и одна рука Кила.

Позади зашуршали торопливые шаги.

— Назад! Честная игра! — вдруг прогремел чей-то голос.

Друг Кила и несколько сраков, поспешившие было на помощь к тонущему, тут же замерли. У выхода из коридора стоял коренастый мужчина в зеленовато-бежевых шелках. Седая голова увенчивалась на редкость дурацкой лимонной шляпой, но черные глаза незнакомца поражали своим блеском.

— Правила вы знаете, — добавил он, а потом, повернувшись к Дику, насмешливо отсалютовал ему своим долбаком.

Тем временем в метре от них меж узких берегов канала барахтался Кил. Дик с ужасом заметил, что никаких зацепок облицовка не имела, так что тонущему оставалось только что есть силы прижиматься к скользкому металлу и тянуться, тянуться вверх. А тут еще и уздало сковывало все движения. Влекомому прочь бурным потоком, Килу удавалось удерживать тело в одном положении, но и только. Двинуться с места он не мог. Рот ему захлестывали вода и пена — Кил медленно, но верно тонул.

Невольное движение Дика не осталось незамеченным для коренастого.

— Ты Джонс? — негромко спросил он, коснувшись долбаком руки Дика. Голос глубокий, но с легким намеком на шепелявость. Болезненно-сероватое лицо украшает внушительный крючковатый нос. А рот — суров и тонок.

— Что? — переспросил Дик. — Да, но...

— Меня зовут Руэлл. Руэлл. Послушай доброго совета: оставь его в покое. На твоём месте он так бы и поступил.

Мокрая голова Кила чуть продвинулась вперед. Вздувшиеся буграми мышцы задрожали. Казалось, еще вот-вот — и они не выдержат. А перед глазами у Дика вдруг ни к селу ни к городу

снова возникло другое видение — вот крошечная фигурка перегибается пополам и ничком падает в ярко-зеленую траву.

Во рту у него пересохло.

— С дороги! — хрипло прорычал он Руэллу. Потом отшвырнул в сторону долбак и встал на колени у самого края канала, предусмотрительно зацепившись ногой за выступ арки. Обими руками ухватил ледяное запястье Кила и потянул.

Но словно чья-то гигантская рука неумолимо тащила тонущего в противоположную сторону. Не отпуская хватки, Дик повернулся набок. И все равно беспомощно соскальзывал к краю. А с потолка лился безумный слепящий свет.

И вдруг чьи-то руки ухватили Дика за пояс. Послышался стук долбаков по металлу и оживленная болтовня. Еще одна гигантская рука теперь тянула Дика назад. Руки его, казалось, вот-вот готовы были оборваться, но Дик угрюмо сцепил зубы и держался. Вот над водой словно бы нехотя поднялись рука Кила и его болтающаяся из стороны в сторону голова. Потом другая рука и наконец, мало-помалу, все остальное.

Тут выяснилось, что за пояс Дика тащил вовсе не друг Кила, как он вначале подумал, а горгулья Френкель. Друг же Кила, губастый темноволосый парень, держался позади и невозмутимо взирал на происходящее. Вскочив на ноги, Френкель склонился над Килом и стал делать утопленнику искусственное дыхание. Из рта у Кила хлынула тонкая струйка воды. Наконец он зашевелился.

— Скоро будет как огурчик, — радостно заключил Френкель. — Подождите еще минутку, миста Джонс. Я отведу вас в ваши покои.

Тем временем коренастый (Руэлл? Почему такая знакомая фамилия?) наклонился и поднял с пола свой долбак. Потом принялся вытирать руки. Должно быть, он оказался третьим в той цепочке, что вытянула Кила из воды.

— Я сам его отведу, — бросил он Френкелю, небрежно мотнув головой в сторону Дика. — Если он, конечно, не против. Какой номер покоев?

— Номер X-103, — с готовностью ответил Френкель. — Это в палисандровом дворе, где Старый Фонтан.

— Без тебя знаю. Ну, Джонс, пошли. Тут ты уже сделал все, что мог.

Стоило им тронуться с места, как на угрюмой физиономии губастого парня появилось какое-то странное выражение. Он помахал Дику рукой и крикнул:

— Джерри тебя не забудет!

— Вот уж точно, — пробормотал Руэлл, шагая бок о бок с Диком и держа его под локоть. — Ты свалил дурака. От Кила благодарности не дождешься — этот парень просто подонок. Чтобы закрыть тему, предупреждаю в последний раз: при первом же удобном случае постарайся его прикончить.

Тем временем они пересекали огромный мощный двор, метрах в пятнадцати над которым лежала стеклянная крыша. Двор украшали умело скомпонованные клумбы, где росли флоксы и герань, астры и кизил, живокость и тюльпаны. Все еще не отойдя от случившегося, Дик рассеянно спросил:

— Почему же тогда вы помогли мне его вытащить?

— Ты сам так решил, — безразлично отозвался Руэлл. — Кстати, слева от тебя, — тут же продолжил он, — первый в мире «уинтон». — Руэлл указал Дику на какую-то колымагу, что стояла на каменном постаменте. Золотой экипаж с четырьмя сверкающими колесами и расшитым тентом над открытыми сиденьями. Каждый сантиметр его поверхности, казалось, украшен или гравировкой, или самоцветами, или искусными орнаментами. — Один из первых автомобилей, выпущенных к продаже в Соединенных Штатах. Макет, конечно. Исторической ценности не представляет, а все-таки другого такого нет. — Руэлл опять куда-то указал. — А там, справа, ранний «паккард». Первая модель, где вместо рычага появился руль. Если, конечно, не считать «стенли-стимера».

— Значит, — заключил Дик, — Вождь коллекционирует автомобили?

— Что? — вырвалось у Руэлла. — Автомобили? — Тут провожатый Дика разразился оглушительным хохотом. — Ха-ха-ха! Ха-ха, о-ох, ха-ха-ха! Ну ты даешь! Надо ж такое сморозить... — Держась за живот, Руэлл хлопнул Дика по плечу.

Дик отодвинулся в сторону.

— А что смешного? — спросил он.

— Ничего, — мгновенно оборвав хохот, заметил Руэлл. — А вот знаменитый Старый Фонтан. — Знаменитое сооружение оказалось выложенным каменными плитами бассейном метров шести в диаметре и по пояс глубиной. В самом центре вверх

брызгала жалкая струйка воды. — Видишь, вон там, такие рыбки вроде угрей, — продолжал свою лекцию провожатый Дика. — Миноги называются. Очень, скажу тебе, гнусные твари. Цепляются к добыче зубастыми присосками, а языками пробуривают в ней дырку. На языках у них тоже, между прочим, небольшие зубки. Один римлянин времен императора Августа придумал занятную штуку. Он держал этих самых миног у себя в пруду и время от времени бросал туда рабов, провинившихся в какой-нибудь ерунде. Ведий Поллион его звали. А было это двадцать одно столетие назад. *Plus ça change, plus c'est même chose.*

Дик остановился и посмотрел своему спутнику прямо в лицо.

— Мои покои, наверное, где-то неподалеку, — сказал он. — Думаю, теперь я их и сам найду. Всего хорошего.

Но Руэлл тут же остановил его, изображая на лице раскаянье.

— Прости, мальчик мой. Я вовсе не хотел тебя оскорбить. А всего-навсего неучтиво посмеялся над твоей наивностью. Ты спросил, не коллекционирует ли Вождь автомобили... Знаешь, мне просто сложно представить себе что-то, чего Вождь не коллекционирует. Он коллекционирует коллекции. Причем непрерывно и ненасытно. По сути, — настойчиво продолжал Руэлл, снова беря Дика под локоть, — вся эта гора — не более чем тонкая скорлупа над бездонной ямой всех его коллекций. Ага, а вот и твои покои.

Дик позволил вести себя и дальше, думая, что так он скорее избавится от этого человека. Было в Руэлле что-то глубоко противное Дику и вызывавшее резкое недоверие. Может, дело в таком знакомом звучании его фамилии? Руэлл... Тут Дик застыл как вкопанный и принялся нашаривать во внутреннем кармане тот тонкий конверт. Так, на месте.

— Что такое? — тут же заинтересовался Руэлл. — У тебя там что-то для меня?

— Если вы тот человек, которому мой отец... то есть если вас зовут...

— Меня зовут Леон Руэлл. По-моему, ты уже это знаешь. Но подожди. Давай лучше поговорим там. — Руэлл отпер резную палисандровую дверь и предложил Дику войти.

Под высоченными потолками в покоях Дика висели длинные острогранные фонари, неяркий свет которых разбрасывал по

стенам разноцветные блики. До уровня человеческого роста стены были облицованы палисандром, а выше — голубой штукатуркой. В следующей комнате кто-то стучал молотком. Атмосфера была затхлая, нежилая.

— Тебе здесь будет достаточно уютно, — безглаголиво принюхиваясь, заверил Дика Руэлл. — А через денек-другой мы подыщем тебе более достойное пристанище. Теперь давай посмотрим, что там у тебя... — Руэлл протянул руку, и Дик отдал ему конверт.

Дальше гость извинился, встал вполоборота, ногтем вскрыл конверт, развернул листок папиросной бумаги и углубился в чтение. Неторопливо все прочитав, Руэлл несколько раз сложил листок, а потом, к вняшему удивлению Дика, сунул в рот и принялся пережевывать. Наконец проглотил и улыбнулся.

— Рисовая бумага, — пояснил он вконец оторопевшему Дик. — Что, еще не приходилось такого проделывать? Ничего, тут быстро научишься.

Молотьба вдруг прекратилась. Из соседней комнаты появилась уже знакомый Дик. горгуль. Френкель успел переодеться в голубой комбинезон и напоминал циркового бульдога. В руках он держал чемоданчик с плотничьим инструментом. Горгуль радостно кивнул Дик.:

— Ничего-ничего, миста Дик. Щас мы вас в два счета устроим. — Потом Френкель вышел за дверь, что-то там кому-то сказал и вернулся — но уже в желтом комбинезоне и с малярными принадлежностями.

Дик с разинутым ртом уставился на урода.

— Ничего-ничего, миста Дик, мы тут мигом, — со счастливой улыбкой заверил Френкель. И снова исчез в соседней комнате.

Бормоча что-то нечленораздельное, Дик направился вслед за горгульей. Часть обшивки во внутренней комнате уже сняли и заменили новенькими резными панелями. Френкель как раз занимался тем, что закрывал панели бумагой, весь обставленный банками с краской и шеллаком, обложенный разнокалиберными кистями и щетками. Рядом лежал и краскопульт. Да, Дик не ошибся: комбинезон горгульи и вправду был желтый, причем особенно гнусного, ядовитого цвета, а никак не голубой, в котором только-только расхаживал Френкель.

Руэлл тоже последовал за Диком и теперь с нескрываемым удовольствием взирал на происходящее. Вспомнив про обмен репликами за дверью, Дик спросил:

— Их что, двое? Да? Они близнецы?

Руэлл прыснул.

— Двое! — через силу выдавил он. — Близнецы!

Френкель — если это, конечно, был Френкель — обернулся и с широчайшей улыбкой на бульдожьей морде сказал:

— Да не берите в голову, миста Джонс. А вообще-то, мы тут уже многих ошарашили. Правда, миста Руэлл?

А Руэлл совсем помирал со смеху. Потом он уже и смеяться не мог, только стонал и охал. Наконец все-таки успокоился, отдышался и серьезным тоном спросил:

— Скажи-ка, Френкель, сколько тебя сейчас?

Френкель тут же посерьезнел.

— Сегодня утром, — ответил он, немного подумав, — меня было ровно двести сорок три. Знаете, месяц назад меня было самое большее двести двенадцать, но сейчас просто завал работы. Мы позарез потребовались для восстановления Длинного Коридора, где он обвалился. Вы же знаете, миста Руэлл, лучше нас в Орлане слуг нет. На втором месте идет Хэнк-рассыльный. Но его всего сотня. Или от силы сто десять. А вы, миста Джонс, никогда не видели столько одних и тех же слуг, да? — И горгулья радостно рассмеялся.

Дик отвернулся.

— Тут его и впрямь завались, — сказал Руэлл. — Точно не припомню, но что-то около сотен трех с половиной. А у Френкеля одно желание — побить свой собственный рекорд. Он себя каждое утро пересчитывает. И если кого потеряет, то потом весь день ходит как в воду опущенный. А что? Что-нибудь не так?

— По-моему, это просто неразумно, — пробормотал Дик. Потом хотел было сесть, но тут же, вспомнив, что он вроде как дома, сначала предложил стул Руэллу. — Как, к примеру, узнать, которого вы послали с поручением? Или, скажем, если вы приказали одному что-то для вас запомнить, то как потом его найти?

— Ну, Френкель все сам себе сообщает, — ответил Руэлл и уселся, изящно скрестив ноги. Руку он положил на долбак. — Потому он так и полезен. Все знает, всюду поспевает... А потом, если есть надежный слуга, к чему тратить время на поиск новых?

Дик уже в пятый или шестой раз за день услышал здесь слово «слуга».

— А почему вы в Орлане не зовете их сраками? — раздраженно поинтересовался он. — Или хотя бы рабами?

Руэлл пожал плечами.

— Милый мальчик... — Взгляд его из равнодушно-насмешливого вдруг сделался пронзительным. — Давай-ка подождем бабки. Ты неплохо едешь верхом. Прилично палишь из пистолета. Долбак, как уже выяснилось, держишь крепко. Если еще подучиться, будет совсем здорово. Наверняка ты отлично плаваешь, танцуешь. Но ты еще ничего не знаешь. И, кажется, знать ничего не хочешь...

Дик встал.

— Не теряй головы, — ровным голосом проговорил Руэлл. — Между прочим, если не считать невежества, то вспыльчивость — твой худший недостаток. Сядь. Мне еще надо кое-что тебе сказать. Сядь, говорю.

Сам того не желая, Дик сел.

— Ты уже в самом расцвете, — прежним тоном продолжил Руэлл. — Силен, хорошо сложен и не обделен смазливой внешностью. А кроме того, ты здесь новенький. Это, пожалуй, и станет нашим главным козырем.

— Я вас не понимаю, — сказал Дик.

— Да неужели? Хотя ничего удивительного. Ну так слушай. В Орлане все вертится вокруг власти. Есть орбиты и сферы власти. Есть токи власти. У тебя сейчас власти никакой — значит, тебе надо обзавестись покровителем. Дальше. Здесь, в Орлане, никто просто так ничего не получает. Что у тебя есть предложить? Давай прикинем. У тебя нет никаких особенных талантов или навыков. Никаких связей, если не считать меня, и, кстати говоря, никого, кроме меня, кто дал бы тебе добрый совет. Нет у тебя ни сторонников, ни ценной информации... Короче, ничего, кроме тебя самого. Теперь пораскинем мозгами. — Некоторое время Руэлл молча потирал подбородок. — Вот если б ты дал Килу утонуть, тогда уже было бы что-то. Кил — парень Рандольфа, а лучшего и желать бы не приходилось. Ведь Рандольф — секретарь Вождя по делам увеселений. Да, это было бы чудно. А так — хуже некуда. Впрочем, — тут он еще пристальней стал разглядывать лицо Дика, — хотя, по-моему, ты не тот тип. Странно, я скорее бы

ожидал... Ну, так или иначе, у нас остается только один выбор. — Руэлл снова откинулся на спинку стула. — Сделаем из тебя дамского угодника. Как правило, это кратчайший путь к успеху — хотя и самый шаткий. Милые дамы, знаешь ли, такие капризные создания... Ладно, поглядим, что у нас выйдет. Я тут представлю тебя несколькими экземпляриками. Клянусь, там даже попадаются совсем и не страшные. Ну, а если ничего не заладится или не затянется достаточно надолго, тогда... тогда попробуем снова.

Дик испытывал смутное чувство, что гнев тут вроде бы и не к месту. Еще он чувствовал отвращение и с трудом верил собственным ушам.

— Простите, вы серьезно?

Руэлл слегка прищурился. Потом посуровел и ничего не ответил.

Дик встал.

— Тогда вот что, Руэлл. Я выслушал вас только потому, что про вас мне сказал отец...

— Дальше.

— ...но всему есть предел. Вы мне не нравитесь. И в советах ваших я не нуждаюсь. Так что попрошу вас уйти.

Руэлл медленно поднялся. Серое лицо его застыло неприкрытой маской. А сердце Дика вдруг бешено заколотилось. Костлявый кулак Руэлла сжался на набалдашнике долбака, потом медленно расслабился.

— Ради твоего отца, — негромко процедил Руэлл, — я на сей раз тебя прощаю. Ты пока что всего-навсего безмозглый сопляк. Лучше б тебе набраться благоразумия. И поскорее. — Уже в дверях он на мгновение обернулся. — Au revoir.

Едва дверь захлопнулась, как Дик шумно выдохнул воздух и тяжело опустился на стул. Вдруг снова накатила страшная усталость. Голова вконец разнылась, а глаза будто засыпало песком.

Удвоенные сраки и резные панели, которые сразу же требуется менять. Миноги в фонтане. А что хотел сказать Руэлл той французской поговоркой? «Новое — всего лишь хорошо забытое старое». Жуткий смысл слов Руэлла, которые он произносил здесь так спокойно, так обыденно. «Покровители». «Парень Рандольфа». «Дамский угодник». А что, если все это правда?

Но нет. Не может этого быть.

Глава 8

Уже десять дней Дик болтался по коридорам Орлана. Его толкали сраки, катавшие своих драгоценных хозяев на стульчаках (так здесь называли кресла на колесиках). А хозяева паялились на него и (Дик нисколько не сомневался) посмеивались. Его новая одежда в местном стиле сидела отвратительно, но ничего лучшего достать не удалось. И ткани выглядели тусклыми, хотя все вроде бы выглядело как надо, когда портной принес платье в его покои. Теперь Дик начинал разбираться в «стиле» Орлана — и остро почувствовал, что сам он в этот стиль нисколько не вписывается. Не вписывается он в эти роскошные складчатые одеяния, блестящие украшения, цветовые оттенки, причудливые перья или розетки, ароматы духов. Не так складывает руки, не так ходит, не так смотрит, — вообще все делает не так.

Снова погруженный в тягостные раздумья, Дик миновал строительные леса, что поднимались до половины стены. Из следующего коридора доносилась приглушенная дробь отбойных молотков. Создавалось впечатление, что Орлан без конца перестраивается, перепланируется и переукрашивается.

Бесчисленное множество раз терялся Дик в дебрях залов и коридоров — даже несмотря на то, что один из Френкелей снабдил его картой. Разнообразие Орлана уже начинало надоедать. Мутило скитальца и от собственных тесных покоев, где не было ни гимнастического зала, ни библиотеки, ни даже приличного бассейна.

Кроме Руэлла, Дик не знал в Орлане ни души, если, конечно, не считать сонмов Френкелей и прочих сраков. Но самая чертовщина заключалась в том, что здесь и познакомиться-то ни с кем не удавалось. Дику даже не удалось добиться аудиенции у полковника ван Эттена, ведавшего в армии вопросами присвоения офицерских званий. Уже два раза он даром терял время в золотисто-кремовой приемной ван Эттена. В первый раз удалось узнать только то, что для встречи с ван Эттенom требуется назначение на прием. Во второй раз, получив проклятое назначение, Дик выяснил, что полковник куда-то спешно отбыл. На телефонные звонки ван Эттену секретарь неизменно отвечал, что того нет на месте.

Из коридора, по которому прогуливался Дик, широкая винтовая лестница привела его в прохладную зеленую мглу старо-

модного коктейль-холла. За стойкой бара призрачно мерцали бутылки и бокалы, а бармены представлялись только темными силуэтами. Изголодавшийся по компании, Дик помедлил и заглянул внутрь. Женщина за ближайшим столиком подняла равнодушный взгляд и без интереса его осмотрела, а потом снова повернулась к своему спутнику. Дик поколебался и вышел. Мало ли, может, какое-нибудь частное заведение. Откуда ему знать? И скиталец поплелся дальше.

А дальше коридор поворачивал и опускался к целому ряду мелких художественных мастерских (украшения из кораллов, деревянные переплеты, батики, расписные тыквы). Потом опять поворачивал и выходил обратно к главной артерии на среднем уровне. Это место Дик уже хорошо запомнил. Днем и ночью здесь слонялись пестрые толпы. Вот мужчина в лиловой мантии и с митрой на голове. В одной руке — трезубец, в другой — кадило. Этот колоритный персонаж не раз попадался Дику, и он даже навел о нем справки. Если верить Френкелю, лиловый был жрецом Иблиса. Эх, знать бы еще, кто такой Иблис. Вот стайка девчушек — все молоденькие и почти все хорошенькие. Но, к сожалению, сраки. За все время блужданий Дик ни одной молоденькой свободной девушки здесь пока что не встретил. За стойкой срак прошагали два смуглых типа в черном — оба хмурые и оба с дубинками. Их форму Дик уже легко различал — Стража Гамна.

А вот и небольшая столовка, где Дику пару-другую раз доводилось перекусывать. Располагалась она в считанных метрах от дверей канцелярии ван Эттена. Опять соваться к неуловимому полковнику смысла не имело, так как новое назначение на прием вступало в силу только с послезавтрашнего утра. Дику тяжело было есть одному на публике — но давиться едой у себя в покоях хотелось еще меньше. Тогда он мрачно пристроился за одним из столиков и заказал себе легкую закуску: сквобов, пиццу с анчоусами и мясо по-татарски. Есть ему почти не хотелось.

Наполовину управившись с едой, Дик, повинувшись какому-то наитию, вдруг поманил официанта.

— Слушаю, миста. Что-нибудь еще?

— Нет. Пока нет. Я тут подумал... слушай, если ты увидишь полковника ван Эттена, ты его узнаешь?

— О да, миста, конечно, миста.

— А какой он из себя?

Официант нервно вздрогнул.

— Полковник ван Эттен? Ну, он такой высокий, миста... и знаете... такой очень суровый. А еще у него шрам — здесь, прямо над глазом.

— Понятно. Порядок, можешь идти.

Официант поклонился и ушел. Дик хмуро проглотил остатки пиццы, заедая ее свежим гамбургером. Он размышлял. А почему бы и нет? Что ему терять? Ну, еще день пропадет, — так он и так пропадет. Дик вышел из столовки и встал под одной из арок как раз напротив входа в канцелярию ван Эттена. Люди то и дело сновали туда-сюда — кто в форме, кто нет, но никто не подходил под описание. А вдруг ван Эттен пользуется личным входом? Или даже несколькими? Но если Дик найдет этот вход и станет за ним наблюдать, то по закону подлости искомый человек со шрамом непременно захочет войти в парадную дверь. Когда Дику совсем осточертело торчать под аркой, он прошел к телебудке, вырубил идущий там фильм и нажал кнопку «Частные переговоры».

На экране тотчас возникла миловидная блондиночка.

— Слушаю, миста?

— Срочный звонок в Бакхилл, что в холмах Поконо. Говорить буду с тем, кто подойдет.

— Одну минутку, миста. — Экран помутнел, потом снова засветился. — Простите, миста, но все линии заняты. Будьте любезны перезвонить.

Опять все занято. Дик с ненавистью взглянул на аппарат и вернулся на свой наблюдательный пост. Каждый день он пытался дозвониться домой — и всякий раз проклятые линии оказывались заняты. Сначала этот звонок был для Дика простой формальностью. Но теперь он уже начинал беспокоиться. Вот бы спросить совета у Владетеля... Можно, конечно, написать отцу письмо. Но с кем его отправить? На кого можно положить? Неизвестно, кто прочтает письмо, доверь он его чьему-нибудь курьеру. Если вообще кто-то прочтает...

Прошел час, другой. Дику уже все на свете осточертело, он страшно устал, но все равно с мрачным видом дожидался. Интересно, что сейчас поделявают Адам с Феликсом? Катаются верхом или плавают в озере? Дик ощутил прилив мучительной тоски по дому. Ему вдруг до смерти опротивели все здешние

запаху, сам воздух и даже плитка под ногами, но он сцепил зубы и продолжал ждать.

Ближе к концу дня из дверей канцелярии вышли три офицера, с головой погруженные в разговоры. В середине шагал высоченный, худой как жердь мужчина. Из-под его алого шлема виднелись седые виски. Весь в сомнениях, Дик двинулся вперед. Он? Не он? Ага, вот шрам!

— Полковник ван Эттен?

Все трое взглянули на Дика.

— В чем дело? — спросил длинный.

— Полковник, я Дик Джонс из Бакхилла. Мне очень нужно с вами поговорить. Всего одну минуту. Насчет присвоения мне офицерского звания.

Ван Эттен медленно моргнул.

— Звания? — отсутствующим тоном переспросил он. — А что у тебя там со званием?

— Простите, полковник, но мне его до сих пор не присвоили. Об этом я и хотел с вами поговорить.

Сопровождавшие ван Эттена офицеры переглянулись. Полковник сказал:

— Э-э, как там тебя?..

— Дик Джонс, полковник.

— Вот что, Джонс. Делами армии я занимаюсь у себя в канцелярии и только с теми, кому назначено. Поговори с моим секретарем.

И ван Эттен как будто собрался уходить. Тогда Дик немного повысил голос:

— Простите, полковник, но вы меня не поняли. Я пытался попасть к вам обычным путем. Ваш секретарь уже десять дней меня отшивает...

Явно ошарашенный, полковник снова остановился.

— Черт побери! — проревел он. Тут один из офицеров встал на цыпочки и что-то шепнул полковнику на ухо. — А-а, так вот оно что, — проворчал ван Эттен. — Крамп, отметь у себя и потом мне напомни, чтобы Джонса ровно месяц не принимали в моей канцелярии. Пусть даже не обращается с просьбами.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался офицерик помоложе, доставая из кармана блокнот.

Целый месяц! Дик так и затрясся от гнева.

— А если тебе не по вкусу, — непреклонным тоном продолжил полковник, — то можешь катиться обратно в свой Сракхилл или как его там.

— Наше поместье, полковник, — еще повышая голос, проговорил Дик, — называется Бакхилл.

Прохожие в коридоре стали заинтересованно останавливаться.

— Тогда два месяца! — рявкнул ван Эттен. Долгое мгновение он вызывающе смотрел на Дика, потом перевел взгляд на часы и отвернулся. — Пошли, уже опаздываем.

Офицерик помоложе захлопнул свой блокнот.

— Слушай, недоумок, — бросил он Дику. — Лучше обзаведись другом, и поскорее. — Потом он догнал остальных, и все трое скрылись в толпе.

Дик осторожно разжал кулаки — ногти больно впились в ладони. Отовсюду за ним наблюдали — кто с любопытством, кто с довольством, а кто равнодушно. В глазах вдруг помутилось, Дик повернулся и бросился бежать.

Некоторое время спустя он очутился на Верхнем Променаде, самом высоком уровне Орлана, не считая нескольких куполов. Небо снаружи совсем помрачнело, и эта серятина за прозрачной стеной заставляла свет люминитов казаться тусклым и нездоровым. Дик медленно подошел и прижался лбом к холодному стеклу. Дальние горы по ту сторону долины выглядели какими-то отвратительными лилово-серыми грудями. Из-за них на Орлан стремительно летели тучи. Временами черный грозовой фронт озарялся бледным светом, но тучи были столь плотны, что казалось, раньше времени наступили сумерки. Ключья облаков пролетали мимо окна подобно безумным призракам. Потом огромная стеклянная панель вдруг выгнулась от ветра — и Дику пришлось отшатнуться. Нижние уровни Орлана казались теперь световыми ниточками. А дно долины совсем скрылось из виду — там уже безраздельно царила тьма.

А десять дней назад... Десять дней назад, когда он только сюда попал, повсюду цвела весна. Слева на сером фоне Дику бросился в глаза бронзовый силуэт незавершенной Башни. Быстро темнело. Вот в стекло забарабанил град. Все сильнее и сильнее. Целый шквал града. Наконец неистовые потоки ливня окутали Променад серебристым покрывалом.

Не может быть, чтобы так здесь обращались с каждым претендентом на офицерское звание. Почему же именно на него обрушилось столько бед? Куда ни ткнись — везде какие-то препоны. А ведь сначала полковник вроде бы понятия не имел, кто такой Дик, пока один из офицеров что-то не шепнул ему на ухо... Один месяц. А стал рыпаться — получил два. Тут Дик понял, что, стань он и дальше рыпаться, вышло бы три, четыре, пять... И его будут держать на ниточке, сколько им вздумается. А связь с Бакхиллом? Что, линия тоже вечно будет занята? Пока он не сломается и не сделает как велено? Не будет этого! Никогда!

Понуриив голову, Дик медленно побрел к лифтам. Мимо, шушукаясь и хихикая, все время проходили какие-то люди. Когда они оказывались у него на пути, Дик, не поднимая головы, обходил их. Но вот путь ему преградила пара ног в зеленых облегающих брюках. И обойти эту пару никак не удавалось.

Тогда Дик остановился и поднял голову. Отороченная красным черная туника. На поясе — толстая цепь из бронзовых медальонов. Пышная пена кружев под пепельно-серым лицом. Леон Руэлл собственной персоной. И с непринужденной улыбкой на тонких губах.

— Ну что, юный Джонс? Отчего такая грусть-печаль?

Дик чувствовал, что за ними наблюдают, но уже не обращал внимания.

— Вот что, Руэлл. Надо поговорить.

— Прекрасная мысль! Давайте, мой юный друг, спустимся вниз, где можно будет поговорить с глазу на глаз.

Дик даже не шевельнулся.

— Нет, поговорим здесь, — сказал он. — Это вы позаботились о том, чтобы ван Эттен не давал мне аудиенции?

— Милый мальчик... так у тебя проблемы с ван Эттенем? — С легкой улыбкой на губах Руэлл лениво потирал длинный подбородок. — Ну, такие вещи очень легко улаживаются. Надо было всего лишь зайти ко мне. — Над головой у Руэлла по металлическому потолку скользили серые блики.

А за спиной у Дика вдруг послышались приглушенные смешки.

И тут, неожиданно для себя, Дик словно со стороны услышал собственный голос:

— Я не могу драться со всеми в Орлане. Но я могу драться с вами. — Он вытащил из-за пояса долбак. Сердце бешено колотилось. Руэлла ему, конечно, не побить, но ничего другого просто не осталось. Дик яростно твердил про себя: «Если он уложит меня сейчас, я приду за ним снова. Буду падать и вставать, падать и вставать. Но не сдамся, пока он не отступится».

— Ну, раз ты так настойчив, — медленно протянул Руэлл и положил ладонь на долбак. — Но подожди. Еще одно, последнее слово, прежде чем мы перейдем к делу. Ты мне нравишься, юный Джонс. И я знал твоего отца. Хотя это и против моих правил, но если хочешь, я найду тебе другого покровителя. Как насчет молодого выскочки, которому не хватает только свиты из благородных молодых людей? Телохранители, льстецы... Потребуется только чуть-чуть выдержки и обаяния. Ну и, быть может, несколько драк. А? Поверь, Дик, на этом дельце я убью уйму времени. Зато ты не пропадешь. Ну как? По рукам?

Дик заколебался. По мере того как Руэлл говорил, решимость стремительно ускользала. Трудно было опять завестись, и ответ Дика прозвучал грубее, чем следовало:

— Хватит болтать. К делу!

Руэлл тут же надел на лицо уже знакомую Дикунепроницаемую маску суровости. Под полуприкрытыми веками яростно засверкали глаза. По сторонам торопливо зашаркали ногами зеваки, подаваясь назад. Руэлл выставил вперед левую ногу и чуть пригнулся. Правая рука его медленно опустилась, — а потом долбак как-то совершенно незаметно взлетел вверх и заплясал в воздухе, словно живой. Казалось, Руэлл его даже не касался. Оружие Дика бешено затряслось под градом ударов — слева, справа, слева...

Запоздало спохватившись, Дик рубанул сплеча. Руэлл без видимого усилия парировал удар, сделал ложный выпад вверх, а потом обошел защиту Дика снизу и сильно въехал противнику по ребрам.

— Это раз, — без выражения произнес он. И отступил в защитную позицию.

Дик яростно и вроде бы умело обрушился на противника, но вскоре понял, что лишь выплясывает какой-то нелепый танец. Прорваться сквозь глухую защиту Руэлла было просто невыносимо. Противник Дика легко отражал каждый удар, но ответ-

ных пока не наносил или всего лишь уклонялся в сторону, — тогда долбак молодого дуэлянта со свистом рассекал воздух. Тум-тум, вжик... Тум, тум-тум, вжик... Руэлл выставлял Дика полным недотепой, чьи отчаянные попытки ударить своего противника выглядели смехотворными тычками и неловкими отмахками.

— Вперед! Бейся, парень! — цедил Руэлл, к вящему удовольствию надрывающих животы зевак.

Окончательно взбешенный, Дик сделал стремительный выпад. Но уздало не позволило довести дело до конца. Небрежным взмахом долбака Руэлл парировал отчаянный удар, потом резко сблизился и нанес противнику разящий боковой в висок. Дик поплыл, потерял равновесие, зашатался...

— Это два, — послышался глухой голос Руэлла. Потом последовал страшный удар под дых. — А это три.

Дик рухнул как подкошенный. Пол, кружась, полетел ему навстречу, а под конец больно ударил. Лежал он не двигаясь, мучительно стараясь вдохнуть.

Вокруг слышались неразборчивые голоса. Удаляющиеся шаги вначале больно стучали по полу, к которому Дик прильнул щекой, но вскоре затихли. Стальное кольцо, зверски сжимавшее грудь, чуть отпустило. Первый вдох оказался настоящей пыткой, но Дик во что бы то ни стало требовалось его сделать. Вдохнуть — или умереть.

Тут чьи-то руки приподняли ему голову, но облегчения это не принесло. Дик вяло отмахнулся, и голову тут же отпустили. Вскоре, впрочем, руки вернулись — теперь их стало больше и действовали они грубее. Дик смутно подумалось, что те, первые, должно быть, принадлежали женщине. Потом его потянули вверх, но стоять Дик не мог. Тогда его руками обернули две мускулистые шеи и поволокли вперед, пока, судя по гулким отголоскам, не дотасили до одной из ниш у задней стены. Там опустили на диван. Дик безропотно подчинялся. Сил не было даже на то, чтобы открыть глаза.

— Ах, бедненький, — послышался где-то рядом женский голосок. Низкий голосок, мелодичный, но чуть хриловатый. — Кто он? Ты его знаешь?

— Из Джонсов, — ответил мужской голос. — Френкель говорит, что он тут уже без малого две недели, а никаких связей так и не завел.

Тут что-то зашелестело, и Дик услышал удаляющиеся шаги. Вскоре те же шаги вернулись, и Дику на горящий лоб положили влажный носовой платочек.

— Не советовал бы тебе им заниматься, — пробурчал мужской голос. — Ты же знаешь Руэлла.

— Знаю. Но с ним-то что будет?

— Вив, тебе-то какое дело? Больше ты уже ничем ему не поможешь. — Голос мужчины звучал почтительно и немного фальшиво — словно говорил он не то, что думает, а то, что от него ждут.

— Я всегда могу его усыновить, — возразила женщина.

— Нет, Вив. Не можешь. Ты же сама знаешь. У тебя в списке уже и так шестеро лишних. Дорогая, нельзя терять благоразумия.

— Да, Гови, пожалуй, ты прав. Как всегда.

Открыв наконец глаза, Дик смутно разглядел красный бархатный рукав мужчины и женщину в белом — целые облака белых и кремовых кружев, а на голове — огромная белоснежная шляпа. Подперев голову рукой в перчатке, женщина внимательно смотрела на Дика. Позади толпилась кучка сраков в одинаковых черных комбинезонах.

— Ну что ж, — решила женщина. — В конце концов, мы можем забрать его к нам, и пусть доктор Боб его осмотрит. А там будет видно. Сол, быстро за стульчаком.

Один из сраков тут же поклонился и сказал:

— Сию секунду, мисиз Деметриу.

Дик снова закрыл глаза, нисколько не тревожась, жив он или мертв, и уже очень скоро почувствовал, что его поднимают и сажают на стульчак. Потом он ощутил под собой кровать. Над ним, выдыхая обильные ромовые пары, склонялся пожилой мужчина с седыми бакенбардами. Высоко на темно-синем балдахине порхали вышитые серебристые птички. Дик охнул и попытался убрать голову от пальцев, что осторожно ощупывали его висок.

— Так-так, — заключил седовласый и выпрямился, шелестя шелковым одеянием. — Все кости целы. Разве что легкое сотрясение. А так ничего серьезного. Пусть денек-другой отлежится — и будет как огурчик. — Потом доктор с серьезным видом принялся паковать свой чемоданчик, шумно дыша при этом и побряхтывая.

Откуда-то сзади, из желтого свечения, послышался насмешливый голос:

— Всего денек-другой, Вив? Тогда я сдаюсь.

Когда Дик снова очнулся, то поначалу никак не мог вспомнить, где он и как сюда попал. Потом с трудом сел, и тут же из другого конца комнаты к нему поспешила девушка в желтом платье.

— Вам уже лучше? — с милой улыбкой спросила она. — Может, позавтракаете? — Молодая, очень симпатичная. Если бы только не срачье клеймо на лбу.

— Нет, я не голоден. — Тут Дик понял, что на нем довольно удобная пижама с горлом. Он принялся осторожно спускать ноги с кровати. — Мне бы мою одежду.

Девушка явно встревожилась и попыталась уложить больного на место.

— О нет, мистер Джонс. Пожалуйста. Госпожа сказала, что вам никак нельзя вставать, пока не наступит улучшение. Лежите, пожалуйста.

Но Дику было не до препирательств. По голове словно били кувалдой. Он оттолкнул девушку и встал. Ноги предательски подогнулись. Пришлось ухватиться за столбик кровати.

Юная срака в отчаянье попятилась:

— О нет, нет! Мисиз Деметриу!

Дверь отворилась, и в комнату, шурша одеждами, быстрыми и решительными шагами вошла женщина.

— Нет-нет. Сейчас же в постель. Слышите?

Не желая позорно падать и выставять себя шутком, Дик осторожно присел на край кровати. Юная срака помогла ему занести ноги обратно и осторожно натянула одеяло.

— Пока свободна, — бросила ей женщина и грациозно расположилась в кресле у самой кровати. — Мы с вами еще и не познакомились, — сказала она Дику, шутливо растянув окончание фразы. — Меня зовут миссис Чарльз Деметриу. А вас — мистер Ричард Джонс. Итак, мистер Джонс, как вы себя чувствуете?

Дику впервые представилась возможность ясно разглядеть свою спасительницу. Стройная, миловидная женщина. Сегодня утром — в фиолетовом пеньюаре и фиолетовой же шляпке без полей поверх волнистых каштановых волос. Смуглое худое лицо. Чуть впалые щеки. Из-под крупных век смотрят большие темные глаза.

На Дика вдруг накатило раздражение. Вчерашний разговор он помнил смутно, но кажется, там были какие-то споры, стоит ему помогать или нет. Кроме того, эта женщина стала свидетельницей его унижения.

— Рад нашему знакомству, — кратко отозвался он. — Весьма благодарен вам за помощь и все такое, но теперь я уже в полном порядке. Если вас не затруднит отправить записку моему личному сраку... — Поскольку женщина молчала и лишь без тени улыбки продолжала его разглядывать, Дик почувствовал себя неловко и добавил: — Право же, я запросто могу отлежаться у себя дома. Не хотелось бы показаться неблагодарным, но...

— Но именно таким вы и кажетесь, — прервала его женщина. — Причем очень и очень. — Потом она встала, выпрямила спину и положила руку на трубку старомодного французского телефона у самой постели. Немного так постояла — словно забыла, что собиралась сделать. Наконец спросила: — У вас надежный лакей?

— Не знаю, — честно ответил Дик. — Его прислали из конторы. По-моему, ничего.

— Как его зовут?

— Альберт.

— Нет, немисливо, — с серьезным лицом произнесла женщина и всплеснула руками. — Такой вечно не стриженный недотепа?

— Ну да. А что?

— Да ведь хуже него в Орлане слуги нет. Его обычно подсовывают случайным визитерам — всяким курьерам и прочей шушере. Милый мистер Джонс, ну почему вы не можете поставить себя как надо?

— Не понимаю, о чем вы, — ответил Дик. Голова совсем разболелась — больно было даже просто слушать. — Мне сказали, что своих сраков в Орлан брать нельзя.

— Конечно, нельзя. Но все-таки... — Она убрала руку с телефона и встала рядом с креслом, глядя на Дика сверху вниз. — Что, голова болит?

— Немножко.

— Еще бы. Вот. — Женщина взяла со столика пакет со льдом и приложила его к распухшему виску Дика. Стоило ей наклониться, как Дик сразу почувствовал исходящий от нее свежий,

ненавязчивый аромат. Кажется, сандаловое дерево. По крайней мере, нисколько не похоже на ту приторную дрянь, которой несло от большинства местных женщин. — Кстати, а зачем вы ввязались в драку с Руэллом? Неужели вы не знали, чем это кончится?

— Ну, мне казалось, я не хуже, — принялся оправдываться Дик. — Дубиной я владею не так уж плохо. Зато если бы я победил...

Женщина чуть слышно вздохнула:

— Победил... Но на вашу беду, Руэлл здесь лучший боец на долбаках. Вы, впрочем, и этого не знали. Так?

— Не знал, — ответил Дик, ощущая себя полным идиотом. Ладно, пусть все так. Но что ему еще оставалось? Что ему было делать, раз до такого дошло?

Но жалость к себе в любом случае вызывать нельзя. Поэтому Дик снова начал:

— Право, мне лучше уйти. Мне хотя бы мою одежду...

— Не валяйте дурака, — без тени улыбки ответила женщина. — Может статься, мы вам поможем. Скажите-ка лучше, что, по-вашему, получилось бы, сумей вы одолеть Руэлла.

— Не знаю. Да, наверное, затея получилась дурацкая. Но ничего лучше мне в голову не пришло. Я думал, тогда я смогу заставить его отозвать своих псов.

— Отозвать псов? Каких еще псов?

— С Руэллом заодно ван Эттен и еще неизвестно кто. Я никак не могу добиться поступления на службу. Даже домой позвонить не могу...

Женщина сжала кулачки.

— Вот гадина! Нет, даже слышать не могу спокойно... — Потом она обернулась к двери. — Говард! Ты только зайди и послушай! Ушам своим не поверишь!

— Да? — послышался уже знакомый Дику голос. Потом к ним неторопливо подошел высокий широкоплечий мужчина в незатейливой желтой рубашке. Молодой — разве что на пару-другую лет старше Дика. Узкое приятное лицо. Над верхней губой — небольшие усики. А изо рта торчит длинная тонкая сигара.

— Ричард Джонс, Говард Клай. Поверьте, Ричард, вы среди друзей. Расскажите нам все по порядку. А ты, Говард, сядь и послушай.

— Слушаю. — Клай сел в ноги у Дика и прислонился к одному из столбиков. Карие глаза его лучились дружелюбием, но порой там проскакивала и насмешка.

Видя, что деваться некуда, Дик рассказал обо всем, начиная с самого приезда. Когда он закончил, Клай негромко присвистнул.

— Преклоняюсь перед вашим мужеством, — заметил он. — Но с Руэллом так обходиться не следовало. Теперь он разгневан и не оставит вас в покое, пока вы не сдадитесь.

Дик сжал кулаки.

— Но должен же быть какой-то выход! Или для того, чтобы сюда вписаться, нужно позволить кому-то распоряжаться тобой, будто сраком или скотиной?

В комнате повисла хрупкая тишина.

— Я бы так не сказала, — с подчеркнутой холодностью отозвалась наконец миссис Деметриу. Клай, прищурившись, наклонился и потушил окурки в пепельнице.

— Тогда извините, — вымолвил Дик. — Но мне так показалось.

— Скажите, — спросил Клай, — а вам не приходило в голову обратиться к Вождю?

Дик заколебался.

— Не знаю. А что, может быть толк?

— Конечно нет. Просто это единственная глупость, которой вы еще не совершили. А теперь послушайте, мистер Джонс. Вот вам мой совет. Найдите себе покровителя. Не дожидайтесь, пока это сделает Руэлл. Выберите кого-нибудь посимпатичнее, а главное, покруче Руэлла, чтобы тот не рискнул связываться. Пусть ваш друг отошьет его, напугает — как угодно. Тогда все у вас будет в порядке. Иначе Руэлл вас с грязью смешает. Будет держать на ниточке. А когда совсем обломает, то загонит в бутылку — в какой-нибудь Подлый Батальон. И это будет только начало. Вот вам правда. — Клай элегантно поднялся, сунул руки в карманы и неторопливо направился к двери.

Женщина задумчиво смотрела ему вслед.

— Говард.

— Что? — оглянулся Клай.

— Знаешь, пожалуй, я им займусь.

Клай резко повернул назад.

— Так и знал, что ты это скажешь. Ты с ума сошла. С таким же успехом можно заняться Венгерским кордебалетом. Пойми, Вив, всех не обеспечишь.

— Придется Чарльзу увеличить мою долю, — отозвалась миссис Деметриу.

Клай хмыкнул:

— А станет он это делать?

— Я же сказала — придется. — Потом она повернулась к Дику: — Скажите, Ричард, вы позволите мне вас усыновить?

Дик заколебался. Все это ему чем-то не нравилось, но разум настойчиво подсказывал, что теперь ни одной мало-мальски пристойной возможности упускать нельзя.

— А что от меня потребуется взамен? — поинтересовался он.

— Взамен? — удивленно переспросила женщина. — Ах да, понимаю. Как по-вашему, Ричард, сколько мне лет?

Клая внезапный вопрос как будто и не удивил. Он подошел еще ближе и поставил ногу на подлокотник кресла. Оба молча наслаждались замешательством своего гостя.

Дик окинул женщину взглядом. Так, кожа свежая. Никаких морщин. Быть может, веки чуть вяловаты. Никакого намека на двойной подбородок. Вены на руках ничуть не расширены. Фигура стройная, как у девушки. Вроде бы ничто не указывает на зрелый возраст. Разве что уверенная пристальность во взгляде и решительное выражение губ. И еще в ней совсем нет юношеской гибкости. Стройная фигура кажется какой-то стылой, а на тонком лице слишком уж выдаются скулы.

Пожалуй, лет сорок. Ну, учтивости ради лет пять можно скинуть.

— Тридцать пять? — отважился Дик.

Клай и миссис Деметриу разом улыбнулись, а на лице дамы даже засияла какая-то девчоночья радость.

— Нет, — сказала она. — Гораздо больше. Мне... ну, я уже очень немолода. Мой внук почти ваш ровесник. Не так ли, Гови?

Клай лишь хмыкнул и откусил кончик очередной сигары.

— Мне только хотелось бы поточнее, — попросил Дик. — Вы уладите недоразумения с моей службой, с телефонным звонком домой... ну и так далее.

— Ага, — кивнул Клай. — И так и далее. Вас будут кормить, одевать подобающим образом. Ведь пока что вы были, насколько

ко я понял, на положении гостя? Что ж, Вивьен добьется для вас гораздо лучшего. Честно говоря, я лично не знаю как. Но раз она говорит, значит, так и сделает. — Тут он искоса взглянул на миссис Деметриу.

Та положила ему руку на плечо.

— Не беспокойся, Гови, — негромко сказала она.

Клая это как будто успокоило.

— И за все это, — продолжил он втолковывать Дику, — вам даже пальцем шевельнуть не придется... если только сами не захотите. Вивьен чистая филантропка — она ничего не требует взамен.

Тут женщина одарила Клая взглядом, значение которого Дик истолковать не сумел.

— Ох, Гови, Гови, — вымолвила миссис Деметриу и с улыбкой отвернулась. — Ну так как? Договорились? — спросила она у Дика.

Дику вспомнилась холодная констатация Руэлла: «Здесь, в Орлане, никто просто так ничего не получает». И во взглядах этой пары проскакивала какая-то странная недосказанность.

Но что ему еще оставалось? Только согласиться.

Экран вспыхнул и сразу помутнел. Потом пошли полосы.

— Папа? Это ты? — спросил Дик.

— Да, это я, Ричард. Тебя отлично видно и слышно. А что там у вас?

— Тут... а-а, ну вот, все в порядке. — Мутные цветные полосы устоялись, и из них вырисовалось лицо отца — слегка зеленоватое, где падала тень. Дик добавил красного, немного убрал синий — получился более-менее нормальный вид. — Как мама, как все?

— Все здоровы, Ричард. Мы с самого твоего отъезда пытались с тобой связаться. Мать была просто...

— Дик, мальчик мой. — На экране появилось лицо матери, в голосе ее слышался надрыв. — Мы так, так беспокоились. Почему ты не звонил?

Дик слышал себя словно со стороны:

— Тут были неполадки со связью... — Он вовсе не собирался лгать, но вдруг понял, что говорить правду просто невозможно. Слишком многое пришлось бы объяснять.

— Ну хоть теперь-то у тебя все хорошо, — сказала мать, серьезно глядя на Дика с экрана. — Мальчик мой, как я рада тебя видеть. Только вид у тебя немножко усталый.

— Наверняка у него была куча дел, — вмешался отец. — Я так понимаю, со службой у тебя все в порядке?

— Да, пап. Я служу в Пятой Конной, под командой генерала Майера.

Как только Дик окончательно оправился, Клай сводил его в канцелярию ван Эттена. Манеры полковника как по волшебству изменились — и все дело было улажено в какие-то пять минут.

Отец одобрительно кивнул:

— Знаю-знаю. Неплохая часть. А с Руэллом ты говорил?

— Да.

— Так это он подыскал для тебя связи?

— Нет... не совсем, пап... — начал Дик и тут же замялся. Теперь вроде бы полагалось объяснить отцу все дело. Но с чего же начать?

Лицо отца посуровело.

— Нет? Так ты хочешь сказать, у тебя до сих пор никаких связей?

— Почему же... Я тут познакомился с миссис Деметриу. Она превосходная женщина. А с Руэллом у нас как-то не сложилось... — Тут голос изменил Дику.

— Женщина? — вмешалась мать. — Ох, Фред, не нравится мне все это. Мальчик мой, а что она за женщина? Как вы познакомились? Она не?..

— Я слышал о ней, — перебил отец. — Тут все в порядке. — Потом он внимательно посмотрел на Дика. — Сынок, надеюсь, ты не сделал Руэлла своим врагом?

— Нет-нет, папа. Что ты. — Прямая ложь.

— Хорошо, Ричард. Теперь тут дети хотят с тобой поздороваться. А потом продолжим.

Мать неохотно отодвинулась от экрана.

— Дик, постарайся написать, как только сможешь...

Только тут Дик с ужасом осознал, что мама заметно постарела со времени его отъезда.

Потом на экран выскочили Адам с Феликсом, неистово крича: «Привет, Дик!» За ними появилась странно повзрослевшая Констанция с уложенными в пучок на макушке волосами. А вот

и малыш Эдуард на руках у мисс Молли — весь лучится улыбкой, широко разевает рот и пускает пузыри...

Некоторое время спустя отец выставил всех из комнаты и немного постоял, словно желая удостовериться, что их никто не услышит. Потом повернулся к Дику и молча посмотрел на сына.

— Отец, — начал Дик, — как там в Твин-Лейксе?

— Лучше, чем мы ожидали, — ответил Владелец. — Между прочим, самолет, который мы послали как ложную цель, вернулся целым и невредимым.

Дик вздрогнул. Про это он, признаться, даже забыл.

— Правда, есть тут одно небольшое дельце, — продолжил отец. — Его-то, Ричард, мне и хотелось с тобой обсудить. — Тут Владелец непривычно замялся, но вскоре с неохотой продолжил: — Помнишь жонглера на банкете? Того, который выронил мяч и получил по ребрам?

Дик на секунду задумался.

— Да. Кажется, помню. А что?

— Так вот. У него под одеждой нашли такую мерзость... короче, прокламации. Кроме всего прочего там сказано, как изготовить оружие из кухонных ножей и садовых инструментов. Вот такие дела.

Дик в ужасе побледнел.

— Отец, но ты же не хочешь сказать, что наши рабы...

— Понимаешь, кто-то из них мог получить копии этих прокламаций и ничего нам не сообщить. А кто, мы не знаем. Тебе, Ричард, хорошо известно — наручниками мы здесь никогда не пользовались. Но боюсь, при подобных обстоятельствах иного выбора у нас нет.

— Да, папа. Конечно. — Дик лихорадочно провел языком по пересохшим губам. — Но послушай... не знаю, просто не могу представить...

— Я тоже не могу. Наши рабы всегда были верны нам. Но в этом году, Ричард, чем-то таким буквально веет в воздухе. Особенно это заметно в Ричмонде и еще кое-где. Думаю, лучше нам быть во всеоружии. Ну вот, Ричард. Кажется, мы обо всем поговорили.

— Да, папа. До свидания.

Картинка тут же съезжилась до крохотного пятнышка в самом центре экрана. Водоворот красок померцал немного, потом замигал и исчез.

Глава 9

Какой-то месяц спустя Дик уже чувствовал себя в Орлане как дома. Да, многое ему тут не нравилось, многое раздражало, многого он не понимал. Но в целом Дик уже не стал бы отрицать, что место это и впрямь удивительное. Орлан был воистину неисчерпаем. Южный и восточный склоны горы сплошь покрывали десятки головокружительно переплетенных уровней. Тут тебе и подземный стадион, где команды рабов вели ожесточенные футбольные и бейсбольные баталии, и библиотека, что размещалась в здании куда солиднее главного особняка в Бакхилле, и музейные залы, и сады, и обсерватории. Были тут и целые сектора, с которыми Дик так и не ознакомился, ибо для прохода туда требовалось особое дозволение. А кроме того, Орлан непрерывно менялся, то и дело пополняясь новинками. Чего здесь точно никогда не было — так это однообразия. Каждое утро можно было проснуться и с удивлением обнаружить, что соседний коридор выложили мраморными плитами. Или, скажем, что мавританский дворик по эту сторону Главного Променада вдруг исчез, а вместо него появился огромный аквариум, полный всевозможных причудливых рыб — хоть часами стой и глазей.

Но на то, чтоб часами стоять и глазеть, времени у Дика никогда не хватало. Постоянно находилась масса занятий. То пора на дежурство, то срочно требуется обзавестись новым костюмом для вечеринки. А нет — так к девушкам. Или к Вивьен. Хотя по правде, с Вивьен Дик виделся не так уж часто: она целыми днями где-то пропадала. Но выпадали и дни, когда миссис Деметриу непременно требовался эскорт из пяти-шести ее протеже. Обычный долг вежливости. Особенно если учесть, сколь многим все они ей обязаны.

Тут Дик нахмурился. Тем временем его лакей Алекс, в десятки раз лучше вышколенный, чем Альберт, — или, если уж начистоту, то и чем Сэм, — вдруг перестал колдовать над складками хозяйского шейного платка, отступил на шаг и, наклонив голову, принялся внимательно изучать плоды своего труда.

— Послушай, Алекс, — обратился к нему Дик, — есть у нас на сегодня что-нибудь с миссис Деметриу?

— Нет, мистер, пока ни о чем таком не сообщали. На этой неделе мы с миссис не виделись.

— Так. Ладно. Я было подумал про оперу, но она в пятницу. А что, мистер Клай уже здесь?

— Сию секунду, мистер. — Алекс подошел к двери и выглянул наружу. — А вот он, мистер, как раз и идет.

— Ага. Так ты закончил с этим чертовым шейным платком?

— Дик! — послышался из наружной комнаты голос Клая. — Пошли, уже опаздываем.

— Но слушай, я даже не позавтракал! — запротестовал Дик. Клай сунул голову в дверь.

— Дик, ты скотина! Уже почти час! Пошли, хочешь ты в самом деле посмотреть Башню или нет? Давай решайся!

— Ладно, иду. — Алекс уже подавал ему новый утренний пиджак, и Дик быстро сунул руки в рукава. Особый покрой этого пиджака из муарового шелка немного прибавлял Дику роста. — А Тор и Джонни идут? — спросил он.

— Нет, только мы. Достал всего два места. — Алекс тем временем прилаживал на Дике уздало. Клай схватил с туалетного столика полосатую шелковую кепку и нахлобучил ее Дику на голову. — Ну, бегом! — крикнул он. — А то совсем опоздаем.

Клая уже ожидал стульчак. Стоило им устроиться поудобнее, как слуги сразу рванули с места в карьер. Но ненадолго. Еще на подступах к главному коридору ход пришлось сбавить. Впереди творилась странная катавасия. Все спешно жались к стенам коридора — как пешеходы, так и хозяева стульчаков. Пришлось последовать общему примеру. И вот в широком пустом проходе показалась небольшая группка людей. Впереди неторопливо шествовал тучный мужчина лет пятидесяти. Двигался он неуклюже — огромная туша колыхалась под серой мантией. По бокам и чуть сзади него шли гвардейцы Придворной Стражи с пистолетами в кобурах. Впервые со дня прибытия в Орлан Дик увидел огнестрельное оружие. Еще дальше два срака толкали пустой стульчак, а по бокам его тащились пять-шесть мужчин в черных утренних фраках.

У жирного мужчины, что возглавлял процессию, было желтое болезненное лицо, обвислые щеки и круглая блямба вместо носа. Из широкого безгубого рта торчала потухшая сигара. Голову он не поворачивал — лишь время от времени косил глазами по сторонам. Маленькие свинячьи глазки безучастно скользнули по Клаю и Дику. На хмурой физиономии не выразилось ничего, и жирный проследовал дальше.

Толпа снова начала заполнять коридор.

— Это еще кто? — поинтересовался Дик.

Клай бросил на него косой взгляд:

— Ты что, не знаешь? Хотя да. Ты же его никогда не видел. Это Вождь.

По коридору опять хлынула яркая разноголосая толпа. Красочная, блестящая, испускающая облака ароматов и гомон вперемишку со смехом. Вот несколько индусов в тюрбанах. Все как один смуглые, с крючковатыми носами и сверкающими глазами. Вот жрец Иблиса и цыганский лекарь — идут рука об руку и о чем-то оживленно беседуют. Вот знаменитая миссис Рей, чьи интриги давно уже сделались в Орлане притчей во языцех. А вот рабочая бригада волочет тележку, доверху груженную огромными каменными плитами. Коридор гудел, трещал — сам воздух, казалось, вибрировал от непрерывной болтовни. Вот она, жизнь. Самая настоящая. А хозяин всей этой кутерьмы, должно быть, самый счастливый человек. Чего еще можно желать в этом мире?

Но что, если в самом конце тебя ждет только серая жабья морда с черной тоской во взгляде?..

Клай с Диком проехали в двери, охраняемые черным типом с физиономией настоящей гориллы. На двери имелась знакомая заглавная «Г» и череп со скрещенными костями. Зал Гамна. Теперь Дик уже прекрасно разбирался в том, что и как устроено в Орлане, а также почему никак иначе это устроено быть не может. Все Гамно принадлежало Вождю, равно как и все сраки. Элементарная предосторожность. За Гамном присматривала отборная охрана, а за той отборной охраной присматривала другая, еще более отборная охрана, причем обе умело подерживались в постоянной вражде и взаимной ненависти.

Гамна в Орлане были сотни штук — и все они днем и ночью, будто рога изобилия, производили несметное множество всякой всячины. Но даже здесь его число ограничивалось, ибо никак нельзя было обойтись без системы квот. Столько-то полагалось случайному визитеру, столько-то любовнице министра, столько-то самому министру. Только такая система придавала смысл той лихорадочной борьбе за место под солнцем, что беспрерывно велась в Орлане. Борьбе за командные высоты, которые давали больше благ и роскоши тебе самому, а заодно позволяли распределять эти блага между прочими смертными. Но

тут существовала опасность, которая, впрочем, только придавала игре остроту, заставляла играть в нее снова и снова. Ибо с каждой следующей ступенькой вверх по пирамиде человек становился все менее защищен, все более открыт для окружающих — и с каждым его шагом все множилось число тех, что точили клыки, только бы его с той ступеньки скинуть. Да, эта опасность стимулировала игру — именно благодаря ей так загорались глаза игроков и так блестели их губы.

На пути через одну из широких площадей на среднем уровне Дик случайно поднял взгляд и тут же заметил за оградой одного из балконов знакомую фигуру. Миг — и человек в алой тунике уже смешался с толпой.

— Что, знакомого увидел? — заметив напряженный взгляд Дика, спросил Клай.

— Кажется, Кил. Уже смылся. — Вообще-то, со дня той памятной встречи молодой блондин несколько раз попадался Дик в коридорах, но всякий раз они лишь издали раскланивались. Вращались они в разных кругах, так что повода для конфликта вроде бы не возникало.

Но сейчас то ли выражение лица Кила, то ли наклон головы — но что-то определенно привлекло внимание Дика. Какая-то беззлобная насмешливость, что настораживала больше неприкрытой злобы.

— Брось, он тебя не достанет, — рассеянно заметил Клай. — Есть железное правило: никаких групповых разборок. А правила Вождь соблюдать умеет.

— Он мог бы вызвать меня на дуэль, — отозвался Дик с самоуверенной ухмылкой. За прошедший месяц он ой как многому научился у старика Финнегана, спеца по долбакам. Теперь, по крайней мере, никто из других протезе Вивьен и близко не мог сравниться с Диком в этом искусстве.

— Ну и что? Тебе-то какое дело? Не бери в голову.

Поднявшись по пандусу, они подъехали к дверям, за которыми Дик пока еще бывать не приходилось. По ту сторону оказалась длинная застекленная эспланада, вдоль которой был проложен рельсовый путь. Сейчас там стояли два вагончика — один доверху груженный листами полированного золотистого металла, другой пустой. Вдали рельсы сходились почти в одну точку. Пристально вглядываясь сквозь стекло, Дик на фоне бледного неба заметил яркий металлический шпиль.

Нервный тип в меховой куртке и кивере Придворной Стражи суеился на платформе, надзирая за целой флотилией стульчаков, скопившейся перед V-образным проездом. Заметив Дика с Клаем, он подбежал к их стульчаку и стал сверяться с каким-то списком.

— Клай? Джонс? Ну вот, можно начинать. Одну минутку.

Тут ему пришлось оглянуться: похоже, у самого проезда заваривалась нешуточная каша. Дик привстал и увидел, как краснорожий мужчина в переднем стульчаке колотит по лицу срака, который ни в какую не хотел открывать проезд. Долбак размеренно поднимался и опускался — срак тщетно пытался прикрыть голову руками. Наконец он упал, но его место тут же занял другой. Краснорожий что-то глухо проревел и снова занес долбак, но тут нервный гвардеец наконец разродился воплем:

— Порядок! Открывайте!

Ворота распахнулись, и стульчаки пришли в движение. Офицер проворно пробрался к своему стульчаку, что-то бормоча и покусывая длинные усы.

Проехав узенькие воротца, стульчаки сразу рассыпались на отдельные группки. Дик узнал двоих-троих шапочных знакомых. Остальные, похоже, были приезжими. Среди них выделялись престарелая дама в уродливой цветастой накидке и долговязый сопьяк в ковбойской шляпе. Были там и две-три немолодые семейные парочки. Краснорожий по-прежнему держался во главе процессии. Дик заметил, как он откидывает стриженую голову, когда прикладывается к флажке.

Потом Дик отвлекся от краснорожего и переключил все внимание на Башню, силуэт которой все резче проступал сквозь стеклянную крышу эспланады. По мере приближения стало заметно, что все нижние ее уровни облеплены строительными лесами. Отсюда казалось, что Башня построена из спичек, и лишь сверху торчит металлический шпиль. Только теперь Дик начал представлять себе подлинные ее размеры. Воистину исполинское сооружение.

Эспланада оказалась невероятно длинной, а Башня, как выяснилось, находится куда дальше, чем представлялось вначале. И чем ближе подкатывали к ней экскурсанты, тем невероятнее, тем чудовищнее и огромнее она становилась. Вот над ними уже нависли гигантские опоры, а далекий, залитый солнцем шпиль,

наоборот, все уменьшался — мерцал в вышине, будто замершая меж небом и землей звезда. Дик вдруг с неудовольствием ощутил себя жалким муравьем — будто это не Башня вырастала, а он сжимался. Вместе с остальными человеческими существами он сделался теперь крошечной пылинкой мироздания.

— Стульчаки мы оставим здесь! — выкрикнул нервозный офицер. Он стоял в самом конце эспланады, где высились стеклянные двери. А за дверями виднелась какая-то темень, где сновали вагоны и где будто из пустоты свисали петли проводов. Гремели там всякие машины и механизмы, а грохот клепальных молотов почти заглушал зычный голос гида. Экскурсанты принялись выбираться из стульчаков и скапливаться вокруг гвардейца. Рабы откатывали пустые стульчаки назад.

— Итак, мы с вами входим в Башню Орлана, — принялся надсаживаться офицер. — Это самое высокое сооружение, когда-либо воздвигнутое человеком. Высота Башни составляет пятьсот метров, тогда как Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке насчитывал триста восемьдесят один метр. Великая пирамида в Пизе первоначально имела всего сто сорок шесть и семь десятых метра в высоту. Эйфелева башня в Париже поднимается лишь на триста метров — то есть высота ее составляет менее двух третей от высоты Башни Орлана. Башня имеет треугольное поперечное сечение и целиком изготовлена из уникального ферроплатинового сплава. Каждая из украшенных гравировкой пластин внешней отделки содержит четырнадцать каратов золота. Причем на изготовление каждой такой пластины ушло порядка девяноста часов тонкой ручной работы искусных мастеров. Пожалуйста сюда.

Все прошли в стеклянные двери и оказались в немыслимых размеров помещении, заполненном жуткой какофонией звуков и неясными очертаниями движущихся фигур. Ближайший к ним интерьер был ярко освещен и казался законченным. А дальше простиралась сумрачная бездна, лишь кое-где освещаемая тусклым солнечным светом да еще синими вспышками сварочных аппаратов.

— Перед вами, — перекикивая страшный гвалт, опять стал надрываться офицер, — Парадная лестница. По завершении Башни она достигнет самой ее верхушки.

Прожектора освещали подножие отдаленной лестницы — она изящно вилась вокруг центрального столпа и вместе с ним те-

рялась во мраке. По краям каждой второй ступеньки располагались ниши, где высились трехметровые статуи. Мрамор всей лестницы — ее ступенек, балясин, стенок и перил — казался сплошь украшен затейливой гравировкой и инкрустацией.

— А слева от лестницы, — продолжал орать гид, — вы можете видеть Кенотафий Эдмунду, воздвигнутый в память об Эдмунде Кроуфорде, втором Вожде Колорадо.

Кенотафий представлял собой что-то вроде огромного свадебного торта из гранита и серебристого металла. Сбоку на торте имелась надпись, разобрать которую на таком расстоянии было немыслимо. Вся бандура, по предположению Дика, должна была не иначе как служить постаментом для некоей героической статуи. Пока что, впрочем, публика могла лицезреть только героические ноги.

Дальше группа экскурсантов вразброд направилась влево — к огромному и явно временному открытому лифту. Места хватило всем и даже с лихвой — при желании в кабину можно было закатить еще вагончик и маленькую тележку. От бездны экскурсантов отделяли лишь решетчатые складные воротца. Наконец кабина тронулась с места и медленно поползла вверх.

Выше первого уровня все внутренности Башни оказались облеплены тусклой и полой скорлупой строительных лесов, где, словно в улье, сутились крошечные фигурки. Некоторые наклонные опоры сплошь были покрыты гигантскими арабесками из кованого металла — сложным переплетением замысловатых узоров. Покрытие остальных составляли эмалевые или керамические плитки.

— Каждый квадратный сантиметр Башни, — снова зашелся воплями офицер, — по завершении работ будет как внутри, так и снаружи украшен уникальными художественными творениями лучших мастеров Орлана, специально собранных здесь со всего мира. Здесь вы можете видеть одну из пятидесяти кинорам, которые вскоре будут размещены по всей Башне.

Кинорама представляла собой неведомо как подвешенную в воздухе платформу, на которой в напряженных позах застыли гигантские человекоподобные роботы — мужчина и два мальчика, что отчаянно боролись с обвивающими их тела змеями.

— Тут представлены сцены из мифологии, — пояснил гид.

На следующем уровне кабина остановилась, и все шумно протопали к другому лифту, поменьше. Тот повез их выше, в

сумеречную бездну, а когда гроыхание внизу уже заметно стихло, сразу отовсюду вдруг засиял ослепительный свет. Лифт миновал леса, выбрался на солнце, — и сквозь ряды высоких оков экскурсанты разглядели небо.

Второй лифт тоже достиг своего предела, и все принялись взбираться по узенькой гулкой лесенке, где свистел ветер, пока не оказались на треугольной платформе под куполом крыши.

Дик замер у ближайшего окна и стал вглядываться вниз. Подножия Башни он не увидел, зато чуть дальше, будто разноцветный ковер, наброшенный на каменную гору, открывался Орлан. С такой головокружительной высоты сама гора казалась где-то далеко внизу. Стекло под руками Дика буквально ходило ходуном от неистовых порывов ветра. Казалось, еще чуть-чуть — и вся стена рухнет в пустоту.

Тут Клай потянул его за локоть.

— Кончай тут хлопать ушами, а то самое главное пропустишь.

Все остальные тем временем столпились в самом центре платформы — у ограждений вокруг бездонной шахты. Потом, решил Дик, тут, наверное, будет центральный столп, вокруг которого вьется лестница. Но пока что на месте столпа зияла пропасть. Дик встал бок о бок с Клаем и принялся вглядываться вниз.

Идеально круглая и гладкая шахта диаметром около трех метров шла вертикально вниз — туда, где кольца осветительных ламп в конце концов сливались в сплошной световой цилиндр, туда, где дно казалось в буквальном смысле математической точкой. Снизу дул прохладный ветер со смутно неприятным запахом. Дика вдруг ни с того ни с сего охватила дрожь.

— Отсюда до основания пятьсот метров, — заметил Клай.

Потом достал из кармана носовой платок, завязал его узлом и бросил вниз. Белый крылатый комочек, все уменьшаясь и уменьшаясь, бесконечно долго полз к центральной световой точке и наконец исчез.

— Металлические предметы убедительно прошу не бросать, — тут же предупредил офицер, заметив, что краснорожий собирает-ся отправить вслед за платочком свою металлическую флягу. — Разрешается бросать только предметы из ткани, бумаги или дерева, — добавил гид, — но ни в коем случае из металла, пластмассы или стекла.

Краснорожий не внял предупреждению и все-таки швырнул флягу. Она гулко ударилась о какой-то выступ в стене шахты, сверкнула в свете ламп и, крутаясь, удалилась.

— Мистер, — обратился офицер к краснорожему, — ведь я просил вас не бросать в шахту металлические предметы.

Краснорожий нетвердо повернулся к гиду, одновременно доставая из кармана зажигалку.

— Не надо песен, — прохрипел он и швырнул зажигалку вниз. Потом набычился и уперся в гида красными глазами. — Отвечай: человек ты или срак? Ну? — рывкнул он. — Будет еще каждый срак мне указывать. Вот тебе... — И краснорожий снова полез в карман.

Офицер подал знак двум охранникам, что уже спешили к площадке. Те схватили краснорожего за руки и попытались подтащить его к лесенке. Дико матерясь, бугай отчаянно сопротивлялся и даже умудрился по дороге пнуть пожилую даму под зад. Дама с визгом плюхнулась на пол. Тогда офицер закусил длинный ус, быстро подошел к дебоширу и дал ему в висок обтянутой кожей дубинкой.

Удар вовсе не выглядел внушительным, однако краснорожий мигом обмяк, и дальше его уже потащили просто как мешок с отрубями. Остальные экскурсанты тоже заторопились вниз. Пострадавшей даме помогли подняться, и она быстро нагнала экскурсию.

Немного задержавшись, Дик споткнулся о плотный и тяжелый бумажный мешок. Из мешка тут же во все стороны полетела белая пыль. Любопытства ради Дик нагнулся и прочел надпись на запорошенной этикетке. «НЕГАШЕНАЯ ИЗВЕСТЬ», — значилось там.

На полпути вниз по лесенке Дик догнал Клая.

— Слушай, — выдохнул он. — Ведь тот офицер и правда срак. Я сам видел клеймо. Но он ударил человека. И от души ударил.

Клай равнодушно кивнул:

— Ему даны инструкции.

— Ну и что? — загорячился Дик. — Все равно нельзя, чтобы сраки избивали людей. Как думаешь, что ему за это будет?

Клай взглянул на друга с легкой улыбкой.

— А сам-то ты как думаешь? — спросил он в ответ.

Все молча вошли в кабину и спустились вниз. Бледный как смерть офицер охраны глядел прямо перед собой. Красноро-

жий, тяжело дыша, висел на руках у двух других охранников. Добравшись до нижнего этажа, охранники усадили своего клиента в уголок. Офицер сразу же куда-то позвонил. Никого из них Дик больше встретить не довелось.

Глава 10

На приеме у Мелькера, как всегда, толпилась самая пестрая публика. Сам Мелькер, как ни странно, тоже был здесь — мерзкий гном с воистину отвратительной бородашкой. Покой он занимал обширные, но порядком обшарпанные, ибо, несмотря на какие-то связи в армии, сам Мелькер (так, по крайней мере, казалось Дик) был полный нуль. И почему на его субботние приемы стекался чуть ли не весь Орлан, оставалось для Дика неразрешимой загадкой. Но раз все ходят, значит, надо ходить. Увеселения, впрочем, были здесь вполне приличные — сегодня, к примеру, выступила весьма искусная танцевальная пара и комик, некогда приписанный аж ко Двору. Но ближе к одиннадцати вечер, как всегда, превратился в невыносимую скучищу. Все хорошенькие женщины начали расходиться, официанты вместе с напитками вдруг куда-то запропастились, а внимание публики стали тщетно пытаться привлечь разные старперы вроде полковника Розена. Доблестный полковник в тысячу первый раз принялся пережевывать славные эпизоды войны за Установление Порядка. По всей гостиной люди тут же принялись зевать от скуки. В этот самый момент Дик вместе с компашкой знакомых обычно испарялся в поисках более интересных собеседников женского пола.

Но на сей раз стоило только Дик направиться на выход, Клай ухватил его за рукав.

— Куда ты так рано? Погоди.

Дик кивнул в сторону полковника Розена, что командным голосом вещал с другого конца зала про какую-то дребедень, и недоуменно спросил:

— Что, этого слушать? Нет уж, уволь.

Но Клай упорно не отпускал его рукав.

— Потерпи. Я зря говорить не буду.

Заинтригованный и озадаченный, Дик подыскал себе свободное местечко и принялся внимательно наблюдать за про-

исходящим. Еще какое-то время картина становилась только все более и более безрадостной. А потом, когда из зала вывели одного вдребезги пьяного гостя, атмосфера вдруг чудесным образом изменилась. Полковник Розен заткнулся и налил себе бокальчик неразбавленного, меж кресел опять засновали официанты, слышались невнятные разговоры и негромкий смех. Даже люстры стали, казалось, ярче.

Дик огляделся. Большую часть публики составляли теперь зрелые мужчины. Юнцов и стариков было совсем немного. Женщин осталось всего трое — две пристроившиеся бок о бок солидные матроны, каждая с личным лакеем под рукой, а в дальнем углу — молоденькая, но уж больно невзрачная девушка.

Расположившийся у камина Мелькер, привлекая внимание окружающих, позвенел бокалом о бокал.

— Дамы и господа, — начал он, — предмет нашего сегодняшнего обсуждения — «Рабство». Полковник Розен, не затруднит ли вас для начала изложить традиционный взгляд на проблему?

Дик еле слышно застонал. Тем не менее Розен, лысый здоровяк на шестом десятке, возмущенно на него покосился. Потом все же начал:

— Рабство представляет собой институт, присущий любому цивилизованному обществу — от глубокой древности до наших дней. В широком смысле можно сказать, что ни одна эпоха расцвета науки и искусства не обходилась без принудительного труда — то есть без рабства. Следует различать...

— Протестую! — воскликнул бравый смуглокожий мужчина, энергично грозя Розену своей курительной трубкой. — Не станете же вы утверждать, что средневековый крестьянин был рабом!

— Обязательно стану.

— Но он был не рабом, а крепостным. Тут существенная разница. Крепостной приписывался к определенному наделу земли...

— Совсем как тыква, — негромко сострил кто-то над самым ухом у Дика.

— ...и продать его можно было только вместе с этим наделом. Тогда как раб являлся безраздельной собственностью хозяина, и тот мог продать его, когда заблагорассудится.

— Председатель постановляет, — вмешался Мелькер, — что полковник Розен вправе называть крепостного рабом, если ему так угодно. Пожалуйста, продолжайте, полковник.

Дик обернулся и увидел, что к нему вместе со своим креслом пододвигается Клай.

— Что тут происходит? — шепотом спросил он.

— Собрание Философского клуба, — ответил Клай. — Заткнись и слушай. Может, что и усвоишь.

— Итак, — продолжил полковник, — следует различать системы индивидуального рабства, классового рабства и рабства машинного. Последнее, введенное в эпоху так называемой Индустриальной революции, положило конец обычной практике индивидуального рабства в Европе и Америке, однако породило новую форму классового рабства, а именно — рабство промышленное. Впоследствии...

— Минутку, полковник! — вдруг с жаром воскликнула юная дурнушка. — Люди тогда были свободны! На Североамериканском континенте царила демократия! Люди могли по собственному усмотрению менять место работы!

— Но работать-то им все-таки приходилось! — коварно заметил полковник.

— Ну, если так ставить вопрос... да, при тогдашней денежной системе они вынуждены были работать, чтобы получать доллары. Но это же совсем другое дело! У них был выбор! Выбор! Как вы не понимаете...

— Выбор у них был один-единственный — работать или голодать, — отрезал полковник. — А разница между...

— Нет, это невыносимо! Поймите, полковник! Эти люди были самыми высокооплачиваемыми работниками в истории человечества! У них были телевизоры, автомобили...

— Ха! — разгорячился в ответ и Розен. — У моих рабов тоже есть телевизоры! А автомобили им ни к чему. Впрочем, если понадобятся — на здоровье! Но факт остается фактом. Распоряжаться собственным временем те люди не могли! Тут-то и кроется существенная разница между свободным и рабом — как его ни назови. Крепостным ли, батраком, вилланом, фабричным рабочим...

— Солдатом, — вдруг встала одна из матрон.

Розен побагровел и заиграл желваками.

— Простите, леди, но я — человек обеспеченный. И служу добровольно. Я в любой момент могу подать в отставку...

— Призываю миссис Максвелл к порядку, — негромко, но твердо рассудил Мелькер. — Председатель также доводит до

сведения мисс Флавин, что согласно собственному определению полковник вправе называть рабами и фабричных рабочих. Итак, полковник, полагаю, вы уже недалеки от окончательного вывода?

— Именно. Если мне дадут его сделать, — буркнул Розен. — Итак, машинное рабство, или рабство машины, приветствовалось как великое достижение цивилизации. Считалось, что оно устранил нужду в человеческом рабстве и сделает всех свободными людьми. Одним словом — чем больше работы у машин, тем больше досуга у людей. — Тут сразу человек пять нетерпеливо подняли руки, но председатель их проигнорировал. — А теперь рассмотрим Гамно, последнее достижение машинного рабства...

— Не рабства, а производства... — опять возбужденно начала мисс Флавин, но Розен махнул ей рукой, призывая дать ему закончить.

— Еще одну минуту! Итак, Гамно выполняет все функции машин Индустриальной эпохи, исключая тем самым необходимость в человеческом труде. Гамно генерирует энергию, производит абсолютно все, начиная от реактивных самолетов и кончая зубными щетками. Оно может заменить любую деталь любого механизма. Причем все это при нулевых затратах на сырье и материалы и при абсолютном минимуме контроля со стороны человека. Но... — Тут полковник выдержал эффектную паузу. — Гамно не может убрать комнату, застелить постель или соорудить вам, мисс Флавин, прическу. Также оно не способно носить оружие. А ведь чем больше у вас досуга, тем выше ваша потребность в бытовых услугах. Так что вот вам результат: машинное рабство порождает рабство человеческое. И вот вам доказательство: теперь мы достигли самого высокого отношения количества рабов к количеству свободных за всю историю человеческого общества. Примерно пятьдесят к одному. А здесь, в Орлане, вообще триста к одному. Вы, господа моралисты, можете сколько угодно спорить, но факт остается фактом. Так есть, и иначе быть не могло. — Под рукой у полковника оказался добрый бокал спиртного. Розен поднял его в ироническом салюте, осушил до дна и со стуком поставил на место.

— Хорошо-хорошо, — сказал Мелькер, звоном бокалов снова призывая собрание к порядку. — Прекрасно, полковник. А теперь, раз вы бросили такой открытый вызов моралистам, пред-

ставленным здесь, в частности мисс Флавин, давайте выслушаем и их аргументы.

— Во-первых, — негодуяюще начала дурнушка, — мы не моралисты, как угодно называть нас прожженному ретрограду полковнику Розену. Мы гуманисты! Это этическая позиция, а если полковнику Розену неведома разница между этикой и моралью, то я не стану тратить время на то, чтобы ему эту разницу разъяснять.

Тут мисс Флавин взяла короткую передышку, но почти сразу же продолжила:

— Итак, полковник Розен только что доходчиво объяснил нам всю неизбежность рабства. Однако в его доводы вкралась одна очень маленькая неточность. Ведь потребовалось пять лет жесточайшей войны и истребления сотен тысяч людей, чтобы установить ту самую так называемую неизбежную систему, которая сегодня нас так прекрасно устраивает. Систему, которая — и с этим не станет спорить даже полковник Розен — отжила свое еще полтора века назад. Да, конечно, Гамно представляет собой венец всего технического прогресса. Разве мы этого не понимаем? Ведь за последние пятьдесят лет не было сделано ни одного мало-мальски значимого технического открытия! Ни одного! И неудивительно, когда перед нами наглядный пример того, что может сделать с миром одно-единственное изобретение — это самое Гамно! Мы уже просто боимся того, что сотворит с нашей так называемой неизбежной системой еще одно подобное изобретение!

Раскрыв рот от изумления, Дик повернулся к Клаю. Ничего подобного он никогда не слышал. И даже представить себе не мог. Но Клай удобно развалился в кресле и потягивал сигару с таким видом, будто здесь высказывали более или менее интересный прогноз погоды на ближайшие сутки.

— У меня вопрос! — выкрикнул из другого конца зала ученого вида мужчина со старомодными очками на носу. — А как насчет войны? Считает ли мисс Флавин, что ее можно избежать?

Дурнушка повернулась лицом к очкастому.

— Считаю, доктор Беласко. Более того, могу утверждать это с полной уверенностью. Вы, подобно всем прочим апологетам насилия, полагаете, что вашу точку зрения подтверждает сама история. В смысле, что войны были всегда, а следовательно, они

неизбежны. Пользуясь вашей же ребяческой мотивировкой, можно утверждать, что поскольку в истории человечества бывали периоды мира, то, следовательно, и мир неизбежен.

— Ага. В промежутках между войнами, — проворчал полковник Розен. — Мужчина — животное воинственное. А женщины — всего лишь особый вид болтливых сорок.

— Простите, но мы несколько уклонились от темы, — вмешался Мелькер. — Если вас, мисс Флавин, не затруднит, то все мы, без сомнения, с интересом ознакомились бы с той альтернативной системой, которую предлагает ваша группа.

— Не затруднит, — ответила девушка, не сводя пристального взгляда с полковника Розена. — Мы — гуманисты. И это говорит само за себя. Мы считаем, что у каждого человека существуют этические обязанности по отношению к себе подобным. Мы считаем, что ценность любой системы измеряется степенью уважения, проявляемого ко всем человеческим существам, а не только к членам привилегированного класса. И с этой точки зрения нынешняя система позорна и несостоятельна.

— Ах так! — командным голосом прогремел Розен. — Ну, если следовать такой логике, то давайте забьем коней — ведь они яиц не кладут!

Послышался сдержанный смех.

— Простите, полковник, — тут же вмешался Мелькер, — но вам было позволено пользоваться собственными определениями. Пожалуйста, мисс Флавин, мы вас внимательно слушаем.

— Первейшая наша задача, — подвела итог девушка, — заключается в уничтожении рабства и возврате к свободным демократическим институтам. В таком мертвом, сосредоточенном на подавлении всяких свобод мире, как наш, не может быть никакого прогресса — ни нравственного, ни технического. Когда задача эта в должном порядке будет решена, перед нами встанут другие проблемы — причем великое множество. Но с ними можно будет справляться по мере их возникновения. Мы никогда не согласимся с тем, что единственным стабильным обществом может считаться то, в котором сорок девять из каждых пятидесяти его членов низведены до позорного и омерзительного рабства.

Поднялось сразу несколько рук. Мелькер кивнул бледному молодому человеку в бордовом пиджаке:

— Прошу вас, мистер Оливер.

— Я, конечно, не философ и все такое, — нервно начал Оливер, — но мне показалось — тут говорили об уважении и тому подобном. Ладно, предположим, мы отпустим рабов на волю. Мне, понятное дело, трудно такое предположить. Но я вот что хочу понять... Допустим, появится множество рассеянных по всей земле мелких хозяйств и не станет больших домов, как сейчас. О каком уважении и согласии пойдет тогда речь? В смысле — разве все семьи не передерутся друг с другом? А сейчас мы хотя бы держим всех в ежовых рукавицах — чтобы не передрались.

— Спасибо, мистер Оливер. Весьма ценное и интересное замечание, — елеинным тоном отозвался Мелькер. — Кто попробует ответить. Быть может, вы, мистер Коллундра?

Уже вступавший в дискуссию смуглый мужчина встал со своего места и начал:

— Что ж, вы, мистер Оливер, конечно, тонко подметили. Трудно найти меру для оценки уважения и согласия. Или, скажем, счастья. И все же такая мера существует. На мой взгляд, это — эффективность использования жизненного пространства. Семьдесят с небольшим лет назад на Североамериканском континенте проживало сто восемьдесят миллионов человек. Сейчас переписей не проводится, но думаю, от того числа осталась примерно одна восьмая. Я не навязываю немедленных выводов. Я просто предлагаю с помощью данной меры попробовать оценить превосходство одного образа жизни над другим. Полагаю, тут есть о чем задуматься.

— Вот и хорошо, — потирая руки, обрадовался Мелькер. — Теперь нам предстоит насладиться бесподобными всплесками остроумия. Прошу вас, миссис Максвелл.

На лице одной из матрон под маской косметики выразилось явное удовольствие.

— Что ж, по-моему, мистер Коллундра абсолютно прав. Так прав, что даже сам не представляет, насколько. Да, эффективность использования жизненного пространства и впрямь может здесь являться мерилom. Пожалуй, я даже добавила бы кое-какие циферки к уже упомянутым. Насколько мне известно, до того, как на этот континент ступил белый человек, земли здесь примерно наполовину были покрыты лесами. Менее чем за пять столетий новые хозяева довели площадь лесов до одной трети. Расчистили землю, понастроили всяких ферм, деревушек и го-

родов. А потом за дело взялись мы — и меньше чем за сотню лет снова позволили этому континенту наполовину зарастить лесами. Черт побери, нам следует гордиться! Сейчас мы по-настоящему используем какую-нибудь сотню тысяч квадратных миль. Причем возделанной земли — той, что приобрела иной вид с тех пор, как мы до нее добрались. Одна хорошая эпидемия могла бы нас всех отправить на покой. Кажется, в Европе черная смерть унесла куда больше народу, чем теперь осталось во всей Северной Америке. Делу также славно поспособствовали бы пумы и койоты. Их тут теперь навалом.

Матрона, похоже, закончила. Тогда Мелькер кивнул седобородому мужчине, что по-военному прямо сидел на своем стуле:

— Адмирал Холт, прошу вас.

Холт откашлялся и спокойно начал:

— Не уверен, правильно ли я понял то, о чем здесь говорила леди, но мне кажется, что если вам требуется плотность населения, то лучшая цивилизация существовала в Индии до изобретения Гамна. Там тогда проживало порядка двухсот душ на квадратную милю. Нас тут, конечно, пока еще очень мало, но ситуация, согласитесь, необычная, и движемся мы стремительно. Насколько мне известно, в большинстве провинциальных семей рождается по пять-шесть детей. Надеюсь, цифра в две сотни на квадратную милю нам не грозит. Но к какой-нибудь приличной цифре мы все-таки со временем подберемся. Тогда нам снова потребуется война — примерно такая, о какой тут горячо вспоминала мисс Флавин. — Тут адмирал очень долго откашливался, а потом вдруг продолжил: — Так что мне думается, плотность населения — именно та тема, которой мисс Флавин и ее сторонники упорно стараются избегать. Позвольте, мисс Флавин, задать вам один вопрос. Считаете ли вы, что изначальной этической ошибкой было огра ничение количества Гамна?

— Да, считаю, — не замедлила с ответом девушка. — Именно эта первичная несправедливость неизбежно потянула за собой все остальные. А что касается прироста населения... — тут мисс Флавин отчего-то слегка покраснела, — то на все есть свои методы и средства. Уж вам-то, адмирал, это прекрасно известно.

— Простите, но тут вы не правы, — возразил Холт. — Добровольные методы контроля над рождаемостью действительны только с теми людьми, которые их признают. А в данном

случае методы, которые не годятся для всех, не годятся вообще. Иначе вы просто истребите тех, кто будет им подчиняться. Единственный пригодный метод контроля над рождаемостью — это тот, который автоматически действует на всех. Например, ограничение пищи или жизненного пространства. Теперь, мисс Флавин, ответьте мне, пожалуйста, еще на один вопрос. Будет ли кто-нибудь нуждаться в пище, если Гамно станет доступно каждому?

— Нет.

— Конечно нет. Так сможем ли мы тогда надеяться, что люди не развяжут войну и не перебьют друг друга просто потому, что их станет слишком много?

— Если так ставить вопрос, то не сможем.

— Замечательно. И далее — что касается жизненного пространства. Скажите, пожалуйста, мисс Флавин, можно ли считать, что естественный прирост населения закончится, когда на каждого из нас останется по одному квадратному метру земной поверхности?

Мелькер так и лучился улыбкой.

— Пользуясь преимуществом председателя, не могу не отметить, что нарисованная вами картина будущего приводит меня в дикий восторг. Подумать только! Громадная мусорная куча, на которой стройными рядами стоят люди, — и в руках у каждого собственное Гамно! Никаких деревьев! Никаких там животных и птиц! Нет места океанам и прочим прудам с речушками! Да, кстати, адмирал, куда мы денем океаны? Можно, конечно, понастроить плотов... Да, мистер Кишор, внимательно вас слушаем.

Молодой человек с лошадиной физиономией закончил что-то строчить у себя в блокноте и зачитал результаты:

— Думаю, всем будет небезынтересно узнать, сколько людей сможет разместиться на Земле, если размножение пойдет теми темпами, о которых только что говорил адмирал Хольт. Так вот. Около шестидесяти одного триллиона и девятисот сорока миллиардов.

— Но можно возвести второй этаж и удвоить это число! — выкрикнул кто-то.

Мелькеру опять пришлось призывать собрание к порядку.

— Господа, серьезнее... серьезнее, пожалуйста... — вторил ему какой-то здоровяк с каменной физиономией. — Мистер Перси, вам слово.

— Если подойти к делу серьезно, то есть предельно простое решение той смехотворной проблемы, которую мы тут с вами мушолим. Конечно же я говорю о космических полетах. Знаю-знаю. Кое-кто считает мечту о космических полетах особой формой умопомешательства людей двадцатого столетия. Вроде игры на бирже или глотания на спор золотых рыбок. Уверяю вас, это не так. Искусство космических полетов было разработано еще столетие назад — причем до мельчайших деталей. Тогда не хватало только подходящего топлива. Но теперь-то оно есть! Его нам запросто обеспечит Гамно! Если бы не тот злополучный мораторий на технические изыскания, что был установлен в начале нынешней эпохи, мы уже летали бы в космос! И вот еще что. Возможно, не все это знают, но есть веские основания полагать, что после войны за Установление Порядка уцелел один, а то и несколько звездолетов. Если вам требуется жизненное пространство, то для начала есть Луна. Есть Марс, Венера и другие планеты Солнечной системы. Причем все это только для начала. Да, мы прискорбно ограничены размерами нашей жалкой планетки, но поверьте — нет никакого смысла говорить об искусственном сокращении числа людей, ее населяющих. Дамы и господа, прошу вас учесть, что только в нашей родной галактике существует более тридцати миллиардов солнц...

Голова у Дика шла кругом. Поначалу ему казалось, что здесь толкуют об измене, но вскоре он понял: никакой измены тут и в помине нет. Иначе такой бывалый вояка, как полковник Розен, и минуты бы здесь не высидел. Нет, тут происходило то, к чему Дик, сам того не сознавая, всегда стремился. Тут шел настоящий, разумный разговор без малейшего слюнтяйства. Вот люди, которые знают толк в жизни! Пришла внезапная решимость, и Дик сказал себе: «Я тоже стану таким! Я тоже научусь так говорить!»

После собрания они с Клаем долго возвращались домой, неспешно прогуливаясь по залитым голубоватым светом коридорам. Дик ликовал. Сквозь ряды верхних узких окошек он видел звезды — яркие и отчетливые в полночном небе. В конце концов, жизнь везде идет своим чередом — что здесь, что дома. Теперь это уже не играло большой роли. Он Дик Джонс из Бакхидла, и весь мир у него в кармане...

Все слуги, кроме Алекса, уже спали. Дик отпустил и лакея. Потом плеснул Клаю на сон грядущий и завалился на диван.

В просторной комнате было тепло, неяркий свет поблескивал на столешницах и книжных полках. В вазах стояли со вкусом подобранные букеты свежих камелий.

— Говард, — спросил Дик у друга, — а давно существует этот клуб?

В тишине комнаты резко чиркнула спичка.

— Да вообще-то, не очень. — От Клая к дивану поплыл тонкий аромат сигары. — Лет двадцать назад тоже был Философский клуб. Потом его с треском прикрыли. А Мелькер его возродил. Мне показалось, тебя это заинтересует. — Какое-то время он молча затягивался. — Хотя, конечно, — добавил он наконец, — там будут ожидать, что со временем и ты разродишься какой-нибудь темой. Если хочешь, я подберу тебе литературу.

— Да-да... особенно про космические полеты.

Клай ответил не сразу:

— А вот в это, Дик, лучше не лезь. Да, я знаю, у Перси там целый план. Только все этодохлый номер.

— Почему? Звучит вполне разумно.

— Бегство в космос ничего не решит. Все наши проблемы здесь. Да и потом, Перси порядком привирает, когда толкует, что все чуть ли не на мази. Добрая половина разработок утеряны. Я выяснял. — Очередная пауза. — Ты лучше вот что мне скажи. Как по-твоему, кто там самая важная шишка?

Дик задумался:

— Гм... Мелькер?

— Не-а, не Мелькер.

— Ну, тогда Розен. Или Хольт.

— Ха! Не Розен. И не Хольт. И уж конечно не кто-нибудь из этих жалких гуманистов. Мистер Оливер, вот кто.

Дик так и подскочил на диване.

— Оливер?

— Да, Оливер. Оливер! Сегодня тебе, мальчик мой, посчастливилось прикоснуться к высшим кругам. Оливер-то на самом деле не кто иной, как мистер Оливер Кроуфорд. Наследник Вождя Орлана. Вот так-то. В один прекрасный день он станет Вождем. А если тебе к тому времени удастся сделаться его другом... — Светящийся кончик сигары вдруг резко дернулся. — Оливер, понятное дело, склоняется к консерваторам. Но при всем при том весьма щепетилен. Хочет удержать, что имеет, но

и никому особенно не напакостить. — Клай встал. — Уже поздно. Завтра поговорим.

Переполненный приятной усталостью, Дик вздохнул.

— Говард! — окликнул он друга.

Тот повернулся — лишь темный силуэт в дверях.

— Что, Дик?

— Слушай. Когда я только-только сюда попал, этот гад Руэлл уверял меня, что в Орлане никто просто так ничего не получает. Скажи, он врал? Врал, да?

Клай молча стоял, затягиваясь сигарой.

— Поспи-ка лучше, — тихо сказал он наконец. Потом вышел и аккуратно закрыл за собой дверь.

Глава 11

В душном сумраке Вождь пробудился от кошмарного сна. Сердце глухо колотилось. Резко сел на постели — руки затряслись, а голова совсем закружилась.

Но все светильники в спальне горят, как обычно. Вроде бы все в порядке и кругом ни души. Сигнализация молчит. Никто не забился под широкий ковер. И к сводчатому потолку никто не прилип.

Тогда Вождь снова откинулся на подушки и ненадолго закрыл глаза. Сон. Всего лишь кошмарный сон. Но какой же кошмарный! До сих пор сердце готово выскочить из груди, а перед глазами стоит видение. Серый коридор. И в этом коридоре — его сын Оливер. Нагнулся и пытается открыть круглый металлический люк в каменном полу. Сам же Вождь будто парализован — так и не смог издать ни звука, пока крышка люка не отлетела в сторону и ему не открылся краешек черной бездны. Оттуда бешено рванулись какие-то тени. Только тогда он дико завопил, зовя на помощь, вытянул руки, пытаясь закрыть-ся от этих теней... и проснулся.

Никому нельзя верить... Вот будь у него достойный доверия человек, что целыми ночами стерег бы его сон... Тогда, быть может, и не снились бы так часто кошмары... Хотя на самом деле все наверняка от несварения желудка. Вождь помассировал вялое необъятное брюхо. Долго тужился и стонал, пока наконец не смог как следует рыгнуть. Тогда стало полегче. Вождь поморгал. Серд-

це постепенно приходило в норму, видение развеивалось. Но теперь сна уже не будет. А ведь еще только шесть... И ничего не поделаешь. Будь оно все проклято. Больше не заснуть.

Но что же там такое под крышкой люка? Что его так напугало?

Тут Вождь вспомнил про ту яму под Башней. Там ведь тоже люк. Чтобы смрад наружу не выходил... А то любой срак подохнет. Чтоб они все подошли. Вождь задумался и шумно запыхтел. Потом заворочался в постели, будто огромная обожравшаяся ящерица с мутными полужакрытыми глазами.

Немного погодя Вождь все-таки приподнялся и нажал кнопку коммуникатора.

— Вождь? Тревога?

— Никакой тревоги, — прохрипел старик. — Приготовь-ка партию в Башню. Штук так десять.

В ожидании Вождь открыл сейф и с помощью личного Гамна приготовил себе закуску из упротов. Прошло минут десять. Наконец коммуникатор негромко загудел.

— Ну?

— Вождь, в Башне все готово. Десять, как и приказано. Все самцы. Можем несколько сук. Как скажете.

— Насрать. — Вождь дочиста обглодал куриную ножку и швырнул кость в мусорную корзину. Потом, на ходу вытирая сальные лапы о халат, доковылял до кресла перед телеэкраном и сел. Сердце снова забилося — какими-то торопливыми, зловещими толчками. Вождь набычился и подтянул к себе пульт.

Стоило коснуться кнопок, как пальцы словно окостенели. Ярость, погребенная где-то внутри дикая злоба, что не имела ни предмета, ни объяснения, вновь вскипела и неумолимо потребовала выхода. Сейчас будет выход. Вождь нажал на селектор с надписью: «Башня».

Экран замерцал. Появилась надпись: «Первая шахта». Потом перед Вождем оказался гладкий темный туннель, ведущий к кружку света метрах в трех от камеры. Видны были также мостки по краям шахты и их опоры. А в самом верху нависал залитый светом прожекторов желтый потолок.

Вождь нажал следующую кнопку. Верх шахты миготнул и превратился в крошечную пуговку. Вторая камера располагалась метров на тридцать ниже. Через каждые три метра шахту окольцовывали встроенные светильники, так что она казалась внутренностями гигантского кольчатого червя.

Вождь оскалился и неожиданно для самого себя зарычал. Четвертая кнопка. Почти та же картина. Только световые кольца слились в одно, а верх шахты скрылся из вида. Эта камера располагалась еще на сто двадцать метров ниже.

Пятая кнопка. Шахта никак не изменилось. Уровень — еще на двести метров ниже.

Шестая кнопка. В горле у Вождя захрипело — дышал он тяжело и порывисто. На экране появилась легкая железная решетка, а вверх уходил все тот же шахтный ствол. Нижняя камера — на уровне земли. Ниже теперь только яма.

Вождь нажал первую кнопку. Загорелась надпись: «Платформа». Камера здесь располагалась на уровне глаз у самой шахты. По другую сторону зияющей дыры виднелась небольшая группа людей. Десять рабов в белых рубашках и пятерка охранников. Все молча ожидали, понурив головы, словно глаза им жег ослепительный свет.

В горле у Вождя вдруг пересохло. Он включил звук и прохрипел:

— Давайте первого.

Все как по команде подняли головы и повернулись к динамику. Разводящий ткнул пальцем в одного из рабов, а двое охранников вытолкнули того вперед — смертельно бледного, с трясущимися коленями. Вот он, первый. Тощий мужичонка с обвисшими усами. Вождь облизнулся. Охранники, будто мешок с опилками, подтащили дохлого к краю мостков — да там и оставили. Вождь с удовольствием наблюдал, как на горле раба перекачивается кадык — бедняга тщетно пытался сглотнуть.

Потом Вождь положил толстые пальцы на кнопки. Желваки заиграли, горло сжалось, а брови сошлись у переносицы.

— Внимание, — выдавил он из себя и тут же увидел, как рот обреченного раба беззвучно распахнулся, а все тело словно очоленело. — Марш! — рывкнул Вождь и жадно прильнул к экрану.

Глава 12

Наполовину раздевшись и почти погружаясь в сон, Дик вдруг услышал осторожный стук в дверь. Чем будить слуг, решил открыть сам.

— Кто там?

Гробовая тишина. И в глазок никого не видно. Потом Дик расслышал внизу негромкое шуршание. Немедленно опустив взгляд, он увидел, как в щель под дверью вползает тонкий белый конверт.

Дик нагнулся и подобрал конверт. Снаружи — девственная чистота, никаких надписей. Внутри оказался единственный листок бумаги. Дик подошел к ближайшему светильнику. Там развернул и прочел записку:

«Дорогой Враг!

Увидев Вас сегодня, я понял, сколь сильно мое желание возобновить наше знакомство. Решетка, которую некий шутник убрал с Рыбного Ручья как раз перед нашей первой встречей, уже водворена на место — так что, к моему великому сожалению, я не могу предложить Вам утопить Вас именно там. Да и по правде говоря, возникла бы некоторая неловкость, доведись мне оставить Ваш труп где-нибудь здесь, в Орлане. Посему нижайше предлагаю Вам встретиться вне этих стен и поиграть со мной в игру под названием «делай как я». Если Вы будете так любезны, что воспользуетесь аварийным выходом в северном конце Верхнего Променада, то непременно обнаружите, что я с нетерпением жду Вас на крышах. Не забудьте про теплую одежду и верхолазное снаряжение. Нисколько не сомневаюсь, что Вы, как человек чести, сожжете это письмо немедленно после прочтения и никому ни о чем не расскажете.

Искренне Ваш

Друг.

P.S. Если окажется, что Вы недостаточно хорошо себя чувствуете, чтобы принять мое приглашение, я все пойму правильно. Мне даже и в голову не придет назвать Вас трусом при следующей же нашей встрече».

Похолодевшими руками Дик скомкал листок. Сердце его глухо колотилось от гнева и дурных предчувствий. Трус? Это он трус? Нет! Это Кил трус! Парень нагло уклоняется от честного поединка и предлагает взамен такое идиотство! Скорее всего он даже туда и не явится. Нет, это просто дикость! Даже днем при одной мысли о тех страшных высотах кружится голова. А ночью... да еще на собачьем холоде... когда с гор дует ледяной ветер...

Дик повернулся к постели. Нет, надо быть последним дураком, чтобы попасться на такую дешевую уловку. Да и к тому же слишком поздно... он устал как черт... вдобавок не совсем трезв...

Потом Дик усилием воли выбросил из головы разумные мысли. Да, все верно. Но что толку? Никуда не денешься. Надо идти.

Дик подобрал с пола скомканную бумажку и сжег ее в пепельнице. Вспыхнула она неохотно и сгорела с издевательским шипением, словно нарочно была вымочена в каком-то особом растворе. Нервишки пошаливали. Дик подошел к платяному шкафу и стал одеваться. Выбрал самую теплую одежду: плотные брюки для верховой езды, а поверх пуловера с горлом — еще и просторный шерстяной свитер. Выбор перчаток вызвал колебания. Какие взять — потеплее или потоньше? Наконец Дик выбрал потоньше. Плохо, конечно, если пальцы закоченеют. Но куда хуже, если он не сможет как следует держать долбак. Ботинки Дик выбрал армейские — крепкие, но в то же время и гибкие, будто замшевые. Заткнул за пояс долбак, а вот уздало снял. В последний момент не забыл наполнить и сунуть в карман фляжечку бренди. Потом окинул последним взглядом покои: теплую заманчивую постель, жуткий беспорядок в стенном шкафу — и тихонько выскользнул в коридор.

На Верхнем Променаде под тусклым светом звезд не было ни души. Дик быстро отыскал аварийный выход — неприметный серый квадратик под роскошным орнаментом северной стены. Увесистый засов был открыт.

Дик приоткрыл пружинную дверцу и осторожно высунул голову наружу. Стояла ясная холодная ночь синевато-стального цвета. Высоко под куполом звездного неба висел безумный серп луны, а здесь, внизу, все тонуло в зловещей белизне: и крыши, и парапеты, и купола, и верхние склоны самой горы. Все было безмолвно и голо в ночной неподвижности.

А в нескольких метрах от выхода на ребристой металлической крыше стоял, подбоченясь, Кил и выдыхал облачка пара в морозный воздух. Под сдвинутыми бровями хищно поблескивали глаза.

Дик двинулся вперед — и дверца сама за ним захлопнулась. Воздух студил лицо, даже звезды под бескрайним куполом, казалось, заиндевели от мороза. За длинной громадой Промена-

да, откуда только что появился Дик, лесом остроконечных крыш, куполов и минаретов ошетинился весь Орлан. Каждое окно казалось темным вытекшим глазом. И только Башня, нависая будто мираж над морем крыш, излучала со своей верхушки золотистое свечение.

По ту сторону короткой крыши, где стояли враги, слышалось дикое завывание ветра. Безмолвие на миг разорвал гулкий выкрик Кила:

— Добро пожаловать в лунную ночь!

Дик медленно двигался вперед, пока не оказался лишь в нескольких шагах от Кила. Блондин тоже оделся на славу: кожаная куртка на меху, брюки из плащевой ткани и высокие шнурованные ботинки. Теперь, когда луна светила ему в спину, лицо Кила оставалось в тени, освещенное лишь отражением от гладкой металлической крыши. За вырывавшимися время от времени облачками пара поблескивали клыки.

— По-моему, я намекнул, что мы будем безоружны.

Дик указал на длинный топорик за плечом Кила:

— А это, по-твоему, что?

Кил обернулся:

— А-а, это... верхолазное снаряжение. Полезная штука. Ладно, начнем на равных.

Он снял с плеча топорик вместе с мотком веревки и бросил к краю крыши. Все мигом кануло в безмолвие.

Дик пожал плечами и вытащил из-за пояса долбак. Верное оружие только раз гулко стукнулось о крышу, а потом закрутилось и пропало во тьме.

Кил насмешливо улыбнулся.

— Ну как, готов? Тогда поехали. — Повернувшись спиной к Дику, он прошел по крыше к углу Променада. Там оказалась стальная лесенка. Кил ухватился за ступеньки и стал проворно карабкаться вверх. Долгое мгновение Дик неподвижно наблюдал за врагом, потом последовал его примеру. Ступеньки обжигали холодом. Тут-то Дик и пожалел, что не надел теплых перчаток. На фоне ночного неба на миг возник белый силуэт Кила — и тут же исчез. Дик упорно взбирался, а ветер пытался сбросить его с лесенки, колотя по спине мягкими лапами.

На вершине лесенки перед Диком вдруг открылась крутая металлическая крыша, что поднималась к пику высоко над головой. Там, расцвеченный серебристо-черным, стоял Кил.

Лесенка продолжалась и дальше, но теперь ступеньки стали гораздо реже. Дику ничего не оставалось, как подниматься. Кил поприветствовал врага издевательским жестом и снова исчез.

Длинный конек крыши поначалу тянулся прямо, а потом круто поворачивал и упирался в массивную башню. Башни и крыши омывал нежно-белый свет. А все под ними казалось жуткой чернильной бездной.

По коньку шло некое подобие тропки шириной сантиметров двадцать. На этой-то головокружительной тропке, всего в нескольких метрах от последней ступеньки, Дика, опять подбоченясь, и ожидал Кил.

Дик прикинул. Если подтянуться на руках за последнюю ступеньку, можно закинуть ногу на конек, потом подобрать другую и как-нибудь там расположиться. Но при этом в любую секунду может налететь порыв ледяного ветра. Собравшись с духом, Дик вскарабкался на конек и замер там на четвереньках. Потом, отчаянно балансируя, встал и выпрямился. Двигал им теперь только стыд. Сердце глухо колотилось.

Долгие мгновения Дику казалось, что он вот-вот упадет. Потом он немного пообвыкся и даже смог стоять, не размахивая руками, будто взбесившаяся мельница. Кил издали снова продемонстрировал ему оскорбительный жест, а потом повернулся и направился к повороту конька.

Делая один неверный шаг за другим в каком-то потустороннем безмолвии, Дик двинулся вслед за противником. Если бы не ветер да не отдаленная фигура Кила, мир вокруг мог показаться совершенно вымершим — как будто вся жизнь осталась там, внизу. Дик вспомнил теплый свет вечно кипучих коридоров Орлана и вдруг подумал о том, как часто он бродил по ним, даже не задумываясь о существовании в считанных метрах над головой этого мрачного царства одиночества.

Тень его от луны скользила под ногами. Дик поднял голову и низко над крышами разглядел в ночном небе Малую Медведицу. Немного повыше висел и перевернутый ковш Большой. Млечный Путь изгибался вверх гигантской аркой, — Дик едва отваживался бросить туда взгляд, боясь потерять равновесие. Минуты текли одна за другой, и вскоре преследователь незаметно для себя ощутил в голове прилив бесшабашности от высоты, холода и нереально-белоснежного сияния крыш. Все дальше и дальше пробирался он вслед за Килом к приземистой башне, а потом на

другую сторону — в умопомрачительный лабиринт стен и крыш. Порой они взбирались по лесенкам, порой, где крыши поднимались слишком круто, опускались на колени и ползли. В ушах у Дика звенело от холода, пальцы на руках и ногах онемели, но он скрипел зубами и неотступно следовал за Килом. Чувство опасности давно уже притупилось, стало подобно смутно знакомому звуку, слышимому откуда-то очень издалека.

Долгое-долгое время спустя они наконец присели отдохнуть на крутой двускатной крыше. Сидели они верхом на коньке метрах в десяти друг от друга. Вокруг было только ночное небо и безмолвное море крыш.

Кил выдыхал густые облачка пара, а глаза парня лихорадочно блестели. Потом противник Дика извлек из-под куртки обтянутую кожей фляжку и поднял ее в молчаливом салюте. Дик тут же вспомнил про свой собственный запас и быстро отвинтил пробку. Теперь они уже отсалютовали друг другу. Бренди холодило горло, а внутри разжигало яростный огонь.

Кил опять скалился.

— Жалеешь, что пришел?

— Нет! — выкрикнул в ответ Дик. Странно, но в каком-то смысле это была чистая правда.

Кил кивнул и стал разворачиваться, рискованно поднимаясь на руках и перекидывая ноги через конек. Потом встал, и Дик снова пустился в погоню.

Теперь они двигались по карнизам, отчаянно цепляясь окостеневшими пальцами за любой выступ кладки, а ветер задувал снизу, то и дело грозя сбросить. Рискованно ступали вдоль парапетных плит — столь выветрившихся, что приходилось всем телом прижиматься к твердому камню. Огибали внешние углы зданий и водосточные трубы, буквально прилипая к холодным стенам.

Луна уже стояла высоко, когда они добрались до места, которое вполне могло оказаться краем света, — до крутой мансардной крыши, что обрывалась чуть ли не вертикально вниз и метров через шесть-семь заканчивалась широким карнизом. По обеим сторонам мансардной крыши разевала свою пасть жуткая бездна, куда не проникал даже лунный свет. На дне той бездны роились черные тени.

Держась подальше от Кила, Дик с тревогой смотрел на противника. Все, тупик. Дальше пути нет. Но вот Кил повернулся

спиной к разверстой бездне и стал осторожно сползать вниз, пока не повис, держась руками за самый край. Его обращенное вверх лицо казалось в лунном свете бледнее смерти. Потом он отпустил руки, и мгновение спустя Дик, пристально глядяваясь вниз, различил врага, целого и невредимого, на широком карнизе.

Впервые с самого начала всей авантюры сердце Дика захолонуло от ужаса. Они что, так и будут спускаться в этот бездонный лунный каньон — к тому карнизу и дальше?

— Обмочился? — негромко поинтересовался Кил.

Вместо ответа Дик сцепил зубы и начал повторять все движения Кила. Липкие свинцовые пластины холодили и без того замерзшее тело. Ничего под собой не видя, Дик сглотнул твердый комок. Отпустить руки казалось чистым безумием. Но и назад пути не было. Наконец он разжал пальцы и тут же принялся отчаянно цепляться за вдруг полетевший вверх скат. Потом ступни больно ударились о карниз. Весь дрожа, Дик выпрямился. Голова совсем закружилась.

Кил стоял совсем неподалеку и оценивал взглядом пролет между карнизом и соседним зданием, все окна которого были закрыты ставнями. Там, как раз напротив Кила, но чуть ниже, располагался железный балкончик, которого Дик поначалу не заметил. Балкончик этот казался обманчиво близок. Но на самом деле два здания разделяли метра четыре — никак не меньше.

— Вот где пригодилось бы снаряжение, — не поворачивая головы, пробормотал Кил.

Дик понял, что имеет в виду его противник. Над самым балкончиком выступал небольшой карниз. Если бы удалось зацепиться там крюком, то тогда перелет через пропасть труда бы не составил. Но без веревки о таком не могло быть и речи. Четыре, а то и пять метров... Прыжок с места, в тяжелой одежде, да еще когда под тобой разверзается жуткая бездна... Разве что броситься головой вперед, как в бассейн. Да только кто на такое решится?

Тем временем Кил нервно срывал с рук перчатки. Потом вытер влажные ладони о куртку. Дик заметил, что на лбу у его противника выступили крупные капли пота. Явно собираясь с духом, Кил стал отступать назад, пока не уперся пятками в основание крыши. Выпрямился, упершись ладонями в камен-

ные плиты, и взглянул на Дика. Лицо его словно окаменело, а в глазах горел вызов.

Не в силах вымолвить ни слова, Дик молча смотрел.

Кил весь напрягся, взмахнул руками — и шагнул к самому краю карниза.

— Кил, не смей! — неожиданно для себя вдруг выкрикнул Дик. Сердце его колотилось где-то в гортани.

Кил покачал головой и снова отступил к краю крыши. Потом втянул в себя долгий мучительный вдох — и резко выдохнул. Снова вдохнул — и задержал дыхание, не сводя горящего взгляда с балкончика. Наконец медленно выпустил воздух.

— Заткнись! — бросил он Дику и вдруг негромко вымолвил: — Господи помилуй. — Потом закрыл глаза и оскалил зубы.

— Кил, послушай... мы станем стучать по крыше... кто-нибудь откликнется на шум.

— Не дожدهшься, — ответил Кил и сделал еще один глубочайший вдох. Еще немного поколебался, а потом с глухим рычанием ринулся вперед. Оттолкнувшись от края карниза, распластался в головокружительном полете.

С замиранием сердца Дик следил за полетом своего противника. Казалось, на несколько мгновений Кил завис в воздухе. Потом руки его наткнулись на ограду балкончика — прыгун попытался ухватиться. Тщетно. Хватка сорвалась, и тело глухо ударилось о стену. Какой-то невыносимо жуткий миг Кил словно висел в тени под балкончиком. Потом до Дика донесся сдавленный крик, и Кил стал падать — теперь уже молча пролетая этаж за этажом вдоль залитой лунным светом каменной кладки. Наконец тьма поглотила его. Еще одно долгое мгновение спустя снизу послышался звучный шлепок. Эхо пометалось в полете и вскоре затихло.

Глава 13

Отчаянно стараясь удержаться на карнизе, Дик вжался спиной в свинцовые плиты. Стоя там с трясущимися коленями, он жадно втягивал в себя мучительные глотки холодного воздуха. А вокруг медленно и тошнотворно кружились крыши.

Когда тошнота отхлынула, Дик снова оглядел пустынное море крыш. Вот они — ребристые, плоские, остроконечные,

тупоконечные, образующие всевозможные углы. Вот шпиль, как у церкви, вот два близнеца-минарета, а вот приплюснутый купол. И нигде — ни огонька. Погасло даже сияние на верхушке Башни. Один. Один на всем белом свете.

Только теперь Дик понял, какой фортель задумал выкинуть Кил в самом конце их головоломного маршрута, — запрыгнуть на балкончик и скрыться за дверью, оставив Дика одного на этом проклятом карнизе — страшщегося прыгнуть и неспособного вернуться обратно. Вполне могло получиться. Да ведь и так получилось... Дик с трудом отвел глаза от балкончика. Нет, при любых вариантах — даже умри он тут от голода и страха — никогда ему не отважиться на этот прыжок.

Но что же делать? За спиной — крутая крыша. Забраться по ней нечего даже и думать. Значит, остаются три стороны карниза. Дик осторожно опустился на колени и, презирая себя за те усилия, которых это потребовало, стал внимательно осматриваться. Справа шла отвесная каменная кладка, лишенная малейших признаков лепнины — там даже мухе некуда было сесть. Заглянув вперед за карниз, Дик сумел в полумраке разглядеть лишь смутные очертания каких-то орнаментов. Но до них были добрые четыре метра гладкой отвесной стены. Без верхолазного снаряжения тут нечего было делать.

Слева карниз упирался в конек крыши другого здания, расположенный метра на три пониже. Следующее здание имело ту же высоту и пирамидальную крышу. Дальше вроде бы следовал провал. Везде проведены были надежные водосточные желоба, и Дик показалось, что пирамидальную крышу нетрудно будет обойти с любой стороны. Так или иначе, здесь было с чего начать. Если, конечно, удастся перебраться с карниза на двускатную крышу.

Но стена там была ничуть не менее отвесная, чем остальные, и из всех зацепок на ней имелось лишь скудное продолжение орнаментального выступа на фронте, за которое можно было едва-едва ухватиться пальцами. Упереться там ногой казалось совсем немыслимым. Да и располагался выступ слишком низко. Да, Кил знал, что делал. Путь до проклятого карниза был только один. А пути обратно уже не оставалось. Дик оказался в ловушке.

Он поднялся на ноги, еще внимательнее осматриваясь и прислушиваясь. Картина никак не менялась. По-прежнему ни дви-

жений, ни звуков, если не считать еле слышного завывания ветерка. Дик заставил себя еще раз оглядеться, с предельным вниманием изучая все стены и крыши. Может, какая-то мелочь ускользнула? Спасительная мелочь. Но нет. Все то же самое. Все стены голы, а все окна плотно закрыты ставнями.

Теперь, когда приходилось стоять неподвижно, холод совсем сковал тело. Вдруг пришла мысль: все, конец. Или начало конца.

При этой мысли сердце снова бешено заколотилось. Жизнь забурлила, никак не желая отступать перед смертью. Дик подобрался к левому краю карниза и опустил там на колени. В десятый раз стал разглядывать отдаленные крыши, а потом — голую стену прямо под собой. Отчаянно сосредоточиваясь, он словно усилием воли пытался перекинуть спасительный мостик через эту бездну.

Лунный свет омывал стену, подчеркивая любую чуть заметную неровность. Чем дольше Дик вглядывался, тем больше ему казалось, что разбросанные там и тут темные пятнышки на самом деле ямки в каменной кладке. Прямо внизу их было целое скопище, а еще несколько виднелись чуть слева. Примерно на полпути до ближайшей крыши начинался неглубокий желобок. Вот бы добраться туда, упереться пальцами ног в узенький орнаментальный выступ и... Затеплилась надежда. Но первые полтора метра голой стены все еще приводили Дика в отчаянье.

Лунный свет, как всегда, вводил в заблуждение — никак было не понять, насколько глубоки те ямки. А до самых темных рука совсем не доставала. Дик потянулся вперед и ощупал самые первые. Выяснилось, что они слишком мелки — даже не выбоины, а лишь едва ощутимые углубления в каменной кладке.

Сидя со скрещенными ногами на краю ледяного карниза, Дик (еще одно напоминание о Киле) стал медленно стаскивать с рук перчатки. Потом, после секундного колебания, снял и ботинки вместе с носками. Ботинки тяжеловаты, но могут еще понадобиться. Если удастся перебраться. А если не удастся... Ну, на тот свет можно идти и босиком. Тогда Дик по одному перебросил ботинки на соседнюю крышу — с мерзким скрежетом они соскользнули в водосточный желоб.

Дик опустил на колени спиной к провалу. Потом лег и свесил ноги за край. Пальцы ног уже немели от холода, но отыскать первые зацепки оказалось несложно, гораздо труд-

нее было висеть на одних руках, отыскивая следующие. Наконец настал момент, когда, для того чтобы двинуться дальше, следовало отпустить край карниза. Казалось, это невыносимо.

Но Дик все-таки превозмог себя. Перехватился сначала одной рукой, потом другой. Теперь, отчаянно впиваясь в стену пальцами рук и ног, он буквально прилип к ней. Потом волевым усилием отпустил одну руку, нащупывая новые зацепки. И тут другая начала соскальзывать. В ужасе Дик ухватился за прежнее место — висел так, задыхаясь, полуослепший от холодного пота, что заливал глаза.

Некоторое время спустя он набрался отваги для следующей попытки — и на сей раз все получилось. Теперь пальцами ног удалось дотянуться до того узенького выступа в кладке. Самое худшее осталось позади. Несколькими осторожными шажками он добрался до желобка на уровне груди. Когда желобок закончился, крыша уже оказалась заволаживающе близко. Не отрываясь от последних зацепок, Дик потянулся к ней всем телом, а потом прыгнул. Проскользив по скату, рукой и коленом он твердо уперся в водосточный желоб.

Как же приятно было просто лежать тут, чувствуя под собой надежную опору крыши... Но путь еще предстоял долгий. Ноги и руки совсем ослабли и страшно тряслись, но Дик умудрился снова обуться и взобраться на конек.

От пирамидальной крыши, как оказалось, под прямым углом расходились две двускатные. Прогулка по ним приятных впечатлений не доставила, но Дик пережил только один по-настоящему жуткий момент, когда перепрыгивал из одного водосточного желоба в другой.

Наконец с конька третьей крыши Дик далеко внизу разглядел отблески желтого света.

Там оказался дворик со стеклянной крышей. Желтый свет струился от ряда старинных фонарей, что выстроились вдоль декоративной дорожки тремя этажами ниже. Дик прекрасно знал это место. Во дворик выходили окна покоев Вивьен, и Дику даже показалось, что он узнал окно ее спальни.

Уже больше часа ползая по крышам, Дик страшно устал и совсем околел от холода. А пальцев он вообще больше не чувствовал. Когда стал спускаться на тусклую стеклянную крышу по громоотводу, упал и расшиб себе плечо. Теперь, выдыхая

облака пара, Дик сжался в комочек и всем телом принялся впитывать идущее снизу тепло. В самом углу оказался аварийный выход. Дик прекрасно видел лестницу и ведущую к ней небольшую площадку, но дверь была заперта.

А огни внизу как будто пульсировали. Зрение Дика вдруг странным образом прояснилось. Все, что он видел, казалось нереально живым и красивым: фонари сияли, каменные плиты пола ярко отсвечивали, облицовка фасадов завораживала своими причудливыми узорами. Дик мог разглядеть каждый листочек росшего справа платана, чей желтовато-зеленый силуэт хранил в себе загадочную тьму.

Ветер сюда не задувал, и тело Дика понемногу размягчалось на теплом стекле. Не хотелось уже не то что вставать, но даже подниматься на колени. Собственное тело казалось Дикю совсем чужим.

Но тут пришла смутная мысль, что именно сейчас надо бороться с силами и что-то предпринять. Сейчас, пока он еще на это способен. Тогда Дик поднял ногу и неуверенно топнул ею о стекло. Потом набрался решимости и топнул сильнее. Наружная рама разлетелась — и из-под нее хлынул поток теплого воздуха.

Дик опустил обе ноги в отверстие и встал на внутреннюю стеклянную панель, разбрасывая по сторонам осколки стекла. Снова стал топать — сначала одной ногой, а потом, ухватившись за раму, сразу двумя. Внутренняя панель тоже разлетелась вдребезги, и Дик понял, что падает. Тогда он еще крепче ухватился за раму. Но руки не выдержали — и ближайший балкончик стремительно полетел ему навстречу. Дик упал и остался лежать, безразлично взирая сквозь стеклянную дверь на скудно освещенную комнату.

Тут кто-то подошел к соседнему окну и выглянул наружу. Послышалось громкое восклицание. Потом Дик почувствовал, что его куда-то несут, а некоторое время спустя увидел склонившуюся над ним Вивьен Деметриу. Темные глаза женщины казались бездонными в свете лампы.

Другая постель, другая комната. Но в то же время Дика не покидало острое ощущение того, что он снова лежит в той самой спальне после памятной схватки с Руэллом. И другое, не менее острое чувство, что отсюда только что вышел Клай. Но теперь его здесь точно не было. Вивьен одна. Ну, и у буфета тихонько суетится служанка. Наконец срaka подошла к крова-

ти с подносом, и Вивьен взяла оттуда бокал рубинового напитка. Потом жестом отпустила девушку.

Шурша платьем, Вивьен присела на край кровати, наклонилась к Дику и приподняла его голову. Потом поднесла бокал к его губам. Красный портвейн — пряный, роскошный. Напоив Дика, Вивьен не стала отнимать руку. Дик снова почувствовал исходящий от женщины тонкий и свежий аромат сандалового дерева.

— Что, прогулялся по крышам? — негромко поинтересовалась Вивьен.

Дик в подтверждение закрыл глаза.

— Ужасно, должно быть, — все тем же сонным полупшепотом продолжила Вивьен. Потом ее коричневый атласный халат запахнулся, и Дику предстала затененная белая плоть, что мягко колыхалась от движений. Край бокала снова коснулся его губ, но Дик отрицательно помотал головой.

Тогда Вивьен поставила бокал на столик и осторожно опустила голову Дика на подушку.

— А твой противник?.. Он убит? — спросила она.

Дик кивнул, проведя языком по сладким и липким от вина губам. Потом почувствовал тепло прижимающегося к нему мягкого тела.

Вивьен медленно наклонилась. Горячие ее губы спокойно и неторопливо слились с губами Дика.

Глава 14

Чудным июльским утром Вождь и его приближенные, одетые для охоты, ожидали скоростного вагончика, что должен был доставить их в долину. Добросовестные приближенные, как всегда, прибыли заблаговременно, а Вождь даже позже обычного. И теперь он, казалось, никуда не спешил. Стоял на краю террасы чуть в стороне от остальных и пристально вглядывался сквозь стекло в ясный бледно-голубой небосвод, где виднелись лишь редкие перышки облаков. Слева направо медленно прорисовывался след реактивного самолета — Вождь следил за ним, рассеянно подтягивая то одну перчатку, то другую.

И вдруг в самом конце белой полосы возникло дымное облачко, словно по сторонам раскрылись серые лепестки. Среди

приближенных слышались возбужденные возгласы, все стали поворачивать головы.

Несколько секунд спустя стекло задрожало от прогремевшего в вышине взрыва.

— Ну и ну! — вырвалось у кого-то.

Серое облачко рассеивалось, дымные струйки потекли вниз. След от самолета по-прежнему висел в небе, но теперь в самом конце его расплывалась жирная клякса. Три или четыре летевших ниже самолетки резко устремились куда-то к поверхности земли.

Вождь нехотя повернул голову и о чем-то спросил. Один из секретарей тут же заторопился ответить. Больше никто не сказал ни слова. Вождь приказал открыть вагончик, и все поспешно расселись.

Полчаса спустя у трупа только что убитого оленя встретились двое. Дело было на каменистом плато к югу от Орлана. Всего в четверти мили оттуда, закрытый одним из холмов, располагался аэропорт. Неподалеку парил вертолет Вождя, из которого он сам только что подстрелил оленя. Двое лесничих свежевали тушу, задом посыпая ее отравой для грифов, что тоже парили в небе, но гораздо выше.

— С этими падальщиками уже просто беда, — небрежно обронил Палмер, направляя своего коня поближе к туше. Секретарь Вождя по делам транспорта был нервным коротышкой с обманчиво кроткими голубыми глазами.

— Это точно, — согласился военный министр Крукшанк, оглаживая свои роскошные золотистые баки.

Потом оба взглянули вверх, но не на стаю грифов, а на зависший в небе вертолет.

— Случайно не знаешь, кто был в том самолете? — спросил Крукшанк.

— Конечно, знаю. Рамсен. Возвращался на Искью.

— Этого я и боялся, — вздохнул военный министр. — Теперь вопрос в том, что решит Дуче.

— А, ерунда. В следующий раз пошлет другого, и все дела. Так что все к лучшему.

— Нет, Юджин, — возразил Крукшанк и взглянул прямо в глаза собеседнику. — Не к лучшему. Дела совсем плохи. А я уже сыт по горло. Вдоволь насмотрелся. Они уже как рецидивисты. Вошли во вкус и сами никогда не остановятся.

Палмер достал сигарету и закурил, глядя на Крукшанка поверх бледного огонька.

— Брось. В Орлане он никого не убьет. Тут у него железное табу.

— Допустим. А все-таки, разве ты чувствуешь себя в безопасности? Сейчас, к примеру? — От Крукшанка не укрылся мгновенный взгляд Палмера в сторону темного вертолета. — А завтра? А через месяц? Ты, Юджин, сам прекрасно знаешь: рабы ему уже давно осточертели. Ему хочется дичи покрупнее...

— Да, тут есть о чем подумать, — отозвался Палмер.

Крукшанк молча сидел в седле, наслаждаясь тем, как солнце приятно греет спину. А в лицо ему тупо таращились мутные глаза мертвого оленя. Славный, крупный олень. Рога с восемью отростками. На струйке крови, что вытекала из ноздри, уже трапезничало целое полчище мух. Да, славный олень. Хотя и удвоенный. Дичи в окрестностях Орлана хватало с избытком, но эти несколько сот акров снабжались ею особенно обильно. Надо же Вождю поохотиться. Крукшанку даже вдруг почудилось, что этот олень ему знаком. А что, очень может быть. Сколько раз, подумалось военному министру, под этим солнцем погибал один и тот же зверь.

— Если бы я видел хоть какую-то альтернативу... — задумчиво произнес Палмер.

— Но ее нет, — с мрачным удовлетворением продолжил Крукшанк.

— Как думаешь, может, с его преемником будет полегче?

Крукшанк невесело усмехнулся, подбирая поводья. Лесничие закончили работу и направлялись к своим коням. Вертолет уплывал на запад.

— Юлий, Август, Тиберий, — шептал Крукшанк, — Калигула, Клавдий, Нерон...

Глава 15

Отряд вяло топал по каменистой горной дороге. С ясного неба немилосердно палило солнце. Замыкая шествие, Дик с отвращением озирает подпрыгивающие затылки шестерых пехотинцев и покачивающиеся зады двух навьюченных поклажей коней. В горле совсем пересохло. Но просить Линдли остано-

вить колонну для пополнения фляг не хотелось. Опять откажет, сволоочь.

Транспортный самолет высадил их с очень скромными, как показалось Дику, припасами. А Гамно на враждебную территорию брать запрещалось — железное правило. Так что теперь отряду приходилось, по выражению Линдли, «терпеть лишения».

Вперед кто-то из пехотинцев гнусаво затынул:

— Солдаты, солдаты, brave ребята. Днем они дерутся, а вечером...

Тощий как жердь Линдли с дурацкой ухмылкой на бледной физиономии обернулся.

Тут Дик снова вспомнил, как два дня назад к нему зашел Клай. Говард едва сдерживал свое возбуждение.

— Ну, Дик, большие дела назревают, — сказал он тогда прямо с порога.

— В смысле — переворот?

— Тихо! Ты что, спятил? Но в общем, так оно и есть. А откуда ты знаешь?

— Да ведь ты уже несколько недель меня к нему готовишь, разве нет? Мне даже интересно стало, когда ты наконец скажешь все толком.

— Теперь могу сказать. Значит, так. Вот и у тебя появился шанс примкнуть к борцам за правое дело. В твоем полку служит некто по фамилии Линдли. Скоро его пошлют на задание. Самое обычное задание. А когда вернется, пойдет на повышение. Получит должность в канцелярии главного каптенармуса. А нам на этом месте нужен свой человек. Линдли отпадает — ему нельзя доверять. Мы сделаем так, чтобы на это задание под командой Линдли отправили и тебя. Тебе остается только... позаботиться, чтобы он не вернулся.

Несмотря на воспитанные в нем бакхилловские традиции преданности Вождю, Дику уже не приходилось особенно задумываться, на чьей он стороне. Такие соображения его не беспокоили. А вот что касалось Линдли... Не то чтобы пучеглазый блондин нравился Дику. Скорее наоборот. Заносчивость и змеиная язвительность Линдли страшно раздражали. Дик с удовольствием бы его прикончил... но тут уже возникли сложности морального порядка.

Всякий раз, когда Дик вспоминал свою жизнь в Бакхилле, — а это, из-за постоянной нехватки времени, случалось теперь нечас-

то, — ему хватало соображения, чтобы понять, как сильно он изменился за последние несколько месяцев. Дик все еще помнил свой ужас и боль в тот день на дуэльной площадке, когда он увидел, как падает Кессель.

Но теперь образ падающего тела кузена поблек и смешался с другим. С падающим в лунный каньон телом Кила. Две дуэли — две смерти. А теперь от него опять требуют умыться в крови...

Что, если он войдет во вкус?..

Ближе к полудню отряд остановился на привал у хилого ручейка, что сбежал по склону долины. Солдаты напоили коней и подкрепились удвоенным провиантом. Удобно откинувшись на свой заплечный мешок, Линдли устремил бинокль на ближайший холм.

— Ага, — вдруг сказал он. — Эй, сержант, возьми-ка парочку парней и проверь, есть там кто. Вон там, за тем серым валуном.

Срак откозырял, подозвал к себе двух других, и очень скоро они уже скрылись из виду в густом подлеске среди тсуг и елей. Дик тоже вытащил бинокль и навел его на то место, куда указывал Линдли. Ничего, кроме кучи сухих веток. Похоже на огромное птичье гнездо или нанос от паводка.

Вскоре около кучи замелькала защитного цвета униформа. Из передатчика Линдли послышался голос:

— Никого, миста.

— А внутри?

— Да хлам какой-то. Пара шкур, кости. Гнилье.

— Ладно, — равнодушно проронил Линдли. — Сфотографируйте, поставьте капкан и давайте назад.

Через несколько минут Дик с изумлением рассматривал доставленные сержантом снимки. Вот бесформенная куча высотой в человеческий рост. Ветки вперемешку с сухими листьями и еще каким-то дерьмом. Внутри дочи́ста обглоданные кости — похоже, кролика и оленя — и груда ссохшихся шкур. Среди всего этого мусора — глиняный черепок.

— Видел когда-нибудь такую берлогу? — спросил Линдли, забирая у Дика фотографии.

— Нет, никогда. Интересно, что за зверь в ней обитает.

— Зверь по имени человек, — отозвался Линдли, выводя на обороте карточек какие-то каракули. — Худший в мире падаль-

щик. Самый злобный. И самый ядовитый. Ну, ничего. Мы ему приготовили гостинец. Только вряд ли он сюда вернется.

— Вы хотите сказать, в этой куче веток кто-то живет?

— Почему «в куче веток»? Это в своем роде дом, — повернув к Диду пучеглазую физиономию, иронически заметил Линдли. — А у тебя на родине таких не попадается?

— Нет. У нас только на болотах несколько рыбацких поселков. Но их дома хоть похожи на дома. Там даже дымовые трубы есть.

— Это, наверное, потому, что вы всех индейцев отшили, — заключил Линдли. — И зря, кстати. По мне, куда лучше чистый команч, чем всякие навозники.

Дик не сводил взгляда со склона холма.

— А как же они зимой?

— Ну, голодают. Мерзнут. Они даже забыли, как развести костер. Кто-то выживает, кто-то нет. Дичи тут навалом, но им, понятное дело, никого, кроме больных и подранков, не поймать. Без конца страдают от рахита и цинги. А еще — от блох, вшей, клещей и клопов. — Тут Линдли взглянул на часы. — Ладно. Пора двигаться. Эй, сержант! Валяй навьючивай наших братьев меньших.

Несколько часов спустя по овеванному ароматом люпинов склону холма они спустились к пенному потоку, что искрился под тополями. Дик увидел, как из речушки выпрыгнула рыба — изогнутая спина ее блеснула на солнце. В воздухе стоял грохот воды, брызги летели во все стороны. Дик невольно сглотнул слюну. Страшно хотелось сбросить поклажу и пробраться по камням к прозрачной воде.

К его несказанному удивлению, Линдли отдал приказ о привале. В считанные мгновения лошади были привязаны под деревьями, двое солдат отправились собирать хворост, а сам Линдли присел на корточки и стал рыться в своем заплечном мешке.

— А теперь что? — поинтересовался Дик, подходя к командиру.

— А теперь, — ответил Линдли, одновременно собирая из секций складную удочку, — будем ждать. Мы сейчас в условленное время в условленном месте. Может, нужный нам человек объявится сегодня. Может, завтра. А мы пока что, — тут он вручил Диду удочку и принялся собирать другую, — просто половим рыбку.

Дик выбрал из набора Линдли яркую мушку и осторожно закинул удочку в середину потока. Особого искусства здесь, впрочем, не требовалось — речушка буквально кишела рыбой. Меньше чем за полчаса они на пару с Линдли наловили десятка полтора отличных форелин незнакомого Дику подвида. Крепких, крапчатых, с желтыми спинными плавниками.

После обеда они с комфортом улеглись на свои спальные мешки, наблюдая, как темнеет небо и появляются первые звезды. Вверху на полях стрекотали сверчки, а от невидной за деревьями речушки веяло свежей прохладой. Тускло посвечивал затухающий костер. Вдруг один из привязанных неподалеку коней затопал копытами и заржал. Линдли тут же приподнялся на локте. Сквозь сумерки Дик заметил блеск его глаз.

Со склона послышался оклик:

— Стой! Кто идет?

Потом низкий гортанный голос:

— Свои.

— Свои, говоришь? Подойди ближе — разберемся.

Линдли уже одной рукой держал револьвер, а другой торопливо тушил сигарету. Дик сел. Сначала ничего не смог разобрать, но потом заметил, что по склону спускаются две темные фигуры. По команде Линдли один из солдат подбросил в костер охапку хворосту. Сухие ветки вспыхнули как порох — и в свете колеблющегося огня Дик разглядел лицо приближающегося к ним человека: смуглое и плоское, с широким носом. Из-под грязной войлочной шляпы торчат жесткие черные волосы, а в ушах поблескивают золотые серьги. На плечи наброшена кожаная куртка, а кривые ноги туго обтянуты вытертыми джинсами «левис».

— Привет, Джонни, — вставая, поздоровался Линдли. — Все в порядке, Пирс. Возвращайся на пост. А ты, Джонни, садись. Кофе хочешь?

Индеец что-то проворчал и сел.

— Это Джонни Куропатка, — пояснил Дику Линдли. — Он из племени кламатов. Их не так много осталось. Лет пятьдесят назад арапахи поперли кламатов из Орегона. Джонни тут выполняет для нас всякие разные поручения. Правда, Джонни?

— Делать хорошую работу, — подтвердил индеец, принимая от одного из солдат дымящуюся кружку кофе. Потом шумно отхлебнул и тут же вернул обратно. — Сахару больше.

— Верно, Джонни нужно четыре ложки, — насмешливо уточнил Линдли. Розовощекая физиономия командира выражала хитрость и бессердечие. — Если у Джонни есть ценная информация, ему нужно много сахара, много табаку.

— Два ружье, — поднимая руку, добавил Джонни. — И сто пачка с патроном.

— Одно ружье, — возразил Линдли. — И десять пачек патронов. Причем если информация и вправду ценная.

— Очень-очень ценная, — заверил Джонни. — Про большой целебный крест белого человека. А то беда. — Тут он начертил в воздухе крест Гамна — так точно, что у Дика почти пропали сомнения. Чушь какая-то. Как мог кто-то в этой глуши обзавестись Гамном?

— Черт его знает, — говорил ему днем раньше Линдли. — Мало ли что? Надо проверить.

Теперь Линдли спрашивал:

— А что, Джонни, ты сам видел большой целебный крест? Яростный кивок.

— Очень-очень целебный. Пошли сейчас. Покажу.

— Как думаешь, там и вправду Гамно? — спросил Дик у Линдли, пока они седлали коней.

— Вряд ли. Настоящего Гамна Джонни никогда не видел. Только на фотографиях. Да и потом, он, как все индейцы, неисправимый лгун.

Солдаты уже построились. Линдли причмокнул и направил своего коня в голову колонны. Дик, как и раньше, остался позади.

Рев потока вскоре затих, и над путниками сомкнулась темнота. Дик едва видел дальше гривы своего коня. Разве что когда шли в подъем, на фоне звезд показывались темные силуэты. Казалось, во всем мире не осталось никаких звуков, кроме цоканья конских копыт, негромкого позвякивания и скрипа упряжи.

Когда на юге наконец начала подниматься луна, они уже пробирались по берегу тихого озерца, что казалось серебряной тарелкой среди неровных силуэтов сосен. Поход, с краткими остановками, длился почти всю ночь. Когда добрались до гребня горного хребта, луна уже скрылась за горизонтом.

— Подождем здесь до рассвета, — негромко сказал Линдли, когда все его окружили. — Никаких костров. Не курить. Раз-

говаривать только шепотом. Сержант, поставь двух дозорных. Остальным спать.

От земли веяло холодом, а в воздухе висел промозглый туман. Дик, впрочем, отлично подремал в своем спальном мешке и проснулся оттого, что Линдли тряс его за плечо.

На горизонте уже показывалось зеленоватое сияние. В серых сумерках Дику видны были только силуэты коней и людей — словно вырезанные из картона.

— Подъем, — сказал Линдли.

Они взобрались на самый гребень и легли на устланную сосновыми иголками землю лицом к каньону. Рядом с Линдли Дик различил колоритную шляпу Джонни Куропатки. Другой склон каньона пока что казался серым провалом с торчащими оттуда соснами.

— Джонни говорит, что уже их видит, — шепнул Дику Линдли. — Но по-моему, врет. Смотри на горизонт, вон туда.

Небо незаметно прояснилось, а над восточным горизонтом уже появились холодные серебристые полосы. Кое-где стали просматриваться краски. Позади визгливо залаял одинокий койот. Теперь Дик уже ясно различал густо поросший вечно-зелеными деревьями другой склон, где особенно выделялись несколько широкохвойных сосен. Дик несколько раз моргнул. И все как по волшебству изменилось. На месте, которое только что казалось необитаемым, появились крошечные человеческие фигурки — в тени под деревьями буквально кишели многие десятки людей. Наконец одна из фигур принялась карабкаться по невидимой висячей лестнице.

— Ага! — вырвалось у лежащего рядом Линдли. Потом послышался шелчок и шелест. Дик повернул голову и увидел, как его командир усердно целится, глядя в оптический прицел. Наконец Линдли выругался и опустил винтовку. — Черт, славная мишень. Видел его, Джонс?

— Да, — отозвался Дик.

— Раньше их здесь и в помине не было. А я всего каких-то два года сюда не навещался. Компания, скажу тебе, страшно пестрая. Если верить Джонни, тут навалом полукровок арапахов и сарси, беглых преступников и прочей шушеры. Причем все успели перемешаться и с белыми дегенератами. Впрочем, они все-таки лучше наших вчерашних друзей. Хоть до уровня обезьян добрались.

На самом дне каньона виднелось сухое русло, заваленное стволами мертвых деревьев. Противоположный склон также заметно пострадал от непогоды и круто уходил ввысь.

— Знаешь что, Джонс, — обратился к Дику Линдли, — переберись-ка туда. Только тихо. Но и до утра не валандайся. Возьми двух солдат и Джонни в качестве переводчика. А я с остальными отсюда вас прикрою.

Тени вокруг уже начали сгущаться, когда Дик со своим отрядом добрался до верхней части тропы. Тут откуда-то сзади резко рывкнула винтовка. Потом еще одна. Один из деревянных домишек вдруг весь затрясся. Оттуда выскочила голова и тут же рванулась обратно. Затряслись и три другие хибары. Началась бешеная сутолока. Туда-сюда метались люди, лаяли псы — вся эта страшная какофония стремительно разлеталась в утреннем воздухе. С другого берега тоже всюю загрохотали винтовки — и вот уже первое бездыханное тело тяжело рухнуло в кусты.

По команде Дика солдаты разошлись по всей деревушке — от края до края. Потом Дик огляделся в поисках Джонни Куропатки, тот оказался по правую руку.

— Скажи, пусть вынесут и покажут, — приказал Дик.

Индеец кивнул. Потом откинул голову и разразился странным гортанным писком, а под конец издал крик, словно подражая какому-то зверю.

Вскоре из укрытия послышался голос. Джонни Куропатка выслушал и повернулся к Дику.

— Они говорят, тут нет медицинского креста белого человека. Врут, собаки.

Дик пожал плечами.

— Ладно, тогда примем крутые меры. Скажи им...

Но тут его прервал предупреждающий крик с той стороны каньона. Дик только успел заметить, что из двери одной из хижин вылетает темная фигура с гнутой палкой наперевес, однако в следующий же миг хибара разлетелась в щепки. Ружья по обе стороны каньона стреляли в унисон — все выстрелы шли в одну цель. Тело аборигена мучительно выгнулось, и Дик успел разглядеть в руке у мужчины длинный лук. Потом абориген рухнул навзничь, и на плетеный пол хижины закапала бурая влага.

Дик с отвращением отвернулся.

— Передай им, — приказал он Куропатке, — чтобы не рыпались. Иначе так будет с каждым. Еще передай: пусть сидят в своих хибарах и не выходят, пока не прикажут.

Джонни Куропатка разразился очередными писклявыми воплями. Потом наступила гробовая тишина.

Дик ткнул пальцем в сторону ближайшей хижины:

— Начнем отсюда.

Индеец подошел поближе и опять что-то завизжал. Некоторое время спустя полог приоткрылся, и из-за него высунулась белая от страха и ненависти физиономия. Абориген выбросил веревочную лесенку, проворно по ней спустился, а потом встал перед отрядом, с какой-то животной опаской оглядывая лица непрошенных гостей. Дик скомандовал солдату слева от себя:

— Поднимись и проверь.

Солдат козырнул и стал взбираться. Но стоило ему скрыться за порогом, как оттуда послышался дикий вой. Хижина заходила ходуном, а вскоре на пороге появился солдат, сцепившийся с другим троглодитом. Оба опрокинулись, но сумели ухватиться за косяк. Оказавшийся сверху солдат пнул хозяина хижины, вернее, как уже заметил Дик, хозяйку — ботинком в висок, и та безмолвно распростерлась у ног своего мужа. Оба черноволосые и смуглые, оба широкоплечие и крепкие. Разницу составляло, пожалуй, лишь то, что спереди у женщины болтались длинные груди. Вся одежда — только полоски шкур на бедрах.

— Есть там кто еще? — спросил Дик.

Солдат заколебался:

— Простите, миста, не успел толком осмотреться.

— Ну так иди и осмотришь.

Солдат поднялся по лестнице, исчез за порогом, вскоре высунул физиономию наружу.

— Никого, миста, — отрапортовал он и спустился.

— Ладно. Эти двое могут подниматься. Скажи всем, что нам не нужны их женщины, — добавил он уже для Куропатки.

Когда индеец перевел, оба троглодита с недоверием посмотрели на Дика. Потом переглянулись и стали медленно карабкаться наверх.

Такая же картина повторилась и в следующей хижине. И в следующей. Потом дело пошло проще. Наконец были обысканы все хижины в деревушке.

И нигде ни намека на Гамно. Тогда Джонни Куропатка протыкал что-то последней группе троглодитов — мужчине, женщине и подростку. Мужчина кратко ответил. Куропатка спросил что-то еще. Мужчина ответил что-то краткое и выразительное, а под конец смачно сплюнул.

Глаза индейца сверкали, когда он повернулся к Дику, чтобы передать ответ:

— Я его спросить, где большой целебный крест белого человека. Он врать, что не знает. Тогда я спросить про святого старца. Он врать, что старец умер. Вранье. Все вранье. Искать старца, найти целебный крест!

Дик стал внимательно вглядываться в лес по ту сторону деревушки. Да ведь там можно сутками искать какого-то старца вместе с его крестом!

Но Куропатка тут же разгадал мысли Дика.

— Сделать немножко больно — сразу разговор. Можно?

Дик немного поколебался:

— Ладно, валяй.

Джонни Куропатка, не долго думая, подошел в мальчику и оторвал его от родителей. Мальчик сразу же споткнулся и упал на колени. Тогда Куропатка взял подростка за волосы и спокойно приставил к его горлу нож.

С тревожными возгласами родители мальчика шагнули было вперед, но тут же остановились, внимательно глядя в дула направленных на них винтовок. Куропатка что-то спросил, и мальчик сдавленным голосом что-то ему ответил. И тут же лезвие ножа проткнуло кожу — струйка крови побежала на грудь. Тогда мальчик в ужасе что-то забормотал.

Джонни Куропатку ответ, кажется, удовлетворил. А родители мальчика разом зашлись криками ужаса. Миг спустя благим матом редела уже вся деревня.

— Вперед! — рывкнул Джонни Куропатка и дернул мальчика за волосы. — Идти быстро. Он все покажет.

Из всех дверных проемов на них глазели злобные лица. С той стороны каньона вновь прогремел упредительный выстрел, что разнес в щепы одну из хижин. Гул голосов все нарастал.

Стоило Джонни Куропатке потащить мальчика дальше в лес, на индейца набросились разгневанные родители. Какое-то время там не было видно ничего, кроме беспорядочного сплетения рук и ног. Затем, по команде Дика, один из солдат подошел

поближе к извивающемуся клубку и методично оглушил прикладом сначала мужчину, а потом и женщину. Джонни лишился куска уха в ожесточенной схватке и приобрел здоровую царапину над самым глазом, но руки своей жертвы не отпустил. Все двинулись дальше.

Теперь Куропатка завел мальчику руку за голову и слегка выламывал — так, что согнутый почти вдвое несчастный жалобно хныкал. Вот отряд миновал мутный ручей в лесу. А несколько метров спустя они вышли на другую прогалину, густо поросшую чахлой кукурузой. Оттуда тропа снова вела в лес.

Позади постоянно нарастал шум. Послышалась стрельба, и тут же по обеим сторонам тропы захрустели ветки. Дик успел оглянуться и увидеть, как шедший позади него солдат вскинул винтовку. Грохот выстрела — и бегущий троглодит ничком рухнул в подлесок.

По обеим сторонам перекликались голоса.

— Надо спешить, — сказал Дик Куропатке. Индеец кивнул, и они перешли на трусцу. Стрельба прекратилась.

После очередного поворота тропы внезапно оборвалась перед утесом из песчаника. В утесе оказался прикрытый пологом вход в пещеру. Полог вдруг отдернулся, и из пещеры выскочил вооруженный луком троглодит. Никто и глазом не успел моргнуть, как один из солдат уже падал со стрелой в плече. Двое других тут же вскинули винтовки — и троглодит рухнул, потянув за собой полог. Из леса донесся дикий вой отчаянья.

Внутри темной пещеры висел смрадный туман. Там воняло дерьмом, гниющим мясом и еще невесть какой дрянью. С одной стороны валялись груды шкур, бурые горшки, кувшины — целый ворох подобного хлама. С шеста под потолком свисал зеленый шмат мяса, сплошь покрытый мухами. Дальше пещера сужалась — там висел еще один полог. Перед этим пологом и стоял старец.

Тощий, грязный, со всклокоченной копной седых волос, из-под которой пристально смотрели дикие глаза. Одежда его по троглодитским понятиям когда-то должна была казаться величественной. Теперь же на нее было страшно смотреть — истрепанная и оборванная, серая и засаленная, негнущаяся от грязи. Из-под нее торчала тощая грудь, а потом одежда грубыми лохмотьями ниспадала до старческих коленей. Старец замахал на незваных гостей когтистыми руками и что-то зашамкал беззвучно.

бым ртом. Потом безумные глаза закатились, и старец принялся исполнять перед опущенным пологом что-то вроде танца с подшаркиванием.

— Безумный, — с уважением пробормотал Джонни Куропатка. — Очень старый. Очень-очень святой.

— Уберите его с дороги, — приказал Дик.

Один из солдат замахнулся прикладом, но старец проворно отскочил и скрылся за пологом. Тогда Дик приказал другому солдату сорвать полог.

А там, в пляшущем отсвете фитиля в горшочке с маслом, старец гримасничал и что-то тараторил, задыхаясь от страха. То возводил руки вверх, то прижимал их к груди. Больше в пещере почти ничего и не было. Только в дальнем конце виднелось грубое подобие алтаря. А в том алтаре стоял деревянный крест.

Просто деревянный крест. И никакого Гамна.

Только две жалкие скрещенные палочки, надежно стянутые жилами. А с обеих перекладин свисала змеиная кожа.

Глава 16

Позже выяснилось, что наконечники троглодитских стрел были отравлены. Стрелу из плеча раненого солдата легко извлекли, но час спустя парень в страшных судорогах скончался. Так у Дика появился отличный шанс.

Когда настала ночь, они разбили лагерь на высоком склоне, который сложно было бы атаковать неожиданно. Небо было ясное — ни облачка. Дик чувствовал, как под ним величественно покачивается земля. Легкий аромат шалфея еще добавлял свежести ночному воздуху. И тут, во тьме и безмолвии, Дик вдруг ощутил себя совсем рядом с Бакхиллом. В памяти живо высветились знакомые места — зеленые лужайки, утренние тени под навесами конюшен, отблески солнца на гладких водах озера. И Дику подумалось, что только теперь он понял, чего стоит Бакхилл. И то, как много по собственной воле отдал Бакхиллу его отец, и отец его отца...

А Орлан, по контрасту, представлялся Дику чем-то преходящим. Вроде турнирной площадки, где кипучая и, казалось бы, необычайно важная деятельность в один миг может смениться удручающей пустотой. Да, здесь приходилось выживать, прихо-

дилось крепко стоять на ногах, — но в конечном счете это не делалось самоцелью. А лишь ценой, которую следовало платить за проверку твоей жизнеспособности.

Кончик сигареты Линдли вдруг яростно засветился, а потом описал широкую дугу и исчез в ночи.

— Спокойной ночи, Джонс, — сказал командир. — Завтра уже дома. А там — держи хвост пистолетом.

Но Линдли завтра ждали совсем в другом месте. В теле его уже бродил яд. Днем, когда наполняли фляжки, Дик успел их подменить. «Вот этот, — объяснял ему тогда Клай, — действует медленно, зато — ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Наливай во что хочешь».

К утру торчащее из спального мешка лицо Линдли приобрело синеватый оттенок. А Дик, якобы обследуя тело своего командира, ухитрился царапнуть его по шее своим перстнем. Обнаружив ранку, солдаты быстро вывели окончательное заключение.

Линдли похоронили в твердой земле, а сверху набросали груду камней. Когда Дик вернулся в Орлан, в его юношеском лице стали проглядывать какие-то новые черты.

— Итак, наступает решительный момент, — заявил Мелькер, вытирая ладонью пот со лба. Да, тут и впрямь было душновато — по всей комнате вился голубой дымок. — Нам предстоит из небольшой группки стремительно превратиться в силу, способную взять и удержать Орлан. Я подчеркиваю — «стремительно», ибо так больше продолжаться не может. Чем дольше мы будем тянуть, тем больше у нашего предприятия шансов оказаться раскрытым. Самое безопасное — провести операцию как можно скорее. Ударить — и покончить с тиранией. Но когда я говорю «безопаснее», это нельзя понимать впрямую. Риск очень и очень велик.

— Так что же? — негромко поинтересовался полковник Розен. — Вы предлагаете отказаться от операции?

— Нет! — Мелькер затряс раздвоенной бородой. — Нет и еще раз нет. Это самоубийство. Оттяжка операции ничего не даст. Она выгодна только предателю, задумавшему провалить все дело. Я хочу, чтобы все ясно поняли одно: мы уже вступили в борьбу за общую цель. Все мы. И мы победим — вопреки всему.

Все внимательно наблюдали за председателем. И адмирал Холт, и леди Максвелл, и мисс Флавин, аккуратно сложив-

шая руки на коленях, и доктор Беласко, и мистер Коллундра, и две большие шишки — Крукшанк и Палмер, которых Дик прежде здесь не встречал. Тут был избранный коллектив, внутренний круг заговора, и Дик чувствовал себя не в своей тарелке. Он-то здесь почему?

— Мне также, — продолжил Мелькер, со вздохом отклоняясь на спинку кресла, — хотелось бы знать, кого я могу этим устроить. Ответ: по счастью — никого.

Два-три лица тут же загорелись мрачной радостью.

— Мы слишком давно играем в эти игры, Мелькер, — заметил полковник.

— Да, возможно, возможно. Но я — человек подозрительный. А кроме того, теперь у меня появился весомый аргумент в нашу пользу. Как вам известно, наш юный Дик Джонс был послан устранить Линдли. Так вот. Устранение Линдли не составляло главную цель операции.

— Да? — с интересом спросил Розен.

— Линдли был уже на подходе к ключевому посту. Нам же удалось потянуть за нужные ниточки — и завтра на этот пост назначат нашего человека. Но я вот о чем думаю. Если бы на Джонсе лежали хоть малейшие подозрения, хоть какой-то намек, — то такой человек, как Линдли, обязательно должен был бы за Диком приглядывать. А теперь, Джонс, расскажите, как вам удалось от Линдли избавиться.

— Я вылил яд в свою фляжку, — объяснил Дик, — а потом, когда солдат принес их назад, постарался взять фляжку Линдли.

Мелькер соорудил выразительную мину.

— Видите? Самый древний и надежный прием.

Адмирал Хольт покачал головой:

— Вам, молодой человек, просто повезло.

— Ничего подобного, — возразил Мелькер. — Просто Линдли не был слишком уж настороже. Именно это нам и требовалось узнать. Так что мы получили ценную информацию — как о Джонсе, так и о Линдли. — Тут он понимающе взглянул на Дика. — Должен заверить вас, Джонс, мы бы заранее обо всем вас предупредили, не будь мы уверены, что это пойдет во вред заданию.

— Да, мистер Мелькер, я понимаю, — отозвался Дик, чувствуя, как любопытство начинает пересиливать его негодование. Значит, все это только вступление? Что же будет на очереди?

— Далее, — продолжил Мелькер, складывая руки башенкой, — мы договорились о том, что до переворота желательно бы проверить и Оливера.

— Но не решили, как это сделать, — вставил Коллундра.

— Верно. Не решили. — Мелькер перевел дыхание; тусклые глаза его вдруг заискрились. — Но сейчас я могу с радостью сообщить: нам удастся провернуть то, что мы тогда расценили как вариант наиболее желаемый, на наименее вероятный.

Все невольно подались вперед.

— Как, вам... — начал было Беласко.

— Да, — закивал головой Мелькер. — Нам удалось раздобыть упорот требуемой молодой особы и удвоить ее по обычному запросу на служанок. Клай все утро готовит Оливера к встрече, и когда он решит, что клиент созрел...

Тут к Мелькеру подошел его темноглазый лакей и что-то шепнул ему на ухо.

— Прекрасно! — воскликнул Мелькер. — Итак, дамы и господа, время пришло. Если вас не затруднит собраться у телеэкрана, то буквально в ближайшие минуты вы увидите нечто весьма и весьма любопытное.

Когда группа переместилась в другой конец комнаты, Дику случилось оказаться рядом с Мелькером. На включенном экране видна была комната тех же покоев, только поменьше и совершенно пустая. Судя по углу обзора, камера скорее всего была спрятана где-то в мебели или под столом.

Мелькер ободряюще ухмыльнулся Дику:

— Ну что, Джонс, заинтригованы?

— Самую малость, — признался Дик.

— История и впрямь невероятная. Быть может, мне еще хватит времени, чтобы хоть вкратце вам ее поведать. Итак, Таддеуш Кроуфорд, тот самый, что построил Орлан, женился на рабыне. В те времена это не считалось такой уж редкостью. Теперешних строгих разделений еще не существовало. Жена родила Таддеушу сына, а потом заболела и умерла. Однако Таддеуш предосторожности ради успел удвоить ее почти сразу после женитьбы. Ведь она, в конце концов, была рабыней.

— Но и его женой? — вставил Дик.

— О да. Разумеется. Но вот ведь в чем дело, молодой человек. Со временем образ мыслей Таддеуша становился все более и более, скажем так, необычным. Его все сильнее му-

чил навязчивый страх уступить Орлан каким-нибудь выскочкам. Ему хотелось максимально обеспечить преемственность своего рода. И тогда Таддеуш вынудил своего сына жениться на двоячке своей собственной жены.

Дик невольно вздрогнул от отвращения.

— Да, вот так-то. Однако заметьте — формально это не был инцест. Двоячка была двадцатилетней девушкой. А мать сына Таддеуша умерла пятнадцатью годами раньше в возрасте двадцати пяти лет. Так что они поженились, и двоячка родила наследнику сына — теперешнего Вождя Колорадо. А потом умерла. Скорее всего от той же врожденной болезни, что и ее прототип. А к тому времени уже установилась некая негласная традиция. Полагаю, вам, молодой человек, не нужно объяснять, что в большом доме значит негласная традиция. Короче, распространилось стойкое суеверие, что владеть Орланом может только тот, кто женится на жене Вождя. Во всяком случае, наш нынешний Вождь, Таддеуш Второй, в возрасте двадцати четырех лет удвоил ее и женился. В том же году двоячка родила ему сына Оливера, а в 2032-м умерла. Но самое смешное во всей этой истории, — тут Мелькер мерзко ухмыльнулся и положил костлявую ручонку на плечо Дику, — то, какую шутку выкинула с родом Кроуфордов генетика. Эдмунд, сын Таддеуша, унаследовал, понятное дело, половину генов от своей матери. Сын Эдмунда Таддеуш Второй — уже три четверти. Далее получается, что у Оливера семь восьмых материнских генов. Продлись это еще несколько поколений — и окажется, что линия практически целиком будет состоять из генов, унаследованных от матери. Какое-то время особых перемен, может, и не будет, а вот от бедняги Таддеуша останется пшик. — Мелькер махнул рукой. — С таким же успехом он мог бы спарить свою жену с дворецким или конюхом.

Дик вдруг почувствовал, как все окружающие с особым вниманием всматриваются в экран, и взгляд Мелькера быстро метнулся туда же.

Дик тоже повернулся и увидел, как в изображенную на экране комнату входят Оливер и Клай. На Оливере было белое с золотым одеяние — разительный контраст с его обычным скромным костюмом. Волосы только что тщательно уложены, а лицо — блее мела. Судя по шевелению губ, он что-то говорил, но слова его заглушал шелест и шепот у телеэкрана.

— Тсс! — злобно прошипела мисс Флавин. Все мигом затихли.

— Подождите здесь минутку, — послышался голос Клая. — Сейчас я ее приведу.

Потом Клай вышел из комнаты. Оливер нервно огляделся, одной рукой опираясь на украшенную гравировкой металлическую трость, а другой поправляя жабо. Наконец резко сел на диван и принялся тупо разглядывать одну из висевших на стене картин — на экране видна была только ее половина. Дик узнал картину — «Веселый ухажер» Франса Хальса. Потом Оливер встал и принялся нервно расхаживать по комнате.

У себя над ухом Дик слышал учащенное дыхание Мелькера. Глаза председателя разгорелись, он то и дело облизывался.

— Его мать умерла, когда Оливеру было шесть, — прошептал Мелькер. — Смотрите за ним, смотрите.

Вдруг Оливер повернулся на какой-то звук, неслышный для собравшихся у телеэкрана. Подобно всем остальным, Дик испытал сильнейшее желание заглянуть за рамку. Но вскоре послышался шелест одежд, и в поле зрения медленно вошла девушка. Вошла — и тут же остановилась. Потом еще раз нерешительно шагнула вперед и стала молча смотреть на Оливера.

На девушке было парадное платье с пышными юбками, модное в Орлане лет двадцать назад. Стройная и неловкая. Светлые волосы намеренно убраны так, чтобы девушка казалась старше. Удлиненные зеленые глаза ее разглядывали Оливера в немом изумлении. Приоткрытые губы дрожали, словно разучились говорить.

Оливер опустился на колени и беспомощно протянул к ней руки.

— Господи, мама! — вымолвил он. — Мама Элайн!

Глава 17

Дика разбудил топот ног по коридору. Вопль. Звон бьющегося стекла. Он сел на постели. Сердце бешено колотилось. Потом во внешних покоях вспыхнул свет — и Дик стремительно заморгал. Хлопнула дверь.

— Кто там? — выкрикнул Дик. — Что стряслось?

Тут в дверях возник Алекс. Лицо лакея побелело от страха.

— Ой, миста, миста! В коридорах убивают людей!

Дверь потряс отдаленный взрыв. Потом слышались еще вопли — уже дальше. Дик выскочил из постели, спешно шевеля мозгами. Несмотря на все благие пожелания Мелькера, День Переворота все откладывался и откладывался. Последний срок истекал, кажется, через три дня.

Значит, либо переворот начали преждевременно, даже не предупредив Дика, либо... либо кто-то выдал Вождю замыслы заговорщиков.

Трясущийся, но по-прежнему исправный лакей уже протягивал Дикю брюки. Эх, знать бы все толком!

— Говори, Алекс. Что там было?.. Да нет, не эти — парадную форму.

— Ужас-то какой, миста, какой ужас! Я как раз шел по Долгорукому Коридору в Зал Гамна за утренними квотами. Там услышал взрывы — знаете, вроде выстрелов из пистолета. Я обернулся. Все кругом тоже смотрели и не верили своим глазам. По коридору бежал человек, а потом, как раз когда он добежал до золотого фонтанчика, раздались еще выстрелы, и человек упал. Все было как в страшном, страшном сне. А кровь, кровь... Нет, вы и представить не можете...

— А кто его убил?

— Я не видел. Я побежал оттуда. Но уже в нашем коридоре, миста Джонс, были еще выстрелы. Там бежало много людей, и у всех в руках были пистолеты. А за ними бежали красные и стреляли.

— Придворная Стража?

— Да-да, миста. Все стреляли, стреляли, стреляли... Я думал, меня убьют. Двоих они убили — трупы так и лежат в коридоре. Потом я заметил и черных, Стражу Гамна, но вовремя успел сюда заскочить. А то бы меня тоже застрелили. Что будет, миста Джонс, что будет?

— А-а, черт! — завопил Дик, дергая прикрепленное к поясу уздало. Сначала не получилось, но потом проклятая цепочка все же оторвалась. Потом та же операция с другим рукавом. Что бы там ни было, но руки ему нужны свободные.

Одно, по крайней мере, прояснилось: раз охрана преследовала заговорщиков, значит, все раскрыто. Попытка переворота провалилась. И теперь единственный вопрос состоит в том, что уже удалось узнать властям. Если им известны все имена, то

поймать Дика Джонса — только вопрос времени. И лучшее, на что он может отважиться, это любой ценой выбраться из Орлана. И как можно скорее.

Но если имя Джонса властям не выдали, а он резко даст деру, то это будет несомненным признанием вины. Нет, надо попробовать взять наглостью, тогда, может, и сойдет.

В коридоре у забрызганной кровью стены лежали два трупа. Одного из них Дик узнал, Тор Свенсон. Не далее как позавчера они вместе пьянствовали. Но самое странное — Дик и понятия не имел, что Тор участвует в заговоре.

Дальше, в Длинном Коридоре, валялось множество бездыханных тел. Мужчины и женщины, люди и сраки.

Дику вдруг ни к селу ни к городу вспомнился его последний день в Бакхилле и мальчик-срак, рыдающий над дохлой дворнягой.

Он прислушался. Вроде бы больше ни стрельбы, ни топота ног. Но вот где-то вдалеке снова послышался топот, к которому приешивалось гроыхание колес. Потом Дик уже расслышал, как чей-то голос отдает приказы. Из поперечного коридора вдруг появился отряд Придворной Стражи с двумя полевыми орудиями. Холодный пот выступил на лбу у Дика, стоило ему заметить, как командир отряда бросил резкий взгляд в его направлении. Дику впервые пришло в голову, что военная форма может и не оказать ему никакой защиты — армия насквозь пропиталась заговором, и каждого десятого офицера смело можно было считать заговорщиком.

Но Дик не стал колебаться и твердой походкой направился к офицеру. Гвардейцы тем временем устанавливали орудия так, чтобы коридор простреливался в обоих направлениях. Офицер поднял пистолет:

— Стоять. Предъявите ваше удостоверение.

— Лейтенант, — твердо, но уважительно начал Дик, — тут какая-то ошибка. Генерал Майер приказал поставить огневую точку в этом же самом месте — пятнадцать минут назад он вышел позаботиться о реквизите. Я его адъютант, лейтенант Джонс.

— Я получаю приказы из штаба личной охраны, — буркнул лейтенант, опуская ствол. — Почему вы не при оружии?

— Нам еще не выдали. Послушайте, лейтенант. Для этой операции ваших людей все равно недостаточно. Вас могут обстрелять из поперечного коридора.

— Мы его крепко держим — до самых Аркад, — ответил офицер уже не столь угрюмым тоном. — Вы, пидоры армейские, всегда были тяжелы на подъем. Черт побери, все дельце уже обделано! Мы тут так, на всякий случай. Скажите своему генералу Майеру, что...

Тут его прервал чей-то зычный рокот:

«Внимание! Внимание! Совершена попытка покушения на жизнь и имущество Вождя! Все заговорщики схвачены или убиты благодаря бдительности гвардейцев Придворной Стражи! Но кое-какие мелкие сошки еще на свободе! Пока не будет закончен полный обыск, всем оставаться на своих позициях!»

Выгнув шею, Дик сумел разглядеть источник звука — общественный телеэкран на ближайшей площади. Даже отсюда все было достаточно ясно видно. Камера скользила по груде тел, сваленной в Арсенальном Дворе, а на заднем фоне виднелся бронзовый Старый Фонтан. Вот уродливая физиономия Мелькера, лишенная всей ее вечной многозначительности. В раздвоенной бороде запеклась кровь.

Потом камера скользнула выше — и Дик увидел группу людей, что стояли у стены со связанными руками. Вот Клай — безразлично взглянул в камеру и отвернулся.

А потом камера скользнула еще выше — и там, будто туша на крюке в мясницкой, зацепившись ногами за ограду, с балкона свисал труп. Дик с трудом узнал перевернутое лицо. Оливер.

Голос снова зарокотал:

«Одним из пока что ушедших от возмездия членов банды является женщина. На вид лет двадцать, волосы светлые, телосложение нормальное, глаза серо-зеленые. Всякий, кто даст прибежище этой женщине, будет расстрелян. Всякий свободный, кто доставит эту женщину живой или предоставит информацию о том, где ее можно найти, будет вознагражден в соответствии со статусом — прибавлением квот или продвижением по службе. Всякий слуга, кто доставит эту женщину или сообщит соответствующую информацию, получит в награду свободный статус».

Лейтенант охраны тихонько присвистнул. Его грубая физиономия вдруг загорелась интересом и вниманием. Все остальные охранники переглядывались с теми же выражениями на лицах. Все они, разумеется, носили рабские клейма. Носили они, однако, и кое-что еще, а именно — оружие, что в какой-то мере обеспечивало им превосходство над свободными

ми. И все-таки любой из них запросто дал бы отнять себе руку или ногу, только бы получить свободный статус. Такого почти никогда не случалась. Но раз Вождь обещал, значит, такова для него ценность этой женщины.

А женщина эта, конечно же, Элайн. Описание сомнений не оставляло. И столь сильное желание Вождя заполучить ее странным не казалось. Ведь любой дурак, в чьих руках она окажется, может возомнить себя вождем нового переворота. Но если это — все, то зачем объявлять такую беспрецедентную награду, как жалование свободы рабам?

Было, впрочем, еще одно возможное объяснение. Получив двояк Элайн, группа Мелькера вполне могла в то же время уничтожить упрот. Или спрятать. Чего проще? Достаточно лишь вывести его из учета — ищи потом неучтенный упрот среди миллиардов других до скончания времен.

Тогда, даже если фамилия Дика значится в черном списке, он может купить себе неприкосновенность, если, когда все уляжется, вернется с женой Вождя. Тут есть хоть какой-то шанс на спасение.

Чувствуя на себе взгляд офицера, Дик посмотрел на часы.

— Похоже, планы снова изменились, — сказал он. — Надо пойти и выяснить.

Лейтенант гвардейцев хмуро кивнул. Дик повернулся и зашагал прочь.

Куда? Решать приходилось быстро. Девушка могла воспользоваться любым выходом из покоев Мелькера. А их десятки. Всяких укромных уголков и лазеек в Орлане хватало с избытком. На выбор верного направления у Дика был один шанс из тысячи.

Но стоило ему остановиться и подумать, куда могла направиться девушка, как Дик вспомнил о собственном страхе, и инстинкт сразу подсказал ему: вниз.

Тем лучше. Чтобы гнаться за оленем, надо самому стать оленем. На следующей же площади Дик вошел в лифт, размышляя: «Я напуган. Мне нужно спрятаться. Скрыться куда-нибудь. Или меня убьют. Вниз. Как можно глубже. Съежиться в комочек и натянуть на голову одеяло».

Теперь он оказался на нижнем жилом уровне. Здесь коридоры уже начали наполняться людьми. Увидев патруль охранников, беглец вовремя вспомнил о том, что надо выпрямить спину

и тверже ставить ногу. Стражи подозрительно на него покосились, но пропустили — человек в военной форме, и шагает так, словно выполняет ответственное задание.

Постоянно высматривая путь вниз, Дик вдруг заметил дверь, мимо которой наверняка сотни раз проходил, даже ее не замечая. Две свободно болтающиеся панели со сделанной по шаблону зеленой надписью: «СРАКАЛИЩЕ».

Ногой распахнув дверь, Дик оказался совсем в другом мире. С высоких потолков тускло светили засаленные фонари. Голые цементные стены. Полы тоже голые, если не считать узеньких дорожек из резиновых матов. На беглеца сразу обрушился гул голосов, шелест шагов и жуткий застоялый смрад с примесью какой-то кислятины. На миг Дик почудилось, что он снова попал в пещеру святого старца. Каким-то двойным зрением он увидел пыльные люминиты под потолком и коптящий масляный фитиль внизу — сажа и жир вперемешку. Потом все прошло, и он двинулся по главному коридору. Когда проходил мимо открытого прохода, на него со своих коек вылутили сонные глаза полуодетые сраки. Из другого прохода доносились металлический лязг, а воняло оттуда мылом и застарелым бельем. Потом навстречу попался старый срак в желтом комбинезоне, что катил перед собой этажерку, полную грязной посуды. Дик грубо остановил его:

— Эй, ты! Где тут выход на нижний уровень?

— Простите, миста, — начал явно напуганный срак, — простите, но тут такого нет. Только тот, что внизу, с печатью. Но туда, миста, никто не ходит. Запрещено. Там личная печать Вождя. Если прикажете, покажу.

Слуга бросил свою этажерку и заспешил вперед, а Дик проследовал за ним в следующий коридор. Потом еще полпролета по лестнице. Да, дверью давно никто не пользовался — вся в саже. Заперта на засов и солидный висячий замок. На висячем замке — печать с выпуклым рисунком. Дик потрогал пальцем — буква «К», а над ней что-то непонятное. Орел, кажется.

— Достань инструменты, — приказал он сраку. — Зубило и молоток. Через пять минут эта дверь должна быть открыта.

— Простите, миста, но у нас нет инструментов...

— Достать! Живо! — рявкнул Дик. Старый срак в отчаянье всплеснул руками и исчез.

Пару минут спустя он вернулся в окружении небольшой группки других слуг. Одним из них был, естественно, Френ-

кель. Горгулья ташил с собой чемоданчик с инструментами. Вид у уroda был нерадостный.

— Простите, миста Джонс, но знаете, нам ведь не позволено вскрывать эту дверь без личного разрешения Вождя. Если у вас есть разрешение...

— У меня нет времени, — оборвал его Дик. — Возникла срочная необходимость. Вот... — Он порылся в карманах и нашел там листок бумаги. — Дайте карандаш, и я выпишу вам расписку.

Френкель дал ему огрызок чернильного карандаша, хотя подозрения по-прежнему явно снedaли горгулью. Дик нацарапал на листке: «Беру на себя ответственность за вскрытие двери в служебных помещениях» — и расписался. Сраки переглянулись. На лицах у них выражалась разная степень непонимания — наверняка большинство не умело ни читать, ни писать. Френкель принял совсем безрадостный вид, но аккуратно сложил и убрал бумажку. Потом вынул из чемоданчика зубило и небольшую кувалду. Три могучих удара — и скоба, на которой висел замок, уже пробита. Френкель снял замок и отступил от двери, держа железку в руке.

Дик открыл дверь и в конце прохода увидел мерцающий свет.

— Снова закройте ее за мной, — приказал он и шагнул за дверь.

Дойдя до конца прохода, Дик оказался в просторном пустом зале. Мутные лампы на потолке оказались даже не люминисантами, а древними, похожими на луковицы, лампочками накаливания. Их болезненное оранжевое свечение едва развеивало лежащий кругом мрак. В тяжелом и неподвижном воздухе буквально висела мертвая тишина.

Дик вдруг остро ощутил полное одиночество. Какого же дурака он сваял! А что, если девушка вообще здесь не появлялась? Через ту дверь, по крайней мере, уже годами никто не входил. Но сюда были сотни возможных входов — пытаться счастья с каждым займет целую вечность. Ладно. Во всяком случае, он уже тут. Если сюда направилась и девушка, отыскать ее след труда не составит.

Дик нагнулся. На толстом ковре пыли виднелись следы, но все достаточно давние. У боковой стены стояло несколько заброшенных ручных тележек. В дальнем конце зала за металлическими дверями виднелись погрузочные секции. Справа и

слева были открытые проходы, где темнота едва рассеивалась предельно тусклыми желтыми фонарями.

Дик выбрал левый коридор. Там оказались еще двери — некоторые заперты, другие открыты. Через открытые двери видны были очертания каких-то загадочных груд. Раз он потянулся внутрь и наткнулся на гладкий изгиб ножки стола. Вероятно, тут были заброшенные кладовые, полные предметов когда-то нужных, а теперь совсем позабытых. Выплыло неприятное воспоминание. Как там говорил Руэлл? «Он коллекционирует коллекции... Вся эта гора, по сути...» Интересно, как глубоко простираются эти подземные хранилища?

Ведомый каким-то смутным наитием, Дик спустился по первой же попавшейся лестнице.

И оказался в жутком нагромождении сваленной как попало мебели. Отовсюду столы, диваны и стулья тыкали в него ножками. Под ногами скользили и рассыпались книги. В куполах света от ламп плавали облака пыли.

И тут вдалеке кто-то чихнул.

Звук долго метался под сводчатыми потолками. Дик задержал дыхание, прислушиваясь, — и вскоре услышал далекое постукивание. Кто-то... кто-то... Да кто же это еще может быть?

Дик осторожно двинулся вперед, стараясь избегать всякого шума, но это оказалось нереально. Вот в сторону отлетел незамеченный стул, а вот нога с хрустом проломила хрупкую столешницу.

Где-то впереди немедленно послышался грохот и торопливые шаги. Дик выругался, бешено вырвал ногу из проклятой столешницы и бросился в погоню. Сердце отчаянно колотилось. Он перепрыгнул через поваленный книжный стеллаж, рискованно проплясал среди целой россыпи стульев, взобрался на поставленный дыбом диван... Потом остановился и прислушался.

Далеко впереди — грохот и треск.

Погоня, казалось, шла уже многие часы. Дик раз за разом прокладывал себе путь среди мебели и ящиков. Потом останавливался и прислушивался. Снова нырял вперед. Мокрый до нитки, хватая ртом воздух, будто рыба на берегу, он в очередной раз помедлил на гребне возвышавшегося горой буфета. Ни звука. Еще раз глотнув воздуха, он снова задержал дыхание. Опять ни звука, кроме громкого стука крови в ушах.

Тогда Дик стал внимательно оглядывать окрестности. В безбрежном море ножек столов, спинок кроватей, зеркал вроде бы ничего не двигалось. Не может быть, чтобы она выбралась из подземелья — там и близко не видно никаких дверей. Наверное, спряталась — сжалась в комочек где-то среди этих деревянных джунглей. Забилась под стол или в шкаф. Лежит тихонько и даже почти не дышит, будто крольчиха в загоне.

Дик ждал в надежде, что девушка не выдержит и как-то себя выдаст, прежде чем ему снова придется вдохнуть. Не вышло. Тогда он начал двигаться — медленно и осторожно, стараясь производить как можно меньше шума. По сантиметру обследуя все окрестности, он часто останавливался и прислушивался. На третий раз в мертвой тишине раздался тихий звук — едва слышный скрип. Наверное, она чуть передвинулась. Нельзя же целую вечность неподвижно лежать на твердом.

Тут поблизости как раз оказалась открытая коробка, полная ламп со стеклянными абажурами. Дик решил. Он вытащил из коробки одну лампу — пыльную аляповатую штуковину в форме колокола — и швырнул ее туда, где скрипнуло. С жутким грохотом лампа разбилась. Во все стороны брызнули осколки стекла.

Наконец среди леса стульев Дик удалось высмотреть какое-то судорожное движение. Тогда он обогнул имперский диван, аккуратно проделал сложнейший слалом среди вороха столов и заглянул под самый большой. Там, устремив на Дика пару испуганных глаз, свернулась в комочек девушка.

— Ну что, — сказал Дик, — вылезайте.

Пыльная и растрепанная в тусклом свете, девушка вылезла из-под стола. Что-то удивительно трогательное было в ее худобе, в грязном пятне на щеке... Дик тут же подметил, что беглянка успела где-то потерять половину своей юбки. Да, в таких нарядах по подземным хранилищам особенно не полазашь.

Но вот испуганное лицо девушки стало неуверенно меняться.

— Ой, а вы случайно не...

— Да, я Дик Джонс. Вы правы. — Они уже встречались, но всего на какую-то минутку.

Девушка попыталась рассмеяться:

— Ой, а я-то... Господи, да почему же вы сразу не сказали? Ведь все эти гонки с препятствиями... — Она безнадежно махнула рукой.

— Допустим, я бы назвался, — спокойно произнес Дик. — А вы бы мне поверили? Ладно. Давайте выбираться отсюда.

Девушка взяла его за руку. Какая прохладная и мягкая ладоны!

— А куда мы пойдем? — спросила она, пока Дик помогал ей подняться. Потом смахнула со лба длинные волосы. — Что, разве мы можем вернуться? О Господи, я сейчас, наверное, настоящее чучело.

Дик с ходу соврал что-то про переворот. Девушка, похоже, верила каждому его слову. И без лишних вопросов. Дурочка. Совсем молоденькая! Дик то и дело мысленно к этому возвращался, вновь и вновь удивлялся неуклюжей стройности ее фигурки, невинности, что проскальзывала в каждом ее слове... Неужели тогда, в Бакхилле, он тоже был таким юным дурачком? Нет, вряд ли.

Дик попытался держать курс к той двери, через которую вошел, но в конце концов они вышли совсем к другой. Рядом вела вниз короткая лесенка. Вверх же не было ни ступеньки. Но свет на нижней площадке казался ярче.

Кто знает, может, на более низком уровне местность окажется менее пересеченной? А то через эти мебельные баррикады можно перебираться целыми сутками.

— Идемте, — сказал Дик и взял девушку за руку.

Внизу оказался еще один сводчатый погреб — беспредельно-мглистый под синеватыми лампами на потолке. Коробок и ящиков там тоже хватало, но между ними по крайней мере можно было протиснуться. А еще в пыли там виднелись следы, и совсем свежие.

Следы эти Дик очень не понравились. Ему вовсе не хотелось с кем-либо встречаться, пока он не доставит властям свою пленницу. А то какой-нибудь шустряк запросто примет его за сообщника, а не ловца девушки. Риск, впрочем, стоил того, чтобы поскорее отсюда выбраться. Наверняка на этом безбрежном этаже найдется лифт или хотя бы лестница.

Проход, однако, становился все уже и все извилистей. Сдержимое ящиков и коробок тоже стало куда разнообразнее и загадочнее. Вот коробка ростом выше Дика, сквозь пыльные пластиковые стенки которой им предстала словно замороженная в грязной ледяной глыбе целая груда каких-то чучел — волнистые лоснящиеся шкуры, пристальные глазки-пуговицы,

голые подушечки лап. Медведи, слоны, тигры, львы, обезьяны... И всеми явно уже пользовались. Никак не музейные экземпляры — просто старый хлам.

А вот длинный ящик, полный книг — каждая в отдельной пластиковой упаковке. Некоторые переплеты были просто хороши, некоторые даже изящно отделаны, а все остальные порваны и истерты. Дик остановился и прочел несколько названий: «Остров Сокровищ», «Волшебник Страны Оз», «Перец и соль». Затем шли ряды узких томиков, где на корешках не стояло ничего, кроме одной-единственной монограммы: «ТК». Один томик уже обглодали крысы. Дик поднял его, сорвал обертку и открыл на середине. Под написанным мальчишеской рукой примером с квадратными корнями шла загадка:

«У чего 22 ноги и много-много мух? Ответ: У дохлой футбольной команды».

Еще ниже резкими и глубокими карандашными линиями был нарисован нож. Дик захлопнул книжку и положил на место.

— А что это тут? — спросила девушка. — Вы не знаете?

— Похоже, он никогда ничего не выбрасывает, — ответил Дик и с интересом взглянул на девушку. Но у той на лице выражалась полная беспечность — она несмело улыбнулась Дикю в ответ, куда больше интересуясь им, чем вещами столь отдаленными, как детские тетрадки Вождя.

Как странно! Ведь именно она дала жизнь мальчику, который теперь превратился в серую гадину и заправляет Орланом. Если, скажем, Таддеушу Второму было лет десять, когда он писал в этой тетрадке, значит, она тогда уже четыре года, как умерла... От таких мыслей у Дика загудело в голове. Все это, оставшееся далеко в прошлом, для нее лишь нереализованное будущее. Ведь сейчас ей снова двадцать. Хотя на вид даже восемнадцати не дашь. И для нее лучше, решил Дик, пройти весь путь заново. Лучше. Но она этого не знает.

Этаж казался бесконечным. Шаги глухо постукивали в пыли. В воздухе висела мрачная затхлость — запах пыльной и ломкой бумаги, скрытой от света. Повсюду по-прежнему стояли ящики и коробки с пластиковыми стенками — отчасти целые, отчасти уже нет. Потом местность начала меняться. Теперь беглецы шли мимо ряда небольших помещений, изолированных друг от друга подобно клеткам. Передняя стенка там была каменная или кирпичная, а перегородки сколочены из досок и оштукатурены. Над одной из

таких клеток оказалась вывеска: «АПТЕКА ШТРИППЕЛЯ». Дверь была аккуратно заперта, но стекло в ней выбито.

— Может, зайдём на минутку? — предложила девушка. — Я жутко устала.

В мутном сумраке бывшей аптеки Дик разглядел силуэты столика и стульев.

— Только осторожнее.

Держа девушку под локоть, он помог ей пролезть в разбитую дверь. Под ногами громко хрустели осколки стекла. Стулья оказались фанерными — дешёвое барахло двадцатого столетия, но выглядели вполне надёжными, и даже пыли на них было не так уж и много. Вероятно, до самого последнего времени аптека была запечатана и заполнена инертным газом.

Они сели, со всех сторон окружённые рядами полок, витрин, конторок с ящичками. Тут леденцы, там поздравительные открытки, коробочки с фотопленкой. А там — пожелтевшие журналы и книжки в мягких обложках. Прилавки завалены картонными рекламками — некоторые свалились и на пол. Дик от нечего делать поднял одну картонку. Спереди прикреплено несколько пакетиков с арахисом. А сзади надпись: «Приветствуем Вас, уважаемый Торговец! Вы держите в руках красочную рекламу для Вашего прилавка, срочно разработанную, чтобы помочь Вам БОЛЬШЕ ПРОДАТЬ и получить БОЛЬШУЮ ПРИБЫЛЬ...» Макет, наверное. Вряд ли такие штуковины уцелели со времен Переворота.

Дик вдруг с изумлением обнаружил, что глаза девушки полны слез.

— Что с вами?

— Не знаю, — глухо отозвалась она. Потом опустила лицо на ладони и принялась ожесточенно тереть глаза. В такой позе шея и плечики девушки казались столь трогательно-хрупкими, что Дику страшно захотелось ее обнять. Когда девушка отняла руки от лица, Дик вдруг заметил, какие же длинные и густые у нее ресницы. И какие бледные. Поднимет — их и не видно. — Пожалуйста, не обращай внимания. Я такая дуреха. — Губки у нее чуть припухли, а щеки слегка размялись.

Ножки стула скрипнули по полу. Дик все-таки не удержался и обнял девушку. Нежная и стройная. Дик провел подбородком по ее роскошным волосам. Через несколько долгих мгновений Элайн мягко отстранилась.

— У вас нет клинекса, в смысле — салфетки?

Дик дал ей чистый носовой платок. Девушка высморкалась и вытерла глаза. Потом попыталась улыбнуться.

— Ой, вы на меня, пожалуйста, не смотрите. Я, наверное, сейчас такая страшная. — В каком-то смысле она не ошибалась — розовое личико распухло, а глаза немного заплалили. Но все же у Дика что-то томительно заныло в груди. «Кажется, я влюбился», — сам тому не веря, подумал он.

Хотя такого с ним никогда раньше не случалось, Дик сразу узнал все симптомы. Черты лица Элайн, каких-то полчаса назад казавшиеся вполне обычными, теперь сделались неповторимы. И ведь даже не все в ней было красиво — уши, к примеру, но это только еще больше заставляло его замирать от радости и умиления. Оценить ее очевидные плюсы мог любой другой, а он любил в ней все!

Отчасти такие мысли обескураживали Дика — не было в них ни резона, ни логики. Но все остальное его существо радостно их приветствовало и вызывало новые, еще более нелогичные и безрассудные. Сможет ли он быть для нее слугой — ухаживать за ней во время болезни, купать в ванне, кормить, одевать? Да, и с великой радостью! Отдаст ли он за нее жизнь? Тут Дик сперва поколебался, но потом, охваченный очередной волной новых чувств, твердо ответил: да, отдаст! И тогда его охватил ужас. Ведь любовь — страшное чувство, если оно может принудить тебя к самоуничтожению. Но весь этот ужас каким-то странным образом соединялся с его радостью.

— Я целые годы даже не вспоминала об аптеках, — стала оправдываться Элайн. — Все получилось так неожиданно. — Она снова огляделась, кусая губы. — «Печеночные пилюльки Картера». О Господи! А вот и фонтанчик. Хотя он наверняка не работает.

Девушка смотрела на грязный мраморный прилавок, перед которым стояли высокие табуреты, а позади висело зеркало.

— Не работает? — переспросил Дик.

— Ну, в смысле, что там теперь не налить газировки, и все такое. Но может, там хоть есть просто вода? Я страшно хочу пить.

— Сейчас гляну, — сказал Дик и быстро пробрался к прилавку. На металлической плите с прорезью нашел два крана и отвернул оба, но ничего не вышло. — Нет, сухо. — Потом в

полуоткрытом отделении шкафчика за прилавком заметил бутылку и достал ее оттуда. — Но тут есть имбирное пиво.

— Ой! Вот было бы чудно!

Дик открыл бутылку и ополоснул пивом два стакана. Потом налил их и принес к столику.

Элайн мило улыбнулась.

— Немного выдохлось, правда? Но все равно чудесно, — тут же добавила она и глотнула еще. Потом поставила стакан. — Знаете, я так рада, что вы меня нашли. Я сразу вас узнала. И как камень с души упал!

— Правда?

— Ну конечно! У вас очень запоминающееся лицо. Я вообще хорошо запоминаю лица. На вид вы такой... такой серьезный и честный. А еще у вас брови очень густые и так, — она покрутила пальцем, — приподнимаются к вискам. — Девушка улыбалась Дик, но глаза ее туманили слезы. — Просто я помню одного парня с точно такими же бровями. Его звали Джими Боуэн. Вы мне его немножко напоминаете.

Радость Дика несколько смазал укол подозрения.

— А где это было?

— Еще в Данровине, в поместье мистера Краснова. Отец занимался там тепличным хозяйством. Хотя про теплицы вы, наверное, не слышали — теперь такого нет. — Девушка снова погрузилась. — Мы с Джими хотели пожениться, но папа решил, что он мне не пара. А потом появился мистер Синеску. Он меня заметил и привез сюда. Только тут тогда еще почти ничего не построили. Было только одно большое здание на вершине горы. — Тут она чуть заметно вздрогнула. — Мне уже потом сказали, что мистер Кроуфорд собирался на мне жениться. Наверное, я и сама об этом догадывалась. Оттого и впала в летаргию.

— В летаргию? — переспросил Дик. Завороженно слушая девушку, он вынужден был прерваться на этом слове.

— Ну да. А разве вы не знали? Просто скандал какой-то! Ведь я проспала целых семьдесят с лишним лет! Кажется, с человеком такого не случалось. Хотя мне сказали, что такое бывает у лягушек. Вот я и спала. А проснулась... ага, сейчас вспомню... недели три назад. Я просто поверить не могла, пока мне все это не показали... — Элайн обвела рукой вокруг себя. Глаза ее взволнованно блестели, а белые зубки светились в полумраке. — Все было как во сне.

— Так вы хотите сказать, вас не двоячили? — недоверчиво спросил Дик.

— Да нет же! Они вроде бы собирались, но я сначала уснула — и уже было никак. Понимаете? Надо же какое счастье! Мне совсем не хотелось бы, чтобы меня двоячили. А вам?

Дик отрицательно покачал головой. До него наконец дошло. Девушка думает, что она и есть настоящая Элайн. Отказывается поверить, что она двоячка. Вот почему она придумала эту историю про летаргию и сама убедила себя в ее правдивости. Было тут что-то трогательное. Но это же напомнило Дик у и о том, что он усиленно пытался забыть.

Ведь это четвертая Элайн. Ей двадцать три года. А три предыдущие умерли в двадцать пять.

Но теперь все будет по-другому, яростно убеждал он себя. Самое пакостное в том, что неизвестно, от чего умерли те трое. Может, что-то при родах. Или это уже сидит в ней сейчас, но она ничего не чувствует. Кто знает, может, это и можно вылечить, если хорошенько постараться. А уж он-то постарается.

В любом случае цепь уже разорвана — Элайн никогда не выйдет замуж за Оливера. О многом надо будет позаботиться, когда они двинутся дальше. Надо будет вывести Элайн отсюда, не наткнувшись на Стражу, как-то тайком вызволить ее из Орлана... а быть может, вдруг понял он, и вообще с этого континента. Брать ее сейчас в Бакхилл небезопасно. Может, потом, через несколько лет... Дик на мгновение представил себе возмущенные лица матери и отца. «Но кто ее родители? Уж не хочешь ли ты сказать, что она двоячка? Рабыня?»

Мысли эти пришлось немедленно отбросить. Сейчас просто смысла нет об этом задумываться. У него и так забот полон рот. Эх, если бы он только не влюбился в нее как последний дурак... Дик мысленно прикинул, как здорово все могло бы выйти: он передает девушку Придворным властям, его устаивают похвалы за благоразумие — быть может, даже сам Вождь... Почести, высокая должность, дальнейшее продвижение по служебной лестнице. И все это не само по себе — все как подпорки к той стене, что хранит мощь и безопасность Бакхилла...

Дик чуть было не заколебался. И вдруг увидел, как Элайн грустно смотрит на него своими спокойными зелеными глазами. Странно, как же странно! Глаза ее всегда говорят больше,

чем язык! И все бакхилловское благоразумие полетело туда, куда ему и дорога.

Но тут у двери послышалось негромкое шарканье. Дик резко обернулся — аж сердце захолонуло — но это оказался всего-навсего горгулья Френкель. Вернее, сразу два Френкеля — оба в серых джемперах и с сумками в руках.

Дик сразу успокоился. Френкели, естественно, невооружены, а никакой охраны за ними не появилось. Наверняка их послали в подземелье с каким-нибудь ерундовым поручением. К примеру, достать из-под земли некоторые экспонаты коллекции Вождя. И в то же время странно было встретить кого-то еще в этом мрачном нежилом лабиринте... Странно было и то, как медленно оба Френкеля двигались — словно водолазы. Важные выражения их лиц не менялись, но как бы расцветали навстречу Дикуну с каким-то ослепительным значением. Глаза, носы и рты уродов были словно с подсветкой. Забывая, кто он и где, Дик мог только смотреть и смотреть на горгулий, пытаясь разгадать их загадку.

Последнее, что он услышал, был звук, что вселил в него смутную и запоздалую тревогу. Звук, который он давно уже слышал, но почему-то не замечал. Тихое и непрерывное шипение улетающего воздуха.

Глава 18

Они с Адамом плыли над самой глубокой впадиной в озере; и тут Дик, бравады ради, прыгнул с лодки — вниз, вниз, к смутно мерцающему зеленому дну, заросшему длинными липкими водорослями. А теперь он всплывал обратно, но путь был слишком долг — дно лодки казалось крошечным светлым пятнышком высоко-высоко над головой. И к этому пятнышку Дик, похоже, почти не приближался. Он с трудом заставлял себя толкаться неторопливо и размеренно. Ноющая грудь уже помимо его воли сама пыталась вдохнуть. Тогда Дик изо всех сил сцепил зубы и зажал двумя пальцами нос. Бешеный стук в ушах — и...

Задышавшись и дрожа, он очнулся. Сон был столь ярок, что Дикуну еще какое-то время казалось — ледяная вода стекает с его волос. Потом он увидел вокруг себя незнакомую белую

комнату и ощутил под спиной жесткую койку. С голого потолка светил старый люминит. Вокруг слышались шаги, шелест бумаги. Потом к нему кто-то подошел.

Оказалось, Френкель.

— Что, получше? — спросил горгулья.

— Да вроде бы. Голова болит. А что случилось?

Френкель ухмыльнулся:

— Вас, миста, аргон отрубил. Только мы подошли к двери, вы — бац, и готово.

— Аргон? — тупо переспросил Дик.

— Ну да. В той аптечке. Туда все время поступает ма-ахонькая струйка аргона. На случай утечки. Нам-то ее перекрывать незачем. Зайдешь на минутку — так ничего.

«Надо бы собраться с мыслями, — путано думал Дик. — Так, аргон не ядовит. Но если его концентрация в воздухе выше допустимой, то просто задыхаешься. Вот в чем была ошибка». Он решил, что аптека раз навсегда разгерметизирована. А то бы он никогда...

Тут Дик резко сел.

— Где Элайн?

Горгулья молча указал. В дальнем углу комнаты стояла еще одна узкая койка. На ней с закрытыми глазами лежала бледная Элайн.

Дик поднатужился и попытался встать, но Френкель придалвил его к койке.

— С ней все в порядке, миста. А вы лежите и отдыхайте.

Она скоро очнется. У Дика сильно кружилась голова, и спотыкаться он не стал.

Глядя на него, Френкель с сожалением прищелкнул языком.

— А кстати, миста. Что вы там такое делали? На вид вы вроде ничего. Зачем это вы решили тайком к нам подкатывать?

Дик тупо воззрился на горгулью.

— Чего? То есть как — «подкатывать»?

— Вопросов не надо. Вопросы здесь задаю я. Кстати, как вас зовут, миста?

Удивление Дика перешло все пределы:

— Ты что, Френкель? Меня не знаешь? Я Дик Джонс!

— Дик Джонс, — повторил горгулья, облизывая грифель чернильного карандаша. Потом разложил на колене листок бумаги и старательно принялся выводить там жуткие каракули. —

Ага. Так-так. Верно, это я чего-то подзабыл. А девушку, миста Джонс, как зовут?

Дик словно язык проглотил. На глаза ему вдруг попало нечто совершенно немыслимое — на поясе у Френкеля висел пистолет.

«...тайком к нам подкатывать... Нам-то ее перекрывать не-зачем...»

— Ее зовут Кларинда Джонс, — наобум бухнул Дик. — Она... она моя кузина. — Оставалось смотреть, как горгулья мучительно царапает бумажку. — Послушай, Френкель. Ведь ты в последнее время наверху не бывал. Так?

— Да, давненько не бывал, — утвердительно качая большой головой, подтвердил Френкель. — Но скоро буду. Совсем скоро. Так. И что же вы с молодой леди там делали?

— Бежали от переворота, — ответил Дик и выждал.

Потом спросил:

— А сам-то ты что делал в аптеке?

— Лекарства, — проворчал Френкель. — Нам надо побольше лекарств. А на чьей стороне вы были, когда переворот?

— Ни на чьей, — осмотрительно ответил Дик. — Там много стреляли, и Кларинда... ну, Кларинда так напугалась, что я решил увести ее подальше. А потом мы совсем заблудились...

Френкель с сомнением хмыкнул. Наконец закончил писанину и убрал свой жалкий листок.

— Ладно. Поглядим, поверит ли этому Старик. Пошли.

Дик встал.

— Старик? — Сначала голова здорово закружилась, но потом Дик мало-помалу пришел в себя.

— Ага, Старик, Старик. Пошли, не будем заставлять его ждать.

Когда проходили мимо второй койки, Дик наклонился. Элайн повернула к нему голову и подняла бледные веки.

Дик опустил ее на колени и погладил ее по щеке.

— Ну как ты? Ничего?

Взгляд девушки постепенно приобрел осмысленность. Наконец она узнала своего спутника.

— Странно как-то, — пробормотала Элайн и вяло обняла Дика.

— Ну вот и славно, вот и хорошо, — пробурчал сзади Френкель. — Мы и ее захватим. Может она идти? Поднимите-ка ее, миста.

Дик одарил горгулью негодующим взглядом. Потом повернулся к койке и помог девушке сесть. Наконец, при его поддержке, она встала.

— А что случилось? — озираясь, спросила Элайн. — О-ой, как голова болит!

— Ничего, пройдет. Пошли. Тут кое-кому надо вас повидать.

Они двинулись по голому черному коридору. Френкель держался позади.

— Тут направо, — указал горгулья.

Миновав множество картонных стопок, они прошли в открытую дверь, за которой размещалось какое-то громоздкое оборудование. Потом был просторный зал, где с десятков Френкелей сидели за пишущими машинками, ожесточенно ударяя по клавишам и морща узкие лбы. Потом еще поворот — и дверь, перед которой всю троицу остановил очередной Френкель с армейской винтовкой наперевес.

— К Старика, — сказал ему «их» Френкель — и тот отступил в сторону.

Они прошли еще в одну комнату, где двое Френкелей сидели за столами у телефонов. Там их снова остановили. Элайн к тому времени вроде бы окончательно очнулась и теперь оглядывалась вокруг с удивлением и опаской. Пока все Френкели сосредоточенно объяснялись друг с другом, Дик успел шепнуть девушке на ухо:

— Они не знают, кто ты... Я сказал, что ты моя кузина, Кларинда Джонс. Подыграй.

Когда двинулись дальше, Элайн посмотрела на Дика и кивнула. Еще одна комната, даже не комната, а целый зал, оклеенный чем-то очень похожим на увеличенные планы этажей. Тут и там стояли столы, за которыми тихо работали Френкели. А в середине, за столом с телеэкраном, сидел тот, кого, по-видимому, и звали Стариком.

Когда они приблизились, он поднял голову, и Дик невольно затаил дыхание. Старик тоже оказался Френкелем — но Френкелем, лет на двадцать состарившимся. Тяжеловесный, седой, как-то по-особенному уродливый. Но в лице старой горгульи было и нечто вроде достоинства. Старик без особого интереса их оглядел, а потом опять принялся бубнить что-то в микрофон.

Наконец он снова поднял взгляд.

— Ну что?

— Вот те двое, которых мы нашли в аптеке, миста.

У Дика опять замерло в груди. Услышать, как один срак обращается к другому как к «мистеру»... даже после всего того, что он здесь увидел...

Да, здесь, судя по всему, зарываясь как кроты в подземные секции Орлана, Френкели создали свой собственный мир. Подобно всем остальным слугам в Орлане, в возрасте лет сорока или раньше Френкели должны были подвергаться «ротации». Теоретически передаваться другим учреждениям. А на самом деле — просто уничтожаться. Но вот перед Диком сидел Френкель, который по меньшей мере лет на десять пережил свою «ротацию», а вокруг него сновали другие — те, что явно годами не поднимались наверх. Добавочных Френкелей скорее всего дwoячили для какой-то особой работы, а потом, вместо того чтобы уничтожать, тайком выводили сюда. Вниз. А сколько это уже продолжалось, Дик мог только догадываться.

Из динамика телеэкрана послышался какой-то краткий треск. Старик взглянул на экран, затем сказал в микрофон:

— Еще раз Второй уровень. — Голубоватый свет с экрана замерцал. Тогда Старик продолжил: — Направьте тяжелую технику по Овальному Коридору. — Еще какое-то время он вглядывался в экран, затем переключил внимание на Элайн с Диком и спросил: — Где еще, кроме Орлана, Мелькер планировал переворот?

— Не знаю, — осмотрительно ответил Дик. — Заговорщикам, может, что-то и было известно. Но только не мне. — Отвечал он нейтральным тоном. Говорить со Стариком как с равным он не мог, но и выступать с излишней резкостью тоже было ни к чему.

— Так, — сказал Старик. — Солгать я вам позволю только однажды. Больше не пытайтесь. — Тут он снова переключился на телеэкран. — Первый уровень. — Из динамика донесся невнятный рев.

Вскоре Старик опять поднял взгляд на Дика.

— Где еще, кроме Орлана, Мелькер планировал переворот?

Дик почувствовал, что на лбу у него крупными каплями выступает пот. Да, это срак. Но в нем определенно есть что-то... что-то угрожающее. Сам того не желая, Дик ответил чистую правду:

— У Мелькера были связи в Индианс-Спрингсе, Монт-Бланке и где-то еще. Люди, в поддержке которых он не сомневался. Но реального переворота он больше нигде не планировал. Только здесь. Просто не считал необходимым.

Наступило молчание. Расстроенный, Дик упирался взглядом в заднюю стенку телеэкрана. Что же там такое происходит?

Наконец Старик задал еще вопрос:

— Известен ли вам еще кто-нибудь, кому удалось спастись? — Дик молча помотал головой. Потом сказал: — Я видел мертвого Мелькера... и Оливера... и еще многих.

— Где?

— По телеэкрану. Сам я, конечно, там не был. — Потом Дик помялся и добавил: — В боях я вообще не участвовал... А как только смог, смылся.

Из динамика донеслось эхо сильнейшего взрыва. Дик внутренне собрался, крепче сжал талию Элайн, но ничего не произошло — слишком глубоко они забрались.

— Вам известно, в чем был изъян плана?

— Нет, — покачал головой Дик. — Скорее всего кто-то донес Вождю. Это мог сделать кто угодно и когда угодно. Мы этого ждали.

— Как нестати, — бесстрастно заметил Старик. — У нас тоже был план. Мы готовились ударить как раз во время свадьбы. — Он перевел взгляд на Элайн. — Вашей, кстати говоря, свадьбы, мисс Элайн.

Дик застыл ни жив ни мертв. Да и сказать ему, собственно, было нечего. Ну конечно же Старик ее знает... ведь он достаточно стар. Ему уже, наверное, лет двадцать стукнуло, когда жива была последняя Элайн.

Элайн быстро-быстро дышала через полуоткрытые губы. Несколько прядок ее прекрасных волос касались щеки Дика, а тот следил за внимательным лицом Старика и лихорадочно размышлял над смыслом сказанного. Одновременно он прислушивался к невнятным звукам из динамика и пытался как-то их истолковать. А кроме всего прочего, от близости Элайн у несчастного влюбленного непрерывно кружилась голова.

Тут к столу подошел «их» Френкель, показал Старику листок и что-то прошептал на ухо. Старик что-то кратко ответил, и Френкель удалился.

Из динамика прогремел еще один взрыв. На лице Старика выразилось что-то такое, чего Дик понять не сумел.

— А так, — продолжил наконец Старик, — пришлось ударить раньше времени. Главной нашей проблемой, сами понимаете, были коммуникации. Кроме того, Мелькер мог рассчитывать на какую-то поддержку извне, а мы нет. — В речи Старика была странная убедительность. К тому же он все время переводил взгляд с Дика на Элайн и обратно, словно желая увериться, что его слова восприняты. — Перемена времени выступления сильно повредила нашим планам. И все-таки в Орлане мы, кажется, взяли верх... — Он кивнул в сторону телеэкрана. — Там, в арсенале над Розовым Двориком, был последний очаг сопротивления. Мы только что его подавили.

И Дик, и Элайн, словно проглотив языки, обалдело смотрели на Старика.

— Вы взяли Орлан? — сумел наконец выдать из себя Дик. Невероятно, чудовищно.

Старик медленно кивнул.

— В Орлане больше трехсот рабов на каждого свободного, — напомнил он. — Стоило только протянуть руку.

— Вам никогда его не удержать, — заявил Дик.

Старик покачал большой головой.

— Боюсь, вы можете оказаться правы. Об этом-то я и хотел с вами поговорить. — Сказав несколько слов в микрофон, он положил его и встал из-за стола. Потом тактично взял Дика и Элайн под руки и повел их к двери. Позади них пристроились трое бдительных Френкелей.

— Поговорим в Главном Зале, — сказал Старик.

— А кто останется здесь?

— Один из моих двойников. Удвоивание, знаете ли, порой предоставляет большие возможности.

Они направились вдаль по голым коридорам — по маршрутам, что, похоже, не так давно были проложены среди джунглей всевозможных кладовок. Наконец добрались до лифта.

Все верхние коридоры оказались почти безлюдны. Тут и там небольшими группками толпились сраки — большинство носили белые нарукавные повязки. Хватало и солдат в форме с сорванными знаками различий. Повсюду бросались в глаза следы битвы — груды мусора, завалы, рваная одежда. Время от вре-

мени попадался распластанный труп. Однажды из поперечного коридора Дик услышал отдаленный выстрел.

Старик и трое Френкелей взглянули в ту сторону, но ничего не сказали.

В главном коридоре они наткнулись на слугу с метлой и груженной мусорной тачкой — скрюченного полубезумного типа лет пятидесяти, а то и больше. Раньше на верхних уровнях нечего было и думать такого встретить. Завидев Старика, дряхлый срак бросил метлу и припал к его коленям. Один из Френкелей тут же оттолкнул уборщика. Тот срывающимся голосом что-то забормотал. Дик разобрал только «...дожить до такого дня». По морщинистым щекам старого слуги ручьями бежали слезы.

Старик обронил: «Хорошо. Вот и хорошо» — и двинулся дальше. Когда метров на десять отошли, он заметил Дику:

— Некоторые из них очень долго этого ждали. Прямо на глазах у этого старика ротировали его жену. А двух его сыновей Вождь сбросил в Башню.

Потом они стали подниматься по узкой лесенке, что вела к застекленному балкону над Главным Залом. Снаружи Дик сотни раз видел этот балкон, но внутри никогда не бывал. На двери стояла личная печать Вождя. Но теперь дверь была взломана, чуть ли не сорвана с петель, а поверх печати кто-то мелом нацертил кривой красный крест.

Когда вышли на балкон, Старик предложил всем сесть. Сквозь стеклянную стену видна была вся широкая Арена. Откуда-то сверху падал холодный голубоватый свет, а каждый уровень отмечали яркие черви люминитов. Безбрежный мозаичный пол пустовал — как в те часы, когда Арену готовили к театральным или цирковым представлениям. Сидели они теперь в личной ложе Вождя.

На другой стороне Арены по лестницам и балконам методично двигались немногочисленные фигуры. Останавливаясь перед каждой дверью, они входили, ненадолго исчезали и появлялись снова. Тотальный обыск на предмет беглецов и оружия, сообразил Дик. Только после этой полной проверки победители смогут открыто взять власть в свои руки.

Произошло то, чего все молча боялись последние пятьдесят лет, — восстание рабов. Вот оно. Все-таки произошло. Дик глазам своим не верил, глядя на пустынную Арену, что совсем

недавно сверкала красками и бурлила жизнью. Что же до Бакхила... но нет. Об этом лучше пока вообще не думать.

Старик тем временем неторопливо начал:

— Я хотел поговорить с вами двоими наедине. — Трое Френкелей тут же встали и молча вышли. — И вот почему. Вам понятны главные наши проблемы. Не многие о них знают.

— А что такое? — спросил Дик.

Под рукой у Старика стоял телеэкран, время от времени выдавая какую-то невнятную картинку, но Старик туда не смотрел. Он пристально вглядывался в Дика и Элайн.

— Прежде всего, как жить в этом мире после нашей победы, — сказал он. — Мало просто взять Орлан. Ведь теперь нам предстоит им править. Чего нам хотелось? Перестать быть рабами. И что теперь? Что нам теперь делать? Самим стать господами, а рабами сделать наших бывших господ?

Дик невольно побагровел от гнева.

— Ничего, я понимаю, — тут же отреагировал Старик. — Но поймите и вы меня. У большинства моих людей дальше сегодняшнего дня мысли вообще не заходили. Да, мы можем сделать рабами свободных. Но ведь это ничего не решит. Получится та же самая система, только еще хуже. Потому что господа мы никудашные, а они — рабы совсем негодные.

Звучало довольно разумно.

— Ну, и что тогда? — поинтересовался Дик и почувствовал, как сидящая рядом Элайн подалась вперед и внимательно вслушивается. Девушка подала ему руку, и Дик сжал ее ладонь.

— Первым делом, — начал Старик, — следует покончить с несправедливостью рабства. Это самое главное. Если мы с этим не справимся, мы проиграли.

Дик пожал плечами.

— Так какой выбор у нас тогда остается? — спросил сам себя Старик и начал загибать пальцы. — Первое. Мы можем вышвырнуть отсюда всех свободных и начать жить сами по себе. Но такое положение вряд ли будет устойчивым — особенно если сложится только здесь. Свободные люди всего остального мира непременно захотят вернуть себе Орлан. Или вообще его уничтожить. Они не поколеблются это сделать, если мы избавимся от свободных. А так — может, и поколеблются. Значит, второе. В свое время мы очень серьезно обсуж-

дали этот план. Теперь, когда в наших руках оказалось Гамно, мы можем надеть тысячи, сотни тысяч таких вот примерно сундучков... — Старик отмерил ладонью полметра от пола. — А в каждом будет пара Гамна и набор упротов, содержащий предметы первой необходимости для выживания. Оружие, амуниция. Вода, конечно. Основные продукты. Лекарства. Инструменты, электронное оборудование. Каждое Гамно будет, разумеется, снабжено прерывателем и ингибитором — так, чтобы любой имел возможность надеть новых упротов того, что ему желательно двоячить. Потом эти сундучки можно снабдить парашютами, погрузить в самолеты и разбросать где ни попадя. Многие из них, естественно, будут уничтожены или попадут в руки господ. Но все же любой раб, имея такой сундучок, получает возможность сделаться свободным.

Старик откинулся на спинку стула.

— Мы пришли к выводу, что проделать такое вполне в наших силах. А когда процесс начнется, никто из господ уже не сможет его остановить. Мы даже могли бы этот процесс автоматизировать. Установить где-нибудь в горах — там, куда не очень-то доберешься, — большое-большое Гамно и запустить его в автоматическом режиме. Чтоб шлепало сундучки и пускало их по ветру.

Тут Старик взял передышку.

А Диду ясно представилась вся картина. Да, ничего не скажешь. Придумано умно и жестоко. И Старик, пожалуй, прав — такой процесс уже ничто в мире не остановит.

— Но мы и это отвергли, — продолжил Старик. — И вот почему. Если вы изучали историю, то должны знать: вся череда несправедливостей, вся мясорубка первых двадцати лет после Переворота начались именно с подобного плана. Кто-то — теперь уже не узнать кто — распространил Гамно через систему тогдашней государственной почты. И что? Если один человек воспользуется всеобщей анархией, чтобы набрать себе армию рабов, то у вас нет против него другой защиты, кроме как и себе набрать такую же армию. Тогда мы решили: если последовать этому плану, то все пойдет по старому сценарию. Теперешние большие рабовладельческие дома, конечно, падут (что, с нашей точки зрения, было бы желательно) — но при этом опять возникнет все та же всеобщая анархия. А значит,

неизбежно настанет время новой мясорубки. Вначале войн мелких. Потом войн крупных. И все закрутится по новой — пока не установится новый подлый мир с новым соотношением господ и рабов. А ведь, как я уже сказал, наша главная задача — покончить с несправедливостью рабства. Такова наша цель. Мы хотим увидеть время, когда никто и нигде не будет никому рабом. Итак, мы не можем выкинуть наших бывших господ и не можем позволить себе сорить Гамном как попало. Что же остается? — Старик загнул третий палец. — Остается только одно. Мы должны научиться мирно уживаться друг с другом. Всем нам необходимо обращаться с другим как с равным — всем без исключения. Все должны уважать друг друга — и бывшие господа, и бывшие рабы.

Дик постарался сохранить бесстрастное лицо, но отвращение и презрение, наверное, все же там выразились. Тогда Старик сказал:

— Вы уверены, что такого не будет никогда. Но почему? Разве между рабом и свободным есть какая-то существенная разница?

— Еще какая, — ответил Дик.

— Тогда как насчет сидящей рядом с вами дамы? Рабыня она или свободная?

— Она свободная, — хрипло ответил Дик. — Она была замужем за Вождем, а значит... — Тут он в смущении замялся.

Элайн сильнее сжала его ладонь.

— Дик, но ведь это неправда!

Бедняжка подумала, что он имел в виду Оливера, догадался Дик. Она ведь до сих пор верит, что она и есть настоящая Элайн.

— Я понял, — сказал Старик. — Вы имеете в виду, что у нее свободный статус. Верно. Но верно и то, что ее покупали и продавали, что рабами были ее отец и мать. И наконец, она двойка. Так как же то, что согласно вашему образу мыслей двойка неизбежно должен быть рабом?

Дик бросил мгновенный взгляд на Элайн. Изумленная девушка явно ничего не понимала. Слез пока нет, но вот-вот польются ручьем. Тогда Дик в негодовании снова повернулся к Старiku.

— Тут совсем другой случай, — отрезал он. — Тогда все было по-другому — еще ничего не установилось.

— А теперь что же, все установилось? — спросил Старик. — Ну ладно. Тогда предположим вот что. Допустим, пока вы спали, я доставил вас в Зал Гамна и удвоил. Могло такое быть? По-моему, запросто. Дальше допустим: ваше настоящее тело я уничтожил. Короче, убил первоначального Дика Джонса и оставил в живых его двояк. А теперь так... Ну-ка посмотрите мне в глаза и скажите: можете вы, покопавшись в себе, как-то узнать, сделал я это или нет?

И суровое лицо Старика обратилось к Дику. А тому вдруг все показалось более чем вероятным.

Холодный пот крупными каплями выступил у него на лбу, а голова страшно закружилась. Может, он и правда двояк, но сам того не знает? Дик обшарил свою память, проверил физические ощущения. Вроде бы все как всегда. Но что толку? Прекрасно известно, что двояки никак не чувствуют своего отличия от оригиналов, пока им об этом не скажут.

— Скоро я отвечу вам, так это или нет, — сказал Старик. — Но не теперь. Я хочу, чтобы теперь вы хорошенько поразмыслили.

— Если вы... если вы... — срывающимся голосом начал Дик.

— Если я это сделал, что изменилось? Вот об этом-то, мне кажется, вам и следует поразмыслить. — Потом Старик встал и неспешно вышел из комнаты. Когда дверь открылась, Дик заметил стоящего на страже Френкеля.

Затем Дик сгорбился, уперев подбородок в сжатые кулаки, и принялся лихорадочно размышлять.

— Дик, — вымолвила девушка и тронула его за плечо.

Тогда он встал и отошел в сторону.

— Пожалуйста, оставь меня ненадолго в покое. — Вскоре Дик услышал, как Элайн в тягостном молчании удаляется. Ладно, еще будет время извиниться. А теперь надо подумать.

Внизу, в пучине громадного Главного Зала, появилось несколько фигурок. Лиц отсюда было не разглядеть, но, судя по одежде, это вполне могла быть самая обычная фланирующая компания — не будь их так мало и не двигайся они столь нерешительно.

Вскоре их стало больше — некоторые скапливались в небольшие группки и затевали беседы, другие просто блуждали. Меж ними с различными поручениями сновали Френкели и другие сраки. Когда порученцу оставалось слишком мало мес-

та для прохода, свободные первыми отходили в сторону, словно боясь заразиться.

Итак, допустим, он и вправду двояк... Значит, он раб или какая-нибудь жуткая помесь, квазираб. Н-да, одно дело — влюбиться в двоячку. Совсем другое — представить себе, что ты сам двояк.

Так какая же разница? Ха, еще какая! Разница между свободой и рабством. Разница между всем хорошим, порядочным и достойным — и всем скотским, неряшливым и нестоящим. Если он по-прежнему Дик Джонс из Бакхилла, то это само по себе уже почти все для него значит. Тогда, как бы скверно ни обернулось дело, он остается человеком, способным лично принимать решения. Человеком, у которого есть имя и место, за которое стоит драться.

Он должен, во что бы то ни стало должен выяснить... Но как? Допустим, Старик вернется и скажет: «Я тебе солгал». Или: «Я сказал тебе правду». Ведь он в любом случае может солгать, а Дик у опять останутся одни догадки.

От тягостных мыслей Дик даже передернулся. А внизу, в Главном Зале, с мучительной, сводящей с ума неспешностью двигались немногие фигуры в ярких нарядах. Весь мир вдруг сделался ненавистен Дик у — краски потускнели, а время, казалось, тянется как резина.

Так, а что же, интересно, двигало Стариком? Ему ведь что-то нужно? Иначе зачем было беспокоиться? Если ему требовался рычаг для манипуляции Диком, то тогда он вполне мог его удвоить. Хотя зачем? Зачем, раз он и так мог сказать, что уже все провернул? Дик воспрял было духом, но тут же снова расстроился. А если предположить, что Старик рассчитывает впоследствии представить какое-то доказательство своей проделки?..

Ну ладно. Вспомним, что же он в точности сказал. «Дальше допустим, ваше настоящее тело я уничтожил...» Он еще это подчеркнул. А потом: «Можете вы, покопавшись в себе, как-то узнать, сделал я это или нет?»

Нет, конечно же не может. Проклятье. Не может двояк это узнать!

А потом, перед самым уходом, Старик еще сказал: «Если я это сделал, что изменилось?» Что изменилось?..

Предположим, он и вправду двояк. Дик впитывал в себя эту мысль с нерешительной напряженностью человека, приближа-

ющегося к краю пропасти. Но если никто этого не знает, не может доказать или даже обвинить его в этом... Короче, если в глазах окружающих он свободный человек... то тогда он фактически и есть свободный человек.

В недоумении Дик потряс головой. Несмотря на полную парадоксальность, рассуждения выглядели совершенно разумными. Вот он, новый взгляд на положение вещей, который почему-то всегда от него ускользал. Почему ускользал? Уже об одном этом стоило задуматься.

Орлан сделал Дика убежденным реалистом. Он верил фактам и мог в зависимости от них менять свою точку зрения. А каковы эти факты, особого значения не имело. Только так можно было здесь выжить и остаться в здравом уме. Конечно, такой путь был тяжел и требовал определенных жертв (Дик уже успел потерять многое из того, что раньше глубоко ценил и уважал) — но другого попросту не существовало.

Итак, если вся разница между рабом и свободным оказалась лишь делом произвольного решения, то... то весь мир Дика закачался в самых своих основаниях.

Он задумчиво взглянул на двух гномоподобных Френкелей, которые как раз пробирались через Главный Зал. Необразованные и узколобые, туповатые и вульгарные — типичный образец низшего домашнего срака. Но ведь Френкелем был и сам Старик, — Френкелем, дожившим до зрелого возраста и в результате самобразования развившимся в личность необычайной глубины и силы. Если из подобного материала получают такие личности, то тогда и впрямь никакой существенной разницы между рабом и свободным нет. Как нет и причины, по которой Френкель не может стать свободным, а свободный — слугой.

Интересно, что сейчас происходит на Променаде, во дворах и на площадях? О чем сейчас думают люди — сейчас, когда Орлан оказался в руках рабов? Какие высказываются планы и суждения? Кто остался в живых, а кто нет? Вообще, как там сейчас? Дика охватил нетерпеливый порыв — любым способом надо оказаться там. Надо что-то решать, что-то делать.

Да, и еще. Старик знает, кто такая Элайн, и наверняка рассчитывает использовать ее в неких политических целях. Очевидно, что ко всему этому как-то должен быть причастен и Дик. Он должен будет сыграть какую-то роль, причем роль важную, иначе Старик не стал бы с такими муками добиваться от него

перемены образа мыслей... Сердце учащенно забилося. Кажется, картина стала вырисовываться.

Вскоре дверь снова отворилась, и из-за нее выросла знакомая тяжеловесная фигура. Старик помедлил и что-то сказал стоявшим у дверей Френкелям. Потом дверь за ним закрылась. Старик подошел и сел рядом с Диком.

— Ну как, подумали? — спросил он.

— Да, — кивнул Дик.

— И что?

— Сначала хотелось бы вас послушать, — сказал Дик.

Старик откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Как вы помните, я сказал, что единственный выход для нас — научиться мирно жить в этом мире и обращаться с другим как с равным. Теперь я повторяю: это единственный выход для Орлана — причем не только с моральной, но и с практической точки зрения. Иначе нам даже нечего надеяться на выживание. А по большому счету, это единственный выход для всей человеческой расы. Пусть мы проиграем здесь. Все равно где-то еще будет новое восстание рабов. А если потребуются — еще. И еще. И так, пока в конце концов одно из них не победит.

— Не знаю, не знаю, — отозвался Дик. — По-моему, целое столетие все было в порядке.

— В каком порядке? — сурово возразил Старик. — Разве теперь вы не видите, в каком все было порядке? Вот в чем вся суть: рабовладельческая система неизбежно рушится, сменяясь свободной. А свободная система, имеющая толковые установления, никогда не скатится обратно к рабству. Она будет достаточно крепка. А ведь вам, если смотреть отвлеченно, близко и понятно желание чего-то устойчивого. Того, что останется всерьез и надолго.

Дик усмехнулся:

— Ну, разве что если смотреть отвлеченно.

— Вот-вот. А если чуть ближе к предмету, согласны ли вы со мной в том, что смешанное общество сможет быть устойчивым, сможет сложиться здесь, в Орлане?

Дик немного поколебался:

— Пожалуй, да.

— Но ведь это должно означать, что бывшие господа будут работать бок о бок и делить обязанности с бывшими рабами?

— Да.

— А вы лично смогли бы такое вынести?

— Вряд ли.

— Но при определенных обстоятельствах вы бы на это пошли?

Тут они обменялись взглядами. Наконец Дик сказал:

— Пожалуйста, объясните толком, что вы имеете в виду.

— Вы с мисс Элайн поженитесь, — ответил Старик. — По-моему, для вас обоих это, мягко говоря, жертвой не станет. — Дик взглянул на девушку — та улыбнулась, покраснела и потупила взгляд. — Далее. Учитывая ваши брачные узы, некоторым горячим головам будет затруднительно организовать против Орлана карательную операцию. А то, что она двоячка, сделает ее желанной для моих людей. По-моему, идеальный союз на общее благо. Вы взяли бы на себя функции главы внутреннего правящего комитета, представляли бы нас на переговорах с главами других домов... ну и так далее.

Дик едва сдерживал возбуждение.

— А вы... вы останетесь в тени?

— На какое-то время. А потом мы проведем выборы, и если вам потребуется другой пост, нежели тот, какой я вам предлагаю, вы сможете его добиваться. Но абсолютной власти не будет ни у кого. — Потом Старик добавил: — Могу, впрочем, обещать, что у вас будет такая власть, какой при прежнем режиме вы бы никогда не добились.

Дик медленно кивнул.

— Так вы согласны?

— Позвольте мне посоветоваться с моим отцом в Бакхилле, — после некоторого раздумья ответил Дик.

— А тогда что?

— Если он будет не против, то и я согласен.

Старик кивнул. Потом встал, прошел к двери и что-то передал стоявшим на страже Френкелям.

— Потребуется некоторое время, — сказал он затем. — Придется дозваниваться до Бакхиллы. Кроме того, нам, конечно, хотелось бы все проконтролировать. Когда будет готово, я распоряжусь, чтобы принесли экран, — добавил он и вышел.

Наступило молчание.

— Дик, — вымолвила наконец Элайн, — а когда он сказал, что я... что я двоячка... Скажи, Дик, это правда?

— Правда. Сейчас 2149 год. Оливер — правнук того человека, который тебя удвоичил, — Таддеуша Кроуфорда, первого Вождя Орлана.

Девушка посмотрела в окно. Лицо ее было спокойно, а руки аккуратно сложены на коленях.

— Кажется, я и сама догадывалась, — сказала она. — Только не хотела себе в этом признаться. Я совсем не чувствую себя двоячкой... вот странно...

— Я знаю, — отозвался Дик. — Тут никакой разницы.

— Правда? — Девушка повернулась и посмотрела ему в лицо. Щеки ее залились румянцем, глаза разгорелись. — А тебе... тебе тоже никакой разницы.

— Никакой, — солгал Дик и тут же понял, что сказал чистую правду.

Потом он придвинулся к Элайн и крепко обнял ее. На прозрачной шейке девушки пульсировала тонкая жилка. Из-под завесы бледных ресниц на Дика с любовью смотрели зеленые глаза. Странная. Какая странная и красивая.

Они поцеловались. Теплая и расслабленная, Элайн покоилась в его объятиях. Немного погодя она чуть подалась назад и прошептала:

— Дик, ты правда хочешь на мне жениться?

Глава 19

Что, в конце концов, в этом странного?

Дик вспомнил дискуссии о возможности именно такого поворота событий в Философском клубе, в мелькерской подпольной ячейке. Как давно все это было! И как зло посмеялась над ними реальность! Но некоторые из тех старых доводов Дик все еще помнил. Например, что общество, использующее несправедливые методы для подавления части своих членов (хитрость состояла в том, что рабов тоже приходилось причислять к членам общества), само создает силы, которые рано или поздно вырвутся на свободу. А также что общество, где врожденные привилегии ценятся выше способностей, обречено на то, чтобы начисто вытравить эти самые способности у своего правящего класса. Все было логично. Все вело к одному. Так и случилось.

Беги же со стаей.

Коридоры Орлана снова заполнились красками и непрерывным движением. Шуршали платья, потоки людей двигались быстро и тихо. Разговаривали мало, да и то в основном шепотом. В воздухе повисло странное напряжение. Дик все время ловил себя на том, что тщетно к чему-то прислушивается.

Завалы из Главного Променада уже убрали, но никаким ремонтом никто не занимался. Никто не разъезжал на стульчаках, все ходили пешком. Только Френкели изредка проскакивали на мопедах. Никого в форме. Повсюду попадались целые толпы бывших слуг. Ходили они теперь с высоко поднятыми головами и такими выражениями лиц, что заглядывать им в глаза не хотелось. Некоторые уже успели переодеться в господские наряды. Дикое ощущение. Сначала замечаешь одежду — а потом, с ужасом, совсем не то лицо. Все оружие, похоже, изъяли. Вооружены были теперь только Френкели. Но Дик все же время от времени попадался бывший слуга, вооруженный долбаком или револьвером. Френкели пока что предпочитали не вмешиваться.

Связь с Бакхиллом вызвала какие-то трудности, а предварительные переговоры тем временем начались. Дик и Элайн уже присутствовали на встрече с предполагаемыми членами правящего комитета Старика. Теперь же они направлялись на репетицию назначенной на послезавтра брачной церемонии.

Идущая бок о бок с Диком Элайн вся светилась какой-то неземной красотой в платье зеленого шелка, удвоенного из упрота, что пролежал нетронутым добрых лет двадцать. Глаза девушки блестели, а на щеках пылал румянец. Дик чувствовал тепло ее руки у себя на локте и ее едва ли не лихорадочное возбуждение. По обе стороны от них, устремив вперед бдительные взгляды, шагали вооруженные Френкели. Лица горгулий были недвижны и полны какого-то нового достоинства.

Все приходило в норму даже быстрее, чем можно было предположить. Ранее, когда труп Вождя вытаскивали из его логова, возникли небольшие беспорядки — некоторые из бывших рабов попытались, подобно диким зверям, накинуться на мертвое тело, и Френкелям пришлось поскорее оттащить его подальше.

Ничего, они еще научатся. Даже в обществе без рабов должны быть старшие и подчиненные.

Дик с неприязнью и тревогой смотрел, как много рабов — бывших рабов — шляется в пестрых толпах. Казалось, все больше и больше их вылезает из своих дыр — все безмолвные, с горящими злобными глазами. В берлогах под Орланом их, должно быть, совсем не осталось. Никогда Дику не приходилось видеть столько рабов сразу.

Толпа впереди как-то странно завихрялась. Всех словно потянуло к какому-то месту у стены, а потом все вдруг закончилось, и поток двинулся дальше.

Когда они проходили мимо того места, Дик заметил у стены бледного и ошалелого молодого человека. По щеке у него стекала кровь. Дик узнал парня. Это был один из костоломов Рандольфа — человек, известный своей особой жестокостью в обращении с рабами. Никто не подходил и не заговаривал с ним — толпа молча текла мимо.

Плохо дело, подумал Дик, а сердце его вдруг глухо заколотилось. Вот в чем единственная настоящая угроза: нельзя, чтобы толпа вышла из-под контроля...

Ему вдруг не к месту припомнилась яркая картина. Двое садовых сраков стоят над поваленным деревом. Веет утренней прохладой, а их топоры размеренно сверкают один за другим: р-раз... р-раз... р-раз... р-раз...

— Что там было? — тревожно спросила Элайн, крепче прижавшись к Дику.

— Ничего. Главное — не волнуйся.

Дик держался настороже, но пока больше ничего не происходило. Толпа спокойно текла дальше. Теперь они проходили мимо входа в Малый Золотой Коридор — мимо того самого места, где у Дика случилась его первая драка в Орлане. Он с любопытством туда заглянул, словно ожидая увидеть спешащего навстречу Кила. Но Коридор пустовал, и некому было склониться над неслышным потоком.

На черно-белом мозаичном полу Главной Развилки, как всегда, творилась неразбериха — люди скапливались в центре, старательно уворачиваясь друг от друга. Под многосводчатым потолком особенно гулко звучали голоса. Толпа была теперь густой как никогда. И кого там только не было. Техасцы в белых шляпах, индусы в тюрбанах, а вот чье-то кепи. И рабы,

рабы, рабы — рабы везде и повсюду. В самом центре получилась такая давка, что люди уже просто не двигались. Шум все нарастал. Доносились невнятные голоса.

Дик заметил, как двое Френкелей переглянулись. Тогда он на всякий случай убрал со своего локтя руку Элайн и обнял девушку за талию.

— Дик, ну что же случилось?

Он не ответил. Толпа с одного бока становилась все гуще и гуще. И вдруг ошеломляюще громко прогремел выстрел — гулкое эхо заметалось под потолком. Дик заметил, как из самой гущи толпы поднимается вверх струйка дыма. Потом послышался глухой рокот — и толпа, казалось, еще уплотнилась. Раздавались какие-то крики, но Дик не мог разобрать слов. Какой-то Френкель, не из их эскорта, попытался пробиться к эпицентру беспорядков, но толпа оказалась слишком плотна. И еще сгушалась.

Двое Френкелей-телохранителей снова молча переглянулись. Один ткнул большим пальцем в сторону ближайшего поперечно-го коридора. Другой кивнул. Тогда они без лишних слов подхватили Дика и Элайн под руки и бросились к тому коридору. А рев позади все нарастал.

По коридору бежало множество людей. Все они направлялись к Главной Развилке, и большинство составляли рабы. Многие бросали косые взгляды на компанию Дика, кое-кто даже пытался приостановиться. Но поток был слишком бурным — и их увлекало дальше. Вдалеке глухо зарокотал мегафон. Его невнятные вопли только усилили общий гвалт.

На следующем перекрестке они свернули к Ювелирным Рядам. Тут Дик сообразил, что Френкели ведут их по кратчайшему маршруту к временной резиденции Старика у Арены. Если удастся пересечь саму Арену, Элайн окажется в безопасности.

Толпа понемногу редела. Вопли, доносившиеся от Развилки, стали уже еле слышными. Все встроенные в стены мастерские Ювелирных Рядов пустовали. Витрина одной из них оказалась недавно разбита, и осколки стекла засыпали весь тротуар.

Побледневшая Элайн молча старалась держаться поближе к Дикю. Теперь она поняла, что происходит, но в панику не ударилась. «Только бы с ней ничего не случилось, — твердил себе Дик. — Это главное».

Впереди послышалось прерывистое гроыхание — кто-то явно что-то катил. Пробежав еще немного, они увидели, как

невысокий слуга в сером балахоне катит по коридору тяжелый бак. На небольшой площади у Фонтана Фоли раб остановился и с громадным трудом поставил свой бак на попа. До него оставалось уже совсем немного. Слуга тем временем сорвал крышку и швырнул ее на пол. Потом погрузил руку в бак и вынул ее черной по локоть.

Оказавшись совсем рядом, Дик взгляделся в лицо раба. Серое морщинистое лицо — отчего-то смутно знакомое. Маленькие глазки так и пышут злобой. Слуга стоял и держал свою черную руку ладонью вверх. Дождавшись, когда рядом с ним оказался благородный мужчина в оранжевых шелках с кружевами, бывший раб размахнулся и от души приложился господину по физиономии. Послышался звучный шлепок. Мужчина с заляпанным лицом отпрянул. Дик не знал этого человека. Просто осанистый седовласый мужчина годам к шестидесяти. Ничего не понимая, седовласый смотрел на раба. Тот сначала широко ухмыльнулся, а потом оглушительно расхохотался.

Седовласый медленно отнял руку от щеки и взглянул на нее — оранжевая перчатка была заляпана черным. Тогда, издав какой-то сдавленный звук, бывший господин потянулся к долбаку, но того уже не было на поясе. Раб еще раз ухмыльнулся и стал ждать дальше.

Дик был совсем рядом и прекрасно все видел: и вспышку гнева седовласого, и сморщенные в подлой ухмылке серые щеки раба. Все вокруг, в основном рабы, тоже с безмолвным вниманием наблюдали за сценой.

Седовласый сжал кулаки. Потом разжал. Наконец, бледный как смерть, повернулся и побрел прочь.

— Йа-хааа! — хрипло выкрикнул раб. Лица других его собратьев зажглись лихорадочным румянцем. Послышалось глухое бормотание и всплески удивленного смеха.

Хмурые Френкели старательно обводили Дика и Элайн вокруг скапливающейся толпы. А зеваки все прибывали. Гул болтовни нарастал. Дик заметил, как старый слуга снова подскочил к своему баку и сунул туда руку. Когда вытащил, с пальцев капало. А другие рабы тем временем подталкивали к нему слабо протестующую благородную даму в лиловом. Коротышка как бы нехотя повернулся и вlepил даме в физиономию целую горсть дерьма.

Потом толпа сомкнулась, и Дик уже ничего не увидел.

Глава 20

Многие часы в коридорах Орлана бушевали неистовые толпы. Казалось невероятным, но, раз начавшись, страшное действие продолжалось уже без всякого перерыва. Поначалу Френкели пытались совладать с толпой, пытались увещевать ее через мегафоны. Потом расставили кордоны по всем главным коридорам. Толпа с легкостью смела кордоны, а заодно прикончила нескольких Френкелей. Остальные стражи старались теперь держаться подале — на балконах, других местах с хорошим обзором — и просто наблюдали. А толпа ревела и рокотала, жуткий, какой-то нечеловеческий звук — звериный рык с тонким привкусом истерии — рвущий душу и терзающий барабанные перепонки.

Не насытившись издевательствами и убийствами бывших господ в коридорах, толпа принялась взламывать двери личных покоев, и на какое-то время к непрерывному реву стал примешиваться грохот кувалд. Коридоры наполовину пустели, когда толпы начинали роиться у только что взломанной двери, а потом, минут через десять — двадцать беспощадного разбоя, все снова высыпали в коридор и неслись дальше, пока то же самое не повторялось у очередной двери.

Ближе к полуночи Страже Гамна пришлось выдержать в Нижнем Мезанине тяжелый бой с использованием гранат, минометов и легкого стрелкового оружия. Потом кому-то удалось взорвать над ними полпотолка Мезанина — так, что содрогнулся весь Орлан. А вскоре многие рабы стали шастать по коридорам с отгамнированным оружием. Но к тому времени достойных жестокой смерти господ уже просто не осталось в живых.

Толпы неслись дальше. Их не насытила бойня, что оставила сотни трупов мужчин, женщин и детей — трупов изуродованных, с вырезанными сердцами и отрубленными конечностями. Вырвавшиеся на свободу рабы обрывали портьеры, разносили в щепы мебель, разбивали лампы и украшения, жгли книги. Пожары вспыхивали один за другим — тут и там в коридор вырывались клубы белого дыма. Френкели бились с огнем с помощью тут же гамнируемых огнетушителей и рукавов. В коридорах вода мешалась с кровью. Пожары гасли, оставляя после себя едкий чад и горы черного пепла. А толпы бушевали с новыми силами.

В окнах не осталось ни одного целого стекла, и холодный горный воздух врывается в двери, что криво болтались на сломанных петлях. Меж спящих по коридорам фигур ветер гонял горы бумаги, трепал одежду на трупах. Многие теперь вооружились топорами, в ход снова пошли кувалды. Огромные полосы металлической обшивки с грохотом падали на пол, а от рушащейся каменной кладки поднимались удушливые облака пыли. Оглушительно трескался мрамор.

В неверном свете мелькали перекошенные лица. Глаза распахнутые и сверкающие. Скалящиеся в ухмылке рты. Нет, не лица — маски злобного торжества, застывшие и похожие одна на другую. Рабы узнавали друг друга уже по общему выражению этой маски — садовник и горничная, лакей и повар, кузнец и сапожник. Все смешались в единый организм толпы — неустанно куда-то стремящейся, одурманенной, ухмыляющейся, что-то хрипящей. Все в пятнах сажи, полуголые, блестящие от пота, окровавленные, рыщущие безумными глазами по сторонам.

Дик слился с толпой. Весь грязный, одетый в лохмотья, сорванные с мертвого раба, он бесновался вместе со всеми. Лица, что то и дело выплывали ему навстречу, были всего лишь отражениями его собственного. Многие часы напролет он бегал и вопил, не замечая, что из сорванного горла теперь вырывается только хриплый шепот.

С самого начала, срывая с трупов одежду для себя и Элайн, Дик понимал, что теперь их может спасти только полная маскировка. Следовало самому стать одним из этой беснующейся толпы, думать как они, чувствовать то же, что и они... Прежде чем их вынесло в коридор, он пытался объяснить Элайн именно это. Но времени было совсем немного. Их сразу же раскидало в разные стороны. И с тех пор он ее не видел.

Порой для жертвы единственный способ выжить — стать одним из охотников. Дик так и сделал. Теперь у него не осталось ни индивидуальности, ни тревоги за свою жизнь, ни чувства отделенности от окружавшей его своры бешеных псов. Образ Элайн лишь смутно присутствовал где-то на задворках его сознания. Дик сделался мечущимся воплем, скачущим пламенем, плещущим жестокостью ненасытным мозгом маньяка.

Помнил он, как скакал по Главной Площади, волоча за длинные черные волосы что-то круглое и непонятное, помнил радостно орущие рты, помнил множество рук, тянущихся вырвать у него

добычу. Потом он, сам не ведая как, очутился в Зале Гамна как раз под бараками Стражи и в свете единственного целого светильника увидел, как кто-то раздает толпе брикеты динамита, но сам предпочел взять валявшийся неподалеку топорик. А потом, опять без всякого внятного перехода, он вдруг оказался в полумиле оттуда, в Оранжерее Элвина, бешено проламывая топориком все сверкающие стеклянные панели, что были там повсюду, радостно впитывая в себя дикий звон и грохот, с наслаждением наблюдая, как осколки стекла впиваются в стволы и ветви деревьев...

Еще видел он, как по этажу с хриплым воплем промчался какой-то мужчина, держа на руках женщину. Со всего налету мужчина бросился на треснувшее стекло Променада, разбил его своим телом — и выпал наружу, во мрак... Топот бегущих ног, дикий вопль — и удар... Топот, вопль, звон стекла... Страшный вопль, удар... Все это бессмысленно отпечаталось в голове у Дика.

Где-то внизу раздался мощный взрыв — пол подпрыгнул, словно по нему стукнули гигантским молотом, — и Дик даже не сумел удержаться на ногах. Потом он встал, ошарашенный и слегка отрезвленный. В лицах окружающих на краткие мгновения тоже появились проблески разума. На сей раз дело было в Новой Галерее, и Дик с недоумением воззрился на свисающие со стен пустые картинные рамы. Потом вся взбаламученная толпа опять оказалась на ногах и на сей раз ринулась в новом направлении — по крутому спуску к площади за Стадионом. Дотопала до самого низа, растеклась по широкой площади и принялась перемещаться с таким же потоком с противоположного спуска, а потом рассыпаться по разным сторонам. Кто рванулся через аркаду в Ювелирный Дворик, кто бросился по тоннелю до пристройки к музею, а остальные посыпались в лабиринт малых коридоров, что в конце площади расходились во всех направлениях. Дик, совсем задыхаясь, остановился в низком темном коридорчике, сплошь засыпанном битым стеклом и рваной бумагой из разгромленных мастерских. Топот ног стремительно затихал вдаль. Наконец он остался один.

От противоположной стены коридора из телебудки с сорванной дверью на него слепо таращился выбитый глаз кинескопа. Повинуясь какому-то наитию, Дик доковылял до автомата и нажал кнопки кода вызова. Динамики тихо загудели. Значит, что-то все-таки работало. Но больше ничем автомат не разродился. Машинально Дик набрал код внешней связи. Отклика не

последовало. И неудивительно. Эти кабинки и не были приспособлены для прямой внешней связи. Только если через Центральную Диспетчерскую. Дик тупо обо всем этом размышлял, с легким удивлением слушая собственное хриплое дыхание и обеими руками упираясь в приборную панель в душной темноте будочки. Теперь, когда он остановил свой безумный бег, тело сразу принялось неметь от усталости. Мокрый от пота, он из последних сил держался на ногах, озираясь в полутьме. Похоже, Центральная всего двумя уровнями ниже. Добраться туда несложно — но стоит ли так рисковать? Сейчас еще очень опасно отделяться от толпы, избавляться от спасительного стадного чувства. И все же такой шанс мог больше и не представиться.

Дик еще немного поколебался, а потом устало выпрямился и тяжело затопал по коридору, нацепляя на лицо тупую звериную маску.

Огромный зал Центральной оказался начисто разгромлен. Почти все расположенные вдоль стен кинескопы были разбиты, а по приборным панелям толпа явно прошла топорами. Детали и соединения изрублены в мелкое крошево, ящички бюро выдернуты, а их содержимое рассыпано по полу, столы и стулья перевернуты. Дик заложил дверь, а потом принялся лихорадочно метаться от одной панели к другой, пытаясь найти хоть одну исправную. Тщетно. Толпа, судя по всему, не раз и не два здесь побывала.

Дик постоял, разочарованно оглядывая расколоченные панели. Потом еще раз медленно обошел весь обширный зал.

В углу у двери возвышалась особенно грандиозная гора хлама — там было рассыпано содержимое сразу двух опрокинутых шкафов. Дик потыкал грудю носком ботинка — под скользкой кашей стекла и картона блеснуло что-то большое и, кажется, неповрежденное. Тогда Дик нагнулся и, к своей великой радости, выудил из кучи хлама переносной телеэкран из тех, что использовались в Орлане для внешней связи. Пятнадцать сантиметров на двадцать, с автономным питанием и антенной. Целехонький — ни царапины. Вот удача!

Дикун удалось снять заднюю крышку, вынуть два переходника со штекерами и присоединить их к клеммам телеэкрана. Время шло. Потом он вернулся к приборным панелям, нашел там два гнезда, помеченные: «ПЕРЕДАЧА» и «ПРИЕМ» — и подключил туда свою находку.

Экран тут же засветился. Оказалось, он был настроен на третий канал, где шел обычный приключенческий фильм. Дик успел заметить, как на человека наслез лев и принялся рвать его в клочья. Тогда Дик быстро переключился на девятый канал.

Экран помигал, потом успокоился и выдал Дику серую табличку с белыми буквами: «ВСЕ КАНАЛЫ ЗАНЯТЫ». Голос диктора произнес:

«Говорит линия связи Скалистых Гор. Все каналы заняты. Пожалуйста, подождите».

Дик в нетерпении ожидал. Поначалу на экране высвечивались все те же белые буквы, а диктор каждые несколько секунд повторял свое сообщение. Но вот наконец экран помигал и выдал другую надпись: «ПОЖАЛУЙСТА, ВАШ ЗВОНОК». Голос диктора произнес:

«Говорит линия связи Скалистых Гор. Пожалуйста, разборчиво назовите требуемый адрес».

— Бакхилл, в холмах Поконо, — быстро ответил Дик. И добавил: — Срочно!

На экране новая надпись: «СПАСИБО». Голос диктора продолжил:

«Спасибо. Сейчас вас соединят. Пожалуйста, подождите».

Прошла минута с лишним. Наконец на экране высветилась надпись: «ЗВОНОК». В углу появился маленький светлый кружок, который то гас, то вспыхивал, то гас, то вспыхивал.

Долгое время спустя экран замигал и прояснился. От него удалялось что-то темное. Наконец на фоне знакомой комнаты Дик увидел высокую фигуру.

— Папа... — начал он.

И тут же осекся. Фигура на экране вовсе не принадлежала его отцу. А поняв это, Дик сразу заметил, что башенная комната разгромлена, со стола сброшены бумаги, окна расколочены... Потом он узнал и фигуру перед экраном. Здоровила по имени Рой, один из садовых сраков. Парень стоял, упираясь в Дика бессмысленными глазами, — а в руке у него был окровавленный тесак.

Толпа текла и текла — бесконечной рекой. Одни в ней по-прежнему горели зверской решимостью, других же взяла усталость, и теперь они просто переставляли ноги — опустошенные, похожие на сомнамбул. И все же людская река текла без

остановки. Да и не оставалось уже во всем Орлане места, где усталые и довольные рабы могли бы присесть и окинуть взглядом свои завоевания. Столы и стулья были разрублены, окна расколочены, разная мелочь разбросана повсюду и раздавлена под ногами, обшивка со стен сорвана. Даже пол местами умудрились разворотить. За каких-то четырнадцать часов Орлан изменился до неузнаваемости: из величественного городского дворца превратился в подобие серого улья из удушливых, заваленных обломками клеток. В Северных Колоннадах пылал уже неуправляемый пожар — и ветер быстро гнал наверх валивший оттуда густой столб серого дыма. Внешние стены были измочалены, не хватало целых секций крыш — и ледяной воздух с воем носился по коридорам. Там, где проводка шла слишком высоко, освещение еще сохранялось, а все остальные коридоры и залы озарял лишь бледно-голубой утренний свет. Попадая из света во тьму, а из тьмы в сумерки, люди недоуменно обращали друг к другу деревянные лица с отвисшими челюстями и мутными глазами. Двигались они теперь только потому, что ничего другого им уже просто не оставалось. А еще их гнало вперед чувство: стоит остановиться — и наступит что-то ужасное.

Время от времени следовали взрывы. Крыша Розового Дворика рухнула и погребла под собой сотни людей. Длинный Коридор обратился в руины. Даже у Башни с одного бока вился дымок. Посверкивали ее золотые чешуйки — плиты ручной работы метр на метр площадью. В такой дали они казались золотой пылью, чье сияние то вспыхивало, то пропадало.

Всю эту панораму Дик наблюдал с балкона над Марсовым Двором. Взрыв сорвал отсюда всю крышу — и булыжная мостовая Двора, его балконы, лестницы, нисходящие уровни теперь открылись небу. Все здесь было погружено в загадочное безмолвие — будто в древнем городе, только что открытом археологами. Холодный ветер завывал над головой, щупая балкон ледяными пальцами. Потрясенный, лишившийся дара речи, Дик стоял здесь и изо всех сил цеплялся за ограду. После того звонка в Бакхилл он уже часами бродил, ничего не чувствуя и ни о чем не задумываясь. А теперь, с этой высоты, он тупо смотрел на расстилающиеся перед ним крыши Орлана. Множество других дворов и площадей тоже лишились крыш, напоминая гнилые зубы; и там под открытым небом Дик видел другие такие

же фигуры. Люди стояли неподвижно и молча вглядывались в разгорающийся рассвет.

Крыши головокругительными скачками обрывались вниз. А под ними расстилалась погруженная в густо-синюю тень гора, где неровная линия фуникулера казалась меловой чертой, торопливо проведенной во мраке. Глубоко на дне пока еще плескалось целое море теней, но Дик уже начинал различать массивное здание аэропорта и истерзанные самолеты на взлетных полосах.

Потом его внимание привлек еще один клуб белого дыма у Башни, и только он обратил туда взгляд, донесся и отголосок взрыва. От золоченого столба отлетело еще несколько чешуек, а все высоченное сооружение стало, казалось, наклоняться. Ветер донес отдаленное скрежетание — будто глухой протест. Сейчас, на рассвете, на фоне бархатно-голубого неба, Башня казалась красивой, как никогда раньше. Она поднималась в небо, словно золотое древо, лишенное ветвей и выеденное изнутри, сияющее обнаженной красотой своих ран, — а могучие опоры, будто корни, впивались в гору.

Тут сбоку у Башни вырвалось еще одно облако белого дыма. Огромное строение заметно дрогнуло — как дерево под ударом топора. Потом Дик ясно различил, что Башня наклоняется.

Ее немыслимый ствол медленно, но неуклонно двигался. Клонился с кошмарной неторопливостью — дальше и дальше, целую вечность, — вырастая на фоне яркого неба и в то же время пригибаясь к земле, а ветер запоздало доносил до Дика скрип и треск. Башня клонилась все ниже и все ближе — так, что Дик уже мог разглядеть чешуйчатый узор ее золотых панелей и тусклый отсвет утреннего солнца на шпиле, — падала все быстрее и быстрее — страх все крепче сжимал Дика в трепещущем ожидании, — все быстрее и быстрее — нет голоса, чтобы крикнуть, — еще быстрее — будто само небо падало на землю, — все больше, будто растущий серп месяца, — а потом Башня ринулась вниз с неизбежностью лавины — и фонтаны серых валунов взлетели из-под ее вырванных корней, — но все это почему-то миновало Дика, и, глядя вниз, он видел, как Башня обращается в золотой хаос, а вокруг нее лениво разлетаются по сторонам обломки крыш. Потом гора под ним вздрогнула. Вздрогнула раз, другой. И все.

В долгой неживой тишине вверх полетело облако оранжево-серой пыли, рассыпаясь по пути на длинные нисходящие полосы. Открытые места среди крыш Орлана стали чернеть от желающих понаблюдать за жуткой картиной. Взрывы прекратились. Лежащий под ногами у Дика Орлан, казалось, затаил дыхание. Пропало и ощущение бешеной круговерти. Люди медленно и устало приходили в себя — каждый в одиночку, застывали под открытым небом и с неописуемым изумлением оглядывались вокруг.

А над хребтом мира уже раскрывало свои величественные крылья золотое солнце. Золотое перетекало в пронзительно алое, алое — в багровое. Под самым куполом ясного неба висели перышки желтоватых облаков. Бледный свет медленно заполнял мир, придавая плоской земле рельеф и округлость.

Глава 21

Спускаясь из дворика в переплетение коридоров, Дик заметил, как сквозь отрешенные толпы целеустремленно пробируются несколько Френкелей, и вдруг понял, что за всю ночь ему ни разу не попались до боли знакомые физиономии горгулий. Видно, и Френкели, подобно ему самому, тоже слились с толпой; и только теперь, когда люди снова начали обретать собственные лица, горгулий уже можно было выделить из остальных.

На углу, где один из малых коридоров выходил в Северный Проход, двое Френкелей складывали к стене тяжелые охалки винтовок. За плечом у каждого висел винчестер 375-го калибра — такое же оружие, как и то, что они с грохотом распаковывали на полу. Дик остановился и стал смотреть, что будет дальше. А дальше Френкели принялись останавливать прохожих, совать каждому в руки винтовку и с каким-то кратким напутствием отталкивать в сторону. Подойдя поближе, Дик подвергся такой же процедуре. Его схватили, сунули в руки ружье и оттолкнули. Тем временем один из Френкелей, будто заезженная пластинка, хрипло твердил:

— Иди к крыше или к окну. В темпе.

Из других коридоров слышались отдаленные крики. Некоторые обладатели ружей в недоумении медлили, другие сразу ухо-

дили. Наконец Френкели раздали последние винтовки, встряхнули пару-другую недоумевающих, повторили приказ и ушли. Медленно, слясь стряхнуть с себя сонное оцепенение, Дик брел тем же путем, которым пришел.

Так, Френкели явно организовывали оборону. Значит, Орлан должен подвергнуться атаке, причем с воздуха. Но ведь для атаки с воздуха Орлан всегда считался неуязвим. И тут Дик, немного встряхнувшись, понял: теперь, когда цитадель лежит в руинах, а самолеты у подножия горы разбиты и лишены живой силы, дело обстоит совсем по-другому.

Оседлавший гору гигант разворочен и изуродован — теперь самое время слететься хищникам.

Пробираясь к балкону над открытым двориком, Дик уже увидел в утреннем небе стройные силуэты с остrokонечными крыльями, что стремительно неслись, подпрыгивая в бурных восходящих потоках. За каждым тянулся яростный огненный хвост. Дик различал и крошечные пузыри кабин, и темные головы пилотов. Странные двухпилотные самолеты неведомой Диду конструкции — что-то вроде модифицированных вертолетов с подвесными ракетными двигателями на хвостах. Мощные ракетные двигатели позволяли маневрировать в потоках ветра над вершиной горы, но все равно самолеты рискованно барахтались в коварных восходящих течениях. Прямо на глазах у Дика один из незваных гостей врезался в склон горы — яркая вспышка, рассыпаясь искрами, неторопливо поплыла вниз. Дик с изумлением наблюдал за маневрами нелепых машин. «Должно быть, в каждой из них стоит Гамно, — размышлял он, — иначе как такой фитюльке использовать подвесную ракетную тягу?» Да и то на подобные фокусы вряд ли отважился бы даже сам Вождь — наверное, отчаянная ситуация требовала отчаянных решений...

Тут Дик вдруг понял, что слева от него уже ведется ружейный огонь. Тогда он обернулся и заметил расположившуюся на открытой платформе кучку людей — как раз возле случайно уцелевшего выступа кирпичной кладки. Один шустрый, отчаянно подпрыгивающий самолетик неуверенно пролетел мимо и поднялся, увлеченный восходящим потоком, — Дик заметил, как ярко пылает его огненный хвост, когда самолетик снова собрался нырнуть вниз. Другие носились взад-вперед над разбитым полем Орлановых крыш — ландшафтом еще почище лун-

ного, где безверхие башни торчали в небо подобно дулам мощных орудий. Пролетающие самолеты будто рассеивали по этому бесплодному полю облачка белого дыма. Дик не видел, как падают бомбы, и понял, что крошечные летуны, должно быть, сбрасывают что-то вроде гранат. Прямо у него на глазах еще несколько крыш обратились в руины. Казалось, серые развалины сами собой шевелятся под ясным небом — будто что-то полумертвое, содрогающееся от боли.

Послышался топот ног — снизу по лестнице поднимались трое мужчин. Бежали они тяжело, с хрипами глотая морозный воздух, и тащили с собой станковый пулемет. Потом, не обращая никакого внимания на Дика, установили пулемет у самого парашета. Тут над ними, шустрый как стрекоза, пронесся самолет — стрелки впустую дали очередь ему вслед. Затем повернули пулемет в сторону более отдаленной мишени и открыли бешеный огонь. Оглушенный, Дик заметил, как самолет выбросил вереницу мин. С других крыш тоже палили вовсю. И тут самолет взорвался меж небом и землей — вначале превратился в пылающий метеор, а потом — в медленно ползущее облако густого жирного дыма. Вокруг балкона завывли и загрохотали падающие обломки, и Дик машинально присел к парашету.

Он так и не выпускал из рук бесполезное ружье, а теперь взглянул на него и бесстрастно выругался, сам не понимая, что говорит. В нескольких метрах от него по-прежнему надрывался пулемет. Вскоре вступили в дело и другие. Кое-где раздавалось и более тяжелое уханье минометов. Один миномет выстрелил, как раз когда над ним пролетал самолет: послышался глухой взрыв, на месте миномета появилось облако густого серого дыма, а во все стороны полетели обломки. Вдруг прямо перед глазами у Дика невесть откуда, покачивая крыльями, вынырнул самолет. Он приближался с невероятной скоростью — и Дик даже успел разглядеть огоньки на кончиках крыльев. Стоило Дику снова нырнуть под прикрытие парашета, как пули стали выбивать облачка пыли по всему балкону совсем рядом с пулеметчиками. Потом спереди у самолета что-то сверкнуло — и тут же весь балкон задрожал от тяжелого удара.

Вокруг застучали каменные осколки. Когда Дик снова посмотрел, оказалось, что половины балкона уже нет. А вместе с нею будто волной смыло и пулеметчиков. Заныла грудь. Дик приложил туда руку — и отнял ее в крови и кирпичной крош-

ке. В смятении он даже не смог разобрать, насколько серьезно ранен.

По-прежнему не выпуская из рук ружья, Дик с трудом встал на ноги. Прогредел еще один, последний взрыв — на месте прежнего Променада, а потом истерзанные руины здания погрузились во тьму и безмолвие. Стрельба закончилась — и теперь шустрые самолетики принялись кружить и зависать над крышами.

Дик тупо огляделся и обнаружил, что лестницы, по которой он сюда добрался, уже нет. Все. Заперт в ловушку на балконе.

А тем временем над нижними склонами Орлана один из самолетов начал целую серию любопытных маневров: подныривал к самым крышам, потом резко набирал высоту, зависал — и начинал все заново. Присмотревшись пристальнее, Дик разглядел меж крышами и днищем самолета тонкую линию — трос или кабель с какой-то точечкой на конце, отчаянно раскачивающейся под порывами ветра. Потом произошло что-то непонятное: трос то ли отцепили, то ли намотали обратно — Дик разобрать не смог. Но когда самолет нырнул снова, мелькнула едва заметная вспышка — трос выстрелил, и на сей раз остался туго натянутым меж крышами и зависшим над ними самолетом.

Самолет парил, судорожно подергиваясь в восходящих потоках, но с места не трогался. Тут и другие стали проделывать схожие маневры. Некоторым удалось зацепиться аж с первого раза.

Потом Дик увидел, как вниз по тросам заскользили темные фигуры мужчин в шлемах, в плотных десантных костюмах, с головы до ног обвешанные снаряжением. Будто бумажные змеи, самолеты парили над серыми развалинами — и людской поток струился на развороченные крыши.

Тут Дик заметил, что на ободке безверхой башни вдруг появился человек с ружьем. Выстрела он не расслышал, но один из десантников выпустил из рук трос и упал. Находившиеся рядом десантники тут же организовали прикрытие — послышался треск автоматных очередей. Человек на верху башни выронил оружие и вместе с ним, крутясь, полетел куда-то вниз.

Успешно высадившие своих людей самолеты обрезами тропы и улетали, а их места занимали все новые и новые, — поток казался неиссякаем.

Некоторые самолеты уже оказывались совсем не так далеко от Дика. В ярком свете дня лоснились кожаные куртки десантников, ослепительно отсвечивали их защитные очки. Одни сразу исчезали в растерзанных внутренностях Орлана, другие, снаряженные верхолазными приспособлениями, начинали шаг за шагом обследовать крыши.

Балкон под ногами у Дика вдруг задрожал от сильнейшего подземного взрыва. Снизу тут же за клубился черный дым. Понеслись какой-то звериный рев и жуткие вопли. Вскоре в нескольких сотнях метрах от Дика из-под крыши выплыла еще одна такая же черная слива.

На окрестные балконы снова начали проворно выбираться темные фигуры. Вокруг них смыкали свои кольца десантники. Еще несколько черных слив — и все больше рабов выкарабкивается наружу. Если десанникам уже удалось выяснить, что все свободные люди в Орлане давно убиты...

В сотне метров от себя, на таком же открытом балкончике чуть меньше его пристанища, Дик вдруг заметил две фигуры — мужчину и женщину. Мужчина сразу показался знакомым. Коренастая фигура с огромными тяжелыми плечами, седина в волосах. Когда мужчина повернулся, чтобы взглянуть в небо, Дик узнал Старика. Только тогда он обратил внимание на девушку и понял, что это Элайн.

Дик медленно поднялся. Лохмотья рабыни, волосы спутаны, все лицо в саже... Но нет — ошибки быть не может. Эти зеленые глаза... А привычный жест, когда она вытерла пот со лба? Элайн! Но она пока еще его не видела.

Тут Старик огляделся, узнал Дика и, похоже, приободрился. Тронул Элайн за руку, как бы указывая. Потом, пристально глядя с той стороны пропасти, закричал:

— Дик!..

Призыв о помощи был очевиден. Да, услуга за услугу. Если Дик удалось спасти собственную шею и Элайн, он может спасти и Старика.

Теперь Дика узнала и девушка — протянула к нему руки, крича:

— Дик! Господи, Дик!

Но тут к ним нырнул самолет с десанниками. Кошка зацепилась за шпиль ближайшей крыши, и трос натянулся. А в нескольких стах метрах от первого протянул свою линию и другой

самолет. Дик увидел, как на них таращатся лица в защитных очках, увидел, как из днищ самолетов выскальзывают темные фигуры в десантном обмундировании и быстро-быстро спускаются вниз по туго натянутым тросам.

Мозг Дика, словно бы сам по себе, лихорадочно соображал. Все сплелось в единый клубок — восстание рабов, Элайн, Старик, вся прошлая жизнь в Орлане, в Бакхилле... И тут, без всякого сознательного намерения, Дик поднял винтовку. Приклад сам собой уперся ему в плечо. Над мушкой неподвижно застыло потрясенное лицо Старика.

Дик нажал на спусковой крючок — и грузная фигура упала.

Элайн на какое-то мгновение замерла от ужаса, а потом опрометью бросилась к лестнице. Миг — и ее уже нет.

На груди у Старика расплывалось кровавое пятно. Он приподнялся на локте — потом упал навзничь и застыл.

Десантники, отцепляясь от шнуров, смотрели на Дика.

— Ты кто? — выкрикнул один.

— Дик Джонс из Бакхилла.

Они осторожно перебрались к нему на балкон, держа автоматы наготове.

— Точно. Я его знаю, — сказал тощий юнец с нашивкой Паджет-Саунда на рукаве. Другой, постарше, носил знаки различия армии Вождя Солт-Лейк.

— Вовремя ты шлепнул того срака, — заметил он, перелезая через парапет. Потом, принужденно улыбаясь от волнения, указал Дикю на свой автомат. — А то я уже палец на крючке держал.

Тут из самого центра широкого поля крыш яростно вырвался высоченный белый гейзер дыма и пламени вперемешку с обломками.

— Вот черт! Ты видел? — невольно вырвалось у десантника помладше.

— Видать, здоровую бандуру подорвали.

— Вот черт... вот черт... — продолжал лихорадочно бормотать юнец. Потом вдруг вскинул автомат и принялся щедро поливать огнем появившиеся на ближайшей крыше фигуры. Несколько человек упало. Остальные скрылись. — Мир еще такого не видел, — пробормотал затем юный десантник, завороченно и пьяно озираясь.

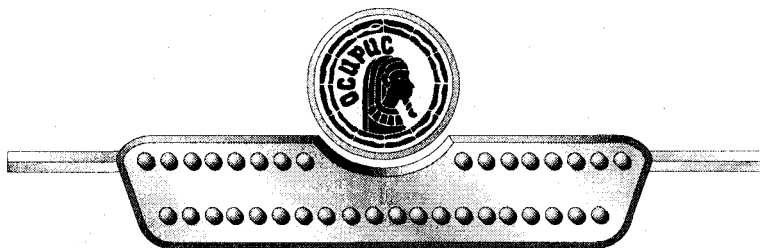
А Дик снова взглянул на противоположный балкон, где лежал труп Старика. Странно. Недвижный, он почему-то казался

не таким массивным. В последний раз скосив глаза на пустой колодец лестницы, где скрылась Элайн, Дик оглядел дымящееся поле крыш, развороченное до неузнаваемости. И все же... Здесь он лунной ночью преследовал Кила, здесь сражался с Руэллом, здесь занимался любовью с Вивьен...

— Не знаю, как и сказать, — бубнил ему тем временем на ухо старший десантник. Дик едва его слышал. — Может, ты уже знаешь. Скверная история — вся твоя семья вырезана. Сраки разбежались по лесам. Но их непременно достанут.

— Знаю. Сам займусь, — не поворачивая головы, отозвался Дик. Сейчас ему хотелось запечатлеть в памяти этот последний облик Орлана. Вот она, его юность. Лежит где-то здесь в глубине. Залита кровью, засыпана костями и пеплом, завалена рухнувшими крышами. Ладно, пусть лежит.

Потом Дик взглянул на восток, в сторону Бакхилла. Взглянул бесстрастно и твердо. В конце концов, он теперь Владелец. И все еще впереди.

Палка для идиота

РАССКАЗЫ

Перевод с английского
М.К. Кондратьева

ПАЛКА ДЛЯ ИДИОТА

Корабль выплыл из голубого неба и приземлился на лугу в Нью-Джерси. Затем мягко осел в грунт. Примерно в милю длинной, с сине-зеленым отливом, он напоминал панцирь жука.

Дверца открылась, и появился тощий человечек с сухим, как палка, телом. Первым делом человечек принюхался к прохладному воздуху. В небе у него над головой толпились пушистые кучевые облака и скрещивались инверсионные следы. Утреннее солнышко живописно золотило громады Большого Нью-Йорка за рекой.

Затем в небе появился серовато-коричневый армейский вертолет и завис над кораблем на безопасном расстоянии. Тощий заметил его, без особого интереса осмотрел и отвернулся.

Омытая солнечным светом река казалась гладкой и серебристой. Прошло довольно много времени, прежде чем где-то вдали, за болотами, раздался трубный глас мегафонов. Затем послышался лязг, рев — и на горизонте показались два армейских танка; вслед за ними катила еще парочка. Танки развернули строй и, грозно поворачивая девятистомиллиметровыми орудиями, навели их на корабль.

Пришелец невозмутимо наблюдал. Вскоре появились новые вертолеты — покружили и зависли в небе. Вверху по течению реки запыхтел серый эсминец.

Подкатили новые танки. Теперь они полностью замкнули кольцо вокруг корабля, оглушительно грохоча и источая запах дизельного топлива. Наконец прибыл штабной автомобиль, из которого, кряхтя, выбрались три потных генерала.

Пришелец неспешно оглядел их со своей невысокой платформочки. Затем отчетливо зазвучал его голос.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Этот корабль принадлежит Галактической федерации. Мы пришли с миром. Пожалуйста, уберите ваши орудия — они все равно не выстрелят. А теперь слушайте. Федерация желает учредить на вашем континенте культурно-образовательную организацию; мы щедро заплатим вам за землю и содействие. Вот, держите. — Пришелец взмахнул рукой, и целая россыпь каких-то блестящих шукувин полетела в сторону высоких военных чинов.

Один из генералов побелел и лихорадочно схватился за пистолет, но шукувины, не причинив высокопоставленным чинам никакого вреда, упали в машину и рассыпались вокруг нее. Главный генерал подобрал хрупкую на вид и сильно смахивающую на мыльный пузырь фитюльку. Внезапно она затрепетала в ладони генерала. С остекленевшим взглядом тот сел.

Двое других принялись трясти его:

— Фрэнк! Фрэнк!

Взгляд генерала медленно прояснился; он посмотрел на одного своего подчиненного, затем на другого.

— Вы еще здесь? — слабым голосом произнес он, а затем выдохнул: — Боже мой!

— Что это было, Фрэнк? Оно тебя одурманило?

Главный генерал опустил взгляд на сверкающую шукувину у себя в ладони. Никаких особых ощущений — обычный пузырь из пластика. И никакой вибрации. Фитюлька лишилась энергии.

— Там было... счастье, — пролепетал генерал.

В буйной траве вокруг автомобиля сверкали и переливались другие шукувины.

— Берите, — ободряюще крикнул пришелец, — берите сколько хотите. Скажите вашим начальникам, скажите друзьям. Приходите вместе и порознь! Мы приносим счастье!

За полдня новость разнеслась повсюду. Работа в нью-йоркских конторах остановилась; сплошной людской поток паромом и туннелем переправлялся через реку. Из Трентона прилетел губернатор и провел с пришельцами получасовые переговоры, после чего вылез из звездолета с ошалелыми глазами и заплечной сумкой, полной блестящих капсул.

Народ, по колено в грязи, топтался и ползал вокруг корабля. Каждый час показывался тощий пришелец и швырял очередную пригоршню капсул. Тут же раздавались дикие вопли и визг; толпа ненадолго сгущалась в месте падения капсул — будто металлические опилки, притянутые магнитом, — и снова понемногу растекалась.

Тысячи блеклых использованных капсул валялись в траве. Повсюду мелькали обалдевшие, восторженные физиономии тех, кто уже попробовал капсулу.

Часть капсул разнесли по домам — детям и женам. Весть продолжала распространяться. Действие инопланетных фитюлек толком описать не мог никто. Все длилось несколько секунд, которые казались бесконечностью. После капсулы человек чувствовал пресыщение и приятную одурь. Трудно было определить это необыкновенное ощущение, однако все сошлось на том, что в нем — само счастье, и всем хотелось испытать его еще и еще.

Акты об экспроприации земель с невероятной скоростью прошли через законодательные органы штата и государства. Повсюду затевались ожесточенные дебаты, но ни один из тех, кто уже вкусил от капсул, нисколько не сомневался, что заключает безумно выгодную сделку. Оправдания при этом строились по форме «что же нам еще остается?».

Как выяснилось, пришельцам требовалось пятьсот акров ровной земли для возведения разных зданий и прочих структур. Пояснения, которые они изредка давали прессе и общественности, казались туманными и довольно-таки бесперомонными. На вопрос, почему пришельцы выбрали место, так близко расположенное к густонаселенным центрам, а не какую-нибудь пустошь, каких повсюду навалом, их представитель (тот самый тощий как палка человечек, первым появившийся из корабля, — или его брат-близнец) ответил:

— А кто бы тогда стал строить нам здания?

Да, похоже, Нью-Йорк для пришельцев был источником рабочей силы.

Зарплату пообещали царскую: три капсулы в день на человека.

Едва пришельцы объявили, что начинают прием на работу, как половина населения Большого Нью-Йорка в спешном порядке стала перебираться на равнины Нью-Джерси. А три чет-

верти жителей Хобокена, Джерси-Сити, Хакенсака и Патерсона уже находились там.

В постепенно сформировавшихся из общей сутолоки очередях мэр Нью-Йорка стоял бок о бок с почтенным сенатором и парочкой заезжих кинозвезд.

Каждому дождавшемуся своей очереди вручался легкий — металлический или пластиковый — стержень в 60 дюймов длиной, с изогнутой рукояткой на одном конце и плоским расширением на другом. Счастливых обладателей ценного приспособления собирали затем на размеченной площадке. Местность представляла собой болото с примыкавшим к нему небольшим участком парковой системы Нью-Джерси, а также мелиорированные земли. Все оказавшиеся на площадке строения — несколько домов, фабрики и склады — были пришельцами эвакуированы. Снабженных стержнями рабочих выстроили в шеренгу на одной из сторон площадки.

— По команде «начали», — раздался отчетливый голос пришельца, — все начинают двигаться в темпе медленной ходьбы, вода вверенными вам палками из стороны в сторону.

Голос умолк. Похоже, других указаний пока не ожидалось.

Где-то в середине шеренги молодой парень по имени Тед Кули переглянулся со своим соседом Эли Бейкером. Они работали на одном фармацевтическом предприятии и вместе решили попытать счастья. Атлетичному блондину Кули исполнилось двадцать пять; Бейкер, хрупкий брюнет, был его ровесником. Взгляды их встретились, и Бейкер пожал плечами, словно говоря: «Сам пока не понимаю».

День был прохладный и ясный. Мужчины и женщины выстроились длинной шеренгой и ждали, шурясь от яркого солнца.

— Начали! — раздалась команда.

Люди двинулись. Кули шагнул вперед и нерешительно помахал палкой. В самой палке никакого движения не чувствовалось, но на земле он заметил расширяющуюся темную полосу. Кули замешкался, решив, что палка, должно быть, разбрызгивала масло или еще какую-то жидкость.

По всей длине шеренги люди тоже останавливались. Кули пригляделся повнимательнее и заметил, что дело тут не в масле или воде. Просто земля идеально разгладилась — освободилась сразу и от грязи, и от сорняков, и от камней, превратившись в гладкую темную поверхность.

— Идем дальше, — слышался голос пришельца.

Несколько человек бросили палки и направились прочь. Другие опасливо двинулись вперед. Когда они ступили на темную полосу, Кули увидел, что ничего особенного не случилось, и тоже двинулся дальше. Темная земля оказалась твердой и устойчивой. Когда Кули, помахивая палкой из стороны в сторону, стал продвигаться, темная полоса расширилась; тогда он присмотрелся повнимательнее и сумел разглядеть, как темнеет и оседает неровная земля, когда над ней проходит палка.

— Работаем согласованно, — донесся голос пришельца. — За собой ничего не оставляем.

Шеренга двигалась вперед, поначалу несколько неровно, затем все быстрее и дружнее, когда народ наконец сообразил, что к чему. По мере продвижения палконосцев твердая темная полоса, простиравшаяся на всю длину площадки, расширялась. Казалось, под рабочим концом палки решительно все вдруг сжималось и разглаживалось. Если приглядеться, можно было различить следы прежней земли — как узор на линолеуме: камни, палки, траву и сорняки.

— Как же она, черт возьми, действует?! — с благоговейным страхом воскликнул Бейкер.

— Почему я знаю! — отозвался Кули. Трубка в его руках казалась легкой и пустой, напоминала алюминиевый стержень пылесоса. Кули и представить себе не мог, что внутри у нее есть какой-то механизм. Никаких ручек управления; он ничего не включал, чтобы привести ее в действие.

В нескольких футах перед ним показалась заросшая сорняком каменная стена.

— Интересно, что будет, когда мы до нее доберемся? — указывая на стену, поинтересовался Бейкер.

— Почему я знаю! — Кули уже ничего не понимал и механически шел вперед, помахивая палкой.

Стена все приближалась. Когда они оказались от нее в нескольких шагах, откуда-то из-под каменной кладки вдруг выскочил кролик. Он лихорадочно заметался, затем, перепуганный надвигающейся шеренгой, бросился в промежуток между Бейкером и Кули.

— Осторожно! — невольно вырвалось у Кули.

Но палка Бейкера уже качнулась над кроликом.

Ничего не произошло. Кролик побежал дальше. Кули и еще несколько рабочих обернулись, чтобы проследить за ним: кролик вприпрыжку одолел ровную полосу и исчез в высокой траве за площадкой.

Бейкер и Кули переглянулись.

— Она селективна, — пересохшими губами вымолвил Кули. — Слушай, а что, если... — Он взял палку за середину и стал подводить к себе расширенный конец.

— Лучше не надо, — встревожился Бейкер.

— Посмотрим... — Кули медленно поднес палку поближе и так же медленно сунул под нее носок ботинка.

Опять ничего. Он придвинул палку еще ближе. Затем, осмелев, провел палкой по голени. Затем по другой ноге. Ничего.

— Селективна, — повторил он. — Но как?..

Сорняки представляли собой сухую растительную ткань. Палка без колебаний спрессовала их, разровняла вместе со всем остальным. Брюки тоже были сухой растительной тканью — хлопком, по крайней мере, частично. А носки? Шнурки? Как же палка все это различала?

Они двинулись дальше. Когда подошли к каменной стене, Кули махнул на нее палкой. Кусок стены рухнул, будто его откусил какой-то великан. Кули махнул еще. Обрушилась и оставшаяся часть стены.

Кто-то истерически захохотал. Шеренга наступала. Теперь от стены осталась лишь светлая полоска на темном гладком полу, по которому они продвигались.

Солнце все поднималось. Позади шеренги мужчин и женщин простиралась ровная блестящая поверхность.

— Слушай, — озабоченно спросил Кули у Бейкера, — а тебе и правда так хочется тех шуток со счастьем?

Бейкер посмотрел на него с любопытством:

— Не знаю... А что?

Кули провел языком по пересохшим губам.

— Я вот что думаю. Ну, получим мы эти пузырьки — и тут же их употребим...

— Или загоним по хорошей цене, — вставил Бейкер.

— Или загоним. Один черт — их больше не будет. А что, если нам смотаться вот с этим? — Он потряс палкой. — Если удастся выяснить, как она работает...

— Ты серьезно? — перебил Бейкер. Смуглое лицо его покраснелось, на лбу выступили капельки пота. Он махнул палкой. — Знаешь, что это такое? Лопата. Палка с идиотом.

— Что-что? — переспросил Кули.

— Лопата, — терпеливо объяснил Бейкер, — это палка с дерьмом на одном конце и с идиотом на другом. Старая шутка. Ты что, никогда не занимался ручным трудом?

— Нет, — покачал головой Кули.

— Ну вот, теперь займешься. Послушай, эта штуковина, которая нам кажется волшебной палочкой, для них всего лишь лопата. Идиотская палка. А мы для них — идиоты.

— Мне это не нравится, — заявил Кули.

— А кому такое может понравиться? — отозвался Бейкер. — Ничего не поделаешь. Работай, получай зарплату — и баста. И не тешь себя надеждой, что когда-нибудь удастся их обскакать. Нам это не дано.

Кули хорошенько поразмыслил и в итоге оказался в числе пятидесяти с лишним человек, прихвативших в тот день инструменты галактиков. Инопланетяне сожаления не проявили. Когда солнце зашло, они отозвали первую команду и послали другую работать под плавающими в воздухе огнями. Работа кипела круглые сутки. Инструменты постоянно расхищались; галактики невозмутимо выдавали новые.

Площадка стала ровной и гладкой, твердой как стекло — такой скользкой, что на ней с трудом можно было удержаться на ногах. Вскоре пришельцы установили в центре площадки высокий шест на треноге. Часть плавающих огней погасла. В сумерках на остекленевшей поверхности проявилась сеть светящихся линий. Очертаниями она напоминала фундамент огромного здания. Из-за мелких неровностей бледные линии местами шли криво, что галактиков, похоже, ничуть не беспокоило. Собрав часть рабочих, они прикрепили им на концы палок какие-то приспособления.

Снаряженную таким образом команду отправили на строительную площадку и распределили — по одному рабочему на каждые двести ярдов. Поступили указания пятиться по светящимся линиям, волоча палки за собой.

Поначалу возникла неразбериха. Инструменты работали теперь только при контакте и, вместо того чтобы выравнивать поверхность, заставляли ее подниматься, точно тесто на дрож-

жах. В результате получался гребень в фут вышиной, серый, пористый и твердый на ощупь, вроде пенобетона.

Затем пришельцы сколотили еще одну команду, вооружив ее новыми приспособлениями. Если кто-то спотыкался или оступался, поднимая стеклянную поверхность земли не там, где нужно, рабочие из этой группы стирали лишний выступ, как стирают влажной губкой мел с классной доски, — вздувшийся материал снова сжимался и сливался с темной поверхностью.

Тем временем оставшаяся часть команды, закончив первый ряд выступов, снова проходила поверху, расширяя и наращивая намеченный фундамент.

Здание росло как на дрожжах. Оно было неправильной формы, отдаленно напоминая наконечник стрелы; внешняя оболочка состояла из множества небольших ячеек. Изнутри здание имело почти милю в поперечнике.

Когда стены поднялись на десять футов, пришельцы соединили все ячейки проходами. Затем в каждую камеру бросили по палке, по виду ничем не отличавшейся от остальных. Там, где упали палки, немедленно начала изливаться светлая жидкость. Жидкость эта полностью покрыла палки и продолжала подниматься, пока не достигла верхушек стен, а затем остановилась. Несколько минут спустя она остыла, а через полчаса и вовсе замерзла и затвердела.

Управляющие контакты снова заменили, и команда принялась ходить по замерзшей поверхности, образуя еще один слой темного стекловидного вещества. Затем во внешней оболочке прорезали дверные проемы, и жидкость вытекла оттуда в сторону реки. Палки, брошенные в камеры, были извлечены. От каждой на полу осталась небольшая неровность, которую затем разгладили.

Точно так же был возведен второй этаж. Пятясь по высоким стенам, многие рабочие падали. Другие увольнялись. Пришельцы набрали еще людей, и строительство продолжалось.

Вряд ли кто-то, кроме нескольких высоких правительственных чинов, удостоился чести ознакомиться с внутренностями корабля пришельцев; сами же галактики сделались привычными фигурами в городах и поселках Восточного побережья. Они

расхаживали по улицам парочками, то и дело останавливаясь, чтобы нацелить куда-нибудь махонькие приборчики, которые вполне могли оказаться фотоаппаратами.

Некоторые из залетных запросто общались с населением, задавали множество серьезных вопросов о местных законах и обычаях. Другие крупными партиями закупали картофель, игральные карты, кадиллаки, бижутерию, ковры, конфетти, нейлоновые колготки и прочие интересные товары, расплачиваясь, как правило, капсулами счастья. Они с любопытством пробовали местные кушанья и отважно выпивали, совершенно не пьянея. В продаже начали появляться обтягивающие одеяния, сшитые на манер бутылочно-зеленой униформы галактиков. Появились игрушки: галактические куклы и галактические звездолеты.

Власти повсюду пребывали в благодушной прострации. Какие бы проблемы у пришельцев ни возникали — или даже только еще намечались, — галактики легко расчищали себе дорогу очередной порцией капсул счастья. Цены теперь измеряли не только в долларах и центах, но и в капсулах счастья — «кс». Бизнес процветал.

А в лабораториях Бюро стандартов в Вашингтоне тем временем разрабатывалась программа по рассекречиванию универсального инструмента галактиков. Образцы инструмента измеряли, облучали, резали. Неизвестный материал был, судя по всему, изготовлен из цельного однородного вещества. Он оказался легким, химически инертным и невероятно прочным. Полые внутренности имели неправильную форму, которая никакому очевидному принципу не соответствовала.

Составных частей обнаружили всего две — собственно инструмент и управляющий контакт, который вставлялся в прорезь в рукоятке. Со вставленным контактом инструмент действовал — работал вопреки тому, что все контрольные приборы невозмутимо свидетельствовали о полном отсутствии энергии в полостях палки. Когда контакт вынимали, не происходило вообще ничего.

Контакты для различных операций различались только цветом; во всем же остальном — и по форме и по размеру — они казались идентичными.

Первый — и последний — прорыв был достигнут, когда контакты подвергли рентгеноструктурному анализу. Обнаружилось, что вещество контактов имеет кристаллическую структуру, выражавшуюся в характерных стрессовых рисунках. При этом каждый из контактов проявлял себя на испытательном стенде особо.

Однако с помощью определенной последовательности пробных нагреваний, сжатий и деформаций доктору Кроуфорду Риду удалось-таки перевести стрессовую структуру, соответствовавшую контакту типа «А», в форму, примерно соответствующую контакту типа «С».

Когда контакт вставили в инструмент, лаборатория мигом взлетела на воздух. Взрыв разметал вдобавок все здания в радиусе трех городских кварталов.

Взрыв этот был зарегистрирован и приборами гигантского звездолета. Взглянув на их показания, заскучавший было вахтенный офицер снисходительно улыбнулся.

Один из пришельцев, назвавшийся Пендратом го-Пендратом, частенько показывался на людях в прелестном городишке Ривердейле, штат Нью-Джерси. Он совал нос всюду: и на церковные благотворительные базары, и на бейсбольные матчи Малой лиги, и к минеральным источникам, и в летние лагеря, и в залы торговых собраний. Поначалу его появление собирало толпы, а затем местные жители и даже туристы к нему привыкли.

Спустя трое суток после постройки общей оболочки здания Эл Дженкинс, молодой репортер «Стар-Леджер», обнаружил пришельца в укромном уголке бара в сентиментально-пьяном состоянии над бокалом коктейля.

Когда Дженкинс прошмыгнул в его кабинку, Пендрат поднял на репортера грустный взгляд.

— Ах, мой друг, — заплетающимся языком выговорил пришелец, — как мне жаль вашу бедную планетку!

— Вам что, не нравится наша Земля? — поинтересовался Дженкинс.

— Нет-нет, планетка прелестная. Невероятно живописная. Простите. — Пендрат хлебнул из бокала. Затем быстро-быстро

поморгал и слегка распрямился. — Но вы должны понять — это ради галактического прогресса, — сказал он. — Ничего не попишешь. Все мы когда-нибудь сгинем.

Дженкинс окинул пришельца критическим взглядом.

— Вы ведь совсем немного выпили, не так ли? — поинтересовался репортер. — И мне казалось, на вас, галактиков, алкоголь не действует.

— Нет, это все апс... асс... аспирин, — пояснил пришелец. Он достал из кармана пузырек и торжественно вытряхнул себе на ладонь таблетку. — От вашего алкоголя у меня страшно разболелась голова, и тогда я принял апс... аспирин... Этот ваш аспирин просто чудо! — Тут у него опять сделался похоронный вид. — Подумать только, р-раз — и никакого больше аспирина. Ни-каких церковных благотворительных базаров. И никакого бейсбола...

— Интересно, а что с нами такое случится?

Пендрат развел руками и издал выразительный шипящий звук.

— Трах-тарарах, — пояснил он.

— Вы думаете взорвать планету? — недоверчиво спросил Дженкинс.

Пришелец грустно кивнул.

— Скоро наше здание будет закончено. Тогда мы установим большие машины и — шурр, бурр... — Пендрат поворачивал левой рукой вниз. — Мы пробуем шахту до самого ядра планеты. Потом опустим туда преобразователь и закроем ствол. Потом отлетим подальше. А потом ваша бедная планетка как-ак... — он снова изобразил «пшик», — рванет!

Дженкинс сжал кулаки.

— Но зачем? Зачем вам это понадобилось?!

— Для пыли, — объяснил Пендрат. — Вся ваша планетка превратится в пыль. Больших кусков совсем не останется. Останутся только вот такие ма-асенькие. — Пришелец сощурился и показал двумя пальцами, какие крошечные останутся кусочки. — Мы формируем линию обороны Галактики. Этот сектор слишком открыт. Мы тут сделаем небольшой экранчик из пыли. Когда пыль, корабль быстро не полетит. Пыль его оч-чень замедляет. Кое-где уже есть пыль. И мы сделаем еще. Только так мы можем защититься от вторжения.

— От чьего вторжения?

Пендрат пожал плечами:

— А кто его знает. Надо смотреть в будущее.

У Дженкинса затряслись руки. Он вынул из кармана потрепанный блокнот, машинально раскрыл, заглянул туда и положил обратно. Руки его теперь то и дело сжимались в кулаки. Репортер хрипло процедил:

— Ах ты паршивый... — и размахнулся, чтобы от всей души заехать Пендрату по носатой физиономии.

Плюха так и не состоялась. Кулак Дженкинса вдруг наткнулся на невидимое препятствие и повис в воздухе; как репортер ни старался, он не мог протолкнуть его дальше.

— Нет-нет. — Грустно улыбаясь, Пендрат покачал головой. — Бесполезно. Очень, очень сожалею.

Сердце Дженкинса глухо колотилось.

— Почему именно мы?! — гневно воскликнул он. — Если вам так уж необходима пыль, почему не выбрать какую-нибудь другую планету? Юпитер, Венеру — да какую угодно! Почему надо было выбрать ту, на которой живем мы?

Пендрат заморгал.

— Но на других ваших планетах совсем нет жизни, — возразил он. — А кто тогда сделал бы для нас всю работу? — Он кинул в рот еще таблетку. — А кроме того, — продолжил он, — имейте в виду, что пыль окутает ваше Солнце. Планеты станут совсем холодными. Понимаете, все уже обдуманно. Далее, предположим, мы отправились бы к какому-нибудь другому солнцу и вообще здесь не появились. Тогда вы сами построили бы большие корабли — и нам все равно пришлось бы сюда лететь, чтобы разбираться с вами. А так все будет очень быстро — р-раз, и вы даже ничего не почувствуете.

С Дженкинса слетела шляпа. Он нагнулся и стал шарить под столом, разыскивая ее.

— Мы вас остановим, — бормотал он, появляясь из-под стола с багровой физиономией. — А вы, мистер, пожалеете, что вообще про это заикнулись. О ваших грязных замыслах узнают все до самого Белфаста.

— Вы собираетесь обо всем рассказать? — в тупом недоумении спросил пришелец.

— Непременно, будьте уверены!

Пендрат с глупым видом кивнул.

— Это уже не важно. Дело почти сделано. Мой бедный друг, вы не сможете нас остановить.

История получила огласку на следующий же день, как раз когда было закончено монтирование сложной системы балок и стоек во внутренней части здания. На борту корабля открыли люк, и под мудрым руководством пришельцев бригады тащили оттуда детали механизма, который предстояло разместить в здании.

Там оказалась тысяча и одна деталь всевозможных форм и размеров: гигантские тороидные секции, трубки, цилиндры, шары, изогнутые трубы и прочая утварь. Сделано все это было не из металла, а из того же легкого вещества, что и инструменты.

Некоторые инструменты служили теперь ухватами: подобно магнитам, они прилипали к деталям механизма — и больше ни к чему. Другие, приложенные к массивным частям оборудования, делали их необычайно скользкими и таким образом облегчали их перекачивание по площадке к зданию. Остальные палки использовались при сборке: достаточно было провести наконечником по стыку двух деталей, и те намертво сливались друг с другом.

Недавняя история с репортером никак не затронула дневную смену. Вторая и третья несколько подсократились из-за скандала; пришельцы тут же набрали недостающее число работников из толпы зевак.

На очередной пресс-конференции представитель пришельцев ошечер Реваш го-Рен заявил:

— Рассказ мистера Дженкинса является злонамеренной выдумкой. Механизмы, о которых идет речь, должны обеспечить комфортабельное отопление, кондиционирование воздуха, стандартную галактическую гравитацию и другие удобства, необходимые сотрудникам в наших офисах. Мы привыкли располагать множеством подобных удобств. Именно поэтому мы не можем жить и работать в зданиях, подходящих для землян.

Херш из «Таймс» задал вопрос:

— А почему для вашего механизма понадобилась площадка в полмили, в то время как конторские помещения занимают лишь узкое кольцо во внешней части здания?

Реваш улыбнулся.

— А почему вам требуется целый подвал, чтобы обогревать здание? — в свою очередь спросил он. — Ваш первобытный предок сказал бы, что для этого достаточно костра и дырки в потолке.

Достойного ответа Херш найти не сумел. И все же вера в рассказ Дженкинса необратимо распространялась. К концу недели уже с десятков газет били в набат, призывая к крестовому походу. В конгрессе была образована комиссия по расследованию обстоятельств. Множество работников уволилось. Когда трудовые ресурсы заметно поубавились, пришельцы удвоили плату. Желающих снова оказалось куда больше, чем рабочих мест. На джерсийской стороне туннелей шли митинги протеста. Там стояли пикеты, ораторы метали громы и молнии с трибун, призывали к саботажу. А работа все равно продолжалась.

— Тут все дело в психологии, — уверял Бейкер. — Ясно, они же декаденты, цивилизация в стадии упадка. Тут их слабое место, именно сюда мы и должны бить. Потрясающие машины — да, но они не знают, как ими пользоваться. Больше того, не хотят. Боятся испачкать свои белоснежные ручки. Тогда они являются сюда и вынуждают нас делать всю грязную работу, хотя это и означает добавочный риск.

— Не вижу тут никакого упадничества, — резонно возразил Кули. Уже перевалило за полночь, а они все сидели над ящиком пива в гостиной у Бейкера, без конца мусоля одно и то же. Кули уже раскраснелся и говорил на повышенных тонах.

— Возьми, к примеру, археологическую экспедицию. Ну, скажем, в какую-нибудь Месопотамию. Разве они тащат с собой кучу оглоедов с кирками и лопатами? Нич-чего подобного. Лопаты они, может, и берут, но на работу нанимают исключительно местных жителей. И нет тут никакого упадничества — просто здравый смысл.

— Прекрасно. Однако мы, если припрет, можем взять в руки лопаты и пойти работать. А они не могут. Им и в голову бы не пришло. Галактики слишком изнеженны, Тед. Если их машины не будут работать безотказно, им просто не выжить.

— У меня другое мнение. Войны выигрывают с помощью оружия.

— Ну и что тогда? Забрасывать их атомными бомбами, которые не взрываются? При такой их защите любое наше оружие бессильно — это все равно что стрелять из топора.

Кули поставил кружку и не глядя потянулся за лежавшим на полу инструментом. Того на месте не оказалось — наверное,

откатился. Кули выругался, потянулся дальше и наконец нащупал инструмент — ту самую «палку для идиота», которую он в первый же день стащил с галактической площадки.

— Клянусь вот на этой штуковине, — сказал он. — Мы оба знаем, что люди по всей планете сейчас денно и ночью пытаются разгрызть этот орешек. Могу поклясться, что в конце концов они его разгрызут. Эта палка и есть оружие, приятель, оружие галактиков. Если нам только удастся...

— Ну что ж, надейся на палку, — с горечью перебил его Бейкер. — Нет, тут дело гиблое. Да, мы можем менять стрессовые структуры управляющих контактов. Можем даже наштамповать нужное количество контактов с одинаковой структурой. Но ведь все приходится делать наудачу, Тед, просто методом тыка. Нам неизвестно, почему определенная структура заставляет инструмент производить определенное действие. А пока мы этого не узнаем, нам только и остается, что менять эту структуру как попало.

— И что же?

— А то, что существуют миллионы ложных структур на одну верную. Есть структуры, вызывающие взрывы, как было в Вашингтоне; есть такие, что сварят экспериментатора живьем, сделают из него сосульку или кусок свинца. Есть радиоактивные, есть химически агрессивные — и с каждым неверным шагом мы теряем как минимум одного человека.

— А как насчет дистанционного управления? — предложил Кули.

— Сначала придется выяснить, почему инструменты действуют, когда их кто-нибудь держит, и перестают действовать, стоит только выпустить их из рук.

Кули нахмурился и хлебнул пива.

— Так что учти, — заключил Бейкер, — у нас есть только один шанс одолеть галактиков. Одна структура — одна из миллиона. Нет, не технология поможет нам победить, а только сила духа!

Он оказался прав — и в то же время ошибался.

Эл Дженкинс сидел в отделе городских новостей «Стар-Леджер» и хмуро просматривал переданный по телеграфу материал с обвинениями в адрес пришельцев, подписанный губернаторами восьми штатов.

— Ну и что толку? — буркнул он и бросил материал обратно на стол редактору. — Вон, смотри.

В окне была видна сиявшая в отдалении верхушка здания пришельцев. По куполу крыши двигались крошечные фигурки. Галактики надули над зданием мембрану, и теперь рабочие ползали там с инструментами, наращивая твердый слой.

Купол был почти готов. А работы во внутренней части здания закончились двумя днями раньше.

— Пендрат знал, что говорил, — пробормотал Дженкинс. — Мы не смогли их остановить. За три недели просто невозможно объединить усилия.

Пепел сигареты упал ему на рубашку. Дженкинс рассеянно отряхнулся и вышел из комнаты. Редактор молча смотрел ему вслед.

Ранним июльским утром, через два месяца после приземления пришельцев, оборванная толпа с галактическими инструментами в руках появилась у звездолета. Такие толпы за последние несколько суток собирались уже не раз. Впав в отчаяние, местные жители утратили последние остатки былой цивилизованности.

Стоявший у открытого люка дежурный офицер презрительно наблюдал за их приближением. Никаких оборонительных мер не требовалось. Наверняка они снова попытаются отдубасить его инструментами, потерпят неудачу и отправятся восвояси.

Передний из наступавших, здоровенный мужик, грозно занес свой инструмент, будто вилы. Галактик наблюдал за ним, явно забавляясь. А мгновение спустя пришелец стал трупом — превратился в грязную кровавую кашу на полу переходного шлюза.

Толпа хлынула на корабль. Залитые зеленоватым светом коридоры были сумрачны и просторны, как в кафедральном соборе. Повсюду из дверей выглядывали скучающие физиономии галактиков. Насмешливые выражения на лицах быстро сменялись гримасами ужаса. Некоторые убегали. Другие прятались. Инструменты косили всех.

По длинным коридорам рассыпался гулкий топот бегущей толпы, звенели возгласы торжества и восторга, вопли ужаса. Через пятнадцать минут все было кончено.

Потные и запыхавшиеся, победители остановились и стали оглядываться по сторонам с нарастающим изумлением. Стены залов с высокими потолками покрывали переливающиеся золотисто-зеленые гобелены; столы были вырезаны из хрусталя. Откуда-то доносилась негромкая музыка — спокойная, умиротворяющая.

На столе дымился поднос с едой. Со стены была сдернута прозрачная карта. Под ней лохматилось мягкое красное вещество — прокладка из аморфной ткани.

Бейкер и Кули одновременно подняли глаза — и узнали друг друга.

— Сила духа, — с кривой ухмылкой заметил Бейкер.

— Технология, — возразил Кули. — Они недооценили нас, как и ты. — Он поднял инструмент, стараясь не касаться торца. — Десять тысяч попыток, кажется, — и десять тысяч трупов. Ладно, будь по-твоему. Назовем это силой духа. — Он поднял голову и уставился куда-то вдаль, силясь представить себе затаившиеся в отдаленных районах сотни исследовательских станций с их каждодневными жуткими человеческими жертвоприношениями. — Десять тысяч, — повторил он.

Бейкера еще пробирала дрожь.

— Повезло, мог быть и миллион... — Парень попытался рассмеяться. — Теперь придется подыскать этой штуковине другое название. «Палка для идиота» уже не подходит.

Кули опустил глаза.

— Все зависит от того, — угрюмо пробормотал он, — с какого конца идиот.

АНАХРОН

Тело так и не обнаружили, причем по той простой причине, что никакого тела там не было.

Казалось бы, логическая несуразица — что в определенном смысле соответствует истине, — но все же никакого парадокса тут нет. Случившееся было вполне закономерным и объяснимым, даже хотя это и могло произойти только с братьями Кастельяри.

Чудаки они, эти братья Кастельяри. Сыновья шотландки и итальянского эмигранта, родившиеся в Англии и получившие образование на материке, они повсюду были в своей тарелке, но нигде не чувствовали себя дома.

Тем не менее в зрелом возрасте стали вполне обустроенными людьми. Эмигранты, подобно отцу Кастельяри, жили на острове Искья, неподалеку от неаполитанских берегов, во дворце — «кватроченто», роскошный фасад, облупленные купидоны на стенах, множество крыс, никакого центрального отопления и никаких соседей.

Братья никуда не выезжали; никто их не навещал, кроме их же агентов и адвокатов. Никто из них так и не женился. Оба лет в тридцать отринули мир людей ради внутреннего мира, полного более утонченных и более долговечных усад. Оба были любителями — фанатичными и заядлыми.

Родились они как бы вне своего времени.

Страсть Питера составляли художественные редкости. Он коллекционировал неустанно; не будет преувеличением даже сказать — истово. Коллекционировал так, как другие мужчины охотятся на крупного зверя. Интересы у Питера были са-

мые разносторонние, и со временем его приобретения заполнили громадные залы дворца и половину всех подвалов: картины, статуэтки, эмали, фарфор, стекло, хрусталь, работы по металлу. Сам он в свои пятьдесят лет был круглым человеком с насмешливыми глазами и небрежным клочком белесой козлиной бородки.

Гарольд Кастельяри, одаренный брат Питера, был ученым. Ученым-любителем. Он принадлежал девятнадцатому столетию — подобно тому как Питер был атавизмом какой-то еще более ранней эпохи. Современная наука представляет собой дело коллективной работы, причем работы нудной, — а и то и другое совершенно немыслимо для Кастельяри. Но разум Гарольда был в своем роде столь же оригинален и остер, что и разум Ньютона или Франклина. Он выполнил заслужившие уважение работы по физике и электронике и даже, по настоянию адвоката, оформил несколько патентов. Вырученные деньги, когда их не поглощали закупки необходимых инструментов и оборудования, он отдавал брату, который принимал их как само собой разумеющееся.

В свои пятьдесят три года Гарольд был худошавым пожилым мужчиной, вялым и меланхоличным по натуре; на верхней губе у него рос аккуратный заборчик белесых усиков — своеобразная антитеза и частичка сходства, если вспомнить козлиную бородку его брата.

В одно прекрасное майское утро с Гарольдом произошло вот какое происшествие.

Гудьир уронил кусок резины на горячую печь; Архимед улегся в ванну; Кюри оставила образчик урановой руды в выдвижном ящичке стола вместе с фотографической пластинкой. Гарольд же Кастельяри, работая с неким прибором, который до той поры потреблял изрядное количество энергии, не производя при этом ничего особенно впечатляющего, судорожно чихнул и уронил обычный стержневой магнит на пару заряженных электродов.

После чего над прибором возник громадный мутный пузырь.

Распрямившись после непроизвольного наклона, Гарольд в глубоком изумлении заморгал и уставился на пузырь. Прямо у него на глазах мутность внезапно исчезла, и сквозь пузырь он увидел участок мозаичного пола, казавшийся на три фута

выше пола в лаборатории. Он также разглядел угол резной деревянной скамьи — небольшой струнный инструмент необычной формы.

Гарольд яростно выругался, поахал, поохал, а затем принялся экспериментировать. Он осторожно обследовал сферу с помощью электроскопа и счетчика Гейгера. Никакого результата. Тогда ученый вырвал из блокнота листочек бумаги и бросил его на сферу. Бумажка исчезла — и он не мог понять куда.

Онемев от изумления, Гарольд взял метровую линейку и осторожно ткнул ею сферу. Никакого ощущения контакта — линейка просто вошла внутрь пузыря, будто его там и не было. Затем с ощутимым щелчком коснулась струнного инструмента. Гарольд нажал сильнее. Инструмент соскользнул с края скамейки и с глухим стуком и звоном ударился об пол.

Вглядевшись повнимательнее, Гарольд вдруг узнал эти мучительно знакомые очертания.

Не долго думая, он отложил в сторону линейку, сунул руку в пузырь и вытащил оттуда хрупкий предмет. Тот оказался твердым и прохладным на ощупь. Древесина так и сияла под светлым лаком. Инструмент выглядел так, будто его сработали еще вчера.

У Питера был еще один в точности такой же — если не считать сохранности — виоль д'амур семнадцатого столетия.

Гарольд наклонился, чтобы заглянуть в пузырь дальше. В четырех с половиной футах от него висели золотистые гобелены, прятавшие всю стену за исключением изысканно украшенной двери посередине. Дверь стала приоткрываться; Гарольд заметил, как там мелькнуло что-то коричневатое.

Затем сфера снова помутнела. В руках у ученого было пусто — виоль д'амур исчезла. А линейка, оставленная внутри сферы, лежала на полу у его ног.

— Вот взгляни, — сказал Гарольд брату.

Брови Питера удивленно выгнулись.

— Это что, какое-нибудь новое телевидение?

— Нет-нет. Вот смотри. — Виоль д'амур лежала на скамье — в точности где и раньше. Гарольд протянул руку внутрь сферы и вынул оттуда инструмент.

Питер вздрогнул.

— Дай мне. — Он взял в руки инструмент, потер гладко отполированную древесину. Затем внимательно посмотрел на брата. — Боже милостивый! — произнес коллекционер. — Путешествие во времени.

Гарольд раздраженно фыркнул:

— «Время», мой дорогой Питер, понятие столь же бессмысленное, что и «пространство».

— Ну, если без таких подробностей, то все-таки путешествие во времени.

— Если угодно, да.

— Ты станешь жутко знаменит.

— Надо думать.

Питер опустил взгляд на инструмент, который все еще держал в руках.

— Я бы хотел оставить виолу, если можно.

— Ничего не имею против, но не получится.

Не успел Гарольд договорить, как пузырь снова помутнел; виоль д'амур исчезла как дым.

— Вот видишь?

— Как, что за черт?

— Она возвращается обратно... Потом увидишь. Я уже раз вынимал эту штуковину, и получилось то же самое. Когда сфера снова стала прозрачной, виола оказалась там, где я ее нашел.

— И как ты это объяснишь?

Гарольд заколебался.

— Никак. Пока я не смогу разработать соответствующий математический...

— На что еще потребуется время. А пока что, если сказать проще?..

Гарольд наморщил лоб в поисках верной трактовки:

— Ну, если очень приблизительно... это означает, что события сохраняются. Два-три столетия назад...

— Три. Обрати внимание на отверстия резонаторов.

— Значит, три столетия назад в это конкретное время дня кто-то был в комнате. Если бы виола исчезла, он или она отметили бы этот факт. Так образовалось бы нарушение уже зафиксированной последовательности событий; следовательно, этого произойти не должно. По аналогичной причине, полагаю,

мы не можем заглянуть в сферу или... — Он потыкал пузырь авторучкой. — Так я и думал — не можем проникнуть в нее; иначе также образовалось бы нарушение. И все, что мы кладем в сферу, пока она прозрачна, выходит обратно, когда она мутнеет. Выражаясь совсем приблизительно, мы не можем изменить прошлое.

— Но мне кажется, мы все же меняем его. Мы изменили его только что, когда ты вынул оттуда виолу — даже пусть никто в том времени этого и не видел.

— Вот тут, — заметил Гарольд, — и обнаруживается сложность применения языка для точной передачи информации. Если ты еще не забыл свои выкладки... Впрочем, можно сформулировать такой постулат: помни только, что все сказанное мной — ложь, что событие, которое не влияет на другие события, не есть событие. Другими словами...

— Значит, если никто не видел, как ты берешь виолу, то не важно, брал ты ее или нет. Довольно рискованное правило: в свое время за него сожгли бы на костре.

— Весьма возможно. Но то же самое можно установить и другим способом или, вернее, бесконечным числом способов, которые только представляются различными. Если кому-то — скажем, самому Творцу — захотелось бы удалить Луну, пока мы тут с тобой разговариваем, и за нулевой отрезок времени заменить ее точной копией, сделанной из бетона и гипса — причем с той же массой, альбедо и всем прочим, что у настоящей Луны, — то это не внесло бы никаких измеримых различий во вселенную, как мы ее воспринимаем, а следовательно, мы не можем с уверенностью сказать, что этого не произошло. Кроме того, позволю себе добавить, нет никакой разницы, произошло это или нет.

— «Когда никого на дворе...» — процитировал Питер.

— Да. Вообще говоря, это основная и, конечно же, бессмысленная философская проблема. Если не считать, — добавил Гарольд, — данного конкретного проявления. — Он воззрелся на мутную сферу. — Извини, пожалуйста, Питер. Мне тут надо поработать.

— Когда ты думаешь объявить об открытии?

— Немедленно. В смысле, через неделю-другую.

— Ничего не предпринимай, пока не посоветуешься со мной, ладно? Есть одна идея.

Гарольд бросил на брата быстрый взгляд:

— Коммерция?

— В каком-то смысле.

— Забудь, — сказал Гарольд. — Тут не тот случай, когда можно что-то патентовать или держать в тайне.

— Конечно. Надеюсь, увидимся за обедом?

— Думаю, да. Если забуду, постучи в дверь, ладно?

— Хорошо. До встречи.

— До встречи.

За обедом Питер задал Гарольду лишь два вопроса:

— А ты можешь как-нибудь менять время, в котором работает аппарат, чтобы попасть, скажем, из семнадцатого столетия в восемнадцатое или из понедельника во вторник?

— Да, между прочим. Поразительно. Какое счастье, что у меня в той схеме уже был реостат; я не рискнул бы отключить питание. Изменение силы тока дает изменение установки времени. Я добрался, как мне кажется, до прошлой среды. Во всяком случае, мой рабочий халат лежал на верстаке — там, где я его оставил, помнится, в среду под вечер. Я его вытащил. Любопытное ощущение, Питер, ведь на мне в то же самое время был тот же самый рабочий халат. А затем сфера помутнела, и халат, разумеется, исчез. Должно быть, тогда я сам заходил в комнату.

— А как насчет будущего?

— Вот. Еще одна странность. Я настраивал прибор на различные времена в ближайшем будущем, и аппарат по-прежнему на месте, но с ним ничего не случилось. Хотя я уже сейчас собираюсь с ним кое-что проделать. Возможно, это опять-таки из-за сохранения событий, но я склонен думать, что нет. А дальше идут мутные периоды, пробелы; очевидно, я не могу увидеть ничего, не существующего ныне. Но в ближайшие несколько дней картина совсем иная. Такое впечатление, что я куда-то пропал. Как думаешь, куда это я могу подеваться?

Внезапный отъезд Гарольда произошел между полночью и утренними часами. Все выглядело так, будто он сам упаковал свои вещи, ушел без провожатых, и больше его не видели. Необычен был, разумеется, сам факт его исчезновения, но подробности отъезда никаких подозрений не вызывали. Гарольд всегда

ненавидел то, что сам он называл «тиранией лакея». Все знали его как необычайно независимого человека.

На следующий день Питер проделал с новооткрытой сферой времени некоторые несложные эксперименты. Из шестнадцатого столетия он забрал флакончик духов венецианского стекла; из восемнадцатого — резное палисандровое распятие; из девятнадцатого, когда дворец был резиденцией некоего австрийского графа и его возлюбленной-итальянки, — иллюстрированный вручную экземпляр «*La Nouvelle Justine*» де Сада, прелюбопытный переплет которого был изготовлен из человеческой кожи.

Все это, разумеется, очень скоро исчезло — все, кроме флакончика духов. Питер, таким образом, получил повод к размышлениям. В ближайшем будущем флакончика после его реквизиции в сфере было с полдюжины мутных наплывов; раритет должен был исчезнуть, но не исчез. Однако Питер нашел его на полу, рядом с немалых размеров крысиной дырой...

Не потому ли, задался вопросом Питер, предметы исчезают необъяснимым образом, что закатываются в крысиные дыры? А может, потому, что некий ловец во времени изымает их, когда они вот-вот готовы туда закатиться?

Никаких попыток исследовать будущее Питер не предпринял. Тем же вечером он позвонил в Неаполь своим адвокатам и сообщил им инструкции по поводу своего нового завещания. Имущество Питера Кастельяри, включая его половину находившейся в совместном владении Искьи, теперь отходило итальянскому правительству при двух условиях: первое, что Гарольд Кастельяри сделает аналогичный посмертный дар оставшейся половины собственности, и второе — что итальянское правительство возьмет на себя обязательства превратить дворец в национальный музей, где будет размещена коллекция Питера. Доходы от имущества при этом должны были использоваться для управления музеем и дальнейших приобретений. Своих единственных родственников — двух кузенов в Шотландии — он лишил всякого наследства.

Питер не предпринимал ничего, пока ему не принесли подписанный и засвидетельствованный документ. Только тогда отважился он заглянуть в собственное будущее.

Гарольд говорил, что события сохраняются, подразумевая при этом, как хорошо понимал Питер, события настоящего и

будущего в той же мере, что и прошлого. Но только ли в одном виде могло быть зафиксировано будущее? Мог ли существовать результат прежде повлекшей его причины?

Девизом рода Кастельяри служила крылатая фраза: «*Audentes fortuna juvat*», к которой Питер в возрасте четырнадцати лет прибавил слово «*prudentesque*»: «Судьба помогает смелому — и благоразумному».

Назавтра никаких изменений: комната, которую он разглядывал, была похожа на сегодняшнюю, сфера времени, казалось, исчезла. На следующий день: мутный наплыв. И дальше, и еще дальше...

Непрерывная мутность, заключил Питер, судя по тому, насколько продвинулась ручка реостата, должна была продлиться лет десять. А затем комната внезапно превратилась в длинный мраморный зал, заполненный демонстрационными ящиками.

Питер криво усмехнулся. Если ты Гарольд, то, очевидно, не можешь заглянуть вперед и увидеть Питера работающим в твоей лаборатории. А если ты Питер, ты, что в равной степени очевидно, тоже не можешь заглянуть вперед и узнать, является ли комната, которую ты увидел, доказательством, самим же тобою и состряпанным: или она часть музея, учрежденного после твоей смерти, последовавшей лет через восемь — десять, или...

Проклятье. Восемь лет — не так уж много, но он на них не мог положиться. В конце концов, это же на семь лет раньше, чем Гарольда официально объявят умершим...

Питер медленно двинул вперед ручку верньера. Промельк, другой — долгими сериями. Быстрее вперед. Теперь мелькание стало непрерывным; предметы исчезали из демонстрационных ящиков и заменялись там другими; мрамор все темнел и светлел, темнел и светлел — пока наконец не потемнел и остался темным. Питер понял, что теперь зал оказался перед ним таким, каким он будет столетий через пять. На всех поверхностях экспозиции лежал толстый слой пыли; в углу валялась неопрятная куча мусора и трупик какого-то грызуна.

Сфера помутнела.

Когда она прояснилась, в пыли был виден путанный след шагов, а два демонстрационных ящика опустели.

Отпечатки ступней были тридцать дюймов в длину и напоминали птичью лапку.

После недолгого размышления Питер обошел верстак и наклонился, чтобы заглянуть в сферу с другой стороны. Ближайшее из четырех высоких окон открывало банальную, как на почтовой открытке, сцену: залитый солнцем залив и видимая в перспективе полуокружность города со смутно дымящим на заднем плане Везувием. Но что-то не то было с красками в этом пейзаже — даже учитывая расстояние, они казались какими-то слишком блеклыми.

Питер сходил за биноклем.

Тревогу, конечно, вызывало то, что весь Неаполь затянуло зеленью. Город буквально утопал в буйной растительности. Среди зарослей и листвы Питеру время от времени удавалось разглядеть серые пятна, которые вполне могли быть валунами или руинами зданий. Никакого движения не просматривалось. А в бухте совсем не было судов.

Только нечто весьма странное ползло по склону вулкана. Напоминало оно ржаво-оранжевую трубу на тоненьких подпорках — вроде как у многоножки. Обрывалась штукovina совсем недалеко от вершины.

Прямо на глазах у Питера труба медленно наливалась си-невой.

Еще на день вперед: теперь все демонстрационные ящики разграблены; музей, судя по всему, опустел.

Итак, через пять столетий весь мир, или, по крайней мере, область Кампанию, захватила раса Неких Существ; при этом все человеческое население было истреблено или постепенно вывезено: захватчики также проявили интерес к содержимому музея, которое они, видимо, забрали с собой.

Куда и зачем?

Этот вопрос, по мнению Питера, мог иметь тысячу ответов, девятьсот девяносто девять из которых означали бы, что его афера потерпела крах. Последний оставшийся ответ гласил: в погреб — к безопасности.

Питер собственноручно соорудил чехол, чтобы скрыть прибор на верстаке и сферу над ним. Непривычное занятие — на него ушло добрых двое суток. Затем Питер позвал рабочих, чтобы пробить дыру в каменном полу рядом с перегородкой, оборудовать подъемник и открепить силовой кабель, обеспечиваю-

ший питанием сферу времени, до самой панели с предохранителями. Таким образом, кабель освободился еще не менее чем на сотню футов. Рабочие отвинтили от пола верстак, снабдили его колесиками, опустили в пустой погреб и удалились.

Питер развинтил болты и снял чехол. Затем заглянул в сферу.

Сокровища.

Ряды ящиков, больших и малых, терялись во мгле.

Пальцы аристократа ничуть не дрожали, когда Питер двинул вперед ручку реостата. Мутный наплыв — другой — затем движение, когда он двинул верньер быстрее, а затем просвет — до самых пределов охвата сферы времени.

Двести лет, догадался Питер, примерно от 2700-го до 2900 года, в течение которых в погреб никто не входил. Двести лет «неликвидного» времени.

Питер вернул реостат на начало просвета. Вытащив небольшой ящик, он его вскрыл.

Шахматные фигурки из слоновой кости с золотой инкрустацией. Флорентийские, четырнадцатого столетия. Роскошные.

Затем другой, из противоположного ряда.

Танские статуэтки, кони и воины, от десяти до четырнадцати дюймов высотой. Бесценные.

Томазо сообщил ему, что ящики не горят. Питер сам отправился на кухню посмотреть — и действительно. Куски лежали в ревущей печи целыми и невредимыми. Он вытащил один кочергой — на необтесанной древесине не обгорели даже мельчайшие щепочки.

Тут определенно был некий исключительный смысл. Поскольку ящикам предстояло отправиться обратно, никакое физическое воздействие в промежутке не могло дать эффекта; когда подошло бы время, они просто сложились бы в прежнем виде, подобно козлам Тора. Но горение — дело другое; горение высвобождало энергию, которую нечем было бы заменить.

По крайней мере, так объяснялся один парадокс. Но был и другой, временами изводивший дисциплинированный ум Питера. Если предметы, которые он доставал из погреба через семь сотен с чем-то лет в будущем, должны стать частью завещан-

ной музеею коллекции, хранимой Питером и в конце концов помещенной в тайник, чтобы там быть найденной им самим, — то откуда они взялись с самого начала?

Вопрос тревожил его. Питер так же хорошо знал из жизни, как его брат из физики, что даром никто ничего не получает.

Более того, загадка эта составляла лишь одно из его затруднений, и даже не самое серьезное. Другой пример — упорная мутность сферы времени в ближайшем будущем. Сколько он ни пробовал, результат неизменно был один и тот же: мутный наплыв на всем протяжении до внезапного выхода на свет мраморной галереи.

Следовало ожидать, что сфера не должна ничего показывать все то время, пока сам Питер находился в тайнике, но это покрывало лишь пять-шесть часов из каждых двадцати четырех. Опять-таки предположительно — прибор не стал бы показывать Питеру никаких изменений, произведенных им самим, иначе предвидение дало бы ему возможность поступить иначе. Но он тщательно очистил один угол погребя, установил там экран и дал обет, который держал неделю: не трогать чистое пространство и не сдвигать экран. Затем попробовал снова, с прежним результатом.

Оставалось единственное объяснение: в течение следующих десяти лет с ним должно произойти нечто, что следовало бы предотвратить, но ключ к этому был погребен в удручающем неразрывном пробеле.

И как окончательный вывод: это безусловно нечто такое, что он *мог бы* предотвратить, знает он, *что* это... или хотя бы *когда* это должно случиться.

По всей вероятности, этим событием должна была стать его смерть. Питер нанял девять охранников — по три на смену, так как одному нельзя доверять, двое могут сговориться против него, а троих легко можно поддерживать в состоянии взаимного подозрения. Он также прошел медицинское обследование, проследил, чтобы на каждой двери и каждом окне были поставлены новые замки и задвижки, и принял прочие меры предосторожности, какие только могла подсказать ему его изобретательность. Но даже после всего этого следующие десять лет остались тем же пробелом, что и раньше.

Отчасти Питер этого ожидал. Он еще раз проверил состав своих телохранителей, нашел его вполне подходящим, а посе-

му оставил дело на произвол судьбы. Он сделал все, что от него зависело; оставалось только уповать на будущее. В любом случае события сохранялись; никакого предупреждения сфера времени дать ему не могла.

У другого в схожей ситуации любая радость оказалась бы отравлена страхом и чувством вины; но Питер был просто из другого материала. Если раньше он оставался лишь одиночкой, то теперь сделался отшельником; ему жаль было каждого часа, который не уходил на работу. Утро он проводил в погребе, распаковывая добычу; днем и вечером сортировал ее, вносил в каталог, изучал и — даже это выражение не слишком сильное — буквально пожирал глазами. Когда в такой работе прошли три недели, полки опустели настолько, что силовой кабель уже не доставал до ящиков, не считая тех, что были слишком велики и явно не пролезли бы в сферу. Их, ценой героических волевых усилий, Питер оставил нетронутыми.

И все же он выгреб лишь сотую часть необъятной сокровищницы. С помощью дреков удалось бы расширить поле деятельности, быть может, ярда на три-четыре, но при этом возникал риск повредить добычу; да и в любом случае это не решило бы задачи. Не оставалось ничего другого, как лезть самому в сферу и распаковывать ящики там, — с другой ее «стороны».

Весь оставшийся день Питер ожесточенно и сосредоточенно размышлял. По его мнению, вопрос состоял не в риске — игра стоила свеч; проблема заключалась лишь в том, как этот риск рассчитать и как его по возможности уменьшить.

Кроме того, Питер ощущал определенную тревогу при мысли о том, чтобы проникнуть сквозь этот невещественный пузырь. Интуиция здесь подкреплялась если не логикой, то по крайней мере чувством более чем определенным. Ведь именно теперь — или никогда — должно было наступить время того кризиса.

Кроме того, здравый смысл здесь не помогал. Тревога выражалась в двух символах. Первый — лицо брата Гарольда перед тем, как вода сомкнулась над ним; другой же фантазм — порожденный гигантскими отпечатками трехпалых ступней в

пыли галереи. Питер частенько ловил себя на том, что, сам того не желая, пытается представить себе, как выглядят оставившие их существа, пока зрительный образ не стал отчетлив настолько, что он мог чуть ли не поклясться, что в самом деле их видел.

Это были жуткие чудовища со змеевидными головами, с увенчанными гребнями и громадными немигающими глазищами; а двигались они важной плавной походкой, кивая, будто фантастические индюки.

Однако если разбирать предостерегающие образы по порядку, то, во-первых, не было оснований чувствовать хоть малейшую неловкость в связи с гибелью Гарольда. Никаких свидетелей — тут Питер не сомневался; удар он нанес камнем; камни же оказались тем грузом, что потянул тело вниз, а веревка, подобранная на берегу, длину имела более чем достаточную. Во-вторых, трехпалые Незнакомцы вполне могли быть куда страшнее всех чудищ мира вместе взятых, а ему-то какое дело? Питер может с ними и не встретиться.

Тем не менее тревога не исчезала. Питер беспокоился, ему требовалась какая-то страховка. Когда он ее нашел, то сам удивился, как он сразу не догадался.

Он установит сферу времени как раз на один из периодически возникавших просветов. Таким образом будут исключены несчастные случаи, внезапные заболевания и другие непредсказуемые случайности. Так Питер застрахуется от одного вполне реального и вовсе не иррационального страха — что пока он будет на той стороне, механизм, генерирующий сферу времени, может отключиться, — ибо сохранение событий создавалось вовсе не сферой, а лишь ограничивало ее действие. Что бы ни случилось, двоим невозможно занимать одно и то же время-и-место в качестве наблюдателей в любой точке прошлого или будущего. Следовательно, когда монстр войдет в погреб, Питера там уже не окажется.

Нужно, разумеется, помнить и о флакончике духов. У каждого правила есть исключение; но в данном случае, решил Питер, этот закон не действует. Флакончик духов мог закатиться в крысиную дыру, но человек — никогда.

Он аккуратно вернул реостат к началу наплыва серой мглы; затем к концу следующего — еще осторожнее. Интервал, по его прикидке, составил чуть меньше часа — лучше не придумаешь.

Пульс его, казалось, несколько ускорился, но рассудок остался чист и холоден. Питер сунул нос в сферу и опасно приняхался. Воздух был спертый, с едва заметным каким-то неприятным запахом — но для дыхания вполне пригодным.

Используя ящик в качестве приступка, он забрался на верстак. Затем поставил второй ящик вплотную к сфере — ступень в будущее. Третий ящик стоял уже на полу прямо под сферой — через семь с половиной столетий в будущем.

Питер ступил в сферу, прыгнул и легко приземлился, слегка присев.

Он очутился в погребе будущего. Сфера теперь казалась ярко освещенным шаром, висевшим в воздухе позади Питера, а центр ее находился вровень с его головой. Тени лежали вокруг темными клиньями, перетекая во мрак.

Сердце Питера бешено колотилось. Возникло гнетущее иллюзорное ощущение, как будто — смешно сказать — на его голове надет водолазный шлем. Тишина казалась паузой перед истошным воплем.

Зато вдоль прохода сотнями выстроились ящики с сокровищами.

Питер принялся за работу. Тяжелый, изнурительный труд — открывать ящики, вынимать содержимое и снова их сколачивать, но такую цену Питер должен был заплатить за свою страховку, ибо каждый ящик был в каком-то смысле микрокосмом, подобно самому погребу — капсуле неликвидного времени. Но срок погреба выйдет через каких-нибудь пятьдесят минут, когда головы с гребнями покажутся в этих проходах; что же касается содержимого ящиков, то с ним, по мнению Питера, было по-другому — срок сокровищ был вечностью.

Первый ящик содержал узорный фарфор; второй — рукоятки мечей шакудо; третий — изысканный греческий орнамент четырнадцатого столетия на бронзе «героуссе», ни в чем не уступающей сирийским бронзам.

Питер вдруг обнаружил, что физически не может отпустить вещь, но все же пересилил себя; стоя на ящике-платформе в будущем и высовывая голову в настоящее — подобно (снова дурацкая мысль!) всплывающему из океана водолазу, — он аккуратно разместил вещь на верстаке рядом с остальными.

Потом снова вниз, в неверную тишину и мрак. Следующие ящики были слишком велики, а те, что сразу за ними, даже как-то подозрительны. Питер последовал за своей тенью дальше по проходу. У него оставалось еще двадцать — почти — минут, хватит для одного ящика, выбранного без спешки, а потом вполне достанет времени, чтобы вернуться.

Взглянув направо; в конце ряда ящиков он увидел дверь — тяжелую дверь, усеянную заклепками, с железной ступенькой внизу. Во времена Питера никакой двери там не было, видно, вся планировка здания претерпела изменения. Еще бы! — вдруг понял он. Если бы от дворца, каким он его знал, осталась хоть одна кафельная плитка или оконная перемычка, сфера ни за что не позволила бы ему увидеть это конкретное здесь-и-сейчас, войти в эту — как ее называл Гарольд — пространственно-временную структуру.

Ибо если ты увидел любую из ныне существующих вещей такой, какой она должна появиться в будущем, ты мог изменить ее в настоящем — вырезать на ней нецензурное слово, разломать ее, распилить — что было в принципе невозможно, а следовательно...

А следовательно, первые десять лет по необходимости должны были стать для Питера сплошным пробелом. И не потому, что его ждало что-то скверное, а просто потому, что в том времени еще не успели стереться последние следы старого дворца.

Так что не будет никакого кризиса!

Впрочем, минутку! Ведь Гарольду удалось заглянуть в ближайшее будущее... Но конечно же — Гарольду вскоре предстояло погибнуть.

Во мгле неподалеку от двери Питер заметил несколько ящиков, выглядевших весьма многообещающе. Путь был неровным; одна из неопрятных куч мусора, уже ставших фирменным знаком Незнакомцев, лежала на полу, будто полоса скошенной травы. Питер осторожно ступил вперед — но все же недостаточно осторожно.

А с Гарольдом Кастельяри произошла еще одна случайность, и опять-таки, если рассматривать с такой точки зрения, счастливая. Удар лишь оглушил его; ветхая веревка соскользнула с камней — и, беспомощный, он выплыл там, где сражавшийся

за свою жизнь наверняка бы утонул. Рыбацкая лодка чуть не проехала по нему днищем, но вместо этого его туда подняли. Ученый пострадал от удара, шока, удушья и мало чем отличался от мертвого. Но Гарольд был все еще жив, когда час спустя его доставили в больницу в Неаполе.

Разумеется, при нем не нашли никакого удостоверения личности; на его одежде не было ни нашивок, ни вензелей — об этом позаботился Питер; а первую неделю после своего спасения Гарольд физически не мог дать никаких объяснений о том, кто он и что с ним случилось. На вторую неделю он пошел на поправку, но продолжал отмалчиваться, а под конец третьей, понимая, что, несмотря на явное выздоровление, ему предстоит определенные сложности с выпиской, Гарольд притворился, что вдруг обрел память, и сообщил обстоятельные, но полностью фиктивные сведения о себе, после чего был выписан.

Чтобы понять его поведение, как и все последующие его действия, следует помнить, что Гарольд носил фамилию Кастельяри; в Неаполе, не желая давать Питеру повод для ненужного беспокойства, он не обращался в банк за своими средствами, а получил деньги по чеку с помощью случайного знакомого, датировав документ неделями раньше. Частью полученных денег Гарольд оплатил больничные счета и вознаградил своих спасителей. Другая часть ушла на новую одежду и на оплату четырехдневного проживания в дешевом неприятном отеле, когда он снова привыкал сам заботиться о себе. Остальное, в самый последний день, он потратил на приобретение небольшого, как подсказало ему благоразумие, револьвера и пачки патронов.

Гарольд сел на последний пароход до Искьи и прибыл к парадной двери собственного дома без пяти одиннадцать. Был холодный вечер, и в камине центральной залы пылал веселый огонь.

— Надеюсь, синьор Питер в добром здравии? — осведомился Гарольд, снимая пальто.

— О да, синьор Гарольд. Он чувствует себя превосходно, но очень занят коллекцией.

— Где же он? Мне бы очень хотелось с ним поговорить.

— Он в погребках, синьор Гарольд. Только вот...

— Что же?

— Синьор Питер никого не принимает, когда работает в погребках. Он дал строжайшее распоряжение, синьор Гарольд, чтобы в это время его никто не тревожил.

— Что ж, хорошо, — сказал Гарольд. — Полагаю, мы с ним еще увидимся.

Проклятая штуковина оказалась чем-то вроде медвежьего капкана, только вместо двух полукруглых челюстей там было четыре сегмента, которые сходились в центре — каждый с острым зубчиком. Боль была просто невыносимая.

Все сегменты двигались на концах тонких рычагов, предусмотрительно посаженных на шарниры так, что ужасный механизм защелкивался, стоило наступить на любую из четырех частей. Каждый рычаг имел пружину — слишком мощную для мышц Питера. Вся конструкция соединялась цепочкой с надежно вмонтированным в бетонный пол крюком. Питеру этот крюк позволял двигаться в радиусе одного фута. Еще бы чуть-чуть — и можно было бы перегрызть собственную ногу, тоскливо подумал Питер, но ничего не мог поделать.

Грозная загадка состояла в том, зачем здесь вообще оказалось адское приспособление. Разумеется, как и в родном времени Гарольда, здесь в погребках водились крысы. Но можно ли себе представить, что трехпалые Незнакомцы установили такую машину для поимки крыс?

И тут Питер вспомнил, что забытые изобретения временами изобретаются вновь. Даже если бы он припрятал сферу времени на всю оставшуюся жизнь и ей не суждено было пережить его, то в отдаленном будущем все равно могли оказаться другие ловцы во времени — если и не здесь, то в других сокровищницах. Вот как могло объясняться присутствие этого воплощенного ужаса — механизма с металлическими челюстями. Подобным образом можно было объяснить и существование самого погреба — лучшей ловушки для человека. Да только все это полная чепуха — добыча могла оставаться в ловушке только до тех пор, пока ловец не явится заглянуть в нее. События, как и жизни осмотрительных путешественников во времени, сохранялись.

А в подвале Питер находился уже почти сорок минут. Еще минут двадцать — двадцать пять, в крайнем случае тридцать, а

потом войдут Некие Существа, и он окажется на свободе. У него есть страховка — только эта мысль и позволяла Питеру как-то мириться с болью, ставшей для него теперь центром мироздания. Сейчас он переживал ощущения, родственные тем, что случались во время визита к дантисту в жуткие старые времена до изобретения новокаина; временами боль казалась просто невыносимой, но утешало сознание того, что это должно когда-нибудь кончиться.

Склонив голову, он задержал дыхание. Глухой отдаленный стук, еще один, затем отвратительный скрип, затем — тишина.

Но он уже слышал их. Он знал — они там. Теперь уже скоро.

Трое мужчин — двое коренастых, один худощавый — играли в карты перед закрытой дверью, которая вела к лестнице в погреб. Нехотя они встали.

— Кто он? — спросил тот, что с виду казался покрепче.

Томазо что-то затрещал ему на бешеном сицилийском, охранник помрачнел, но взглянул на Гарольда с уважением.

— А теперь, — заявил Гарольд, — я иду увидаться с братом.

— Нет, синьор, — уверенно возразил крепыш.

— Ваше поведение вызывающе, — сказал ему Гарольд.

— Да, синьор.

Гарольд нахмурился:

— Вы дадите мне пройти?

— Нет, синьор.

— Тогда пойдите и скажите моему брату, что я здесь.

Оправдывающимся тоном, но твердо крепыш пояснил, что этого также не позволяют строжайшие инструкции; впрочем, Гарольд сильно бы удивился, скажи охранник что-то другое.

— Хорошо, но я полагаю, вы по крайней мере можете мне сказать, когда он выйдет оттуда?

— Скоро, синьор. Через час, не больше.

— Ну что ж, очень хорошо, — раздраженно проговорил Гарольд, разворачиваясь вполоборота. — А теперь, — заявил он, поворачиваясь обратно и вынимая из кармана револьвер, — поднимите-ка руки и встаньте там, у стены, ясно?

Первые двое нехотя подчинились. Третий, худощавый, выстрелил сквозь карман плаща — прямо как гангстеры в американских фильмах.

Ощущение совсем не такое острое, с удивлением обнаружил Гарольд, скорее похоже на увесистый удар в бок крикетной битой. Грохот выстрела, казалось, бесконечно рикошетировал от стен. Гарольд почувствовал, как револьвер подпрыгнул в руке, когда он выстрелил в ответ, но так и не смог разобрать, попал он в кого-нибудь или нет. Казалось, все происходит очень медленно — и в то же время страшно тяжело было сохранять равновесие. Разворачиваясь, он успел заметить, что двое коренастых парней уже запустили руки под куртки и что у худого до отказа распахнут рот, а у Томазо точно так же — глаза. Затем стена полетела ему навстречу, и Гарольд поплыл вдоль нее, стараясь не выронить зачем-то оказавшийся у него в руке револьвер.

Только он обогнул первый поворот, как грохот раздался снова. Фонтан штукатурки брызнул в глаза; затем Гарольд неловко побежал, а позади него послышался хор диких выкриков.

Поначалу ученый избрал местом назначения лабораторию — чисто инстинктивный выбор, никак не подкрепленный логикой. Но на полпути через главную залу он понял, что туда ему не добратся.

Гарольд обернулся и метнул взгляд искоса в направлении коридора; там он увидел движущееся пятно и выстрелил. Пятно исчезло. Затем ученый неуклюже повернулся обратно и успел сделать пару шагов к креслу — ближайшему своему убежищу, когда что-то с силой врезалось ему между лопаток. Еще шаг — колени подогнулись — и стена нанесла ему второй удар, помягче. Гарольд упал навзничь, сжимая окостеневшими руками гобелен, висевший рядом с камином.

Когда три охранника, которых звали Энрико, Альберто и Лука, опасливо появились из коридора и приблизились к телу Гарольда, оно уже, подобно трупам викингов, пылало в своем импровизированном саване — мутные кони, охотники и соколы корчились на гобелене и рассыпались сверкающим великолепием. Мгновение спустя неровное кольцо огня поплыло по ковру под ноги ошарашенным зрителям.

Хотя слуги прибежали с кухни с огнетушителями и ведрами, пожарные были вызваны незамедлительно, — все было бесполезно. Через пять минут зала пылала в огне; через десять, когда в окнах лопнули стекла, а стены покосились, пламя охватило второй этаж. Через двадцать минут груда пылающих бревен рухнула в погреб через дыру, проделанную Питером в полу лаборатории, уничтожив прибор со сферой времени и создав в погребе, как впоследствии записали в протоколе соответствующие должностные лица, температуру, вполне достаточную для того, чтобы начисто уничтожить человеческое тело без каких-либо следов. И уже по одной только этой причине никаких следов тела Питера обнаружено не было.

Звуки снова раздались в тот момент, когда Питер увидел, как свет сферы времени поддрумнянися, а затем вдруг погас — будто задутая свеча.

И тут, в крошечной тьме, он услышал, как открывается дверь.

ХУДОЖЕСТВО

Около часа дня в Южной Калифорнии произошел временной сдвиг. Однако мистер Гордон Фиш принял его за землетрясение. Недовольный и растерянный, он пробудился от своей дневной дремы, ожесточенно моргая и морща физиономию, розовую, будто отшлепанная задница младенца, со всклокоченной песочной бородой и песочными же бровями. Затем он поднялся с дивана и прислушался. Не услышав ни воплей, ни грохота рушащихся зданий, Фиш облегченно вздохнул.

И тут он услышал стук.

Встревоженно озираясь, Фиш приблизился к двери. Очки он оставил на столе, возвращаться и искать их времени не было, — а вдруг это клиент или, упаси Боже, следователь из города? А в таком случае... Он открыл дверь.

За дверью стоял худошавый мужчина в фиолетовом. Невысокий — вряд ли хоть дюймом выше Гордона Фиша. Мужчина осведомился:

— Платт-Террас, триста двадцать два дробь два? — В глазах Фиша лицо его расплывалось мутным пятном овальной формы; похоже, мужчина носил мундир посыльного — но почему фиолетовый?

— Совершенно верно, триста двадцать два дробь два, именно так, — подтвердил Фиш, вглядываясь в розовую физиономию. За спиной посыльного маячили еще несколько типов странной наружности и груда ящиков. — А что вам, собственно...

— Порядок, чуки, заносите, — бросил мужчина через плечо. — Пришлось поискать вас, банг, — сказал он Фишу и

быстро проскользнул в гостиную. За ним последовали и остальные мужчины в фиолетовых трико, пошатываясь под тяжестью ящиков: вначале они внесли большой, затем два поменьше, затем действительно здоровенный, а затем целую грудку небольших ящичков.

— Эй-эй, подождите, тут какая-то ошибка, — пританцовывая и стараясь не попасться под ноги грузчикам, начал Фиш. — Я ничего не заказывал...

Первый мужчина в фиолетовом взглянул на бумажку у себя в руках.

— Платт-Террас, триста двадцать два *с половиной*? — спросил он. Голос его звучал невнятно и раздраженно, будто мужчина был слегка пьян или, подобно самому Фишу, только что проснулся.

Фиш не на шутку рассердился:

— Говорю вам: я ничего не заказывал! Какое мне дело... Что это вы тут? Вламываете к человеку в дом... Давайте-ка выметайтесь отсюда! — Разъяренный, он бросился к двум типам, пристраивавшим один из меньших ящиков на диване.

— Адрес ваш, — скучающим тоном заметил первый мужчина и сунул Фишу какие-то бумаги. — Если не нужно, отошлете обратно. Мы только доставляем. — Люди в фиолетовом направились к двери.

Последним вышел говоривший.

— Банг, да вы просто двин! — сказал он напоследок и закрыл дверь.

Вне себя от ярости, Фиш принялся шарить в поисках очков. Да, вот тут они и должны лежать, но проклятые грузчики все перевернули вверх дном. Тогда он, подергиваясь от гнева, направился к двери. Проклятье, ему бы только найти очки, а уж тогда он хорошенько запомнит эти рожи... Фиш открыл дверь. Кучка мужчин в фиолетовой униформе стояла во двореке; похоже, они были чем-то озадачены. Один из них обратил розовое пятнышко лица к Фишу.

— Эй, а где здесь... — Последнее слово Фиш не разобрал. Что-то вроде «долболоба».

Затем последовал еще один толчок — и Фиш прислонился к дверному косяку. Похоже было на сильное подземное колебание, но когда он поднял взгляд, пальмы на улице нисколь-

раскачивались, а здания стояли твердо и непоколебимо. Станные типы в фиолетовом исчезли.

Изрыгая проклятия, Фиш вернулся в гостиную, громко хлопнув за собой дверь. Под ноги ему попался самый большой ящик. Фиш пнул его, и от ящика отлетела рейка. Он пнул еще раз, злорадно крикнув. Целая стенка с треском отошла — и обнажилась черная эмалированная панель. Фиш пнул и панель, но только ушиб пальцы.

— Гм, — произнес Фиш, разглядывая гладкую черную отделку неизвестного аппарата. — Однако...

Судя по всему, штукавина стоила немалых денег. Присматриваясь повнимательнее, он провел пальцем по металлу. Гладкий и прохладный. На вид — все, что угодно. Например, промышленное оборудование, стоявшее для заинтересованной стороны не одну тысячу долларов. С растущим волнением Фиш подбежал к столу, обнаружил очки под россыпью журналов и припустил обратно, на ходу нацепляя очки на свои подлые маленькие глазки.

Он оторвал еще несколько реек. Ящик развалился — и перед Фишем оказался металлический аппарат странных очертаний с кнопками, переключателями и циферблатами на крышке. На белой табличке была выгравирована надпись **TECKNING MASKIN**, а за ней несколько цифр. Все смотрелось многозначительно и даже несколько зловеще. С бьющимся сердцем Фиш провел кончиками пальцев по выпуклым кнопкам и блестящим ручкам переключателей. Раздался негромкий щелчок. Он заметил, что случайно перевел один из переключателей из положения «Av» в положение «På». Циферблаты засветились, а на пустую гладкую площадку в середине стал выползать целый набор длинных и крючковатых, похожих на клешни, манипуляторов.

Фиш поспешно перевел переключатель обратно на «Av». Циферблаты погасли, манипуляторы, вдруг показавшись Фишу как бы разочарованными, поползли обратно в свои гнезда.

Да, это устройство работало, что было довольно странно, так как Фиш никуда его не включал. Коротышка с тревогой разглядывал машину, потирая пухлые ручки. Батарейки? В такой большой машине? А странные циферблаты, а необычное впечатление, которое вся машина в целом производила, и «Teckning Maskin» — даже не по-английски. Вот она лежит, все восемь

или девять частей заполняют гостиную. Один ящик, отметил Фиш с недовольством, даже заслоняет ему телевизор. А что, если все это чья-нибудь *шутка*?

Не успел он об этом подумать, как тут же мгновенно оценил ситуацию. Ящики уже здесь, а через несколько дней непременно придет счет. — пожалуй, эти штуковины не уберут, пока он не оплатит перевозку. И все это время шутник будет смеяться до упаду. Негодяй, приказавший доставить машины на имя Фиша, будет смеяться, — какой-то давнишний враг. А может статься, тот, кого Фиш всегда считал другом.

Со слезами ярости на глазах он снова бросился к двери, распахнул ее настежь и стал, тяжело дыша, оглядывать дворик. Никого. Фиш захлопнул дверь и опять остановился, беспомощно взирая на ящики. Какая гнусная игра! Интересно, как он теперь будет смотреть «Облаву» и где, черт побери, ему теперь беседовать с клиентами — *на кухне*?

Фиш плюнул и изо всей силы пнул еще один ящик. Рейки отлетели, и оттуда что-то выпало — небольшой желтый буклет. Внутри Фиш опять увидел черную эмалированную аппаратуру. В ярости он нагнулся, чтобы подобрать буклет, и попытался порвать его, но только порезал палец. Тогда Фиш швырнул буклет и завопил: «Ну погодите!» — приплясывая от одного ящика к другому, яростно пиная их. Рейки устлали пол. Из куч хлама вставали сверкающие машины — некоторые с циферблатами, а некоторые без. Запыхавшись, Фиш остановился и уставился на аппараты в каком-то новом недоумении.

Розыгрыш? Вряд ли. Такие большие промышленные машины — это не заказ из универмага. Но тогда что? Ошибка? Фиш присел на подлокотник кресла и нахмурился, ероша бороду. И так, во-первых, он ничего не подписывал. Даже если бы грузчики завтра вернулись, а он куда-нибудь дел, скажем, одну часть, он всегда мог бы заявить, что ящиков было всего *восемь*, а не *девять*. Или если Фиш избавится вообще от всего — по частям, разумеется, то, когда грузчики вернутся, он просто сможет все отрицать. Не слышал он никогда ни о какой аппаратуре. У Фиша начали сдавать нервы. Он вскочил, огляделся и снова сел. Спешка, спешка — вот в чем вся беда. Надо покончить со спешкой. Но что же это в самом деле за оборудование?

Фиш нахмурился, поерзал, встал и сел. Наконец подошел к телефону, нашел нужный номер и позвонил. Приложив руку к груди, он звучно прочистил горло.

— Бен? Это Гордон Фиш, Бен... Спасибо, отлично. Вот что, Бен... — Он доверительно понизил голос. — Мне тут вернулся клиент, который хочет сбыть кое-какую продукцию «Текнинг Маскин». Восемь.. Что? «Текнинг Маскин». Какая-то аппаратура, Бен. Т-Е-К-Н-И-Н-Г... Нет? Ну, мне так передали. У меня так записано. Значит, ты никогда... М-да, странно... Видно, какая-то ошибка. Ладно, Бен, я еще раз проверю, а там посмотрим. Да, большое спасибо. Спасибо, Бен, будь здоров.

Фиш повесил трубку и досадливо закусил кончики бакенбардов. Если уж Бен Абрамс никогда не слышал о такой фирме, значит, никакого спроса на ее продукцию нет, по крайней мере в окрестных штатах... Странно... Теперь штукovina уже начала вызывать у него серьезные подозрения. Странно... Фиш облазил все машины, так и сяк их разглядывая. Ему попалась еще одна белая табличка с выгравированной надписью; там также значилось: «Teckning Maskin», ниже стояло: «Bank 1», а затем две колонки цифр и слов: «3 Folk, 4 Djur, 5 Byggnader» и так далее в таком роде. Бредовые слова, даже не напоминают ни один знакомый язык! И еще эти придурки в фиолетовой униформе... Минутку, минутку! Фиш щелкнул пальцами, остановился и замер в позе мыслителя. Что сказал тот парень, когда уходил? Фиш вспомнил, что слова привели его в бешенство — что-то вроде «босс, да вы просто псих». Да, он тогда чуть не лопнул от злости; очень похоже на оскорбление, но что это значило на самом деле?

А еще землетрясение, что случилось как раз перед их приходом, пробудившее Фиша от крепкого сна и оставившее весьма странное чувство. А затем еще одно, после их ухода, — но только это не было землетрясение, ведь он отчетливо помнил, что пальмы даже не вздрогнули.

Фиш осторожно провел пальцами по сияющему закругленному краю ближайшей машины. Сердце глухо колотилось; он облизал запекшиеся губы. У Фиша появилось чувство — нет, он действительно знал: за машинами никто не вернется.

Они принадлежали ему. Да, и где-то там в них таились деньги — он чуял запах. Но как их извлечь? Что могли делать эти машины?

Фиш аккуратно вскрыл все ящики. В одном вместо машины оказалась металлическая коробка, полная листов плотной бумаги. Прямоугольные листы — по размеру они, похоже, подходили к гладкой центральной площадке самой большой машины. Фиш примерил туда один лист, и тот точно подошел.

Ну а почему бы и нет? Фиш нервно потер руки, а затем повернул переключатель. Циферблаты засветились, а крючковые манипуляторы опять вылезли наружу, но больше ничего не произошло. Фиш снова наклонился поближе и осмотрел другие ручки управления. Там была стрелка и ряд пометок: «Av», «Bank 1», «Bank 2» — и так далее до «Bank 9». Он осторожно перевел стрелку на «Bank 1». Манипуляторы неторопливо двинулись и тут же остановились.

Что еще? На трех красных кнопках значилось: «Utplåna», «Torka» и «Avslå». Он нажал одну из них, но ничего не произошло. Был еще ряд белых, как в арифмометре — все пронумерованные. Фиш наудачу нажал одну, затем другую и собирался было нажать третью, как вдруг в смятении отпрянул. Крючковые манипуляторы двигались — стремительно и целенаправленно. И там, где они проходили, на бумаге появлялись тонкие темно-серые линии.

Разинув рот и выпучив глаза, Фиш снова наклонился поближе. Маленькие перышки на концах манипуляторов плавно ездили по бумаге, оставляя за собой стройные линии. Манипуляторы двигались, сжимались на своих цапфочках и пружинках, носились туда-сюда, слегка приподнимались, снова опускались и двигались дальше. Черт возьми, машина рисовала — прямо на глазах у Фиша рисовала картинку! Справа сверху под манипулятором вырисовывалось лицо, затем шея и плечи — сильный молодой мужчина, наподобие греческой статуи. А в то же время слева сверху другой манипулятор рисовал бычью голову с цветами между рогов. Вот появился торс мужчины, на нем была греческая тога, или как там это называлось, а в самом верху выгнулась бычья спина. Теперь рука мужчины и хвост быка, а теперь другая рука и задние ноги быка.

Вот и все. Рисунок изображал мужчину, швыряющего цветы в быка, который как бы подпрыгивал и оглядывался через плечо на мужчину. Манипуляторы остановились, а затем стали втягиваться и совсем исчезли. Циферблаты погасли, а переключатель сам вернулся обратно на «På».

Фиш взял листок и рассмотрел его, возбужденный, но и слегка разочарованный. В *искусстве* он, конечно, ничего не смыслил, но был уверен, что ничего толкового в рисунке нет — все одного цвета и примитивно, вроде как у детей. А бык — где это видано, чтоб бык так танцевал? И еще с цветами между рогов? Но все же если машина нарисовала хоть такое, она, возможно, нарисует и что-нибудь получше; только вот Фиш пока не вполне понимал, что ему от этого *обломится*. Где можно продать рисунок — даже хорошие? Но ведь где-то можно? А может, продемонстрировать саму машину на какой-нибудь научно-технической выставке? Нет, Фиш торопливо отбросил эту мысль — слишком большая огласка, слишком много вопросов. Боже милостивый, а если Вера обнаружит, что он все еще жив, или вдруг скрэнтонская полиция...

Рисунки. Машина, которая производит рисунки. Фиш взглянул на все восемь грузных и внушительных ее частей, покрытых черной эмалью, разбросанных по гостиной. Все это порядком напоминало аппаратуру именно для производства рисунков. На этом Фиш и остановился — и был разочарован. Он ожидал, скажем, штамповку по металлу или что-нибудь в таком роде, что-то более реальное. Трах-бах — металлическая пасть опускается, трень-брень — блестящий кусок нужной формы падает в корзину. Вот такая аппаратура ему бы подошла; а это...

Фиш присел и задумался, неодобрительно комкая в руках лист бумаги. Всегда такие разочарования. В самом деле, его самым успешным бизнесом была женитьба. Фиш женился пять раз и всегда извлекал некоторую прибыль. Он огладил рубашку на жирном пузе. А в промежутках Фиш брался за все, что попадалось под руку: несколько лет занимался брачным консультированием, а также, если удавалось набрать достаточно клиентов, проводил душеспасительные беседы или практиковал натуропатию. Все зависело от обстоятельств. Но почему-то всякий раз получалось так, будто вот у него в руках настоящая золотая жила, а потом она ускользает прямо из-под носа. Фиш даже побагровел от досады, вспомнив ту зиму, когда пришлось пойти работать в какой-то жалкий обувной магазин... Приобретение дома также несколько расхолодило Фиша, он становился ленив — проводил душеспасительные беседы лишь с одним-двумя клиентами в неделю. Надо бы заняться делом, найти новые контакты, пока не вышли все деньги.

Как всегда, мысли о бедности пробудили у Фиша волчий аппетит. Он помял жирное пузо. Время ленча. Фиш торопливо надел куртку и, будто в последний момент сообразив, скатал рисунок и сунул его под мышку.

Фиш держал путь в шашлычную в трех кварталах от дома, где он за последнее время не раз подкреплялся, стараясь экономить средства. На раздаче стоял молодой парень, по имени Дэйв, тощий и бледный, с темным чубом, падавшим ему на лоб. Фиш как-то уже имел с ним дружескую беседу и знал, что парень посещает вечернюю художественную школу в Пасадене. Фиш попытался было заполучить его для душевспасительных бесед, но юнец откровенно признался, что «в это не верит», — признался так искренне и дружелюбно, что Фиш даже не затаил зла.

— Порцию мяса по-мексикански, Дэйв, — приветливо сказал Фиш, усевшись на высокий табурет и аккуратно разместив скатанный рисунок на коленях. Ноги его до пола не доставали; бумага оказалась надежно зажата между пузом и стойкой.

— Добрый день, док. С прибытием.

Расстегнув воротничок, Фиш склонился над миской. Тем временем другой посетитель расплатился и ушел.

— Послушай, Дэйв, — чавкая, невнятно пробурчал Фиш, — хочу узнать твое мнение по поводу одной вещицы. Уфф... — Изловчившись, он раскатал лист на стойке. — Как думаешь, есть тут толк?

— Скажите, док, — спросил Дэйв, подходя поближе, — а где вы *такое* достали?

— Гм... А-а, это мой племянник, — с готовностью ответил Фиш. — Он, понимаешь ли, хочет, чтобы я посоветовал, стоит ли ему продолжать, потому что...

— Стоит ли продолжать? Ну и ну! А где он учился?

— А-а, сам, понимаешь ли, сам научился — там, дома. — Фиш в очередной раз набил рот. — Очень, знаешь ли, способный мальчик, но...

— Ну если он сам научился так рисовать, то он, должно быть, настоящий гений.

Фиш даже жевать перестал.

— Ты серьезно?

— Ну ясное дело. Послушайте, док, а вы уверены, что он сам это нарисовал?

— Конечно, конечно. — Фиш отмел обвинение в непорядочности. — Абсолютно честный мальчик, уж я-то его знаю. Нет, раз он говорит, что сам нарисовал, значит, — он глотнул, — сам и нарисовал. Но теперь скажи честно: ты в самом деле считаешь, что это так здорово?..

— Что вы, я правду говорю. С первого взгляда мне вообще показалось, что это Пикассо. Классического периода. Теперь я, конечно, вижу — тут другое. Но черт меня побери, это здорово. Я хочу сказать, если вы хотите знать мое мнение, то...

Фиш усердно кивал, всем своим видом подчеркивая, что слова Дэйва лишь подтверждают его собственные выводы:

— Угу, угу. Что ж, я рад, сынок, что ты так считаешь. Понимаешь ли, раз уж я родственник этому мальчику, я подумал... Конечно, на меня это произвело впечатление. Сильное впечатление. Так же, как и ты, я подумал о Пикассо. Но вот что касается денежной стороны... — он скорбно покачал головой, — то для нас обоих не секрет...

Дэйв почесал в затылке.

— Ну, тут все в порядке. Он наверняка смог бы получить заказы. Я хочу сказать, если бы у меня получались такие линии... — Он провел в воздухе контур поднятой руки мужчины.

— Да, так что там насчет заказов? — возбужденно ерзая, спросил Фиш.

— А, ну, знаете ли, на портреты, или на промышленный дизайн, или что он там себе выберет. — Дэйв покачал головой от восхищения, не сводя глаз с рисунка. — Если бы еще и в цвете...

— А что, Дэйв?

— Видите ли, я тут подумал... В Сан-Габриэле как раз объявлен конкурс на стенную роспись для городского центра. Приз — десять тысяч долларов. Вообще-то я не знаю, может и не получится, но почему бы вам не предложить ему сделать все в цвете и не послать туда?

— В цвете, — без энтузиазма повторил Фиш. Он не сомневался, что машина ничего не станет раскрашивать. Можно, конечно, раздобыть коробку акварельных красок, но... — Понимаешь, Дэйв, тут вот какое дело, — начал он, поспешно соображая, — мальчик-то, видишь ли, заболел. Повредил руку... Ну, не так уж серьезно, — добавил он в утешение, поскольку рот Дэйва сочувственно округлился, — но еще какое-то вре-

мя он ничего не сможет рисовать. Жаль, а ведь он мог бы, понимаешь, использовать эти деньги, чтобы расплатиться с докторами. — Фиш пожевал и глотнул. — Я тебе вот что скажу, хотя, конечно, идея-то бредовая: а почему бы тебе, Дэйв, не раскрасить этот рисунок да и не послать на конкурс? Понятно, если он не выиграет, я тебе заплатить не смогу, но...

— Да, черт возьми, док, но я не знаю, как это понравится вашему племяннику. Может, он задумал что-то другое — скажем, совсем другую цветовую гамму. Понимаете, мне бы не хотелось...

— Всю ответственность я беру на себя, — уверенно заявил Фиш. — Об этом не беспокойся. А если мы выиграем — что ж, я позабочусь, чтобы твоя работа была щедро оплачена, Дэйв. Ну так как?

— Тогда конечно, док. Я готов, ясное дело, — кивая головой и краснея, согласился Дэйв. — В ближайшие два дня я все сделаю, а затем отправлю по почте. Ладно? Тогда... Ах да, вот еще что — как зовут вашего племянника?

— Джордж Уилмингтон, — назвал Фиш первое попавшееся имя и оттолкнул в сторону пустую миску. — Уф, Дэйв, пожалуй, я закажу еще и ребрышки с картофельной стружкой.

Фиш отправился домой с резко возросшим уважением к машине. Он был уверен, что победа на конкурсе городского центра уже у него в кармане. Десять тысяч долларов! За один рисунок! Ну и ну, да в этой машине таились миллионы! Он аккуратно запер за собой входную дверь и опустил жалюзи, чтобы совсем затемнить хмурую маленькую гостиную. Затем включил свет. Вот она, машина, — все восемь сверкающих ее частей, расставленные на полу, мебели — повсюду. Он возбужденно переходил от одной части к другой, оглаживая ровные черные поверхности. Вся эта дорогушая аппаратура целиком принадлежала ему!

Пожалуй, можно испытать ее еще разок — просто ради интереса. Фиш взял из стопки еще один лист плотной бумаги, положил его в углубление и перевел переключатель на «Ра». С удовольствием он наблюдал, как циферблаты засветились, а крючковатые манипуляторы выползли наружу и зашлись. На бумаге появлялось все больше линий: сначала какие-то волнистые сверху — пока непонятно что. А немного ниже — две длинные, загнутые вверх линии, что-то вроде

подкрученных кверху усов. Фиш будто решал головоломку, пытаясь угадать, чем все это окажется.

Под волнистыми линиями, которые Фиш теперь определил как волосы, стрелка нарисовала глаза и нос. Другая тем временем скользила по наброску того, что, как очень скоро выяснилось, было головой быка. Вот остальная часть лица девушки, рука и нога — недурны, но как-то уж слишком мускулисты. Вот расставленные ноги быка, а затем — вот те на! — никакой это не бык, между ног у него болтается пухлая дуля с торчащими сосками. Это же корова! Значит, девушка едет верхом на корове, у которой, как и раньше, меж рогов лежат цветы.

Фиш разочарованно разглядывал рисунок. Люди и коровы — неужели машина больше ни на что не способна?

Он с досадой потерел бороду. Черт возьми, разве нельзя ожидать, что кому-то понадобится рисунок, который изображал бы что-нибудь помимо быков и людей? Просто нелепость какая-то — восемь больших аппаратов, и...

Минутку, минутку.

— Не сдавайся на полпути, Гордон, — вслух сказал себе Фиш. Именно так обычно говорила Флоренс, вторая его жена — хотя, правду сказать, она всегда звала его «Фишкой». От неприятного воспоминания Фиш сморщился. Что ж, теперь он, по крайней мере, заметил, что все кнопки, которые он нажал раньше, все еще утоплены. Значит, надо сделать что-то еще. Вдохновленный очередной идеей, Фиш поспешил к машине, помеченной как «Bank 1», и стал ее изучать. Вот он, этот список, где под номером 3 — «Folk», а под номером 4 — «Djug». Именно эти номера Фиш нажал на большой машине, а значит... «Folk» могло означать «люди», а «Djug» — ну, это, наверное, какое-нибудь бредовое слово для «быков». Следовательно, если он нажмет другой набор кнопок, тогда машина нарисует что-то еще.

Пятнадцать минут спустя Фиш убедился, что именно так и обстоит дело. Нажатие первых двух кнопок, «Land» и «Planta», дало рисунки, изображавшие сцены на открытом воздухе — просто холмы и деревья. «Folk» означало «люди», а «Djug», судя по всему, «животные»; теперь он вместо быков получал собак и коз. «Byggnader» означало «здания». Затем все несколько усложнялось.

Кнопка, обозначенная как «Arbete», дала рисунки людей за работой; другая, помеченная как «Kårlek», изобразила сцены с

целующимися парочками — все в каких-то греческих одеяниях, а пейзажи и здания как бы смутные и призрачные. Затем шел целый ряд кнопок под общим названием «Plats» и другой, обозначенный как «Tid», которые, судя по всему, определяли время и место рисунков. В частности, когда Фиш нажал: «Egyptisk» и «Gammal» вместе с «Folk», «Byggnader» и, чисто по наитию, со словом, которое, по его догадке, означало «религию», он получил рисунок, изображавший жрецов в египетских головных уборах, что склонялись перед огромной статуей Гора. Это было уже что-то!

На следующий день Фиш снова сбил ящики, оставив неприколотенными только крышки, чтобы их легко можно было снять для работы с машинами. По ходу дела он наткнулся на брошенный им на пол желтый буклетик. Там содержались инструкции; в каких-то проглядывал смысл, в каких-то нет, но весь текст был все на том же незнакомом языке. Фиш убрал буклет в выдвижной ящик шкафа под грудку грязного белья и выбросил его из головы. Кряхтя и обливаясь потом, он все же сумел растолкать меньшие ящики по углам и переставить мебель так, чтобы для самого большого ящика нашлось свободное место у стены. Обстановка все равно выглядела ужасно, но теперь Фиш по крайней мере мог легко двигаться по комнате, принимать клиентов, мог снова смотреть телевизор.

Каждый день он отправлялся в шашлычную на ленч или заходил туда просто так — и всякий раз, увидев его, Дэйв отрицательно мотал головой. Затем всю вторую половину дня Фиш просиживал с кружкой пива, с тарелкой орехов или конфеток и наблюдал, как машина рисует. Используя всю бумагу из пачки, он стал класть ее другой стороной.

Но как же извлечь из рисунков деньги? После некоторых раздумий Фиш соорудил простенькую коробку с волшебными письменами и использовал ее вместе с египетскими рисунками (их уже накопилась дюжина, все с разными богами, но после первого раза машина уже не рисовала никаких жрецов) — использовал, чтобы демонстрировать клиентам, что происходило с ними в предыдущих перерождениях. Работы немного прибавилось, и несколько раз чутье подсказало ему, что за счет рисунков можно повесить гонорар. Но и это были лишь карман-

ные деньги. Фиш знал, что в машине таятся миллионы, он почти чувял их запах — но как их извлечь?

Однажды ему пришло в голову, что можно попытаться получить патент на машину, а потом продать его. Сложность состояла в том, что Фиш не имел ни малейшего представления, как работает проклятая штуковина. Вроде бы меньшие машины содержали в себе рисунки — или фрагменты рисунков, а большая машина складывала их воедино — но как? Пылая нетерпением, Фиш снова разобрал большой ящик, отодвинул мебель и стал обшаривать гладкую черную стенку машины, чтобы посмотреть, нельзя ли ее как-нибудь открыть.

Вскоре он наткнулся на две неглубокие впадины в металле; для пробы надавил, затем потянул вверх — и вся боковая стенка машины отвалилась.

Она почти ничего не весила. Фиш отложил ее в сторону, нерешительно разглядывая внутренности машины. Там царил мрак — не было видно ничего, кроме нескольких крошечных световых пятнышек, подобных неподвижно висящим пылинкам слюды. Никаких проводов — вообще ничего. Фиш взял лист бумаги и положил его в углубление, потом запустил машину. Затем присел на корточки. Крошечные световые пятнышки перемещались, медленно кружась друг вокруг друга в такт с движениями рисующих манипуляторов. В глубине было еще темнее, а расстояние странным образом казалось больше, чем можно было ожидать, судя по размерам конструкции.

Держась за переднюю часть машины, Фиш коснулся другой неглубокой впадинки и, сам того не желая, потянул вверх. Целая передняя стенка машины отпала, а с ней и вторая боковая.

Фиш отчаянно отпрянул, чтобы убрать голову, но верхняя часть машины не упала. Она осталась на месте, хотя ее уже не держало ничего, кроме задней стенки.

А под ней — ничего. Никакого содержимого, лишь густая тьма и маленькие звездочки, медленно перемещавшиеся по мере того, как машина рисовала.

Фиш торопливо поставил все стенки на место. Они легко легли туда и прижались друг к другу так плотно, что он не мог разглядеть между ними никакой щели.

Потом Фиш снова сколотил ящик и больше никогда не отваживался заглянуть во внутренности машины.

Дэйв спешил к нему с другого конца стойки.

— Док! Где же вы пропадали? — Парень вытирал руки о передник и нервно хихикал, как-то по-особому шурясь. Посетитель на другом конце стойки поднял удивленный взгляд, а потом продолжил жевать с открытым ртом.

— Ну, у меня была куча дел... — машинально принялся объяснять Фиш. — Постой! Не хочешь ли ты сказать...

Дэйв выудил из заднего кармана длинный белый конверт.

— Вот, смотрите! Вчера получил! — Конверт хрустел в его нервных пальцах. Наконец парень вытащил оттуда сложенное письмо, и Фиш жадно выхватил листок. Тяжело дыша, Дэйв заглядывал ему через плечо, пока Фиш читал:

«Дорогой мистер Уилмингтон!

С превеликим удовольствием сообщаем вам, что ваш дизайн удостоился первой премии в конкурсе на лучшую стенную роспись городского центра Сан-Габриэля. По мнению жюри, классическая простота вашей работы вкупе с техническим совершенством сделала очевидным ее превосходство над остальными представленными работами.

К сему прилагается чек на три тысячи долларов (\$ 3000)...»

— Где? — завопил Фиш, отрывая взгляд от письма.

— Вот, — с несколько натянутой улыбкой сказал Дэйв и вынул из конверта розовый клочок бумаги. Отпечатанная красным надпись гласила: «РОВНО 3000 ДОЛЛАРОВ».

Фиш сжал в объятиях Дэйва, который тоже похлопал его по спине, а затем снова взглянул на письмо.

«...Каковой будет оплачен, как только дизайн будет выполнен и представлен на одобрение комиссии...»

— Выполнен? — растерянно переспросил Фиш. — Что это значит? Дэйв, что тут имеется в виду?..

— Когда он выполнит роспись на стене. Черт возьми, док, сказать не могу...

— Кто «он»?

— Ваш племянник, Джордж Уилмингтон. Понимаете — когда он сделает роспись...

Фиш охнул:

— Ч-черт. Видишь ли, Дэйв, дело-то вот в чем...

Длинное лицо Дэйва еще сильнее вытянулось от уныния.

— Ах да. Боже мой, я даже не подумал. Вы имеете в виду, что Джордж еще не настолько оправился, чтобы рисовать?

Фиш скорбно покачал головой:

— Нет, мой мальчик. Ужасно жаль, Дэйв, но... — Он рассеянно сложил чек и сунул его в карман.

— Я думал... вы говорили... в том смысле, что это не очень серьезно...

Фиш продолжал качать головой:

— Выяснилось, что все идет куда хуже, чем ожидалось. Теперь даже нельзя сказать, сможет ли он вообще когда-нибудь рисовать.

— О Боже, док! — пораженно отозвался Дэйв.

— Да, такие дела. Такие случаи... доктора знают о них куда меньше, чем хотят тебе показать, Дэйв.

Тем временем Фиш продолжал сверлить глазами письмо, едва прислушиваясь к собственному голосу. «Будет оплачен, как только дизайн будет выполнен...».

— Послушай, — сказал он, прерывая сочувственное бормотание Дэйва. — Здесь ведь не говорится, *кто* должен его выполнить, так? Видишь вот здесь? Сказано: «как только дизайн будет выполнен».

— Стаканчик воды, пожалуйста, — позвал другой посетитель.

— Сию секунду, сэр. Знаете, док, по-моему, это идея. — Он боком отходил вдоль стойки, продолжая говорить: — Видите ли, расчертить по масштабу и сделать настоящую роспись смог бы любой — в смысле, любой толковый художник. Черт возьми, думаю, я могу и сам это сделать — если только Джордж не против. И если все уладить с комиссией... Что ж, для меня это совсем неплохая перспектива. — Он поставил перед посетителем стакан, не глядя вытер стойку и вернулся.

Фиш согнулся над стойкой, вороша бороду и хмурясь. «Уилмингтон» — всего лишь фамилия. Дэйв может взять на себя эту роль, может не взять, и, с одной стороны, это даже хорошо, потому что тогда сам Фиш останется за кадром. Но, черт побери, если все сойдет, тогда Дэйв действительно станет Уилмингтоном, и вполне возможно, что он захочет распоряжаться по своему собственному...

— Послушай, Дэйв, — спросил он, — а ты и вправду хороший художник?

— Право, док, вы ставите меня в неудобное положение... Но ведь им все-таки понравилось, как я представил дизайн, разве не так? Знаете, я там использовал цветовую гамму из густо-лазурного и светло-желтого с примесью розового, чтобы сделать рисунок... радостным, что ли. И ей-богу, если у меня получилось на бумаге, я вполне мог бы сделать это и на стене.

— Идет! — с жаром согласился Фиш и похлопал Дэйва по плечу. — Джордж еще ничего не знает, но уверен — он уже нашел себе славного помощника!

Стройная девичья фигура внезапно выросла перед Фишем из-за кадки с пальмой.

— Мистер Уилмингтон? Не могли бы вы уделить мне немного времени?..

Фиш замешкался и потянулся привычным жестом к подбородку, хотя бороду он сбрил уже больше года назад. Без бороды он чувствовал себя несколько незащищенным, и лицо начинало дергаться, когда Фиша, как сейчас, заставляли врасплох.

— Уфф, ну да, мисс...

— Норма Джонсон. Мы не знакомы, но у меня тут несколько рисунков...

С собой у Нормы была большая черная папка на ленточках. Фиш сел рядом с девушкой и стал разглядывать рисунки. Вроде бы ничего, но какие-то скуповатые — вроде тех, что с помощью машины производил он сам. На самом деле Фишу нравились рисунки с какой-нибудь изюминкой, как у Нормана Рокуэлла, но, когда он однажды настроил машину на что-то подобное, агент — самый первый, тот гнусный проходимец Кониолли — заверил его, что на «жанровую продукцию» нет спроса.

Пальцы девушки подрагивали. Очень стройная и бледная брюнетка с большими выразительными глазами. Наконец Норма перевернула последний рисунок.

— Годаются ли они хоть на что-то? — спросила она.

— Ну что ж, здесь чувствуется сильное воодушевление, — не моргнув глазом заявил Фиш. — И очень тонкое владение материалом.

— Я могу рассчитывать на успех?

— Ну-у...

— Видите ли, дело вот в чем, — быстро сказала девушка, — тетя Мэри хочет, чтобы я осталась в Санта-Монике и выехала только на следующий год. Но я не хочу. Тогда она согласилась послать меня учиться за границу, если вы сочтете, что у меня настоящий талант. Но если у вас другое мнение, то я сдаюсь.

Фиш внимательно оглядел девушку. Ногти коротко подстрижены, но в то же время выглядят ухоженными. Незатейливая белая блузка, синий жакетик и юбка; веяло от Нормы лесными духами. Фиш почувствовал деньги.

— Ну что ж, милочка, — начал он, — вот что я вам скажу. Вы, конечно, можете отправиться в Европу и потратить кучу денег — десять, двадцать тысяч долларов. — Девушка даже не моргнула. — Пятьдесят тысяч, — учтиво поправился Фиш. — Но что толку? Тамошние коллеги знают куда меньше, чем хотят вам показать.

Ощупью она стала пыталась найти перчатки и сумочку.

— Понимаю. — Норма стала было подниматься.

Фиш положил ей на плечико пухлую ладонь.

— А вот что я бы вам предложил, — сказал он, — почему бы вам вместо этого годик не походить сюда и не позаниматься со мной?

Бледное лицо девушки вытянулось от удивления.

— Ах, мистер Уилмингтон, в самом деле?

— Ну, любой, у кого есть талант, какой виден в этих рисунках... — Фиш похлопал по папке, лежавшей у Нормы на коленях. — Так что просто необходимо что-то предпринять, иначе...

Девушка взволнованно встала.

— А вы не могли бы сказать это тете Мэри?

Фиш огладил перед своей розовой рубашки.

— А как же, с радостью, милочка, с радостью.

— Она как раз ждет в вестибюле.

Фиш последовал за Нормой и познакомился с тетей Мэри, которая оказалась прелестной женщиной лет пятидесяти — немного пухленькой, но все равно очаровательной в своем коричневом льняном платье. Они договорились, что Норма снимет студию неподалеку от дома мистера Уилмингтона в Санта-Мо-

нике и что мистер Уилмингтон несколько раз в неделю будет заглядывать туда и щедро делиться с девушкой своим богатым опытом, получая десять тысяч долларов ежегодно. Это составляло, как заметил им Фиш, менее половины от той суммы, которую он обычно получал за крупные заказы; но ничего-ничего — всякая малость тоже на пользу. Стенные росписи, реклама учреждений, текстильные дизайны, частные заказы коллекционеров — черт возьми, всего навалом!

По правде, Фиша серьезно беспокоило только одно — сама машина. Теперь он держал ее под замком во внутренней комнате снятого им дома — двадцать комнат, впечатляющий вид на Тихий океан, множество помещений для вечеринок; и до сих пор Фиш обращался со сложнейшим аппаратом примерно как с детским педальным автомобилем. Со временем он распознал и записал значение каждой из десятков маркированных кнопок на машинках, помеченных как «Bank», и теперь при помощи обычной комбинации кнопок мог получить любой нужный рисунок. Вот, в частности, заказ на витражи для церкви: «Религия», «Люди», «Палестина», «Древность» — и пожалуйста, все готово.

Беда заключалась в том, что машина никогда не рисовала дважды подряд одно и то же. Выполняя тот заказ с витражами, Фиш получил один рисунок с изображением Христа, а затем, как ни старался, не смог получить еще один — так что пришлось заполнить пробел святыми и мучениками. Церковь, конечно, выразила недовольство. А иногда по вечерам ради собственного удовольствия он повадился испытывать возможности машины — например, ставил ее на «Исторические лица» и «Romantisk», что, похоже, было машинным названием текущей эпохи, а затем нажимал кнопку «Overdriva» — и наблюдал, как разные знаменитости появляются на бумаге с огромными карикатурными носами и зубами, будто частокол.

Или ставил ее на «Любовь», а затем на различные времена и места — «Древний Рим» давал весьма пикантные рисунки, а «Самоа» — еще покруче.

Но всякий раз машина выдавала все более скудные рисунки; в конце концов она вообще перестала производить что-то подобное.

Может, в хитрую штуковину было встроено что-то вроде цензора? Может, машина осуждала Фиша?

Он продолжал размышлять о тех странностях, которые сопровождали доставку машины. Адрес у грузчиков был правильный, а что же было ошибочным... время? Во всяком случае, ясно, что машина предназначалась не ему. Но кому? Что еще за «двин»?

Частей было восемь — шесть блоков, основная машина и еще один аппарат, который, как выяснил Фиш, мог увеличивать любую деталь рисунка почти до натурального размера. Со всем этим он управлялся. Управлялся с регуляторами, что придавали рисунку сложность или простоту, большую или меньшую глубину, меняли стиль и настроение. Единственными кнопками, в назначении которых Фиш не разобрался, оставались три красные, помеченные как «Utplåna», «Torka» и «Avslå». Ни одна из них вроде бы ни на что не влияла, Фиш и так и сяк пробовал нажимать все три, но никакой разницы не наблюдалось. В конце концов он оставил их в том положении, в каком они были с самого начала: «Torka» нажата, две остальные отпущены; ничего лучшего он придумать не сумел. Хотя, такие большие и красные, они наверняка имели важное значение.

Фиш также нашел о них упоминание в буклете: «Utplåna en teckning, press Knappen «Utplåna». Avlägsna ett mönster från en bank efter användning, press knappen «Torka». Avslå en teckning innan slutsatsen, press knappen «Avslå».

«Press knappen, press knappen» — это, должно быть, значит «нажмите кнопку». Но когда? И еще этот «mönster» — тут Фиш немного забеспокоился. Пока что он был вполне удачлив, выясняя, как управляться с машиной безо всяких аварий. Но что, если его по-прежнему ожидал подвох — что, если буклет был *предупреждением*?

Фиш беспрестанно шнырял по пустому дому — пустому и неухоженному, поскольку он не рискнул нанимать слуг. Никогда нельзя знать заранее, кто вознамерится за тобой шпионить. Дважды в неделю приходила уборщица и все здесь немного прибирала — все, кроме запертой комнаты, ну, и время от времени Фиш приводил сюда пару девушек — поразвлечься. Но на следующее утро неизменно их выставлял. Разумеется, раньше он был знаком с множеством людей, много путешествовал... Но когда Фиш решил стать Уилмингтоном, ему пришлось порвать со всеми старыми друзьями, а новых он не

заводил из боязни выдать себя. А кроме того, все вечно что-то вынюхивали. В результате, будь оно все проклято, он не был счастлив. А что, черт побери, толку во всех деньгах и во всем купленном на них барахле, если они не делают его счастливым? Впрочем, очень скоро пакет акций той нефтяной компании начнет давать прибыль — агент заверил Фиша, что бурьлишки уже в нескольких сотнях футов от нефти... Тогда он станет миллионером, сможет удалиться от дел — уехать куда-нибудь во Флориду.

Фиш остановился у стола в библиотеке. Раскрытый буклет по-прежнему лежал там. Вот ведь в чем загвоздка: даже если это какой-то известный язык, то кому можно показать буклет? Кому можно довериться?

Тут Фишу пришла в голову одна идея, и он склонился над столом, разглядывая желтые страницы с невразумительным текстом. В конце концов, некоторые слова можно разобрать, — а значит, не требуется показывать кому-либо ни всю брошюрку целиком, ни даже целое предложение... А где, кстати говоря, эти конверты для заказа информации, что пришли вместе с роскошным комплектом Британской энциклопедии? Должны быть где-то здесь. Фиш перерыл все ящики стола и наконец выудил оттуда папку и блок проклеенных желтых марок.

Кряхтя, Фиш уселся за стол и после длительного пережевывания сигары, черновых набросков и вычеркивания напечатал следующий текст:

«Уважаемые господа!

Прошу вас проинформировать меня, к какому языку принадлежат прилагаемые слова, а также каковы их значения. Будьте также любезны отнестись к данному делу со всем вниманием, поскольку оно не терпит ни малейших отлагательств».

На отдельный листок Фиш выписал все сомнительные слова из параграфа о красных кнопках, хитроумно перемешал их так, чтобы никто не смог догадаться, в каком порядке они располагались. С каким-то дурацким ощущением он аккуратно дорисовал все кружочки и точечки. Затем написал на конверте обратный адрес, приклеил одну из желтых марок и постарался отправить письмо прежде, чем успел об этом пожалеть.

— Мой риторический вопрос, — хитроумно обратился Фиш к молодому физику, стараясь перекрыть общий гам на приеме с коктейлями, — имеет чисто научную подоплеку. Скажите, могли бы вы сделать машину, умеющую рисовать? — С лучезарной улыбкой он смотрел на маячившее перед ним пятно в роговых очках — физиономию молодого человека. Фиш принял на грудь уже три «Мартини» и — вот так так! — порядком поплыл. Но в то же время, ясное дело, полностью себя контролировал.

— Гм, а что рисовать? Если вы имеете в виду карты и графики, то конечно, или что-нибудь вроде пантографа, чтобы увеличивать...

— Нет-нет. Рисовать пркрсные кртины. — Последние два слова несколько смазались. Фиш качнулся взад-вперед. — Чисто риторический вопрос. — Прицелившись, он успешно опустил бокал на пронесившийся мимо поднос и взял оттуда другой.

— А-а... Ну, тогда нет. Да, определенно нет. Насколько я понимаю, имеется в виду, что такое устройство создавало бы оригинальный рисунок, а не просто выдавало то, что в нем запрограммировано. Тогда в первую очередь понадобится невообразимо громадный банк памяти. Скажем, если потребуются, чтобы машина нарисовала лошадь, ей надо будет знать, как выглядит лошадь отовсюду и во всех положениях. Затем ей придется выбрать из, скажем, десяти — двадцати миллиардов подходящий вариант, а затем нарисовать эту лошадь в нужной пропорции со всеми остальными деталями рисунка и так далее. Но если вам, Боже сохрани, нужна еще и *художественность*, тогда, полагаю, придется рассматривать отношение каждой детали ко всем остальным в соответствии с неким эстетическим принципом. Лично я даже не знаю, как тут подступиться.

Фиш потянулся пухлыми пальчиками за маслиной.

— Значит, говорите, невозможно? — спросил он.

— Ну, во всяком случае, при теперешнем техническом уровне. Полагаю, мы не особенно продвинемся в делах искусства еще лет сто или двести. — Пятно улыбнулось и подняло бокал с коктейлем.

— Понятно, — произнес Фиш, беря молодого человека за отворот пиджака — отчасти чтобы не дать ему уйти из поля зрения, а отчасти себе для поддержки. — А теперь предполо-

жите, что у вас есть такая машина. И что машина эта все время что-то забывает. Какая тут может быть причина?

— Что-то забывает?

— Именно так. — С катастрофическим ощущением, что он выбалтывает лишнее, Фиш собрался было продолжить, но тут его остановила внезапно опустившаяся ему на плечо рука. Принадлежала рука одному из представителей золотой молодежи — великолепный костюм, великолепные зубы, великолепный пла-ток в великолепном кармане.

— Мистер Уилмингтон, я лишь хотел заметить, каким шедевром представляются мне ваши новые стенные росписи. Одна исполинская нога. Не знаю, что бы это значило, но мастерство просто потрясает. Мы непременно должны встретиться как-нибудь вечером в передаче «Восемь на семь», чтобы вы нам все объяснили.

— Никогда не снимаюсь для телевидения, — ответил Фиш, хмурясь. От подобных приглашений он отбивался уже год.

— Ах-ах, как жаль. Рад был с вами повидаться. Да, кстати, меня просили передать, что вас к телефону — вон там. — Золотой юноша указал и отплыл в сторону.

Фиш извинился перед собеседником и взял рискованный курс через комнату. Телефон стоял на одном из боковых столиков, черный и унылый. Фиш небрежно взял трубку.

— Алло-о?

— Доктор Фиш?

Сердце Фиша заколотилось. Он опустил бокал «Мартини» на стол.

— Кто это? — решительно спросил он.

— Док, это Дэйв Кинни.

Фиш ощутил прилив облегчения.

— А-а, Дэйв. Я думал, ты в Бостоне. Вернее, думал, ты и сейчас там, но связь...

— Я здесь, в Санта-Монике. Слушайте, док, тут кое-что случилось...

— Что? Что ты здесь делаешь? Я все-таки надеюсь, ты не прогуливаешь школу, иначе...

— У меня летние каникулы, док. Послушайте, тут вот какое дело. Я в студии Нормы Джонсон.

Фиш застыл с черной трубкой в потной руке и не мог ничего сказать. Безмолвие так и гудело в проводах.

— Док? Миссис Прентис тоже здесь. Мы тут вроде как собеседовали и считаем, что вам следует приехать и кое-что объяснить.

Фиш с трудом сглотнул.

— Док, вы меня слышите? Думаю, вам следует приехать. Тут уже зашла речь о полиции, но я предложил сначала дать вам шанс, так что...

— Я сейчас буду, — хрипло перебил Фиш. Затем повесил трубку и застыл, огорошенный, приложив обе руки к пылающему лбу. О Боже, три... нет, четыре бокала «Мартини» — и надо же такому случиться! У него кружилась голова. Казалось, все присутствующие стоят на зеленом ковре с небольшим наклоном — вся эта золотая молодежь в лоснящихся летних куртках и пастельных тонов женщины с белозубыми улыбками на лживых физиономиях. Разве есть им дело до того, что теперь Фиш может извлекать из машины только части тел? Последним оказался большой мозолистый кулак, а теперь эта нога... И комиссия, само собой, не преминула пожаловаться. Предъявили массу претензий, но в итоге ногу пришлось взять, так как заказ был уже анонсирован. А сегодня утром позвонили его агенту. Какой-то церковной общине в Индиане понадобились пробные скетчи. И так все шло прахом прямо на глазах, а теперь еще и *это*. Дэйв, будь он неладен — тут думаешь, что хоть он-то будет сидеть как гвоздь в Бостоне... И как его, черта, угораздило налететь на Норму?

Один из газетчиков бросил дармовую закуску и устремился по следу Фиша, когда тот нетвердой походкой направился к двери.

— Постойте, мистер Уилмингтон... Как насчет истинного смысла той ноги?

— Прочь с дороги, — оборвав его, рывкнул Фиш.

Он добрался на такси до дома, велел водителю подождать, быстренько заскочил под душ, выпил чашку черного кофе и вышел обратно — трясущийся, но уже заметно трезвее. Будь прокляты эти коктейли... Он никогда так не набирался, если пил одно пиво. Вообще, там, на Платт-Террас, все было куда лучше; какого черта его угораздило влезть в эти безумные игры с искусством?

В желудке у Фиша звенела пустота. Он припомнил, что даже не обедал. Но теперь уже поздно. Фиш взял себя в руки и позвонил в дверь.

Открыл ему Дэйв. Фиш приветствовал парня радостными возгласами, тряся его вялую руку:

— Дэйв, мой мальчик! Рад тебя видеть! Давненько, давненько! — Не дожидаясь ответа, он прошествовал в комнату — серое, лишенное окон помещение, всегда действовавшее ему на нервы; потолок был полностью застеклен и лежал наклонно высоко над головой; сквозь полупрозрачные стекла просачивался холодный и тусклый свет. В одном углу стоял мольберт, а на голых стенах было приколото несколько рисунков. В дальнем конце комнаты на пухлой красной скамеечке сидели Норма и ее тетушка.

— Норма, как ты, детка? И миссис Прентис здесь — вот уж истинное наслаждение!

Впрочем, Фиш не слишком кривил душой — тетушка Нормы действительно выглядела превосходно в новеньком темно-синем костюме. Фиш имел основания полагать, что излучает былое обаяние, и ему показалось, что глаза женщины заблестели от удовольствия. Но лишь на какой-то миг, а затем ее лицо посуровело.

— Что я тут слышу? Почему вы даже не приходите навестить Норму? — потребовала она ответа.

Фиш продемонстрировал глубокое изумление:

— Ну... как же так, Норма, разве ты ничего не объяснила своей тетушке? Прошу прощения, минутку. — Он устремился к рисункам на стене. — Ну вот, хорошо. Вот эти, Норма, просто превосходны; видны значительные улучшения. Симметрия, знаешь ли, и эта динамичная плавность...

— Им уже три месяца, — буркнула Норма. На девушке была мужская рубашка и хлопчатобумажные брюки; она, похоже, недавно плакала, но лицо успела аккуратно подкрасить.

— Знаешь, детка, я хотел вернуться — даже после всего, что ты мне наговорила. Знаешь, я ведь приходил сюда раза два, но ты не откликалась на звонок.

— Неправда.

— Ну, значит, тебя просто не было дома, — охотно исправился Фиш и повернулся к миссис Прентис: — Норма, знаете, была не в духе. — Он понизил голос. — Примерно через месяц после начала занятий она велела мне убираться и больше не приходить.

Дэйв неторопливо пересек комнату и молча сел рядом с Нормой.

— Подумать только, брать деньги с бедного ребенка *ни за что!* — страстно возмутилась миссис Прентис. — Почему же вы их не вернули?

Фиш подтащил складной стул и сел к ней поближе.

— Миссис Прентис, — тихонько проговорил он, — я хотел уберечь Норму от ошибки. Вот что я ей сказал: давай ты все же выполнишь наше соглашение и годик со мной позанимаешься, сказал я. А если и тогда будешь недовольна — что ж, я с радостью верну все до последнего цента.

— От вас не было никакого толку, — с истерическими нотками в голосе произнесла Норма.

Фиш одарил ее взглядом, полным скорбного терпения.

— Да он просто войдет, посмотрит, как я работаю, и скажет что-нибудь вроде: «Здесь чувствуется большое настроение», или «Симметрия хороша», или еще что-нибудь такое же *бессмысленное*. Я так издергалась, что даже *не могла рисовать*. Тогда, тетя Мэри, я вам и написала, но вы были в Европе. Черт возьми, я должна была что-то сделать, разве нет? — Девушка так крепко стиснула пальцы в кулак, что они побелели.

— Ну-ну, милая, — прошелестела миссис Прентис и положила руку племяннице на плечо.

— Я посещала дневные занятия в Культурном центре, — проговорила Норма сквозь зубы. — Ничего другого я себе просто *не могла позволить*.

Глаза миссис Прентис засверкали от негодования.

— Не думаю, мистер Уилмингтон, что нам следует и дальше это обсуждать. Я требую, чтобы вы вернули все деньги, которые я вам заплатила. Мне кажется, это просто непорядочно — такой известный художник — и *унизился* до...

— Миссис Прентис, — сказал Фиш, снова понизив голос, — если бы не моя вера в блестящее будущее Нормы как художницы, что ж, я теперь же вручил бы вам все до *последнего* цента. Но в данном случае она совершает большую ошибку, так что я снова предлагаю...

— Док, — грубо перебил его Дэйв, — черт возьми, вы как можно скорее вернете ей деньги. — Он подался вперед, обращаясь к старшей из женщин: — Если хотите знать, как его настоящее имя, то перед вами Гордон Фиш. Так он, во всяком случае, назвался, когда мы с ним познакомились. Все это обычное мошенничество. Вовсе он никакой не художник. Настоя-

ший Джордж Уилмингтон — его племянник; это инвалид, проживающий в Висконсине. Док просто представился его именем, так как юноша слишком болен, чтобы появляться на публике, и все такое. Пожалуйста, вот правда. Или, по крайней мере, та ее часть, что известна лично мне.

— Такова, стало быть, твоя благодарность, Дэйв, за то, что я устроил тебя в художественную школу? — грустно спросил Фиш.

— Вы пробили мне стипендию, но вам это ничего не стоило. Я выяснил у директора. Наверное, вы просто хотели убрать меня с дороги, чтобы я не болтал лишнего. Ладно, док, тут все в порядке. Но когда я встретил Норму — вчера у дверей вашего дома...

— Что? Когда?

— Около десяти.

Фиш поморщился; он тогда лежал в постели с больной головой и не откликнулся на звонок. Если бы он только знал!

— Вас не было дома, ну, мы разговорились, и... Знаете, одно дело прикидываться собственным племянником, а совсем другое — обещать кого-нибудь обучить, когда вы сами не способны толком линию провести!

Фиш поднял руку:

— Послушай, Дэйв, есть кое-что, о чем ты и понятия не имеешь. Ты уверен, что меня зовут Гордон Фиш? А ты когда-нибудь видел мое свидетельство о рождении? Может, ты знаешь кого-то, кто помнит меня ребенком? С чего ты взял, что меня зовут Гордон Фиш?

— Да вы же мне сами сказали.

— Верно, Дэйв, сказал. И еще ты говоришь, что настоящий Джордж Уилмингтонг — инвалид, живущий в Висконсине. А ты его когда-нибудь видел, Дэйв? Может, ты бывал в Висконсине?

— Нет, не бывал, но...

— И я не бывал. Нет, Дэйв, — Фиш важно понизил голос, — все, что я о себе рассказывал, — всего-навсего ложь. И я это признаю. — Теперь самое время пустить слезу. Фиш обратил свои мысли к кредиторам, к проблемам с машиной, к продавцу акций нефтяной компании, что сбежал на юг с деньгами, к адвокатам, которые обобрали Фиша до нитки, пытаюсь эти деньги вернуть, — и вообще ко всеобщей неблагодарности. Теплая капелька сбежала по щеке, и, наклонив голову, Фиш смахнул кулаком соленую влагу.

— Как же так? — пробормотал сбитый с толку Дэйв.

— У меня были свои причины, — через силу ответил Фиш. — Вполне определенные причины. Но знаете, мне... мне тяжело об этом говорить. Простите, миссис Прентис; могу я ненадолго остаться с вами наедине?

Она немного подалась вперед, сочувственно глядя на Фиша. Должно сработать — такая женщина не может выдержать вид плачущего мужчины.

— Я, конечно, не возражаю, — вставая, сказала Норма. Девушка направилась к двери, и Дэйв последовал за ней. Вскоре дверь за ними закрылась.

Фиш высморкался, небрежно вытер глаза, браво распрямился и убрал носовой платок.

— Полагаю, миссис Прентис, вы не знаете, что я вдовец. (Глаза ее широко раскрылись.) Да, это правда, я потерял мою дорогую жену. Обычно я, правду сказать, об этом не рассказываю, но теперь почему-то... Не знаю, доводилось ли вам, миссис Прентис, терять близкого человека.

— Разве Норма вам не сказала? — взволнованно ответила она. — Я вдова, мистер Уилмингтон.

— О, я не знал! — заявил Фиш. — Но как странно! Я что-то такое почувствовал... какую-то *вибрацию*. Простите, миссис Прентис... можно мне звать вас Мэри? Знаете, после моей утраты... — Надо бы пустить еще слезу; стоит только начать, дальше они уже текут сами. — Я стал сам не свой. Представьте, даже не хотел жить. Целый год не мог дотронуться до карандаша. И даже сегодня не могу провести хотя бы линию, если кто-то за мной наблюдает. Вот, стало быть, и причина всей неразберихи. Эта история с моим племянником и прочее — я просто все выдумал, считал, так будет легче. Знаете, я бываю так неловок, когда речь идет о такте. Словно слон в посудной лавке. Вот и вся история, Мэри. — Фиш откинулся на спинку стула и еще разок энергично высморкался.

Глаза миссис Прентис увлажнились, но ее прелестное личико выражало настороженность.

— Честно говоря, просто не знаю, что и думать, мистер Уилмингтон. Вы говорите, что не можете рисовать на людях...

— Пожалуйста, зовите меня Джордж. Видите ли, это называется психологической травмой.

— Ну а как вам такое предложение? Я на несколько минут вас покину, а вы что-нибудь нарисуете. Думаю, тогда...

Фиш грустно покачал головой:

— Все гораздо сложнее. Я не могу рисовать *нигде* — только в одной из комнат моего дома... Это связано с портретом жены и некоторыми сувенирами. — Он с трудом сглотнул, но в третий раз слезу пустить не решился. — Мне очень жаль, я нарисовал бы для вас все, что угодно, если б мог, но...

Мэри некоторое время молча сидела, размышляя.

— Тогда, скажем, вот как. Вы, мистер Уилмингтон, отправляетесь домой и что-нибудь рисуете — к примеру, набросок моего лица, по памяти. Полагаю, любой квалифицированный художник может это проделать?

Фиш заколебался, не рискуя возражать.

— Ну вот, видите, и все будет улажено. Ведь вы не можете раздобыть мою фотографию и отослать ее в Висконсин — просто не хватит времени. Я дам вам... ну, скажем, полчаса.

— Пол...

— Вполне достаточно, разве не так? И значит, когда через полчаса я приду за вами, если у вас будет нужный набросок — что ж, тогда станет ясно, что вы говорите правду. Если же нет...

Прижатый к стене, Фиш не пал духом. Он встал с доверительной улыбкой.

— Пожалуй, это будет по-честному. Только знайте — *вашего* лица мне никогда не забыть. И еще хочу вам сказать, насколько мне легче теперь, после нашей случайной беседы, и... что ж, лучше я пойду и приступлю к рисунку. Жду вас через полчаса, Мэри! — Он помедлил у двери.

— Я приду... Джордж, — сказала она.

Кряхтя и спотыкаясь, Фиш прорвался через весь дом, громко хлопая за собой дверями. Повсюду жуткий бардак — на полу в гостиной разбросаны диванные подушки и газеты; но ничего-ничего, вот выйдет она за него замуж, будет кому убраться в доме. Теперь надо — Фиш открыл заветную комнату, лихорадочно сорвал крышку с большой машины и принялся нажимать кнопки на одном из блоков, — теперь надо только сделать проклятый набросок. Один шанс из сотни. Но все же лучше, чем ничего. Фиш включил машину, в беспомощном нетерпении наблюдая, как манипуляторы высунулись наружу и повисли без движения.

Лицо — и схожесть! Единственная надежда — сложить его из отдельных фрагментов. В машине уже не действовало ничего, кроме некоторых почти бесполезных элементов, которые выдавали технические рисунки, архитектуру, а также анатомические фрагменты. Только бы хватило еще на одно лицо! И чтобы оно было хоть чуть-чуть похоже на лицо Мэри!

Машина вдруг щелкнула и повела линию. Фиш замер, с отчаянной тревогой наблюдая за тем, как связанное движение двух вращающихся осей переводит прямой толчок манипулятора в стройную линию. Одно удовольствие смотреть — даже если в результате ничего и не выйдет. Вот линия стала закругляться; теперь манипулятор поднимался, возвращаясь обратно. Нос! Машина рисовала нос!

На вид нос напоминал греческий — правильной формы, но великоват и не слишком похож на аккуратный точеный носик Мэри. Но ничего-ничего, он-то сумеет ее уговорить — Фишу бы только товар, а уж он-то его продаст. Пусть хоть *какое-нибудь* женское лицо — только не очень уродливое. Ну, вперед — теперь глаза!

Но манипуляторы остановились и снова повисли в неподвижности. Машина тихо гудела; циферблаты светились; ничего не происходило.

Снедаемый нетерпением, Фиш взглянул на часы, хлопнул по ним ладонью, снова внимательно в них всмотрелся, изрыгнул проклятия и быстро зашагал прочь из комнаты. В последнее время машина иногда вот так замирала, будто все пыталась и пыталась заработать, но почему-то не могла, а затем — щелк! — снова включалась. Фиш поспешил обратно, заглянул в комнату — пока ничего, опять ушел и стал рассказывать взад-вперед по пустому дому, выискивая, чем бы заняться.

Тут он впервые заметил, что в корзинке под щелью для писем лежит какая-то корреспонденция. Большей частью счета. Их он сразу швырнул под диван в гостиной, но среди макулатуры оказался и пухлый коричневый конверт со штемпелем «Информационной службы Британской библиотеки» в углу.

Так давно это было, что Фиш не сразу и сообразил. Через пару недель после того, как он отослал то письмо, пришла открытка с учтивым текстом, подтверждающим получение заказа, а затем несколько месяцев ни звука. Со временем Фиш

решил, что ответа он уже не получит. Такого языка просто нет... Что ж, посмотрим. Он надорвал краешек конверта.

Тут его беспокойный взгляд отвлекся на стенные часы в столовой. Не забывать о времени! Рассеянно сжав в руке конверт, Фиш снова ринулся в заветную комнату. Машина по-прежнему не двигалась, гудя и светясь. На бумаге — ничего, кроме благородного носа.

Фиш забарабанил по боковой стенке большой машины, но в результате лишь отбил себе кулаки. Затем треснул по работавшему блоку. Ничего. Тогда он отвернулся, заметил, что все еще сжимает конверт, и раздраженно сунул туда руку.

Внутри лежала скрепленная сверху скобкой жесткая оранжевая папка. Когда Фиш поднял обложку, в папке оказался единственный лист бумаги. Вверху был проставлен вензель Британской энциклопедии, а также: «В.А. Штернбак, директор». Ниже, в середине, стояло: «ШВЕДСКИЕ СЛОВА».

Ошеломленный, Фиш быстро пробежал глазами весь список. Там оказались все слова, которые он списал с брошюры, и напротив каждого стоял английский эквивалент. «Teckning» — рисунок. «Mönster» — образец. «Utplåna» — стереть. «Användning» — применение, использование.

Фиш поднял взгляд. Так вот, значит, почему ничего не происходило, когда он нажимал кнопку «Utplåna»: он всегда пытался пользоваться ею до завершения рисунка, но ни разу, когда тот готовый лежал на доске. Почему же он об этом не подумал? Да, а вот «Avslå» — удалить. И «Slutsatsen» — завершение. «Чтобы удалить рисунок до завершения, нажмите кнопку...» А он и этого никогда не делал.

А что значит средняя кнопка? «Torka» — сбрасывать. Сбрасывать? Так, посмотрим, там было еще «Avlägsna». Порой, когда Фиш лежал спростенок, фраза «Avlägsna ett mönster» шурилась у него в голове подобно какому-то грозному предупреждению... Вот оно. «Avlägsna» — устранять.

Руки его тряслись. «Чтобы устранить образец из блока после использования, нажмите кнопку «Сброс». Фиш выронил папку. Значит, все это время, сам того не ведая, он постоянно растрачивал драгоценные образцы, выбрасывая их один за другим, пока от машины ничего не осталось — только восемь гробов бесполезной аппаратуры, сделанной для какого-то шведа...

Машина негромко щелкнула, и другой манипулятор тронулся с места. Он провел изящную вертикальную линию неподалеку от передней части носа. Наверху линия закруглилась и снова пошла вниз, затем вверх...

Где-то далеко раздался настойчивый звонок в дверь.

Фиш, как загипнотизированный, уставился на бумагу. Двигающееся перо описало еще одну изящную незамкнутую петлю, затем еще одну — будто приплюснутые друг к другу «американские горы». Затем еще одну, двигаясь неумолимо и неторопливо, — теперь петель стало четыре. Не останавливаясь, машина продолжила последнюю линию вниз, а затем повела ее поперек. Линия коснулась кончика носа и, закруглившись, вернулась обратно.

Четыре незамкнутые петли оказались согнутыми пальцами. А пятая — большим пальцем, торчавшим наружу. Фиш тупо уставился на могучий кукиш.

Машина, негромко гудя, втянула манипуляторы обратно в гнезда. Вскоре лампочки погасли и гудение прекратилось. Снаружи снова раздался звонок — и продолжал трезвонить.

ТЯГА К НЕПОРОЧНОСТИ

- Джефф, не надо, пожалуйста — мне больно.
- Ох, фригидные дамочки, с вами одно расстройство!
- Голос Мардж изменился, и Джефф понял, что она плачет.
- Зачем же тогда женился?
- Сам порой удивляюсь. Ну, давай, детка...

Когда он в понедельник утром появился на работе, там уже торчал антарсеанин. Джефф остановился в дверях и уставился на такое чудо. Тварь была выше него ростом, стройная, вся золотистая и в перьях. С виду ее можно было перешибить одной хорошей соплей.

Директор подозвал Джеффа. Вокруг со смущенным видом стояли еще пять-шесть ребят.

— Джефф, это мистер Неллит из Антарсеанской комиссии по техническому обмену. Он намерен выяснить, что стряслось с нашим гиперрадио. Мистер Неллит, это Джефф Горман, наш специалист по связи.

— Очень приятно, — осторожно произнес Джефф и протянул было руку, но тут же отдернул ее.

Кто-то из ребят заржал. Интересно, черт побери, чем же это чудо могло пожать ему руку? Неллит щеголял хрупкими золотистыми крыльями, плотно прижатыми к телу — как у цыпленка. Голова его больше всего напоминала птичью: крупный череп, громадные сияющие глаза и хреновинка вроде клюва, только с мягкими губами. Все одеяние твари составляла какая-то тряпка наподобие жилета с кармашками, но,

насколько Джефф понял, ничего мужского в этой птичке не было.

— Гад с фамилией пофнакомиффа, — прочирикал Неллит. — Фыффефалифт по коммуникационным фифтемам? Тогда у нас много обфего.

«Будь я проклят, если ты прав», — подумал Джефф, напрягая бицепсы и выпячивая грудь. По сравнению с Неллитом все у него казалось коротким и плотным — шея, пальцы, ноги и туловище.

Директор торопливо проговорил:

— Итак, мистер Неллит, у нас тут возникло затруднение. — Он указал на большой эмалированный шкаф у стены.

Антареанское гиперрадио — одно из первых устройств, запрошенных правительством, когда была развернута программа технического обмена. Оно использовалось для отслеживания космических кораблей Соединенных Штатов повсюду, куда они только не отправлялись на новой антареанской тяге. В течение первых двух лет гипер-радио работало превосходно, а потом стало барахлить.

Джефф имел ранг Т5 и неплохо изучил схематику. Он и сам мог бы прекрасно во всем разобраться, только вот не было никакого разумного способа проникнуть в проклятую штуковину. Шкаф состоял из горизонтальных секций с узенькими промежутками между ними. Посередине каждой секции имелось небольшое входное отверстие чуть меньше дюйма в диаметре и семь-восемь дюймов в глубину. Чтобы достать оттуда деталь, пришлось бы работать с какими-то составными приспособлениями и перископом. А что, если случайно уронишь туда инструмент?

Все последовали за антареанином к шкафу, а мгновение спустя за всеми отправился и Джефф.

Крылья Неллита зашевелились; из кончика каждого крыла показалось что-то похожее на бугристое веревочное кольцо, затем кольцо развернулось и оказалось щупальцем длиной около семи дюймов, с пучком вялых волокон на конце. Пользуясь ими как пальцами, антареанин включил питание и немного повозился с усилением и настроечными шкалами. Затем он собрал волокна в пучок и сунул во входное отверстие. Щупальце стало втягиваться туда — все глубже и глубже. Оно подергивалось, как если бы прищелец что-то ощупывал внутри.

— Фы пегеггужали фыфтему, — продудел Неллит.

Все дружно посмотрели на Джеффа. Специалист по связи густо покраснел.

— Ну, надо же было попытаться что-то сделать, ведь так? Какого черта! В эти проклятые штуковины даже не за-
браться!

Директор торопливо заметил:

— Сейчас антареане разрабатывают другое оборудование, применимое к нашим условиям. А пока что у нас будет договор на обслуживание — если машина ломается, они присылают... гм... человека, чтобы ее наладить. — Он откашлялся. — Так что, вы говорите, мистер Неллит, можно здесь сделать?

Инопланетянин вытащил из шкафа детальку — миниатюрный антареанский гиперрезонатор, зажатый в усиках на конце шупальца.

— Это файмет некоего фгемя, — ответил он.

— Угадай, что Неллит отмочил сегодня? — кисло произнес Джефф. Он стянул галстук и рывком поднял воротник.

— Что же? — спросила Мардж, как всегда чистая и прелестная — светлые волосы приглажены, чуть-чуть косметики, но в голубых глазах заметно уныние. Стройная и хрупкая на вид, она была дюйма на два выше Джеффа. Возможно, они и не идеальная пара — в физическом плане или каком-то еще, но Джефф ею гордился. Мардж была из тех куколок, что заставляют других парней кусать локти, видя, как она идет с мужем под ручку. Джефф женился почти сразу после института; он стал ее первым мужчиной, чем также очень гордился.

— Один из ребят записал номера кое-каких деталей, — сказал он. — А потом, как последний дурак, потерял бумажку. Неллит взял отрывной блокнот, прощупал следующий листок и прочел все номера. Тогда его попросили не глядя прочесть дату на монетке — он и это проделал. Потом Энди Волчак взял его с собой на ленч в «Серебряный гриль» и выиграл двадцать баксов, держа за него пари. Вся наша компания собиралась вернуться туда после работы и как следует погреть руки на этом деле, но Неллит отказался. Сказал: «Не фнал, фто это нефефтно». Можешь ты себе такое вообразить?

К началу второй недели работы антарееанина департамент выделил ему комнату в одной из квартир как раз через двор от Джеффа. В тот же вечер они устроили в честь Неллита вечеринку, пригласив весь персонал Проекта.

Мардж почти целый вечер проговорила с Неллитом — Джефф кидал на нее кислые взоры. Оживленные и заинтересованные, они склонялись друг к другу. Стоя бок о бок, они даже и выглядели немного похоже — оба высокие и хрупкие, а светлые волосы Мардж не так уж и отличались по цвету от перьев Неллита.

— О каком таком черте вы весь вечер болтали? — спросил Джефф, когда они вернулись домой.

— Знаешь, а он занятный, очень духовен, — ответила Мардж. — Он побывал всюду в Галактике, изучая религии. И говорит, что наша Веданта очень интересна.

— Ох ты, в Бога душу мать!..

Джефф стал звать антарееанина Нелли — поначалу за глаза, чтобы повеселить ребят, а затем и в открытую. В конце концов он стал говорить: «Эй, Нелли... ах, простите, я хотел сказать мистер Неллит». Однако инопланетянин был неизменно вежлив, и Джефф не мог понять, раздражает птичку подобное обращение или нет.

Однажды, когда они остались в комнате наедине, Джефф подвалил поближе к Неллиту и отдал его хрупкую на вид ногу, но тут очень не вовремя вошел директор, и Джеффу пришлось сказать, что произошла досадная случайность и что больше ничего подобного не повторится.

На другой день Джефф стал подмазываться к Неллиту — вознося до небес его стройное тело, его походку, похлопывая его по пушистой макушке. Раз он даже обнял Неллита за талию, показывая, насколько она узка. Кое-кто из ребят заржал.

И от вечера к вечеру, когда Джефф возвращался домой после покера или игры в кегли с друзьями, повторялась одна и та же картина: Мардж сидела в садике на крыше под холодным чернильным небом бок о бок с Неллитом.

— Да о чем вы, черт побери, болтаете без конца?!

— Я же тебе говорила — о религии, о мистицизме, о разных других духовных вопросах.

— А-а, ч-черт!

Потом он кое-что выяснил: когда Неллит работал со схемами, глубоко погружая шупальце во внутренности шкафа, то становился похож на рассеянного профессора — с ним можно было делать все, что угодно, и он ничего не замечал.

Как-то в обеденный перерыв Джефф отправился в торговую зону и выбрал там запахивающуюся пляжную юбку из белого хлопка с крупными желтыми и голубыми цветочками. Он подыскал ее в отделе детской одежды.

Затем он пронес ее под курткой на работу и припрятал. Примерно через час, когда все были заняты своими делами, а Неллит с головой погрузился во внутренности машины, Джефф на цыпочках подошел к нему. Обернув юбку вокруг тощих бедер Неллита, он застегнул ее. Неллит ровным счетом ничего не заметил.

Джефф вернулся к своему столу; и когда одному из ребят случилось поднять взгляд и увидеть Неллита в юбке, раздался взрыв хохота.

Директор метал икру; он знал, что это дело рук Джеффа, но доказательства отсутствовали.

— Это нифего, — чирикнул Неллит, глядя на Джеффа.

Все это произошло в начале последней недели работы Неллита — в понедельник. А во вторник, вернувшись домой, Джефф обнаружил, что Мардж ушла — просто ушла, без всякой записки; все ее вещи исчезли, а квартира была тщательно убрана.

В среду он получил письмо от юриста. Мардж просила о разводе.

В пятницу после обеда один из ребят сообщил новость, в которую Джефф никак не мог поверить. После работы он подкараулил того парня на автостоянке и от души его отоварил, но все равно не смог выбросить сплетню из головы. В тот же день вечером Неллит давал отвальную. Джефф не пошел, остался сидеть дома, накачиваясь пивом и предаваясь печальным размышлениям.

Когда подошло восемь часов, он надел чистую рубашку, поймал такси и отправился в космопорт.

Он обнаружил их в зале ожидания — Неллита, выглядевшего как обычно: золотистого и в перьях, — и Мардж, юную и прелестную в новом голубом наряде, с орхидеей на отвороте жакета.

Двое полицейских космопорта загородили Джеффу дорогу, когда он попытался приблизиться, а еще один парень в штат-

ском быстро подошел и предъявил удостоверение в кожаных корочках.

— Давайте не будем затевать скандал, мистер Горман.

— Черт побери, но это моя жена!

Парень в штатском выглядел несколько смущенным, но полным решимости.

— Насколько мне известно, она собирается выйти замуж за мистера Неллита, как только оформит с вами развод.

— О чем ты толкуешь — выйти замуж? Как она может выйти замуж за эту птичку?

Вокруг них толпились репортеры, полицейские и несколько ребят в штатском. Один из них заметил:

— Согласно договору, у Неллита есть все соответствующие гражданские права. Антареанские законы разрешают межрасовые браки. Собственно говоря, это не такая уж редкость.

Джефф разжал кулаки и сказал:

— Дайте мне только поговорить с ней. Ладно? Всего две минуты.

Стражам порядка это не особенно понравилось, но все же они подпустили Джеффа поближе, плотнее сомкнувшись вокруг. Он проигнорировал инопланетянина и посмотрел на Мардж. Она в ответ взглянула на него так, будто видела своего мужа впервые в жизни.

— Скажи, почему? — проговорил сквозь зубы Джефф. — Если бы кто-то из ребят, я бы еще мог понять. Но как тебе пришло в голову сбежать с этой проклятой птичкой?

Тут снаружи с воем ракет опустился антареанский посыльный корабль, и носильщики начали подбирать багаж Мардж. Она окинула снисходительным взглядом низкий лоб Джеффа, его плотный волосатый торс, узловатые руки и пальцы.

— Тебе не понять, — сказала Мардж.

Затем они ушли, а Джефф так и остался стоять с разинутым ртом.

СТРАНА МИЛОСТИВЫХ

Когда я подкатил, смотритель на автостоянке дремал — толстый, вялый тип в черно-белом атласном трико. Сам я был в алом — как раз под настроение. Выйдя из машины, я подошел к нему вплотную.

— Стоянка или хранение? — автоматически спросил он, оглядываясь по сторонам. И тут он понял, кто я такой, и моментально спрятал глаза.

— Ни то, ни другое, — ответил я.

Как раз за его спиной маячил открытый проем ремонтного гаража. Я прихватил с полки паяльную лампу и вернулся к машине. Затем раскопегарил горелку и поставил ее как раз напротив колеса. Резина завоняла и зашипела, стекая на мостовую. Смотритель безмолвствовал.

Там я его и оставил, насладившись напоследок зрелищем черной вонючей лужи на вылизанном до блеска бетоне.

Машина тоже была ничего себе; впрочем, я в любое время мог раздобыть себе другую. И захотелось мне прогуляться. И пошел я по извилистой дороге, заснувшей под предзакатным солнцем, по роскошной дороге, изрезанной тенями и овейной благоухающей прохладой, под сенью листвы. А вокруг — никого. И жилья — никакого. Все укрыто дерном и кустарником. Это мне и нужно было. Я явился сюда вовсе не для того, чтобы полюбоваться жизнью и бытом местных креatinов.

Я наугад свернул и пересек холмистую лужайку, миновал вторую живую изгородь — боярышник в цвету — и вышел к большому теннисному корту.

The Country of the Kind, опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», © 1955

Разделенные натянутой сеткой, там играли две пары — в охотку, не особенно потя, — все четверо молодые, примерно вдвое моложе меня. Среди них — одна девушка, блондинка. Славно играли они, весело убивая время.

Я понаблюдал с минутку. Но вскорости ближайшая парочка почуяла, что я рядом. Я выступил на корт, как раз когда блондинка собралась подавать. Застыв на цыпочках по ту сторону сетки, она бросила на меня ледяной взгляд. Остальные тоже замерли.

— Все, — сказал я. — Собираем пешки.

Потом я смотрел им вслед, особенное внимание уделяя блондинке. Двигалась она не спеша, зажав ракетку под мышкой, — несколько вперевалку, но достаточно грациозно. Затем легкое оцепенение прошло, блондинка прибавила шагу и поспешила с корта вслед за тремя остальными.

Я шел сзади, выслеживая их по голосам, доносившимся из-за поворота тропы, что исчезала в сиреневых кустах, — я шел, вдыхая сладкий аромат, пока не дошел до того, что резало мне глаза далеким солнечным зайчиком. Площадка с солнечными часами и купальня для птиц, а вокруг на траве разостланы полотенца. Первую пару — тех, что с волосами потемнее, — я по-прежнему различал впереди на тропинке. Вторая пара исчезла.

Рычаг в траве я отыскал без труда. Механизм сработал, и продолговатый кусок дерна поднялся. Там оказалась лесенка, а не эскалатор, но мне было без разницы. Я сбежал вниз по ступенькам, зашел в первую попавшуюся дверь и оказался в овальной комнате отдыха на верхнем этаже. Мебель шикарная, самая что ни на есть буржуйская — расползшаяся, безобразная, на полу ворсистый ковер, а в воздухе аромат свежих цветов.

Блондинка сидела в ближнем углу комнаты спиной ко мне, рассматривая клавиатуру повара-автомата. Она уже почти избавилась от своего теннисного костюма. Стянув все остальное, она выступила из упавшей одежды, а затем обернулась и увидела меня.

Она снова удивилась — видно, у нее и в мыслях не было, что я смогу ее выследить.

Прежде чем ей пришлось в голову двинуться с места, я уже подобрался ближе; а потом было слишком поздно: блондинка поняла, что ей от меня никуда не деться; закрыв глаза, она прижалась к стене, слегка побледнев. Губы ее напряглись, а золотые брови нахмурились.

Я оглядел ее с головы до ног и отпустил пару-другую сомнительных комплиментов. Она задрожала, но не ответила. Поддавшись порыву, я наклонился и набрал на клавиатуре автоповара «горячий сырнй соус». Я отключил предохранительное устройство и повернул указатель количества на максимум. Заодно я набрал «миску» и «чашу для пунша».

Дымящийся паром соус начал булькать в миске примерно через минуту. Я принял у автоповара две штуки и окатил стену слева и справа от блондинки. Затем прибыли чаши для пунша, и работа пошла быстрее. Я заляпал этим вонючим соусом весь ковер; я пустил ручьи по всем стенам, загадил всю мебель, — в общем, натараканил везде, куда только смог дотянуться. Когда соус остынет, он станет твердым и липким — черта с два его потом отдерешь.

Очень хотелось размазать горячее варевое по ее телу, но ей будет больно, а этого нам нельзя. Чаши для пунша с горячим соусом все еще выскакивали из автоповара, скапливаясь на конвейере. Я грохнул кулаком по кнопке «отмена», а потом заказал «сотерн» (сладкий, калифорнийский).

Он вышел хорошо охлажденный, в откупоренных бутылках. Я взял первую и уже занес было руку, чтобы плеснуть ей в грудь хорошую струю напитка, когда раздался голос за спиной:

— Осторожно, вино холодное.

Рука у меня дернулась, и жалкая струйка вина плеснула блондинке на бедра. Она уже успела открыть глаза и теперь только подпрыгнула.

Обезумев от ярости, я резко развернулся. Мужчина стоял совсем рядом. Загорелый, широкоплечий, с тонкими чертами лица и живыми голубыми глазами. Если бы не он, моя уловка наверняка бы сработала — блондинка вполне могла принять холодный «сотерн» за обжигающий соус.

Представляю себе этот вопль. О, как мне хотелось услышать его!

Я направился к парню, но поскользнулся на залитом соусом ковре и подвернул ногу. Встав, я почувствовал, что меня уже ничто не сдержит.

— Ах ты, гнида! — Повернувшись, я схватил одну из чаш с горячим соусом и занес ее над головой, ошпарив руки... И тут мой недуг вновь овладел мной — это проклятое жужжание в голове, все громче и громче, так, что ничего уже не слышно и не видно.

Когда я очнулся, их уже не было. Еле-еле, словно реанимированная крыса, дополз до ближайшего кресла. Весь измазанный остывающим соусом, точно блевотиной. Мне хотелось умереть. Хотелось провалиться навсегда в ту темную пушистую дыру, что вечно разверзалась передо мной и никогда меня не принимала; но в конце концов я заставил себя выбраться из кресла.

Спускаясь в лифте, я снова чуть не потерял сознание. Ни блондинки, ни парня не оказалось ни в одной из спален второго этажа. Убедившись в этом, я опустошил все платяные шкафы и комоды, запихнул все их барахло в ванну и включил воду.

Я пытался искать на третьем этаже — в комнатах технического обслуживания и кладовках. Там было пусто. Я врубил котел отопления и установил термостат на максимальную температуру. Затем отключил все системы безопасности и аварийную сигнализацию. Не забыл я и про холодильники, оставил их открытыми, чтобы как следует разморозились и потекли. Затем я пинком распахнул дверь на лестничную клетку и отправился на второй этаж.

Здесь я немного задержался, полюбовавшись, как вода ручьями разливается по полу, а затем напоследок обыскал верхний этаж. Я открыл катушки с микрофильмами и разбросал их по комнате; я бы еще что-нибудь отколотил, но сил уже не оставалось. Наконец, поднявшись по лестнице, я рухнул на газон возле солнечных часов — и темная пушистая дыра поглотила меня с головой.

А вода тем временем прибывала.

Размороженные продукты вместе с прочей грязью уже выносило в верхний коридор, к лестничному колодцу. Скоро их подземная халупа окончательно раскиснет от воды и разлетится вдребезги. Конец идиллии.

Так им и надо.

Правда, эти кретины могут построить еще один дом — строят они почище бобров. У них все еще наладится. Но не у меня.

Самое раннее мое воспоминание: какая-то женщина, вероятно моя доп-мать, смотрит на меня с выражением ужаса и отчаяния. И все. Я пытался вспомнить, что происходило до или после, но не смог. Только черная яма беспамятства, глубокая, уходящая вниз до самого момента появления на свет. А дальше — море покоя.

Все, что я могу вспомнить от пяти до пятнадцати лет, — это безмятежное плавание в мутном море беспамятства. Я был вял и мягок — я только плыл по течению. Пробуждение перетекало в сон.

Когда мне исполнилось пятнадцать, в игры моих ровесников вмешалась любовь. Появилась такая мода: разделяться на пары на несколько месяцев или дольше. «Верность» — так мы это называли. Родителям такие игры не нравились, но мы сами считали себя вполне взрослыми людьми, отвечающими за свои поступки.

Все — кроме меня.

Мою первую девушку звали Элен. У нее были светлые волосы — длинные-предлинные. И еще у нее были темные ресницы и прозрачные зеленые глаза. Поразительные глаза — они на тебя будто и не смотрели. Как у слепой.

Несколько раз она бросала на меня странные изумленные взгляды, выражавшие нечто среднее между испугом и гневом. Один раз — из-за того, что я слишком крепко обнял ее, в других случаях — вообще непонятно из-за чего.

В нашей группе пара, распадавшаяся раньше, чем через четыре недели, вызывала некоторое подозрение.

И вот ровно через четыре недели и один день после того, как мы с Элен составили пару, она заявила, что порывает со мной.

Раньше я думал, что окажусь к этому готов. Но сразу после ее слов я почувствовал, как комната поворачивается на пол оборота, пока стена не наткнулась на мою ладонь и не замерла.

Это была комната досуга. Здесь находились мои коллекции. Помню, под рукой как раз оказался набор ножей из сверхпрочного пластика. Я машинально взял один из них, скорее всего для того, чтобы напугать ее.

И когда я направился к Элен, меня встретил взгляд, полный изумления и ненависти. Но вот что было странно: она смотрела не на нож. Она смотрела прямо мне в лицо.

Потом меня, всего залитого кровью, нашли взрослые и заперли в какой-то комнате. И когда я впервые в жизни осознал, на что способно человеческое существо, настала моя очередь испугаться. И страх настиг меня.

Ведь то, что я сделал с Элен, думал я, смогут сделать и со мной.

Но они не смогли. Они отпустили меня.

И именно тогда я понял, что я властитель этого мира...

Тем временем небо уже налилось фиолетовым светом, а от изгородей протянулись тени. Я стал спускаться с холма и заметил призрачно-голубое сияние фотоновых трубок неподалеку от опустевшего рынка. Я по привычке направился на свет.

Там выстраивалась длинная очередь, и все показывали на входе свои документки. Я протолкнулся сквозь эту организованную толпу — ошеломленные лица замаячили по сторонам, человеческая плоть тревожно вздрагивала и отшатывалась от меня — и в конце концов попал в раздевалку.

Ремешки, акваланги, маски и ласты — бери что хочешь. Я разделся, бросая одежду где попало, и облачился в экипировку для подводного плавания. Я прошагал в сторону бассейна, чудовищный, похожий на существо из другого мира. У бортика я приладил акваланг, натянул ласты и рухнул в воду.

Внизу все светилось кристально-голубым, а фигуры пловцов скользили в этой голубизне, будто бледные бесплотные ангелы. Стайки мелких рыбешек разлетались на моем пути. Сердце мое колотилось мучительно и радостно.

Внизу, глубоко внизу я заметил девушку, неторопливо изгибавшуюся в затейливом подводном танце вокруг бугристой колонны имитированного коралла. В руках у нее была охотничья острога, но девушка не охотилась — она просто танцевала у самого дна бассейна.

Я подплыл ближе. Она была молода и изящна. Как только девушка заметила мои неуклюжие попытки подражать ее танцу, глаза ее под маской засияли от удовольствия. Она отвесила мне шутливый поклон и медленно заскользила дальше, делая простые, подчеркнуто простые движения — как в детском балете.

Я подхватил. Я описывал пируэты вокруг девушки — вначале нескладно, но мало-помалу все-таки освоил ее замысловатый танец.

Я заметил, как глаза ее широко раскрылись от удивления. Затем она подстроила свой ритм к моему, и, то сплетаясь, то разъединяясь, мы совместными усилиями творили венок нашего танца. Наконец, утомленные, мы прижались друг к другу, укрытые от посторонних взоров, на самом дне, под мостом из искусственного коралла. Ее прохладное тело покоилось в моих объятиях; глаза ее за двухслойными стеклами — далекие, как другой мир! — были дружелюбны и ласковы.

Затем настал момент, когда мы — незнакомые друг с другом и все же составлявшие теперь как бы одну плоть — ощутили, как наши души разговаривают одна с другой сквозь эту бездну материи. Наше объятие оставалось несовершенным, ущербным — мы не могли целоваться, не могли разговаривать, но руки ее доверчиво лежали у меня на плечах, и взгляд мой тонул в ее глазах, полных неги и покоя.

Сердце мое трепетало от одной мысли, что это должно когда-то кончиться. Она указала рукой вверх и выскользнула из моих объятий. Я последовал за ней. После недавнего приступа моего недуга я чувствовал приятную усталость и едва ли не удовлетворение. Я думал... Трудно сказать, что я тогда думал.

Мы вскарабкались на бортик бассейна. Она повернулась ко мне, снимая маску — и улыбка замерла, а затем растаяла у нее на лице. Сморщив нос, она уставилась на меня с ужасом и отвращением.

— Пий! — воскликнула она и отшатнулась.

Не в силах отвести от нее глаз, я увидел, как она упала в объятия светловолосого мужчины, и услышал ее срывающийся, истерический голос.

— Ты что, забыла? — пробурчал мужчина. Он обернулся. — Хел, есть там в клубе копия?

В ответ послышалось бормотание, а несколько мгновений спустя показался молодой человек с тонкой брошюрой коричневого цвета в руках.

Я знал, что это за книжка. Я даже мог бы сказать, какую страницу открыл светловолосый; какие фразы читала девушка, пока я наблюдал за ними.

Я ждал. Сам не знаю почему.

Я услышал, как она взвизгнула:

— Подумать только, что я позволила ему коснуться меня!

Светловолосый стал утешать ее, говорил он тихим, вкрадчивым баритоном, так что я не слышал ни слова. Я видел, как девушка гордо выпрямилась и бросила на меня косой взгляд... Всего несколько метров благоухающего, залитого голубым светом воздуха — и целый мир между нами... А затем смяла брошюру в комок, отшвырнула и резко повернулась ко мне спиной.

Брошюра приземлилась почти у моих ног. Я расправил ее и прочел на той самой странице, о которой думал:

«...сидация до пятнадцати лет, когда по соображениям пола это перестало быть целесообразным. Пока консультанты и медицинский персонал колебались, он в приступе бешенства убил девушку из своей группы».

И ниже:

«Окончательное решение включало в себя три пункта:

1. *Мера наказания.* Представляет собой санкцию, единственно возможную в нашем гуманном, терпимом обществе. Изоляция: не разговаривать с ним, не прикасаться к нему добровольно, а также не признавать его существования.

2. *Меры предосторожности.* Благодаря некоторой предрасположенности к эпилепсии, был применен один из вариантов так называемой аналоговой техники Куско для предотвращения любого возможного акта насилия с помощью эпилептического припадка.

3. *Предупреждение.* Тщательное изменение химического состава его тела повлекло за собой то, что выдыхаемый им воздух и выделяемые им отходы испускают чрезвычайно едкий и неприятный запах. Из соображений милосердия сам он был изменен так, что запах этот почувствовать не способен.

К счастью, комбинация генетических факторов и влияния окружающей среды, приведшая к образованию данного атавизма, полностью исследована и объяснена, так что в дальнейшем подобное...»

Дальше слова перестали что-либо значить, как всегда случилось в этом месте. Дальше я ничего не хотел читать — все равно чепуха. Я был властителем мира.

Я встал и пошел прочь — в ночную тьму, даже не замечая кретинов, толпившихся в комнатах, через которые я проходил.

Через два квартала начиналась торговая зона. Я нашел вход в магазин и вошел туда. Я не обращал внимания на то, что выставлено в витринах, — там серяк, тряпки для нищих оборванцев. Я прошел мимо этих витрин к специальному отделу и обнаружил там достойный костюм, который смог бы носить: серебряный с голубым и строгая черная окантовка по краям. Любой кретин сказал бы, что это «очень мило». Я нажал кнопку рядом с костюмом. Шкаф-автомат поднял на меня тупой стеклянный глаз и проквакал:

— Вашу расчетную книжку, пожалуйста.

Я вполне мог бы предоставить ему расчетную книжку, если бы позаботился выйти на улицу и отобрать ее у первого встречного; но на такое у меня не хватило бы терпения. Вместо этого я вытащил из расположенного рядом бара одноногий столик, поднял его над головой и швырнул в дверцу шкафа. Раздался грохот, и на железке напротив запора образовалась вмятина. Я еще раз швырнул столик, целя в то же место, после чего дверца настезь распахнулась. Я набрал целую охапку одежды — все, что было нужно.

Там же я принял ванну и переоделся, а затем забрался в большой многоторг чуть дальше по авеню. Супермаркеты почти ничем не отличаются друг от друга. Я сразу отправился в отдел ножей и подобрал там три штуки разных размеров — самый маленький размером с ноготь. Теперь я мог рассчитывать только на удачу. Я, как и в прошлый раз, попытал счастья в мебельном отделе, где мне время от времени везло; но в этом году была мода на все металлическое. Мне же требовалось крепкое дерево.

Я знал, где имеется хорошая заначка вишневой древесины — в просторных блоках заброшенного торгового склада на севере, в местечке под названием Кутеней. Я мог бы захватить запас на несколько лет — но зачем, когда весь мир и так принадлежал мне?

Наконец в отделе товаров для мастерских я обнаружил кое-какие древности: столы и скамейки, все с деревянными крышками. Пока эти придурки толпились в дальнем углу магазина, притворяясь, что не замечают меня, я отпилил хороший кус от самой маленькой скамейки и сделал для него основание из другой.

Раз уж я туда забрался, лучшего места для работы искать вряд ли стоило, а есть и спать я мог наверху.

Я знал, что мне надо. Это должна была быть фигурка человека, сидящего со скрещенными ногами, откинутой назад головой и закрытыми глазами.

Вся работа заняла три дня. Получился не человек и не дерево — я создал нечто новое, чего до сих пор просто не существовало.

Красота. Было такое старинное слово.

Одна из рук фигуры как бы расслабленно свисала, а другая была сжата в кулак. Я взял самый маленький нож, тот, что использовал для шлифовки. Просверлив отверстие в деревянной руке фигурки — как раз между большим и указательным паль-

цами сжатого кулака, я воткнул туда нож; в маленькой руке он казался мечом.

Я зацементировал нож намертво. Затем выбрал клинок поострее и, надрезав большой палец, смазал кровью лезвие маленького ножа.

Остаток дня я провел в поисках и в конце концов нашел подходящее место — нишу в разломе скалы на маленьком треугольном клочке земли, почти нетронутым, у развилки двух дорог. Разумеется, в таком обществе, как наше, ничто не могло оставаться неизменным, когда каждый меняет свое жилище раз в пять лет или даже чаще, следуя веяниям моды.

Послание у меня уже было готово, из напечатанных еще в прошлом году. Бумага обработана специальным составом, чтобы ни дождь, ни солнце не нанесли ущерба тексту. У дальней стены в нише я припрятал маленькую фотокапсулу и провел контрольный провод в скобе у основания фигурки. Я водрузил фигурку на листок с посланием и в двух местах слегка смазал ее цементом. Делал я это не в первый раз и поэтому точно знал, сколько потребуется цемента, чтобы фигурка сдвинулась с места только тогда, когда кто-нибудь действительно захочет ее сдвинуть.

Затем я отошел немного, чтобы оценить свою работу, — и сила ее и трогательность заставили меня затаить дыхание; слезы выступили у меня на глазах.

Свет прерывисто мерцал на замазанном темными пятнами лезвии, торчавшем из деревянной руки. Фигурка одиноко сидела в своей нише, будто в склепе. Глаза ее были закрыты, а голова запрокинута, лицо обращено вверх, к солнцу.

Но над головой у нее — только камень. И не было для нее солнца.

Сгорбившись на голой холодной земле под перечным деревом, я смотрел через дорогу на затененную нишу, где сидела моя фигурка.

Здесь все было закончено. Меня больше ничто не держало — но уйти я не мог.

Время от времени мимо проходили люди — не слишком часто. Община, казалось, наполовину опустела, будто большинство населения отправилось на какую-нибудь бурную вечеринку или митинг или посмотреть, как роют новый дом взамен того,

что я уничтожил... Лицо мне освежал легкий ветерок, притаившийся в листве.

По другую сторону впадины находилась терраса, и на ней с полчаса назад промелькнула голова мальчика в красной шапочке.

Поэтому я и задержался. Ведь мальчик вполне мог бы спуститься с террасы на дорогу и, проходя мимо маленького полудикого треугольника, заметить мою фигурку. К тому же он мог бы остановиться и подойти поближе, а подойдя ближе — поднять деревянного человечка и прочесть, что написано в лежащем под ним послании.

Я верил, что когда-нибудь это должно случиться. Изнывая от нетерпения, я жаждал этого момента.

Мои резные фигурки были разбросаны по всему миру — куда я только не забредал. Одна, грязно-черная, вырезанная из эбенового дерева, находилась в Конго-Сити; другая, из кости, на Кипре; еще одна, из раковины, в Нью-Бомбее; еще одна, из нефрита, в Шанхае.

Мои фигурки — словно семафоры в мире, не способном различать цвета. И только тот, кого я искал, поднимет одну из них и прочтет послание, которое сам я знал наизусть.

ТЕБЕ, ВИДЯЩЕМУ, говорилось там вначале, Я ПРЕДЛАГАЮ ЦЕЛЫЙ МИР...

Вверху, на террасе, снова мелькнуло красное пятно. Я застыл. Минутой позже оно появилось снова, в другом месте, — мальчик в остроконечной шапочке, напоминавшей голову дятла, спускался по склону.

Я затаил дыхание.

Он приближался ко мне. На фоне трепещущей листвы карандашики солнечного света разрисовали его в пестрые, меняющиеся цвета. Смуглое лицо мальчугана казалось необычно серьезным. Оттопыренные уши моментально загорались розовым, как только он поворачивался к солнцу спиной.

Наконец мальчик достиг развилки и выбрал дорогу, которая вела в мою сторону. Когда он подошел ближе, я совсем съезжился. «Пусть он увидит фигурку, пусть он не заметит меня», — неистово проносилось в моей голове.

Пальцы мои тем временем судорожно сжимали камень.

Он подходил все ближе; руки в карманах, взгляд уткнулся под ноги.

Когда мальчик оказался почти напротив меня, я бросил камень.

Он прошуршал сквозь листву и упал рядом с нишей в скале. Мальчик повернул голову; затем остановился, присматриваясь. Думаю, он заметил фигурку. Уверен, что заметил.

Мальчик сделал шаг в сторону ниши.

— Риша! — донеслось с террасы.

И он поднял глаза.

— Я здесь, — пропищал он в ответ.

Я увидел голову женщины — такую маленькую, высоко на террасе. Она что-то кричала, но слов нельзя было разобрать. Скрипя зубами от ярости, я уже готов был вскочить.

И тут ветер переменился. Теперь он задул за моей спиной. Мальчик резко обернулся, сделал большие глаза и зажал рукой нос.

— Ой, какая вонища! — заверещал он.

И повернулся, чтобы крикнуть: «Иду!» — и торопливо зашагал обратно по дороге.

Сорвалось! Я был уверен, что все получилось бы, если бы не та проклятая женщина и переменившийся ветер... Все, все против меня — ветер, люди и вообще все на свете.

А фигурка так и сидела, уперев слепые глаза в каменное небо.

Я забрал фигурку из ниши, а вместе с ней и послание — и взобрался по склону. На вершине звенел прозрачный смех мальчика.

Вскоре я преодолел склон и неожиданно натолкнулся на мальчика, стоявшего на коленях на траве. Он играл с пятнистым щенком.

Мальчик взглянул на меня, и смех застыл у него в горле. Скверно, ветра совсем не было, и он вполне мог почувствовать запах. Но все же я подошел к нему, опустился на одно колено и поднес фигурку к его лицу. Почти вплотную.

— Посмотри... — сказал я.

Он рванулся прочь так поспешно, что и разглядеть ничего не успел, кроме приближавшегося к нему коричневого пятна.

Я бежал за ним, спотыкаясь и падая. В руке я держал фигурку, а вместе с ней и послание.

Дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Я стучал по ней, пока случайно не попал по кнопке. Когда дверь открылась, я ворвался в дом с криком: «Погоди!» — и вскоре очутился на извилистой лестнице, освещенной жемчужно-серым светом. Я бежал наугад и попал не в ту дверь — в подземную оранжерею, горячую и влажную в желтом свете, где длинные ряды буйной растительности нависали над проходом. В ярости я ринулся по проходу, опрокидывая горшки, пока не добрался до лифта в вестибюле.

Вскоре я вышел на третий этаж, оказавшись в лабиринте комнат для гостей — гулких и пустых комнат. Здесь я услышал голоса.

Последняя дверь была прозрачной витриной, и я не торопился открывать ее, приглядываясь и прислушиваясь. За ней находились мальчик и женщина, его мать или сестра, и еще одна женщина, постарше. Она сидела в массивном кресле и держала в руках щенка.

Когда я ворвался внутрь, наступило общее замешательство, душное, будто одеяло, сквозь которое не мог пробиться мой голос. Я почувствовал, что должен кричать.

— Все, что они говорят тебе, — ложь! — крикнул я. — Посмотри сюда — вот где правда! — Я держал фигурку прямо у него перед глазами, но мальчик не видел.

— Риша, иди вниз, — тихо промолвила молодая женщина.

Он послушно повернулся, проворный, как хорек, но я успел загородить ему дорогу.

— Останься, — сказал я, тяжело дыша. — Только взгляни...

— Помни, Риша, разговаривать нельзя, — предупредила женщина.

Больше терпеть я не мог. Не знаю, куда делся мальчик, я потерял его из виду. С фигуркой в одной руке и посланием в другой я бросился на женщину. Я почти успел — почти добрался до нее, но жужжание в голове остановило меня за каких-то полшага. Оно нарастало — все громче и громче, как в конце света.

Второй приступ за последнюю неделю. Я чудовищно ослаб и поначалу не мог даже сдвинуться с места.

В доме царил безмолвие. Все ушли... После моего визита дом считался оскверненным. Они уже никогда не станут здесь жить. Ничего, отстроятся в другом месте.

В глазах у меня стоял туман. Некоторое время спустя я поднялся и оглядел комнату. Конечно, можно было раздрать обои, переломать мебель, набить коврами и постельным бельем подземную кладовку... Но не лежала у меня к этому душа. Я слишком устал. Тридцать лет... Тридцать лет назад они уступили мне все царства мира сего — а значит, и славу. Куда больше того, что может выносить человек тридцать лет.

В конце концов я наклонился и подобрал фигурку, а вместе с нею и послание. Жалкий был вид у него — будто у письма, которое выбросили непрочитанным.

Я горько вздохнул.

А затем разгладил бумажку и еще раз прочел последнюю часть.

ТЫ МОЖЕШЬ РАЗДЕЛИТЬ СО МНОЙ ВСЬ ЭТОТ МИР. ОНИ НЕ СМОГУТ ОСТАНОВИТЬ ТЕБЯ. ВОССТАНЬ — ВОЗЬМИ ОСТРОЕ И КОЛИ, ВОЗЬМИ ТЯЖЕЛОЕ И БЕЙ. ЭТО ВСЁ, ЧТО НУЖНО. ТЫ СТАНЕШЬ СВОБОДНЫМ. ЭТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ЛЮБОЙ.

Любой. Кто-нибудь. Любой.

НОЧЬ ОБМАНА

Голые холмы мрачно нависли над городом. Был ранний вечер, и ветер вяло пробирался по обширным пустырям. Где-то во тьме застрекотал сверчок, за ним другой. По длинным извилистым улочкам стали загораться фонари, подобные тусклым колдовским огням. Они заливали декоративные фасады волшебным светом, наполняли пустые окна и пыльные безмолвные комнаты. Вывеска над лавкой раскачивалась взад-вперед, жалобно поскрипывая. По улице поплыла еле слышная музыка. Мужской смех ракетой взлетел вверх, радостный и громогласный.

На тротуар, крутя усыпанной блестками юбкой, выбежала женщина. Стройная фигурка в золотисто-кремовых одеяниях; бледность ее лица и золото волос в точности соответствовали наряду.

— Кен! — позвала она. — Сюда, Кен!

Вдали из-под аркады появился мужчина. Худощавый и гибкий, при ходьбе он раскачивался, как боксер.

— Лорна! Мы живы, а их нет!

Ее смех так и заструился к нему:

— Конечно! Ведь это здорово!

Размашистыми шагами он подошел к ней.

— А где Мюррей? И Луиза?

— Здесь!

— Здесь!

Перед их глазами тут же возник коренастый мужчина, смеющийся и румяный, а затем и женщина в переливающемся небесно-голубом платье. Они встретились в середине длинной улицы,

мужчины обменялись рукопожатиями и похлопали друг друга по плечу, а женщины обнялись.

— Мы живы, а захватчиков нет!

— Они отчалили — обратно к Арктуру!

— Забыли про нас!

— Мы живы!

В фиолетовом свете их лица сияли торжеством — блестели глаза и сверкали зубы. Женщина по имени Луиза тряхнула темными волосами, а ноги ее заплясали под музыку.

— Вот здорово... не могу стоять на месте... я должна танцевать!

Она схватила за руки Мюррея и затащила его в искрометную польку — круг за кругом под музыку, а двое других хохотали и под конец завопили в один голос:

— Ох, Мюррей... Посмотрел бы ты на себя!

— Ни разу, — выдохнул коренастый, вытирая лицо пестрым платком, — ни разу в жизни я так не плясал!

Все вдруг умолкли; музыка утонула в безмолвии, и лишь неторопливый ветер одиноко бродил по улицам.

— Вперед! — воскликнул Мюррей. — В эту ночь мы должны веселиться — у нас есть куда пойти и есть чем заняться, друзья мои!

Огонь фонтаном хлестал из шпиля церкви, алые искры разносились по ветру. Каждый залитый светом карниз извивался, точно голубой червь. Римские свечи с шелестом поднимались над городом. В воздух взлетали ракеты — чтобы взорваться среди безмолвных звезд, падая и пропадая в небе.

— К сторожевой башне! — крикнула Лорна.

— Между прочим, и в винный погребок! — подхватил Мюррей. Смех полетел вдаль по тихому городку.

Они взобрались к лязгающему подъемнику внизу лестницы.

— Я был величайшим в мире ученым, — заявил Мюррей, глядя поверх крыш.

— А я — величайшей певицей, — сказала Лорна.

— А я — лучшим боксером.

— А я — самой дорогой шлюхой.

— И вот мы четверо... — начал Мюррей, и безмолвие окутало их. Окружавшая весь город пустыня была мрачна и безлюдна.

— За нас! — выкрикнула Луиза, поднимая бокал.

— За нас! — И они выпили, стоя высоко над крышами, а угрюмый ветер ворошил их волосы.

— Почему именно мы, четверо? — шепотом спросила Лорна у Кена. — Похоже...

— Мы старые друзья, — ответил он. — А кто еще? Можешь ты представить себе мир без старины Мюррея или Лу?

Она коснулась его волос.

— Я всегда любила тебя. Правда.

— Знаю, что любила. Теперь знаю, Лорна. И это здорово. Я хочу сказать — теперь это и в самом деле здорово, потому что мы живы! Слышишь? Эй, вы, звезды! А вы слышите? Мы живы!

Эхо торопливо понеслось над безмолвными крышами и замерло где-то на краю пустыни.

— Четверо из многих миллиардов, — подойдя ближе, сказал Мюррей. — Мы последние.

— Лучше об этом не говорить, — заметила Луиза.

— Но мы же видели, как корабли захватчиков плыли по небу, пылая и пылая... ряд за рядом — будто им больше ничего не оставалось, как только плыть и гореть. Больше никто не смог бы выжить.

— Ну ладно, — согласилась Луиза, глаза ее заблестели, — четверых ведь достаточно, правда?

— Дорогая... — поворачиваясь к ней, произнес Мюррей.

— Теперь давайте танцевать, а потом — петь! — закричала Лорна.

Музыка играла вовсю, а огни над башней взлетали вверх, подобно разбивающимся о скалы гребням призрачных волн.

Над пустынной землей еще громче звенел смех, а не знавшие устали тела закружились в танце. Большими глотками они пили красное вино и не пьянели; пели и даже не останавливались, чтобы глотнуть воздух. Ночь умирала, исчезая за горами; на востоке уже появился самый краешек рассвета.

Музыка прекратилась, и только далекие сверчки стрекотали во тьме.

— Я замерзла, — пожаловалась Лорна, — здесь очень холодно. Давайте спустимся.

— Четверо из миллиардов, — бормотал Мюррей, пока они спускались с башни. — И как нас умудрились пропустить? Не могу вспомнить... почему мы здесь оказались — все четверо?

— Мы ехали... — сказал Кен.

— Да, ночью, — подтвердила Луиза. — А на горизонте появились захватчики — это я помню. Мы проехали пустыню, а потом... — Голос ее дрогнул.

— Я больше ничего не могу вспомнить, — сказала Лорна.

— Да, ничего. Лишь какой-то сон, мрак, пока мы не проснулись.

— Но мы живы — что это значит? Мы живы...

— Предположим, все умерли, — пробормотал Мюррей. — Все-все — только что вымерла целая планета.

— Не надо об этом.

— Нет, только подумай о мертвецах, лежащих повсюду тысячами и миллионами, — должны ли они видеть сны?

— Не надо об этом.

— Нет, но должны ли они видеть сны? Когда никто из живых не может вмешаться, не может подавить их — такая вот новая ситуация, кругом одни мертвецы. Тысячи и тысячи мертвецов, видящих сны в свою последнюю ночь.

Лорна передернулась:

— Кошмар.

— Ну да, — с жаром кивнул Мюррей. — Жуткое дело — и хорошо, что мы здесь, что пустыня защищает нас. Сразу столько мертвецов, беспрепятственно видящих сны! Один сон накладывается на другой, отдельные фрагменты рвут друг друга в клочья! Жуткая последняя ночь для миллиардов мертвецов.

Они молчали, представляя себе назойливые голоса — там, по ту сторону гор. «Я был величайшим... я мог бы подчинить себе... мужчины боготворили мою красоту... Я, я был властителем... нет, послушайте меня, меня!»

Все они содрогнулись. Лорна сказала:

— А почему мы идем в эту сторону?

Впереди, на городской площади, рядом со старым железным обелиском лежала перевернутая машина. Капот ее был смят, ветровое стекло выдавлено и разбито; из кабины свешивалось тело.

— Я видел ее с башни, — хмуро заметил Мюррей.

— Давайте не будем подходить ближе.

— Но мы должны, как же ты не понимаешь? Ночь почти кончилась.

По всей улице гасли пурпурные колдовские огни. На востоке все ярче разгорался рассвет.

— Кто-то из нас? — прошептал Кен.

Они потеснее сгрудились, ежась на холодной заре.

— Но кто?

Они переглянулись. Лорна заметила, что Кен как-то затуманивается, становится полупрозрачным; утренняя звезда просвечивала сквозь его грудь. Заметив пристальный взгляд Лорны, он сгорбился и яростно выговорил:

— Я реален... это я, я реален! — И он ударил себя в грудь кулаком, но не издал ни звука.

— Все вы мне снитесь, — неуверенно проговорила Лорна. — Я точно знаю. Это наверняка я... Это моя машина, я пыталась скрыться, пересекла пустыню и разбилась здесь. — Но голос ее был тонок, и утренний свет сиял сквозь нее, будто сквозь бумагу.

— Все мертвы? Мертвы? — слышался жалобный голос Мюррея. Как и остальные, он был дымно-серым. Они плыли, их несло к обелиску.

Они слились, окутав тело, распростертое на месте аварии.

— Я был величайшим в мире ученым, — произнес, пропадая, голос Мюррея.

— Я был величайшим боксером, — тоже пропадая, отзывался Кен.

— Я была самой дорогой проституткой... — Слабый голос, затихающий на ветру.

— Я была величайшей певицей... — Шепот, прошелестевший прочь — в безмолвие.

Пропали все четверо. Осталось одно лишь распростертое тело — изящный мертвый юноша — пиджак залит кровью, тонкое лицо обращено к звездам. Последняя пропадающая мысль: *«А я... я был никем»*.

ЮНГА

1

Человек скорее свихнулся бы, чем выговорил имя юнги. Даже значение этого имени сложно было бы передать на любом земном языке. Удобства ради вполне можно называть его Томми Лой.

Просьба также помнить, что многие употребляемые ниже понятия весьма условны. На самом деле Томми был не совсем юнгой, и даже звездолет, где он служил, был не совсем звездолетом, а также и Капитан был не совсем капитаном. Но если Томми представляется вам рыжим и веснушчатым, насупленным и упрямым, совершенно несносным сорванцом, вечно откалывающим всевозможные номера, а Капитан — нудным и придиричивым стариком, тогда их отношения станут для вас намного яснее.

Пожалуй, стоит все-таки сказать пару слов о Томми, чтобы пояснить, зачем введены упомянутые условные понятия и насколько они осмыслены. Начнем с того, что человеку Томми показался бы прозрачным шестифутовым яйцом, полным зеленоватого студня. В этом студне болтались всякие фиговинки — как темные, так и лучистые, соответствовавшие у Томми нервным центрам и органам пищеварения, а на скорлупе располагались звездчатые и овальные выступы, служившие юнге органами чувств и хватательными приспособлениями — своеобразными «руками». На остром конце яйца находилось специальное отверстие, откуда временами вылетала струя мерцающего пара — средство передвижения Томми. И если вместо

фразы «Томми позавтракал» или «Томми сказал Капитану...» мы описывали бы то, что происходило в действительности, пришлось бы всякий раз ударяться в невероятно запутанные пояснения.

Точно так же понятие «юнга» употребляется только потому, что ближе всего соответствует сути дела в человеческом понимании. Некоторые ремесла, к числу которых относится и мореходное дело, настолько сложны и трудоемки, что им невозможно обучиться в классе — ими следует овладевать. Юнга и есть тот, кто обучается такому ремеслу. А платит он за свое обучение, выполняя разные лакейские, маловажные и унижительные поручения.

Имелось и еще одно сходство, а именно: юнга на корабле в перерывах между порками вечно занят подготовкой очередной проделки — дурачества, приносящего ему новое наказание.

Томми к настоящему моменту уже заработал законную порку и теперь всеми силами старался ее отсрочить. Конечно, он понимал, что наказания все равно не избежать, но рассчитывал оттянуть его как можно дольше.

Настороженно плавая в одном из бесчисленных коридоров корабля, он следил, как на светящейся стене возникает темная волна и движется в его сторону. Тогда Томми немедленно начинал двигаться от нее с той же скоростью.

Волна рокотала:

— Томми! Томми Лой! Да где этот бесстыжий щенок?

Дальше волна двигалась без остановки, бессловесно урча, и Томми перемещался вместе с ней. Впереди была другая волна, за ней еще, — и ту же картину представляли собой и все остальные коридоры корабля. Внезапно волны поменяли направление движения. То же самое, едва успев среагировать, сделал и Томми. Волны эти не только несли в себе приказы Капитана, но и сканировали все коридоры и отсеки десятимильного корабля. Впрочем, пока Томми держался между волн, Капитан не мог его засечь.

Бедой заключалась в том, что Томми не мог вечно продолжать в том же духе. Кроме того, его уже искали и другие члены команды. На прочесывание всех этих извилистых, переплетающихся коридоров уходила уйма времени, но, по законам математики, Томми в конце концов должен был попасться.

От такой мысли Томми поежился, но тут же всколыхнулся от восторга. Ведь на сей раз он прервал сон Старика при помощи особо мерзкого зловония, способности к которому обнаружили у него совсем недавно. Эффект оказался потрясающим. Поскольку раса Томми общалась при помощи запахов, то в человеческих понятиях это было примерно как запустить шутиху над самым ухом спящего.

Судя по резкости передвижения сканирующих волн, Старик рвал и метал.

— Томми! — рокотала волна. — Ах ты, кусочек дерьма, медленно выходи, или я размажу тебя на тысячу маленьких застранных! Клянусь Спорой, когда я до тебя доберусь...

Тут коридоры пересеклись, и Томми воспользовался возможностью нырнуть в другой. С момента своего шкодничества он последовательно держал путь от центра, зная, что туда же пойдут и поисковые партии. Теперь Томми оставалось только преодолеть внешнюю оболочку корабля и попытаться проскользнуть обратно за спинами преследователя — шанс довольно дохлый, но все же лучше, чем ничего.

Томми держался вплотную к стене. Он был самым маленьким членом команды — меньше любого из юнг и вдвое меньше среднего матроса, поэтому у Томми всегда оставалась возможность скрыться от любого из поисковой партии.

Теперь он попал в короткий соединительный коридор, но сканирующие волны циркулировали беспрестанно, всякий раз поворачивая назад прежде, чем ему удавалось прорваться дальше. Томми терпеливо повторял движения волн, прислушиваясь к потокам изливаемой ими брани. Мысленно он ржал. Когда Старик бесился, страдали все. Теперь корабль наверняка провонял от носа до кормы.

Наконец Капитан отвлекся, и волны потекли дальше — к следующему перекрестку. Томми двинулся вперед. Он уже приближался к цели — в самом конце коридора различалось слабое мерцание звездного света.

Вот Томми вписался в следующий поворот — и там, сквозь полупрозрачную оболочку корабля, увидел такое, что чуть не споткнулся. Там сияли не просто огненные булавочные головки звезд, там пылал ярчайший, неистовый костер, который мог означать только одно: они проходят через звездную систему. Зрелище, привычное для Капитана и большинства Матросов, но

в жизни Томми такое случалось впервые. Ну вот, возмущенно подумал юнга, положишься на них — а тебе даже и не скажут!

Теперь он точно знал, что не зря подложил свинью Капитану. Ведь иначе он не оказался бы здесь; а не окажись он здесь...

По коридору со стуком двигалась самоходная мусорная капсула, направляясь к одной из наружных пор. Томми дождался ее, а затем обволок — капсула так растянула юнгу, что он едва удерживался на ней. Удача сопутствовала Томми, Капитан вряд ли заподозрил бы неладное.

Корабль был герметически закупорен — не для того, чтобы сохранить внутри атмосферу, ибо никакой атмосферы, кроме случайной, там не было. Закупорка предотвращала утечку жидкости в результате испарения. Запасы металлов и других минеральных веществ еще можно восполнить, а вот с жидкостями было сложнее.

Томми прокатился на капсуле до выходного сфинктера, протиснулся туда — и сразу же отпустил капсулу. Поляризованная на удаление от корабля, она пулей устремилась в космос и была такова. Томми уцепился за наружную поверхность корпуса и стал разглядывать расстилавшуюся перед ним изумительную панораму.

Вот оно, необъятное черное полушарие космоса — единственное небо, какое Томми когда-либо знал. Усеянное знакомыми и в то же время вечно изменчивыми узорами созвездий. Все это само по себе уже было чудом для мальчишки, чью привычную вселенную составляли громадные коридоры, да еще, в лучшем случае, втрое большие залы. Но панораме космоса Томми уделял мало внимания. Ведь внизу, справа от него, ослепительно отражаясь от широкого закругления зеленоватого корпуса, сияло бело-желтое великолепие, на которое Томми больно было смотреть. Звезда. И впервые так близко. А слева висел небольшой молочно-белый диск — не иначе как планета.

Томми испустил крик — только чтобы насладиться его тонким, нерезким ароматом. Затем стал наблюдать, как тонкая пелена частичек отлетает от его тела, слабо светящегося на фоне черноты двигателя. Затем съежился, максимально утолщая кожу. Томми понимал, что задерживаться здесь надолго ему нельзя — тепло он испускал быстрее, чем успевал поглощать от солнца или корпуса корабля.

Но возвращаться назад не хотелось. И не только потому, что его ждало наказание. Томми не хотелось уходить от этого огромного и ослепительного небесного самоцвета. На мгновение Томми смутно представил себе будущее — когда он вырастет, станет хозяином собственного корабля и сможет смотреть на звезды сколько захочется. Впрочем, такая мечта была еще слишком далека от реальности. Великая Спора, ведь это случится не раньше, чем через двадцать тысяч лет!

Тут в пятидесяти ярдах от Томми на корпусе корабля вздулось и потемнело громадное пятно — одно из зрительных приспособлений. Юнга с интересом поднял взгляд на небо. Ничего в том направлении он различить не смог, но Капитан, видимо, что-то заприметил. Томми смотрел и ждал, холодея с каждой секундой, и через некоторое время заметил появление еще одной световой точки. Она постоянно увеличивалась в размерах, стала с одного боку немного размытой, а затем превратилась в два сочлененных пятнышка — одно яркое и плотное, а другое побледнее.

Внезапно сообразив что к чему, Томми опустил взгляд и заметил, что еще один обширный участок корпуса корабля вздувается и выступает наружу. Здесь из-под зелени проступило светлое пятно, окруженное темным кольцом, — корабельный поляризатор. Видно, объект, который заметил Томми, содержал металл, — и Капитан решил пополнить запасы продовольствия. Томми мысленно пожелал, чтобы штукавина оказалась повесомее; сколько юнга себя помнил, металла им всегда не хватало.

Когда он снова посмотрел в небо, объект заметно увеличился. Теперь Томми разглядел, что яркая часть была твердой и гладкой, отражая свет близкого солнца. Размытая же часть представляла загадку. Она смахивала на голос кого-нибудь из команды, видимый на фоне панорамы космоса, или на ионный след движущегося корабля. Но разве металл бывает живой?

2

Лео Роджет глянул в сканер заднего вида и вытер капельки пота, выступившие на смуглых затылках. Разглядел он не слишком много — пылающий газ из ракет омывал корпус. Но

громадный темный овоид, к которому их несло, оставался на месте и увеличивался в размерах. Роджет бросил взгляд на приборную панель. Газ на максимуме. Меньше чем через две минуты произойдет столкновение — и, похоже, ничего тут не поделать.

Роджет повернул голову к Френсис Макменамин, пристегнутой к соседнему перегрузочному креслу. Та предложила:

— Попробуй сбросить газ, попытка не пытка.

Невысокий крепыш Роджет отвел пронзительные карие глаза в сторону и пригладил редющую черную шевелюру. Макменамин, стройная пепельная блондинка, ростом обошла своего спутника всего на полдюйма. Лицо ее, бледное, изящно очерченное, было из тех, что поровну поделены между потрясающими умницами и клиническими идиотками. За те три года, что они летали вместе, Роджет так и не сумел решить, к какому типу следует отнести Френсис. А в этот безумный рейс их толкнула вот какая причина: Роджет чувствовал себя с Френсис как-то неловко. То он хотел разойтись, а то как будто и не хотел. Вот он и поддержал ее идею отправиться к Марсу: «Полетели, а там будет видно». И пожалуйста, подумалось Роджету, лететь-то они летят, а видно не становится.

— Хочешь поскорее столкнуться? — спросил он.

— Почему обязательно столкнуться? — возразила Френсис. — Просто все остальное мы уже пробовали. А так хоть можно будет выяснить, куда мы направляемся. Надеяться на большее пока не приходится.

— Хорошо, — согласился Роджет. — Хо-ро-шо.

Эта женщина запросто могла приводить десятки убедительных доводов и в конце концов все равно настояла бы на своем. Роджет сбросил газ до нуля — и рев двигателей, дотоле слышимый и ощутимый, затих.

Корабль резко дернулся — так, что их прижало к ремням безопасности.

Роджет снова глянул на сканер. Они приближались к неизвестному массивному объекту теми же темпами, что и раньше. Пожалуй, даже немного медленнее, неохотно заключил он. Чертова баба! Как же она и тут умудрилась угадать?

— А кроме того, — рассудительно добавила Макменамин, — так мы сохраним горячее для взлета.

Роджет хмуро взглянул на свою спутницу.

— Если взлет состоится, — заметил он. — Ведь не смеха ради нас туда тянет. Что прикажешь делать — сказать, что мы в вос-торге от их фокуса, но нам пора?

— По крайней мере выясним, что нас туда тянет, — заявила Макменагин, — и остановимся, если сможем. А если не сможем, тогда горячее все равно ни к чему.

Такой приемчик из арсенала Френсис казался Роджету одним из самых издевательских. Эта женщина подсовывала тебе твой же собственный довод как нечто такое, чего ты по своей непроходимой тупости не заметил. Спорить с ней — что гоняться за призраком, который то и дело исчезает, а потом вдруг хлопает тебя сзади пыльным мешком.

Роджет начал уже пускать пар, но все же смолчал. Зеленоватая поверхность наплывала все медленнее, и теперь он ощущал легкое, но настойчивое давление ремней безопасности. Означало это не что иное, как торможение. Кто-то подводил их к посадке так умело и аккуратно, что им и самим не справиться удачнее.

Очень скоро в иллюминаторах забрезжил зеленоватый горизонт, и они сели.

Френсис сунула руку за пазуху и поправила складку, что образовалась меж вулканическим холмиком ее груди и прозрачной пластиной скафандра. Наблюдая за ней, Роджет вдруг ощутил безрассудный страстный порыв. Как обычно, тело тут же уведомило его о том, что расходится с мозгом во мнениях по поводу Френсис. Да, этот рейс, по их тактическому соглашению, должен был стать чем-то вроде последней проверки. В конце они либо разойдутся, либо свяжут себя узами более прочными. И до сих пор Роджет склонялся к тому, что разрыв неизбежен. А теперь он вдруг понял: если они доберутся до Марса и сумеют вернуться на Землю, он уже ни за что не отпустит Френсис.

Роджет взглянул в лицо своей спутнице. Френсис явно догадалась о том, какое направление приняли его мысли, — точно так же, как догадывалась и о других его чувствах. И вместо законной досады астронавт отчего-то ощутил странную радость и умиротворение. Он отстегнул ремни, закрепил на голове шлем и двинулся к переходному шлюзу.

Вскоре Роджет вышел на бледно-зеленую поверхность, отлого закруглявшуюся во всех направлениях. Он стоял

под ослепительным светом солнца, отбрасывая рельефную тень — черную, как и весь космос. Примерно в двух третях расстояния до горизонта, если смотреть по короткой оси корабля, солнечный свет резко обрывался — и остальное виделось Роджету лишь в тусклом отражении звездного света.

Корабль лежал на боку, а остроконечный нос на несколько дюймов погрузился в зеленую оболочку чужого судна. Роджет осторожно шагнул туда — и едва успел ухватиться, чтобы не проплыть мимо. Магнитные подошвы ботинок цепляться не желали. Металл корпуса чужого корабля, если это вообще был металл, явно не содержал железа.

Из-под зеленой поверхности проступали и другие цвета — особенно в том месте, где забавно выпячивался почти прямоугольный выступ. В центре этого выступа, как раз под самым хвостом корабля землян, располагался более светлый участок; вокруг него, проходя под бортом земного судна, шло темное кольцо. Роджет включил нашлемный фонарик и нагнулся, чтобы получше все рассмотреть.

Пестрое зеленое вещество пропускало свет — и сквозь него Роджет увидел поверхность своего корабля. Выглядела она помятой и проржавевшей. Прямо у него на глазах на сияющем корпусе появилась еще одна точка ржавчины — и стала медленно разрастаться.

С невинным восклицанием Роджет выпрямился. Тут же в шлемофоне раздался голос Френсис:

— Что там, Лео?

Он ответил:

— Какая-то дрянь разъедает корпус. Погоди минутку. — Роджет снова стал разглядывать светлые и темные крапинки под зеленой поверхностью. В центральном участке металл выглядел нетронутым; там могла располагаться выходная часть приспособления, которое использовали, чтобы стащить их корабль с курса и удерживать здесь. А что, если теперь оно отключено... Роджету требовалось убрать корабль от темного кольца, разрушавшего металл. Иначе нельзя было включать ракеты, так как они наполовину погрузились в зеленое вещество — могли сгореть трубы.

— Ты пристегнута? — спросил Роджет у Френсис.

— Да.

— Тогда держись. — Он прошел обратно к центру маленького корабля, уперся рифлеными подошвами ботинок в твердую зеленую поверхность, а руками в металлический корпус — и толкнул.

Корабль тронулся с места. Но он лишь закрутился как волчок, описывая круг своим остроконечным носом. Темный участок внизу колыхался, будто студень. Ракеты так и остались в центре светлого участка, а темное кольцо по-прежнему соприкасалось с корпусом. Роджет стал толкать дальше, но с тем же результатом. Корабль легко двигался во всех направлениях, кроме нужного. Стало ясно, что сила, притянувшая корабль, по-прежнему действует.

Роджет удрученно выпрямился и огляделся. И вдруг обратил внимание на нечто, чему поначалу значения не придавал. В нескольких сотнях ярдах от него лежало шестифутовое яйцо из материала более светлого и прозрачного, нежели окружающая зеленая масса. Роджет прыгнул в ту сторону. Яйцо не особенно расторопно двинулось прочь, волоча за собой облачко светящегося газа. Считанные секунды спустя Роджет уже схватил округлую массу. Яйцо колыхнулось, затем выпустило спереди тонкую струйку пара. Оно явно было живым.

В одном из иллюминаторов виднелся силуэт головы Макменамин. Роджет спросил:

— Видишь?

— Да! Что это?

— Думаю, один из команды. Пожалуй, надо бы его прихватить. Займись переходным шлюзом, вдвоем мы там не поместимся.

— Ладно.

Пристроить массивное яйцо в кабине оказалось делом не простым. После того как Френсис наконец затащила его на корабль, яйцо откатилось к стенке. Двое людей стояли у панели управления и разглядывали гостя.

— Ничего индивидуального, — заметил Роджет, — если не считать пятен. Это существо не из Солнечной системы, Френсис, оно не принадлежит ни к одному из известных нам типов эволюции.

— Понятно, — рассеянно заметила Макменамин. — Слушай, а как по-твоему — нет на нем средства защиты?

— Нет, — уверенно ответил Роджет. — Это не скафандр. Смотри, оно просвечивает чуть ли не насквозь.

— Точно, — согласилась Френсис. — Значит, его естественная среда — космос!

Роджет задумчиво оглядел яйцо.

— Похоже, так, — сказал он. — Во всяком случае для вакуума оно неплохо приспособлено. Яйцевидная форма дает более высокую величину отношения объема к поверхности. Жесткая оболочка. Двигается посредством реактивной тяги. Вообще-то верится с трудом. Но, с другой стороны, почему бы и нет. Есть же, в конце концов, организмы, растения, способные жить и размножаться в кипятке. Другие могут выдерживать температуры, близкие к абсолютному нулю.

— А ведь наш гость тоже растение, — вставила Френсис.

Роджет повернулся к ней, затем снова окинул взглядом яйцо.

— Ты имеешь в виду цвет? Хлорофилл? Пожалуй.

— А как иначе он выжил бы в вакууме? — Френсис скривилась: — Ну и запах!

Они переглянулись. В исходивших от существа запахах было что-то странное. Проносились целые серии отдельных душков — удивительно резких и незнакомых.

Роджет закрыл шлем и сделал Макменаминам знак последовать его примеру. Та нахмурилась и покачала головой. Роджет открыл шлем.

— Запах может быть ядовит.

— Не думаю, — возразила Макменамина. — У меня появилась одна мысль.

Френсис вышла и вскоре вернулась с целой охапкой пластиковых дезодорантов. Затем подошла к Роджету, опустилась на колени и стала выстраивать их на полу, направляя ниппелями к яйцу.

— Это еще зачем? — поинтересовался Роджет. — Слушай, не время шутить, надо придумать, как отсюда выбраться. Корабль уже разъело до самых...

— Да погоди, — перебила Макменамина. Затем потянулась к бутылочкам и брызнула из трех подряд. Сначала тончайший спрей пудры для лица, потом одеколон, за которым последовала струя доброго виски.

Дальше Френсис стала ждать. Роджет уже раскрыл было рот, чтобы заговорить, когда из яйца снова посыпались незнакомые запахи. На сей раз их оказалось всего три: два приятных и один резкий.

— Пожалуй, я назову его Душком, — сказала Макменамин и снова нажала колпачки — уже в другом порядке. Виски, пудра, «Ночи Юпитера». Яйцо ответило: резкий, приятный, приятный.

Френсис предложила оставшуюся комбинацию, и яйцо отозвалось. Затем женщина положила на пол регистрационную трубочку и пустила струю пудры. Потом добавила еще трубочку и пустила одеколон. Так она продолжала, выпуская запах для каждой трубочки, пока их не оказалось десять. Яйцо всякий раз откликалось, в некоторых случаях знакомым запахом. Наконец Френсис убрала семь трубочек и выжидающе воззрилась на яйцо.

Зеленая масса испустила резкий запах.

— Рассказать кому, — благоговейным тоном произнес Роджет, — что наша Френсис научила шестифутовое пасхальное яйцо считать до десяти с помощью избирательного метеоризма...

— Тише, дурачок, — перебила Френсис. — Теперь сложный пример.

Она положила три трубочки, дождалась резкого запаха, затем добавила еще шесть, чтобы составить три ряда по три. Яйцо любезно откликнулось сильным запахом, смахивающим на хорошую имитацию лимонного экстракта, — девятого номера по счету Френсис. За ним опять последовала очередная стремительная и запутанная серия душков.

— Он понимает, — заключила Макменамин. — Надо думать, он только что сообщил нам, что трижды три — девять. — Она встала. — Выходи первым, Лео. Я пушу его следом, а потом пройду сама. Прежде чем мы его отпустим, надо ему еще кое-что показать.

Роджет последовал указаниям. Как только яйцо выбралось наружу и направилось было восвояси, Роджет преградил ему путь и потянул обратно. Затем отошел в сторонку, рассчитывая, что существо поймет: они не пытаются его принуждать, но хотят, чтобы оно осталось. Несколько мгновений яйцо нерешительно покачалось, но все же осталось на месте. А тут появилась и Френсис, которая несла с собой дезодорант и карманный фонарик.

— Моя лучшая пудра, — сокрушенно произнесла она. Пластиковый флакон лопнул в пальцах Френсис, и всех троих окутал туман, слабо мерцавший в солнечном свете.

Яйцо по-прежнему ожидало. Похоже было, что оно внимательно наблюдает за людьми. Макменамин включила фонарик и направила на Роджета. Луч проделал узкую отчетливую тропку в тумане рассеянных частиц. Затем Френсис обратила фонарик на себя, на корабль и, наконец, направила луч вверх — в сторону небольшого голубого диска, которым была Земля. Все это она проделала еще дважды, а затем отступила к переходному шлюзу. Роджет направился следом.

Там они и стояли, наблюдая, как яйцо торопливо пробирается по корпусу, вталкивается в зеленую оболочку и исчезает.

— Впечатляюще, — заметил Роджет. — Интересно только, какой нам с этого толк.

— Теперь он знает, что мы живые, разумные, дружелюбные и что мы с Земли, — задумчиво проговорила Макменамин. — Теперь все зависит от него.

3

Легче свихнуться, чем достаточно полно описать человеку душевное состояние Томми, когда тот нырнул обратно в корабль и оказался в ближайшем радиальном коридоре. Собственно, наша аналогия по-прежнему неплохо работает. Томми и правда можно было уподобить мальчугану, а значит, понятна его тяга к разного рода авантюрам и приключениям. Но остается еще и многое другое. Юнга увидел живых и разумных существ незнакомой формы и строения, которые жили в металле и были как-то связаны с теми необъятными, загадочными кораблями, что называются планетами, к которым ни один из капитанов его расы не отваживался даже приблизиться.

И в то же время Томми был совершенно убежден, придавленный сводом знаний, что миллиарды лет накапливались, хранились и передавались из поколения в поколение, что во всей Вселенной не существовало другой разумной расы, кроме его собственной, что металл, хотя он и давал жизнь, сам живым быть не мог и ни одно живое существо, которому выпало несчастье появиться на свет на борту планеты, не могло даже надеяться преодолеть такое страшное гравитационное поле.

Результатом всех терзаний Томми стало желание побыть в одиночестве и хорошенько подумать. Трудновыполнимое жела-

ние, если вспомнить, что Томми должен был двигаться по коридору, принаравливаясь к сканирующим волнам и направляя все свои мысли на то, как бы проскользнуть мимо поисковой партии.

Оставался еще вопрос, сколько времени Томми отсутствовал. Если преследователи добрались до корпуса, пока он торчал в той металлической штуковине, то они вполне могли решить, что юнге удалось проскользнуть обратно к центру корабля. Тогда они, естественно, держат путь назад, и ему остается лишь проследовать за ними до оси и спрятаться в зале, как только они оттуда выйдут. В противном случае надежды на спасение у Томми не оставалось.

Оставалась последняя возможность. Но о ней Томми не решался даже задуматься. А дело было вот в чем. Вдоль коридоров проходили топливные линии — трубы, по которым неслись ионные пары, питавшие корабль энергией. И рискни Томми влезть в одну из таких труб, он, без сомнения, оказался бы железно застрахован от поимки на все время пребывания в трубе. Но, во-первых, топливные линии расходились от оси корабля, и ни одна из них не привела бы Томми в нужное место. А во-вторых, не было на борту корабля места опаснее. Старшие члены команды иногда забирались туда для аварийного ремонта, но всякий раз старались выбраться как можно скорее. Томми понятия не имел, сколько сможет там продержаться.

В нескольких метрах дальше по коридору как раз находился задраенный сфинктер, через который можно было попасть на топливную линию. Оказавшись рядом, Томми бросил туда неуверенный взгляд. Еще не успев решиться, юнга вдруг почувствовал, что из-за угла коридора кто-то приближается.

Томми плотнее прижался к стене и смотрел, как мучительно медленно приближается другой конец коридора. Только бы завернуть за угол, а уж там...

На стене снова мелькнул отблеск, а из-за поворота показался краешек зеленой массы. Рассуждать было некогда. Томми рванул во весь дух, прямо через следующую сканирующую волну — вперед, к поперечному коридору.

В тот же миг по стенам раскатился рев Капитана:

— Ага! Это он, подлый щенок! За ним, ребята!

Сворачивая в следующий коридор, Томми оглянулся, и сердце его упало. За ним гнался не юнга и даже не Матрос, а Третий Помощник — такой огромный, что загораживал собой чуть ли не полкоридора, и такой могучий, что удирать от него Томми было все равно что пацану на велосипеде от курьерского поезда.

Томми свернул за угол и в тот же миг понял, что его карта бита — очередной коридор оказался абсолютно прямым и тянулся добрую сотню футов. Только Томми туда рванулся, как из-за поворота уже выросла туша Третьего Помощника.

Третий накатывался со страшной скоростью, и у Томми осталось время лишь на последний отчаянный бросок. Затем громадная туша тяжело навалилась на него, и юнга оказался пойман.

Не успели они, скользнув по полу, остановиться, как от стен зарокотал голос Капитана:

— То, что надо, сэр! Дайте-ка мне на него взглянуть!

Сканирующие волны теперь не двигались. Третий подтащил Томми к ближайшей темной полосе.

Юнга тщетно упирался.

— Вот он, шутничок наш! — взревел Капитан. — Несказанно рад снова видеть тебя, Томми! Что? Не слышу? Где же остроумные реплики? Где твой неотразимый юмор?

— Надеюсь, вы славно вздремнули, Капитан, — выдохнул Томми.

— Оч-чень славно, — с тяжелым сарказмом отозвался Капитан. — Ох, как замечательно, Томми. Может, еще что-нибудь хочешь сказать, прежде чем я назначу тебе порку?

Томми безмолвствовал.

Тогда Капитан обратился к Третьему Помощнику:

— Отличная работа, сэр. Вы получите добавочный паек.

Третий впервые заговорил, и Томми узнал его высокий жеманный голосок. Джордж Адкинс. Недавно засеянный, Адкинс был так горд частичкой новой жизни в своем теле, что жизни никому не давал.

— Большое спасибо, сэр. — Адкинс так и пыжился. — В моем положении, конечно же, не стоило так напрягаться.

— Зато получите вознаграждение, — раздраженно прогудел Капитан. — А теперь доставьте шутника в пятую палату. Там у нас состоится небольшая церемония.

— Есть, сэр, — сдержанно отозвался Третий. Затем двинулся, подталкивая Томми, и нырнул в первый же ведущий вниз поворот.

Вскоре они добрались до главной артерии, что вела напрямиком к центру корабля. Сканирующие волны по-прежнему стояли на месте, а Томми с Третьим двигались так проворно, что опасность быть подслушанными исчезла. Тогда юнга вежливо осведомился:

— Простите, сэр, вы ведь не позволите обойтись со мной слишком жестоко, правда же, сэр?

Третий некоторое время не отвечал. Не раз он уже попадался на удочку притворной вежливости Томми и теперь был осторожен — разумеется, в меру своей тупости. Наконец он ответил:

— Вы получите только то, что причитается, юный Том.

— О да, сэр. Не сомневаюсь, сэр. Сожалею, что вынудил вас напрячься — учитывая ваше положение и все такое.

— Еще бы, — скупое отозвался Третий, но в голосе его все же прозвучало удовольствие. Не часто случалось, чтобы юнга выказывал подобающий интерес к предстоящему родительству Третьего. — А знаешь, они уже шевелятся, — доверительно шепнул Третий Помощник, слегка распрямляясь.

— В самом деле, сэр? О, вы должны всячески оберегать себя, сэр. А скажите, пожалуйста, сэр, — сколько их там?

— Двадцать восемь, — сообщил Третий. Последние две недели он объявлял эту новость при каждом удобном случае. — Крепенькие и здоровенькие — хвала Споры.

— Как это замечательно, сэр! — воскликнул Томми. — Двадцать восемь! Надо же! Но позвольте заметить, сэр, вы должны быть крайне разборчивы с пищей. Не собирается ли Капитан выделить вам добавочный паек из той массы, которую он недавно притащил на палубу?

— Не знаю, не знаю. Возможно.

— Вот те на! — воскликнул Томми. — Хотел бы я быть уверен, что...

Юнга намеренно оборвал фразу и замолчал.

— А что ты хочешь сказать? — брюзгливо поинтересовался Третий. — Что-нибудь не так с металлом?

— Наверняка я не знаю, сэр, но что-то он в этот раз не такой, как обычно. Такого у нас не было. По крайней мере, — добавил Томми, — с тех пор, как меня вывели, сэр.

— Ясное дело, — отозвался Третий. — Но уж я-то, знаешь ли, тертый калач и всякого перепробовал.

— О да, сэр. Но разве металл обычно не бывает такой темный, шероховатый? А, сэр?

— Именно такой и бывает. Всякий знает. Правильная форма только у живых существ, а металл неживой.

— Конечно, сэр. Только я побывал на палубе, сэр, когда пытался скрыться, и видел этот металл. Он совсем правильной формы, если не считать каких-то выступов на одном конце, такой же гладкий, как вы, сэр, и блестящий. Простите, сэр, но мне он аппетитным не показался.

— Чепуха, — неуверенно пропыхтел Третий. — Чепуха, — более решительным тоном повторил он. — Ты наверняка ошибся. Металл не может быть живым.

— Я тоже так подумал, сэр, — возбужденно затараторил Томми. — Но в этом металле оказались живые существа, сэр. Я их видел. И металл вел себя очень необычно, сэр. Я это заметил, когда Капитан его тащил, и... только боюсь, вы не поверите мне, сэр, если я скажу, что делал этот металл.

— Ну, и что же он такого делал?

— Клянусь, я видел, сэр, — продолжил Томми. — Капитан вам подтвердит, сэр.

— Будь оно все стерилизовано; так что же делал этот металл? Томми понизил голос:

— От него тянулся ионный след, сэр. Он пытался удрать!

Пока Третий пытался уяснить услышанное, они добрались до конца коридора и попали в просторное шарообразное пространство пятой палаты, где уже выстроились члены команды, готовые стать свидетелями наказания Томми Лоя.

Шутки закончились, подумалось Томми. Впрочем, Третьему Помощнику он, по крайней мере, оплатил сторицей. Обещанный добавочный паек уже не доставлял ему особой радости.

По окончании экзекуции Томми съехался в углу кают-компании, куда его бросили, измученного и страдающего. Боль еще прокатывалась по телу неудержимыми, тяжелыми волнами, и он всякий раз невольно вздрагивал.

Загадка металлического корабля все еще призывала юнгу откуда-то с задворок сознания, но слишком уж свеж был другой опыт, слишком живы припоминаемые образы.

Капитан, как обычно, читал Символ Веры:

«В начале была Споры, и Споры была одна». (А команда: «Слава Споры!»)

«Потом был свет, и свет был хорош. О да, хорош для Споры и Первенцев Споры».

(«Слава им!»)

«Но свет стал злым во дни Вторых Отпрысков Споры».

(«Горе им!»)

«Но свет отверг их. О да, изгнаны они были — изгнаны во тьму, в Великую Бездну».

(«Помилуй изгнанников в Великой Бездне!»)

Томми повторял вместе со всеми, лелея в то же время еретические мысли. Никакого зла в свете не было; они до сих пор жили, пользуясь им. А на самом деле скорее всего получалось так — и сам Капитан допускал такую мысль на своих уроках истории и естественных наук: далекие предки, возросшие в пылающем сердце Галактики, слишком уж усовершенствовались ради своего же блага.

Они все больше и больше приспособлялись извлекать энергию из звездного света, из металлов и других элементов, попадавших в космосе; и в конце концов волей-неволей стали поглощать больше, чем могли усвоить. Поздние поколения постепенно и естественно переселились из района с интенсивным излучением в «Великую Бездну» — Вселенную разбросанных далеко друг от друга звезд. А совершенствование неизбежно продолжалось; в то время как уровень доступной энергии падал, средства ее поглощения становились все более эффективными.

Теперь они уже не могли не только вернуться на родину, но даже приближаться к попутным звездам на расстояние планетных орбит. А значит, планеты и сами звезды стали для них объектами благоговейного страха. Понятное дело. Но почему нужно снова и снова следовать глупому ритуалу со всякими там «изгнанниками» и «злом», придуманному каким-нибудь невежественным и суеверным предком?

Капитан заканчивал:

«Спаси нас от Смерти, что таится в Великой Бездне...»

(«Медленной Смерти, что таится в Великой Бездне!»)

«И храни души наши чистыми...»

(«Чистыми, как свет во времена Споры, будь Она Благословенна!»)

«И сделай прямыми пути наши...»

(«Прямыми, как лучи света, братья!»)

«Чтобы снова мы встретились с потерянными братьями в День Воссоединения».

(«Приблизь тот День!»)

Затем все умолкло — тишина нарастала, пока не сделалась подобна безмолвию космоса. Наконец Капитан заговорил вновь — прозвучали слова приговора и в заключение:

— Пусть его высекут!

Томми напрягся, лихорадочно утолщая кожу и сжимаясь до минимального объема. Потом два рослых и сильных Матроса схватили его и бросили третьему. Тот плотно прижался к стене, втягивая из нее энергию, пока не наполнился до краев. И когда Томми долетел до него, Матрос разрядил энергию изломанной дугой, что наполнила тело Томми подлинной квинт-эссенцией боли, а потом толкнул юнга в другую сторону палаты для следующего удара... и следующего... и следующего.

Пока наконец Капитан не прогудел: «Достаточно!» — и тогда Томми вытащили из палаты, бросили в угол и оставили в покое.

Юнга слышал голоса членов команды, получавших свои пайки. Один проворчал что-то насчет вкуса, а другой — судя по голосу, благополучно раздувшийся — посоветовал ему заткнуться и есть, дескать, металл как металл.

Итак, корабль попал на камбуз.

Поистине страшная участь была уготована его экипажу.

Томми представил, что его выбросили дрейфовать в космосе в одиночку, обрекая его крошечное тело на медленное остывание, — и внутренне содрогнулся.

Затем он снова задумался над проблемой, преследовавшей его после встречи с пятиконечными существами. Жизнь разумного существа, безусловно, священна. Так говорилось и в Символе Веры — говорилось в той же слащаво-поэтической манере, что и все остальное. Ни один капитан, как и любой другой член команды, не имел права уничтожить ближнего ради своей выгоды, ибо всех связывала общая наследственность. Потенциально все они были одинаковы, ни один не оказывался лучше других.

И все употребляли в пищу металл, благо металл был неживым и, уж ясное дело, — неразумным. Но что, если эта истина несовершенна?..

И тут юнга вспомнил: в корабле чужаков, пытаясь объяснить с пятиконечными существами, он был напуган почти до потери запаха — но где-то глубоко внутри, под испугом и возбуждением, чувствовал себя превосходно. И внезапно его осенило: это похоже на мистическое завершение, которое, как подобает верить, наступает в День Воссоединения — в день, когда сходятся все прямые — когда все разбросанные по Вселенной корабли, разделенные миллиардами лет полета, слетаются наконец вместе. Вот что начинаешь чувствовать после общения с неведомым существом, наделенным разумом.

Томми захотелось еще раз поговорить с чужаками, научить их складывать нестройные звуки в слова, научиться у них... Ведь те двое были продуктами совершенно другой линии эволюции. Кто знает, чему они могли бы научить Томми?

Сомнения юнга понемногу прояснились. Если корабль поглотит их металл, разумные существа погибнут; значит, Томми должен заставить Капитана отпустить корабль чужаков. Но тогда они улетят в бесконечные пространства Великой Бездны и Томми никогда уже не сможет...

Тут в каморку заглянул младший офицер:

— Давай-ка, Лой, выметайся. У тебя наряд на камбуз. Есть будешь после работы. Если пайка останется. Ну, живее!

Томми задумчиво двинулся в коридор, почти позабыв о боли. Связанные с кораблем чужаков мировые проблемы, не находя приемлемого решения, тоже удалялись из его сознания. Их место заняла новая идея, и Томми озарил несказанный восторг, доступный только настоящему шутнику-практику.

Причитавшаяся за это порка ничуть не омрачала его настроения.

4

Роджет снял шлем и устало опустил в кресло. На женщину он и не взглянул.

— Плохо дело? — осторожно спросила Макменамина.

— Хорошего мало. Наружная оболочка разъедена по всему кольцу. На очереди свинцовая прокладка. С трубами пока порядок, на ближайшую пару часов. А потом — конец.

— Эфир молчит, — дополнила Френсис печальную картину их положения.

Здесь, почти на полпути меж орбитами Земли и Марса, они оказались в безнадежном одиночестве. На их миниатюрном корабле отсутствовала толковая аппаратура для дальней связи.

Роджет встал, буркнул: «С Богом» — и, стиснув зубы, вышел из отсека. Макменамин слышала, как он проходит через спальню и гремит чем-то в багажном отделении.

Вскоре он вернулся со сварочной горелкой. Шлем на его голове с лязгом закрылся, и голос Роджета резко зазвенел в наушниках у Френсис:

— Скоро вернусь.

— Будь осторожен, — напомнила женщина.

Роджет задраил за собой шлюз и оглядел истерзанный корпус корабля. Отдаленно он напоминал грушу, к которой приложил свои зубы ребенок. Местами уже виднелись трубы ракетного двигателя. Роджета вновь охватила ярость, в глубине которой таился страх.

Он напомнил себе, что сотню лет назад космические бродяги попадали в такие же скверные ситуации, а то и похуже. Но Роджет все же был горожанином — человеком, привыкшим к городской среде. И теперь он вдруг понял, что толком не знает, как ему действовать. Интересно, что нужно делать, когда тебе вот-вот наступит крышка да еще в пятнадцати миллионах миль от дома? Попытаться успокоить Макменамин, которая и без того уже была подозрительно спокойна? Или продемонстрировать чувство собственного достоинства и выдать одну из тех предсмертных речей, что обычно приводятся в популярных биографиях? А как насчет того, чтобы обсудить небольшой договорчик о самоубийстве? Едва ли не все, что мог сделать в данном направлении Роджет — это заколоть Френсис отверткой, а самому повеситься.

В наушниках раздался ее голос:

— У тебя все в порядке?

— А как же, — отозвался он.

Роджет осторожно наклонился к зеленой поверхности, стараясь не касаться коленями темного коррозионного участка.

Работа с портативным сварочным аппаратом особых навыков не требовала. Пламя вырвалось из сопла и омыло темную поверхность. Роджет даже через скафандр почувствовал жар.

В темном материале образовалась глубокая обугленная впадина, и зеленая масса немного оттянулась от корпуса. Такого астронавт даже не ожидал. Приободрившись, он попробовал еще.

Поверхность под ним внезапно задрожала, и Роджет в панике вскочил — как раз вовремя, чтобы избежать накатившей снизу волны.

Но слишком поздно. Роджету показалось, будто его огрели могучим молотом.

В ушах страшно зазвенело, а перед глазами повисла пелена. Роджет заморгал, попытался поднять руку. Та, казалось, намертво пристала к телу. До смерти напуганный, он попробовал подняться и не смог. Когда в глазах прояснилось, он понял, что распростерт лицом вниз на каком-то широком диске, всплывшем из зеленой массы. Все металлические части скафандра были накрепко прикованы к поверхности. Сварочный аппарат лежал в нескольких дюймах от правой руки.

Еще какое-то время, не желая поверить в случившееся, Роджет пытался шевелиться. Но вскоре прекратил и просто лежал в плену собственного скафандра, упираясь взглядом в мутную зеленоватую поверхность.

Внезапно послышался голос Френсис:

— Лео, что-нибудь случилось?

— Сел в лужу, как последний дурак, Френсис.

Роджет услышал, как она со стуком захлопнула шлем, и тревожно добавил:

— Только не приближайся к светлomu участку, а то и тебя прихватит.

Прошло еще некоторое время, и Френсис вынесла заключение:

— Не знаю, что и делать, дорогой.

К Роджету уже вернулось спокойствие. Астронавт вспомнил, что кислорода в скафандре осталось максимум на час, так что дергаться не стоит.

Некоторое время спустя он позвал ее:

— Френсис?

— Что?

— Время от времени перекачивай корабль, ладно? А то доберется до проводки или еще куда-нибудь.

— Хорошо.

Потом они перестали разговаривать. Осталось так много недосказанного, но было слишком поздно.

5

Вместе с другими несчастными Томми тащил наряд по уборке помещений. Грязная, паскудная работа, годная разве что для юнги — выбирать отбросы из мусороприемников в коридорах и отсеках, упаковывать их в стандартные капсулы, а затем тащить к ближайшему поляризатору. Но под пристальным взглядом младшего дежурного офицера Томми вкалывал с предельным усердием, пока они не очистили шесть нижних уровней, неплохо продвинувшись и на седьмом.

Стратегически здесь было лучшее место для того, чтобы смыться и снять погоню с «хвоста».

Вскоре Томми заметил, что офицер исчез за поворотом коридора, и удвоил усердие. Он, можно сказать, с головой ушел в свою работу, когда тремя секундами позже из-за поворота снова возник офицер.

Надсмотрщик недоуменно воззрился на Томми и буркнул:

— Шевелись, Лой. Нечего бить баклуши.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался Томми и засуетился еще энергичнее.

А в следующее мгновение из-за поворота высунулась впечатляющая туша Третьего Помощника Адкинса. Младший офицер повернулся и почтительно козырнул.

— Я смотрю, юный Том весь в работе, — заметил Третий.

— Так точно, сэр, — подтвердил офицер. — Теперь он, похоже, взялся за ум. Видно, урок пошел ему на пользу, сэр.

— Ха! — обрадованно рявкнул Третий. — Очень хорошо. А теперь вот что, Лой. Насчет нашего разговора. Так вот, Капитан лично заверил меня, что новый металл в полном порядке. И даже с повышенной питательной ценностью. Я уже принял первый паек — просто пальчики оближешь! — и через полчаса намерен принять добавочный. Вот так-то. Приятного аппетита. — И Третий величественно двинулся по коридору

мимо младшего офицера, который буквально вжался в стену, чтобы дать дорогу начальнику.

Томми продолжал усердно трудиться. Правда, он терял энергию, которая совсем не помешала бы ему позднее, но все это было необходимо, чтобы успокоить подозрения младшего офицера и тем самым обеспечить себе успешный старт, не говоря уже о том, что этого требовала его артистическая натура. Томми всегда стремился к совершенству.

Итак, Третий Помощник Адкинс намеревался получить свой добавочный паек примерно через полчаса. Значит, сам Капитан должен был примерно в это же время снять пробу из пополненного резервуара. Таков был крайний срок. За оставшиеся полчаса Томми требовалось отсечь приток нового металла, вызвав тем самым искреннюю скорбь всей команды вплоть до следующего подарка из Великой Бездны.

Третий Помощник, несмотря на всегдашнюю ипохондрию, был настоящим обжорой. Если повезет, можно по крайней мере на месяц отравить ему жизнь. Вряд ли стоит добавлять, что и Старик тоже.

Младший офицер еще минут десять нерешительно поболтался возле Томми, а потом устремился по коридору проведать остальных уборщиков. Не теряя ни секунды, Томми бросил только что упакованную капсулу и пулей устремился в противоположном направлении.

Когда рассчитанное время истекло на три четверти, Томми замедлил ход и остановился. Внимательно осмотрев стену коридора, он обнаружил почти неразличимый след — место, где в прошлый раз остановилась ближайшая сканирующая волна. Затем юнга встал так, чтобы не попадать в ту полосу, и стал ждать. Конечно, прежде чем выложить свой козырь, было бы неплохо покрыть расстояние побольше, но двигаться теперь значило идти на лишний риск. Следовало дожждаться хода Капитана.

Долго ждать не пришлось — сканирующие волны яростно всколыхнулись.

— Томми! — ревели они. — Томми Лой! Ах ты, недостойный паразит! Вернись, или, клянусь Спорой, ты пожалеешь! Томми!

Перемещаясь вместе с волнами, Томми терпеливо выжидал, пока их движение не привело его в следующий коридор. Оду-

рев от злобы, Капитан не вполне владел волнами; в одних коридорах они двигались на шаг вперед и на два назад, а в других — наоборот.

Вскоре Томми добрался до тринадцатого уровня.

Теперь наступало самое трудное. Томми предстояло выбраться на топливную линию, чтобы спастись и набраться нужной ему энергии. И тут, впервые в жизни, Томми заколебался.

Со смертью все члены расы Томми имели дело лишь раз в жизни, ибо умирали только капитаны, и при этом всегда в одиночку. Для младших членов команды страха смерти почти не существовало — их защищал корабль. Однако Томми догадывался о том, что такое смерть, и, когда перед ним оказался задраенный вход на топливную линию, юнга понял, что теперь встретился с нею лицом к лицу.

Томми изо всех сил съехался — как под плетью. Затем сломал пломбу. Быстро-быстро, пока его не накрыла очередная волна, он протолкнулся в сфинктер.

Ионный поток сжал его и швырнул вперед. Томми отчаянно съезжался, уплотняя защитную оболочку под напором смертоносного потока энергии, — и все же тело его все впитывало и впитывало эту энергию, пока он с ужасом не почувал, что полон до краев.

Стенки трубы проносились мимо, едва различимые в стремительном потоке сияющего тумана. Томми с невероятным трудом сдерживал растущее давление, присматривая тем временем за выходом.

Вскоре впереди показалось неясное овальное пятно, юнга бросился туда, зацепился и протиснулся наружу.

Томми оказался в горизонтальном коридоре — под самой оболочкой. Некоторое время он наслаждался там благословенной прохладой, прежде чем двинуться к ближайшему сфинктеру. Затем юнга выбрался наружу — под бархатно-черное небо и сверкающее великолепие звезд.

Он огляделся. Боль уже утихала; чувствовалось только страшное давление, что растягивало кожу и затрудняло движения. Впереди маячил корабль чужаков, рядом с которым копошились два пятиконечных существа. Аккуратно, сохраняя между собой и корпусом дистанцию в несколько футов, Томми направился к ним.

Одно из существ лежало на притянувшем их корабль поляризаторе. Другое, заметив Томми, повернулось к нему и принялось делать двумя из трех верхних концов какие-то безумные движения, от которых юнге стало не по себе. Он сразу же повернул, двинулся мимо них и оказался в нескольких дюймах от самого центра поляризатора.

Там, со всхлипом облегчения, Томми высвободил накопленную его телом энергию. Сплошным белым выплеском она метнулась вниз.

Одуревший и обессиленный, Томми всплыл повыше и стал внимательно наблюдать за плодами своей работы. Жерло поляризатора сокращалось, сморщиваясь в центре. Сужалось и темное коррозионное кольцо. Выплеск такой массы энергии сразу наверняка закоротил и парализовал всю систему аж до нервного центра корабля. Вот теперь, с усмешкой подумал Томми, Капитан попрыгает!

Но главное дело было впереди. Томми бросил последний взгляд на чужаков и их корабль. Тот, что лежал плашмя, уже встал, и оба они как-то некрасиво склеились, обмотавшись своими верхними концами. Затем вдруг расцепились и, глядя на Томми, затрясли всеми свободными концами. Томми деловито направился от них дальше по корпусу корабля, держа путь к трем сверхмощным поляризаторам.

Ему снова предстояло пройти ад. Внутри у него все сжималось от одной мысли о такой перспективе, но другого пути не оставалось. Корабль не мог изменить своего курса иным путем, кроме как позволив притянуть себя солнцу или другому крупному небесному телу, что было недопустимо. Зато он мог вращаться по воле Капитана. Чужаки теперь освободились, но Капитану стоило только повернуть корабль, чтобы снова поймать их в ловушку.

Здесь Томми немного передохнул; затем, будто бросающийся в поток ныряльщик, втолкнулся в топливную линию.

Через несколько минут, содрогаясь от боли, он протиснулся обратно через выходное отверстие. Томми показалось, что наполнен он энергией не меньше, чем в первый раз. Заряд энергии был теперь поменьше, но юнга понимал, что слабеет. На сей раз, когда Томми разрядился над поляризатором и стал наблюдать, как тот превращается в сморщенный комочек, он понял, что не сможет в третий раз подставить себя под удар в огненном тоннеле.

Звезды меж тем уже двигались у него над головой. Капитан вращал корабль. Томми обессиленно лег на корпус, вполглаза наблюдая за кораблем чужаков.

Вот он, поляризатор, — яркая точка, окруженная свечением. Точка неторопливо поворачивалась вместе со всем небесным сводом, понемногу уменьшаясь.

«Старик достанет их раньше, чем они успеют удрать», — подумал Томми и стал смотреть, как яркая точка карабкается вверх, а затем начинает падать на другую сторону.

У Капитана оставался еще один поляризатор — последний крючок, которым можно было уцепить ускользящую добычу. И его вполне хватало.

Томми с трудом поднялся и последовал за яркой звездочкой. Теперь юнге стало не до шуток. Он охотно вернулся бы внутрь — к светлым, теплым, родным коридорам, уводившим вниз — к безопасности и заслуженному наказанию. Но почему-то ему невыносима была одна мысль о том, что эти удивительные существа бесследно исчезнут в жирном капитанском брюхе.

Томми следовал за кораблем чужаков, пока впереди не показалось бледное свечение поляризатора. Тогда он в очередной раз пробрался внутрь корпуса и снова отыскал запломбированный вход в топливную трубу. Юнга не дал себе задуматься. С затуманенным рассудком он бесшабашно протолкнулся в сфинктер.

На сей раз все оказалось куда хуже, чем раньше. Томми и представить себе не мог, что будет так плохо. Зрение почти отказало. Выход он чудом успел заметить и даже не понял, как выбрался наружу. Шатаясь как пьяный, он неосторожно влип в сканирующую волну — и тут же услышал яростные вопли Капитана.

Смутные черные пятна заслоняли ему звезды. Изнутри надрывно давила энергия. Когда Томми наконец добрался до наплавленного сверху светлого диска, он выпустил разряд и лишился чувств.

Понемногу прояснилось зрение, и вскоре юнга увидел, что корабль чужаков по-прежнему висит над ним — в опасной близости. «Видно, Капитан успел притянуть его почти до упора, пока не получил последний разряд», — подумал Томми.

Пылая, корабль удалялся в Великую Бездну, и Томми следил за ним, пока он не исчез.

Юнга чувствовал полное умиротворение и страшную слабость. Планета, небольшое голубое пятнышко, уже сместилась заметно ближе к звезде. Чужаки возвращались туда — к своему непостижимому дому. А корабль Томми пробивался вперед, в новые мрачные глубины — к краю Галактики, к величайшей Бездне.

Когда холод стал пощипывать его тело, Томми двинулся к ближайшему сфинктеру. Настроение юнги сразу поднялось, стоило ему подумать о трех энергетических разрядах, равно распределенных по всему двенадцатимильному периметру корабля. Томми радостно заключил, что Капитан должен теперь совсем ошалеть от злости — как пожилой солдафон, получивший по рукам от сопливого недомерка.

Ибо, как мы и предупреждали, Капитан этот был не вполне капитаном; а корабль — не вполне кораблем. Капитан и корабль составляли единое целое — пчелиный рой и матки, замок и лорд.

Так что, по сути дела, Томми облетел вокруг своего командира.

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ, ИЛИ ДВЕРЯМИ НЕ ХЛОПАТЬ

Через десять месяцев после того, как пролетел последний самолет, Рольф Смит уже нисколько не сомневался, что кроме него на земле уцелело только одно человеческое существо. Существо звалось Луизой Оливер — оно сидело как раз напротив Смита в кафе при универмаге в Солт-Лейк-Сити. Они угощались консервированными венскими сосисками и пили кофе.

Сквозь разбитое окно, будто Божья кара, бил солнечный свет. Ни внутри, ни снаружи не раздавалось ни звука — разве что душные шорохи небытия. Ни грохота посуды на кухне, ни тяжелого гроыхания автомобилей на улице — ничего этого уже никогда не будет. Только солнечные лучи, только безмолвие — и водянистые, бессмысленные глаза Луизы Оливер.

Смит подался вперед, пытаясь хоть на миг уловить в этих рыбьих глазах каплю внимания.

— Дорогая, — начал он, — клянусь, я уважаю ваши взгляды на жизнь. Но просто обязан вам заметить, что в данном случае они совершенно непрактичны.

Луиза посмотрела на него с легким удивлением и снова отвернулась. Затем едва заметно мотнула головой:

— Нет-нет, Рольф, я не стану жить с вами во грехе.

Смит с тоской думал о француженках, русских, мексиканках, тайтянках. Три месяца он просидел в разрушенных студиях радиостанции в Рочестере, слушая радиоголоса, пока все они не умолкли. Большая колония была в Швеции — там оказались и члены английского кабинета министров. Оттуда сообщили, что Европе пришел конец. Конец — и точка. Не осталось там ни акра, который не вымела бы начисто радиоактивная пыль.

У них нашлись два самолета и достаточно топлива, чтобы добраться в любую точку континента, но сесть было негде. Чума сначала окрутила троих из той колонии, затем еще одиннадцать, а затем и всех остальных.

Был еще пилот бомбардировщика, упавшего неподалеку от правительственной радиостанции в Палестине. Сломав при аварии несколько костей, он долго не протянул, но сообщил, что ему довелось увидеть лишь воду на том самом месте, где полагалось находиться островам Тихого океана. Именно летчик первым высказал идею, что ледяные поля Арктики подверглись бомбардировке.

Не приходило никаких вестей ни из Вашингтона, ни из Нью-Йорка, ни из Лондона, Парижа, Москвы, Чунцина, Сиднея. И попробуй теперь разберись, кого прикончила болезнь, кого — радиация, а кого — бомбы.

Сам Смит пристроился лаборантом в исследовательскую группу, которая пыталась создать лекарство от чумы. Его начальникам удалось изобрести одну штуковину, которая иногда помогала, — но было уже слишком поздно. Покидая лабораторию, Смит прихватил с собой все запасы лекарства — сорок ампул. Вполне достаточно, чтобы протянуть не один год.

До войны Луиза работала санитаркой в благотворительной больнице неподалеку от Денвера. По ее словам, когда она спешила на работу в утро первой атаки, в больнице произошло нечто странное. Рассказывала она совершенно спокойно, но глаза ее при этом становились полностью отсутствующими, а физиономия — совсем унылой. Смит положил за правило впредь на эту тему не заговаривать.

Луизе тоже удалось найти действующую радиостанцию, и, когда Смит выяснил, что чумы она не подхватила, он договорился о встрече. По всей видимости, Луиза обладала природным иммунитетом. Наверняка были и другие, подобные ей, но тех не пощадили бомбы и радиация.

Для Луизы самой большой нелепостью во всей этой истории оказалось то, что в живых не осталось ни одного протестантского священника.

Причем такое отношение к браку у Луизы было совершенно искренним. Смит далеко не сразу поверил, но все оказалось чистой правдой. Эта швабра не стала бы спать с ним не то что в одном номере, но даже в одной гостинице; она постоянно

ждала от него только предельной вежливости и благопристойности. И Смит хорошенько усвоил урок. Ходил он исключительно по краю тротуара; открывал для нее двери — там, где они еще оставались; настойчиво предлагал стул; мучительно удерживался от проклятий. Короче, ухаживал за ней как мог.

Луизе было уже за сорок — по меньшей мере лет на пять больше, чем Смигу. Временами ему становилось даже интересно, что же она сама думает о своем возрасте. Потрясение, которое Луиза испытала после всего, что произошло с больницей и с ее подопечными, стремительно отправило ее разум обратно в детство. Луиза молчаливо соглашалась, что все, кроме них двоих, погибли, но, похоже, считала неприличным об этом упоминать.

Сотни раз за последние три недели Смита охватывало почти неодолимое желание свернуть ее тощую шею и отправиться куда глаза глядят. Только что толку? Луиза оставалась последней женщиной в мире, и Смит отчаянно в ней нуждался. Вздумай она подохнуть или бросить его, Смигу крышка. «Старая сука!» — мрачно подумал он и напряг все силы, чтобы не выразить эту мысль на лице.

— Луиза, солнышко, — нежно обратился он к ней, — ведь я как могу стараюсь щадить ваши чувства. Вы же знаете.

— Да, Рольф, — подтвердила она, глядя на Смита с видом загипнотизированного цыпленка.

Волевым усилием Смит заставил себя продолжить:

— Нам придется считаться с фактами — какими бы неприятными они ни могли показаться. Голубушка, ведь мы тут единственные мужчина и женщина. Как Адам и Ева в Эдемском саду.

Луиза выразила на лице некоторое неудовольствие. Явно вспомнила о фиговых листьях.

— Подумайте о нерожденных поколениях, — с дрожью в голосе произнес Смит. «Подумай для начала обо мне, крыса. Тебя-то, может, и хватит еще лет на десяток. И то вряд ли». Затем он с ужасом вспомнил о проявлении второй стадии болезни — беспомощной оцепенелости, которая могла возникнуть совершенно внезапно и настичь его в любой момент. Один такой приступ у него уже случился, и тогда Луиза помогла ему выкарабкаться. Не будь ее, он так и остался бы стоять столбом, а спасительный шприц лежал бы в нескольких дюймах от недвижной правой руки Смита до самой его смерти. «Если повезет, — отчаянно подумал он, — то до того, как ты, сволочь,

загнешься, у меня окажется пара ребятишек. Тогда все будет в порядке».

Он продолжил:

— Бог никоим образом не предназначал человеческому племени подобный конец. Он пощадил нас двоих ради... — Смит запнулся. Как бы выразиться, чтобы Луиза не оскорбилась? Слово «родители» тут не годились — слишком вызывающе. — Чтобы мы несли факел жизни дальше, — закончил он. Ну вот. Достаточно ясно и обтекаемо.

Луиза рассеянно гладела куда-то поверх его головы. Глаза ее регулярно моргали, а рот, будто у кролика, в том же ритме изображал слабые жевательные движения.

Смит опустил взгляд на свое истощенное тело. «Нет сил, чтобы с ней справиться, — подумал он. — Черт побери, если бы у меня были силы!»

Он снова ощутил прилив бессильной злобы и снова его подавил. Надо держать себя в руках — этот шанс мог оказаться последним. Недавно Луиза упомянула — на языке намеков, которым она пользовалась все время, — что хорошо бы уйти куда-нибудь в горы и молиться о Божьем наставлении. Она не сказала «уйти одной», но такой вариант недвусмысленно вытекал из ее слов. Смиту пришлось спорить до посинения — а в результате ее намерение только окрепло. Теперь он лихорадочно сосредоточился и решил попытаться еще разок.

А до Луизы его словеса доходили будто отдаленный рокот. То тут, то там она выуживала отдельную фразу; каждая из таких фраз порождала цепочки мыслей, которые вплетались в ее мечту. «Наш долг перед человечеством...» — так частенько говаривала Мама в их старом доме на Уотербери-стрит — до того, конечно, как к Маме пришла болезнь. Еще она тогда сказала: «Дитя мое, твой долг — быть чистой, благовоспитанной и богобоязненной. Хорошенькой быть вовсе не обязательно. Множество некрасивых женщин нашли себе добрых христианских супругов».

Супругов... Иметь и хранить... Флердоранж и подружки... Органная музыка... Будто в тумане, перед ней висела худая, волчья физиономия Рольфа. Конечно, только такой и мог стать ее суженым — это она хорошо знала. Боже милостивый, когда девушке минет двадцать пять, выбирать ей не приходится.

«Но порой все же берут сомнения, вправду ли он достойный мужчина», — подумала Луиза.

«...Пред очами Господа...» Ей пришли на память витражные окна старенькой Первой Епископальной церкви. Луиза всегда думала, что Бог смотрит на нее сверху вниз через эту сверкающую прозрачность. Как знать, может, Он и теперь смотрит на нее, хотя временами начинало казаться, что Он ее забыл. Конечно, обряд бракосочетания теперь должен быть совсем другим — если даже нельзя пригласить настоящего священника... Но если Луиза и в самом деле собирается выйти за этого мужчину, будет просто позором, чуть ли не вызовом общественной морали, не наслаждаться всей прелестью... Нет-нет, речь не о свадебных подарках. Совсем не то. Но все же Рольф должен как-то устроить все необходимое. Луиза снова увидела его лицо, обратила внимание на узкие черные глаза, что сверлили ее со свирепым желанием, тонкогубый рот, который постоянно подергивался от нервного тика, мочки ушей под лохматыми прядями черных волос.

«Не следовало ему так отпускать волосы, — подумала она. — Совсем уж неприлично». Что ж, в ее силах все изменить. Если она выйдет за него замуж, то, вне всякого сомнения, вынудит его изменить свои привычки. Таков ее долг.

Смит говорил теперь о ферме, которую присмотрел за городом, — славный домик с амбаром. Никаких запасов, по его словам, там не было, но они могли бы раздобыть все необходимое. И выращивать всякую всячину, чтобы питаться дома, а не шляться по ресторанам.

Вдруг Луиза почувствовала, как он коснулся ее руки — ее вяло лежащей на столе бледной руки. Короткие смуглые пальцы Рольфа, покрытые густыми черными волосами, коснулись ее. Ненадолго Смит замолчал, но вот — заговорил снова, еще настойчивее. Луиза отдернула руку.

Он говорил:

— ...и у тебя будет самое лучшее свадебное платье в мире. И обязательно огромный букет. Все, что пожелаешь, Луиза, все-все...

Свадебное платье! И цветы — пусть даже никакого священника! Ну почему же, дурачок, ты не сказал всего этого раньше?

Рольф умолк на середине фразы, разобрав, как Луиза вполне отчетливо произнесла:

— Да, Рольф, я выйду за тебя, если пожелаешь.

Совершенно обалдевший, он захотел было услышать подтверждение, но не осмелился переспросить из боязни получить какой-нибудь дурацкий ответ — или вообще никакого. Тогда Смит перевел дыхание и спросил:

— Сегодня, Луиза?

Она ответила:

— Можно сегодня... Вообще-то я не знаю... Конечно, если ты считаешь, что успеешь все приготовить... хотя все это как-то...

Смита охватило торжество. Теперь инициатива принадлежала ему, а уж он-то ее не упустит.

— Скажи, что согласна, дорогая, — стал он убеждать Луизу. — Согласись и сделай меня счастливейшим из смертных...

Даже в такую минуту язык его отказался произнести остальную подобную чушь. Впрочем, это уже не имело значения. Луиза смиренно кивнула:

— Как тебе угодно, Рольф.

Смит вскочил из-за стола, и Луиза позволила ему поцеловать свою бледную дряблую щеку.

— Мы отправимся прямо сейчас, — воскликнул он. — Если только ты, дорогая, позволишь мне на минутку отлучиться.

Смит дождался ее утвердительного кивка, а затем вышел, оставив до самой двери следы на пушистом ковре пыли. Еще пару часов в том же духе — и она будет предана ему навеки. А потом он сможет делать с ней все, что заблагорассудится. Не так уж плохо остаться последним мужчиной на Земле — совсем неплохо. А если эта швабра родит ему дочь...

Смит отыскал дверь туалета и вошел. Сделал лишь шаг внутрь — и застыл, успев взмахнуть рукой и сохранить равновесие — остался стоять, но в полной беспомощности. Ужас застрял у него в глотке, когда он попытался повернуть голову — и не смог; попытался крикнуть — и не смог. А позади раздался едва слышный щелчок гидравлического стопора двери, что хлопнулась навсегда. Нет, она была не заперта — но с другой стороны грозным предупреждением горела большая буква «М».

РИПМАВ

На планете Веегль в системе Фомальгаута мы обнаружили любопытную расу целлюлозных вампиров. Вееглиане, как и все высшие формы жизни на их планете, являются растениями, при этом следует заметить, что вееглианские вампиры состоят из них сок.

Одна из аборигенок — секретарша нашей торговой миссии, девушка по имени Ксиксль — жаловалась на утомляемость и имела нездоровый розовый цвет в течение нескольких недель. Корневая система девушки заподозрила вампиризм; мы были настроены весьма скептически, хотя пришлось признать, что два зеленых по краям прокола у основания ее главного стебля указывают на что-то неладное.

В связи с этим мы следили за ее спальней коробкой три ночи подряд. (Вееглиане спят в коробках с почвой, сделанных из твердоякотного дерева, или *вуугля*, — по виду эти коробки весьма напоминают гробы.) И в самом деле — на третью ночь переводчик по имени Ффенгль, здоровенный, голубоволосый парень, прокрался в комнату Ксиксль и склонился над спальней коробкой.

Мы бросились, чтобы схватить негодяя, но он с невероятным проворством вывернулся и буквально взлетел по беломякотной лестнице. (Мясо единственной на Веегле животной формы жизни, «мякотных деревьев», или *вууглей*, быстро застывает на воздухе и широко используется в строительстве.) Мы обнаружили беглеца в совершенно неожиданном месте — у самой вершины старого здания, где он пытался спрятаться

под покрывалами на какой-то древней кровати. Дело было жуткое. Мы прошили его вспышками из протонных ружей, и все же в самом конце, с какой-то совершенно неведомой живучестью, он отчаянно пытался дотянуться до нас своими усиками.

Позднее он казался мертвее мертвого, но местные знатоки посоветовали нам соблюсти определенные предосторожности.

И тогда мы похоронили его с куском угля в сердце-вине.

КРАСОТКА НА ЗАКАЗ

Просачивавшийся сквозь жалюзи солнечный свет Лазурного Берега рождал в комнате золотистую дымку. На зеленом парчовом шезлонге лежала стройная блондинка в теннисном костюме, покачивая зажатой в руке ракеткой. Каждый взмах сопровождался глухим ударом по полу.

— Прекратила бы ты, — раздраженно заметил бородатый молодой человек. — Я уже второй раз порчу эту проклятую открытку. — Он швырнул в мусорную корзину кусочек цветного картона и положил перед собой на письменном столе другой.

— А ты прекратил бы пялиться в барах на стареющих брюнеточек, — отозвалась девушка. Во взгляде ее больших голубых глаз пылала злость.

— Стареющих! — машинально повторил молодой человек, отрываясь от своего занятия.

— Да ей наверняка все тридцать, если не больше, — заявила девушка. *Бум* — подтвердила теннисная ракетка.

— Ммм... — глядя на нее, промышчал молодой человек.

— *Ммм*, ч-черт! — передразнила девушка. Выражение лица ее сделалось определенно отталкивающим. — Вот возьму, да и...

— Что? — опасливо спросил молодой человек.

— А ничего. — Через некоторое время она сказала: — Вот мать знала бы, что с тобой делать. Она была ведьмой.

Не поднимая взгляда, молодой человек неодобрительно цокнул языком.

— Тебе не стоит так говорить о своей старой матушке, — заметил он.

— Она была *ведьмой*, — упрямо повторила девушка. — Она могла превратиться в волка, в тигра — в кого ей хотелось.

— Разумеется, могла, — согласился молодой человек, подписывая открытку. — Ну вот — то, что нужно. — Он отложил открытку, закурил сигарету и несколько озабоченно взглянул на часы. — Все, Яна, шутки в сторону... Мы превосходно провели время...

— Но все подходит к концу? — угрожающим тоном спросила девушка. — Мы оба взрослые люди? Нам следует быть реалистами? Так, что ли? — Она встала и подошла к стенному шкафу.

— Ну, знаешь... — сконфуженно произнес молодой человек. Затем лицо его прояснилось. — Что ты делаешь?

Девушка достала чемодан из свиной кожи и открыла его с излишней поспешностью. Порывшись в одном из отделений, она вытащила замшевую сумочку.

— Кос-что ищу, — ответила она через плечо.

— А-а, — разочарованно отозвался молодой человек. Он смотрел, как девушка расстегивает ремешки и достает из сумочки небольшой предмет, завернутый в грязную красную тряпку и перевязанный бечевкой. Затем он снова посмотрел на часы; когда он поднял взгляд, в руках у девушки была бутылочка необычной формы.

— Что это?

— Матушкино наследство, — ответила девушка. Ногти ее неприятно царапали по стеклу, когда она соскребала воск и вынимала пробку. Красотка одарила молодого человека быстрым взглядом. — Так ты по-прежнему настаиваешь на своем?

— Послушай, Яна...

— Тогда за удачу. — Она поднесла к губам бутылочку и, запрокинув голову, сделала глоток. — Ну что ж, — сказала она, опуская пустую бутылочку, — посмотрим... — Затем согнула руку, разглядывая длинные ногти.

Молодой человек опять изучал свои часы.

— Уже без малого три, — пробормотал он. — Слушай, Яна, разве ты не говорила, что собираешься после обеда к парикмахеру?

— Я передумала. — Она внимательно посмотрела на него. — А что... ты кого-то ждешь?

— О нет, — поспешно ответил молодой человек и энергично встал. — Яна, хочу у тебя спросить — ты не обиделась? Давай пойдем искупаемся.

— Понятно, — отозвалась девушка. — Скажи, как насчет сегодняшнего вечера — никаких планов? Никто к нам не собирался?

— Нет, никто.

— Значит, мы будем наедине — только вдвоем. — Она улыбнулась, показывая острые зубки. — Стало быть, у меня будет достаточно времени, чтобы решить. Решить, кем я буду, дорогой: твоей большой полосатой кошечкой... или твоей верной голодной собачкой?

Молодой человек, стаскивающий через голову футболку, не расслышал. Голос его был не совсем отчетлив:

— Слушай, если мы собираемся купаться, то надо поторапливаться.

— Ладно, — отозвалась девушка. — Подожди минутку, я переоденусь в бикини.

Появляясь наконец из футболки, молодой человек сказал:

— Рад, что ты все же решила не... — Он огляделся, но девушки в комнате не было. Он прошел по комнате, заглянул в спальню, затем в ванную. Пусто.

Когда молодой человек повернулся, от застекленной двери донесся легкий стук. Дверь открылась, и прелестная молодая брюнетка просунула голову в комнату:

— Роберт? Я не помешаю?

— Гизель! — радостно улыбаясь, воскликнул молодой человек. — Нет-нет, входи — ты как раз вовремя. Я только что собирался пойти искупаться.

С чарующей улыбкой молодая женщина вошла; фигура ее в коротком голубом платье также была прелестна.

— Ах, ничего не выйдет, — сказала она, — у меня нет купального костюма.

— Вот он! — бодро воскликнул молодой человек, схватив с шезлонга два кусочка полосатой материи. — Примерь.

— Но ведь это бикини твоей... твоей подружки. Она не станет возражать?

— Нет-нет — о ней и не думай.

Когда они выходили из комнаты, молодой человек со странным выражением на лице взглянул на полосатое бикини, соблазнительно обтягивавшее фигурку брюнетки.

— В чем дело, что-нибудь не так?

— Просто я подумал о том, что сказала Яна перед уходом... Нет, не может быть. Ну, пойдем же!

Смеясь и держась за руки, они вышли на солнце.

ВРЕМЕНИ ХВАТИТ НА ВСЕ

На фоне серых стен и панели управления сиял обзорный экран. Лето. Полдень. Листва.

— Вот то самое место, — прозвучал в ушах Фогеля мальчишеский голос.

Старик слегка тронул ручку управления, и точка обзора замерла футах в двадцати над землей. Кленовая листва на экране покачивалась под легким ветерком. Лежавшая внизу тропа едва различалась в густой тени.

Изображение на небольшом экранчике выглядело столь реально, что казалось — можно пролезть в рамку и опуститься под залитые солнечным светом деревья. В комнату проникало теплое дыхание ветерка.

— Я смог бы пройти там с завязанными глазами, — снова услышал старик голос Джимми. Мальчик ерзал на стуле, руки у него на коленях то и дело сжимались в кулаки. — Помню, мы все стояли кружком перед деревенской аптекой, и кто-то из ребят предложил: пойдем купаться. Тогда мы пустились бегом через весь поселок, и первое, что я сообразил, — направлялись мы не на пляж, а к старой каменоломне.

Листва заплесала перед их глазами, когда ветер дунул сильнее.

— Сейчас они появятся, — сказал Джимми. — Если, конечно, время выбрано верно. — Джимми обратил взгляд к индикаторам на приборной доске, и высокий мальчишеский голос прочел: — Двадцать восьмое мая тысяча девятьсот шестидесятого года. Одиннадцать ноль девять тридцать две секунды. Утро.

И неожиданно взвизгнул:

— Вот они!

На экране под деревьями замелькали бегущие тела. Фогель увидел голые загорелые спины, майки, футболки. В стайке было восемь или девять мальчишек; все лет до двенадцати; тащившийся позади худой темноволосый мальчуган казался немного младше. Он помедлил, его обращенное вверх бледное лицо стало ясно различимо в это мгновение сквозь листву. Затем повернулся и исчез в трепещущей на ветру темно-зеленой листве.

— Вот и я. — Голос Джимми срывался. — Теперь мы карабкаемся вверх по склону к каменоломне. Там темнотища крошечная, а старых елей столько, что неба не видно. Мох там как холодная грязь, а мы босиком.

— Постарайтесь расслабиться, — осторожно посоветовал Фогель. — Или, может, отложим?

— Нет, сейчас, — судорожно выговорил Джимми. Затем голос его выровнялся. — Я немножко волнуюсь, но кажется, я смогу. Я ведь тогда не то чтобы взаправду испугался. Просто так получилось. Мне не дали времени подготовиться.

— Для этого и существует машина, — успокаивающим тоном заметил Фогель. — Времени у нас вагон — хватит на все, что пожелаешь.

— Я знаю, — как-то неуверенно отозвался Джимми.

Фогель вздохнул. Дневные часы утомляли его. Да и в работу свою старик уже не особенно верил. Работа есть работа, тем более, кто знает, может, кому-то и удастся помочь. Только все не так просто, как казалось этим самонадеянным юнцам.

На экране что-то промелькнуло. Джимми так и впился в него взором.

В поле зрения ворвался мальчик — тот самый, что бежал последним. Он неловко размазывал слезы по щекам, исцарапанным в подлеске, и мотал головой. Вскоре качающиеся ветви сомкнулись за ним.

Джимми медленно разжал кулаки.

— Вот и я, — раздался полный горечи голос. — Убегаю. И реву, как малое дитя.

Паучьи пальцы Фогеля потянулись к ручкам управления. Точка обзора медленно сползла вниз. Целые галактики зеленой листвы прошуршали мимо, будто яркий дым, а затем все

замерло — теперь они смотрели на тенистую тропу, нависая над ней в пяти футах от земли.

— Ты готов? — осторожно спросил Фогель.

— Конечно, — отозвался Джимми — как прежде, тонким, слабым голосом.

После встряски он зашатался в поисках равновесия и в конце концов уцепился за небольшое деревце. Мир завертелся вокруг него, успокоился — и Джимми расхохотался. Ствол дерева прохладен и гладок; льнувшая со всех сторон листва роилась сплошным зеленым великолепием. Он снова оказался в келлогских лесах тем самым майским днем, когда все пошло не так. Все как прежде. Те же листья на деревьях. Тот же воздух.

Джимми пустился вверх по тропе. Через несколько мгновений сердце бешено заколотилось. Как же он ненавидел их — всех этих пацанов с самодовольно ухмыляющимися рожами! Сейчас они там, наверху, поджидают его. Но в этот раз он им покажет. А потом, когда все закончится, ненависть понемногу отпустит. Это точно. Только, Боже милостивый, как же он их теперь ненавидит!

Джимми карабкался во мраке под елями, утопая ногами в густом мху. На какое-то мимолетное мгновение он пожалел, что пришел. Но послать его сюда обошлось родителям в тысячу долларов. Джимми предоставили великолепный шанс — и он ни за что его не упустит.

Теперь уже слышны были глухие и призывные голоса мальчиков — и холодный всплеск, когда кто-то из них нырнул.

В ожесточенной ненависти Джимми взобрался туда, где открывался вид на глубокую мрачную пропасть старой каменоломни. Видел он и крошечные фигурки детей — там, на другой стороне, и оползень на склоне — единственное место, где можно выбраться из воды. Мокрые, мальчики расселись на камнях, дрожа от холода.

Он увидел мертвую ель, что лежала наклонно на краю каменоломни; спутанные корни ее висели в воздухе. Ствол казался серебристо-серым; у основания — наверное, в фут толщиной. Упала она вертикально вниз на стену — старое дерево с торчащими обрубками ветвей — а макушка застряла в трещине. Ниже

ели был целый ряд уступов, которые позволяли спуститься до самой воды.

Но сначала требовалось пройти по мертвому дереву.

Джимми взбирался по толстым искривленным корням, стараясь не думать о жуткой пропасти. А там, на другой стороне, маячили бледные пятна лиц. Они поднимали глаза, они смотрят на него!

Теперь Джимми живо припомнил, как все было тогда: цепочка мальчиков спускается по дереву, руки раскачиваются в поисках равновесия, босые ноги осторожно ступают по шершавому стволу. Если бы только его не оставили последним!

Джимми шагнул на ствол. Затем, сам того не желая, бросил взгляд вниз — и увидел разверзшуюся пропасть: черную воду и скалы.

Дерево покачивалось. Джимми попытался сделать следующий шаг и понял, что не может. Все было в точности как тогда — и теперь до него дошло, что по этому дереву просто невозможно пройти. Обязательно поскользнешься и упадешь вниз, мимо скалистого утеса — вниз, в холодную воду. Прикованный к стволу меж небом и каменоломней, он мог сколько угодно втолковывать себе, что у него все получится, как и у остальных мальчишек, — это ни капли не помогало. Но что толку в уговорах, когда совершенно ясно — когда каждому должно быть ясно — это невозможно.

А там, внизу, холодно и безмолвно ждали мальчики.

Джимми медленно отступил. Как горели на его щеках слезы ненависти к самому себе! Джимми перелез через выгибающиеся дугой корни и пустился прочь от каменоломни, отчетливо слыша далекие крики за спиной — они звенели ему вслед, пока он, спотыкаясь, ковылял по тропе.

— Не стоит так расстраиваться, — безразлично произнес Фогель. — Может, в этот раз ты просто был не готов.

Джимми ожесточенно вытер ладонью глаза.

— Не готов, — пробормотал он. — Мне казалось, что смогу, но... Наверное, слишком нервничал — вот и все.

— А может... — Фогель заколебался. — Некоторые люди считают, что лучше забыть о прошлом и решать наши проблемы в настоящем.

Джимми изумленно раскрыл глаза.

— Теперь я уже не могу сдаться! — воскликнул он и возбужденно встал. — Иначе вся моя жизнь будет разбита... Знаете, мистер Фогель, никогда не думал, что услышу от вас такое. То есть я хочу сказать, что сама суть машины... и всего остального...

— Знаю, — отозвался Фогель. — Прошное можно изменить. Школьник может пересдать экзамен. Влюбленный может еще раз сделать предложение. Слова, о которых вспомнили слишком поздно, могут быть сказаны. Раньше и я так думал. — Старик изобразил на лице улыбку. — Как в карточной игре. Если не нравятся карты, которые имеешь на руках, можно взять другие, потом следующие...

— Верно, — кивнул Джимми, успокоившись. — И если так подойти к делу, то как я могу проиграть?

Фогель не ответил — лишь учтиво поднялся с места, собираясь проводить Джимми до двери.

— Значит, увидимся завтра, мистер Фогель, — бросил Джимми напоследок.

Фогель взглянул на календарь, висевший на стене; там стояло двадцать первое апреля 1978 года.

— Да, конечно, — ответил он.

Уже в дверях Джимми обернулся к нему — бледный, худощавый тридцатилетний мужчина, в безвольных глазах которого светилась безмолвная просьба...

— Ведь там всегда завтра — правда, мистер Фогель? — спросил Джимми.

— Да, — устало согласился Фогель. — Там всегда завтра.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Первым словом, надо полагать, было «ай». Какой-нибудь проглотит, пытавшийся обтесать один камень другим, промазал, разбил себе палец — и вот, пожалуйста. Язык.

Меня так и тянет к подобным бесполезным и непроверенным фактам. Возьмем первого пса. Убежден, это был невероятно смысленный, но трусливый волк, сумевший так запугать древнего человека, что тот швырнул ему объедки. Да и сам древний человек был жутким трусом. Человек и волк обнаружили, что могут вместе охотиться, в своей трусливой манере — и вот, пожалуйста, еще. Одомашненные животные.

Признаю, первые несколько тысячелетий я проявлял беспечность. К тому времени, когда до меня наконец дошло, что человечество нуждается в более внимательном присмотре, многие решающие события уже произошли. Тогда я был молодым... ну, скажем, молодым падшим ангелом. Будь я постарше и поопытнее, история могла бы пойти совсем по-другому.

Затем случилось так, что я натолкнулся на молодого египтянина с женой, сидевших на камне у берега Нила. Вид у них был хмурый; вода поднималась. Неподалеку шастал голодный шакал, и мне пришло в голову, что если я на пару минут отвлеку внимание молодых людей, шакал сможет преподнести им неприятный сюрприз.

— По-вашему, высокогато? — обходительно спросил я, указывая на воду.

Они довольно косо на меня посмотрели. Я постарался как можно точнее скопировать внешность человеческого существа, но иллюзия была подпорчена широкополым плащом, странным для этого времени.

Мужчина ответил:

— Хоть бы она вообще не поднималась.

— Что вы, странно такое слышать, — возразил я. — Если бы река не поднималась, ваши поля не были бы столь плодородными, разве не так?

— Верно, — согласился мужчина, — но только если бы она не поднималась, мои поля по крайней мере остались бы моими. — Он указал туда, где вода сносила его изгороди. — Каждый год после половодья мы спорим из-за границ, а в этом году у соседа живет его двоюродный брат. А двоюродный брат этот — здоровенный мужик вот с такими бицепсами. — Длинной палкой мужчина стал задумчиво чертить в грязи какие-то линии.

Эти линии несколько меня встревожили. Живущие севернее шумеры недавно изобрели письменность, и я до сих пор не мог оправиться от потрясения.

— Что делать, жизнь — борьба, — сказал я мужчине в утешение. — Ешь сам, или тебя сожрут. Пусть победит сильный и пусть неудачник плачет.

Мужчина, похоже, не слушал.

— Вот бы найти способ, — пробормотал он, разглядывая свои метки, — чтобы получить какой-то дубликат ограды и ставить ее потом в прежнем месте...

— Чепуха, — перебил я. — Просто стыдно такое предлагать. Что сказал бы твой старый отец? Ведь что было хорошо для него...

За все это время женщина не произнесла ни слова. Теперь же она взяла у мужчины длинную палку и заинтересованно ее осмотрела.

— А почему бы и нет? — сказала она, указывая на проведенные в грязи линии. Мужчина начертил там примерный план своего участка, а каждый угол отметил камнем.

Тут-то шакал и бросился. Отощавший и отчаявшийся, с пастью, полной острых желтых зубов.

Длинной палкой женщина съездила зверю по морде. Шакал побежал прочь, жалобно завывая.

— Вот те на! — воскликнул я, неприятно пораженный. — Жизнь — борьба...

Женщина выругалась, а мужчина направился ко мне с недвусмысленно загоревшимися глазами — так что я поспешил убратъ-

ся. И представляете — когда после очередного половодья я вернулся, они измеряли поле с помощью шестов и веревок!

Опять трусость — тот мужчина не захотел разбираться по поводу границ со здоровенным кузеном своего соседа. Еще один счастливый случай — и вот, пожалуйста. Геометрия.

Вот бы мне все предвидеть — я бы подослал пещерного медведя к тому человеку, который первым проявил прискорбную искорку любопытства... Впрочем, что толку в пожеланиях? Повернуть стрелки часов назад не смог бы даже я.

Но со временем я все же кое-чего достиг. Вместо того чтобы попытаться подавить тягу к изобретательству, я научился направлять ее в нужное русло. Я помог китайцам научиться делать порох. (Семьдесят пять частей селитры, тринадцать частей серы, двенадцать частей древесного угля, если вам интересно. Только вот размолка и перемешивание чрезвычайно сложны — сами китайцы никогда бы не додумались.) Когда они стали использовать порох лишь для фейерверков, я не сдался — провернул то же самое в Европе. Терпение всегда было моим козырем. Я никогда не обижался. И когда Лютер швырнул в меня чернильницей, я не был обескуражен. Я просто стоял на своем.

Периодические неудачи волнения не вызывали; меня угрожали низвергнуть именно достижения. По окончании каждой из войн возникал какой-то импульс, теснее сплавивавший людей. Малые группы воевали друг с другом, пока не образовывали большие группы; затем большие группы воевали друг с другом, пока не оставалась всего одна.

Я снова и снова затевал эту игру — с египтянами, с персами, с греками, — и под конец я их всех уничтожил. Но я понимал, где таится опасность. Когда две последние группы поделили между собой мир, последняя война могла кончиться вселенским миром, ибо уже не осталось бы никого, чтобы воевать.

В последней войне следовало применить столь разрушительное, столь беспримерно губительное оружие, чтобы человечество уже никогда не смогло оправиться.

Такое оружие нашлось.

И на пятый день, оседлав ветер, я рассматривал планету, лишенную лесов и полей, лишенную даже верхнего слоя почвы: там не осталось ничего, кроме голого камня, изрытого кратерами, по-

добными лунным. Небо исходило нездоровым лиловым светом, полное молний, выскакивавших словно языки змей. Да, я заплатил высокую цену, но человечества не стало.

Впрочем, не совсем так. Остались еще двое — женщина и мужчина. По прошествии времени я обнаружил их, живых и здоровых, сидящими на утесе, что нависал над радиоактивным океаном. Они находились внутри прозрачного купола — или силового поля, — не пропускавшего зараженный воздух.

Представляете, как близок я был к окончательному поражению? Если бы им только удалось распространить свою машину по всему миру до начала войны... Но эта оказалась единственной, которую они успели сделать. И вот они сидели внутри нее, как две белых крысы в клетке.

Они сразу же меня узнали. Вблизи выяснилось, что женщина совсем молода и миловидна.

— Весьма хитроумное приспособление, — учтиво обратился я к ним.

На самом деле это была отвратительная штуковина — плотные слои проводков, трубочек и прочей дряни глубоко под полом, а наверху большой полукруглый пульт управления и множество горящих лампочек.

— Жаль, я раньше не знал, — можно было бы найти вашей машине какое-нибудь применение.

— Ну уж нет, — угрюмо отозвался мужчина. — Это мирная машина. Она, кроме прочего, генерирует поле, которое защищает от атомного взрыва.

— Почему вы говорите «кроме прочего»? — поинтересовался я.

— А у него такая присказка, — вмешалась женщина. — Задержись ты еще на шесть месяцев, мы могли бы тебя одолеть. А теперь ты, похоже, считаешь, что победил.

— О, разумеется, — согласился я. — То есть так будет — в ближайшее время. А пока что можно устроиться поудобнее.

Они застыли в напряженных, агрессивных позах у пульта управления и не обратили на мое предложение никакого внимания.

— А почему вы говорите, что я считаю, что победил? — спросил я.

— Просто у меня такая присказка. Что ж, по крайней мере мы долго сопротивлялись.

Мужчина встал:

— И теперь ты набрался смелости, чтобы показаться. — Он свирепо сжал зубы. В кабинах штурмовиков в первый день войны таких, как он, хватало с избытком.

— О нет, — возразил я, — я был здесь все время.

— С самого начала? — спросила женщина.

Я отвесил ей учтивый поклон.

— Почти, — ответил я, чтобы остаться предельно честным.

Наступило недолгое молчание — одна из тех неловких пауз, которыми порой прерываются приятнейшие беседы. Совсем рядом появился завиток раскаленного побега. В следующее мгновение пол слегка осел.

Мужчина и женщина тревожно взглянули на пульт управления. Там вспыхивали разноцветные лампочки.

— Что, аккумуляторы? — услышал я напряженный голос женщины.

— Нет, — ответил мужчина. — Они в порядке — еще заряжаются. Подожди минутку.

Женщина повернулась ко мне. Я обрадовался, так как что-то в их разговоре мне совсем не нравилось. Она спросила:

— Почему ты не мог оставить все как есть? Видит Бог, мы не идеальны — но все же и не настолько плохи. Тебе не следовало толкать нас на такие поступки.

Я улыбнулся. Мужчина медленно проговорил:

— Мир отравил бы ему существование. Он бы сморщился, как сушеное яблоко. — Он был прав или близок к правде — и я не стал возражать. Пол снова качнулся.

— Ждешь, чтобы понаблюдать за нашими страданиями? — спросила женщина. — Верно?

Я улыбнулся.

— Может уйти много времени. Даже если мы рухнем в океан, шар сохранит нам жизнь. Мы сможем оставаться здесь многие месяцы, пока не кончится пища.

— Ничего, я подожду, — любезно ответил я.

Она повернулась к мужу.

— Значит, мы точно последние, — сказала она. — Понимаешь? Иначе разве он остался бы здесь?

— Верно, — согласился мужчина, и в голосе его прозвучала нотка, которая мне совсем не понравилась. — Больше нас ничего не удерживает. Ава, может, ты?.. — Он отступил в сторону, указывая на большой переключатель с красной ручкой.

Женщина подошла и положила туда руку.

— Один момент, — встревожился я. — Что вы делаете? Что это за устройство?

Она одарила меня улыбкой.

— Это не просто машина для генерации силового поля, — сообщила она.

— Да? — спросил я. — А для чего еще?

— Это машина времени, — сказал мужчина.

— Мы отправляемся обратно, — шепнула женщина, — к началу.

Обратно, к началу — чтобы начать все заново.

Без меня.

Женщина добавила:

— Ты выиграл Армагеддон, но ты проиграл Землю.

Конечно, я и на это знал ответ, но она была женщиной, последнее слово оставалось за ней.

Я указал на лиловые сумерки снаружи:

— Потерянная Земля? Так вы это назовете?

Женщина задержала руку на переключателе.

— Ад, — ответила она.

И я помнил ее голос — все эти десять одиноких тысячелетий.

ПРИБРЕЖНЫЙ БРОДЯГА

Максвелл и девушка с изумительным бюстом начали свой уик-энд в четверг, с Венеции. В пятницу они отправились в Париж, суббота была отдана Ницце, а в воскресенье они пресытились. За завтраком девушка, которую звали Алиса, дулась на Максвелла.

— Вернон, давай махнем куда-нибудь еще, — ныла Алиса.

— Непременно, — не слишком любезно отозвался Максвелл.

— А как насчет того, чтобы отведать букашкиных яиц?

— Ф-фу, — фыркнула Алиса, отталкивая тарелку. — Если когда-то я их и ела, то теперь не желаю. Какой ты несносный по утрам!

Ей действительно были поданы яйца насекомых, правда, в меню они значились как *oeufs Procyon Thibault*, и три небольших коричневых шарика размером с фасолину стоили примерно в тысячу раз больше таившейся в них питательной ценности. Министерство Информации Североамериканского Союза неплохо платило Максвеллу за сценарии — он заправлял целой бандой комиков из шести человек в телешоу «Космический коктейль», — но все же и он постепенно начинал звереть, задумываясь о том, во что обойдутся эти пять дней для его бюджета.

С виду Максвелл был невысоким крепышом, довольно симпатичным, если не считать слегка выпученных глаз. Когда он поднимал брови — а в разговоре такое случалось постоянно, — его загорелый лоб бороздили похожие на гармошку морщинки. Некоторые девушки находили это привлекательным; остальных же обычно впечатляли изящные складки его туники ручной

отделки и пояс в сорок кредиток. Правда, у Максвелла было подозрение, что Алиса, чья наиболее выдающаяся особенность была упомянута выше, принадлежала к последним.

— И куда бы ты хотела отправиться? — вяло поинтересовался Максвелл. Их дымящийся и ароматный кофе уже приблизился по конвейерной ленте, и теперь он угрюмо потягивал его. — Хочешь, сгоняем в Алжир? Или в какой-нибудь Стокгольм?

— Нет. — Алиса помотала головой. Она подняла длинную белую руку, убирая со лба медового цвета прядь. — Ты не понял, о чем я говорю. Я имела в виду — давай махнем куда-нибудь на другую планету.

Максвелл слегка поперхнулся и расплескал кофе по столу.

— В Европе, конечно, ничего, — с пренебрежением протянула Алиса, — только все тут становится... ну прямо как в Чикаго. Давай хоть раз махнем в какое-нибудь особенное местечко.

— И вернемся к завтрашнему утру? — спросил Максвелл. — Даже до Проксимы лететь десять часов — нам хватит времени только на то, чтобы сгонять на лайнере туда и обратно.

Алиса опустила свои длинные ресницы, решив на этот раз быть и соблазнительной и сердитой одновременно. «Если учесть, что сейчас десять утра, — подумал Максвелл, — то у нее здорово получается».

— Ты что, не можешь послать подальше этот понедельник? — осведомилась она.

Команда Максвелла работала, на две недели опережая план; правда, по возвращении ему придется слегка засучить рукава. Что за черт — почему бы в самом деле не сказать больным до вторника или среды?

Ресницы Алисы снова приподнялись — достаточно медленно для одного быстрого, уверенного взгляда в глаза Максвеллу. Затем в уголках ее глаз появились едва заметные лучики морщинок, и она одарила его своей улыбкой №1.

— Вот за это, Верни, я тебя и люблю, — удовлетворенно заметила она.

На межзвездном лайнере они добрались до четвертой планеты Гаммы Рака, центрального космопорта системы, а затем пересели на корабль, отправлявшийся на третью планету. Она была почти неосвоенной, не считая сотни городов у экватора

и нескольких рудников и плантаций в умеренных зонах. Все остальное представляло собой самую настоящую девственную природу. Максвелл слышал об этом в министерстве; ему также рекомендовали отправляться туда в пределах ближайшего года, если он вообще соберется, а потом туристов на ней будет не меньше, чем на второй планете системы Проксимы.

Природа и в самом деле оправдывала столь дальнее путешествие. Удобно рассевшись во взятых напрокат аэроскутерах с солнцезащитными экранами, умерявшими жгучий жар Гаммы Рака, раздевшись до футболок и шорт, Максвелл с девушкой могли крутить головами куда угодно — и повсюду натекать лишь на тысячи квадратных миль роскошной сине-зеленой листвы.

В двух сотнях футов под ними раскачивались на ветру макушки гигантских древовидных папоротников. Аэроскутеры следовали вдоль цепи невысоких гор, разрезавших континент на две части; невысокие деревья устилали подножие горного хребта, изредка обнажая участки красно-коричневого подлеска, и дальше взгляд тонул в сплошном сине-зеленом море, становившемся синее и мглистее у горизонта. Неведомое существо неторопливо двигалось в ясном, украшенном редкими пятнышками кучевых облаков небе — возможно, всего в полумиле от них. Максвелл навел на него бинокль: похоже, какое-то насекомое — нелепый ромб с шестью парами крыльев; толком он так и не смог разобрать. Внизу, где-то неподалеку, он услышал хриплый рев — и немедленно бросил взгляд туда, рассчитывая увидеть одного из хищных зверей; но волнистое море листвы тянулось непрерывно.

Заметив, что Алиса задышала полной грудью, Максвелл усмехнулся. Лицо ее блестело от пота, а глаза — от удовольствия.

— Куда теперь? — спросил он.

Девушка вглядывалась вправо — в серебристый отсверк у самого горизонта.

— А там что, море? — спросила она. — Давай слетаем туда и подыщем чудненький пляжик для ленча.

Никаких чудненьких пляжиков там не оказалось — все побережье вместо песка было завалено крупной галькой; но Алиса без конца настаивала поискать еще. После каждого неудачного снижения они поднимались до двух тысяч футов, окидывая

взглядом береговую линию. Наконец во время очередного подъема Алиса указала пальчиком вперед и прошептала:

— Вон, чудесное местечко. Ой! Там кто-то есть.

Максвелл взглянул туда и заметил двигающуюся вдоль берега крошечную фигурку.

— Может, кто-то из знакомых, — предположил он и навел бинокль. Он увидел широкую голую спину, темную на фоне серебристого моря. Человек то и дело наклонялся, выискивая что-то на берегу. Фигура выпрямилась, и Максвелл разглядел блестящую гриву светлых волос, а затем, когда мужчина повернулся, величественный нос и подбородок.

— О-ля-ля, — произнес Максвелл, опуская бинокль.

Алиса долго не могла оторваться от своего бинокля.

— Разве он не прелесть? — выдохнула она. — Ты его знаешь?

— Да, — ответил Максвелл. — Это Бродяга. Я пару раз с ним беседовал. Лучше его не беспокоить.

Алиса так и прилипла к биноклю.

— Честное слово, — пробормотала она, — никогда не видела такого... Смотри, Верни, он нам машет.

Максвелл снова взглянул. Лицо Бродяги было обращено к ним. Пока Максвелл смотрел, губы мужчины двигались, вне сомнения произнося его имя.

Максвелл сократил расстояние и увидел, что Бродяга действительно машет рукой. Он также разглядел то, чего поначалу не заметил: мужчина был совершенно гол.

— Он узнал меня, — сокрушенно произнес Максвелл. — Теперь нам придется сесть.

Наконец Алиса оторвалась от бинокля.

— Глупости, — возразила она. — Как он мог разглядеть нас на таком расстоянии?

Максвелл помахал рукой и пробормотал:

— Сейчас-сейчас. Хоть бы штаны надел, черт тебя дери. — Затем ответил Алисе: — Он еще и не такое может. Говорю тебе — это Бродяга.

Они стали спускаться по пологой наклонной, а маленькая фигурка внизу тем временем двигалась в сторону джунглей.

— Кто-кто? — переспросила Алиса, снова прилипнув к биноклю.

— Смотри, куда рулишь, — заметил Максвелл тоном несколько излишне резким.

— Извини. Так кто он, дорогой?

— Прибрежный Бродяга. Человек из будущего. Ты что, за пять лет ни разу не удосужилась посмотреть последние известия?

— Я ловлю только спорт и моду, — рассеянно ответила Алиса. Затем ее ротик вдруг округлился. — Боже мой! Тот самый, который...

— Именно, — подтвердил Максвелл. — Тот самый, кто дал нам безынерционный ход, поле антитрения, математический аппарат для решения задачи о трех телах и около тысячи разных других штучек. Парень из трехмиллионного года в будущем. И он же, вероятно, самый одинокий человек во всем мироздании. Теперь я начинаю думать, что пять лет назад он появился именно на этой планете. И вероятно, большую часть времени проводит здесь.

— Но почему? — спросила Алиса. Она все еще смотрела в сторону крохотного пляжа, который был теперь пуст. В лице ее ясно читалось, что Бродяга мог бы найти себе лучшее применение.

Максвелл фыркнул.

— А читала ты когда-нибудь... — Тут он вспомнил, что Алиса скорее всего никогда ничего не читала, и поправился: — Ты смотрела когда-нибудь старые фильмы о Южных морях? Слышала о цивилизованных людях, «вернувшихся к природе» или ставших прибрежными бродягами?

— Да, — несколько неуверенно подтвердила Алиса.

— Прекрасно, тогда представь себе человека, заброшенного во вселенную, полную дикарей — быть может, симпатичных и безвредных дикарей, но все же людей, отстоящих на три миллиона лет от его культуры. Что он в таком случае будет делать?

— Возвратится к природе, — отозвалась Алиса, — или начнет прочесывать берега.

— То-то и оно, — сказал ей Максвелл. — Две его единственные альтернативы. Причем, с его точки зрения, одна немногим лучше другой. Подчиниться законам природы, обустроиться, жениться, лишиться всего, что делает его цивилизованным человеком, — или просто отправиться к черту.

— Этим он и занимается?

— Точно.

— Хорошо, а *зачем* он прочесывает эти берега?

Максвелл нахмурился:

— Не будь идиоткой. На этих конкретных берегах ему делать нечего; просто его занесло сюда. Потому он и Прибрежный Бродяга, что живет как бич — ничего не делая, ни с кем не встречаясь, слоняется без дела в ожидании старости и смерти.

— Это ужасно, — скривилась Алиса. — Такая... гадость.

— Что поделатъ, — сухо отозвался Максвелл. — Есть только одно место, где Бродяга мог бы быть счастливым — через три миллиона лет в будущем, — а туда он вернуться не может. Бродяга говорит, что места, куда можно было бы вернуться, вообще не существует. Я не понимаю, что он имеет в виду; а сам он, судя по всему, объяснить этого не может.

Бродяга неподвижно стоял у опушки леса, пока их скутер садился на каменистый берег. На Бродяге были заляпаные, потрепанные штаны из пластика — и ничего больше: ни шляпы, чтобы защитить его величественную голову с могучим лбом, ни сандалий на ногах — и никакого снаряжения, даже ножа на поясе. А Максвелл знал, что в джунглях водились людоеды, которые могли мигом слопать человека, вышедшего за пределы силового поля скутера. Впрочем, зная Бродягу, он ничему не удивлялся. Удивилась ли Алиса, определить было сложно. Она лишь пожирала Бродягу глазами, пока он подходил к ним.

Максвелл, чертыхаясь про себя, отключил силовое поле своего скутера и вылез наружу. То же самое сделала и Алиса. «Остается только надеяться, что она удержится от изнасилования», — промелькнуло в голове Максвелла.

— Как дела, Даи?

— Нормально, — ответил Бродяга. На близком расстоянии он не только впечатлял, но и вызывал страх. Бродяга стоял, выпрямившись во все свои семь с лишним футов, и в каждой линии его тела чувствовалась невероятная сила. Больше всего впечатляли глаза: в них, как у орла, таилось нечто странное, недоступное. И хотя сам Даи был неизменно доброжелателен в общении и успешно влился в новую для него среду, однако любой нормальный взрослый человек чувствовал себя рядом с ним несмысленным ребенком.

— Даи, познакомься — Алиса Цверлинг.

Бродяга ответил на это представление с непринужденной учтивостью; Алиса же так и хлопала своими неотразимыми ресницами.

Пока они шли к воде, Алиса умудрилась весьма правдоподобно споткнуться и для поддержки положить руку под локоть гиганту. Тот небрежно поднял девушку, одновременно слегка подтолкнув ее, после чего она оказалась на шаг-другой впереди них, и как ни в чем не бывало продолжил разговор с Максвеллом.

Они сели у воды, и Даи понемногу выкачал из Максвелла все последние земные новости. Бродяга проявлял живой интерес; Максвелл не знал, насколько он искренен, но на всякий случай излагал все старательно и подробно.

Вскоре в монологе Максвелла образовалась пауза, и, воспользовавшись ею, Алиса старательно откашлялась. Оба мужчины обратили к ней учтивые взгляды. Алиса спросила:

— Даи, а правда здесь в джунглях водятся животные-людоеды? Мы еще ни одного не видели. И... — Заинтересованный взгляд девушки пробежался по гладкому обнаженному торсу Бродяги, и Алиса очень мило покраснела. — Я хочу сказать... — добавила она и снова запнулась.

— Конечно, здесь их множество, — ответил Бродяга. — Но мне они не слишком докучают.

— Вы хотите сказать, — продолжала допытываться Алиса с видом самым серьезным, — что вам это ничуть не страшно?

— Именно.

— А могли бы вы защитить кого-нибудь, кто оказался бы с вами?

— Полагаю, да.

Алиса излучала улыбку.

— Ах, даже не верится. Перед тем как мы вас заметили, я как раз говорила Вернону, что нет ничего романтичнее прогулки по джунглям. Посмотреть на диких животных и всякое такое. Вы бы не согласились сопровождать меня, Даи? А Вернон тем временем может присмотреть за скутерами — ты ведь не будешь возражать, Вернон?

Максвелл собрался было ответить, но Бродяга опередил его.

— Уверяю вас, мисс Цверлинг, — неторопливо произнес он, — это будет пустой тратой времени — и вашего и моего.

— Что вы имеете в виду? — вспыхнула Алиса.

Даи серьезно посмотрел на нее.

— Я дикарь только с виду, — медленно проговорил Бродяга. — В компании женщин я всегда ношу брюки. — Он с выражением повторил: — *Всегда*.

Губы Алисы вдруг сделались твердыми и тонкими, а кожа вокруг них побелела. Глаза ее сверкали. Она хотела ответить Бродяге, но слова застряли у нее в горле. Тогда Алиса повернулась к Максвеллу:

— Думаю, нам лучше уйти.

— Мы только-только пришли, — мягко проговорил он. — Подожди где-нибудь рядом.

Алиса вскочила:

— Так ты идешь?

— Не-а, — покачал головой Максвелл.

Не сказав больше ни слова, она повернулась, решительно прошла к своему скутеру, залезла туда и упорхнула прочь. Они проводили ее глазами — крошечную сверкающую точку, что мелькнула в небе и исчезла за горизонтом.

Максвелл несколько неуверенно усмехнулся и перевел взгляд на Бродягу.

— Она получила, что причиталось, — заметил Максвелл. — Дорогу найдет сама — обратный билет у нее есть. — Он встал на ноги. — Пожалуй, пойду, Даи. Рад был...

— Подожди немного, Верн, — заговорил гигант. — Я не так часто вижусь с людьми. — Он задумчиво водил взглядом по воде. — Надеюсь, я не лишил тебя чего-то особенного?

— Ничего особенного, — ответил Максвелл. — Всего лишь мой нынешней возлюбленной.

Гигант повернулся и внимательно посмотрел на него, чуть нахмурясь.

— И черт с ней, — с отвращением проговорил Максвелл. — Камушков на берегу хватает.

— Не смей так говорить! — Гнев на мгновение исказил лицо Бродяги. Он резко взмахнул рукой по воздуху, будто саблей. Неведомая сила ударила и опрокинула Максвелла, едва не вышибив из него дух.

Вернон упал на песок, глаза его выпучились самыми дурацким образом.

— Ооохх... — выдохнул он.

В глазах Бродяги светились боль и раскаяние.

— Прости меня, — вымолвил он. Он помог Максвеллу сесть. — Я редко так забываюсь. Ты простишь меня?

Максвелл едва дышал.

— Не знаю, — с трудом проговорил Максвелл. — Зачем ты это сделал?

Солнечный свет головокругительно сиял на непокрытой голове Бродяги. Глаза его скрывали глубокие тени — и эти же тени очерчивали впечатляющие линии его носа, отмечали четкие, резкие линии его рта.

— Я обидел тебя. — Бродяга помедлил. — Я все объясню, Максвелл, но при одном условии — никогда и никому об этом не рассказывай.

Он положил свою большую руку Максвеллу на запястье, и Максвелл почувствовал исходящую от него энергию.

— Хорошо?

— Хорошо, — пробормотал Максвелл. В нем бурлила странная смесь чувств: гнева и обиды, любопытства и чего-то еще, глубоко-глубоко, — какого-то смутного, невнятного страха.

Бродяга заговорил. Через минуту он словно забыл о существовании Максвелла. Он пристально вглядывался в серебристое море, а Максвелл, загипнотизированный глубоким, звучным голосом, молча созерцал ястребиный профиль Бродяги.

И сквозь неведомую мглу ему виделась вселенная, о которой рассказывал Бродяга, населенная свободными людьми. За эту невообразимую пропасть времени, отделявшую их от эпохи, в которой жил Максвелл, они очистились от всех человеческих слабостей. Максвелл видел, как люди будущего странствуют от звезды до звезды, чувствуя себя в безжалостной пустоте так же непринужденно, как и на утопающих в зелени планетах. Он видел, как они высоки, безупречны и сильны — красивые мужчины и прелестные женщины, и каждый из них обладал той энергией, что горела в Бродяге, только без всякой примеси его печали. Если они были ангелами, то он скорее Люцифером.

Максвелл попытался представить себе повседневный быт таких людей — и не смог; три миллиона лет находились за пределами его понимания. Однако, взглянув в лицо Бродяги, он понял, что те, последние люди были такими же человеческими существами, как и он сам, — способными на любовь и ненависть, радость и отчаяние.

— У нас существовали брачные обычаи, которые наверняка покажутся тебе странными, — немного погодя сказал Бродяга. — Как у слонов — ведь мы были долгожителями. Мы женились поздно — и на всю жизнь. Как раз приближалось время моей женитьбы, когда мы обнаружили врага.

— Врага? — переспросил Максвелл. — Но... вы же являлись господствующей формой жизни во вселенной?

— Верно. Все, что существовало в этом космосе, было нашим. Но враг пришел не из этой вселенной.

— Из другого измерения?

Бродяга выглядел озадаченным.

— Из другого... — начал он и запнулся. — Мне казалось, я смогу как-то лучше выразить это на вашем языке, но не получается. Измерение — не то слово... скорее из другой временной линии; так немного ближе.

— Другая вселенная, подобная вашей и сосуществующая с ней, — предположил Максвелл.

— Нет... не такая, как наша, совсем не такая. Разные законы, разные... — Он снова запнулся.

— Ладно, а можешь ты описать вашего врага?

— Омерзительная тварь, — решительно ответил Бродяга. — В течение тысячелетий мы искали другие... как ты называешь, измерения, и они стали первой разумной расой, которую нам удалось обнаружить. Мы возненавидели их с первого взгляда. — Он помедлил. — Если их нарисовать, получится что-то вроде маленьких колючих цилиндриков. Но картина не может всего передать. А описать я не могу. — Лицо Бродяги исказила гримаса отвращения.

— Продолжай, — сказал Максвелл. — Что произошло? Они напали на вас?

— Нет. Мы попытались их уничтожить. Мы разбили кристаллические паутины, которые они построили между своими мирами; мы взорвали их солнца. Но все же более четверти из них выжило после нашей первой атаки, и тогда мы поняли, что потерпели поражение. Они были не менее могущественны, чем мы, а в чем-то даже превосходили...

— Погоди, я что-то не понимаю, — перебил Максвелл. — Вы сами напали на них? Стерли в порошок только из антипатии?

— Мы никогда не стали бы жить в мире с этими... — сказал Бродяга. — Просто нам посчастливилось обнаружить их первыми.

Максвелл задумался. А что сказал бы неискушенный островитянин Южных морей о первой атомной войне? Понятное дело, мораль одного общества неприменима к другому. И все же... Неужели сородичи Бродяги, потомки самого Максвелла, люди, исполненные счастья и совершенства, по-прежнему несли пятно греха ветхозаветного Адама? И каким образом они оказались господствующей формой жизни в целой вселенной? Устранив остальных претендентов?

Максвелл понимал, что он здесь не судья; но тяжелое чувство по-прежнему не покидало его сердце. Он спросил:

— И что потом? Они ответили ударом на удар?

— Да. У нас оставалось время подготовиться к контрудару, но против этого оружия нельзя было найти защиту. — Он заметил кривую улыбку Максвелла. — Нет, это почище планетоломов; от них есть защита — вы просто еще не обнаружили ее. Инопланетяне вознамерились уничтожить нашу вселенную — всю до последнего кванта, — вычеркнуть ее из числа таковых, сделать на ее месте пустоту.

— И что? — спросил Максвелл. Он начинал понимать, почему история Бродяги до сих пор оставалась недоступной для общества. Было здесь какое-то роковое ощущение, которое непременно наложило бы свой отпечаток на все человеческие поступки. Узнав ее, люди стали бы жить в предчувствии неизбежного краха, как представители умирающей цивилизации. Хотя... подлинный фатализм свойствен каждой умирающей культуре.

— Нам оставалось одно, — продолжал Бродяга. — В тот самый миг, когда их оружие должно было сработать, мы перенесли нашу вселенную на три миллиона лет назад по ее собственной временной линии. Она бы исчезла — так, как если бы в самом деле была уничтожена. Затем мы смогли бы вернуться, но уже по другой временной линии, поскольку на нашей первоначальной временной линии не могло произойти ничего другого. Изменение прошлого влечет изменение будущего — теория, тебе известная.

— Значит, вы опоздали? Ты перебрался, а все остальные погибли?

— Выбор времени был идеален, — сказал Бродяга. — Как и предварительные расчеты. Существует естественный предел расстояния во времени, на которое может переместиться лю-

бая масса. Три миллиона лет. Лучше бы наш план сорвался. Тогда я мог бы вернуться...

Бродяга замолчал, лицо его помрачнело.

— Рассказать осталось не так много, — продолжил он через минуту. — Получилось так, что для исполнения плана выбрали меня. Великая честь выпала на мою долю, но принять ее было нелегко. Тем более я собирался жениться. Случись что-то не так, и мы оказались бы разделены навсегда... Мы не смогли бы даже умереть вместе. Но я согласился. У нас оставался всего один день перед разлукой, а затем я установил поля и стал ждать атаки. Всего за одну микросекунду до ответного удара я высвободил энергию... а в следующее мгновение уже падал в океан — вон туда.

Бродяга повернул к Максвеллу искаженное страданием лицо.

— Произошло худшее! — воскликнул он. — Можешь убедить сам — что значит отыскать один нужный камушек на всех побережьях этой планеты.

— Ничего не понимаю, — признался Максвелл. — А как же вселенная?

Бродяга махнул рукой:

— Мы не могли вернуть нашу вселенную в прежнее пространство. Она находилась в стазисе — вся, за исключением мельчайшей своей части, — вне этой временной линии. Была оставлена лишь некая крохотная модель такой огромной вселенной. — Он развел большой и указательный палец. — Всего лишь камушек.

Разинув рот, Максвелл уставился на гиганта.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— О да, — вздохнул Прибрежный Бродяга. — Я приземлился примерно в двадцати милях от берега пять лет тому назад.

Он устремил взгляд куда-то в море, в то время как пальцы его нервно ощупывали камушки у ног.

— И, ударившись о воду, — сказал он, — я выронил его.

СТАНЦИЯ «ЧУЖАК»

Вой и грохот ненадолго заполнили извилистые коридоры и комнаты станции. Поль Вессон стоял, впитывая в себя эти звуки, пока раскатистое эхо не замерло где-то вдали. Ремонтный корабль улетел обратно к «Дому». Вессон же остался в одиночестве на станции «Чужак».

Станция «Чужак»! От одного названия захватывало дух! Конечно, Вессон знал, что обе орбитальные станции примерно столетие назад не без причины получили свои названия от Британского управления спутниковыми службами. Более крупный «Дом» обслуживал транспорт Земли и ее колоний, а «Чужак» предназначался для торговых связей с чужестранцами — с существами из-за пределов Солнечной системы. Но даже такой утилитарный смысл не мог умерить изумленного восторга Вессона при виде станций «Чужак». Станции, что крутятся во мраке одиночества и ждет своего гостя, который является лишь раз в два десятилетия.

Когда же гость являлся, одному из миллиардов землян вменялось в задачу и почетную обязанность терпеть присутствие чужака. Как и почему, Вессону толком не было известно. Твердо он знал лишь одно: различия меж их двумя расами настолько глубоки, что встреча крайне мучительна для обоих. Что ж, завербовался он добровольно. Значит, надо справиться. Тем более что вознаграждение окупит любую боль.

Пройдя все проверки, Вессон вопреки собственным ожиданиям оказался тем самым одним из миллиардов. Ремонтный корабль доставил его сюда в виде мертвого груза — погруженным в полную отключку. В таком же виде Вессон и пребывал,

пока ремонтники занимались своей работой. Потом они вернули его в сознание и улетели. Теперь он остался один.

Впрочем, не совсем.

— Добро пожаловать на станцию «Чужак», сержант Вессон, — неожиданно произнес приятный голос. — С вами разговаривает альфа-сеть. В мои обязанности входит ваша защита и обеспечение вас всем необходимым. Если вам чего-нибудь хочется, можете смело меня попросить. — Нейтральный тон с оттенком школьной учительницы или экскурсовода в музее.

Хоть и был Вессон заранее предупрежден, все равно не смог не поразиться схожести этого голоса с человеческим. Альфа-сеть, последнее слово робототехники. Компьютер, охранник, личный слуга, библиотека — и ко всему этому добавили нечто похожее на «личность», наделенную «свободной волей». Похожее настолько, что специалисты уже успели сломать целый лес копий в спорах о том, личность ли это и в какой мере свободна ее воля. Альфа-сеть — безумно дорогостоящая игрушка. Ни с чем подобным Вессон еще не сталкивался.

— Спасибо, — выговорил он наконец в пустоту. — Хм... кстати, а как мне к вам обращаться? Не могу же я без конца долдонить: «Эй, альфа-сеть!»

— Последний ваш предшественник звал меня тетя Сетти, — отозвалась машина.

Вессон скривился. Тетя Сетти. Ну и каламбур! Нет, так не пойдет.

— Насчет тети — порядок, — сказал он. — Но для меня вы будете тетя Джейн. Так звали сестру моей матери. Кстати, вы и голосом на нее похожи — самую малость.

— Весьма польщена, — вежливо ответила невидимая машина. — А теперь, быть может, перекусите? Бутерброды? Холодное пиво?

— Спасибо, — поблагодарил Вессон. — Но чуть погода. Сначала немного осмотрюсь.

И повернулся в другую сторону. Это, похоже, положило конец разговору — сеть, по крайней мере, погрузилась в молчание. Славная штукавина. Вот бы всегда такую компанию. Когда обращаешься — говорит, а нет — молчит как рыба.

Людскую часть станции составляли четыре комнаты — спальня, гостиная, столовая и душевая. Гостиная оказалась достаточно просторной и довольно милой, оформленной в зеленовато-

бурых тонах. Всей механики — только кожух какого-то аппарата в углу. Остальные комнаты располагались по кольцу вокруг гостиной — совсем крошечные, рассчитанные только на одного человека. Был еще узенький круговой коридор и разные обслуживающие механизмы. Станция хранила себя в идеальной чистоте и работала безупречно — несмотря на более чем десятилетнее бездействие.

«Теперь самая легкая часть всего предприятия», — подумалось Вессону. До прибытия чужака еще месяц. А пока — хороший паек, ненавязчивые беседы с альфа-сетью и никакой работы.

— Ну, тетя Джейн, — обратился он к сети, — вот теперь я, пожалуй, съел бы небольшой бифштекс. Среднеподжаренный, с картошкой, луком и грибами. Да, и стаканчик светлого пива, пожалуйста. Скажете, когда будет готово.

— К вашим услугам, — отозвался приветливый голос. В столовой тут же важно загудел и защелкал автоповар. А Вессон тем временем еще побродил по станции и внимательно осмотрел пульт управления. Судя по показаниям приборов, шлюзы надежно задрены, рециркулятор воздуха в норме. Находясь на орбите, станция вращалась вокруг своей оси и создавал силу тяжести в один «жэ» в секторе, предназначенном для людей. А внутренняя температура в этой части составляла ровно 23 градуса по Цельсию.

На второй же половине приборной доски — совсем иная картина. Все экраны и циферблаты черны, как сам космос. Второй сектор станции, объемом примерно в восемьдесят восемь раз больше Первого, пока еще не работал.

В голове у Вессона ненадолго возник мысленный образ станции, сложившийся из фотографий и чертежей. Двухсотметровая в диаметре дюралюминиевая сфера, к которой приварен десятиметровый шарик людской части. И похоже было на то, что вся полость ремонтных помещений, а также — самое главное — специальных баков представляла собой тесную камеру для необъятного тела чужака.

— Бифштекс готов! — объявила тетя Джейн.

Вот так бифштекс! Горячий, пузырящийся. Хрустящий снаружи — и нежно-розовый внутри. Как раз по вкусу Вессона.

— Тетя Джейн, — промычал он с набитым ртом, — а ведь все совсем не так плохо. Правда?

— Вы о бифштексе? — с тревожной ноткой в голосе спросила машина.

Вессон ухмыльнулся.

— Бифштекс классный, — успокоил он собеседницу. — Но вы мне лучше вот что скажите. Сколько раз вы уже проходили эту процедуру? Вас с самого начала вмонтировали на станцию?

— Нет, меня вмонтировали не с самого начала, — сдержанно отозвалась тетя Джейн. — Я ассистировала при трех контактах.

— Хм. Сигаретку бы, — пробормотал Вессон, хлопая себя по карманам.

Автоповар тут же загудел и выплюнул на лоток пачку «Эл-Эм». Вессон с удовольствием закурил.

— Вот как славно, — продолжил он. — Значит, вы уже три раза все это проходили. И многое могли бы мне порассказать. Так ведь?

— О да, разумеется. А что бы вы хотели узнать?

Откинувшись в кресле, Вессон неторопливо затягивался. Потом зеленые глаза его сузились.

— Для начала, — сказал он, — прочтите мне отчет Паджона. Знаете, тот, из «Краткой сводки». Хочу проверить, верно ли я все запомнил.

— «Глава вторая, — тут же начал ровный голос. — Первый контакт с внезапным разумом произведен командиром Ральфом С. Паджоном 1 июля 1987 года во время аварийной высадки на Титане». Далее следует выписка из официального рапорта: «Доскиваясь до возможной причины нашего душевного недомогания, на другом склоне горного кряжа мы обнаружили некий объект, более всего похожий на гигантскую металлическую конструкцию. При дальнейшем приближении к упомянутой конструкции, многоугольнику раз в пять выше «Одеколону», наше недомогание усилилось.

Некоторые члены команды, не в силах идти дальше, выразили желание вернуться, но мы с лейтенантом Экаффом испытывали острое чувство: будто нас неким непонятным образом зовут или, вернее, призывают. Хотя недомогание усиливалось, мы твердо решили двигаться дальше и поддерживать радиосвязь с остальной частью группы, возвращавшейся к кораблю.

Нам удалось проникнуть в инопланетное строение через большое, неправильной формы отверстие... Внутренняя температура внутри была минус сорок два градуса по Цельсию, а атмосфера, как выяснилось, состояла из метана и аммиака... Во второй камере нас ожидало инопланетное существо. Уже упо-

мянутое мною расстройство сделалось совсем невыносимым, но сильнее стал и зов, скорее напоминавший мольбу... Мы заметили, что из каких-то стыков или пор на поверхности существа сочится густая желтоватая жидкость. С трудом преодолевая ужас и тошноту, я сумел взять пробу этого выделения. При последующем анализе выяснилось...»

Второй контакт совершился десятью годами спустя благодаря знаменитой экспедиции на Титан корабля командира Кроуфорда...»

— Нет-нет, достаточно, — прервал Вессон. — Меня интересовало только сообщение Паджона. — Он задумчиво затянулся. — Такое впечатление, что не хватает целых кусков. Нет ли у вас где-нибудь в блоках памяти более подробной версии?

Некоторая заминка.

— Нет, — наконец ответила тетя Джейн.

— А вот я еще в детстве слышал кое-какие подробности, — раздраженно заметил Вессон. — Помнится, ту книгу я прочел лет в двенадцать. И хорошо помню подробное описание чужака... помню, вернее, что оно там было. — Он огляделся по сторонам. — Послушайте, тетя Джейн. Вы ведь тут вроде сторожевого пса. Наверняка у вас по всей станции камеры и микрофоны.

— Да, — подтвердила сеть. — По всей станции. — Тут в голосе тети Джейн Вессону почудились обиженные нотки.

— И во Втором секторе? Так?

— Да, и во Втором.

— Прекрасно. Значит, вы сами можете мне все рассказать. Как выглядят чужаки?

Теперь уже откровенная пауза.

— Мне очень жаль, но этого я вам сказать не могу, — ответила тетя Джейн.

— Значит, не можете? — протянул Вессон. — Иного я и не ожидал. Могу догадаться, что вам на этот счет даны определенные указания. Догадываюсь даже, что даны они по той же самой причине, по которой нынешние учебники по истории порядком урезаны в сравнении с книгами моего детства. Интересно, что это за причина? А? Тетя Джейн? Есть у вас на этот счет мысли?

Снова пауза. И неохотный ответ:

— Есть.

— Ну так поделитесь.

— Мне очень жаль...

— ...но этого я вам сказать не могу, — продолжил за машину Вессон. — Отлично. Теперь мы по крайней мере знаем, какие у кого карты.

— Да, сержант. Не желаете ли десерт?

— Обязательно. На десерт еще один вопрос. Какова судьба дежурных станции, когда их задание заканчивается?

— Они идут на повышение до седьмого разряда, получают ранг ученых с неограниченным досугом, а также единовременное пособие в виде семи тысяч стелларов и вид на жительство по первому классу...

— Это я и сам знаю, — нетерпеливо перебил Вессон и провел языком по пересохшим губам. — Я вот о чем спрашиваю. Те, что были здесь до меня... как они выглядели, когда отбывали обратно?

— Нормально выглядели. Как люди, — живо отозвался голос. — Но почему вы спрашиваете, сержант?

Вессон досадливо махнул рукой:

— Слишком хорошо помню обрывок одного откровенного разговора в Академии. Никак не выходит из головы. Знаю только, что разговор имел какое-то отношение к станции. Всего одна фраза: «Слепой как крот и с белой щетиной по всему телу». Как по-вашему, что это? Описание чужака? Или дежурного, когда его забирали отсюда?

Тетя Джейн снова погрузилась в молчание.

— Ладно, так и быть, — сказал Вессон. — Помогу вам выйти из затруднения. Вам очень жаль, но этого вы мне сказать не можете.

— Мне в самом деле очень жаль, — искренне ответила машина.

Медленные дни понемногу складывались в недели — и Вессон постепенно начал осознавать, что станция представляет собой едва ли не живое существо. Он чувствовал эти со всех сторон окружающие его металлические ребра. Ощущал ждущую пустоту наверху, во Второй секции, — и бдительное присутствие вездесущей электронной сети, что беспрерывно наблюдала и анализировала, пытаясь предвосхитить каждое его желание.

Да, тетя Джейн воистину была идеальной собеседницей. А кроме того, альфа-сеть располагала музыкальной фонотекой

на тысячи часов, фильмами на любой вкус и настроение. На сканере в гостиной Вессон мог читать микрокниги. А если ему так больше нравилось, их читала сама тетя Джейн. Вдобавок она управляла тремя телескопами станции и в любой момент могла вывести своему подопечному на экран виды Земли, Луны или «Дома».

Только вот новостей не было никаких. Тетя Джейн по первому требованию исправно включала радиоприемник, но, кроме шума статики, оттуда ничего не доносилось. И со временем самым тяжким грузом легло на Вессона понимание того, что это радиомолчание накладывается на все находящиеся в полете корабли, на орбитальные станции и все передатчики типа планета — космос. Всеобъемлющий запрет, парализующий едва ли не всякую деятельность. Ибо какую-то часть информации можно было передавать на короткие расстояния с помощью фотофона, однако обычно весь самый сложный транспорт на космических дорогах почти целиком зависел от радио.

Но близившийся контакт с чужаком был делом столь деликатным, что даже здесь, откуда Земля казалась маленьким диском размером в две Луны, контакту этому мог помешать любой радиоголос. Огромный риск был и в том, что только одному человеку позволялось остаться с чужаком на станции. И вот, подумалось Вессону, чтобы обеспечить этому человеку хоть какую-то компанию и не дать свихнуться от одиночества, туда вмонтировали альфа-сеть...

— Тетя Джейн?

— Что, Поль? — тут же отозвался голос:

— Недомогание, о котором идет речь в отчете... вы ведь не можете знать, что это такое?

— Да, Поль.

— Потому что машинный разум не способен его почувствовать? Так?

— Да, Поль.

— Тогда скажите мне хотя бы вот что. Зачем здесь вообще нужен человек? Почему нельзя обойтись машиной?

Привычная заминка.

— Не знаю, Поль.

Какие-то грустные нотки. Действительно ли тон тети Джейн меняется, задумался Вессон, или просто его воображение выкидывает с ним такие номера?

Потом Вессон встал с кушетки и принялся безостановочно расхаживать взад-вперед по гостиной.

— Давайте взглянем на Землю, — наконец предложил он. Обзорный экран на пульте управления послушно засветился — глубоко внизу плыла в своей первой четверти ослепительно голубая Земля. — Выключите, — тут же приказал Вессон.

— Может, немного музыки? — несмело предложил голос. Немедленно заиграло что-то успокоительное — одни деревянные духовые.

— К черту! — рывкнул Вессон. Музыка умолкла.

Вессон чувствовал себя как малыш, которого заперли в комнате и не выпускают. Руки задрожали.

Скафандр находился в герметичном шкафу рядом с переходным шлюзом. Вессон уже раз-другой выходил в нем на палубу. Смотреть там, впрочем, особенно было не на что — крошечная тьма и собачий холод. Но сейчас ему во что бы то ни стало нужно вырваться из этого беличьего колеса. Вессон извлек из шкафа скафандр и принялся в него облачаться.

— Поль, — встревоженно спросила тетя Джейн, — вам что, немного не по себе?

— Да! — огрызнулся он.

— Тогда не ходите, пожалуйста, ко Второму сектору, — мягко попросила тетя Джейн.

— Ну ты, чертова консервная банка! — с внезапной злобой рывкнул Вессон. — Не смей меня учить! — Потом, яростно рванув молнию, застегнул верх скафандра.

Прямая труба переходного шлюза, где места едва хватало только одному, была единственным проходом из Первого во Второй сектор. А также и единственным выходом из Первого. В самом начале, чтобы сюда попасть, Вессону пришлось миновать большой шлюз у «южного» полюса сферы, пропутешествовать через люк и по всему переходному мостку. Тогда его, разумеется, волокли бесчужденным. Когда придет время, выбраться надо будет тем же путем. Ремонтный корабль не располагает ни избытком места, ни лишним временем.

У противоположного, «северного», полюса находился третий переходной шлюз — столь огромный, что запросто вместил бы в себя целый грузовой звездолет. Но никому из людей доступа туда не было.

В луче фонарика на шлеме Вессона громадная центральная часть станции казалась чернильной бездной, откуда возвращались лишь слабые, трепетные отсветы. А вокруг все стены искрились инеем. Второй сектор еще не герметизировался, и сочившиеся оттуда диффузные испарения замерзали на стенах пушистым ковром. Холодный металл гулко звенел под тяжелыми ботинками. Необъятная полость Второго сектора еще сильнее давила на Вессона из-за своей безвоздушности, из-за царившего там мрака и холода. Ты здесь один, словно говорили его шаги. Один.

Вессон прошел уже метров тридцать по переходному мостку, когда тревога внезапно усилилась. Сам того не желая, он остановился и неловко прислонился к стене. Но опоры твердой стены все равно не хватало. Переходной мосток, казалось, вот-вот грозит выскользнуть из-под ног, грозит сбросить в непроглядную бездну.

Тут Вессон узнал эту сухость во рту, этот металлический привкус в гортани. Страх. Это страх.

Мелькнула мысль: «Кто-то хочет заставить меня бояться. Но зачем? Почему именно сейчас? А главное — чего?»

И в тот же миг он понял. Неимоверная тяжесть опустилась на него подобно гигантскому кулаку — и у Вессона появилось жуткое ощущение чего-то немыслимо огромного, чего-то лишнего пределов; с неумолимой медлительностью оно все сжималось и сжималось...

Время пришло.

Первый месяц закончился.

Чужак приближался.

Стоило Вессону, задышавшись, повернуть назад, как все необъятное строение станции вдруг сузилось до размеров обычной комнаты, а вместе с ним сжался и Вессон. Сам себе он казался теперь жалкой букашкой, отчаянно мечущейся по стенам.

Он бросился в бегство. Станция за спиной рокотала.

В безмолвных комнатах все лампы испускали неяркий свет. Вессон недвижно лежал на кушетке и смотрел в потолок. Сквозь потолок. Воображение живо рисовало ему изменчивый образ чужака. Огромный и мрачный. Лишенный формы. Тяжелый, угрожающий.

На лбу крупными каплями выступил холодный пот. Но Вессон не в силах был отвести пристального взгляда от потолка.

— Так вот почему... вот почему вы не хотели, чтобы я... чтобы я выходил на палубу. Да, тетя Джейн? — хрипло спросил он.

— Да, Поль. Раздражительность — первый признак. Но вы приказали...

— Знаю, — еле слышно отозвался Вессон, по-прежнему не сводя глаз с потолка. — Странное чувство... Слушайте, тетя Джейн.

— Что, Поль?

— Вы так и не скажете мне, какой он на вид?

— Нет, Поль.

— А я и знать не хочу. Господи, да не хочу я этого знать... Как странно, тетя Джейн. Наполовину я сейчас самый настоящий близнец. Напуган до смерти...

— Я знаю, — негромко ответил голос.

— Но другая моя половина совершенно спокойна. Как будто все это — детские игрушки. С ума сойти — я тут такое вспоминать начинаю. Знаете что?

— Что, Поль?

Вессон попытался рассмеяться.

— Одну детскую вечеринку лет двадцать... нет, лет двадцать пять тому назад. Тогда мне было... сейчас прикину... ага, девять лет. Точно. Ведь как раз в тот год умер отец. А жили мы тогда в Далласе. Снимали временку. И поблизости жила еще одна семья с целым выводком рыжих ребятишек. Там частенько закатывали вечеринки. Никто их особенно не любил, но все почему-то приходили.

— Поль, расскажите мне про ту вечеринку.

Вессон заворочался на кушетке.

— Ну, значит... та вечеринка как раз была в канун Дня всех святых. Помню, все девочки одели оранжевое с черным, а все мальчики были в строгих костюмчиках. Я там оказался чуть ли не самым младшим — ну и, конечно, был не в своей тарелке. А потом один из рыжих вдруг выскакивает откуда-то в маске-черепе и орет: «Эй, вы! А ну-ка все играем в прятки!» Хватает меня и говорит: «Ты будешь водить». Не успеваю я и глазом моргнуть, как он заталкивает меня в темный чулан. И запирает за мной дверь.

Вессон провел языком по пересохшим губам.

— А потом — ну, там, в темноте, — я вдруг чувствую, как мне в лицо что-то тычется. Холодное и липкое. Похожее на что-то...

ну, не знаю... на что-то мертвое... Тогда я съежился в самом уголке чулана и все ждал, что та штука снова ко мне полезет. Понимаете? Висит там что-то непонятное. Холодное и страшное. А знаете, что там оказалось? Суконная рукавица, полная отрубей вперемешку со льдом. Шутка. Просто шутка. Только шутки этой мне не забыть... Тетя Джейн?

— Что, Поль?

— Я тут вот что думаю. Наверняка вас, альфа-сети, придумали великие психологи. Ведь я могу вам обо всем рассказывать только потому, что вы — всего лишь машина. Верно?

— Да, Поль, — печально подтвердила сеть.

— Эх, тетя Джейн, тетя Джейн... Какой мне смысл и дальше себя дурачить? Я же чувствую эту тварь. Там, наверху. В какой-нибудь паре метров отсюда.

— Я знаю, Поль.

— Тетя Джейн, я не смогу выдержать.

— Сможете, Поль. Если захотите.

Вессон скрючился на кушетке.

— Он... он грязный. Липкий. Господи! И так пять месяцев? Я не выдержу, тетя Джейн. Он меня убьет.

По всем уголкам станции снова прокатился громоподобный рокот.

— Что это? — выдохнул Вессон. — Корабль чужаков... он отчалил?

— Да. Теперь чужак один. Как и вы.

— Нет. Не как я. Не может он испытывать того, что испытываю я. Тетя Джейн, вам просто не понять...

По ту сторону металлического потолка всего в нескольких метрах от Вессона висело огромное, чудовищное тело чужака. Как же страшно вся эта тяжесть давила ему на грудь!

Вессон провел в космосе чуть ли не всю свою взрослую жизнь и прекрасно знал, что если орбитальная станция разрушится, то «нижнюю» ее часть не раздавит, а унесет прочь за счет собственного углового вектора. Так что здесь не было ничего от гнетущей атмосферы планетных строений, где нависающая над тобой масса будто бы все время угрожает рухнуть. Но тут было нечто совсем иное. И куда более тягостное.

В воздухе буквально висел запах опасности — запах идущей сверху, из темноты, угрозы. Там словно притаилась какая-то холодная тяжесть. Все как в том неотвязном детском кошма-

ре Вессона. Та самая липкая неживая тварь, что тыкалась ему в лицо в темном чулане. И еще —дохлый щенок, которого он вытащил из речки тем летом в Дакоте... Влажный мех, вяло свисающая голова — мертвый и холодный. Холодный!

С неимоверным трудом Вессон повернулся на бок и приподнялся на локте. К лежащей на груди тяжести добавился еще и неотвязный холодный обруч, что туго сжимал воспаленную голову. Казалось, комната наклоняется и начинает медленно и тошнотворно кружиться.

Вессон заскрипел зубами, но встал на колени. Потом поднялся и выпрямил спину. Ноги затряслись от напряжения. Рот безмолвно распахнулся. Шаг, другой. Вессон мучительно переставлял ноги, едва пол начинал лететь ему навстречу.

Правая сторона пульта управления, прежде темная, теперь светила экранами и циферблатами. Согласно индикатору, давление во Втором секторе составляло примерно одну целую и треть атмосферы. Индикатор переходного шлюза показывал несколько повышенное содержание кислорода и аргона. Делалось это для того, чтобы не допустить заражения Первого сектора атмосферой чужака. Одновременно это означало и то, что шлюз больше не откроется — ни с той, ни с другой стороны. При этой мысли Вессону почему-то чуть полегчало.

— Посмотреть бы на Землю,— выдохнул он.

Экран засветился — и Вессон впился взглядом в голубую планету.

— Долгая дорога вниз, — прохрипел он. — Долгая, долгая дорога вниз — на самое дно колодца...

Последние десять пустых лет Вессон проработал инженером по сервосистемам на станции «Дом». Вообще-то он хотел стать пилотом, но вылетел на первом же году — незачет по математике. И все же до сих пор у него и в мыслях не было вернуться на Землю.

А теперь, после всех этих лет, нежно-голубой кружок вдруг показался ему бесконечно желанным.

— Тетя Джейн, — бормотал он, — тетя Джейн, она прекрасна...

Вессон знал — сейчас там весна. Кое-где у отступающего края темноты расцветает утро — прозрачное голубое утро, подобное свечению моря, заключенному в агате. Таинственное утро в дымке тумана. Утро покоя и надежды. Сейчас там, в годах и милях отсюда, крошечная фигурка женщины открывает микроскопичес-

кое окошко, чтобы прислушаться к песне другого эфемерно малого создания. Потерянное — безвозвратно потерянное, — упакованное в вату, подобно предметному стеклышку с каким-то образом, — одно весеннее утро на недоступной Земле.

А здесь, за множество черных миль оттуда — так далеко, что шестьдесят земных шариков можно было бы нагромоздить один на другой, готовя кол для его казни, — Вессон, заключенный в круг, наматывал свои бесконечные круги в этом круге. Но все же — и черная пропасть внизу, и Земля, и Луна, и все корабли и орбитальные станции вместе взятые, и Солнце со всеми его планетами — для космоса все это было не более чем понюшка табаку меж большим и указательным пальцами.

По другую сторону — вот где лежала подлинная бездна! Сверкающие сонмы галактик простирались в той непроглядной ночи, покрывая расстояния, что выражались бессмысленными числами, долгими тревожными криками: 0000000000000000...

Пробиваясь и прокрадываясь, прилагая нечеловеческие усилия, люди добрались аж до Юпитера. Но даже будь человек достаточно велик, чтобы лечь, обжигая подошвы на Солнце и остужая голову на Плутоне, он все равно остался бы слишком мал для той безграничной пустоты. Здесь, а не на Плутоне, находился самый дальний рубеж империи Человека. Именно здесь Внешний Мир как бы просачивался в воронку, чтобы встретиться с Человеком, будто в узкую серединку песочных часов. Здесь и только здесь два мира приблизились друг к другу, чтобы соприкоснуться. Мы и Они...

Но вот в самом низу приборной доски засветились золотые циферблаты — стрелки чуть дрогнули на своих осях.

Вниз, вниз, в глубокие баки заструилась золотистая жидкость. «С трудом преодолевая ужас и тошноту, я сумел взять пробу этого выделения. При последующем анализе выяснилось...»

Холодная, как сам космос, жидкость стекала по идеально стерильным стенкам трубок и скапливалась небольшими лужицами в полных тьмы сосудах, загадочно поблескивая золотом. Золотой эликсир. Одна капля этого драгоценного концентрата на двадцать лет задерживала старение. Придавала эластичность мышцам и сосудам, проясняла взгляд, возвращала цвет волосам, оживляла работу мозга.

Вот что выяснилось при анализе проб, взятых Паджоном. И вот какова завязка всей сумасшедшей истории «точек об-

мена с чужаками». Сначала — станция на Титане. А потом, когда люди лучше разобрались в ситуации — станция «Чужак».

Один раз в каждые двадцать лет невесть откуда являлся чужак. Являлся, чтобы сидеть в убогой клетке, которую мы для него соорудили, и дарить нам свою бесценную влагу. Дарить нам жизнь. А почему — мы так до сих пор и не узнали.

Вессон представлял себе это наделенное разумом огромное безобразное тело. Вот оно барахтается в ледяной черноте, вращается вместе со станцией и истекает холодным золотом в ждущие губы трубок. Кап. Кап. Кап.

Голова словно собралась разлететься на куски — и Вессон отчаянно ухватился за нее обеими руками. Постоянное давление не позволяло сосредоточиться. Мучительная тяжесть и боль. Боль.

— Тетя Джейн! — простонал он.

— Что, Поль? — Добрый, успокаивающий голос. Как у сиделки, что склоняется над твоей койкой, пока с тобой проделывают что-то страшно болезненное и нужное. Искусственное, но действенное утешение.

— Скажите, тетя Джейн, — спросил Вессон, — почему они все время возвращаются?

— Не знаю, — честно ответил голос. — Это и для меня загадка.

Вессон кивнул.

— Перед отлетом из «Дома», — сказал он, — я разговаривал с Говером. Знаете Говера? Шеф Комитета по Внешним Мирам. Пришел специально, чтобы со мной повидаться.

— И что? — ободряюще поинтересовалась тетя Джейн.

— Он сказал мне: «Вессон, надо кое-что выяснить. А именно — можем ли мы рассчитывать на пополнение запаса. Понимаете? Нас, — говорит он дальше, — теперь на пятьдесят миллионов больше, чем тридцать лет назад. Вещества требуется все больше и больше — и мы должны знать, можем ли мы на него рассчитывать. Вы, Вессон, сами знаете, — говорит он, — что будет, если приток остановится». А вы, тетя Джейн, знаете?

— Произойдет катастрофа, — ответил голос.

— Верно, — подтвердил Вессон. — Катастрофа. Как мне тогда сказал Говер: «Что будет, если люди в пустынях Нефуда окажутся отрезаны от властей Джордан-Велли? Черт возьми, они будут гибнуть от жажды по миллиону в неделю.

Или если грузовые корабли перестанут приходить на Лунную базу. Проклятье, будут миллионы погибших от голода и нехватки воздуха».

Он говорит: «Там, где есть вода, где можно раздобыть еду и воздух, люди обязательно осядут. Потом переженятся, начнут рожать детей... понимаете?»

Говорит: «Если приток так называемой сыворотки долголетия прекратится...» Говорит: «Сейчас каждый двадцатый взрослый обязан своей жизнью инъекции». Говорит: «А из них каждый пятый в возрасте ста пятнадцати лет и старше». Говорит: «За первый год смертность в этой группе будет по меньшей мере втрое больше той цифры, что указывается в страховых табелях».

Вессон поднял искаженное болью лицо.

— Мне тридцать четыре года, — вымолвил он. — А Говер заставил меня почувствовать себя младенцем.

Тетя Джейн изобразила сочувственный вздох.

— Капай, капай, — иступленно забормотал Вессон. Стрелки золотых индикаторов совсем немного, но приподнялись. — Каждые двадцать лет нам снова и снова будет требоваться эта золотая слизь. А значит, всякий раз бедолага вроде меня должен будет забираться сюда и принимать проклятые дары. И один из них тоже должен будет забираться сюда и источать нужную нам сыворотку. А почему, тетя Джейн? Чего ради? Какого черта их должно заботить, сколько мы будем жить? Почему они всякий раз возвращаются? Они-то что отсюда увозят?

Но ответов на свои вопросы Вессон так и не услышал.

Неделя за неделей круглые сутки в сером коридоре, что окольцовывал Первый сектор, непрерывно горели холодные огни. Твердое серое покрытие круговой тропы сильно поистерлось еще до того, как там первый раз прошел Вессон. Подобно дорожке в беличьем колесе, коридор только для этого и существовал. Казалось, он говорит: «Иди», — и Вессон ходил. Кто угодно свихнулся бы, сидя сиднем с такой жуткой, неопишущей тяжестью в голове, с таким зверски давящим обручем. Вессон шагал — неделя за неделей круглые сутки, пока не падал замертво на кушетку. Потом вставал и начинал снова.

Еще он беседовал — когда с исправно внимающей ему альфасетью, когда сам с собой. А порой трудно было разобрать с кем.

— ...Мхом не порастет, — бормотал он, шагая. — Сказал же, что не отдам двадцать мельниц за паршивую раковину... Камушки, камушки — всех цветов. — Потом шаркал молча. И вдруг: — Не понимаю, почему нельзя было оставить мне хотя бы кошку!

Тетя Джейн промолчала.

Вессон вскоре продолжил:

— Проклятье, ведь в «Доме» почти у каждого есть кошка или еще какая-нибудь золотая рыбка! С вами, тетя Джейн, хорошо. Но я вас не вижу! Ведь могли же гады оставить мужчине в компанию хотя бы кошку, если уж никак нельзя женщину... Господи, что я такое горожу? Я же всегда терпеть не мог кошек!

Вессон повернулся, прошел в спальню и рассеянно врезал разбитым кулаком в кровавое пятно на стене.

— И все-таки хотя бы кошку... — пробормотал он.

Тетя Джейн по-прежнему хранила гробовое молчание.

— Ладно! Ладно! Нечего делать вид, будто вашим сраным чувствам нанесен урон! Знаю я вас! Машина! Проклятая машина! — истерически проорал Вессон. Потом немного успокоился. — Слушайте, тетя Джейн. Я тут вот что вспомнил. Видел я как-то мешок из-под зерна — там была одна картинка. Ковбой на лошади. Картинка почти стерлась, и видны были только лица. В смысле — морды. И меня поразило, как же они похожи! На голове пара ушей, а между ними волосы. Два глаза. Нос. Рот с зубами. Я решил, что мы с лошадьми вроде дальних родственников. Но знаете что? Если поставить рядом вон ту тварь... — Вессон плюнул в потолок, — то мы с лошадьми просто кровные братья! Понимаете?

— Да, — тихо отозвалась тетя Джейн.

— И я все время спрашиваю себя, почему вместо человека нельзя было послать лошадь или кошку, будь она проклята. А ответ, судя по всему, таков: только человек может вынести то, что сейчас выношу я. Черт возьми, только человек! Так?

— Так, — с глубокой печалью подтвердила тетя Джейн.

Вессон снова остановился у двери в спальню и весь дрожал, прислонившись к косяку.

— Тетя Джейн, — глухим, но ровным голосом вдруг спросил он, — ведь вы его фотографируете? Да?

— Да, Поль.

— И меня вы фотографируете. А что потом? Когда все закончится, кто эти фотографии смотрит?

— Не знаю, — мягко ответила тетя Джейн.

— Ладно. Не знаете. Так вот. Кто-то их точно смотрит — но толку это не приносит. А мы должны выяснить, почему, почему, почему... Но так ничего и не выясним. Да?

— Да, — ответила тетя Джейн.

— Но разве там не понимают, что если тот, кто все это прошел, получил бы возможность увидеть чужака, то, быть может, и сумел бы поведать что-то важное? Ведь все мои предшественники так ничего толком и не рассказали. Разве я не прав?

— Тут, Поль, не мне судить.

Вессон испустил сдавленный смешок.

— Вот смеху-то! Нет, и правда забавно. Забавно? — Он вымученно смеялся, ковыляя по кругу.

— Да, Поль, забавно, — согласилась тетя Джейн.

— Скажите, тетя Джейн. Скажите, что случается с дежурным.

— Этого я вам сказать не могу, Поль.

Вессон ввалился в гостиную, сел за пульт управления и принялся молотить кулаками по гладкому холодному металлу.

— Кто ты? Что ты за чудовище? Что течет в твоих жилах? Кровь, будь она проклята? Масло? Что?

— Поль, пожалуйста...

— Как вы не понимаете? Я хочу узнать только, могут ли они говорить. Могут они по окончании дежурства хоть что-то сказать?

— Нет, Поль.

Вессон выпрямился, изо всех сил держась за пульт управления, чтобы не упасть.

— Не могут? Так я и думал. А знаете почему?

— Нет.

— Потому что мхом порастают, — туманно выразился Вессон.

— О чем вы, Поль?

— Мы меняемся, — сказал Вессон, снова выбираясь в круговой коридор. — Меняемся. Как железный брусок рядом с магнитом. И ничем тут не помочь. Вы, надо полагать, просто немагнитны. На вас это поле никак не влияет. Да, тетя Джейн? Вы не меняетесь. Остаетесь здесь и ждете следующего. Так?

— Так, — ответила тетя Джейн.

— А знаете, — медленно ковыляя по кругу, продолжал Вессон, — я даже могу сказать, как он там лежит. Голова — вон там. А хвост — вон там. Верно?

— Да, — подтвердила тетя Джейн.

Вессон остановился.

— Так, — сосредоточенно проговорил он. — Значит, вы можете показать мне, что вы видите наверху. Да, тетя Джейн?

— Да. Нет. Это запрещено.

— Послушайте, тетя Джейн! Мы погибнем, если не сможем выяснить, что заставляет чужаков даром отпускать нам свой эликсир! Погибнем, понимаете? — Вессон прислонился к стене коридора и снова уперся взглядом в потолок. — А теперь он поворачивается — вот сюда. Верно?

— Да, Поль.

— А еще что он делает? Скажите же наконец, тетя Джейн! Ну? Молчание. А потом:

— Он подергивает своим...

— Чем?

— Я не знаю такого слова.

— О Господи! — простонал Вессон, стискивая руками голову. — Ну конечно! Какие тут могут быть слова? — Потом он вбежал в гостиную, вцепился в пульт управления и воззрился на пустой экран. Отчаянно забарабанил кулаком по пульта. — Тетя Джейн! Вы должны мне его показать! Должны! Давайте же! Покажите!

— Поль, это запрещено, — запротестовала тетя Джейн.

— Отлично! А вы все равно должны это сделать! Должны, тетя Джейн! Иначе погибнут миллионы! Миллиарды! И виноваты будете вы! Вы, тетя Джейн! Понятно вам?

— Хорошо! — с болью отозвался голос. Потом наступила пауза. Экран засветился, но лишь на мгновение. Вессон успел разглядеть что-то большое и темное — но в то же время полупрозрачное, похожее на гигантское влажное насекомое. Клубок непонятных конечностей, каких-то волокон, крыльев, челюстей...

Вессон еще сильнее вцепился в пульт управления.

— Достаточно? — спросила тетя Джейн.

— Смеетесь? Да что вы думаете — я взгляну на него и тут же откину копыта? Давайте его, тетя Джейн, давайте его обратно!

Будто бы с неохотой экран снова вспыхнул. Вессон не сводил с него глаз и что-то тихо бормотал.

— Ну как? — поинтересовалась тетя Джейн.

— «Отвратно мне любимой существо», — невнятно процитировал Вессон, не сводя глаз с экрана. Наконец встал и отвернулся. Но образ чужака не выходил у него из головы, когда он

снова принялся наматывать бесконечные круги по коридору. Вессон несколько не удивился тому, что вид чужака напомнил ему сразу всех мерзких ползучих тварей, которые только населяли Землю. Вот, значит, почему дежурному не только запрещалось видеть чужака, но даже знать, как он выглядит. Это неизбежно возбудило бы в нем ненависть. Странно. Бояться чужака почему-то считалось в порядке вещей. А вот ненавидеть... Но почему? Почему? Руки его дрожали. Вессон чувствовал себя истощенным и выдохшимся, вываренным и высушенным. Одного душа в день, согласно распорядку тети Джейн, уже не хватало. Буквально минут через двадцать после купания кислый пот всюю сочился из подмышек, холодный пот крупными каплями выступал на лбу, а горячий пот обильно покрывал ладони. Вессону словно вмонтировали внутрь печь со сбитым регулятором температуры и наглухо закрыли все заслонки. Он знал, что нечто подобное обычно происходит под воздействием стресса — больше адреналина поступает в кровь, больше гликогена накапливается в мышцах. Ярче блестят глаза, а пищеварение замедляется. Тревожась и страдая, Вессон сам выжигал себя дотла, не способный ни справиться с мучившей его тварью, ни сбежать от нее.

На очередном круге Вессон споткнулся. Потом немного подумал и направился в гостиную. Снова склонился над пультом управления и посмотрел на экран. Чужак слепо вглядывался куда-то в бездну космоса. А стрелки золотых индикаторов заметно поднялись — баки были заполнены на добрых две трети.

...Справиться — или сбежать...

Вессон медленно опустился в кресло у пульта управления. Сидел он сгорбившись, понунив голову, крепко зажав ладони между коленей, и отчаянно пытался ухватить какую-то важную, но все ускользавшую мысль.

А что, если чужак испытывает такую же сильную боль, что и Вессон, или даже сильнее?..

Ведь стресс может нарушить биохимические процессы и в теле пришельца.

«Отвратно мне любимой существо».

Вессон отбросил неуместную мысль. Внимательно вглядываясь в экран, он стал пытаться представить себе чужака содрогающимся от боли и страдания — истекающим от ужаса золотым потом...

Позже Вессон встал и прошел в столовую. Там сразу пришлось ухватиться за край стола, чтобы ноги опять не понесли по кругу. Наконец он сел.

Нежно гудя, автоповар выдвинул на лоток небольшие стаканчики — минералка, апельсиновый сок, молоко. Вессон поднес к запекшимся губам стаканчик минералки. Холодная вода больно студила горло. Теперь сок. Его Вессон лишь отхлебнул, а потом маленькими глотками выпил молоко. Тетя Джейн одобрительно загудела.

Организм совсем обезвожен, подумал Вессон. Когда он последний раз ел или пил? Потом он взглянул на свои руки — иссохшие палочки, стянутые веревками вен, с твердыми желтыми клешнями на концах. Под прозрачной кожей ясно виднелись кости, а от сердцебиения вздрагивала вся грудь. Руки и бедра покрылись светлыми волосами. Светлыми — или совсем белыми?

Размытое отражение в зеркальной стене столовой тоже ничего определенного не поведало — лишь какие-то бледно-серые пятна. Вессон чувствовал легкое головокружение и страшную слабость — будто он только-только перенес приступ лихорадки. Ощупав плечи и грудь, он окончательно убедился, что чудовищно исхудал.

Еще несколько минут Вессон сидел перед автоповаром, но никакой пищи так и не появилось. Наверное, тетя Джейн сочла, что есть ему еще рановато, и скорее всего не ошиблась. «Им еще хуже, чем нам, — потрясенно думал Вессон. — Вот почему станция расположена так далеко. Вот зачем радиомолчание и только один человек на борту. Иначе бы им просто не выдержать...» Потом вдруг накатил сон — и ни о чем другом он уже думать не мог. Провалиться в бездонный колодец, закутаться в мягкий стелющийся бархат умиротворяющего мрака... На трясущихся ногах Вессон доплелся до спальни и рухнул замертво. Упругая кушетка, казалось, растворяется под его тщедушным телом. Кости словно таяли...

Вессон проснулся в той же немощи, но с ясной головой. Мелькнула трезвая и отчетливая мысль: «Когда две чуждые цивилизации сталкиваются, сильная должна одолеть слабую любовью или ненавистью».

— Закон Вессона, — пробормотал он. Машинально стал искать карандаш и бумагу, но, естественно, не нашел. Тогда ста-

ло ясно, что надо всего-навсего сказать тете Джейн, чтобы запомнила.

— Не понимаю, — заметила машина.

— И не надо. Главное — запомните. Хотя бы это вы можете?

— Да, Поль.

— Вот и хорошо... пожалуй, я бы позавтракал.

Вессон подумал о тете Джейн. Почти человекоподобная по разуму женщина — сидит в своей металлической тюрьме и ведет одного человека за другим по бесконечным кругам адских страданий... Сестра-сиделка, защитница, мучительница... Наверняка в Бюро догадываются, что какой-то подвох тут найдется... Но альфа-сети еще слишком новы, никто в них толком не разбирается. И все же наверняка думали, что абсолютный запрет тетя Джейн ни за что не нарушит.

«...Сильный должен одолеть слабого любовью или ненавистью...»

«Я сильный, — сказал себе Вессон. — Так оно будет и впредь».

Он опять остановился у пульта управления, но экран был пуст.

— Тетя Джейн! — сердито буркнул он.

Экран тут же как-то виновато засветился.

Чужак снова корчился от боли. Теперь огромные глаза напряженно смотрели прямо в камеру. Извивающиеся конечности отчаянно колотили по полу. В пристальных глазах — мольба и страдание.

— Нет! — выкрикнул Вессон, ощущая, как обруч еще сильнее стягивает горящую голову. — Нет! — И ударил кулаком по кнопке. Экран погас. Истекая потом, Вессон поднял взгляд и увидел цветочный орнамент.

Толстые стебли напоминали антенны, листья — грудную клетку. Бутоны же походили на слепые глаза гигантского насекомого. Вся картинка медленно и безостановочно ползла по стене, увлекая за собой и взгляд.

Не замечая струящегося по лицу холодного пота, Вессон что было силы вцепился в холодный металл пульта и не сводил глаз с картинки, пока орнамент снова не превратился в обычное, ничего не значащее переплетение линий. Потом на трясущихся ногах прошел в столовую.

Отдышавшись немного, Вессон спросил:

— Тетя Джейн, скажите, будет еще хуже?

- Нет. Начиная с этого времени обычно становится лучше.
- Сколько еще? — еле слышно спросил он.
- Один месяц.

Один месяц, улучшение... Вот, значит, как это всегда бывает. Когда дежурный окончательно засосан в это болото и его личность полностью подавлена. Вессон подумал о всех своих предшественниках. Да, повышение до седьмого разряда, неограниченный досуг и вид на жительство по первому классу. Ясно где. В сумасшедшем доме.

Зубы сами оскалились, а кулаки изо всей силы сжались. «Нет! — мысленно крикнул Вессон. — Только не я!»

Потом приложил ладони к холодному металлу, чтобы унять дрожь, и спросил:

- А до какого времени они обычно могли разговаривать?
- Вы уже разговариваете дольше любого из них...

Дальше — провал. Вессон смутно, какими-то урывками со-знавал, как мимо движутся гладкие стены коридора, изредка замечал пульт управления и грозовую тучу мыслей, что отчаянно били крыльями над его головой. Чужаки — чего они доби-ваются? Что происходит с дежурным на станции «Чужак»?

Потом туман немного рассеялся — и Вессон снова пришел в себя в столовой, отсутствующим взглядом упираясь в стол. Тут же пришла мысль: *что-то не так*.

Вессон съел несколько ложек любезно предложенной авто-поваром овсянки — и оттолкнул тарелку. Какой-то неприятный привкус. Машина обеспокоенно загудела и вытолкнула на лоток очищенное вареное яйцо, но Вессон встал из-за стола.

На станции царил мертвая тишина. Затихло даже умиротво-ряющее гудение сервосистем, что тихонько пульсировали в сте-нах. Залитая голубоватым светом гостиная распростерлась перед ним подобно пустой театральной сцене, и Вессон усталился на нее так, будто видел впервые.

Потом нетвердыми шагами допелся до пульта управления и стал разглядывать чужака. Тяжелый, неимоверно тяжелый, корчащийся от боли в крошечной тьме. Стрелки золотых ин-дикаторов поднялись чуть ли не до упора — баки почти за-полнены. «Ему уже совсем кисло», — с угрюмым злорадст-вом подумал Вессон. Последовавшее за болью облегчение все еще потрясало землянина. Слишком долгой и страшной была боль!

Потом он снова взглянул на картинку над пультом управления. Тяжелые клешни омара живописно покачиваются в голубом море...

Вессон ожесточенно затряс головой: «Нет! Не допущу! Не сдамся!» Потом тыльной стороной поднес к самым глазам собственную ладонь. А там — десятки крохотных морщинок под костяшками, пробивающиеся повсюду бледные волоски, розовая блестящая кожа свежих шрамов. «Я еще человек», — подумал Вессон. Но стоило руке опуститься на пульт управления, как костистые пальцы сомкнулись, будто клешня омара.

Истекая потом, Вессон уставился на экран. Чужак уставился на него в ответ — и они словно заговорили друг с другом. Непосредственно от мозга к мозгу передавалось некое сообщение, для которого не требовалось слов. И было в этом какое-то пронзительное наслаждение. Вот она, поглощающая с головой и растворяющая в себе радость изменения, перехода в то, что уже не почувствует боли... Зов. Импульс.

Вессон медленно и осторожно выпрямился, будто в голове у него находилось что-то хрупкое. Осторожно! Не кантовать! Потом прохрипел:

— Тетя Джейн!

Машина что-то прогудела.

Вессон продолжил:

— Тетя Джейн! Я нашел ответ! Ответ окончательный! Сейчас. Вот, слушайте. — Он помедлил, собираясь с мыслями. — «Когда две чуждые цивилизации сталкиваются, сильная должна одолеть слабую любовью или ненавистью». Помните? Вы еще сказали, что не понимаете. Так я скажу вам, что это значит. Когда эти... эти чудища столкнулись с Паджоном на Титане, они сразу поняли, что столкнуться нам придется еще не раз. Они развиваются вширь, осваивают новые миры — так же как и мы. Пока еще мы не овладели межзвездными полетами, но дать нам какую-нибудь сотню лет — и мы их освоим. А тогда мы доберемся до этих тварей. И они нас не смогут остановить. И знаете, тетя Джейн, почему? Потому что они не убийцы. Это в них просто не заложено. Они тоньше нас. Понимаете, они как бы сказочные богачи, а мы — что-то вроде дикарей с островов Океании. Они не убивают своих врагов. Нет, Боже упаси!

Тетя Джейн все пыталась что-то сказать, вмешаться, но Вессон не обращал на нее внимания.

— Слушайте же! Сыворотка долголетия — просто счастливое совпадение. Но они с успехом его использовали. Вкрадчивые и обходительные, они прилетают и запросто одаривают нас драгоценным эликсиром, ничего не требуя взамен. А знаете почему? Слушайте же!

Чужак прибывает сюда, и потрясение от контакта с человеком заставляет его источать столь нужную нам золотистую бурду. Но на последнем месяце боль неизменно утихает. Почему? А потому, что два разума — человеческий и инопланетный — прекращают свою неистовую схватку. Что-то лопается, выходит наружу — и происходит смещение. Вот где начинаются потери человека от всей этой операции! Тот, кто выходит отсюда, на человеческом языке уже разговаривать не способен. Думаю, впрочем, что все мои предшественники по-своему счастливы. По крайней мере, счастливей меня. Ведь у себя внутри они обрели что-то огромное и важное. Что-то такое, чего нам с вами даже не представить. И если теперь их снова поместить сюда, к чужаку, они легко смогут ужиться. *Они адаптированы друг к другу.* Вот на что рассчитывают эти твари!

Вессон треснул кулаком по пульту управления.

— Вот куда они метят! Не сейчас. А лет через сто — двести. Когда мы доберемся до звезд и начнем завоевание, вдруг выяснится, что мы сами уже завоеваны! Без всякого оружия! Без ненависти, тетя Джейн! Любовью! Да-да, любовью! Грязной и подлой, смрадной и вкрадчивой любовью!

Тетя Джейн что-то встревоженно пищала.

— Что? — не разобрав ни слова, переспросил Вессон.

Тетя Джейн умолкла.

— Ну что там у тебя, что? — заорал Вессон, молотя кулаком по пульту управления. — Дошло до твоей паскудной оловянной башки или нет? В чем дело?

Тетя Джейн, уже без выражения, произнесла что-то еще. Вессон опять не разобрал ни единого слова.

И вдруг он словно окаменел. Горючие слезы потекли по щекам.

— Тетя Джейн... — захлебываясь, начал Вессон. И тут же вспомнил: «Вы уже разговариваете дольше любого из них». Поздно! Слишком поздно! Выскочив из кресла, он бросился к шкафу со старомодными бумажными книгами. Судорожно выхватил первую попавшуюся.

Все страницы оказались заполнены совершенно незнакомыми ему черными каракулями, похожими на корчащиеся фигурки.

Слезы хлынули ручьем — слезы усталости, слезы разочарования, слезы ненависти. Вессон ничего не мог поделать.

— Тетя Джейн! — проревел он.

Тщетно. Пучина безмолвия скрыла его с головой. Вот он и сделался представителем обновленного человечества — одним из тех, что смогут ладить со своими собратьями-чужаками. Там, среди чужих звезд.

Пульт управления не работал. Отныне для Вессона здесь ничего не работало. Голый, он скорчился в душевой с металлической супницей в руках. На теле поблескивали капельки влаги. Бледные волоски сохли и поднимались.

На серебристом боку супницы видно было какое-то смутное очертание. Своего лица Вессон разглядеть не смог.

Тогда он бросил супницу и пошел через гостиную в круговой коридор, вороша ногами кучи бумаги. Когда взгляду его случалось задержаться на испещрявших бумагу черных линиях, они напоминали ему червей. Бессмысленные ползучие твари. Остекленевшие глаза смотрели вперед. А голова то и дело дергалась — бесполезное движение, прежде позволявшее чуть умерить боль.

Однажды на пути у Вессона встал Говер.

— Ты придурок, — злобно прошипел шеф Бюро. — От тебя требовалось дойти до конца, как делали все остальные. А теперь смотри, что ты натворил!

— Что я натворил? Ведь я все выяснил! — рявкнул в ответ Вессон. Но стоило ему смахнуть Говера в сторону, будто паутинку, как боль вдруг вернулась. Вессон громко застонал, стиснул руками голову и принялся раскачиваться взад-вперед. Потом нашел в себе силы выпрямиться и пойти дальше. Боль накатывала теперь высоченными валами — захлестывала и била. В глазах стоял туман. Сначала лиловый. Потом серый.

Больше он так не может. Что-то должно лопнуть.

Вессон остановился у кровавого пятна на стене и в очередной раз врезал по нему кулаком — глухой звон разлетелся по всему Первому сектору.

Назад вернулось еле слышное эхо.

Вессон продолжил свой путь с безумной улыбкой на вялых губах. Теперь он только следил за временем и ждал. Что-то должно произойти.

Дверной проем столовой вдруг отрастил приступок и поставил ему подножку. Вессон тяжело рухнул, проскользил по гладкому полу и замер без движения под лукаво помигивающим автоповаром.

Давление было невыносимо. Звон в ушах заглушал пыхтение автоповара, а высокие серые стены медленно покачивались...

Да нет же! Раскачивалась вся станция!

Вессон ощутил это всем телом — вот пол чуть отодвинулся, а потом качнулся обратно.

Страшная боль в голове немного ослабила свою звериную хватку. Вессон попытался встать.

Вся станция гудела наэлектризованной тишиной. Со второй попытки Вессон встал и привалился к стене. Автоповар вдруг истерически затрепал. Хлопнул раздаточный клапан, но на лотке ничего не появилось.

Вессон изо всех сил прислушивался, сам не зная к чему. К чему?

Станция тряслась под ним, отчего и Вессон дергался, будто, марионетка. Стена крепко хлопала его по спине — то содрогалась, то затихала. Но вот откуда-то издалека по всей металлической клетке разнесся долгий и яростный металлический скрежет, что долго вторился и наконец затих. Воцарилась мертвая тишина.

Станция словно затаила дыхание. Затихли мириады разных щелчков и шорохов в стенах. По пустым комнатам лампы разливали ослепительный желтый свет. Воздух недвижно застыл. На пульте управления в гостиной, будто колдовские огни, светились индикаторные лампочки. Вода в супнице, брошенной на полу душевой, блестела, как ртуть. Все вокруг словно чего-то ожидало.

И вот третий удар. Вессон оказался на четвереньках — сотрясение пересчитывало ему ребра, пока он упирался тупым взглядом в металлический пол. Заполнивший комнату грохот медленно глож, убегая прочь. Станция гремела, как пустая консервная банка, а звук сотрясал плиты и перекрытия, пробежал по всем соединениям, тряс арматуру — бежал и бежал прочь, слабей... совсем слабей... почти бесшумный... исчез. Снова со всех сторон давила тишина.

Но вот пол опять больно подскочил под Вессоном — один могучий удар, потрясший все тело.

Несколькими секундами позже пришло приглушенное эхо этого удара. Сотрясение словно пропутешествовало с одного конца станции на другой..

«В спальню», — мелькнула смутная мысль, и Вессон на четвереньках пополз по наклонному полу. Миновал дверной проход — и вот наконец желанная кушетка.

Тут прямо на глазах у Вессона комната взметнулась куда-то вверх — так, что его тело оказалось целиком впрессовано в упругий блок. Потом комната так же бешено рухнула вниз. Вессон беспомощно подпрыгивал на кушетке — руки и ноги летали как бы сами по себе. Потом, после очередного металлического скрежета, все успокоилось.

Вессон перекатился на бок и приподнялся на локте. Новые бессвязные мысли: «Воздух... воздух... переходной шлюз». Очередной удар вмял его в кушетку и окончательно сбил дыхание, а вся комната тем временем нелепо и страшно плясала у него над головой. Лежа в звенящей тишине и отчаянно пытаюсь глотнуть хоть немного воздуха, Вессон вдруг почувствовал, как ледяной холод начинает заполнять комнату... И еще какой-то резкий запах. «Аммиак!» — вдруг понял Вессон. А вместе с аммиаком и лишенный запаха гибельный метан.

Отсек проломлен. И теперь сюда из Второго сектора поступает смертельная для любого человека атмосфера чужака.

Вессон поднялся на ноги. Но очередной удар тут же швырнул его на пол. Вконец одуревший и избитый, он снова поднялся. Опять бессвязные мысли: «Переходной шлюз... выбраться... выбраться...»

На полпути к двери вдруг погасло все освещение. Вессону будто накинули на голову черный мешок. В гостиной уже свирепствовал лютый холод, а запах, и без того резкий, стал еще острее. Надрывно кашляя, Вессон заторопился вперед. Пол раскачивался у него под ногами.

На пульте управления горели теперь только золотые индикаторы. Глубокие баки наполнились до краев — на месяц раньше срока. Вессон передернулся.

В душевой вовсю текла вода — шипела, брызгала на кафель и с шумом разбивалась о пластиковую чашу в центре кабинки. Свет мигнул и снова погас. В столовой громко пыхтел и шелкал автоповар. А леденящий ветер задувал все яростнее — Вессон совсем окаменел от холода. Ему вдруг почудилось, что он

вовсе не высоко-высоко в небе, а глубоко на дне моря — заперт в стальном пузыре, где все вокруг заливают густая тьма.

Головная боль прошла, будто и не бывало. Вессон понял, что это значит. А значит это, что там, наверху, громадное тело чужака висит теперь, будто туша в мясницкой. Единоборство закончилось, смертельный удар нанесен.

Вессон отчаянно глотнул смрадного воздуха и что было силы завопил:

— Помогите! Чужак мертв! Он разворотил станцию — сюда поступает метан! Помогите, слышите? Да слышите вы меня или нет?

Молчание. И тут, в удушливом мраке, он вспомнил: «Она уже не может меня понять. Даже если слышит».

Тогда Вессон испустил из самой утробы какой-то звериный рев и ошупью выбрался в круговой коридор. За стенами что-то медленно капало и позвякивало. Под ногами шуршала бумага. Мир наполнился одинокими ночными звуками. Наконец Вессон наткнулся на ровный металлический изгиб. Вот он, переходной шлюз.

Всем телом Вессон навалился на проклятую дверцу. Дверца не подалась ни на миллиметр. Ледяной воздух свистел из щелей, но сама дверца стояла насмерть.

Скафандр! Ну конечно! Почему же он раньше не вспомнил? Хоть немного глотнуть свежего воздуха и чуть-чуть отогреть пальцы. Но дверца шкафа со скафандром тоже не подалась. Наверное, перекосило.

«Вот и все, — отупело подумал Вессон. — Больше наружу никак не выбраться. Но должен же быть выход...» Он принялся молотить кулаками по двери, пока руки не повисли как плети. А дверца так и не подалась. Привалившись спиной к холодному металлу, Вессон глазел на единственный мерцающий у него над головой огонек сигнальной лампочки.

А в гостиной плясали безумные тени. Книжные листы трепетали и бились в воздушных потоках. Целыми стаями бешено бросались на стены, падали, сбивались в кучи и начинали сначала. Другие устремлялись в путь по внешнему коридору — круг за кругом. Вессон видел, как они яростно рвутся вперед — призрачный бумажный поток во тьме и безмолвии.

Едкий запах все больше обжигал носоглотку. Задышавшись, Вессон опять ошупью пробирался к пульту управления. Потом стал

колотить по нему ладонью и слабо кричать — ему безумно хотелось увидеть Землю.

Но когда маленький квадратик засветился, Вессон увидел лишь мертвое тело чужака.

Труп неподвижно висел, заполняя собой весь Второй сектор. Конечности окостенело торчат в разные стороны. Огромные глаза не выражают ничего. Все для чужака уже кончено — последняя капля переполнила чашу. А Вессон сумел его пережить...

На считанные минуты.

Мертвая голова словно насмехалась. Откуда-то из глубин памяти вдруг всплыл чей-то шепот: «Мы могли бы стать братьями...» И Вессону страстно захотелось в это поверить. Захотелось вернуть все назад и сдаться. Потом прошло. Словно в смрадном болоте, Вессон бессильно вяз в горестном «теперь» и со слабым оттенком вызова думал: «Дело сделано. Ненависть побеждает. Опасаясь повторения случившегося, вы больше не станете рисковать и прекратите щедрую раздачу. Тогда-то мы вас и возненавидим. И стоит нам только добраться до звезд...»

Мир оцепенело уходил из-под рук. Вессон чувствовал, как последний приступ кашля сотрясает его тщедушное тело. Но все это уже было не с ним — с кем-то другим, кто падал сейчас лицом на пульт и прижимался мертвой щекой к ледяному металлу.

Последние листы бумаги послушно улеглись на пол. В заполненном новой атмосферой секторе наступила долгая тишина.

И вдруг:

— Поль! — надрывно позвал голос металлической женщины. — Поль... Поль... — снова и снова повторяла машина с безнадежностью утраченной, неизвестной, невозможной любви.

СЮЖЕТНЫЙ ПОВОРОТ

1

Была суббота, теплый весенний денек, и Джонни Борниш провел все утро в Центральном парке. Рисовал моряков, лежавших с девушками на травке, рисовал стариков в соломенных шляпах и весельчаков, толкавших свои тележки. Успел сделать два мгновенных наброска ребятишек у пруда с игрушечными лодочками и сделал бы еще один, просто прелестный, если бы не чей-то здоровенный дог. Играя, пес наскочил на Джонни и заставил его со всего размаху сесть прямо в воду.

Ясноглазый пожилой джентльмен с важным видом помог художнику встать. Джонни поразмыслил над случившимся, затем отжал в мужском туалете мокрые штаны, снова натянул их и развалился на солнышке, будто морская звезда. Он высох раньше, чем его альбом, так что Джонни сел на автобус обратно в деловую часть, сошел на Четырнадцатой улице и забрел к Майеру.

Единственный попавшийся на глаза продавец демонстрировал некой твидовой даме замысловатый складной мольберт — дама, похоже, понятия не имела, с какого конца за мольберт хвататься. Джонни взял из стопки на столике нужный ему альбом и немного послонялся вокруг да около, разглядывая манекены, бумажные палитры и другие приманки для любителя. Он заметил в другом проходе занятые текстурированные листы и попытался подобраться к ним поближе, но, как обычно, не рассчитал разворот своих костлявых коленей и обрушил целую пирамиду баночек с красками. Пританцовывая

и отчаянно стараясь сохранить равновесие, он умудрился опустить ногу под каким-то немыслимым углом, вмял крышку одной из баночек и к черту-дьяволу расплескал повсюду алую эмаль.

Лишившись дара речи, он молча заплатил за краску и вышел. После чего обнаружил, что где-то посеял альбом. Бог, судя по всему, не благоволит к тому, чтобы Джонни сегодня вообще делал наброски.

Кроме того, Джонни оставлял за собой на тротуаре небольшие алые следы. Вытащив из мусорной урны газету, он с грехом пополам потер ботинок и зашел в кафе-автомат выпить чашечку кофе.

Кассир сцапал его доллар и выложил на мраморный прилавок два ряда волшебных даймов — все они дружно звенели, будто злобные металлические насекомые. В ладони у Джонни они повели себя как живые, один из них выпрыгнул, но Джонни стремительно рванулся и поймал дайм прежде, чем тот оказался на полу.

Победоносно раскрасневшись, Джонни пробил себе дорогу к разливочному автомату, поставил чашечку под краник и опустил в щель свой дайм. Из краника хлынула струйка кофе, наполнила чашечку и продолжала течь.

Джонни какое-то время просто наблюдал. Кофе продолжал переливаться через край чашечки — слишком горячий, чтобы дотронуться; он расплескивался по металлической решетке и, булькая, стекал вниз.

Седовласый степенный мужчина оттер Джонни от автомата, взял с полки чашечку и безмятежно наполнил ее под краником. Примеру седовласого последовал кто-то еще, а вскоре там уже собралась целая толпа.

В конце концов, это ведь его дайм. Джонни взял другую чашечку и стал дожидаться своей очереди. Тут в толпу яростно ворвался сердитый мужчина в белом халате, и Джонни услышал, как он что-то выкрикивает. Вскоре толпа стала рассасываться.

Струйка оборвалась. Мужчина в белом халате взял самую первую чашечку Джонни, опорожнил ее, поставил на тележку с грязной посудой и ушел.

Очевидно, Бог не благоволил и к тому, чтобы Джонни выпил хоть немного кофе. Джонни просвистел несколько задум-

чивых тактов из «Диски» и отправился восвояси, глядя в оба, чтобы избежать новых бед.

У тротуара в лучах солнца стояла большая ручная тележка, пылавшая желтыми бананами и красными яблоками. Джонни удержал свой порыв.

— Ох, нет, — пробормотал он, непреклонно развернулся и осторожно направился по авеню, поглубже засунув руки в карманы. В такой день, какой, похоже, вырисовывался, и подумать было страшно, что он может вытворить с полной фруктов ручной тележкой.

А как насчет того, чтобы это нарисовать? Полуабстракция — «А жизнь все идет». Летающие мандарины, зеленые бананы, пыльный конкордский виноград, запечатленные захлопнувшимся глазом художника. Сезанн, из собрания Стюарта Дэвиса. Вот, черт возьми, было бы неплохо!

Джонни даже видел картину, грубую и обрывочную, где-то 36 на 30 (ему снова пришлось бы заглянуть к Майеру или еще куда-нибудь — за подрамниками) — краски, приглушенные на фиолетовом фоне, но все же кричащие друг на друга, будто орава попугаев. Тут и там черные контуры, вплетающиеся в картину нечто вроде абсурдистского ковра. Никакой глубины, никакой светотени — ровная расцветка пасхальных яиц, сияющая столь же загадочно, как Пэрриш, разрезанный на кусочки составной картинки. Обрамить все это белым с зеленовато-серым оттенком — ух ты! А подать сюда Музей современного искусства!

Бананы, решил Джонни, будут вот так разлетаться на переднем плане — изогнутые, как бумеранги. Сделать пожилых дам из ошкошской парусины. Такой интенсивный маслянисто-желтый, переходящий в ядовито-зеленый... Джонни рассеянно вытянул указательный палец и ткнул один из ближайших фруктов, ощущая, как меловая плоскость выгибается к сухому и твердому стеблю.

— Сколько, Мак?

На мгновение Джонни подумалось, что он описал круг по кварталу и вернулся к знакомой тележке, затем художник увидел, что тут одни бананы. Джонни оказался на углу Одиннадцатой улицы; слепой и глухой ко всему, он миновал три квартала.

— Не надо бананов, — торопливо выговорил Джонни, пятясь от тележки.

Тут сзади раздался визг. Художник обернулся — твидовая дама гневно сверкала на него глазами, размахивая необъятным чемоданом.

— Вы что, не видите, куда...

— Простите, мэм, — выговорил Джонни, отчаянно пытаясь сохранить равновесие. Затем он все же сверзился с края тротуара, ухватившись за ручную тележку. Что-то скользкое вылетело из-под ноги. Джонни катился, как кегельный шар, вперед ногами к единственному столбику, что поддерживал другой конец тележки...

Первым, кого он заметил, когда сел там по грудь в бананам, если не считать проклинавшего Джонни торговца, который из последних сил удерживал тележку, был шустрый седовласый джентльмен, стоявший в первом ряду оживленной толпы.

Тот самый, что?..

А если подумать, то и твидовая дама?..

Чушь.

Все то же самое, вдруг щелкнуло в голове у Джонни. Через десять невнятных минут он стоял, задыхаясь, на коленях у себя дома перед шкафом и вытаскивал оттуда необрамленные картины, обувные коробки, полные писем и выдавленных тюбиков из-под краски, туристский топорик (для растопки), старые свитера и заплесневелые журналы, пока не обнаружил выдавший виды чемодан.

В этом чемодане, под неаккуратными стопками набросков и акварелей, хранилась небольшая картонная папка. В папке лежали две газетные вырезки.

Одна вырезка из «Пост» трехлетней давности: там был запечатлен Джонни, стоящий на одной ноге в позе свихнувшегося фламинго, обтекаемый потоком воды из гидранта, который тогда как раз открыли сорванцы с Третьей авеню. Другая, из «Джорнэл», датировалась двумя годами раньше: там Джонни, казалось, мечтательно прогуливается вверх по стене, на самом же деле он только что поскользнулся на заледеневшей улице в районе Сороковых.

Не веря своим глазам, он несколько раз моргнул. На заднем плане первой фотографии виднелось с полдюжины фигур, в основном дети.

Среди них — твидовая дама.

На заднем плане второй фотографии присутствовал лишь один человек. Седовласый старичок.

Хорошенько поразмыслив, Джонни понял, что страшно напуган. На самом деле ему никогда не нравилось изображать клоуна, у которого рубашка вечно попадает в ширинку, который намертво застревает в лифтах и дверях-турникетах и без конца спотыкается на булыжнике. Джонни кротко принимал все это как свою горькую долю, а в перерывах между бедствиями у него находилась масса поводов посмеяться.

Но если предположить, что все это с ним проделывали?

Большая часть таких происшествий была вовсе не смешна, с какой стороны ни глянь. Раз получилось, что водитель автобуса зажал дверью ногу Джонни и тащил его метра три, отчего бедняга прыгал по мостовой. Серьезных ушибов Джонни тогда не досталось, но что, если бы его вовремя не заметил тот пассажир?

Художник снова осмотрел вырезки. Вот они, знакомые все лица, и даже одежда та же самая, если не считать того, что старичок был в пальто. Даже выцветшие полутона передавали хищный блеск его очков, а острый клюв твидовой дамы смотрелся почище ястребиного. Жуть!

Джонни стал душить панический страх. Он почувствовал себя человеком, беспомощно ожидающим развязки давнего дурного анекдота, или мышью, с которой забавляется кошка.

Дальше должно случиться что-то совсем скверное.

Дверь открылась, кто-то вошел в комнату. Джонни поднял напряженный взгляд, но это оказался всего-навсего Герцогдюжий, в заляпанной краской нижней рубаше, с пережеванной сигаретой в уголке рта. Привычные залихватские усы Герцога в стиле Эррола Флинна и пара черных, типа «чей ты оруженосец?», бровей теперь соседствовали с мехом суточной щетины. Вероломен, умен, задирист, изобретателен, умеет внушать доверие, великий скандалист и соблазнитель женских сердец, короче, один к одному Челлини, если не считать того, что таланта у него ни на грош.

— Прячешься? — спросил Герцог, показывая клыки.

До Джонни понемногу дошло, что, увидев его скорчившимся в таком виде перед шкафом, можно подумать, что он собирается нырнуть туда и натянуть на голову пальто. Он судорожно поднялся, хотел сунуть руки в карманы и обнаружил, что все еще держит вырезки. Слишком поздно. Герцог аккуратно отобрал вырезки у Джонни, изучил их критическим оком, а затем с серьезной миной взглянул на товарища.

— Не слишком лестные документы, — заметил он. — У тебя что, кровь на лбу?

Джонни пощупал лоб, на пальцах осталось чуть-чуть красного.

— Я упал, — неловко пояснил он.

— Мальчик мой, — сказал ему Герцог, — с тобой что-то случилось. Исповедуйся своему старому дядюшке.

— Да я просто... Знаешь, Герцог, я занят. Тебе что-нибудь нужно?

— Только одно — быть твоим верным советником и проводником, — заверил Герцог, надежно впредссывая Джонни в кресло. — Просто откинься на спинку, расслабь все сфинктеры и скажи первое, что придет в голову. — Он явно ждал ответа.

— Уфф, — выдохнул Джонни.

Герцог умудренно кинул.

— Висцеральная реакция. Ты экзистенциалист. Хочешь избавиться от самого себя — убраться подальше. Скажи, когда ты идешь по улице, тебе не кажется, что здания с обеих сторон вот-вот начнут сходитьсь? Не преследуют ли тебя зеленые человечки, что появляются из разных деревяшек? Не испытываешь ли ты всеподавляющую потребность оставить город?

— Испытываю, — искренне ответил Джонни.

Герцог, похоже, удивился.

— И что же? — спросил он, разведя руками.

— Куда мне отправиться?

— Я рекомендую солнечный Нью-Джерси. Интереснейшая штука — у каждого городишки свое название. Их миллионы. Выбирай любой. Хакенсак, Перт-Амбой, Пассейик, Тинек, Нью-арк? Нет? Ты совершенно прав, слишком соблазнительно. Дайка подумать. Дальше на север? Провинстаун. Мартас-Вин-Ярд — в это время года там чудно. Или Флорида. Я уже вижу, Джонни, как ты сидишь на солнышке у сгнившей пристани и ловишь трахинотусов на гнутую булавку. Мирный, размякший, свободный от забот...

Джонни ворошил в кармане мелочь. Художник не знал, что у него в бумажнике — таких подробностей он никогда не знал, — но был уверен, что маловато.

— Герцог, а ты случайно не видел Теда Эдвардса? — с надеждой спросил он.

— Нет. А что?

— Гм. Он должен мне немного денег, вот и все. Сказал, что отдаст сегодня или завтра.

— Если дело в деньгах... — мгновение спустя произнес Герцог. Джонни с недоверием на него взглянул.

Герцог доставал из кармана засаленный бумажник. Щелкнув кнопкой, он вдруг помедлил.

— Джонни, а ты правда хочешь выбраться из города?

— Ну да, конечно, только...

— Зачем тогда вообще друзья, Джонни? Просто обидно. Пятьдесят хватит?

Герцог отсчитал деньги и сунул их в онемевшую ладонь Джонни.

— Ни слова. Дай я запомню тебя таким, какой ты есть. — Он изобразил рамку и прищурился. Затем вздохнул, взял потрепанный чемодан и с неимоверной энергией принялся за работу, запихивая туда вещи из платяного шкафа. — Рубашки, носки, нижнее белье. Галстук. Чистый носовой платок. Вот и чудно. — Он закрыл крышку. Затем, пожав руку Джонни, стал подталкивать его к двери. — «Не думай, что все это было прекрасно, ведь так не бывало. По жизни плывем в океане — плывем, говоря лишь друг с другом. Лишь голос и взгляд, затем только тьма и молчанье».

Джонни вдруг уперся.

— В чем дело? — осведомился Герцог.

— Я только что понял — сейчас не могу. Отправлюсь вечером. Возьму билет на последний поезд.

Герцог выгнул брови.

— Но чего ждать, Джонни? Коси траву, пока солнце. Куй железо, пока горячо. Время не ждет.

— Они увидят, как я уезжаю, — растерянно ответил Джонни.

Герцог нахмурился.

— Хочешь сказать, тебя и впрямь преследуют зеленые человечки? — Лицо его вдруг задергалось, и Герцог с трудом восстановил неподвижность своей физиономии. — Что ж, тогда... извини. Минутное затмение. Но видишь ли, Джонни, тогда тебе никак нельзя терять время. Если тебя преследуют, они должны знать, где ты живешь. Почему ты так уверен, что они сюда не заявятся?

Джонни, пытаясь и заливаясь краской, так и не смог придумать подходящего ответа. Поначалу он хотел скрыться под покровом темноты, но тогда еще по меньшей мере пять часов...

— Послушай, — вдруг сказал Герцог. — Я знаю, что делать. Бифф Фельдстайн, он же работает в Черри-Лейн! Тебя родная мать не узнает. Подожди здесь.

Через пятнадцать минут он вернулся с охапкой старой одежды и предметом, который при ближайшем рассмотрении оказался небольшой рыжеватой бородкой.

Джонни безропотно ее нацепил, используя клей из тюбика, также принесенного Герцогом. Герцог помог художнику влезть в лоснящуюся от жира потрепанную куртку непонятного цвета и нахлобучил ему на голову берет. В результате Джонни предстал в зеркале перед собственным испуганным взглядом как шарлатан прежних времен из Виллиджа или торговец французскими почтовыми открытками. Герцог критически его осмотрел.

— Впечатляет, хоть сейчас и не война, — заметил он. — Впрочем, красиво жить не запретишь. Allons! Я трава — я все покрываю!

Торопливо направляясь к Шестой и крепко держа Джонни под локоть, Герцог вдруг остановился.

— Ха! — воскликнул он. Затем нагнулся и что-то подобрал.

Джонни перевел стеклянный взгляд спутнику на ладонь. Там лежала пятидолларовая банкнота.

Герцог спокойно убрал находку в бумажник.

— И часто у тебя так? — спросил Джонни.

— Все время, — ответил Герцог. — Надо только смотреть в оба.

— Удача, — слабо прошептал Джонни.

— И не думай, — возразил ему Герцог. — Поверь на слово более старшему и более умудренному. В этом мире ты сам кузнец своей удачи. Подумай о Ньютоне. Вспомни об О'Дуайере. Что? Рука застряла в банке с вареньем? Вы спрашивали об этом. А твоя беда в том...

Джонни, уже знакомый с теорией Герцога, дальше не слушал. Смотри-ка, подумал он, сколько всякой всячины должно было случиться, чтобы Герцог подобрал ту пятерку. Для начала кто-то должен был ее потерять: встретил, скажем, приятеля в тот самый момент, когда собирался убрать ее в бумажник, и просто сунул ее в карман, чтобы пожать приятелю руку. А потом забыл, стал доставать носовой платок, и будь здоров. Дальше должно было получиться так, чтобы каждый, кто там с тех

пор проходил, смотрел в другую сторону или думал о другом. И наконец, Герцог именно в ту нужную секунду должен был посмотреть под ноги. Крайне маловероятно. И все же каждый день такое случалось.

Кроме того, людям ежедневно разбивали головы цветочные горшки, падавшие с карнизов десятого этажа. Люди ежедневно проваливались в люки и натыкались на шальные пули, которые в изобилии выпускали стражи порядка, преследующие преступников. Джонни поежился.

— Вот те на, — вдруг произнес Герцог. — Где такси? Эй, шеф! — Он бросился вперед, к мостовой, свистя и размахивая рукой.

С любопытством озираясь вокруг, Джонни заметил спешившую к ним нескладную фигуру.

— Там Мэри Финиган, — сообщил он, указывая на фигуру.

— Знаю, — раздраженно отозвался Герцог. Такси как раз подкатило, водитель уже тянулся назад, чтобы открыть дверцу. — Ну, поехали, Джонни...

— Но она, кажется, хочет с тобой поговорить, — возразил Джонни. — Разве мы...

— Сейчас нет времени, — сказал Герцог, подпихивая его к машине. — Она с некоторых пор страдает словесным поносом, пришлось махнуть на нее рукой. Шевелись! — бросил он водителю и добавил уже для Джонни: — А кроме всего прочего... А-а... тут просто давнишнее злоупотребление Господним терпением и нормативный английский.

Пока машина вливалась в общий поток, Джонни бросил последний взгляд на девушку, что стояла у края тротуара и смотрела им вслед. Темные волосы беспорядочно разбросаны по лбу, девушка, похоже, недавно плакала.

В утешение Герцог произнес:

— Приручить ведьму, как гласит пословица, может всякий, но ему же потом с ней и жить. Так что, Джонни, мой мальчик, ты только что получил ценный наглядный урок. Удача ли то, что мы свалили от этой занюханной бельевой прищепки? Никакая это не...

Удача, подумал Джонни, точно — удача. Что, если бы такси не подъехало в нужное время?

— Как дважды два, мой мальчик. Единственная причина невезения — то, что ты сам за ним гоняешься.

— Причина в другом, — возразил Джонни.

Джонни снова отключился от задушевного голоса Герцога, дал ему стать примитивным музыкальным фоном вроде бормотания статистов в фильме про Тарзана, когда калавумбы собираются скормить прелестную девушку львам. И тут с ослепительным сиянием откровения до него дошло, что вся линия жизни каждого человека определяется невероятными происшествиями. Вот он сидит здесь, все его пять футов и десять дюймов, все сто тридцать фунтов, один из миллиарда выстрелов, сделанных по команде. (Какова вероятность того, что данный отдельно взятый сперматозоид соединится с данной отдельно взятой яйцеклеткой? Менее одной миллионной — невообразимо!) Что, если бы яблоко не упало на голову Ньютону? Что, если бы О'Дуайер так и не покинул Ирландию? И что стала бы делать свободная воля с решением, скажем, не становиться курдским пастухом, если вам случилось родиться в Огайо?

Все это значит, подумал Джонни, что если научиться управлять случайными факторами — тем, как в баре в Сакраменто падают кости, настроением богатого дядюшки в Кеокуке, содержанием влаги в облаках над Сиу-Фоллс в 3.03 по центральному поясному времени, очертаниями камушка в носке разносчика газет на Уолл-стрит, то можно сделать все, что угодно. Можно заставить малоизвестного художника по имени Джонни Борниш плюхнуться в пруд для игрушечных лодочек в Центральном парке, расписать ему весь ботинок красной краской и столкнуть ручную тележку...

Но зачем и кому это могло понадобиться?

Зал ожидания в аэропорту немного напоминал сцену из «Того, что грядет», разве что люди там не носили белых халатов, не были праздными и невозмутимыми.

Все места на скамейках оказались заняты. Герцог нашел пару свободных квадратных футов на полу за колонной и усадил там Джонни на чемодан.

— Теперь все у тебя в порядке. Вот билет. Вот журнал. Ажур. — Желая взглянуть на часы, Герцог сделал резкий угрожающий жест.

— Надо бежать. Вот еще что, мой мальчик, напиши мне свой адрес, как только он у тебя появится. Чтобы я мог переправлять

тебе почту, и все такое. Ох, чуть не забыл. — Он нацарапал что-то на клочке бумаги и передал клочок Джонни. — Простая формальность. Уплатишь, когда захочешь. Подпиши здесь.

На бумажке было написано: «Я должен тебе 50\$». Джонни подписал, чувствуя, что немного лучше узнал Герцога.

— Так-с. Все верно.

— Герцог, — вдруг спросил Джонни, — Мэри беременна? Да? — На лице у него было задумчивое выражение.

— Надо думать, — добродушно отвечал Герцог.

— Почему ты не дашь ей шанс? — через силу спросил Джонни.

Герцог не обиделся.

— Каким образом? Скажи правду, Джонни, ты что, можешь представить меня счастливым новобрачным? — Он потряс руку Джонни. — «Слово да сказано будет и пусть ты уйдешь; хоть слышать то слово нет сил — ну и что ж; томлюсь я в тиши среди печалей одних; но губы, к спиртному прикипшие, губ не коснутся моих!» — С застывшей улыбкой, как у Чеширского кота, он растворился в толпе.

2

Неловко восседая верхом на чемодане, один среди толпы, Джонни вдруг обнаружил, что рассуждает в выражениях одновременно и более жестких, и более длинных, чем обычно. То, как он размышлял, когда рисовал, или уже нарисовал, или собирался рисовать, тоже происходило совсем по-другому, а ведь он, бывало, целыми днями ничем другим и не занимался. У него, Джонни Борниша, был талант. Талант иногда определяют как Божий дар, что большинство людей, талантом не обладающих, путают с подарком из-под рождественской елки.

Тут все было совсем по-другому. Это и мучило, и приводило Джонни в восторг, и занимало такое место у него в голове, что множество практических деталей туда пробиться уже не могли. Без преувеличения, талант просто преследовал его, и когда время от времени, как, например, сейчас, хватка ослабевала, на лице у Джонни появлялось комичное выражение, как у человека, который только-только проснулся и обнаружил свои карманы очищенными, а ботинки — обгоревшими в результате злой шутки.

Он размышлял об удаче. Хорошо, конечно, говорить о том, что каждый берет свое, и Джонни полагал, что в какой-то степени это верно, но Герцог действительно был человеком, который постоянно находит деньги на улице. С Джонни такое случилось лишь раз, да и тогда нашел он не законное платежное средство, а японскую монетку — латунную, тяжелую, размером с полдоллара; с одной стороны на ней была изображена хризантема, с другой — какой-то иероглиф. Монетка казалась Джонни его собственной частичкой удачи: нашел он ее на улице, незадолго до окончания средней школы, и вот — художник вынул кругляш из кармана — она по-прежнему с ним.

Что, если вдуматься, довольно странно. Никаких суеверий, связанных с монеткой, у Джонни не было, как и особой к ней привязанности. Он именовал ее счастливой монеткой за неимением лучшего названия, поскольку слово «талисман» уже вышло из моды, а по сути удача за последние десять лет ему не светила. Монетка оказалась единственным, что с той поры осталось в его распоряжении. Джонни потерял три пары наручных часов, бесчисленное количество авторучек, две шляпы, три-четыре зажигалки и целые пригоршни настоящих никелей и даймов, принимаемых к оплате в Соединенных Штатах. А никчемная японская монетка — вот она.

Так как же можно себе такое представить, если только это не удача... или не чье-то вмешательство?

Джонни выпрямился. Дурацкая мысль. Наверное, это просто оттого, что он не позавтракал, впрочем, в своем теперешнем настроении, он склонен был чуть ли не всему придавать злое-щий смысл.

Джонни уже знал, что старичок и твидовая дама вмешивались в его жизнь по меньшей мере лет пять, а то и дольше. Тем или иным образом они несли ответственность за те «казусы», которые продолжали с ним происходить, — здесь-то и просматривался злое-щий умысел. Впрочем, при желании можно было назвать все это дурацкой мыслью. А если все же поверить, то как это могло помочь ему в размышлениях о других случившихся с ним странностях — наподобие находки и хранения японской монетки?

Пользуясь такой логикой, можно было доказать все, что угодно. Но избавиться от навязчивой мысли художник не мог.

Джонни лениво поднялся, держа в руке монетку, и бросил ее в ближайшую урну. Затем сел обратно на чемодан, чувст-

вужа, что невроз в значительной степени подавлен. Если монетка каким-то образом к нему вернется, он получит доказательство худших своих опасений, если же нет — как, без сомнения, и случится, — что ж, невелика потеря.

— Извините, пожалуйста, — обратился к нему тощий человечек с натянутой физиономией, в каком-то чуть ли не ритуальном облачении. — Мне кажется, это вы обронили. Японская монетка. Очень славная.

Джонни с трудом обрел дар речи:

— Ах, спасибо. Но мне она не нужна, возьмите себе.

— О нет, — возразил человечек и чопорно удалился.

Джонни посмотрел ему вслед, затем на монетку. Грязно-бурая, увесистая и твердая, зазубренная и обтертая по краям. Просто нелепость!

Ошибка Джонни, без сомнения, заключалась в слишком откровенных действиях. Стараясь выглядеть как можно беспечнее, он сжал в кулаке монетку. Через некоторое время он закурил сигарету, выронил ее и, пока на шаривал окурок на полу, сумел засунуть монетку под ножку ближайшей скамейки.

Не успел Джонни затянуться вновь обретенной сигаретой, как массивная туша в сером костюме, сплошные мышцы, прищурив глаза, опустилась рядом с ним на колени и извлекла монетку. Туша внимательно осмотрела кругляш и с той и с другой стороны, взвесила на ладони, звякнула по полу и наконец вручила монетку Джонни.

— Ваша? — сильным голосом осведомилась туша.

Джонни кивнул. Туша больше ничего не сказала, только угрюмо наблюдала, пока Джонни не положил монетку в карман. Затем встала, отряхнула колени и скрылась в толпе.

Джонни почувствовал, как у него в животе собирается холодный комок. Тот факт, что схожий сюжет художник уже видел в подлюжине плохих фильмов, спокойствия в него не вселил, он не верил в ряд естественных совпадений, не позволяющих человеку избавиться от аккуратно упакованного мусора, улики в виде нейлонового чулка или чего-то подобного.

Джонни встал. Прошло уже почти двадцать минут с тех пор, как по графику должен был отправиться его самолет. Он должен избавиться от проклятой штуковины! Непереносимо думать, что он не может от нее избавиться. Конечно же, он может сбить ее с рук.

Низкий навес над багажным прилавком выглядел обещающе. Джонни взял чемодан, стал пробираться туда и оказался рядом в тот самый момент, когда справочная служба разразилась невнятной тирадой: «Рейс номер шурумбурум до Бзмззвилля, посадка производится у мыхода момер мемать». Пользуясь этим гамом, Джонни быстренько вынул из кармана монетку и забросил ее на крышу.

Что теперь? Может, кто-нибудь сходит за лестницей и слазает на крышу за монеткой, чтобы затем вручить ее Джонни?

Ровным счетом ничего не произошло, если не считать того, что справочное бюро снова испустило громоподобное бурчание, и на сей раз Джонни разобрал свое место назначения, Джексонвилль.

Воспрянув духом, художник остановился у газетного прилавка купить сигареты. За них он заплатил полдоллара, которые ему тут же шлепнули обратно на ладонь.

«Рейс номер шестнадцать до Жкснвилля, посадка производится у выхода номер девять», — прогудело справочное.

Джонни немедленно вернул сигареты, не в силах отвести взгляд от японской монетки, которая лежала, издевательски твердая и реальная, у него на ладони... В кармане должны были лежать полдоллара, теперь их там — ни слуху ни духу; следовательно, он выкинул их на крышу над багажным прилавком. Обычная ошибка. Но ведь за все десять лет, что Джонни таскал с собой монетку, он ни разу не спутал ее с полубаксом, только сейчас.

«Рейс номер шестнадцать...»

Твидовая дама, сообразил Джонни, пока озноб медленно полз у него по спине, оказалась в художественной лавке раньше него. Она не могла следовать за ним ни в автобусе, ни в такси, ни как-то еще — просто не хватило бы времени. Дама заранее знала, куда он направляется и когда собирается туда прибыть.

Все получается так, думал Джонни, пока монетка становилась холодной и скользкой, как рыба, у него в ладони, все получается так, как если бы эти двое, твидовая дама и старичок, лет десять назад установили на нем что-то вроде радиомаяка — так что он оказывался для них как кот с консервной банкой на хвосте. Получается так, что, когда им нужно, они могут за-

глянуть в какой-то радароскоп и увидеть его жизненный путь, подобный свитому в спираль куску медной проволоки...

Но если все действительно так, тогда спасения, конечно, нет. Его жизненный путь вьется через конкретный зал ожидания к конкретному самолету и снова вниз — туда, где самолет приземлится, дальше в конкретную комнату, затем в конкретный ресторан, так что через день, через месяц, через год, через десять лет — когда угодно — они могут потянуться и достать его, где бы он ни оказался.

Спасения же нет потому, что нечто особенное встроено в эту бурную японскую монетку, некая комбинация случайных событий, которая сводится к тому невероятно странному результату, что он просто не может ее потерять.

Джонни с диким видом огляделся. Паяльная лампа. Разводной ключ. Кузнечный молот. Ничего похожего поблизости не оказалось. Лишь сильно похожий на сцену из «Того, что грядет» зал ожидания в аэропорту, никаких специальных инструментов здесь и быть не могло.

Справа из-за прилавка вышла прелестная девушка, подняв секцию и опустив ее за собой. Джонни тупо уставился вслед девушке, а затем перевел взгляд туда, откуда она вышла. На лбу у художника собрались морщины. Он подошел к прилавку и поднял секцию.

Лысый мужчина в нескольких футах от него прервал телефонный разговор и замахал Джонни трубкой:

— Сюда нельзя, сэр! Входа нет!

Джонни положил японскую монетку под углом туда, где была привешена секция. Убедился, что это именно японская монетка. Надежно ее закрепил.

Лысый бросил трубку и направился к Джонни, протягивая руки.

Джонни изо всех сил обрушил секцию вниз. Раздалось глухое «бум», а потом возникло странное чувство давления, свет, казалось, помутнел. Джонни повернулся и бросился бежать. Никто его не преследовал.

Самолет оказался двухмоторным реликтом. Снаружи он отдаленно напоминал что-то из викторианской эпохи, внутри же — темную наклонную пещеру с невероятным числом втиснутых туда сидений. Воняло там как в мужской раздевалке. Джонни проковылял по узкому проходу к единственному, казалось, еще сво-

бодному месту и присоседился к крупному смуглому джентльмену с полосатым галстуком на шее.

Художник неловко пристроился в кресле. С тех пор как Джонни обрушил на монетку секцию прилавка, его не покидало какое-то особое чувство — и самым неприятным было то, что он никак не мог распознать, что это за чувство. Как бы физическое ощущение чего-то неладного — вроде расстройства желудка, недосыпа или приближающейся лихорадки, но ничто из перечисленного не подходило. Джонни проголодался, но не настолько. Тогда он подумал, что у него неладно со зрением, но все вокруг выглядело совершенно нормально — он прекрасно мог все разглядеть. Может, что-нибудь с кожей? Вроде такого легкого покалывания, которое... Нет, и не кожа.

Немного похоже и на опьянение — в ту долю секунды, когда понимаешь, *как* ты напился, и сожалеешь об этом, — похоже, но все-таки не то. А отчасти напоминает предчувствие — еще более явственное и тягостное, чем раньше: «должно случиться что-то скверное».

Пилот с напарником прошли мимо и исчезли в носовом отсеке. Дверь закрылась; стюардесса осталась в хвостовой части и принялась изучать какие-то бумаги у себя на столике. Вскоре завывли стартеры и ожили моторы; Джонни, летавший до этого лишь раз, да и то с дерева, пришел в ужас, услышав такой дьявольский шум. Еще минута бесконечного ожидания, а затем самолет потащился вперед, покачивая носом, затем пополз немного быстрее, громыхая, — бесконечное бетонное пространство скользило мимо, — наконец, самолет, подобно какой-то громадной, нелепой и, главное, *нелетной* птице, по невероятной случайности приподнялся, на несколько футов оторвавшись от земли; взлетная полоса опрокидывалась, наклонялась, уменьшаясь по мере подъема, вверх, уже куда выше тумана над водой — салон покачивался размеренно, как гамак, под аккомпанемент монотонного урчания моторов.

Сбоку послышался хлопок. Джонни повернул голову.

Хлоп... хлоп... хлоп...

Маленький металлический диск лихо скакал по ковру подобно блохе или прыгающим семенам мексиканских растений. Затем помедлил немного — челюсть Джонни отвисала все ниже и ниже. Оказавшись рядом с креслом Джонни, диск подпрыгнул.

И приземлился художнику на колени — бурый металлический кругляшок с изображением хризантемы, согнутый посередине. Джонни смахнул его. Кругляш прилип к ладони, будто магнит к железу.

— А, черт! — гаркнул чей-то голос прямо в ухо Джонни.

Между тем Джонни просто не имел возможности уделить этому голосу внимание. Другой рукой художник пробовал оторвать монетку. Жуткое ощущение — она липла к пальцам и не желала слезать с ладони; он попытался соскрести ее о подлокотник своего кресла. С таким же успехом можно было пытаться соскрести собственную кожу. Джонни сдался и принялся ожесточенно трясти рукой.

— Эй, приятель, прекрати! — Смуглый мужчина в соседнем кресле приподнялся, и тут получилась какая-то катавасия; Джонни услышал резкий щелчок, и ему показалось, будто из жилетного кармана смуглого что-то выпрыгнуло. А затем к пальцам Джонни на мгновение пристала бурая японская монетка да еще сверкающее пенсне. После чего два предмета переплелись каким-то отвратительным, извращенным образом — у Джонни от такого зрелища даже потемнело в глазах, — а затем снова развернулись, и в результате не оказалось ни монетки, ни пенсне, а лишь какой-то совершенно немыслимый кожаный кошелечек.

Да была ли эта монетка монеткой? Был ли кошелек кошельком?

— Ну вот, гляди, что ты натворил! Тьфу! — Смуглый с искаженным от гнева лицом тянулся к кошельку. — Не шевелись, приятель. Дай-ка я...

Джонни немного отодвинулся.

— А кто вы такой?

— ФБР, — нетерпеливо ответил смуглый. Он раскрыл перед носом у Джонни бумажник; внутри оказалось что-то вроде служебного значка. — Теперь ты разорвал... Боже мой! Держи неподвижно, как сейчас держишь. Не шевелись. — Он закатал рукава, будто фокусник, и предельно осторожно потянулся к буровой кожаной штуковинке, что пристала к руке Джонни.

Кошелек слегка дрогнул. В следующее мгновение все стали подниматься и скапливаться в проходе, направляясь к единственному туалету в хвостовой части самолета.

Как следствие, самолет заметно наклонился. Джонни услышал визг стюардессы:

— По одному! По одному! Остальные садитесь, пожалуйста, — вы перегружаете хвостовую часть.

— Ровнее, ровнее, — простонал смуглый. — Держи его совершенно неподвижно!

Джонни не мог. Пальцы снова дрогнули, и вдруг все пассажиры бросились в противоположном направлении, расталкивая друг друга, — только бы убраться подальше от опасного хвоста. Стюардесса беспомощно направилась за ними, пронзительно выкрикивая бесполезные указания.

— Это я делаю? — выдохнул Джонни, в ужасе уставившись на предмет у себя в кулаке.

— Это делает устройство. Держи его, приятель, ровнее...

Но рука снова дрогнула, и вдруг все пассажиры опять оказались в своих креслах — сидели так тихо, будто ничего и не произошло. Затем раздался хор воплей. Выглянув в окно, Джонни прямо под собой увидел устрашающее море деревьев — там, где только что была одна пустота. Когда самолет стал резко набирать высоту, рука снова дрогнула...

И вопли еще усилились. Перед ними высилась лиловая горная стена — безверхая, гигантская.

Пальцы дрогнули еще раз — и снова самолет мирно летел меж небом и землей. Пассажиры то ли утомились, то ли спали. Ни горы, ни деревьев.

У смуглого на лбу выступили капельки пота.

— А теперь... — начал он, скрипя зубами и снова протягивая руку.

— Секундочку, — сказал Джонни, снова отодвигаясь. — погодите... Наверное, это какая-то страшно секретная штука и мне ее иметь не полагается?

— Да, — подтвердил смуглый, мучительно напрягаясь. — Говорю же тебе, приятель, не шевелись!

Кошелек медленно менял цвет, становясь по краям бледно-лиловым.

— А вы, значит, из ФБР? — спросил Джонни, не сводя глаз со смуглого.

— Да. Ровно держи...

— Нет, — покачал головой Джонни. Голос его дрогнул, но Джонни взял себя в руки. — Вы забыли про уши, — сказал он. — Или они слишком тверды, чтобы измениться?

Смуглый оскалился.

— Ты о чем?

— *Об ушах*, — пояснил Джонни, — и еще о челюстной кости. Невозможно найти двух людей с одинаковыми ушами. И еще. Раньше, когда вы были старичком, у вас была слишком крепкая шея. Это бросалось в глаза, но я был слишком занят, чтобы задуматься. — Он с трудом сглотнул. — А вот теперь задумался. Вы ведь не хотите, чтобы я шевелил этой штуковиной.

— Верно, приятель, верно.

— *Тогда объясните мне, что все это значит.*

Смуглый развел руками:

— Не могу, приятель. Правда не могу. Видишь ли... — Кошелек сдвинулся в руке у Джонни. — Осторожнее! — выкрикнул смуглый.

В воздухе замелькали крошечные огоньки. Ясная синева неба в окне самолета вдруг исчезла. Вместо нее Джонни увидел налетающую пелену серого облака. В окно забарабанил дождь, и самолет внезапно накренился, будто застигнутый порывом ветра.

Откуда-то спереди донеслись нестройные вопли. Джонни сглотнул твердый комок, и пальцы его дрогнули. Опять началось мерцание.

Облако и дождь исчезли; небо снова было невинно-голубым.

— Пре-кра-ти, — произнес смуглый. — Послушай-ка. Ты хочешь кое-что узнать? Ну так вот — я попробую тебе рассказать. — Он облизал губы и начал: — Когда с тобой случаются неприятности... — Но на пятом слове горло его, казалось, закупорилось. Губы продолжали шевелиться, глаза выпучились от усилия, но ни слова не раздавалось.

Некоторое время спустя он расслабился, тяжело дыша.

— Видишь? — спросил он.

— Вы не можете говорить, — сказал Джонни. — Об этом. В прямом смысле.

— Верно! А теперь, приятель, если позволишь...

— Спокойно. Скажите правду: можно ли как-то это обойти? Этот блок или как его там? — Джонни намеренно позволял своим пальцам слегка подрагивать. — Какое-нибудь приспособление? Или, может, вам что-то принять?

Смуглый нервно глянул в окно, где голубое небо сменилось лиловыми сумерками и большим серпом луны.

— Да, но...

— Что же?

Горло мужчины снова сжалось, едва он попытался заговорить. — Ну, так или иначе, лучше бы вам использовать это, — посоветовал Джонни. Он увидел, как лицо смуглого переполнилось решимостью, и успел отдернуть руку в тот самый миг, когда смуглый попытался...

3

Миновал момент какого-то вихря, после чего вселенная утихомирилась. Свободной рукой Джонни вцепился в сиденье. Самолет и все пассажиры исчезли. Они вдвоем со смуглым сидели под лучами солнца на скамейке в парке. Два голубя всполошились и тяжело замахали крыльями, улетая прочь.

На лице у смуглого застыла недовольная гримаса.

— Ну вот, ты все-таки своего добился! Да сколько же в самом деле времени? — Он вытянул из жилетного кармана сразу две пары часов и по очереди с ними сверился. — Среда, приятель, никак не позднее! О Боже, ведь они... — Дальше рот его беззвучно задвигался.

— Среда? — выдавил из себя Джонни.

Он огляделся. Сидят они в парке Юнион-сквер, и кроме них там ни души. На улицах полно людей, в основном женщин, все куда-то спешат. Да, похоже на среду.

Джонни открыл было рот и снова осторожно его закрыл. Затем опустил взгляд на вялый комок кожи и металла у себя в ладони. Начнем сначала. Что же ему известно?

Монетка, служившая, по всей видимости, сигнальным устройством или радиомаяком, после того как Джонни ее повредил, неким образом соединилась с другим приспособлением, которое принадлежало смуглому, — по-видимому, с устройством, позволявшим ему управлять вероятностью событий и перемещаться из одного времени в другое, а также решать другие подобные задачи.

В их теперешнем смешанном состоянии оба устройства стали неуправляемы, а по мнению смуглого, кажется, опасны — и бесполезны для кого бы то ни было.

Вот и все, что ему известно.

Джонни не знал, откуда прибыли смуглый со своей напарницей, чего они добивались, — он не знал множество полез-

ных вещей и нисколько не приближался к этому знанию. Если не считать того, что был какой-то способ развязать смуглому язык. Таблетки, о которых вообще не могло быть и речи... спиртное...

Что ж, подумал он, немного приободряясь, попытка не пытка. Могло и не сработать, но это была самая умная и приятная мысль за весь день.

Джонни сказал: «Вперед» — и осторожно встал; но движение, видно, оказалось слишком резким, так как вся сцена вокруг него растаяла и потекла на мостовую — и стояли они уже не в парке, а на транспортном островке у Шеридан-сквер. Была, похоже, самая середина дня, а в газетах на лотке рядом с Джонни стояло сегодняшнее число.

Джонни почувствовал легкое головокружение. Если допустить, что теперь около часа, значит, он еще не выбрался из аэропорта; теперь они с Герцогом только еще туда добирались, и если бы ему удалось быстро поймать такси, он успел бы остановить самого себя и уговорить не отправляться...

Джонни с трудом утихомирил свою фантазию. У него, сказал он себе, уже есть под рукой одна-единственная несложная задача, и заключается она в том, чтобы добраться до бара. Джонни осторожно шагнул к краю островка. Штуковина у него в руке качнулась; мир вокруг покружился и успокоился.

Теперь Джонни вместе со смуглым стоял на галерее зала рептилий Музея естественной истории. Подвешенные внизу фигуры гигантских ящеров выглядели совсем вымершими и сухими-сухими.

Джонни понемногу стал пускать пар и хлопать крышкой. Стало очевидно, что такими темпами он вообще никуда не доберется, потому что каждый шаг менял правила игры. Ну ладно, если Магомет не идет к горе...

Смуглый, внимательно следивший за ним, испустил сдавленный протестующий возглас.

Джонни не обратил на него внимания. Он резко махнул рукой вниз. И вверх. И вниз. И раз. И два.

Весь мир раскачивался вокруг них, будто маятник, искажаясь и поворачиваясь. Слишком далеко! Они оказались на уличном перекрестке в Париже. Затем в каком-то темном месте, прислу-

шиваясь к грохоту механизмов. Затем в самом центре песчаной бури — задыхающиеся, ослепшие...

Они сидели в гребной лодке на тихой речушке. На смуглом был спортивный костюм и соломенная шляпа.

Джонни попытался поаккуратнее шевельнуть устройством: оно словно жило собственной жизнью; художнику приходилось сдерживать проклятую штуковину.

Вжик!

Они сидели на высоких табуретах у мраморной стойки. Джонни заметил «банановый сплит» и сидящую на нем муху.

Вжик!

Библиотека, совершенно незнакомый Джонни громадный зал под низким потолком.

Вжик!

Фойе Художественного театра; один из зрителей наткнулся на Джонни и расплескал черный кофе.

Вжик!

Они сидели друг напротив друга — смуглый и Джонни — за столиком в укромном уголке бара Дорри. В предвечернем солнце искрились пылинки. Перед каждым стояло по хайболу.

Скрипя зубами, Джонни отчаянно старался держать руку строго вертикально, опуская ее мучительно медленно, пока она наконец не коснулась истертой столешницы. Тогда он с облегчением вздохнул.

— Выпьем, — предложил он.

Не сводя настороженного взгляда с предмета в руке у Джонни, смуглый выпил. Джонни подал знак бармену, который подошел к ним с удивленным выражением на лице.

— Вы давно здесь, ребята?

— Я как раз собирался вас позвать, — наобум сказал Джонни. — Еще парочку.

Бармен удалился, а затем с настороженным видом вернулся, неся два бокала, после чего прошел в дальний конец бара, повернулся к ним спиной и стал вытирать бокалы.

Джонни потянул хайбол.

— Выпьем, — сказал он смуглому.

Смуглый выпил.

После третьего хайбола в темпе вальса смуглый заметно окосел.

— Как себя чувствуешь? — осведомился Джонни.

— Превосходно, — нетвердо ответил смуглый. — Просто превосходно. — Он сунул два пальца в жилетный карман, вытащил гладкую коробочку, извлек оттуда крошечную пилюльку, швырнул ее в рот и проглотил.

— Это еще что? — подозрительно спросил Джонни.

— Просто пилюлька.

Джонни посмотрел на соседа пристальнее. Глаза у смуглого так прояснились, будто он вовсе не пил никаких хайболов.

— А ну-ка скажи: «Карл у Клары украл кораллы», — предложил Джонни.

Смуглый повторил.

— Всегда так получается, когда выпьешь? — спросил Джонни.

— Не знаю, приятель. Никогда не пробовал.

Джонни вздохнул. Что ни говори, смуглый был по меньшей мере под мухой, пока не проглотил ту крошечную пилюльку. А теперь — трезв как стеклышко. После секундного раздумья Джонни стал недовольно стучать по бокалу соломинкой, пока бармен не подошел и не принял заказ еще на два хайбола.

— Двойных, — чуть не забыл Джонни. Когда бокалы прибыли, смуглый выпил свой до дна и снова заметно окосел. Затем опять вынул свою коробочку.

Джонни наклонился к нему.

— А кто это там снаружи? — хрипло прошептал он.

Смуглый крутанул, как волчок.

— Где?

— Уже спрятался, — сказал Джонни. — Не спускай оттуда глаз. — Он вынул свободную руку из кармана брюк, где та была занята извлечением содержимого из пузырька с антигистаминными таблетками, который он носил с собой с февраля. Таблетки были раз в шесть больше пилюлек смуглого, но ничего другого Джонни не оставалось. Он вытянул у смуглого коробочку, быстро опорожнил ее в ладонь, напихал туда своих таблеток и положил на место.

— Я никого не вижу, приятель, — озабоченно сообщил смуглый. — А там был мужчина или... — Он взял одну из подложенных Джонни таблеток, проглотил ее и явно удивился.

— Выпьем еще, — с надеждой предложил Джонни.

Смуглый, по-прежнему с удивленным видом, жадно глотнул. Глаза его медленно закрылись и снова открылись. Они определенно осоловели.

— А как теперь себя чувствуешь? — спросил Джонни.

— Спасибо, первый сорт. Vad heter denna ort? — Физиономия смуглого расплылась, и на ней засияла широченная идиотская улыбка.

Джонни показалось, что он перестарался.

— Что ты говоришь? — Тирада смуглого напоминала шведский или другой скандинавский язык...

— Voss hot ir gezugt? — с интересом спросил смуглый. Он несколько раз хлопнул себя по лбу. — Favour de desconectar la radio.

— Радио не... — начал было Джонни, но смуглый не дал ему продолжить. Внезапно подскочив, он взобрался на скамейку, распростер руки и принялся распевать громким оперным баритоном. Мелодия была из арии тореадора в «Кармен», но смуглый выводил в ней свои слова, без конца повторяя: «Dove è il gabinetto?»

Бармен с недовольной физиономией уже направлялся к ним.

— Прекрати! — немедленно зашипел Джонни. — Слышишь? Сядь, или я снова двину этой штуковиной!

Смуглый глянул на кошелек в руке у Джонни.

— А меня не колышет, братан. Ваяяй, двигай. Me sago en su хайбол. — Он снова затянул песню.

Джонни нашарил в бумажнике три пятидолларовые банкноты — всю свою наличность — и потряс ими перед носом у бармена, когда тот подошел. Бармен тут же убрался.

— А почему раньше колыхало? — гневно спросил Джонни.

— Проще простого, — ответил смуглый. — Vanta ett ögenblick, оно ко мне вернется. Факт. — Он снова хлопнул себя по лбу. — Herr Gott im Himmel! — воскликнул полиглот и резко сел. — Не шевелись, — сказал он, побледнев и покрывшись капельками пота.

— А почему?

— Нет управления, — прошептал смуглый. — Прибор настроен на тебя — рано или поздно ты встретишься с самим собой. А два тела, приятель, не могут занимать одно и то же положение во времени-пространстве. — Он вздрогнул. — Брppp!

Рука Джонни мало-помалу начинала дрожать от усталости. Он прижал ее к вазе с сухими крендельками, но и это уже не очень помогало. Джонни был близок к отчаянью. Основной эффект выпивки, похоже, выразился в том, что смуглый

принялся болтать на шести-семи иностранных языках. Пилю-ли от опьянения Джонни спрятал от греха в карман; тут ему, несомненно, повезло — есть хоть какая-то прибыль от этой истории, если удастся выпутаться из нее живым. Это-то, впрочем, и казалось сомнительным.

Опять двадцать пять — Джонни с внезапным остервенением заметил, что смуглый снова по-тихому тянется к его руке. Голос художника задрожал.

— Говори немедленно, или я буду махать этой штуковиной, пока не случится какая-нибудь пакость. Мое терпение лопнуло! Чего ты добиваешься? Что все это значит?

— Un autre plat des pets de nonne, s'il vous plait, garçon, — пробормотал смуглый.

— И прекрати молоть белиберду, — рявкнул Джонни. — Я серьезно! — Намеренно или нет, но рука его дернулась, и столик под ними дрогнул.

Вжик!

Они сидели за узким столиком в кафе на Шестой авеню, полном стука фаянсовых чашек.

— Ну? — выговорил Джонни, близкий к истерике. Бокалы на столике между ними были полны молока, а не виски. Теперь Джонни не возражал и против молока. Либо он расколется смуглого раньше, чем тот протрезвеет, либо, что было бы крайне неприятно, им придется наудачу искать другой бар...

— Мне это по вкусу, приятель, — сказал смуглый. — Я, знаешь ли, последний представитель расы лемуруцев, и мне нравятся досажать людям. Меня выводит из себя то, что вы, проклятые выскочки, завладели миром. Вы недостойны...

— А кто та леди, с которой я тебя видел? — кисло спросил Джонни.

— Леди? Она последняя из атлантов. У нас с ней рабочее соглашение, но друг друга мы ненавидим даже больше, чем...

Пальцы Джонни, сжимавшие кошелек, стали липкими от пота. Он позволил руке дрогнуть, но только чуть-чуть.

Вжик!

Они сидели друг напротив друга на жестких плетеных сиденьях пустого поезда метро, шумно громыхавшего вперед по темному тоннелю, будто груз, отправляемый в ад.

— Попробуй еще разок, — процедил Джонни сквозь зубы.

— Тут вот какое дело, — начал смуглый. — Я скажу тебе правду. Вся эта вселенная нереальна, понимаешь? Она лишь плод твоего воображения, но ты наделен силами, управлять которыми не умеешь, и мы, видишь ли, старались держать тебя в неведении, потому что в противном случае...

— Тогда тебя не должно беспокоить, что я сделаю вот так! — выкрикнул Джонни, сжал кожаный кошелек в кулаке и треснул им по колену.

Вжик!

Ветер загромыхал у него в ушах, сбил дыхание. В облаке бешено летящего дождя со снегом Джонни едва мог разглядеть смуглого, который, как и он сам, сидел на корточках на каком-то карнизе, обрывающемся над бездной.

— Мы — наблюдатели из Галактического Союза! — проорал смуглый. — Наш контингент размещен здесь, чтобы не спускать глаз с вас, людей, из-за всех этих взрывов атомных бомб, потому что...

— Или вот так! — завопил Джонни и снова махнул кулаком.

Вжик!

Они лежали, распростершись, на мерзлой равнине, глядя друг на друга в ледяном сверкании звездного света.

— Я скажу тебе! — заявил смуглый. — Мы — путешественники во времени, и нам необходимо проследить, чтобы ты никогда не женился на Пайпер Лори, потому что...

Полегче, напомнил себе Джонни.

Вжик!

Они скользили бок о бок вниз по гигантскому желобу в павильоне смеха на Янцен-Бич в Портленде, штат Орегон.

— Слушай! — сказал смуглый. — Ты мутант-супермен, понимаешь? Не обижайся — нам необходимо было тебя испытать, прежде чем мы могли бы передать тебе твое славное наследство, состоящее из...

Только Джонни начал вставать на ноги, как устройство у него в руке дрогнуло, и...

Вжик!

Они стояли на наблюдательной площадке на вершине Эмпайр-Стейт-Билдинг. День был холодный и промозглый. Смуглый трясся — то ли замерз, то ли напугался достаточно, чтобы разговориться, то ли протрезвел с испугу. Голос его дрожал.

— Ладно, вот в чем дело, приятель. Ты не человек — ты андроид, но имитация так хороша, что ты об этом даже не догадываешься. А мы — твои создатели, понимаешь...

Полегче — опасность таится именно в небольших скачках, напомнил себе Джонни.

Вжик! Они оказались во вращающихся дверях, и — *вжик!* — Джонни стоял на лестнице своего дома с меблированными комнатами, глядя на смуглого, который таращил на него глаза, пытаясь что-то сказать, и — *вжик!* — они стояли у развороченной тележки с бананами, пока у Джонни по спине бежал холодный озноб, и...

— Ладно! — выкрикнул смуглый. В голосе его прозвучала неподдельная искренность. — Я скажу тебе правду, только не надо, пожалуйста...

Сам того не желая, Джонни наклонил руку.

Вжик!

Они оказались на верхней площадке автобуса с Пятой авеню, остановившегося у края тротуара в ожидании посадки. С бесконечной осторожностью Джонни опустил руку к сверкающему поручню на переднем сиденье.

— Рассказывай, — выговорил он.

Смуглый сглотнул.

— Пошади, — произнес он вполголоса. — Я не могу тебе сказать. Если я это сделаю, меня вышвырнут, я никогда больше не получу должность...

— Даю последнюю возможность, — процедил Джонни, глядя прямо перед собой. — Раз... Два...

— Это живучка, — сказал смуглый, протянув звук «у». В голосе у него звучало смирение и тупость.

— Что-что?

— Живучка. Вроде кино. Ты — актер.

— Это еще что? — тревожно выговорил Джонни. — Я художник. Почему это я ак...

— Ты актер, играющий художника! — воскликнул смуглый. — Вы актеры! Бессловесные твари! Ты актер! Понимаешь? Это *живучка!*

— И о чем эта живучка? — осторожно спросил Джонни.

— Музыкальная трагедия. Про бедняков, живущих в трущобах.

— Но я живу не в трущобах, — возмущенно заметил Джонни.

— *В труппах.* Ты сам хочешь рассказать, или я должен тебе рассказывать? Это большое драматическое представление. Ты обеспечиваешь в нем «разрядку смехом». Скоро ты *умрешь*. — Смуглый вдруг умолк, и показалось, что он хотел бы умолкнуть раньше. — Одна деталь, — затем добавил он. — Незначительная. На следующем совещании по сценарию мы ее согласуем. — Смуглый вдруг приложил ладони к вискам. — Черт, и зачем меня только высадили? — пробормотал он. — Глорм меня в порошок сотрет. Уничтожит. Загонит меня обратно в...

— Ты серьезно? — спросил Джонни. Голос его дрожал. — Что ты сказал — я скоро умру? Как я умру? — Он нечаянно дернул рукой.

Вжик!

Автобус с Пятой авеню исчез. Они сидели во втором ряду кинотеатра. Свет в зале только что загорелся; публика вытряхивалась наружу. Джонни схватил смуглого за грудки.

— Забыл, — угрюмо пробормотал смуглый. — По-моему, ты откуда-то выпал. Как раз в самом конце живучки, когда герой отправляется в постель с девушкой. Хочешь знать, кто герой? Один твой знакомый. Герцог...

— Откуда выпал? — спросил Джонни, усиливая хватку.

— Из какого-то здания. Прямо в мусорный бак. Полупустой.

— Значит, «разрядка смехом»? — с усилием выговорил Джонни.

— Точно. Посмешище! Ты оживишь всю живучку! Зрители животы надорвут!

Шарканье удалявшейся публики вдруг затихло. Стены и потолок тревожно замерцали; когда все успокоилось, Джонни в полном изумлении обнаружил, что они оказались уже совсем в другом помещении. Никогда раньше он здесь не бывал — и вдруг художник с колотящимся сердцем понял, что никогда раньше он здесь бывать и не мог.

По всей громадной серебристой чаше, под заоблачно-высоким потолком, люди плавали в воздухе, будто комары, — кто-то просто дрейфовал, а кто-то торопливо двигался возле округлой металлической глыбы, что висела над самым центром огромного зала. Внизу, футах в двенадцати от балкона, где они сидели, вдруг в краткой вспышке что-то стало распускаться —

произошло красочное развертывание, которое длилось лишь мгновение и оставило безумное воспоминание о движущихся деревьях и зданиях. Вскоре то же самое повторилось.

Джонни заметил, что сидевший рядом с ним смуглый съелся и застыл.

Художник обернулся. Позади к ним среди зловещей неподвижности шагал серебристый мужчина.

— Glorm, — задыхаясь, выговорил смуглый, — ne estis mia kulpo. Li...

— Fermu vian truon, — сказал Глорм. Он был строен и мускулист, а одежда его напоминала фольгу. Выпученные глаза Глорма под широкой полоской бровей обратились на Джонни. — А теперь твой отдаст мне инштрумент, — сказал он.

Джонни обрел дыхание. Он обнаружил, что кошелек у него в руке вдруг так уплотнился, будто стал частью невидимого столба; но Джонни все же изо всех сил его держал.

— Почему это я должен его отдать? — спросил художник.

Глорм нетерпеливо махнул рукой:

— Погоди. — Он повернулся, чтобы оглядеть всю необъятную впалую чашу, и голос его вдруг раздался отовсюду, причем в сотни раз усиленный: — Gispinu!

Снова началось то же цветение красок и движение под виющей в воздухе грудой металла, но на сей раз все раскошегарилось в полный рост и уже не свернулось.

Завороженный, художник так и устоял вниз из-за ограждения балкона. Пол чаши теперь исчез, спрятавшись под сверкающей мраморной улицей. По обеим сторонам возвышались белые здания, все с портиками и колоннами, а в дальнем конце возвышалось что-то похожее на Парфенон, но по размеру никак не уступавшее главному зданию ООН в Нью-Йорке.

Улица бурлила людьми, которые издали казались карликами. Они рассыпались по сторонам, когда по улице стремительно пролетела четырехконная колесница, а затем опять стеклись вместе. Джонни слышно было, как они злобно гудят — будто пчелиный рой. В воздухе витал странный едкий запах.

Джонни озадаченно глянул на Глорма, затем на смуглого.

— Что это? — спросил он, указывая вниз.

Глорм подтолкнул смуглого.

— Рим, — начал смуглый, трясаясь, словно от озноба. — Здесь играется представление — в сорок четвертом году до нашей эры.

Сейчас перед тобой сцена, в которой Юлий Цезарь сожжет весь город дотла, потому что его не сделают императором.

Едкий запах стал еще резче; снизу начала подниматься тонкая пелена серо-черного дыма...

— Но он не жег Рим, — обиженно запротестовал Джонни. — И вообще это не Рим — Парфенон расположен в Афинах.

— Так было раньше, — стуча зубами, ответил смуглый. — А мы все изменили. Последняя группа, которая делала здесь живучки, сносно играла небольшие сценки, но не тянула до цельного представления. Вот Глорм... — он бросил вороватый взгляд на серебристого мужчину и слегка возвысил голос, — понимает, что такое настоящее представление.

— Погоди-ка, погоди, — с трудом шевеля языком, пробормотал Джонни. — Значит, вы пустились во все тяжкие, понастроили тут фальшивых декораций — с этим безумным Парфеноном и всем прочим, когда можно просто вернуться в прошлое и снять то, что было на самом деле?

— Bona! — прокричал усиленный голос Глорма. — Gi estu presata!

Сцена под ними бешено закружилась вокруг своей оси и погасла.

Глорм нетерпеливо повернулся к Джонни.

— Ну вот, — произнес он. — Ты не по-ни-май. Который ты тут видишь, и есть, как твой говоришь, «на самом деле». Мы не строй декораций... строй не декораций... не строй... Kiel oni ĝi diras?

— Мы не строили никаких декораций, — перевел смуглый.

— Putra lingvo! Мы не строили никаких декораций. Наш заставил во-он тех римлян все тут построить. Они тоже не строй никаких декораций — они строй Рим, другой. Твоя понимает? Никто не строй никаких декораций! Настоящий Рим! Настоящий огонь! Настоящий трупы! Настоящий ис-то-ри-я!

Джонни уставился на него, разинув рот.

— Вы хотите сказать, что изменяете историю — только чтобы делать фильмы?

— Живучки, — поправил смуглый.

— Ну да, живучки. Вы все тут, похоже, чокнутые. А что из-за этого делается с людьми там, в будущем? Слушайте... а где мы сейчас? В каком времени?

— По вашему календарю... мм... 4400 с чем-то. Примерно в двадцати пяти столетиях от твоего времени.

— В двадцати пяти столетиях... Ну ладно, так что же происходит с вами, когда вы изменяете римлян, как вам вздумается?

— Никаких, — выразительно ответил Глорм.

— Никаких? — тупо переспросил Джонни.

— Вообще никаких. Что бывает с собакой, когда твой отрубает хвост ее матери?

Джонни немного подумал.

— Да, действительно «никаких».

— Правильно. Что, большое дело?

Джонни кивнул.

— А вот эта и правда ба-альшой дело. Но нам его делай по двадцать, по сорок раз каждый год. Твоя знай, сколько теперь людей жить на планета? — Не сделав ни малейшей паузы, Глорм сам же и ответил на свой вопрос: — Тридцать миллиард. Знай, сколько народу ходит живучка? Половина. Пятнадцать миллиард. В семь раз больше, чем на планета в твоё время. Старый, молодой. Глупый, умный. Живучка должен всех развлекать. Не как твоя Голливуд. Там не искусство, не представление. Когда народ думай, там, глубоко... — он похлопал себя по лбу, — какой-то есть правда, тогда я делай этот правда — и этот получается и правда правда! Это есть искусство! Вот это есть представление!

— Нью-Йорк вы по крайней мере не очень-то изменили, — заметил Джонни себе в защиту.

Впущенные глаза Глорма, казалось, вот-вот вывалятся.

— Не изменили! — Он фыркнул и повернулся. Его усиленный голос снова зазвенел в ушах: — *Donu al mi frugantan kvieton de Nov-Jorko natura!*

Произошло какое-то коловращение плывущих фигур вокруг висящей металлической груды. Глорм в нетерпении сжал кулаки. Довольно долгое время спустя пол чаши снова расцвел.

Джонни затаил дыхание.

Иллюзия была столь безупречной, что пол, казалось, куда-то выпал: в тысяче футов под ними, освещенный утренним солнцем, лежал остров Манхэттен; Джонни видел стоящие на якоре в заливе суда и ясные отблески Гудзона и Ист-Ривер, убегающие на север в туманы над Бронксом.

Первое, что бросилось ему в глаза, была беспорядочная шахматная доска заполнявших весь остров низеньких строений;

густое скопление небоскребов в южной части и разрозненное в средней отсутствовали.

— Угадай, в который год, — слышался голос Глорма.

Джонни нахмурился.

— Около 1900-го? — Нет, не может быть, тут же с тревогой подумал он. Слишком много было мостов — даже больше, чем в его время.

Глорм от души рассмеялся.

— То, что твой смотрит, есть Нов-Йорк 1956 года — до тех, как мы его изменить. Твой думай, это ваши изобрести небоскреб? О нет. Это наши их изобрести.

— Для «Рабов бродвейской зарплаты», — почтительно вставил смуглый. — Первая живучка Глорма. Какое представление!

— Теперь ты понимать? — снисходительно спросил Глорм. — Давным-давным мне хотелось рассказать о том актеру, увидеть его морда. Ну вот — теперь твой понял. — Его тощая физиономия сияла. — Твой есть актер; мой есть продюсер, режиссер. Продюсер, режиссер есть все. Актер есть дерьмо! Значит, твой отдаст мне инструмент.

— Дудки, — вяло ответил Джонни.

— Отдаст, — заверил Глорм. — Твой очень скоро его отпустит.

Тут Джонни потрясенно обнаружил, что рука его заметно немеет. Так вот зачем понадобились эти объяснения! А теперь они дождались, чего хотели. Он действительно готов был отпустить кошелек — уже вот-вот. Значит...

— Послушай! — отчаянно выговорил художник. — А как насчет людей в будущем — я имею в виду ваше будущее? Они тоже делают живучки? А если так, то разве ты для них не актер?

Физиономия Глорма вытянулась от ярости.

— Кгасажо! — сказал он. — Ну погоди... — Он взглянул на устройство в руке у Джонни и сжал кулаки.

Хватка Джонни ослабла. Скоро ему придется отпустить кошелек — и что тогда? Обратно в свое время? Опять быть посмешищем, неотвратимо приближаясь к...

Рука страшно устала. Вот-вот кулак разожмется.

...И ничего тут поделать Джонни не мог. Ему предвиделась бесконечная цепочка халтурщиков, где на плечах у каждого стояли Глормы — на всем пути в неведомое будущее, которое было слишком велико, чтобы измениться. Все это, подумалось ему,

не более пугало и ужасало, чем другие формы вселенской тирании, уже явленные человеческому разуму; с этим можно было бы жить, не будь его роль столь неприятной...

Кулак разжался.

Улыбаясь, Глорм протянул руку к повисшему в воздухе кошельку. Пальцы его сделали что-то такое, за чем Джонни уследить не сумел, — и вдруг кошелек опустился прямо Глорму на ладонь.

Там он еще некоторое время трясся и мерцал, будто замедляющийся волчок. Затем внезапно разошелся на коричневую монетку и пенсне. Снова началось мерцание, в какой-то яркой кляксе последовательно появлялись авторучка, записная книжка, часы, зажигалка. Затем оба предмета стабилизировались — металлические, неживые.

Глорм сунул их куда-то в складки своего одеяния.

— Bona, — безразлично бросил он через плечо, — Resendution al Nov-Jorkon.

Отчаяние развязало Джонни язык. Он заговорил, еще сам толком не понимая, что же, собственно, хочет сказать.

— А что, если я не останусь в Нью-Йорке?

Глорм помедлил и раздраженно повернулся к художнику:

— Kio?

— Вы вернули себе устройство, — начал Джонни, когда идея обрела очертания у него в голове. — Хорошо. Но что вы собираетесь делать, если я решу переехать в Чикаго или еще куда-нибудь? Или если меня арестуют и посадят в тюрьму? Я вот о чем. Вы можете перетасовать все вероятности, но если я хорошенько постараюсь, то могу поставить себя в такое положение, где *невозможно* будет случиться тому, чего бы вам хотелось. — Он перевел дух. — Понимаете, о чем я говорю?

— Plejmalprigo, — сказал Глорм. Судя по выражению его лица, он понял.

— Вот что, — продолжил Джонни. — Мне надо бы уяснить всю картину. Герцог, о котором вы говорили как о главном герое, — это тот Герцог, которого я знаю? — Он получил в подтверждение кивок от Глорма. — И когда он помогал мне убраться из города, это была часть сценария?

— Генеральная репетиция, — сказал смуглый. — Ты плюхнешься в болото во Флориде — и выбираешься оттуда по уши в дерьме и в пиявках. Потрясающая хохма.

Джонни вздрогнул и постарался выбросить из головы пиявок и падения из высотных зданий.

— Я хочу знать вот что: в чем здесь интересы Герцога. Почему он хотел, чтобы я убрался из города?

И ему объяснили. Ответ был дьявольски прост, и Джонни даже показалось, что он знал его заранее.

Художник подождал, пока ногти выйдут у него из ладоней, а затем почувствовал, что снова может говорить разумно. Но тут он вдруг понял, что ему нечего сказать. О чем можно разговаривать с людьми, способными вытворить *такое*, а потом назвать это искусством или увеселением? Логично было предположить, что культура, чьими вкусами диктовались безжалостные представления Глорма, должна иметь именно такое понятие о «герое». И это ужасало.

Снова время поджимало. Но и ключ ко всему был уже у Джонни в руках.

Что на его месте сказал бы Герцог?

— Ладно, послушайте, — быстро начал Джонни, — мне тут, конечно, только жеваной бумагой харкать, а перед вами я бы и крышку со своего чайника снял, но вот какое дело...

Глорм со смуглым подались вперед с заинтересованными, настороженными выражениями на лицах.

— ...Но вот как я все это себе представляю. Вместо того клоунского типа для вашей «разрядки смехом» мы вводим обходительный тип «гражданина мира». Такой сюжетный поворот. Вот это смог бы провернуть, гм, по-настоящему великий продюсер-режиссер. Вот это я понимаю. Возьмем, к примеру... да, покажите-ка мне, где там в сценарии говорится о...

Джонни материализовался на тихой улочке в нескольких шагах от двери своего дома. Чувствовал он только тяжесть и усталость. Солнце все еще висело высоко над крышами старых зданий; около 2.30 — через полтора часа после того, как Герцог покинул его в аэропорту.

Джонни прислонился к перилам и стал ждать. Ну конечно — вот улицу переходит Мэри Финиган; волосы ее распущены, а под глазами темные круги.

— Иди домой, Мэри, — сказал ей Джонни.

Девушка изумилась:

— А что случилось — разве его здесь нет? То есть Герцог звонил мне — сказал, что он у тебя.

— Да, и у него там топорик, — заметил Джонни. — Я правду говорю. Он собирался убить тебя в моей квартире моим же туристским топориком. На нем отпечатки моих пальцев.

Когда она ушла, Джонни завернул за угол и вошел в вестибюль. Герцог стоял там, запустив руку в почтовый ящик Джонни. Обернувшись, он выругался, а рука его машинально выдернула из ящика пухлый конверт.

— Джонни, какого черта ты тут делаешь?

— Я раздумал ехать.

Герцог прислонился к стене, ухмыляясь.

— Что ж, каждая новая встреча дает маленькое представление о воскресении. Вот так так! — Он взглянул на конверт у себя в руке, будто только что его заметил. — Так, интересно, и что же тут такое?

— Сам знаешь что, — беззлобно проговорил Джонни. — Пятьдесят баксов, которые мне должен Тед Эдвардс. Именно они и навели тебя на мысль, когда Тед сказал тебе, что отплатит долг по почте. Затем подкатило то дельце с Мэри, и ты, наверное, подумал, что сам Бог дает тебе такую возможность.

Глаза Герцога сузились, а взгляд его стал жестким.

— Так ты и про это знаешь? Да? И что же ты собирался тут делать? Не скажешь ли старому приятелю?

— Ничего, — ответил Джонни. — Просто отдай мне расписку, и будем считать, что все улажено.

Герцог выудил из кармана сложенный листок бумаги и отдал его Джонни. Явно не в своей тарелке, он все заглядывал Джонни в глаза.

— Ну-ну. Порядок, да?

Джонни кивнул и направился к лестнице.

— Значит, порядок, — сказал Герцог. Он стоял, подбоченясь, и качал головой. — Да, Джонни, мальчик мой, ну ты и артист!

Джонни бросил на него быстрый взгляд.

— Ты тоже, — заверил он.

БАВИЛОН II

1

В анфас он немного напоминал Пьяного Хулигана, если вы еще такого помните. В профиль, когда во всей красе представлял серебристый гребень, он больше смахивал на помесь Джорджа Арлисса и какаду.

Под гребнем — чуть менее четырех футов роста, большая голова, и все такое прочее. В особенности Хулигана отличала морщинистая лилово-серая кожа, любопытные уши в форме значка американского доллара и животик «А-а-ля тру-ля-ля»; носил он куртку цвета электрик, короткие штаны в обтяжку из какого-то блестящего материала: на коротеньких ножках красовались ботфорты, а на перевязи, перекинутой через узкое плечо, болтался диск из белого металла, почти в четверть роста самого Хулигана.

Ллойд Каваноу увидел это чучело одним прекрасным майским утром в гостиной своей квартиры-студии на Восточной Пятидесятой улице в Манхэттене. Явление это возникло будто бы прямо из-за чертежного столика в дальнем конце комнаты.

Что было абсолютной бессмыслицей. Чертежный столик с горизонтально опущенной крышкой и все еще стоявшим на ней завтраком был придвинут к окну с опущенными портьерами. С правой стороны, между столиком и шкафчиком для грампластинок, было дюймов шесть; с левой же стороны, между столиком и бочонком, на котором Каваноу держал чернила и кисточки, и того меньше.

Каваноу, нервный молодой человек с вытянутым хмурым лицом, кое-как прилаженный к угловатому, нескладному телу, бросил недовольный взгляд поверх блестящего озерца на модельном столе и пробормотал:

— Что там еще за черт?

Затем отключил все прожекторы и зажег комнатное освещение.

Внезапно оказавшееся в лучах света, хулиганоподобное существо засверкало, будто елочное украшение. Глаза Хулигана быстро-быстро заморгали; затем длинная верхняя губа искривилась в немыслимой серпообразной улыбке, обнажив выступающие передние зубы. Хулиган произнес что-то вроде «хах-хуях!» и энергично закивал головой.

Первая мысль Каваноу была о «Хассельблад». Он схватил камеру, треножник и все прочее и оттащил свое хозяйство к безопасному месту за креслом. Затем прошел к камину и взял с решетки кочергу. Крепко сжимая грозное оружие, он стал наступать на Хулигана.

Тот устремился навстречу, ухмыляясь и кивая. На расстоянии двух шагов Хулиган остановился, отвесил поклон и поднес к глазам Каваноу какой-то белый диск.

На диске проступила картинка.

Цветная и объемная, она изображала десятидюймового Каваноу, склонившегося над треногой. Руки его быстро двигались, складывая кусочки, затем мини-Каваноу отступил и с явным удовлетворением устоял на продолговатую коробочку с выступающим спереди хромированным цилиндром, что появилась на крышке треноги. «Хассельблад».

Каваноу опустил кочергу. С отвалившейся челюстью он устоял на опустевший уже диск, затем на лиловую физиономию Хулигана и серебристую поросль на его голове — нечто среднее между волосами и перьями...

— Как это получилось? — потребовал он ответа.

— Полусися, — не моргнув глазом ответил Хулиган. Он качнул диском в сторону Каваноу, указал на свою голову, затем на диск, затем на голову Каваноу, затем снова на диск. Наконец он протянул штуковину Каваноу, почему-то склонив голову набок.

Каваноу опасно взял диск. Руки его покрылись гусиной кожей.

— Хочешь знать, не я ли сделал камеру? — на пробу спросил он. — Так, что ли?

— Сто ли, — отозвался Хулиган. Он снова поклонился, дважды кивнул и выпучил глаза.

Каваноу размышлял. Уставившись на диск, он представил себе необъятную машину с великим множеством разных приводных ремней и прочих движущихся частей, где все отчаянно крутится и вращается. Ага, вот она — немного корявая, правда, но ничего. С одной ее стороны Каваноу прилепил загрузочное устройство, заставил человечка подойти к нему и высыпать целую бадью металлолома, а затем показал выходящие сплошным потоком с другой стороны фотокамеры.

Внимательно разглядывавший обратную сторону диска Хулиган выпрямился и с очередным поклоном забрал диск у Каваноу. Затем этот недомерок три раза стремительно обернулся вокруг своей оси, одной рукой зажимая нос, а другой яростно размахивая.

Каваноу отступил на шаг, покрепче сжимая кочергу.

Хулиган устремился мимо так быстро, что только пятки зашлепали. Наконец, упершись подбородком в край модельного стола, он уставился на конструкцию в самом центре стола.

— Эй! — сердито выкрикнул Каваноу и последовал за пришельцем.

Хулиган повернулся и снова протянул ему диск. Там образовалась другая картинка: склонившийся над столом Каваноу на этот раз складывал крошечные фигурки и располагал их на фоне раскрашенной декорации.

Что, в принципе, и соответствовало действительности. По профессии Каваноу был рисовальщиком комиксов. К самой работе он был равнодушен — механическое занятие, правда, хорошо оплачиваемое, но... оно разрушило в нем творца. Каваноу больше не мог рисовать, раскрашивать или гравировать ради собственного удовольствия. Тогда он занялся фотографией, а точнее, настольной фотографией.

Модели он создавал из глины, папье-маше, проволоки, бисера, кусочков дерева и вообще всякой всячины; расписывал их или красил, компоновал и освещал, а затем, с помощью своего верного «Хассельблада» и специального объектива, фотографировал. Уже через год результаты превзошли все ожидания.

Выстроенная теперь на столе конструкция казалась обманчиво простой. Фон и средний план занимали заросли пихты и горного лавра. На переднем плане у потухшего костра виднелись три фигуры. Не люди — дохлые, безволосые существа с большими мягкими глазами, одетые в походное снаряжение странного покроя.

Двое, сидевшие спиной к осыпающейся каменной кладке, склонялись над полоской бумаги, отмотанной от металлического цилиндра. Третий расположился на камне, ближе к камере, с обглоданной костью в руке. Очертания кости казались тревожно знакомыми.

Хулиган снова сунул ему диск, ухмыляясь и подмигивая. Каваноу, в котором любопытство пересилило раздражение, взял диск и вторично просмотрел сценку, уже показанную Хулиганом.

— Ну да, — кивнул он, — я это делал. Ну и что?

— Нью сто! — Хулиган взмахнул рукой слишком стремительно, чтобы уследить, и совершенно неожиданно в руке у него оказался крупный фрукт, нечто вроде лилового персика с бородавками. Заметив на лице Каваноу недоумение, Хулиган убрал квазиперсик туда, откуда он и появился, и вытащил на свет комок полупрозрачных розовых нитей. Каваноу раздраженно нахмурился.

— Послушай-ка... — начал он.

Хулиган рискнул снова. На сей раз в руке у него оказался ограниченный прозрачный камень размером с хорошую вишню.

Глаза у Каваноу полезли на лоб. А что, если это алмаз...

— Хой-мамай! — выразительно произнес Хулиган. Он указал на камень, на Каваноу, затем на себя и модельную конструкцию. Яснее ясного: он хотел торговать.

Все верно, алмаз; по крайней мере, камень прочертил аккуратную линию на бутылке из-под пива. Сверкающий, абсолютно прозрачный и, насколько мог судить Каваноу, лишенный всяких изъянов. Каваноу положил бриллиант на почтовые весы — тот потянул чуть менее унции. Ну, значит, грамм двадцать, а ведь карат — это всего двести миллиграммов... Так фотограф получил заманчивую цифру в сто карат —

чуть меньше, чем алмаз «Надежда» в своем первоначальном состоянии.

Каваноу подозрительно уставился на пришельца.

Хулиган также не сводил с него совиных глаз. Каваноу взял у гостя диск и протранслировал ответ: серию картинок, на которых Каваноу фотографировал модели, обрабатывал пленку, а затем торжественно принимал бриллиант и передавал модели Хулигану.

Хулиган отвесил серию поклонов, подпрыгнул, постоял на руках и, ухмыляясь, хлопнул Каваноу по плечу. Принимая ужимки и прыжки за знаки согласия, Каваноу вернул на место «Хассельблад» и продолжил работу. Он сделал с полдюжины цветных снимков, затем перезарядил аппарат черно-белой пленкой и нащелкал еще с полдюжины.

Хулиган наблюдал за процессом с трепетным вниманием. Он последовал за Каваноу в темную комнату и таращился из-за верстака, пока Каваноу проявлял черно-белую пленку, фиксировал ее, промывал и сушил, резал и печатал.

Как только вышел первый снимок, Хулиган тут же замахал руками и вынул второй бриллиант, размером в половину первого. Оказалось, пришельцу требовались и снимки!

Едва успевая смахивать пот со лба, Каваноу рылся в картотеке и извлекал оттуда цветные фотографии и диапозитивы других своих работ: серий «Ганцель и Гретель», «Кавор и Гранд-Лунар», «Walpurgisnacht», про Гулливера, гасящего пожар в липецком дворце, про главу агентства Жи-О-Пи-Эй. Хулиган купил все. По завершении каждой сделки он брал покупку и куда-то ее убирал — туда же, откуда доставал и бриллианты. Каваноу смотрел во все глаза, но никак не мог понять, куда все это девается.

Между прочим, а откуда взялся сам Хулиган?

Убедившись, что снимков у Каваноу не осталось, Хулиган стал рыскать по комнате, заглядывая во все углы, наклоняясь, чтобы осмотреть книжные стеллажи, привставая на цыпочки, чтобы глянуть, что там на каминной полке. Наконец он ткнул пальцем в пятидюймовую деревянную фигурку длиннолицего мужчины, сидящего со скрещенными руками и опершегося локтями о колени, — ифугаосскую резную работу, которую Каваноу приволок домой с Филиппин. На диске ненадолго появилось изображение машины Гольдберга, которым Каваноу

пытался объяснить происхождение камер. Затем Хулиган вопросительно вскинул голову.

— Нет, — возразил Каваноу. — Ручная работа.

Он взял диск и изобразил Хулигану загорелого мужчину, обрабатывающего кусок красного дерева. Затем страсть к трюкачеству взяла свое, и он заставил мужчину сжаться до крошечного пятнышка на островке, который тут же сам стал пятнышком на медленно вращающемся глобусе, где с одного края исчезали Азия и Австралия, а на другом появлялась Америка. Фотограф сделал красную точку для Нью-Йорка и ткнул пальцем себе в грудь.

— Вломак, — задумчиво вымолвил Хулиган. Отвернувшись от Ифугао, он указал на яркий ковер с ромбовидными узорами, что висел над кушеткой. — Учная абота?

Каваноу, уже готовый расстаться с Ифугао за очередной бриллиант, растерялся.

— Минутку-минутку, — сказал фотограф и изобразил на диске еще одну движущуюся картинку: как он передает Ифугао за обычное вознаграждение.

Хулиган отскочил от него, хлопая ушами и топорща гребень. Затем, придя в себя, он продемонстрировал Каваноу иной вариант: как Хулиган получает резную фигурку и передает бриллиант тому самому загорелому мужчине; которого Каваноу описал как создателя поделки.

— Учная абота? — снова спросил пришелец, указывая на ковер.

Заметно скиснув, Каваноу показал ему, как ковер был соткан тощими мексиканцами в соломенных шляпах. Еще с большим унынием ответил он на хулиганский вопрос «где?», изобразив карту Мексики, и уже с откровенной тоской он определял авторов шведского серебряного кувшинчика, малайского кинжала, индийского латунного кальяна, пары мокасин, сплетенных вручную в Гринвич-Виллидж, и указывал их местоположение.

Хулиган, судя по всему, покупал только у творцов.

Во всяком случае, если бриллианты Каваноу больше не светили, он мог получить кое-какую информацию. Фотограф взял диск и изобразил на нем неожиданно возникающего в комнате Хулигана. Затем прокрутил все обратно и вопросительно взглянул на пришельца.

В ответ Каваноу получил картинку с изображением сумеречного бездонного пространства, где шпендрики с гребнями вроде Хулигана прогуливались меж высоких грибовидных растений, напоминавших растущие рядами эскимо на палочке. Другая планета? Каваноу тронул диск и заставил обзор переместиться вверх. Хулиган любезно напустил еще больше непроглядного лилового тумана. Ни солнца, ни луны, ни звезд.

Каваноу попытался еще разок, изобразив себя, стоящего на земном шаре, устремив взор в ночное небо. Внезапно в небе появилась крошечная хулиганская фигурка, неловко рассеиваясь на какой-то звезде:

Хулиган ответил картинкой, приведшей Каваноу в еще большее замешательство. На ней изображались два шара, висающие в пустоте. Один был твердым на вид, и на нем стояла крошечная фигурка человека; другой представлял собой лиловую мглу с коротконогой, украшенной гребнем фигуркой Хулигана внутри. Оба шара медленно-медленно вращались друг вокруг друга, после каждого круга чуть-чуть сближаясь, причем твердый шар все время то светлел, то темнел. В конце концов шары соприкоснулись, и хулиганская фигурка устремилась к перемычке. Твердый шар еще раз поменял цвет, Хулиган пулей метнулся обратно на туманный шар, и сферы разделились, неторопливо расходясь по мере вращения.

Каваноу сдался.

Хулиган, выждав немного, чтобы убедиться, что вопросов у Каваноу больше не имеется, изобразил нижайший поклон из всех, какие только можно представить, и вытащил на свет последний бриллиант — изумительный, самый крупный из полученных Каваноу, не считая одного-двух.

Картинка с Каваноу, принимающим бриллиант и передающим что-то неясное: «За что?»

Картинка с Хулиганом, отвергающим это неясное: «Так просто». Картинка с Хулиганом, похлопывающим Каваноу по плечу: «За дружбу».

Пристыженный, Каваноу достал с книжной полки бутылку майского вина и стаканы. С помощью диска он объяснил Хулигану, что представляет собой напиток и, не слишком вдаваясь в подробности, какого действия от него следует ожидать.

Это и оказалось роковой ошибкой.

Хулиган, сияя в промежутках между глотками лучезарной улыбкой, пил вино, выказывая всевозможные знаки восхищения. Затем, эффектно взмахнув рукой, выложил на стол махонькую бело-зеленую фигулечку. У хулиганского устройства было зеленое прозрачное основание и тонкий металлический стержень с утолщением на конце, торчавший вертикально из самой середины. Вот, собственно, и все.

В приятном предвкушении Каваноу внимательно следил за пиктографическим объяснением гостя. Устройство, судя по всему, было хулиганским эквивалентом алкогольных напитков. (Картинка изображала Хулигана и Каваноу с широчайшими улыбками на лицах, в то время как внутри их прозрачных черепов то вспыхивали, то гасли цветные огоньки.) Каваноу кивнул, когда коротышка взглянул на него, видимо ожидая одобрения. Толстым пальчиком Хулиган осторожно коснулся утолщения на конце стерженька. Тот завибрировал.

У Каваноу появилось странное ощущение, будто кто-то помешивает его мозги соломинкой от коктейля. Щекотно. Бодряще. Восхитительно.

— Ха! — выдохнул Каваноу.

— Хо! — отозвался Хулиган, радостно ухмыляясь.

Он взял со стола фигулечку — Каваноу даже не успел заметить, куда она делась, — и встал. Каваноу проводил гостя до двери. Шибздик хлопнул Каваноу по плечу, тот пожал пришельцу руку. Затем, радостно перепрыгивая сразу через три ступеньки, Хулиган помчался по лестнице.

Несколькими секундами спустя, выглянув из окна, Каваноу увидел пришельца проезжающим мимо на крыше автобуса, идущего до Второй авеню.

2

Ощущение эйфории уменьшилось через считанные минуты, оставив Каваноу в несколько расслабленном, но смятенном состоянии ума. Желая убедиться в реальности происшедшего, он выгрузил на стол содержимое раздувшихся карманов брюк. Вот они, алмазы — твердые, прохладные, острогранные, сияющие великолепием. Фотограф пересчитал сокровища, всего

камней оказалось двадцать семь, и самый крупный в сотню карат. Сколько же все это стоит?

Спокойно, Ллойд, предостерег он себя. Тут может быть и подвох. Сейчас нужно поехать в деловую часть к оценщику и выяснить. Кстати, он там одного знал — во Френч-Билдинг, рукой подать от Патриотик-Комикс. Каваноу выбрал два камушка — помельче и покрупнее, надежно уложил их во внутреннем кармане бумажника. Слегка дрожа от возбуждения, он ссыпал остальные в бумажную коробку и спрятал в кухне под раковиной.

По авеню курсировало желтое такси, Каваноу остановил его и забрался в машину.

— Угол Сорок пятой и Пятой, — буркнул он.

— Чмо-о? — переспросил шофер, выгибаясь, чтобы взглянуть на пассажира.

Каваноу сердито нахмурился.

— Угол Сорок пятой улицы, — отдельно повторил он, — и Пятой авеню. Поехали.

— Засср, — произнес водитель, сдвигая кепку на затылок, — малахерь не лыздын урлы, пунек. Шуз сандаль калым небалуй?

Каваноу вылез из машины.

— Сутра затрамбон! — вякнул напоследок водила и укатил, поскрежетава своей развалюхой.

С отвисшей челюстью Каваноу уставился вслед хаму. Уши его запылали.

— И как это я не выяснил номер его лицензии? — спросил он вслух. — Почему я не остался дома, где никто мне не пачкает мозги? И зачем я вообще живу в этом вонючем городе?

Он забрел обратно на тротуар.

— Шизис, агуй? — услышал он за спиной голос.

Каваноу крутанулся волчком. Всего-навсего какой-то соплик с газетой в руке и еще пачкой под мышкой.

— Займись-ка лучше делом, — бросил ему Каваноу.

Он отвернулся от мальчишки, сделал пару шагов к перекрестку, затем застыл на месте, еще раз огляделся и зашагал назад.

Зрение его не обмануло: заголовок газеты в руках у мальчугана гласил: «БУКАТРИ АГЫКИУЧ ЗСУХЧИСУВАЯ ДИЧЬ».

Название газеты, во всем прочем выглядевшей в точности как «Дейли ньюс», было «Бувевы льях».

Мальчишка-газетчик пятился от Каваноу, с опаской на него взирая.

— Погоди, — торопливо выговорил Каваноу. Он пошарил в кармане, отыскивая мелочь, ничего не нашел и дрожащими пальцами вытянул из бумажника банкноту. Затем сунул ее газетчику. — Давай.

Мальчуган взял доллар, взглянул на него, бросил на мостовую под ноги Каваноу и дал стрекача.

Каваноу поднял банкноту. Во всех ее углах стояла крупная цифра 4. Над знакомой физиономией Джорджа Вашингтона красовались слова: ХЕУБЫЛЮЛЛОУ ТЧИЧО ИДУСЫРЫ. А внизу значилось: ЕБЫЛ БЕВВИС.

Каваноу ухватился за душивший его воротник. Вибрирующее устройство?.. Нет, не то, перепутался именно мир, а не Каваноу. Но это нелепо, ведь...

Потрепанный мужичонка в котелке налетел на Каваноу, хватая его за грудки.

— Потс, — забормотал он, — дран безмазы, дран безмазы? Хулю ба умардамент в кыш?

Каваноу отпихнул придурка и ретировался.

Мужичонка ударился в слезы.

— Вуздяк! — завыл он. — Вуздяк, факи нересь камаль?

Каваноу оборвал свои размышления. Краешком глаза он заметил, что городской автобус как раз подкатил к остановке у перекрестка. Фотограф припустил за ним.

А там краснорожий водитель, наполовину привстав с сиденья, ревел какую-то тарабарщину толстой бабе, которая вопила в ответ, угрожающе размахивая зонтиком. Узкий проход целиком заполняли лица — лица недоуменные, лица раздраженные, лица кричащие. Воздух так и топорщился от вылетающих невпопад согласных.

В дальнем конце кто-то визжал, как свинья, и барабанил по задней двери. Изрыгая проклятия, водитель повернулся, чтобы открыть. Обрадованная, баба воспользовалась удобным случаем и треснула шоферу зонтиком по макушке; когда последовавшая за этим свалка закончилась, Каваноу понял, что оказался надежно втиснут в самую середину автобуса, даже не заплатив за проезд.

Автобус двинулся. На каждой остановке самые буйные пассажиры сходили, но оставшиеся были немногим лучше. Никто,

тупо осознал Каваноу, не мог никого понять, никто не мог простить ни слова.

Гвалт нарастал, Каваноу слышал, как хриплый рев водителя слабеет. Впереди неистово заливались автомобильные гудки. С огромным трудом собравшись с мыслями, Каваноу сумел подумать: «В каких пределах?» Вот что самое существенное — происходит ли вся эта кутерьма одновременно по всему Нью-Йорку... или по всему миру? Или — какая жуткая мысль! — может, это что-то вроде заразы, которую разносит с собой Каваноу?!

Необходимо было выяснить.

Движение становилось все плотнее. На Шестой авеню автобус, который и так двигался в час по метру, совсем остановился, и двери с шумом распахнулись. Вглядываясь вперед, через головы Каваноу заметил, что водитель слез по ступенькам, швырнул фуражку на мостовую, плюнул на нее и понурив голову растворился в толпе.

Каваноу выбрался из автобуса и побрел на запад через весь этот бедлам. Заливались автомобильные гудки, сирены визжали; через каждые пятнадцать ярдов была драка, а в каждой десятой драке участвовал полицейский. Вскоре стало яснее ясно, что до Бродвея Каваноу никогда не добраться. Он с боями прорвался до Шестой и повернул на юг.

Динамик над лавкой грампластинок ревел песенку, которую Каваноу прекрасно знал и терпеть не мог, но вместо слишком хорошо знакомых слов хриплый женский голос распевал:

Акремкуки шизы ж Бушозоу, акремкуки шизы зомажми-иш...

Музыка же была до боли знакомой.

Уличный указатель прямо перед глазами гласил: 13 ФРЛФ. Даже номера перепутались.

У Каваноу заныло сердце. Он зашел в бар.

Там дела шли полным ходом. Никакого бармена не было и в помине, но добрая треть посетителей орудовала за стойкой, обслуживая остальных и выдавая по бутылке каждому.

Каваноу локтями пробился в первые ряды и оказался в замешательстве, отхватив сразу две бутылки с надписями на этикетках соответственно «ЦИФ-05» и «Цитлфиотл». Ни одна из

надписей особого аппетита не вызывала, но янтарная жидкость в обеих бутылках выглядела подходяще. Он остановился на «Цитлфиотле». Взбодрившись после второго глотка, Каваноу осмотрел бар и определил, где находится радио.

Оно, как обнаружил Каваноу, работало, но из динамика не доносилось ничего, кроме фонового шума. Фотограф покрутил все ручки, какие там были. Справа на шкале, пронумерованной по кругу от 77 до 408, он наткнулся на оркестр, исполнявший «Картинки с выставки», а больше нигде и ничего.

Так, заключил он, решалась одна из проблем. WQXR, со своей исключительно музыкальной программой, была в эфире, остальные отключились. Это значило, что речь шла по двойному стандарту, и не только в вещании Нью-Йорка и Нью-Джерси, но и в сетевых программах с Западного побережья. Или минутку-минутку, — даже если диктор в Голливуде мог изъясняться на подлинном английском, разве это не звучало бы бессмыслицей для какого-нибудь инженера в Манхэттене?

Так он мало-помалу подошел к следующей проблеме. Выбрав в глубине уединенный столик и прихватив с собой «Цитлфиотл», он уютно там устроился и аккуратно разложил на столике следующие важные предметы:

- 1) использованный конверт;
- 2) авторучку;
- 3) долларовую банкноту;
- 4) свою карточку соцобеспечения;
- 5) отвоеванную у кого-то газету.

Теперь вопрос состоял в том, остался ли в образцах человеческой речи какой-то порядок, или все перепуталось до полного хаоса. Научный метод, подкрепленный «Цитлфиотлом», должен был дать ответ.

Первым шагом Каваноу стало следующее: на чистой стороне конверта он строго вертикально написал все буквы алфавита.

Затем, после некоторых размышлений, скопировал текст с долларовой банкноты. Получилось:

ХЕУБЫЛЮЛЛОУ ТЧИЧО ИДУСЫРЫ ЕБЫЛ БЕВВИС

После этого он, буква к букве, выписал под этой чушью текст, который должен быть написан на долларовой банкноте:

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ ОДИН ДОЛЛАР

Эта операция дала ему пятнадцать букв, которые Каваноу разместил на соответствующих местах напротив уже написанных букв алфавита. Прodelав аналогичную процедуру с «Бувельях», или «Дейли ньюс», а также со своей собственной подписью, выглядевшей на карточке как «Ввееб Рикилеа», он получил еще несколько букв, а также конечный результат в виде:

А	И	Б		В	К	Г	
Д	Б	Е	У	Е	Ю	Ж	
З		И	Ы	Й	Е	К	Р
Л	В	М	Д	Н	Л	О	Е
П		Р	С	С	Х	Т	Ч
У	А	Ф		Х		Ц	
Ч		Ш	Т	Щ		Ъ	
Ы	О	Ь	Ь	Э		Ю	Я Я

Теперь подошел черед последнего текста. Каваноу скопировал загадочный заголовок из «Льях» и перевел его, пользуясь своими изысканиями:

БУКАТРИ АГЫКИУЧ
ДЕВУШКА У. ИВАЕТ
ЗСУХЧИСУВАЯ ДИЧЬ
РЕСТАРЕЛЮЮ МАТЬ

Триумфальный успех! Теперь он мог общаться!

Суть вот в чем, уверенно говорил себе Каваноу: когда мне кажется, что я говорю «привет», на самом деле я говорю «зсыкуч», и именно поэтому никто меня не понимает. А следовательно, если бы мне казалось, что я говорю «зсыкуч», на самом деле я говорил бы «привет». И если мы пойдем по такому пути, то устроим настоящую революцию.

Однако не сработало!

Какое-то время спустя Каваноу оказался в заброшенной классной комнате с весьма строптивым составом учащихся из трех бородатых очкариков и женщины с челкой на глазах. Спа-

ситель человечества предпринял отчаянную попытку путем упражнений на классной доске обучить их новому алфавиту, начинавшемуся с И, пропуск, К, пропуск, Б, У, Ю, пропуск... Эти пропуски, пробовал объяснить он, важнее всего.

Спустя еще какое-то время Каваноу стоял на лестничной площадке в вестибюле филиала Нью-Йоркской Публичной библиотеки на Сорок второй улице, снова и снова выкрикивая в собравшуюся толпу:

— ЭсERVючоу ыбыечо! ЗсERVючоу ыбыечо!

Затем еще какое-то время спустя он проснулся, трезвый как стеклышко, и оторвал физиономию от столика с крышкой под мрамор в изрядно разгромленном кафетерии. На стену сквозь зеркальное стекло косо падал солнечный свет, должно быть, конец дня или раннее утро.

Каваноу издал мучительный стон. Он вспомнил, что пошел в бар, потому что болела голова, а это все равно, что принять слабительное, маясь морской болезнью.

Что же касается всего остального — бара и, главное, после... что? было на самом деле, а что померещилось?

Каваноу поднял голову и с надеждой воззрился на надписи в окне. Даже по зеркальному изображению он смог разобрать, что они сделаны на его родном языке. Первой буквой там стояла «Р». Каваноу опять застонал и закрыл лицо руками. Он хотел бы оставаться в таком положении — не двигаясь, никуда не глядя, ничего не замечая, но в конце концов навязчивая мысль снова заставила его поднять голову.

Доколе?

Сколько все это продлится? Сколько еще продлится этот кошмар — пока весь мир не покатится к черту в гробу на колесиках? Ждать осталось недолго.

Как можно без языка что-то купить или продать, отдать какое-то распоряжение? А если даже и можно, то что тогда использовать вместо денег — четырехдолларовые банкноты с надписью ЕБЫЛ БЕВВИС?

Или, с горечью продолжал размышлять Каваноу, с чем-нибудь в равной степени несуразным. Ибо несколько пьяных часов назад он выяснил следующее: у каждого свой алфавит. И что для Каваноу — ЕБЫЛ БЕВВИС, для другого — АКЫН МАДДИТ, или УЧИЛ МУДДАК, или...

В алфавите тридцать три буквы. Число возможных комбинаций, $33 \times 32 \times 31 \times 30 \times 29 \dots$ и так далее до $\times 1 \dots$ оценивалось, если приблизительно взять один порядок на каждую операцию...

Что-нибудь в районе септиллионов.

Впрочем, число это уменьшалось, если гласные заменяли только гласные, а согласные — только согласные, но и в таком случае оно было невообразимо велико. Несравнимо больше числа жителей Земли.

Но это касалось печатного слова. А в отношении речи, вдруг понял Каваноу, число получалось несколько больше. Ведь здесь считались не буквы, а фонемы — их же в языке около сорока на тридцать три буквы.

Соломинка для помешивания мозгов переключила как попало дуги рефлексов, соединив образец рецептора для «К» с образцом рецептора для «Х», или «Д», или любой другой буквы...

Каваноу нарисовал указательным пальцем на крышке стола букву, хмуро ее разглядывая. Разве он не всегда рисовал букву «О» именно так — одна вертикальная черта и три горизонтальных?

Но тут-то и заключалась основная чертовщина: память здесь уже ничего не значила — воспоминания оставались теми же, но напрочь перепутались. Как если бы оборвали все провода в телефонном коммутаторе, а затем соединили как попало.

Конечно, все было именно так, как и должно быть — никто же не расхаживал, переписывая все указатели, перепечатывая газеты или подделывая подпись в карточке сощобеспечения Каваноу. Этот полукруг первой буквы его фамилии по-прежнему был «К», хотя ему и казалось временами, что это натуральная «Р».

Хотя так ли? Если падает дерево, но никто этого не слышит, то есть ли звук? И, подумал Каваноу, подавляя в себе истерический порыв, какой может быть выход из подобного положения?

Ладно, все по порядку.

Хулиган.

Он прибыл из какого-то места, которое и местом-то по сути не было, преодолев расстояние, которое толком не было и расстоянием. Но это, должно быть, трудный маршрут, поскольку раньше никогда не поступало никаких сообщений о явлении народу недорослых коллекционеров с гребнями какаду...

Хулиган купил местные поделки, расплатившись за них камушками, которые на этой планете бесценны, а там, откуда он прибыл, их, может статься, как грязи. Просто симпатичные бусинки для тамошних жителей. А вы из вежливости предлагаете ему бокал вина. И он, желая проявить ответную вежливость, угощает вас порцией соломинок-от-коктейля-в-голове.

Огненная вода. Умеренный стимулятор для Хулигана, а для аборигенов — черт на колесиках. Вместо того чтобы дать двум собеседникам возможность немного расслабиться, эти соломинки перевернули вверх дном целую планету, а поскольку Хулиган объяснялся с помощью картинок, то, быть может, он до сих пор и представления не имеет о вреде, который причинил. По окончании визита он, довольный, отправится домой со своими трофеями, а затем, через несколько тысяч лет, когда человеческая раса снова соберется в полуакровые нации и трехгрошовые империи, явится еще один Хулиган...

Каваноу вскочил со стула.

Мурашки пробежали у него по спине.

Все это произошло не впервые. Такое случалось уже по меньшей мере однажды, несколько тысяч лет назад, в долине Евфрата.

Нет, не Бедлам — Вавилон.

3

Солнце скатывалось все ниже к западу, золотя опустевшую Сорок-вторую улицу полным горечи ложным обещанием весны в Нью-Йорке. Потрясенно прислонившись к дверному косяку, Каваноу видел разбитые витрины и темные помещения за ними. Откуда-то из жилых кварталов доносился беспорядочный гул, но немногие проходившие мимо люди были безмолвны и озадачены.

На углу Седьмой авеню была жуткая пробка, и еще одна на Восьмой, Каваноу с облегчением понял, что этим и объяснялось столь вялое движение в квартале. Придерживая шляпу, он резво перебежал улицу и нырнул в черную пасть подземки.

Аркада и сама станция были гулкими и пустынными. Ни души за газетными прилавками, никто не играет в китайский бильярд, пусто в разменной кабинке. Тяжело дыша, Каваноу

миновал открытые ворота и гулко затопал вниз по лестнице, к платформе в деловую часть.

На путях стоял и тихонько пыхтел поезд с открытыми дверями и включенным освещением. Каваноу пробежал к первому вагону и направился к кабине машиниста.

За пультом управления ни души.

Чертыхаясь, Каваноу выкарабкался обратно на улицу. Требовалось отыскать Хулигана, на это оставался один шанс из миллиона, и каждая потерянная минута теперь могла оказаться решающей.

Коротышка мог появиться в любой точке планеты. Но он выразил интерес к предметам в квартире Каваноу, происходившим соответственно из Филиппин, Мексики, Малайзии, Швеции, Индии, а также из Гринвич-Виллиджа. Если, что невероятно, он еще не побывал в Виллидже, то тогда Каваноу, быть может, удастся отловить его там, другой надежды не оставалось.

На Восьмой авеню, к югу от Сорок первой, на глаза Каваноу попало припаркованное к тротуару желтое такси. Водитель стоял у стены под указателем «Рери-Реву» и разговаривал сам с собой, яростно при этом жестикулируя.

Каваноу ухватил шофера за рукав и настойчиво замахал в южном направлении. Водила лишь мельком на него глянул, прочистил глотку, отодвинулся вдоль стены фута на два и возобновил прерванные рассуждения.

Вне себя от ярости, Каваноу немного поколебался, а затем, пошарив в карманах, достал оттуда бумагу и ручку. Он обнаружил конверт со своим революционным алфавитом, нашел свободное место, а затем стремительно набросал там следующий рисунок:

Водитель вначале утомленно взглянул на бумажку, а затем уже с некоторым проблеском внимания. Каваноу ткнул пальцем в рисунок и вопросительно посмотрел на таксиста.

Поначалу шофер не понял.

— Внакджо? — отважился он.

Маловато слогов. Каваноу покачал головой и снова ткнул пальцем в рисунок.

— Покетиб?

Каваноу кивнул. Похоже на правду.

— Покетиб... Покетиб... — На лице у водилы постепенно появилось просветленное выражение. — Згрук! Покетиб-згрук!

— Ну вот, ты и понял, — облегченно вздохнул Каваноу. — Шеридан-сквер. Покетиб-згрук.

Уже на полпути к машине водитель вдруг резко притормозил, будто что-то припоминая, и красноречиво протянул руку.

Каваноу вынул из кармана банкноты и помахал ими перед носом у шофера. Тот покачал головой.

— Бу минтык, — с грустью произнес он и повернул обратно к стене.

Двадцатью минутами позже Каваноу оказался беднее на один тридцатикаратовый бриллиант, а водитель такси с милой улыбкой на честном лице открывал для него дверцу машины на западном углу Шеридан-сквера — в нескольких ярдах от серой, как пуля, статуи генерала.

Каваноу сделал водиле знак подождать, получил в ответ радостную ухмылку и кивок и ринулся вдоль квартала.

Вначале он миновал магазин Джанигяна, попросту его не узнав, и по вполне понятной причине: нигде в пустых рабочих помещениях и торговых залах не виднелось ни ботинка, ни шлепанца.

Дверь была приоткрыта. Каваноу вошел туда, подозрительно оглядел пустые полки, а затем обратил внимание на дверь в заднее помещение, закрытую на здоровеннейший висячий замок. Странно. Во-первых, Джанигян никогда не верил ни в какие запоры, и на этой двери никогда не было даже шпингалета. А во-вторых, Джанигян просто никуда не выходил. Ибо, по справедливому замечанию Э.Б. Уайта, мостовая всякий раз поднималась навстречу ноге, норовя при этом угодить в лицо.

Каваноу запустил пальцы в щель между дверью и косяком и потянул.

Засов легко отошел, дверь раскрылась.

За ней оказался Джанигян.

Скрестив ноги, он сидел на деревянном ящичке, и вид у него был умеренно дикий. На коленях у торговца лежало ржавое охотничье ружье, а в пол у самых ног были воткнуты два тесака дюймов по десять каждый.

Увидев Каваноу, Джанигян поднял охотничье ружье, затем немного его опустил.

— Одо! — сказал он.

Каваноу перевел это как «ага!», что было у Джанигяна обычным приветствием.

— И тебе одо, — поздоровался фотограф. Затем вытащил бумажник, извлек оттуда другой свой бриллиант — побольше — и показал его Джанигяну.

Тот важно кивнул. Затем встал, надежно зажав под мышкой охотничье ружье, а другой рукой, не спуская взгляда с Каваноу, открыл крышку ящичка. Отпихнув в сторону с полдюжины грязных рубашек, он порылся в нем и выцарапал оттуда пригоршню блестящих камушков.

Бриллианты.

Джанигян ссыпал драгоценности обратно в ящичек, снова навалил сверху грязных рубашек, закрыл крышку и сел.

— Одо! — сказал он.

На сей раз это значило: «Всего хорошего». Каваноу побрел прочь.

Головная боль, незаметно оставившая фотографа в покое где-то на Сорок второй улице, снова напомнила о себе. Без особого вдохновения изрыгая проклятия, Каваноу направился обратно к такси.

Что же теперь? Не погоняться ли за Хулиганом по Филиппинам, Швеции или Мексике?

А почему бы, собственно, и нет?

Если я его не разыщу, сказал себе Каваноу, то меньше чем через год буду жить в пещере. Стану вшивым троглодитом. Снова на обед у человека будут личинки...

Таксист ждал на углу. Каваноу сердито буркнул ему подождать еще и зашел в табачную лавку на другой стороне улицы. Из толстого слоя валявшихся на полу галстуков, записных книжек и перемолотых в порошок леденцов он вытянул карту пяти районов Нью-Йорка. Затем устало перетащился обратно через улицу и забрался в такси.

Водила смотрел на него выжидающе.

— У твоей мамыши уши мохнатые, — сообщил ему Каваноу.
— Пса-пса? — переспросил водитель.
— И целых три штуки, — добавил Каваноу. Он раскрыл карту на участке Квинс-Лонг-Айленд, сумел отыскать там Флашинг-Бей и нарисовал крестик, который, подумав немного, переделал в жирную точку, там, где должен был располагаться Ла-Гвардия-Филд.

Таксис взглянул на карту, кивнул и вытянул мясистую лапу. Каваноу едва справился с сильнейшим желанием плюнуть туда. Вместо этого он возмущенно нарисовал уже переданный хапуге камень, указал на него, затем на таксиста, затем на карту.

Водила пожал плечами и указал большим пальцем на выход. Каваноу заскрежетал зубами, крепко зажмурил глаза и досчитал до двадцати. Наконец, когда фотограф убедился, что может держать опасную бритву с острого конца, он взял ручку, отыскал на карте район Манхэттена и жирной точкой пометил угол Пятидесятой и Второй авеню. Он также нарисовал другой алмаз и провел от него стрелочки к точке.

Водитель внимательно изучил картинку. Он еще дальше перегнулся через сиденье и ткнул в точку жирным пальцем.

— И сю лубе бу битяуп? — подозрительно спросил он.

— Предки твоего папы, орангутаны, страдали жуткими болезнями, — заверил его Каваноу.

Успокоенный столь многосложным заверением, водитель завел машину.

У себя в квартире, пока водила важно расслаивался в гостинной, Каваноу взял самый мелкий бриллиантик, чтобы заплатить за проезд, и еще двенадцать, от средних до самых крупных, на дальнейшие нужды. Он взял также две банки тушенки, банку бычков, открывашку, ложку и бутылку томатного сока. Все это фотограф положил в бумажный пакет. В тот момент он и думать не хотел о еде, но ведь когда-нибудь поесть придется. Все же лучше, чем личинки...

Все главные магистрали, ведущие из Нью-Йорка, оказались, как выяснил Каваноу, забиты транспортом: очевидно, все островитяне старались выбраться на материк, и наоборот. На дорожные знаки никто уже внимания не обращал — и прискорбные результаты такой езды валялись едва ли не на каждом перекрестке.

Два часа ушло у них на то, чтобы добраться до Ла-Гвардии.

Вокруг машины, припаркованной у здания аэропорта, происходила целая битва. Когда подкатило такси Каваноу, толпа раскололась и хлынула к новой жертве, Каваноу еле успел открыть дверцу и выпрыгнуть. Молниеносно отскочив от капота, он прошелся кому-то по ногам, заехал еще кому-то в поддых, и когда несколькими секундами спустя обрел равновесие, то увидел, как такси разворачивается на двух колесах с распаннутой задней дверью, а туда, будто пчелиный рой, набивается плотная масса пассажиров. Подфарники машины закачались, удаляясь, а несколько отставших штурмовиков яростно бросились за ними вслед.

Каваноу осторожно обошел несколько поредевшую толпу, все еще бьющуюся насмерть у оставшегося автомобиля, и вошел в здание аэропорта. Там он с боями прорвался через зал ожидания, потерял пакет с продуктами, несколько пуговиц рубашки, девять десятых своей решимости, но все же нашел открытые ворота на поле.

Громадная, залитая светом прожекторов площадь представляла собой одно неразделимое смешение людей, собак и самолетов — столько самолетов в одном месте Каваноу еще никогда не видел. Там был их целый лес — лайнеры, транспорты, частные самолеты всевозможных размеров и форм.

Еще сложнее было пересчитать собак. Казалось, только совсем рядом с Каваноу их несколько десятков, здоровенных и шумных. Один особенно шустрый дог размером с хорошую пуму, пару раз обежал вокруг Каваноу, а затем встал на задние лапы и положил громадные передние лапы на грудь. Каваноу рухнул, как обрубленное дерево. Какое-то мучительное мгновение человек и собака глядели друг другу в глаза, затем зверь закрутился, звучно хлеща Каваноу хвостом по морде, и был таков.

Озверев от ярости, Каваноу кое-как поднялся и зашагал дальше по летному полю. Кто-то схватил страдальца за рукав и гаркнул ему в ухо, Каваноу резко отмахнулся от пристававшей, развернулся вокруг своей оси и налетел еще на одного господина, который двинул его саквояжем. Некоторое время спустя, с помраченным рассудком и избитым телом, фотограф обнаружил, что приближается к хлипкому на вид моноплан-

чику, на крыле которого сидит невысокий мужчина в кожаной куртке.

Каваноу вскарабкался на крыло и сел рядом с мужчиной, тяжело дыша. Тот задумчиво посмотрел на соседа и поднял левую руку. В ней был гаечный ключ.

Каваноу вздохнул. Успокаивающе подняв руку, он раскрыл бумажник и достал оттуда алмаз покрупнее.

Авиатор чуть-чуть опустил гаечный ключ.

Каваноу стал искать авторучку, но ее не оказалось. Заткнув пальцем ноздрю, из которой текла кровь, он разложил на поверхности крыла контурную карту Северной Америки.

Авиатор слегка поморщился, но наблюдал с интересом.

Каваноу провел между Соединенными Штатами и Мексикой границу и поставил к югу от нее крупную красную кляксу. Затем указал на самолет, на кляксу и протянул бриллиант.

Пилот помотал головой.

Каваноу добавил второй бриллиант.

Мужчина снова помотал головой. Он указал на самолет, изобразил, будто надевает на голову наушники, наклонил голову, как бы внимательно вслушиваясь, и еще раз помотал головой. «Нет радиосвязи».

Затем, выпрямив ладонь, он круто двинул ею кверху, а другой ладонью быстро резанул поперек горла. «Самоубийство».

Затем он изобразил какой-то невоенный салют. «Все равно спасибо».

Каваноу слез с крыла. Следующий пилот дал ему аналогичный ответ, и следующий; и еще один. До пятого Каваноу просто не добрался, так как, срезая себе путь под низким крылом, наткнулся на двух молча боровшихся джентльменов, которые с готовностью перенесли свою размолвку на него. Когда после кратковременной потери сознания фотограф пришел в себя, джентльмены уже куда-то делись, а вместе с ними и его бумажник с алмазами.

Каваноу побрел обратно к Манхэттену.

Время, проведенное во сне под эстакадой где-то в Квинсе, заняло у него двенадцать часов. Вообще говоря, даже орегонский баран сможет найти дорогу в Манхэттен, но сам уро-

женец Манхэттена потеряется где угодно вне своего острова. Каваноу умудрился пропустить мост Квинсборо, забрел на юг, в Бруклин, сам того не поняв (легче было сдохнуть), и накрутил шестьдесят кварталов лишку, сбившись с курса у Уильямсбургского моста. Так он через улицу Деланси угодил на Ловер-Ист-Сайд, что было не слишком большим достижением.

Следуя по пути наименьшего сопротивления и отчаянно тоскуя по цивилизации (то есть по центральным районам Нью-Йорка), Каваноу двигался на северо-запад по бывлой коровьей тропке, теперь называемой соответственно Бауэри, Четвертой авеню и Бродвеем. Помедлив только затем, чтобы обшмонать киоск типа «Соки-воды» на Юнион-сквер в поисках холодных котлет, он добрался до Сорок второй улицы в пол-одиннадцатого — через двадцать три с половиной часа после прискорбного знакомства с Хулиганом.

Таймс-сквер, и так по утрам действующая на нервы, теперь была совсем печальной и какой-то незнакомой. Скучная струйка транспорта двигалась рывками. Стекла во всех автомобилях были подняты до упора, и не у одного пассажира Каваноу заметил в руках оружие. Толпы на загаженных тротуарах, казалось, не то что никуда не направлялись, они даже и не думали никуда направляться. Все просто слонялись, как бараны.

Книжные лавки пустовали, а их содержимое валялось на мостовой. Галантереи, кафетерии, аптеки... но самое удивительное — там и тут торговля продолжалась. На деньги по-прежнему можно было купить бутылку спиртного, пачку сигарет или банку консервов — все необходимое. Возникали проблемы с оценкой, но они решались достаточно просто и решительно: над каждым прилавком были выставлены основные товары, которыми лавка торговала, каждый с одной-двумя банкнотами. Сигареты — Джордж Вашингтон. Литровая бутылка виски — Александр Гамильтон плюс Авраам Линкольн. Банка суррогатного мяса — Эндрю Джексон.

Открыли даже один кинотеатр. Там шел фестиваль фильмов Чарли Чаплина.

Каваноу чувствовал необыкновенную легкость в голове и какую-то бестелесность. Вавилон, великий город! — думал он; и вот где-то там, в беспросветной пропасти меж допотоп-

ным временем и нашей эрой, некогда мелькнул историк со своим свитком...

Теперь человеческая раса, по существу, получила то же самое. Нью-Йорк перестал быть городом, он просто-напросто превратился в сырой материал для археологических изысканий, стал кучей мусора. И снова, подумав о «Финнегане», Каваноу припомнил: «Что за шмилую старую шмалость тут зашмолили!»

Фотограф всматривался в лица окружающих, опустошенные новым горем — горем молчания. Вот что бьет их всего больше, подумал он. Бессловесность. Подумаешь, не могут читать — тут лишь легкая досада. Но вот болтать они обожают.

И все же человеческая раса могла бы выжить, лопни только разговорное слово, но не печатное. Достаточно несложно выработать универсальные звуковые символы для тех немногих ситуаций, когда речь действительно необходима. Но ничем нельзя заменить учебники, доклады, библиотеки, деловые письма.

Теперь, с горечью подумал Каваноу, Хулиган уже выменивает на сияющие бусины травяные юбки в Гонолулу, или резные моржовые клыки на Аляске, или...

Но так ли? Каваноу резко остановился. До сих пор он думал, что по всему земному шару Хулиган материализуется точно так же, как он появился у него в квартире. А когда сделает дело, то р-раз — и впрыгивает туда, откуда появился. Или еще куда-нибудь.

Но если шибздик мог таким образом путешествовать, почему же он покинул дом Каваноу на автобусе, идущем до Второй авеню?

Каваноу стал яростно обшаривать свою память. Колени его подогнулись.

Посредством диска Хулиган показал Каваноу, что эти две, скажем, вселенные сходятся крайне редко, а когда сходятся, то соприкасаются лишь в одной точке. Последний раз на равнине Сеннаар. На сей раз — в гостиной Каваноу.

А то мигание — свет-тьма-свет — до того, как изображенный на диске Хулиган перешел обратно на свою сферу?..

Двадцать четыре часа.

Каваноу взглянул на часы. 10. 37.

И он побежал.

С ногами, налитыми свинцом, полуживой и проклинаящий себя, Хулигана, человеческую расу, Всевышнего Создателя и весь мыслимый космос, на последнем издыхании Каваноу добрался до угла Сорок девятой улицы и Второй авеню. Тут-то он как раз и увидел, как Хулиган бодро крутит педали велосипеда вдоль по авеню.

Фотограф крикнул, вернее, попытался, но ничего, кроме хрипа, из горла не вышло.

С мучительным свистом хватая воздух, Каваноу завернул за угол и побежал, просто чтобы не рухнуть вниз физиономией. У входа он почти догнал Хулигана, но не смог остановиться и набрать воздуха, чтобы крикнуть. Хулиган проскользнул за дверь и стал подниматься по лестнице, Каваноу устремился за ним.

Уже на полпути Каваноу подумал, что Хулиган не сможет открыть дверь квартиры. Но когда он достиг площадки третьего этажа, дверь оказалась открыта.

Каваноу сделал еще одно, последнее усилие, прыгнул, будто форель на перекате, споткнулся о приступок в дверях и пропахал носом полкомнаты.

Хулиган, застигнутый полетом форели в шаге от чертежного столика, обернулся с изумленным:

— Чая-блях?

Увидев Каваноу, шибздик тут же двинулся к нему с выражением пучеглазого участия. Каваноу же не мог пошевелить и ухом.

Взволнованно бормоча что-то себе под нос, Хулиган достал бело-зеленую фигулечку — скорее всего точно так же, как человек потянулся бы за стопочкой целебного коньяка — и поставил ее на пол перед носом у Каваноу.

— Уф-ф! — выдохнул Каваноу. Затем потянулся и схватил диск Хулигана.

Картинки возникали без участия разума: фигулечка — вспыхивавшие и гасшие в голове огни — в десятках, в сотнях голов, а затем — рушатся здания, сталкиваются поезда, извергаются вулканы...

Глаза Хулигана совсем вылезли из орбит.

— Хекбол! — воскликнул он, хватаясь за голову. Затем схватил диск и сделал пояснительные картинки — фигулечка и бокал вина, перетекающие друг в друга.

— Знаю, — хрипло вымолвил Каваноу, с трудом приподнимаясь на локте. — Можешь это уладить? — Он изобразил картинку с Хулиганом, машущим на огненные вспышки, которые с готовностью исчезали.

— Дуурь, дуурь, — ответил Хулиган, яростно кивая. Он взял фигулечку и непонятно как разобрал зеленое основание на десятки крохотных кубичков, которые затем с величайшей осторожностью начал складывать заново, очевидно, в другом порядке.

Каваноу еле-еле добрался до кресла и обмяк там, будто снятая с руки перчатка. Он посматривал за Хулиганом, вяло твердя себе, что если не будет держать себя в руках, то заснет в следующую же секунду. Тем временем в комнате сделалось как-то необычно спокойно и мирно... Вскоре Каваноу понял, в чем дело.

Тишина.

Две сварливые бабы, наводнявшие своими тушами нижний от Каваноу этаж, уже не выкрикивали друг другу любезности. Никто не врубал идиотскую музыку раз в шесть громче, чем нужно.

Домовладелица не орала с верхнего этажа свои ценные инструкции дворнику в полуподвал.

Мир. Тишина.

Ни с того ни с сего разум Каваноу вдруг обратился к фильмам немого кино и всему, с ними связанному: к Чаплину, кинстоунским полицейским, Дугласу Фербенксу, Гарбо... Вот было бы славно вытащить эти фильмы из запасников, подумал он, чтобы их смотрели все, а не только хранители фонотеки Музея современного искусства...

В Конгрессе пришлось бы соорудить нечто вроде фототелеграфа с экраном, пожалуй что, над столом спикера.

Телевидение. Вот телевидению, мечтательно подумал Каваноу, придется заткнуться и свернуть манатки.

Никакой больше предвыборной болтовни.

Никаких больше банкетных спичей.

Никакой больше поющей рекламы.

Каваноу вдруг сел прямо.

— Послушай, — напряженно обратился он к Хулигану, — а мог бы ты исправить только письмо — но не разговорную речь?

Хулиган вылупил на него глаза и протянул диск.

Каваноу взял диск и медленно начал переводить идею в аккуратные картинки...

Хулиган удалился, исчез, как лопнувший мыльный пузырь в конце нырка, через чертежный столик Каваноу.

Сам Каваноу по-прежнему сидел в кресле, прислушиваясь. Вскоре снаружи донесся отдаленный нестройный рев. По всему городу, по всему миру, предположил Каваноу, люди обнаруживали, что снова могут читать, что знаки соответствуют тому, о чем они говорят, что остров, которым вдруг стал каждый, теперь превратился в полуостров.

Гвалт продолжался минут двадцать, а затем понемногу затих. Оком своего разума Каваноу видел ту оргию бумагомарания, которая, должно быть, уже начиналась. Он выпрямился в кресле и прислушался к благословенной тишине.

Некоторое время спустя внимание фотографа привлек к себе приступ нарастающей боли, точно забытый на время гнилой зуб. Подумав немного, Каваноу определил эту боль как свою совесть. Да кто ты такой, корила его совесть, чтобы отнимать у людей дар речи — то единственное, что когда-то отличало человека от обезьяны?

Каваноу исправно попытался почувствовать раскаяние, но почему-то не сумел. А кто сказал, спросил он у своей совести, что это был дар? На что мы его использовали?

А я тебе скажу, продолжил он увещевать свою совесть. Вот в табачной лавке: «Эй, а ты чего себе думаешь о тех чертовых янки? Ну, е-мое, это было что-то, да? Ясное дело! Говорю тебе...»

Дома: «Ну, что у тебя сегодня на работе? А-а. Чертов дурдом он и есть дурдом. А у тебя тут как дела? А-атлична! Грех жаловаться. С детишками порядок? Ага. Эх-ма. Ну, что там на обед?»

На вечеринке: «Привет, Гарри! Да что ты говоришь, парень! Ну, как ты там? Эт-то хорошо. А как там... ну я ему так прямо и говорю, а кто ты такой, чтобы мне указывать... да, хотелось бы, только нельзя. Все желудок — доктор говорит... Органди, и с маленькими золотистыми пуговками... Вот так, значит? Ну, а как тебе пару раз по соплям?»

На уличных углах: «Лебенсраум... Нордише Блют...»

Я, сказал своей совести Каваноу, остаюсь при своем мнении.
И совесть ничего ему не ответила.

В тишине Каваноу прошел по комнате к шкафчику с грампластинками и вынул оттуда альбом. На корешке он смог прочесть надпись: МАЛЕР. «Песня о земле».

Фотограф вынул из альбома один из дисков и поставил его на проигрыватель — «Песню пьяницы» из пятой части.

Слушая музыку, Каваноу блаженно улыбался. Конечно, это искусственное средство, думал он, с точки зрения Хулигана, человеческая раса была теперь постоянно в легком подпитии. Ну так и что?

Слова, которые выводил тенор, звучали для Каваноу как тарбарщина. Впрочем, они всегда были для него таковой: фотограф не знал немецкого. Однако он знал, что они означают.

Was geht mich denn der Frühling an?!
Lasst mich betrunken sein?

Что тогда мне весна?
Напьюсь хорошенько!

НАЗАД, О ВРЕМЯ!

Он помнил только дождь и белое сияние фар на дороге. Больше он ничего не видел, но знал — Эмили лежит рядом, неподвижная, накрытая чьим-то пальто. Больно было так рождаться — белый нож вонзался ему в грудь с каждым вдохом. Затем все скрылось из виду. Когда Салливан снова очнулся, они с Эмили сидели в машине — бешено уносились назад, прочь от места аварии. Встречный автомобиль удалялся — свет его фар превратился наконец в слабое зарево по ту сторону холма, потом совсем растворился во тьме. Дорога плавно и беззвучно катилась назад.

Салливан вел машину и смотрел, как звезды мчатся сквозь ночь. Усталый и умиротворенный, он ничего не желал, воспринимая все окружающее с безмолвным удивлением.

Как странно! Как странно и удивительно — впервые войти в свой дом из пяти превосходно обставленных комнат. Все в самый раз для них с Эмили. Книги в кожаных и тканевых переплетах. Картины. Коробки с сигарами. Гардеробы и платяные шкафы, полные роскошной темных цветов одежды, скроенной как раз по мерке. Жизнь, думал Лоуренс Уоллес Салливан, хороша.

Утром у камина, сняв с полки томик в удобном кожаном переплете, он раскрыл его на странице с закладкой.

Времени медленный ход по песку
Позади нас — а стоит к нему обратиться,
Жизни возвысит, творимые нами самими.
Судьбы великих, нам напомниманием будьте!

Замечательные слова... Он взглянул на часы. Небо за окном рабочего кабинета бледнело — от светлого лазурного до густо-синего и зеленоватого над голым лесом антенн. Салливан ощутил сытость — подходило время обеда. Поставив книгу обратно на полку, он прошел в столовую, охая и потягиваясь.

Получилось так, что фирма Салливана и Гейкора управляла антипографией, занимавшей трехэтажное здание на Везистрит. Громадные машины без устали пожирали все виды печатной продукции и превращали ее в аккуратные рулоны бумаги, банки чернил, слитки металла. Работа этих машин была слишком сложна, чтобы Салливан мог разобраться во всех подробностях, да он и не пытался. Его заботу составляли корреспонденции и финансовые отчеты, что скапливались у него на столе. А в цехах заправлял его партнер, Гейкор, краснолицый мужчина с хриплым голосом и расстройством пищеварения.

Впрочем, Салливан льстил себя надеждой, что прекрасно понимает всю романтику своей работы. Как же иначе? Слова и слова — слова со всего мира стекались в их антипографию, ведомые бесчувственной щедростью природы; слова бесконечно вторились, собирались с пепелищ и свалок, а потом аккуратно спечатывались и уменьшались в количестве до единственного экземпляра каждой проповеди и брошюры, каждой книги и рекламного листка... Будто стрелы, листы бумаги веером разносились во все стороны — и каждый безошибочно находил путь к тому человеку, которому он был адресован. А в результате Салливан (по мере своих слабых сил, разумеется) оказывался слугой общества, стражем регресса.

Скоротечные годы летели один за другим. Летом на Кейп-Код Салливан стал ощущать какое-то странное беспокойство. Частенько он стоял, прислушиваясь к пересвистывающимся на отмели кроншнепам, или наблюдал, как внезапный вечерний шквал несет к берегу буйные волны. Во рту у него слабые гаванские сигары вытягивались вслед за длинным мягким пеплом, пока наконец не закруглялись на кончике — тогда Салливан брал серебряный ножик, аккуратно закрывал кончик и укладывал сигару в коробку. Седоватые волосы Эмили темнели; теперь получалось все больше разговоров и все больше ссор. Иногда Эмили как-то странно на него посматривала. К чему бы это? В чем смысл их жизни?

Когда Салливану стукнуло десять, он открыл для себя секс с Эмили. Краткий опыт, неудачный. И не скоро повторившийся. Двумя годами позже он встретил Пегги.

Встреча произошла в пятидесятые годы в многоквартирном доме, где Салливан раньше никогда не бывал. Как-то после обеда он прошел по коридору, дверь открылась — и Пегги влепила ему добрую пощечину. Затем они вместе оказались в комнате — оба тяжело дышали и злобно поглядывали друг на друга. Салливан испытывал к ней ненависть, смешанную с отвращением и вожделением. Считанные мгновения спустя, все еще угрюмые, они отчужденно начали раздеваться...

Следом за Пегги появилась Элис, а после Элис — Конни. Но то было уже в 1942 году, Салливану только что исполнилось пятнадцать — мужчина в самом расцвете сил. В том самом году незнакомый Салливану человек, который оказался его сыном, вернулся домой из Италии. Роберт только что демобилизовался; поначалу он звал себя Р. Гейнор Салливан, отпускал грубые шутки, но когда его зачислили в колледж, дела пошли на лад. Затем — время летело как ветер — он опять оказался дома, и квартира стала слишком мала. Они переехали в дом на Лонг-Айленде. Добавились лишние хлопоты, и отношения Салливана с женой стали более чем натянутыми. Впрочем, он работал как вол — дела фирмы процветали. Хотя, надо признать, отчасти благодаря солидным аккордным выплатам отцу Эмили.

И каждый месяц — корешки чеков. Деньги поступали на счет Салливана от бакалейщика, от дантиста, от докторов... эти деньги всегда с трудом удавалось сбывать в достаточном количестве. Трудно было поддерживать баланс.

По вечерам на Салливана из зеркала пялилось знакомое лицо — серое и изможденное. Пальцы потирали гладкую щеку; затем вверх по диагонали двигалась бритва, оставляя за собой мыльную пену и ростки щетины. Потом надо было умыть лицо, чтобы смыть пену, и вот оно в зеркале, снова со щетиной. А что, если бы как-нибудь пришлось оставить его гладким? Впрочем, бритье уже вошло в привычку.

Фирма несколько раз переезжала и наконец обосновалась в верхнем этаже дома на Бликер-стрит. Технологический процесс упрощался; все больше работников освобождались, пока Салливан, Гейнор и трое печатников не стали управляться сами. Салливан частенько вставал к рабочему прессу. Раз на-

учившись им управлять, Салливан уже почувствовал успокоительную, почти завораживающую притягательность ритма, в котором чистый лист смахивался со столика и на его место шлепался отпечатанный. Грязный отпечатанный лист стирался одним ловким акробатическим движением — одним взмахом металлических челюстей. В то время Гейнор стал куда более симпатичным малым: дни, что Салливан проводил на работе, были полны радости — как и ночи, проведенные дома. Мальчик стал ему невероятно дорог, а в Эмили Салливан был просто влюблен. Салливану казалось, он никогда не был так счастлив.

А вот выписаны последние квитки; последние записи стерты из гроссбухов. Рабочие развинтили и демонтировали прессы, чтобы их увезти. Не осталось ничего, кроме как обменяться рукопожатиями и каждому пойти своей дорогой. Салливан с Гейнором торжественно закрыли дверь и перебрались в бар внизу, ощущая легкое опьянение — предвестник выпивки.

— Ну, за успех!

— Да, может, теперь-то этот парень Рузвельт наконец свалит, и пойдут перемены.

Они торжественно чокнулись, а затем поставили бокалы официантке на поднос. Протрезвев, они вышли. Гейнор возвращался в Миннеаполис, где работал техником в антипографии, а самому Салливану какое-то время предстояло рыскать в поисках работы, пока не подвернулось место помощника бумажного маклера. Но ненадолго — через несколько лет начиналась Великая депрессия.

Салливан развернул очередной номер «Сан», с наслаждением раздвигая серые страницы.

— Наконец-то! Эта женщина уволена с должности в Техасе, — объявил он и добавил: — Скатертью дорожка! — Да, именно так и гласил заголовок. Какой ужас — женщина-губернатор! Куда катится мир?

Эмили складывала пеленки и, похоже, не расслышала восклицания Салливана. Она опять теряла фигуру — казалась бледной, усталой и апатичной. Малыш Роберт похрюкивал в колыбельке — он совсем сжался и напоминал скорее какого-то зверька, чем ребенка. Роберт спал теперь почти круглые

сутки — когда не вопил и не сосал и без того набухшие груди Эмили. Странное дело — примерно через месяц надо было везти их обоих в родильный дом, откуда вернется одна Эмили. Как странно! Салливан когда-то любил сына и даже сейчас проявлял к нему нежное внимание — но каким же облегчением было бы избавиться от него! А потом будут еще шесть славных месяцев, пока Эмили не вернет себе фигуру...

Эмили искоса взглянула на Салливана. Она была прелестна — как и прежде. Эмили, Эмили... Но что она вправду думает о нем? Что же происходит?

Голос священника гудел у Салливана в голове. Эмили, еще краше, чем когда-либо, нежно высвободилась из его объятий. Салливан снял с ее пальца кольцо и отдал его Бобу.

— С этим кольцом я развожу тебя, — сказал священник.

Потом они ходили гулять, но уже никогда не ложились в одну постель. Только раз — поспешно, в задней комнате, когда родителей Эмили не было дома. А потом как-то поздним вечером они болтали друг с другом в гостях, и незнакомый ни ему, ни ей человек сказал:

— Вот, Эмили, попрощайся с Ларри Салливаном, — и увел ее прочь. Салливан понял, что больше никогда ее не увидит.

И с того дня в его жизни образовалась какая-то полость. Он пытался заполнить ее развлечениями — побольше спиртного, побольше музыки... Он встречался с девушками, целовал их, приглашал на свидания, но страшно скучал по жене. Тяжело привыкнуть. Один — после всех тех лет...

И все-таки жизнь вроде предлагает что-то взамен. Как же интересно было наблюдать за переменами — видеть, как с годами все закладывалось.

Автомобили лишились малейших следов бывших обтекаемых форм — стали скромнее и элегантнее, предвещая появление легких экипажей и одноконных карет. На улицах было все меньше машин и все меньше людей. Воздух стал чище. На киноэкране Гарбо сменила Грэйс. Несравненный Чаплин добился признания; появились кинстоунские полицейские. Салливан восхищенно следил за переменами. Технологический регресс определенно превосходная штука! И все же время от времени

Салливан ловил себя на том, что с сожалением вспоминает былые шумные и суетные дни.

К счастью, снова должна была начаться война — Европа пробуждалась от долгой спячки, а на востоке зарождалась Святая Русь.

Салливан нервно ошупывал шрам на бедре. Надо бы показать-ся с ним в полевой госпиталь, решил он, — шрам был плотный, свежий и постоянно зудел. Неприятный шрам — весь сморщенный. Рана шла как раз посередине бедра мимо большой берцовой кости. Хорошо бы отправиться на фронт и избавиться от нее. Пока что война не слишком напоминала то, что показывали в кинофильмах.

Опираясь на тонкую трость, Салливан вышел из-под барачного навеса на солнце. Вокруг было полным-полно раненых; Салливан предположил, что все это похоже на прелюдию к большому сражению при Аргоннах, о котором он читал в предсказаниях. Наверное, там его очередь и подойдет. Интересно, как все получится. Может, минометный снаряд? Или рукопашная? А может, что-то совсем разочаровывающее — вроде падения через палаточную веревку в темноте? Салливан желал теперь только одного — чтобы время наконец подошло и он это пережил.

По возвращении из Франции Салливан попутно повидался с отцом. Старик совсем поседел и весь трясся. Говорить им, похоже, особенно было не о чем. Салливану показалось, что оба почувствовали облегчение, когда он отправился в Корнелл.

Его зачислили на старший курс — а значит, на полных четыре года. Салливана это совсем не тревожило, в конце концов, годы, проведенные в колледже — самые важные в жизни. Здесь все, что ты думал и говорил, все, что ты знал, и все, чем ты был, выходило из тебя и передавалось преподавателю соответствующей дисциплины. Затем преподаватель суммировал все это в одной из лекций — сухой или блистательной, смотря по тому, что это за преподаватель. В конечном итоге самая суть лекции входила в первоначальную рукопись учебника, впитывалась автором и далее возвращалась в природу — использованной и отброшенной.

Той весной Салливан занялся футболом. В физкультурных предсказательных ведомостях значилось, что он отыграл полных два сезона за университетскую команду. На футбольном поле скорее всего ему и предстояло избавиться от горбинки на носу, хотя об этом в ведомостях ничего не сообщалось.

После года, проведенного в колледже, Салливан привлек к себе внимание одного старого чудака, профессора Туи. Они часенъко извергали из себя пиво в темном погребке у Туи, где тот держал для этой цели бочонок, и вели философские беседы.

— Да, тут есть над чем подумать, — подчас начинал Туй, возвращаясь к своему излюбленному предмету. — Откуда нам знать? Обратная последовательность причинной связи событий может оказаться не менее обоснованной, чем переживаемая нами. В конце концов, понятия причины и следствия достаточно произвольны.

— Весьма фантастичное предположение, — осторожно вставлял Салливан.

— Нам сложно себе такое представить просто потому, что мы к этому не привыкли. Все дело лишь в точке зрения. Вода потекла бы под гору, а не наоборот. И так далее. Совсем по-другому распределялась бы энергия — от предельной концентрации к максимальной дисперсии. Почему бы и нет?

Салливан с трудом попытался представить себе столь необычный мир — даже мурашки побежали по коже. Подумать только! Не знать дня собственной смерти!

— Все получалось бы наоборот. Чтобы сказать «лови», надо было бы говорить «брось». Значения слов оказались бы совершенно иными — по крайней мере всех глаголов, выражающих длительность. Возникла бы масса сложностей.

— Зато все прекрасно соответствовало бы здравому смыслу в правильном понимании. При энергетических расчетах трение следовало бы вычитать, а не прибавлять. И так далее. Вселенная расширялась бы; мы обогревали бы наши дома печами, вместо того чтобы их охлаждать. Трава росла бы из семян. И ты принимал бы внутрь пищу и выталкивал отходы, вместо того чтобы инкретировать и эксгестировать, как это делаем мы. Вот так-то!

Салливан усмехнулся:

— Значит, мы выходили бы из тел женщин, а после смерти нас хоронили бы в земле?

— А ты подумай хорошенько. Такая жизнь протекала бы в полной гармонии с природой. Мы жили бы в обратную сторону — от смерти к рождению — и даже не сознавали разницы. Что раньше — курица или яйцо? Войны порождают армии или армии — войны? Что тогда следует понимать под причинностью? Попробуй задуматься.

— Хм.

И обычный вопрос под конец:

— Так что же ты, Салливан, думаешь по поводу принципа причинности?

Хотел бы он знать.

Теперь, когда ему стукнуло пятьдесят два, мир стал огромным и ярким. В Салливане бурлила бешеная энергия, и в погожие дни он никак не мог усидеть дома. Даже зимой он подолгу наблюдал, как замерзающая земляная вода бежит вверх по древооттокам или как кристаллизующийся повсюду снег поднимается в белое небо. Салливан просто принимал все происходящее, ни о чем не спрашивая; но если его пальцы и нос были ярко-розовыми, когда он выходил на улицу, то снег согревал их. А если он просыпался с подбитым глазом, то приятель излечивал его кулаком. Заливаясь оглушительным хохотом, Салливан взбирался на спины своих приятелей и спрыгивал оттуда. Те в долгу не оставались. Все вертелись на занятиях как волчки, строили друг другу рожи из-под учебников, отчаянно вопили, взбираясь на горки и спускаясь обратно. Для избавления от сытости служило время выхода пищи; время утоляло и голод. Самым невыносимым казалось то, что миссис Гастингс рано утром не выпускала Салливана из постели, хотя дураку ясно было, что спать он больше не собирается. Весь последующий день был одной сплошной беготней.

Затем наступил день, когда Салливана и его отца вдруг одновременно охватило какое-то нервное ожидание. Салливан то и дело ударялся в рев, а отец тоскливо вздыхал. Весь тот день они не знали, за что хвататься, и даже смотреть друг на друга не хотели. Наконец, ближе к вечеру, они оделись и вышли.

Отец вел машину, чисто механически крутя баранку. Выбравшись из машины, Салливан понял, что они оказались на кладбище.

Сердце его сжалось. Отец вдруг обнял его за плечи — сильная рука поддержала Салливана, когда он споткнулся. Осталь-

ные неторопливо двигались рядом. Наконец все собрались над открытой могилой. Двое мужчин уже откапывали гроб, ловко лопая на лопату подпрыгивающий комок земли, затем запихивали его в кучу и ожидали следующего.

Затем могильщики подняли гроб на широких лентах и опустили его поперек ямы. Священник, по ту сторону могилы, развел руки и заговорил:

— ...Ибо прах ты и в прах возвратишься...

Закончив, он сконфуженно откашлялся и умолк. Все стали расходиться. Могильщики неподвижно стояли у гроба, лысые головы их блестели на солнце.

Салливан пытался свыкнуться с какой-то странной болью, что поселилась у него в груди. Похоже на болезнь, но он вовсе не был болен. Совсем не похоже на обычную боль, вызванную лечением, — скорее какое-то постоянное мучение, которое, казалось, никогда не пройдет.

Разочарованно оглядываясь вокруг себя, Салливан вдруг понял, какой же дуростью было его прежнее веселье. Вот он на последнем десятке своей жизни — пятьдесят два года позади... Чего же он достиг? Ничего. Только этой ноющей боли утраты. Машинально порывшись в содержимом своего кармана, он выгреб на свет колючую пригоршню всякой всячины: складной ножик, огрызок карандаша, разнокалиберные гвозди, комок грязных бечевков, два кусочка мрамора и агатик, три монетки, обломок серого камня с блестящими вкраплениями, крошки печенья, а в самом низу — свалявшиеся пушинки. Прах и пепел.

Горячая слеза поползла по его щеке.

В комнату, еле волоча ноги, вошел пожилой мужчина и поставил в угол метлу. Последние несколько дней ему самому приходилось заботиться о доме; миссис Гастингс исчезла, и Салливан сомневался, что она когда-нибудь вернется.

— Надень пальто, Ларри, — вздохнув, сказал отец.

Салливан сделал, как было сказано. Они молча вышли на угол и стали ждать трамвая. Салливан постепенно начал понимать, куда они направляются. Тем же самым путем они следовали, когда ему врезали гланды. Страх охватил Салливана, но он взял себя в руки и смолчал.

Да, все верно — они держали путь в больницу. В темном вестибюле они прятали друг от друга глаза. Отец разговаривал с врачом, потерянно вертя в руках котелок, а Салливан машинально двинулся дальше по коридору.

Куда он шел? Что ему нужно в этом мрачном и неприятном здании, среди резких запахов эфира и формалина? Санитарки с постными лицами носили мимо него свои подносы, ритмично цокая каблучками. С обеих сторон проплывали запертые двери.

В горле у Салливана сжался комок. Наконец он остановился перед одной из дверей, по виду ничем не отличавшейся от остальных. Но эта дверь должна была для него открыться.

Ручка повернулась — и тут Салливан вдруг почувствовал, что больше ему не вынести. Господи, что это? Дверь медленно открывалась — и там — за ней — на постели...

Седая женщина. Вот она открыла усталые глаза и попыталась улыбнуться.

Восторг, смешанный с болью, заполнил ему грудь. Наконец-то он понял — он понял все.

— *Мама*, — тихо вымолвил он.

Послесловие

Работы Деймона Найта уже оказали многостороннее воздействие на развитие научной фантастики. Как литературный обозреватель он много сделал для выработки критериев литературной оценки научной фантастики. В частности, из-под его пера вышла книга критических очерков «В поисках чуда» («In Search of Wonder»). В настоящее время Найт издает «Монаду», альманах, в котором публикуются различные статьи и очерки по научной фантастике. В качестве издателя Найт проложил дорогу в жизнь для множества новаторских произведений, в особенности выпуская многотомную серию оригинальных антологий «Орбита». Ему удалось познакомить американцев и с европейской литературой — в сборнике «13 французских научно-фантастических рассказов», выпустить под своей редакцией целый ряд репринтных изданий. Кроме того, Найт занимался и иллюстрациями для крупных профессиональных журналов, а также выступал с лекциями на ряде писательских конференций.

Но при всем том Деймон Найт — прежде всего писатель. Хотя на первых порах о нем не знали как о романисте, известность пришла к нему главным образом благодаря его романам.

Роман «Аналогичный человек» (первоначально вышедший под названием «Ограда Ада» («Hell's Pavement»)) был первым его произведением в жанре научной фантастики; в нем описан мир, где все граждане оказываются под властью воображаемого «хранителя».

Три его ранние короткие повести, хотя задумывались как остро сюжетные боевики, показали, что больше всего Найта интересуют вопросы устройства мира и человеческой психики. Повесть «Солнечные скитальцы» («The Sun Suboteurs») (в сокращенном варианте — «Четвертинка Земли» («The Earth Quarter»)) изображает Вселенную, где человеческие существа являются меньшинством населения, причем презираемым, и вынуждены жить в своеобразных гетто на других планетах... «Рифийский ужас» (в сокращенной редакции — «Двойной смысл» («Double Meaning»)) изображает войну коррумпированного земного правительства с чужаками-инопланетянами, которые неуязвимы из-за постоянно меняющегося облика.

Герой повести получает задание расправиться с незваными гостями, но вскоре у него открываются глаза на собственное общество. В критический момент он делает свой выбор в пользу справедливости и правды, переходя на сторону космических пришельцев... В повести «Хозяева эволюции» («Masters of Evolution»), в сокращенном варианте «Естественное состояние» («Natural state»), перед читателем предстает трагическая картина упадка городов, которые вступают в военные действия против сельского населения и в качестве последнего аргумента применяют страшное биологическое оружие.

Чуть позже, вслед за этими тремя повестями, появляется полноформатный роман «Полмира — за А!» («A for Anything»), в журнальном варианте — «Сумерки людей» («The People Maker»), в котором исследованы опасности чрезмерного материального благополучия. В обществе будущего, где становится физически возможным бесконечно копировать любой материальный объект, единственной ценностью становится невоспроизводимая человеческая жизнь, но, как ни парадоксально, в этой высокоразвитой цивилизации вновь утверждается рабство...

Затем последовало два хороших, хотя и не особенно заметных романа: «Переключатель разума» («Mind Switch») и изощренный триллер «По ту сторону барьера» («Beyond the Barrier»). В первом человеческое существо перерождается и начинает как бы со стороны с удивлением понимать странности устройства человеческого общества. Во втором романе заурядный профессор оказывается суперкиллером, присланным из будущего, в котором создан барьер для человекоубийства...

В эпизодическом романе «Мир и Торинн» («The World and Thorinn») уже отчетливо прорисовывается растущий интерес Найта к метафизическим проблемам, который более полно проявился в его следующей работе. Именно роман «Человек, сидящий на дереве» («The Man in the Tree») стал огромным шагом вперед и показал настоящую зрелость Найта как писателя. Герой романа приобретает способность проникать в параллельные миры, брать оттуда предметы и использовать их в нашем мире... Случайно герой убивает юного хулигана, после чего отец погибшего долгие годы преследует его, задавшись целью отомстить. В ходе романа возникает множество параллелей с житием Иисуса Христа, и за счет философской глубины роман этот можно считать самым значительным произведением Найта.

Недавно Найт закончил трилогию, состоящую из романов «Си-Ви» («CV»), «Наблюдатели» («The Observers») и «Разумный мир» («A Reasonable World»). В ближайшем будущем человеческая цивилизация оказывается в опасности из-за всевозрастающего тотального насилия всех против всех, которое грозит человечеству крахом. Пассажиры океанского лайнера оказываются заражены незримым существом, которое подобно вирусу способно проникать в тело человека. И хотя «положительный» вирус начинает управлять своими «носителями», заставляя их делать добро и жить по совести, он же приводит многих из них к смер-

ти — тех, кто не может смирить своих пусть недостойных, но все-таки человеческих чувств...

Однако не менее высоко ценится Найт как автор коротких новелл. Самые известные его рассказы — это, вероятно, «Служить человеку» («To Serve Man»), «Ты уже другой» («You're Another») и «Страна Добро» («The Country of the Kind»). В новелле «О» ярко блещет юмор Найта — по сюжету все сущее, что начинается на «о», исчезает с лица Земли...

Одним словом, даже если бы репутация Найта зависела только от его научно-фантастических сочинений, то их было бы вполне достаточно. Значение Найта как литературного критика и издателя меньше известно широкой публике. Но как бы то ни было, разносторонняя деятельность Найта на ниве научной фантастики, безусловно, окажет огромное воздействие на развитие этого жанра.

Библиография произведений Деймона Найта

Романы

Hell's Pavement.
The People Maker.
Masters of Evolution.
The Sun Saboteurs.
Beyond the Barrier.
Mind Switch.
The Rithian Terror.
Three Novels: Rule Golden,
Natural State, The Dying Man. | Two Novels (The Earth
Quarter and Double Meaning).
The World and Thorinn.
The Man in the Tree.
CV.
The Observers.
A Reasonable World. |
|---|---|

Сборники рассказов

Far Out.
In Deep.
Off Center.
Turning On.
The Best of Damon Knight. | Rule Golden and Other Stories.
Late Knight Edition.
One Side Laughing: Stories
Unlike Other Stories. |
|---|---|

Библиография произведений, ранее опубликованных в издательстве «Центрполиграф»

Запредел (роман) Beyond the Barrier, 1964
Билет угодно (сб. рассказов) Ticket to Anywhere
Большой лепешечный бум The Big Pat Boom, coll. «Turning On»,
© 1963
Человек в кувшине Man in the Jar, coll. «Turning On», ©
1957
Semper Fi | Semper Fi, «Turning On», © 1964; first
published in ANALOG Science Fact-
Science Fiction under the title
«Satisfaction» |
|--|--|

Манипулятор	The Handler, coll. «Turning On», © 1960 by Greenleaf Publishing Company
Аутодафе	Auto-da-Fe, coll. «Turning On», © 1961 by Galaxy Publishing Corporation
Четверо в одном	Four in One, coll. «In Deep», © 1953
Спроси о чем хочешь	Ask Me Anything, in «Galaxy Science Fiction», © 1951
Око за что?	An Eye For What?, in «Galaxy Science Fiction», © 1951
Забота о человеке	To Serve Man, in «Galaxy Science Fiction», © 1950
Роды с сюрпризом	Special Delivery, in «Galaxy Science Fiction», © 1953
А прошлым не живи	Don't Live in The Past, coll. «Turning On», © 1951
Враг	The Enemy, in «Venture Science Fiction», © 1957
Билет куда угодно	Ticket to Anywhere, in «Galaxy Science Fiction» © 1952

СОДЕРЖАНИЕ

СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ. Роман

Перевод с английского М.К. Кондратьева 5

РАССКАЗЫ

Перевод с английского М.К. Кондратьева

Палка для идиота 215

Анахрон 232

Художество 252

Тяга к непорочности 283

Страна милостивых 289

Ночь обмана 303

Юнга 308

Бесславный конец, или Дверями не хлопать 335

Рипмав 341

Красотка на заказ 343

Времени хватит на все 346

Последнее слово 351

Прибрежный бродяга 357

Станция «Чужак» 369

Сюжетный поворот 398

Вавилон II 433

Назад, о время! 461

Послесловие 471

Библиография произведений

Деймона Найта 474

Найт Деймон
Н20 Сумерки людей: Фантастический роман, рассказы/
Послесловие. — Пер. с англ. — «Осирис». — М.: Центр-
полиграф, 1996. — 476 с.

ISBN 5-218-00151-1

Грустные и потрясающе смешные, исполненные трагического пафоса и язвительной иронии рассказы о путешествиях во времени и пространстве, встречах с инопланетным разумом, памфлеты и скетчи из мира фантастики — вот что скрывается за именем Деймон Найт. Как бороться с наркотиком, вызывающим неслыханный катаклизм в цивилизованном обществе, что может сделать деловой прохиндей с рисовальным аппаратом из будущего, откуда берутся фатальные неудачники, — ответы на эти и многие другие вопросы вы найдете в сборнике «Сумерки людей», впервые публикуемом на русском языке.

ББК 84.7 США

Литературно-художественное издание

Найт Деймон
СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ

*Фантастический роман,
рассказы*

Редактор С.И. Фролёнок

Художественный редактор А.И. Моисеев

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректоры С.Л. Луконина и Н.Г. Усольцева

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 31.10.96.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 27,59.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2436

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

105275, Москва, а/я 55, Ворониной Е.С.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
г. Москва, а/я 55		
Куда _____		
Кому _____	ВОРОНИНОЙ Е.С.	
	Индекс предприятия связи и адрес отправителя	
	680011	
Пишите индекс предприятия связи места назначения	г.Хабаровск, ул. Мира,	
	д. 10, кв. 5.	
Мин. связи России. Издательство «Мирка» 1992 3. 105870. 1111Ф. Голубка. 11.55 к.	Ивановой Г.П.	

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают тарифы для пересылки книг наземным транспортом.

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

ОТКРЫТ МАГАЗИН-КЛУБ

К Вашим услугам свыше 200 наименований самых свежих книг издательства. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, романы в жанре фэнтези, приключения, вестерны, детективы для детей и юношества, книги о собаках в сериях: «Мастера», «Мастера остросюжетного романа», «Мастера остросюжетного детектива», «Русский триллер», «Мастера исторического романа», «Осирис», «Винчестер. Лучшие вестерны», «Библиотека французского детектива», «Стальная мечта», «Мастера фэнтези», «Библиотека американского клуба собаководства», «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» (Рамка), «Маскарад».

Полные собрания сочинений признанных мастеров российской и зарубежной остросюжетной прозы: *Василия Головачева, Дж. Хедли Чейза, Рекса Стаута, Эрла Стенли Гарднера, Яна Флеминга, Картера Брауна, Луиса Ламура, Буало-Нарсежака*, а также внесерийные книги издательства.

ТОЛЬКО В КЛУБЕ:

- встречи книголюбов с авторами, переводчиками, редакторами, художниками;
- презентаций книг «Центрполиграфа» и других издательств;
- читательские конференции;
- творческие диспуты;
- обмен мнениями.

В магазине-клубе «Центрполиграф» книголюбцы смогут не только ознакомиться с новинками издательства, но и приобрести понравившуюся книгу, оформить подписки на собрания сочинений, ознакомиться с перспективными планами «Центрполиграфа».

В книжном клубе можно высказать свои замечания по уже вышедшим книгам и предложения по издательской политике.

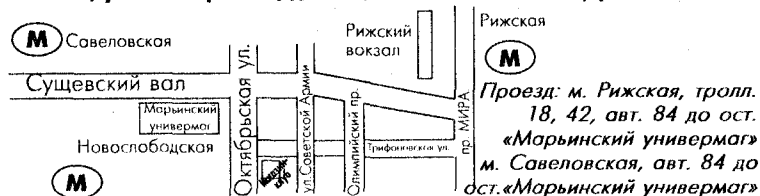
Клуб — это место, где Вас ждет удивительный праздник — праздник книги.

КЛУБ — ЭТО КНИГИ ИЗ РУК ИЗДАТЕЛЬСТВА, А ЗНАЧИТ, НИЗКИЕ ЦЕНЫ.

Звоните и приезжайте!

Вас ждут по адресу:

Москва, ул. Октябрьская, дом 18; тел. 284-49-89, тел./факс 284-49-68

ДЕЙМОН НАЙТ

СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ

Едва ли мог представить себе автор феноменального научного открытия Дэйв Овинг, что его изобретение повлечет за собой грандиозные социальные потрясения. Как бы то ни было, но к середине XXI века на территории бывших США установился типично рабовладельческий строй, парадоксально сочетающийся с передовой технологией и расцветом научных знаний. Юный отпрыск правящего семейства Дик Джонс покидает родной дом, чтобы набраться жизненного опыта и стать настоящим мужчиной. Преисполненный благих намерений и честолюбивых планов, он незаметно для себя становится участником жестокой, а подчас и смертельно опасной игры, в которой добродетель подменяется холодным расчетом, дружба — примитивной выгодой, а пылкая любовь прекрасно уживается с изменой и предательством. Талант прирожденного рассказчика позволил Д. Найту создать потрясающую картину жестоких нравов, которые царят в вывернутом наизнанку обществе, поглощенном кровавой погоней за властью и богатством.

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

СУМЕРКИ
ЛЮДЕЙ

ДЕЙМОН
НАЙТ

ЕВР